ФУКИДИД

ИСТОРИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ΘΟΥΚΥΔΙΔΟΥ

ΞΥΓΓΡΑΦΗ

ФУКИДИД

ИСТОРИЯ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ

Г. А. СТРАТАНОВСКИЙ, А. А. НЕЙХАРД,
Я. М. БОРОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД 1981

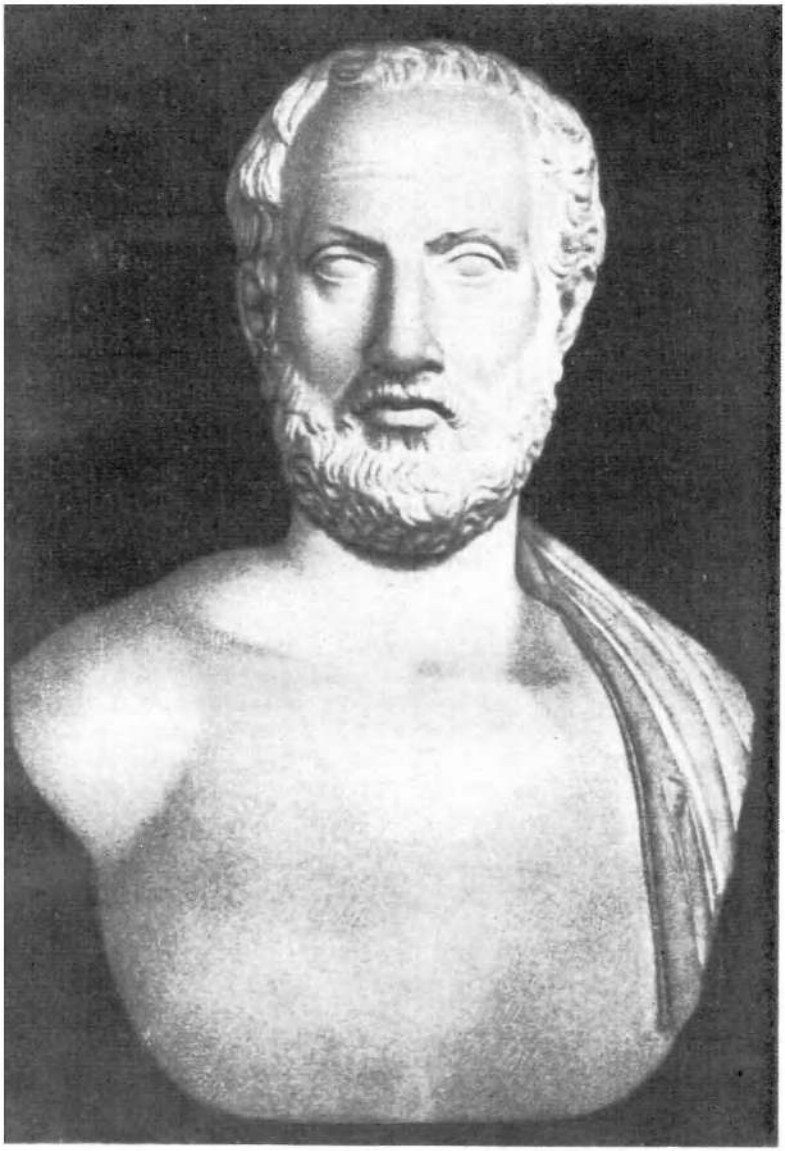
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

М. П. Алексеев, И. И. Балашов, Г. П. Бердников, Д. Д. Благой, И. С. Брагинский, А. С. Бушмин, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров (заместитель председателя), *Д. С. Лихачев* (председатель), *А. Д. Михайлов, Д. В. Обнобишин* (ученый секретарь), *Д. А. Ольдерогге, Б. П. Пуришев, А. М. Самсонов* (заместитель председателя), *М. И. Стеблин-Каменский, Г. В. Степанов, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор
Я. М. БОРОВСКИЙ

Ф 70304-557 / 042 (02)-81 Без объявления. 4703000000.

© Издательство «Наука», 1981 г.



ФУКИДИД

Бюст в частном собрании (Англия).

КНИГА ПЕРВАЯ

1. Фукидид афинянин[1] описал войну пелопоннесцев с афинянами, как они воевали между собой. Приступил же он к своему труду тотчас после начала военных действий, предвидя, что война эта будет важной и наиболее достопримечательной из всех бывших дотоле. А рассудил он так, потому что обе стороны взялись за оружие, будучи в расцвете сил и в полной боевой готовности; и кроме того, он видел, что и остальные эллинские города[2] либо уже примкнули к одной из сторон сразу после начала войны, либо намеревались сделать это при первой возможности. (2) И в самом деле война эта стала величайшим потрясением для эллинов и части варваров, и, можно сказать, для большей части человечества. (3) И хотя то, что предшествовало войне, а тем более, что происходило еще раньше,[3] установить точно не было возможности в силу отдаленности от нашего времени, но все же на основании проверенных и оказавшихся убедительными свидетельств[4] я пришел к выводу, что все эти исторические события далекого прошлого не представляли ничего значительного как в военном отношении, так и в остальном.

2. Очевидно, что страна, называемая ныне Элладой,[1] лишь с недавнего времени приобрела оседлое население; в древности же там происходили передвижения племен, и каждое племя покидало свою землю всякий раз под давлением более многочисленных пришельцев. (2) Действительно, существующей теперь торговли тогда еще не было, да и всякого межплеменного общения на море и на суше. И земли свои возделывали настолько лишь, чтобы прокормиться. Они не имели лишних достатков[2] и не делали древесных насаждений (ведь нельзя было предвидеть, не нападет ли враг и не отнимет ли все добро, тем более что поселения не были укреплены). Полагая, что они смогут добыть себе пропитание повсюду, люди с легкостью покидали насиженные места. Поэтому-то у них не было больших городов и значительного благосостояния. (3) Чаще всего такие передвижения населения происходили в наиболее плодородных частях страны, именно в так называемой ныне

Фессалии и Беотии,[3] а также в большей части Пелопоннеса (кроме Аркадии) и в остальных плодородных областях. (4) Ведь как раз там, где плодородие почвы приводило к некоторому благосостоянию, начинались гражданские раздоры, отчего эти поселения теряли способность обороняться и вместе с тем чаще привлекали к себе алчность чужеземцев. (5) В Аттике же при скудости ее почвы очень долго не было гражданских междоусобиц,[4] и в этой стране всегда жило одно и то же население. (6) И вот одно из важнейших проявлений того, что в других областях Эллады из-за переселений число жителей возрастало неодинаково по сравнению с Аттикой: самые могущественные изгнанники из всей Эллады стекались в Афины, где они чувствовали себя в безопасности. Получая права гражданства, эти пришельцы настолько увеличили уже с древних времен население города, что афиняне впоследствии высылали поселения даже в Ионию, поскольку сама Аттика была недостаточно обширна, чтобы вместить такое множество народа.

3. На скудость материальных средств в древности особенно ясно указывает еще и следующее. Действительно, до Троянской войны Эллада, по-видимому, не совершила сообща ничего значительного. (2) Как я полагаю, вся страна тогда еще и не носила этого имени,[1] а до Эллина, сына Девкалиона, его и вовсе даже не существовало, но отдельные народности (как пеласги, так и другие)[2] давали ей свое имя. После же того, как Эллин с сыновьями захватил власть во Фтиотиде, а другие города начали призывать их на помощь, отдельные племена одно за другим уже в силу близкого общения друг с другом мало-помалу стали называться эллинами, но во всеобщее употребление это название вошло лишь недавно. (3) Наилучшее доказательство этому дает Гомер. Ведь Гомер, хотя он жил гораздо позже Троянской войны,[3] нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды — они-то и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именует данайцами, аргивянами или ахейцами; не употребляет он и слова «варвары», — очевидно, оттого, что эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем. (4) Как бы то ни было, отдельные племена, принявшие имя эллинов и говорившие на общепонятном для всех языке, до Троянской войны вследствие слабости и отсутствия взаимных связей ничего не совершили сообща. Да и в этом походе они смогли выступить совместно лишь после того, как приобрели больше опыта в мореходном деле.

4. Как нам известно из предания, Минос[1] первым из властителей построил флот и приобрел господство над большей частью нынешнего Эллинского моря. Он стал владыкой Кикладских островов и первым основателем колоний на большинстве из них и, изгнав карийцев,[2] поставил там правителями своих сыновей. Он же начал и истреблять морских разбойников, чтобы увеличить свои доходы, насколько это было в его силах.

5. Ведь уже с древнего времени, когда морская торговля стала более оживленной, и эллины, и варвары на побережье и на островах обрати-

лись к морскому разбою. Возглавляли такие предприятия не лишенные средств люди, искавшие и собственной выгоды, и пропитания неимущих. Они нападали на не защищенные стенами селения и грабили их, добывая этим бо́льшую часть средств к жизни, причем такое занятие вовсе не считалось тогда постыдным, но напротив, даже славным делом. (2) На это указывают обычаи некоторых материковых жителей (у них еще и поныне ловкость в таком занятии слывет почетной), а также древние поэты, у которых приезжим мореходам повсюду задают один и тот же вопрос [1] — не разбойники ли они, — так как и те, кого спрашивают, не должны считать позорным это занятие, и у тех, кто спрашивает, оно не вызывает порицания. (3) Они грабили друг друга также и на суше. И поныне во многих областях Эллады живут люди, у которых существует еще этот старинный образ жизни, как например у озольских локров, в Этолии, Акарнании и других областях материка. Обычай носить оружие сохранился в домашнем обиходе этих материковых жителей со времен древнего занятия разбоем.

6. В те времена вся Эллада носила оружие, ибо селения были неукреплены, да и пути сообщения небезопасны, и поэтому жители даже и дома не расставались с оружием подобно варварам. (2) Те области Эллады, где такой быт еще сохранился, служат явным доказательством тому, что подобный жизненный уклад некогда существовал и во всей Элладе. (3) Афиняне прежде всех перестали носить оружие в мирное время и в условиях спокойствия перешли к более пышному образу жизни. Только недавно пожилые люди из состоятельной среды оставили такое проявление изнеженности, как ношение льняных хитонов и сложной прически,[1] закалываемой золотыми булавками в форме цикад. Поэтому и у ионян, связанных с афинянами племенным родством, эта манера одеваться также еще долго сохранялась.[2] (4) Лакедемоняне первыми стали носить простую одежду нынешнего времени, и у них люди более состоятельные вели большей частью образ жизни одинаковый с простым народом. (5) Они впервые также ввели в обычай открыто обнажаться и натирать тело маслом, делая телесные упражнения. В древности даже на Олимпийских состязаниях [3] борцы выступали в набедренных повязках и этот обычай носить пояса был оставлен лишь несколько лет назад. У некоторых варваров, особенно у азиатских, и теперь еще на состязаниях в кулачном бое и борьбе участники также выступают в поясах. (6) Можно указать много и других обычаев древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров.

7. Города, основанные в последнее время,[1] когда мореплавание сделалось более безопасным, а денежные средства возросли, строились на самом побережье, укреплялись стенами и занимали предпочтительно перешейки (ради торговых удобств и для защиты от враждебных соседей). Древние же города [2] как на островах, так и на материке, напротив, строились в некотором отдалении от моря для защиты от постоянных грабежей (ведь грабили не только друг друга, но и все прочее прибрежное население), поэтому они еще до сих пор находятся в глубине страны.

8. Но разбойниками были островитяне — карийцы и финикияне,[1] поселения которых находились на большинстве островов. Вот доказательство этого. Когда афиняне в эту войну произвели очищение[2] Делоса и все гробницы были увезены с острова, то свыше половины покойников оказалось карийцами: их опознали по оружию, погребенному вместе с ними, и по способу захоронения, существующему у них и поныне. (2) После установления морского господства Миноса мореходство стало более оживленным, ибо Минос, изгнав разбойников,[3] заселил бо́льшую часть находившихся под их властью островов. (3) И некоторые приморские жители, которые теперь стали зажиточнее и сидели более прочно на земле (как это и естественно у людей, которые стали жить богаче), окружили свои города стенами. Стремление к экономической выгоде побуждало более слабые города терпеть политическую зависимость от более сильных, а могущественные, пользуясь своим богатством, подчиняли себе малые. (4) Хотя эллинские города уже давно пребывали в таком состоянии, но в поход под Трою они выступили лишь спустя много времени.

9. Агамемнон,[1] полагаю я, вовсе не потому стал во главе похода, что женихи Елены, которых он вел с собой, были связаны клятвой, данной Тиндарею, а оттого, что он был могущественнее всех своих современников. (2) По рассказам людей, получивших от предков самые достоверные предания об исторических событиях в Пелопоннесе, Пелопс[2] первым добыл себе власть ценою больших сокровищ, с которыми он прибыл из Азии к людям бедным. Он добился того (хотя и был пришельцем), что страну назвали его именем, и потомки его впоследствии достигли еще большего могущества. Еврисфей[3] был убит в Аттике Гераклидами,[4] после того как доверил Микены и царскую власть Атрею, брату своей матери (бежавшему раньше от своего отца вследствие убийства Хрисиппа). Когда Еврисфей не вернулся из похода, Атрей получил царскую власть над микенцами, которые из страха перед Гераклидами добровольно согласились на это, ибо Атрей, будучи человеком могущественным, расположил к себе и микенский народ, и всех других подвластных Еврисфею. Так-то Пелопиды[5] стали могущественнее потомков Персея.[6] (3) Все это могущество Агамемнон, очевидно, унаследовал и, кроме того, превосходил остальных своим флотом и потому, выступая в поход, он повел за собой войско не столько из-за приязни к нему других вождей, а скорее оттого, что внушал им страх. Он и сам прибыл со множеством кораблей, да еще, по словам Гомера (если только его можно считать достоверным свидетелем),[7] предоставил корабли и аркадцам. (4) И в рассказе о вручении по наследству скипетра Гомер говорит, что Агамемнон властвовал

над тьмой островов и над Аргосом, царством пространным.[8]

Конечно, живя на материке, Агамемнон не мог бы владеть островами, кроме близлежащих (а их не могло быть много), если бы он не обладал значительным флотом. Итак, Троянский поход позволяет судить о том, каково было общее состояние Эллады к тому времени.

10. Впрочем, будь Микены даже совсем небольшими (равно как любой, существовавший тогда город, теперь, на наш взгляд, является незначительным),[1] это еще не представляет убедительный довод для того, чтобы считать Троянский поход не столь уж великим, каким его изображают поэты и как гласит молва. (2) Если предположить, что город лакедемонян был бы разрушен и в нем уцелели бы лишь святилища и фундаменты общественных зданий, то, как я думаю, через много лет у потомков могло бы возникнуть сильное сомнение, соответствовало ли могущество лакедемонян их славе. А между тем ныне лакедемоняне — владыки двух пятых частей Пелопоннеса[2] и стоят во главе всего полуострова[3] да еще и множества союзников в остальной Элладе. Но так как Спарта не объединена в единое целое путем синойкизма и не имеет роскошных храмов и общественных зданий, а состоит, подобно древним городам Эллады, из отдельных деревень, то ее мощь показалась бы менее значительной, чем на самом деле. Напротив, если бы афинян постигла та же участь, то по внешнему виду могущество их города сочли бы, пожалуй, вдвое бо́льшим в сравнении с действительностью. (3) Поэтому и в данном случае не следует относиться к преданию с недоверием и обращать внимание более на внешний вид городов,[4] чем на их действительное значение. Троянский же поход следует признать самым важным из всех происходивших ранее, но уступающим теперешним походам, если опять-таки верить поэмам Гомера, хотя Гомер как поэт, вероятно, приукрасил и преувеличил это событие, но все же поход представляется довольно незначительным. (4) Действительно, поэт называет 1200 кораблей; на кораблях беотийцев, он говорит, было по 120 человек матросов, а на кораблях Филоктета — по 50.[5] Поэт, видимо, выбирает самые большие и самые маленькие корабли. О величине других, во всяком случае в «Списке кораблей»,[6] Гомер не упоминает. На то, что все люди на кораблях были и воинами и гребцами, поэт ясно указывает при описании кораблей Филоктета. Действительно, всех гребцов он называет лучниками. Невероятно также, чтобы на кораблях были, кроме гребцов, какие-либо лишние люди, исключая царей и знатнейших вождей, тем более что воинам приходилось переплывать море с военным снаряжением. К тому же у кораблей не было верхней палубы, и строились они по стародавнему обычаю скорее на манер разбойничьих судов. (5) Во всяком случае (если взять среднее число людей на самых больших и самых малых кораблях), очевидно, в поход отправилось не так уж много ахейцев, особенно если иметь в виду, что они были посланы совместно всей Элладой.

11. Причиной этого был не столько недостаток в людях, сколько скудость денежных средств. Ведь из-за трудности снабжения ахейцы выступили в поход с меньшими силами, именно с такими, какие они надеялись прокормить войной из местных средств. Когда же по прибытии ахейцы одержали победу в сражении[1] (это ясно: ведь иначе они не смогли бы построить стену около стана), то даже и тогда они, очевидно, не использовали для войны все свое войско, но трудности добывать пищу

заставили их заняться обработкой земли на Херсонесе[2] и грабежом.[2] По этой именно причине, вследствие раздробленности боевых сил ахейцев, троянцы легко оказывали им сопротивление в открытом поле в течение десяти лет и всегда были в состоянии померяться силами с остающимся на месте врагом. (2) Напротив, если бы ахейцы прибыли с большим запасом продовольствия и вместо обработки земли и грабежа вели бы войну упорно и всеми силами, то легко взяли бы Трою; даже действуя не все вместе, а каждый раз лишь частью сил, имеющихся в наличии, они успешно сопротивлялись; начав осаду, они взяли бы Трою гораздо скорее и без больших усилий. (3) Так что не только прежние походы были по скудости средств незначительными, но и этот, знаменитейший из всех них, — Троянский, на деле представляется не столь замечательным, как это теперь утверждает предание, сохраненное поэтами.

12. Даже и после Троянской войны в Элладе еще происходили передвижения племен и основывались новые поселения, так что страна не могла развиваться спокойно. (2) Ведь запоздалое возвращение эллинов из-под Илиона вызвало в городах много перемен и междоусобных распрей, вследствие чего изгнанники основывали новые города.[1] Так, предки теперешних беотийцев, на шестидесятом году после взятия Илиона[2] вытесненные фессалийцами[3] из Арны, поселились в современной Беотии, прежде называвшейся Кадмейской землей[4] (часть их, конечно, уже раньше жила в этой стране, и к ним принадлежали беотийцы, отправившиеся под Илион), а на восьмидесятом году после падения Трои дорийцы вместе с Гераклидами захватили Пелопоннес.[5] (3) Лишь постепенно на протяжении долгого времени установилось прочное спокойствие, так как насильственные переселения прекратились и эллины стали высылать колонии в заморские страны. Так, афиняне заселили Ионию и множество островов,[6] Италию[7] же и Сицилию — большей частью пелопоннесцы, так же как и некоторые области в остальной Элладе.[8] Все эти поселения были основаны уже после Троянской войны.

13. Между тем Эллада становилась могущественнее и все более богатела; большинство городов, доходы которых также росли, подпало под власть тиранов,[1] тогда как прежде у них была наследственная царская власть[2] с определенными почетными правами и преимуществами. Эллины начали строить корабли и обратились к мореходству. (2) По преданию, коринфяне первыми приступили к строительству кораблей способом, уже весьма похожим на современный, и в Коринфе были построены первые в Элладе триеры.[3] (3) Коринфский кораблестроитель Аминокл, который прибыл к самосцам приблизительно лет за триста до окончания этой войны, построил и им четыре корабля. (4) Древнейшая морская битва, как нам известно, произошла у коринфян с керкирянами[4] (а от этой битвы до того же времени[5] прошло около двухсот шестидесяти лет). (5) Коринфяне ведь уже с давних пор жили в городе на Истме и владели там торговым портом.[6] Так как в древности у эллинов (живших как в самом Пелопоннесе, так и за его пределами) тор-

говля шла через город коринфян больше по суше, чем по морю, то Коринф весьма разбогател, как об этом сообщают древние поэты: это они прозвали Коринф богатым.[7] С оживлением судоходства и торговли коринфяне на своих кораблях взялись за уничтожение морского разбоя. После того как был устроен торговый порт, город коринфян стал еще богаче от притока доходов с суши и с моря. (6) У ионян[8] же флот появился гораздо позднее, уже при Кире, первом персидском царе, и его сыне Камбисе. С этим флотом ионяне во время войны с Киром некоторое время удерживали господство на море, у своих берегов. И Поликрат,[9] тиран Самоса, при Камбисе также владел сильным флотом. Он подчинил себе, кроме других островов, также и Рению, которую посвятил Аполлону Делоскому. Наконец, и фокейцы, основавшие Массалию,[10] побеждали карфагенян в морских битвах.[11]

14. Таковы были наиболее могущественные морские державы. По-видимому, у них (хотя тогда уже сменилось много поколений после Троянской войны) было мало триер, но они снаряжали еще пентеконторы и длинные военные корабли,[1] подобные кораблям троянских времен. (2) Лишь незадолго до мидийских войн и кончины Дария (который стал царем персов после Камбиса) у сицилийских тиранов и у керкирян появилось уже много триер. Ведь это были самые значительные морские державы эллинов в последнее время перед походом Ксеркса. (3) Действительно, у эгинцев и афинян (и, возможно, у некоторых других городов) тогда были лишь небольшие корабли, в большинстве — пентеконторы. Только позднее, во время войны с эгинцами, когда уже ожидали нападения Варвара, Фемистокл убедил афинян[2] построить знаменитый флот, с которым они и дали бой варварам. Впрочем, и эти корабли еще не имели сплошной палубы.[3]

15. Столь незначительны были морские силы эллинов как в древнее время, так и впоследствии. Все же те города,[1] которые ревностно занялись мореходством, достигли большого могущества, добывая себе богатства и распространяя свое господство на другие города. Так, на своих кораблях они нападали на острова[2] и подчиняли их себе, особенно те, у кого своей земли было недостаточно. (2) Но на суше никогда не доходило до такой войны, которая привела бы к возникновению крупной военной силы. Ведь все войны, какие случались, велись только между соседями, и дальних завоевательных походов за пределы своей земли эллины не совершали. У могущественных городов тогда еще не было зависимых союзников, а более слабые города не желали добровольно участвовать в общих походах, и каждый воевал с соседями на свой страх и риск. (3) Только однажды, уже в древнее время, в войне халкидян с эретрийцами[3] остальные эллинские государства примкнули к той или другой из воюющих сторон.

16. Между тем у разных городов возникли различные препятствия для их дальнейшего роста. С усилением могущества ионян[1] на них во главе персидской державы пошел войной Кир. Сокрушив царство Креза, он завоевал все земли по сю сторону реки Галиса до моря и лишил

свободы города на материке. Впоследствии Дарий с помощью финикийского флота покорил также и острова.[2]

17. Все тираны, сколько их ни было в эллинских городах, управляли только в своих личных интересах: их политика сводилась, в сущности, к заботам о собственной особе, своем доме и к укреплению его положения, они не совершили ничего значительного,[1] и каждый только воевал со своими соседями. Только в Сицилии тираны достигли большого могущества.[2] (2) Так-то развитию Эллады долгое время мешали различные препятствия. Поэтому она не могла сообща совершить ничего великого, а отдельные города были слишком мало предприимчивы.

18. Афинские тираны, да и большинство их в остальной Элладе (которая уже ранее долго находилась под властью тиранов), были в конце концов, за исключением сицилийских тиранов, изгнаны лакедемонянами.[1] Лакедемон после его заселения дорийцами, и поныне там живущими, больше всех городов, насколько нам известно, страдал от междоусобных распрей.[2] Однако уже издревле город управлялся хорошими законами[3] и никогда не был под властью тиранов. Около 400 лет или несколько больше минуло до конца этой войны, с тех пор как у лакедемонян установилось одно и то же государственное устройство. Достигнув по этой причине могущества,[4] они и в других городах устанавливали такой же порядок. Через несколько лет после изгнания тиранов из Эллады произошла битва мидян с афинянами при Марафоне. (2) А на десятый год[5] после нее Варвар снова пошел великим походом, чтобы поработить Элладу. Ввиду грозной опасности, нависшей над Элладой, лакедемоняне, как самые могущественные, стали во главе союзного войска эллинов, а афиняне при вторжении мидян решили покинуть свой город. Со всем своим добром они сели на корабли и стали мореходами. После изгнания общими силами Варвара, немного спустя все отпавшие от царя эллины и их союзники присоединились частью к афинянам, частью же к лакедемонянам. Действительно, оба эти города были тогда самыми могущественными, один на суше, другой — на море. (3) Этот военный союз, правда, сохранялся недолго. Лакедемоняне и афиняне, разделенные враждой, стали вместе с союзниками воевать друг с другом и всякий раз, когда где-нибудь возникала вражда между остальными эллинскими городами, они присоединялись либо к Афинам, либо к Лакедемону. Поэтому со времен мидийских войн вплоть до этой войны они то заключали мирные договоры, то воевали друг с другом или с союзниками[6] (если те отпадали от них), и совершенствовали военное дело, и приобретали все больше опыта, изощряясь в опасностях.

19. Стоя во главе союзников, лакедемоняне не заставляли их платить подати, но заботились лишь о том, чтобы у тех была всегда выгодная для лакедемонян олигархическая форма правления.[1] Афиняне же со временем заставили союзников (кроме хиосцев и лесбосцев) выдать корабли и наложили на всех денежную подать. Поэтому-то их боевая мощь перед этой войной возросла даже больше, нежели в ту пору, когда союз еще находился в расцвете.

20. Итак, вот к чему я пришел, исследуя древнее состояние Эллады, хотя и трудно было доверять полностью любому свидетельству. Ведь люди склонны принимать[1] на веру от живших раньше без проверки сказания о прошлом, даже если они касаются их родины. (2) Так, большинство афинян, например, считают, что Гармодий и Аристогитон убили Гиппарха (который был тираном), и не знают, что правил Гиппий, так как он был старшим из сыновей Писистрата, Гиппарх же и Фессал были его братьями.[2] Но Гармодий и Аристогитон именно в тот день непосредственно перед деянием заподозрили, что соучастники их донесли о замысле Гиппию, и отказались от убийства, предполагая, что Гиппий был заранее предупрежден. Но так как они хотели, прежде чем их схватят, сперва совершить нечто достопамятное, то убили Гиппарха, встретив его у так называемого Леокория,[3] где он распоряжался панафинейским шествием.[4] (3) Да и прочие эллины о многих других установлениях и обычаях, существующих еще и поныне, память о которых не изглажена временем, также имеют неправильные представления. Так, например, думают, что лакедемонские цари при голосовании имеют не один, а два голоса каждый и что у лакедемонян был питанатский отряд,[5] которого вообще никогда не существовало. Ибо большинство людей не затрудняет себя разысканием истины и склонно усваивать готовые взгляды.

21. Как ни затруднительны исторические изыскания, но все же недалек от истины будет тот, кто признает ход событий древности приблизительно таким, как я его изобразил, и предпочтет не верить поэтам, которые преувеличивают и приукрашивают воспеваемые ими события, или историям, которые сочиняют логографы[1] (более изящно, чем правдиво), историям, в большинстве ставшим баснословными и за давностью не поддающимся проверке. На основании приведенных выше очевидных доказательств он сможет убедиться, что результаты исследования столь древних событий достаточно надежны. (2) Нынешняя же война (хотя люди обычно, только пока воюют, придают текущей войне самое важное значение, а по ее окончании склонны удивляться больше войнам прежнего времени) докажет людям, которые судят по самим фактам, что она была событием более важным, чем прежние войны.

22. Что до речей (как произнесенных перед войной, так и во время ее), то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно — ни тех, которые мне пришлось самому слышать, ни тех, о которых мне передавали другие. Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать самого подходящего по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории. (2) Что же касается событий этой войны, то я поставил себе задачу описывать их, получая сведения не путем расспросов первого встречного[1] и не по личному усмотрению,[2] но изображать, с одной стороны, лишь те события, при которых мне самому довелось присутствовать, а с другой — разбирать сообщения других со всей возможной точностью. (3) Основательная проверка сведений была делом нелегким, потому что

свидетели отдельных событий давали разное освещение одним и тем же фактам в зависимости от их расположения к одной из воюющих сторон или силы памяти. (4) Мое исследование при отсутствии в нем всего баснословного, быть может, покажется малопривлекательным. Но если кто захочет исследовать достоверность прошлых и возможность будущих событий (могущих когда-нибудь повториться по свойству человеческой природы в том же или сходном виде), то для меня будет достаточно, если он сочтет мои изыскания полезными. Мой труд создан как достояние навеки, а не для минутного успеха у слушателей.

23. Из прежних событий, до Пелопоннесской войны, самым важным была мидийская война,[1] однако и она быстро решилась двумя битвами на море и двумя на суше.[2] Напротив, нынешняя война длилась очень долго, и в ходе ее сама Эллада испытала такие бедствия, каких никогда не знала ранее за такое же время. (2) Никогда не было захвачено и разрушено столько городов — будь то варварами или воюющими сторонами (иным после завоевания пришлось даже испытать еще и смену населения); никогда еще не было столько изгнаний и кровопролития (как в ходе военных действий, так и вследствие внутренних распрей). (3) То, что раньше было известно только по преданию, а в действительности не всегда подтверждалось, теперь оказывалось обычным делом: страшные землетрясения одновременно распространились на бóльшую часть страны, затмения солнца[3] стали происходить чаще, затем возникла засуха (в некоторых областях даже голод),[4] и, наконец, разразилась ужасная моровая болезнь, погубившая значительную часть населения Афин. И все эти бедствия обрушились на Элладу вместе с нынешней войной. (4) Начали же войну афиняне и пелопоннесцы, нарушив 30-летний мир,[5] который заключили после завоевания Евбеи. (5) Прежде всего скажу о причинах разрыва мирного договора и взаимных жалоб сторон, чтобы никому не пришлось доискиваться, отчего разразилась в Элладе столь великая война. (6) Истинным поводом к войне[6] (хотя и самым скрытым), по моему убеждению, был страх лакедемонян перед растущим могуществом Афин, что и вынудило их воевать. Причины же,[7] на которые обе стороны открыто ссылались (из-за чего они, по их словам, нарушили мир, открыв военные действия), были следующие.

24. Есть по правую руку при входе в Ионический залив город Эпидамн.[1] В соседней области живут тавлантии — варвары иллирийского племени.[2] (2) Город основали керкиряне, основателем же колонии был Фалий, сын Эратоклида, из рода Гераклидов,[3] коринфянин, которого по старинному обычаю призвали из метрополии. В основании колонии приняли участие также некоторые коринфяне и другие дорийцы. (3) С течением времени Эпидамн стал большим городом с многочисленным населением. (4) Однако после многих лет междоусобных распрей город, гласит предание, понес тяжкий урон в какой-то войне с соседями-варварами и поэтому в значительной степени потерял свое былое могущество. (5) Незадолго до этой войны народ изгнал из города главарей знатных родов, а те в союзе с варварами принялись грабить жителей города на

суше и на море. (6) Будучи в таком бедственном положении, горожане отправляют посольство в Керкиру, как в свою метрополию, с просьбой не покидать их на произвол судьбы, но примирить с изгнанниками и прекратить войну с варварами. (7) Об этом послы и просили, воссев как молящие о защите в святилище Геры[4] в Керкире. Керкиряне же не вняли просьбе послов, и те были вынуждены уехать, ничего не добившись.

25. Поняв, что им нечего ждать помощи от Керкиры, и не находя выхода из настоящего затруднения, эпидамняне отправили послов в Дельфы вопросить бога, не следует ли им отдать свой город под покровительство Коринфа, как их второй метрополии, и постараться получить оттуда помощь. Бог в ответ повелел отдать город под покровительство коринфян и признать их верховенство. (2) Тогда эпидамняне прибыли в Коринф и по велению оракула отдали свою колонию под покровительство коринфян, ссылаясь на то, что основатель их города происходил из Коринфа. Затем они сообщили изречение оракула и просили не оставить их в беде и оказать помощь. (3) Коринфяне по всей справедливости предоставили свою помощь эпидамнянам.[1] Они полагали, что Эпидамн одинаково можно считать как их колонией, так и колонией керкирян; вместе с тем они обещали помощь и из ненависти к керкирянам, потому что те, будучи их колонистами, пренебрегали ими. (4) И действительно, керкиряне на всенародных празднествах не предоставляли коринфянам установленных обычаем почестей и не давали ни одному коринфянину (как это было принято в прочих колониях) права первенства при жертвоприношениях.[2] И вообще выказывали коринфянам свое пренебрежение, так как в то время Керкира по богатству стояла наравне с богатейшими эллинскими городами, да и к войне была подготовлена лучше[3] других. Керкиряне гордились своим весьма сильным флотом и тем, что когда-то прежде на Керкире обитали славные мореходы феаки[4] (по этой-то причине керкиряне придавали особое значение флоту и действительно были достаточно могущественны: в начале войны у них было 120 триер).

26. Итак, имея все основания упрекать керкирян, коринфяне охотно направили в Эпидамн просимую помощь: они предоставили право всем желающим отправиться туда колонистами и послали гарнизон из амбракиотов, левкадян и собственных граждан. (2) Выступили они по суше в Аполлонию[1] (одну из колоний коринфян) из опасения, как бы керкиряне не помешали им переправиться морем. (3) Весть о прибытии в Эпидамн поселенцев и гарнизона, а также о том, что колония отдалась под покровительство коринфян, вызвала на Керкире сильное раздражение. Керкиряне тотчас же отправили в Эпидамн[2] 25 кораблей и вскоре затем вторую эскадру и, угрожая, потребовали вернуть изгнанников и отослать назад коринфский гарнизон и поселенцев (на Керкиру между тем прибыли изгнанники-аристократы из Эпидамна: ссылаясь на могилы предков и на родственные связи, они молили керкирян вернуть их на родину). (4) Однако эпидамняне все-таки не подчинились; тогда керкиряне в союзе с иллирийцами выступили на 40 кораблях в поход на

Эпидамн, везя с собой изгнанников, чтобы вернуть их силой. (5) Расположившись станом перед городом, керкиряне объявили через глашатая: «Всякий эпидамнянин или чужеземец может по желанию беспрепятственно покинуть город; в противном случае с ними поступят как с врагами». После того как эпидамняне не подчинились приказу, керкиряне начали осаду города, расположенного на перешейке.

27. Лишь только коринфяне от прибывших к ним вестников из Эпидамна узнали об осаде, они стали готовиться к походу,[1] вместе с тем они пригласили всех желающих на основе справедливости и равноправия участвовать в основании колонии в Эпидамне. Если же кто из желающих отправиться еще не готов к отъезду, то может остаться, внеся в казну 50 коринфских драхм.[2] Нашлось много как пожелавших ехать, так и внесших деньги. (2) Затем коринфяне обратились к мегарцам с просьбой послать корабли для сопровождения на случай возможных помех со стороны керкирян. Мегарцы снарядили 8 кораблей, чтобы плыть вместе с коринфянами, жители Палы из Кефаллении — 4. (3) Эпидавр, к которому они также обратились с просьбой, прислал 5 кораблей, гермионяне — 1, Трезен — 2, Левкада — 10, Амбракия — 9; у Фив же и Флиунта коринфяне просили денег, а у Элеи — кораблей без экипажей[3] и денег. Сам Коринф снарядил 30 кораблей с тремя тысячами гоплитов.

28. Когда керкиряне узнали об этих приготовлениях, то прибыли в Коринф вместе с посланцами[1] лакедемонян и сикионян (которых они взяли с собой) и потребовали от коринфян отозвать гарнизон и колонистов из Эпидамна, ибо у них нет права на Эпидамн. (2) Если же коринфяне выставляют какие-либо притязания на этот город, то они, керкиряне, желали бы передать спор на суд тех городов в Пелопоннесе, с которыми обе стороны договорятся, и какой из сторон колония будет присуждена, та и должна владеть ею. Они согласны также предоставить решение дела дельфийскому оракулу. (3) Войну они не хотят начинать. Если же коринфяне прибегнут к силе, заявили керкиряне, то они также будут вынуждены искать себе иных друзей, хотя бы и нежелательных, вместо тех, что у них есть теперь. (4) Коринфяне же отвечали им: если керкиряне уведут свои корабли и варваров[2] от Эпидамна, тогда они и будут обсуждать этот спор с ними. Но пока Эпидамн в осаде, им, коринфянам, не пристало здесь заводить тяжбы с керкирянами. (5) Керкиряне возражали на это: если коринфяне уведут свои военные силы из Эпидамна, то они готовы сделать то же. Они согласны также на то, чтобы, оставаясь на прежних местах, заключить перемирие до решения дела в третейском суде.

29. Однако коринфяне не желали и слышать о подобных предложениях. Лишь только команда была посажена на корабли и союзники прибыли, они выслали вперед глашатая объявить войну керкирянам. Затем, подняв якоря, они на 75 кораблях с 2000 гоплитов[1] отплыли к Эпидамну, чтобы оружием решить спор с керкирянами. (2) Командовали коринфской эскадрой Аристей, сын Пеллиха, Каллликрат, сын Каллия, и

Тиманор, сын Тиманфа, а во главе сухопутных войск стояли Архетим, сын Евритима, и Исархид, сын Исарха. (3) Когда коринфская эскадра подошла к Актию[2] в Анакторийской области, у входа в Амбракийский залив, где находится известное святилище Аполлона, керкиряне выслали навстречу глашатая в лодке с приказанием остановиться. Одновременно керкиряне начали сажать команду на свои корабли, отремонтировали старые суда, сделав их годными для плавания, и оснастили остальные. (4) Когда глашатай передал, что их мирные предложения отвергнуты, керкиряне посадили команду на свои корабли (числом 80, потому что 40 кораблей осаждали Эпидамн) и в боевом порядке повернули на врага и вступили в сражение. Они одержали решительную победу, уничтожив 15 коринфских кораблей. (5) В тот же самый день, по совпадению, керкирянам, осаждавшим Эпидамн, удалось принудить город к сдаче под условием, что чужеземцы[3] будут проданы в рабство, а коринфяне в оковах будут ждать окончательного решения своей участи.

30. После этой морской битвы керкиряне воздвигли трофей на мысе Левкимме[1] (что на Керкире), а потом казнили всех остальных пленников,[2] попавших им в руки, кроме коринфян; коринфян же заключили в оковы. (2) Позднее, после того как коринфяне и их союзники на кораблях возвратились на родину, керкиряне захватили господство над всеми водами в окрестных областях. Затем они отплыли к коринфской колонии Левкаде, разорили ее и предали огню Киллену,[3] торговую гавань элейцев, за то, что те предоставили коринфянам корабли и денежные средства. (3) Таким образом, еще очень долго после морской битвы керкиряне господствовали на море и наносили морскими набегами урон союзникам коринфян. Ввиду тяжелого положения своих союзников коринфяне в начале следующего лета отправили эскадру и войско для охраны Левкады и прочих дружественных им городов и расположились лагерем у Актия и возле Химерия в Феспротии. (4) Керкиряне также устроили стоянку своих кораблей и сухопутных войск напротив у Левкиммы. Однако ни одна из сторон не решалась напасть, и обе эскадры простояли оставшуюся часть лета друг против друга, а с наступлением зимы возвратились домой.

31. Целый год, равно как и следующий после морской битвы, коринфяне, раздраженные неудачей, усердно готовились к войне с керкирянами. Они строили корабли и набирали за плату матросов из самого Пелопоннеса и из остальной Эллады, всеми силами стремясь подготовиться к морскому походу. (2) Узнав об этих приготовлениях, керкиряне пришли в смятение; ведь они не состояли в союзе ни с одним из эллинских городов и не заключили союзного договора ни с афинянами,[1] ни с лакедемонянами. Поэтому они решили отправиться к афинянам, чтобы вступить с ними в союз и попытаться получить от них помощь. (3) Когда это решение стало известно коринфянам, они также отправили посольство в Афины, опасаясь, что объединение морских сил афинян и керкирян не позволит закончить войну на желательных для коринфян

условиях. (4) На созванном по этому поводу чрезвычайном народном собрании в Афинах обе стороны выступили с речами. Керкиряне сказали следующее.

32. «Справедливо, афиняне, чтобы тот, кто просит помощи у другого, как мы теперь у вас (если он не вправе рассчитывать на вознаграждение за прошлые великие благодеяния или на союзные взаимоотношения), доказал, что удовлетворение его просьбы соответствует интересам тех, к кому он обращается, или, по крайней мере, не противоречит им и что эта помощь будет встречена с неизменной благодарностью. Если же проситель не сумеет в этом убедить, то не должен гневаться, если уйдет ни с чем. (2) Ныне керкиряне послали нас просить о союзе, полагая, что смогут при нашем посредстве представить вам надежные гарантии того, что мы не останемся в долгу перед вами. (3) К сожалению, наша прежняя политика нейтралитета по отношению к вам оказалась одинаково неблагоприятной для вашей готовности помочь нам в опасной для нас при настоящем положении вещей. (4) Прежде мы добровольно никогда еще ни с кем не вступали в союз, а теперь сами пришли просить вас об этом, не имея союзников в предстоящей войне с коринфянами. И таким образом, то, что прежде мы считали благоразумной сдержанностью — именно не вступать в войну по воле других, состоя в союзе с чужим государством, — теперь обернулось безрассудством и стало источником нашей слабости. (5) Правда, в последней морской битве мы одни своими силами разбили коринфян. Однако теперь, когда они собираются напасть на нас с гораздо более мощными силами, получив помощь из Пелопоннеса и из остальной Эллады, мы видим, что уже не можем одолеть врага один на один, а вместе с тем в случае поражения нам грозит опасность оказаться под их господством. Поэтому-то мы вынуждены обратиться за помощью к вам и к любому другому городу. Мы заслуживаем снисхождения, так как не из недоброжелательства, а скорее по ошибочному расчету придерживались ранее нейтралитета, а теперь решились отступить от прежней бездеятельности.

33. Если вы благосклонно примете нашу просьбу, то и для вас этот случай будет выгоден во многих отношениях.[1] Прежде всего потому, что вы предоставите желанную помощь несправедливо обиженным, а не тем, кто причиняет вред другим. Затем потому, что, поддержав нас в тот момент, когда решается наша судьба, вы окажете нам благодеяние, память о котором никогда не изгладится. И, наконец, потому, что мы обладаем сильнейшим после вашего флотом. (2) Учтите, какая это редкая удача для вас и какой тяжелый удар для ваших врагов, когда держава, которую вы охотно привлекли бы на свою сторону даже за большие деньги и суля великую признательность, теперь сама по собственному почину обращается к вам. При этом она отдает себя в ваше распоряжение, не подвергая вас никакому риску и не вовлекая в расходы, приносит вам славу великодушия и, кроме того, благодарность ваших подзащитных и, наконец, усиливает вашу боевую мощь. Лишь немногим

сразу когда-либо выпадала на долю такая удача, как вам, и лишь немногие, прося сейчас о помощи, смогут предоставить в случае нужды такую же защиту и почет, каких в настоящее время ожидают от вас. (3) Что же касается войны (когда наши услуги, пожалуй, вам пригодятся), то жестоко ошибаются те, кто думает, что дело до войны не дойдет. Они не видят, что лакедемоняне стремятся к войне из страха перед вами [2] и что коринфяне — ваши враги, столь влиятельные у них — только и думают сначала справиться с нами, чтобы потом напасть на вас. Коринфяне опасаются только, как бы мы из общей ненависти не встали вместе с вами плечом к плечу против них и как бы им не упустить хотя бы одной из двух возможностей: уничтожить нас или усилиться самим. (4) Итак, наша общая задача — первыми напасть на них; мы предлагаем вам союз, а вы примите его: лучше сейчас предупредить их замыслы, чем противодействовать им потом.

34. Если же коринфяне скажут, что мы — их колонисты, и поэтому вы не в праве принимать нас, то да будет им известно, что всякая колония почитает свою метрополию лишь пока та хорошо обращается с нею, если же встречает несправедливость, то отрекается от метрополии. Ведь колонисты выезжают не для того, чтобы быть рабами оставшихся на родине, а чтобы быть равноправными с ними. (2) Несправедливость же поведения коринфян очевидна: ведь мы предложили спор об Эпидамне перенести в третейский суд. Но они вместо законного судебного разбирательства предпочли силой оружия добиваться своих притязаний. (3) И пусть вам послужит уроком [1] такое обращение с нами, их сородичами, чтобы вы не дали им провести себя хитростью и отказали в том, что они напрямик попросят. Ведь чем кто меньше раскаивается в своих одолжениях врагам, тем безопаснее он проживет.

35. Но вы даже не нарушите договора [1] с лакедемонянами, если примете нас под защиту, так как мы не состоим ни в одном союзе. (2) Ведь договор этот гласит: каждому эллинскому городу, который является нейтральным, разрешается примкнуть к тому или другому союзу. (3) Недопустимо, чтобы коринфянам было позволено набирать корабельную команду не только из числа своих союзников, но и в остальной Элладе и даже в ваших собственных владениях, тогда как нам возбраняется вступать в открытый для всех союз и искать помощи где-либо в другом месте, а вам будет вменено в правонарушение, если вы согласитесь на нашу просьбу. (4) Гораздо больше будет оснований у нас сетовать, если мы не убедим вас. Ведь нас, находящихся в опасности, и вовсе не врагов ваших, вы оттолкнете, тогда как коринфянам (хотя они недруги и нападают на вас) вы не только не станете чинить препятствий, но даже спокойно позволите усилить их боевую мощь в ущерб вашей державе. Это будет несправедливо. Вам следовало бы или запретить набор наемников в пределах вашей державы, или послать и нам помощь (на условиях, какие вам будут угодны); лучше же всего открыто принять нас в союз и помочь своим флотом. (5) Это даст вам, как мы уже говорили, различные выгоды. Прежде всего, у нас с вами общие враги, а это самый

надежный залог прочности союза; притом враги отнюдь не слабые, которые могут причинить своим противникам немало вреда. А так как предлагаемый нами союз — морской, а не сухопутный, то отказ от него для вас особенно нецелесообразен. Ведь вам следует по возможности не допускать, чтобы кто-либо другой, кроме вас, держал флот; если же вы не в состоянии этому помешать, то должны по крайней мере иметь на своей стороне того, у кого флот наиболее сильный.

36. Иной из вас сочтет эти наши предложения и в самом деле выгодными, но все же, хотя и убежденный нашими доводами, побоится нарушить договор. Но он должен понять, что такая боязнь, подкрепленная с нашей стороны силой, скорее устрашит врагов, уверенность же, опирающаяся только на верность договору (если нас не примут в союз), будет проявлением слабости, менее всего страшной могущественным врагам. Теперь дело идет уже не о Керкире, а о самих Афинах: плохую услугу оказывает Афинам тот, кто, тщательно обдумывая настоящее положение, все же не решается, ввиду предстоящей и почти что неизбежной войны,[1] вступить в союз с нашим городом (а ведь дружба или вражда с ним имеет для вас величайшее значение). (2) Действительно, местоположение Керкиры особенно благоприятно для плавания вдоль берегов Италии и Сицилии: оно позволяет закрыть доступ флоту, идущему оттуда на помощь пелопоннесцам, а наши морские силы — отправить в Италию и Сицилию,[2] во многих других отношениях оно представляется также весьма выгодным. (3) Короче говоря, вы должны понять и решить, что вам не следует покидать нас на произвол судьбы. Теперь ведь у эллинов есть только три значительных флота: ваш, наш и коринфский. Если вы допустите объединение двух последних флотов, и если коринфяне нас покорят, то вам придется потом одновременно сражаться на море с керкирянами и пелопоннесцами. Если же вы примете нас в союз, то сможете, усилив свой флот нашими кораблями, успешно вести войну с ними». Так говорили керкиряне, а после них коринфяне сказали следующее.

37. «Так как керкиряне говорили здесь не только о приеме их в ваш союз, но объявили, будто мы обходимся с ними несправедливо и противозаконно ведем войну,[1] то необходимо и нам, прежде чем обратимся к делу, сначала высказаться по этим двум пунктам. Вы узнаете тогда, будучи более надежно подготовлены, в чем наше требование, и поймете, что у вас есть убедительное основание отвергнуть их просьбу. (2) По их утверждению, они никогда ни с кем не заключали союза из мудрой осторожности. Однако не из честных побуждений они поступали так, а по злому умыслу, так как не желали никого иметь союзником в своих неправых поступках или свидетелем, которого им пришлось бы стыдиться. (3) Вместе с тем выгодное островное положение их города позволяет керкирянам в значительно большей степени быть судьями своих собственных злодеяний, так как они не связаны никакими союзными договорами.[2] Сами они очень редко посещают гавани соседей, зато чужеземным кораблям приходится по необходимости весьма часто

из-за непогоды заходить на Керкиру. (4) И при таких обстоятельствах они еще выставляют на вид свой нейтралитет, направленный не к тому, чтобы не быть соучастниками чужих преступлений, а чтобы бесчинствовать самим. Там, где возможно, они открыто прибегают к насилию, а там, где представится удобный случай, они бесстыдно захватывают чужое. (5) Если бы они были действительно столь добропорядочными людьми, как они это утверждают, то чем менее они уязвимы для своих соседей, тем больше могли бы выказать свои достоинства, руководствуясь справедливостью при устранении взаимных претензий.

38. В действительности же они вовсе не относятся добропорядочно ни к другим, ни к нам. Хотя они и наши колонисты, но с давних пор совершенно отделились и теперь даже воюют с нами, да еще утверждают в свое оправдание, что не для того выселились, чтобы терпеть от нас несправедливость и обиды. (2) Мы же говорим: не для того и мы вывели колонию, чтобы керкиряне и их послы нагло оскорбляли нас, а чтобы стоять во главе их и пользоваться подобающим уважением согласно обычаю. (3) По крайней мере все остальные наши колонии оказывают нам этот почет, и колонисты нас очень уважают. (4) Ясно, что если большинству мы пришлись по душе, то это доказывает, что и у керкирян нет оснований для недовольства. И мы не пошли бы войной против нашей собственной колонии, не встретив с ее стороны столь вызывающего пренебрежения. (5) Но пусть даже мы в самом деле виноваты: керкирянам сделало бы честь считаться с нашим недовольством, а нам было бы стыдно применить силу, видя их скромность. (6) В своем высокомерии, кичась богатством, керкиряне решили, что могут наносить нам всяческие обиды, и ныне силой захватили наш Эпидамн, о котором, пока он был в беде, они вовсе не заботились, а теперь держат в своей власти.

39. Далее, керкиряне утверждают, что были готовы заранее подчиниться решению третейского суда. Однако такое предложение имеет большой вес, если исходит не от того, кто сам находится в выгодном положении, а от того, кто, прежде чем взяться за оружие, ставит себя в равное положение с противником и на словах и на деле. (2) Керкиряне же выступили со своим прекрасным предложением третейского суда только после начала осады Эпидамна, когда убедились, что мы не будем глядеть на это сквозь пальцы. Мало им преступлений, совершенных ими одними, так вот теперь они являются сюда, чтобы сделать вас не столько союзниками, как соучастниками своих преступлений и заступниками в споре с нами. (3) Им следовало бы прийти к вам проситься в союз тогда, когда им еще нечего было бояться, а не теперь, когда после ссоры с нами им грозит опасность. Тогда вы ничего не получили от них, а теперь, когда они в беде, вы должны еще помогать им. Хотя вы и не причастны к их преступлениям, но все же перед нами вы будете виновны наравне с керкирянами. Но только в том случае, если бы в свое время они объединились с вами, вам было бы справедливо отвечать сообща за последствия этого шага.

40. Итак, ясно, что мы имеем полное основание жаловаться на керкирян и что они насильники и корыстные люди. Теперь надлежит еще доказать, что вы не имеете права принимать их в союз. (2) Ведь если договор гласит, что каждый город, не включенный в список союзников, может по желанию присоединиться к любому союзу, то этот пункт договора не имеет в виду тех, кто вступает в союз во вред другому, а лишь тех, кто ищет защиты, не уклоняясь от своих обязательств; государству, у которого просят защиты, если оно поступает благоразумно, не должно опасаться, что нарушит этим мир и будет вовлечено в войну. А это именно вас и ждет, если вы не послушаете нас. (3) Ведь вы станете тогда не только их защитниками, но, разорвав договор с нами, сделаетесь нашими врагами. Если вы пойдете с ними, то нам, разумеется, предстоит неизбежно сражаться и с вами и с ними. (4) Впрочем, если вы желаете поступить справедливо, тогда вам скорее всего следует остаться нейтральными или же, наоборот, идти с нами против них. С Коринфом по крайней мере у вас заключен мир, а с Керкирой никогда не было даже на короткое время подобного соглашения. Не вводите в обычай брать под защиту отпавшие чужие города! (5) Ведь мы не голосовали против вас после отпадения Самоса,[1] когда мнения прочих пелопоннесцев разделились — следует ли помогать им или нет, — а напротив, открыто высказались за то, чтобы каждый город мог наказывать своих союзников. (6) Если же вы примете в союз и возьмете под защиту провинившихся перед нами, то, очевидно, немало и ваших союзников перейдет к нам. Подобное вероломство повредит скорее вам самим, нежели нам.

41. Вот наши справедливые притязания к вам, согласные с эллинскими обычаями.[1] Но вместе с тем мы считаем уместным напомнить вам о лежащем на вас долге благодарности; ведь мы — не враги ваши, чтобы причинять вред, но и не столь близкие друзья, чтобы пользоваться услугами безвозмездно. (2) Был случай, когда перед мидийской войной[2] у вас не хватало военных кораблей для войны с Эгиной и вы получили 20 кораблей от коринфян. Эта наша услуга и другая, оказанная позднее, при отпадении Самоса (ведь по нашему побуждению пелопоннесцы тогда не помогли самосцам) позволили вам одолеть Эгину и наказать самосцев. (3) И это произошло при таких обстоятельствах, когда люди в борьбе с врагом обычно безразличны ко всему, кроме стремления к победе над ним. Действительно, всякого помогающего им люди считают другом (будь он раньше даже недругом), и всякого, кто стоит на пути — врагом (хотя бы он раньше и был другом), так как поглощенные интересами момента, готовы пренебречь соображениями родства.

42. Обдумайте это, а кто из вас помоложе, пусть узнает от старших[1] и считает своим долгом отплатить нам равной услугой; и не думайте, что хотя наши доводы и справедливы, но в случае войны другие пути будут выгодны. (2) Ведь неправый путь не всегда приводит к выгоде. Дойдет ли дело до войны, которой вас так страшат керкиряне, желая соблазнить на неправое дело, еще неизвестно. Поэтому остерегайтесь из

страха перед войной навлечь этим нашу явную вражду уже в настоящее время, а не когда-то в будущем. Наконец, гораздо благоразумнее было бы рассеять старое недоверие из-за Мегар.[2] (3) Оказанная под конец, но своевременно, услуга, будь она даже не столь значительной, может загладить и важную вину. (4) Не рассчитывайте на якобы могущественный флот, который керкиряне предлагают для союза с вами. Не чинить зла равным себе соседям — куда более надежный источник силы, чем стяжание чреватых опасностями преходящих выгод для усиления своего могущества.

43. Мы теперь находимся в таком положении, о котором ранее решительно высказывались в Лакедемоне, считая, что каждый город вправе налагать взыскания на своих союзников. Мы ожидаем ныне, что и вы не будете в этом нам помехой, и подобно тому, как мы тогда поддержали вас нашим голосованием, так и вы теперь не нанесете нам вреда своим решением. (2) Отплатите нам за равную услугу равной и помните, что настал такой момент, когда всякий, кто за нас — наш лучший друг, а кто против — тот жестокий враг. (3) Не принимайте же в союз керкирян наперекор нам и не защищайте их бесчинств. (4) Такое решение будет справедливо и наиболее выгодно для вас самих».

44. Такова была речь коринфян. Афиняне же выслушали обе стороны и даже созывали народное собрание дважды.[1] На первом собрании афиняне склонились скорее на доводы коринфян. На следующий же день, на вторичном собрании они передумали и приняли решение вступить в союз с Керкирой, правда, не такой, чтобы иметь общих друзей и врагов (ведь требование керкирян напасть вместе с ними на Коринф с моря означало бы для афинян нарушение договора с пелопоннесцами). Был заключен оборонительный союз на условиях взаимопомощи в случае нападения на Керкиру и Афины или на одного из их союзников.[2] (2) Ведь афиняне были убеждены, что воевать с пелопоннесцами придется во всех случаях и потому не желали отдавать Керкиру с ее сильным флотом в руки коринфян. Прежде всего, однако, они желали по возможности перессорить их между собой для того, чтобы в войне с Коринфом или с другой морской державой во всяком случае иметь дело с уже ослабленным противником. (3) Вместе с тем было очевидно особое благоприятное географическое положение острова Керкиры на пути в Италию и Сицилию.[3]

45. Таким образом оценивали афиняне обстановку, заключив союз с керкирянами. После отъезда коринфских послов они послали на помощь Керкире 10 кораблей[1] под командой Лакедемония, сына Кимона, Диотима, сына Стромбиха, и Протея, сына Эпикла. (2) Военачальникам было приказано не вступать в сражение с коринфянами, если только те не нападут на Керкиру и не вздумают высадиться там или где-либо во владениях керкирян. Этому военачальники были обязаны по возможности воспрепятствовать. Эти указания были даны, чтобы не нарушать мирного договора. (3) Итак, эти корабли прибыли на Керкиру.

46. Коринфяне же, завершив военные приготовления, на 150 кораб-

лях отплыли против Керкиры. 10 из этих кораблей были элейские, 12 — из Мегар, 10 — с Левкады, 27 — из Ампракии и один — из Анактория; из самого же Коринфа — 90. (2) Корабли отдельных городов[1] были под командой своих собственных начальников, коринфскими же командовал Ксеноклид, сын Евфикла, с четырьмя другими начальниками.[2] (3) Отплыв от Левкады и подойдя к материку против Керкиры, эскадра бросила якорь у Химерия в земле феспротов. (4) Это — гавань,[3] над которой немного далее в глубь страны лежит город Эфира в феспротийской Элеатиде. Вблизи Эфиры изливается в море Ахеронтское озеро, куда впадает протекающая через Феспротию река Ахеронт (которая дала озеру его название). Неподалеку течет также река Фиамида, образующая границу между Феспротией и Кестриной. Между обеими реками выдается в море мыс Химерий. (5) Именно в этом месте коринфяне бросили якоря и разбили лагерь.

47. Узнав о приближении коринфской эскадры, керкиряне посадили на свои 110 кораблей экипаж под начальством Микиада, Эсимеда и Еврибата[1] и устроили стоянку на одном из островов, называемых Сиботами. С ними были также и 10 аттических кораблей. А на мысе Левкимме стояло сухопутное войско керкирян, усиленное 1000 гоплитов из Закинфа.[2] (2) У коринфян на материке было также большое вспомогательное варварское войско, так как жители этой части материка были их исконными друзьями.

48. Окончив все приготовления, коринфяне с трехдневным запасом продовольствия на борту вышли ночью из Химерия в открытое море, чтобы начать сражение. (2) На заре[1] они увидели на горизонте плывущие к ним корабли керкирян. (3) Заметив друг друга, противники начали боевое построение. На правом крыле керкирян были аттические корабли, а остальную боевую линию занимали их собственные корабли, разделенные на три эскадры (во главе каждой стоял один из трех военачальников). Так выстроились керкиряне. (4) У коринфян же на правом крыле находились мегарские корабли и корабли из Ампракии, в центре — остальные союзники, отдельно друг от друга, и на левом крыле (против афинян и правого крыла керкирян) — сами коринфяне с лучшими кораблями.

49. Наконец, были даны сигналы[1] к нападению, обе эскадры сблизились, и битва началась. На корабельных палубах с обеих сторон было много гоплитов, много лучников и метателей дротиков, так как корабли были снаряжены по старому, несовершенному способу.[2] (2) Сражение было ожесточенным, но не в силу тактического искусства противников, и скорее напоминало сухопутную схватку. (3) Всякий раз сталкиваясь друг с другом в тесноте и суматохе, корабли не без труда снова расходились. Противники больше рассчитывали на победу гоплитов на палубе, которые сражались плечом к плечу друг с другом, причем корабли стояли спокойно на месте. Прорвать строй вражеских кораблей не пытались. Грубая сила и боевой пыл заменяли противникам нехватку военного искусства. (4) Всюду царил шум и беспорядочная суматоха битвы.

Афинские корабли пока ограничивались тем, что появлялись рядом с керкирскими всякий раз, когда те подвергались натиску, и устрашали врагов своим присутствием; военачальники не вступали в сражение из боязни нарушить приказ афинян.[3] (5) Больше всего страдало правое крыло коринфян. Там керкиряне с 20 кораблями обратили в бегство и затем преследовали бежавшего врага до самого материка. Затем они доплыли на кораблях до вражеского лагеря[4] и, высадившись там, предали огню пустые палатки и разграбили имущество. (6) Здесь, таким образом, коринфяне и союзники потерпели поражение, а керкиряне остались победителями. На левом же крыле, где стояли сами коринфяне, они имели решительный успех, так как у керкирян (у которых и без того было мало кораблей) не принимали участия в бою 20 кораблей, преследовавших врага. (7) Афиняне же, заметив, что неприятель теснит керкирян, начали помогать им уже более открыто. Сначала они еще избегали вступать в сражение. Когда же стало ясно, что керкиряне бегут и коринфяне теснят их, все уже без разбора ринулись в бой и в пылу сражения афиняне сошлись с коринфянами врукопашную.

50. После бегства врагов коринфяне не стали буксировать поврежденные вражеские корабли, но принялись, проплывая мимо, убивать людей, не беря их в плен. Но так как они еще не знали о своем поражении на правом крыле, то по ошибке перебили даже собственных друзей. (2) При множестве кораблей у обоих противников, которые покрывали море на широком пространстве, в суматохе нелегко было отличить победителей от побежденных. Ведь это была самая большая по численности кораблей морская битва между эллинами из всех бывших до нее. (3) Прогнав керкирян до суши, коринфяне затем повернули назад, чтобы осмотреть обломки своих кораблей и тела погибших, которых им большей частью удалось подобрать и доставить к Сиботам, где стояло большое вспомогательное варварское войско. Сиботы — это пустынная гавань в Феспротии. (4) После этого коринфяне, собрав свои корабли, вновь обратились против керкирян. Керкиряне также поплыли им навстречу на своих кораблях, еще способных держаться на плаву, и на остальных,[1] прибывших вместе с аттическими кораблями после битвы; они опасались попытки коринфян высадиться на их земле. (5) Было уже поздно, и они запели пэан[2] (как сигнал к нападению), как вдруг коринфяне, увидев 20 афинских кораблей, плывущих на них, дали задний ход. Эти корабли афиняне послали на помощь вслед за прежними 10 кораблями, опасаясь поражения керкирян (что и случилось) и полагая, что 10 кораблей слишком мало для спасения керкирян.

51. Итак, лишь только коринфяне заметили вдали корабли, и, заподозрив, что это афинские и их, может быть, даже больше, они постепенно начали отступление. (2) Керкирянам же этих кораблей не было видно, так как те подплывали незаметно, и они не могли понять, почему это коринфяне гребут назад, пока, наконец, кто-то, заметив корабли, не закричал, что виден парус. Тогда керкиряне также начали отходить (ведь уже стало темнеть), а коринфяне повернули назад и рассеялись.

(3) Так противники разошлись, и ночь положила конец сражению. (4) Упомянутые же 20 афинских кораблей под начальством Главкона, сына Леагра, и Андокида, сына Леогора, продолжали свой путь среди трупов и корабельных обломков[1] до Левкиммы (где был лагерь керкирян), куда и прибыли вскоре после того, как их заметили керкиряне. (5) Керкиряне сначала испугались (дело было ночью), думая, не враги ли это, но вскоре поняли свою ошибку, после чего афиняне бросили якорь.

52. На следующий день 30 аттических кораблей и корабли керкирян, которые еще держались на плаву, подняли якоря и отплыли к гавани у Сибот,[1] где стояли коринфяне, чтобы убедиться, начнут ли те морское сражение. (2) И коринфяне также вышли в открытое море и выстроились в боевом порядке. Однако они стояли спокойно, не собираясь сами начинать сражение ввиду прибывших из Афин свежих подкреплений и своего весьма затруднительного положения: им нужно было стеречь пленников на кораблях[2] и, кроме того, ремонт кораблей в этой отдельной стране был невозможен. (3) Коринфянам важнее всего было как можно скорее возвратиться домой. Они опасались, что после битвы афиняне считают договор уже нарушенным и теперь преградят им обратный путь.

53. Итак, коринфяне решили отправить к афинянам несколько человек в лодке без жезла глашатая,[1] чтобы разведать положение дела. Посланцам они велели сказать вот что: «Несправедливо, афиняне, вы поступаете, начиная воевать и нарушая мирный договор. Мы хотим наказать наших врагов, а вы преграждаете нам путь силой оружия. Если вы действительно решили нарушить мир и помешать нам плыть на Керкиру или куда-либо в другое место, то нападайте сейчас и считайте нас врагами». (2) Так сказали коринфяне. А керкиряне на кораблях, услышав эти слова, общим криком потребовали схватить и умертвить посланцев. Афиняне же отвечали так: «Пелопоннесцы, мы вовсе не собираемся воевать и нарушать договор, а пришли лишь на помощь керкирянам, нашим союзникам. Мы не препятствуем вам плыть куда-нибудь в другое место. Но если вы нападете на Керкиру или на ее владения, то мы постараемся по возможности не допустить этого».

54. После такого ответа афинян коринфяне начали приготовления к отплытию домой и воздвигли трофей на материке у Сибот. Керкиряне же подобрали обломки своих кораблей и тела погибших,[1] вынесенные течением и поднявшимся ночью ветром, который повсюду выбросил их на берег, и также поставили трофей[2] на Сиботах как победители. (2) Обе стороны приписывали себе победу по следующим основаниям: коринфяне остались победителями в морском сражении до наступления ночи, им удалось убрать свои поврежденные корабли и трупы погибших; они также взяли в плен свыше 1000 человек и привели в негодность около 70 кораблей противника. Потому-то они и воздвигли трофей. (3) Керкиряне же поставили свой трофей, потому что уничтожили до 30 кораблей[3] и по прибытии афинян подобрали на своей земле тела погибших и обломки кораблей, а коринфяне, увидев накануне аттичес-

кие корабли, стали грести назад, начав отступление, и по прибытии афинян уже более не осмелились напасть на них из Сибот. Так каждая из сторон приписывала себе победу.

55. Между тем на обратном пути коринфяне хитростью захватили Анакторий,[1] город, основанный совместно Коринфом и Керкирой при выходе из Ампракийского залива. Оставив там своих колонистов, они возвратились затем домой. Из числа керкирских пленников коринфяне продали 800 человек (которые были рабами), а 250 оставили в плену и обращались с ними хорошо,[2] чтобы по возвращении на Керкиру те могли оказать им содействие (к тому же, как оказалось, большинство пленников принадлежало к числу знатнейших граждан города). (2) Так-то керкиряне счастливо избавились от войны с Коринфом,[3] и поэтому афинские корабли возвратились домой. Это стало, однако, первым поводом к войне коринфян с афинянами, поскольку афиняне начали во время перемирия с ними войну на стороне керкирян.

56. Непосредственно после этого еще и другие события явились дальнейшим поводом к войне афинян с пелопоннесцами. (2) Коринфяне искали возможности отомстить афинянам, и их враждебные намерения не остались тайной для афинян. Поэтому афиняне приказали Потидее,[1] колонии коринфян на перешейке Паллены (одному из союзных городов-данников), снести городские стены на южной стороне, обращенной к Палленe, выдать заложников, выслать эпидемиургов (уполномоченных, ежегодно посылаемых туда из Коринфа) и впредь больше их не принимать. Афиняне опасались, как бы жители Потидеи, подстрекаемые Пердиккой и коринфянами, не восстали против них и не склонили к отпадению все остальные фракийские города.[2]

57. На эти меры против Потидеи афиняне решились тотчас же после морской битвы у Керкиры. (2) Ведь коринфяне уже тогда были явными врагами афинян, а их прежний друг и союзник Пердикка, сын Александра,[1] царь Македонии, еще раньше поссорился с ними (3) за то, что они заключили союз с его врагами — братом Филиппом и Дердой.[2] (4) Встревоженный этим Пердикка повсюду начал вести переговоры: он отправил послов в Лакедемон подстрекать пелопоннесцев к войне с афинянами; старался привлечь на свою сторону коринфян, чтобы подготовить отпадение Потидеи. (5) Пердикка побуждал также халкидян[3] и боттиеев[4] на фракийском побережье восстать против афинян в надежде, что вместе с этими своими соседями ему будет легче вести войну с афинянами. (6) Узнав об этих происках Пердиккн, афиняне, чтобы предотвратить отпадение городов, послали в Македонию 30 кораблей и 1000 гоплитов под начальством Архестрата, сына Ликомеда, и десяти[5] других военачальников, которым был дан приказ взять в Потидее заложников, заставить срыть городскую стену и зорко следить за соседними городами, чтобы те не восстали.

58. Потидейцы же отправили послов к афинянам, пытаясь побудить их отказаться от задуманных враждебных мер. Вместе с коринфянами они обратились также и в Лакедемон,[1] с тем чтобы на всякий случай

заручиться помощью оттуда. В Афинах после долгих переговоров им не удалось добиться успеха, и корабли афинян, отплывавшие в Македонию, получили направление и против Потидеи. В Лакедемоне же власти заверили потидейцев, что в случае нападения афинян на Потидею лакедемоняне вторгнутся в Аттику.[2] Тогда-то потидейцы решили, что настала пора при таких благоприятных обстоятельствах вместе с халкидянами и боттиеями (которые ради этого связали себя с ними клятвенным союзом) отпасть от Афин. (2) Пердикка же убедил халкидян покинуть и разрушить свои приморские города и переселиться дальше внутрь страны — в Олинф — и превратить этот город в неприступную крепость. Царь отдал даже в пользование этим переселенцам (на время войны с афинянами) участок своей земли в Мигдонии на озере Больба. Халкидяне разрушили свои города и, переселившись в глубь страны, стали готовиться к войне.

59. Между тем 30 афинских кораблей, прибыв на фракийское побережье, обнаружили, что Потидея и другие города уже отпали от Афин. Военачальники, однако, не сочли возможным с наличными силами одновременно вести войну с Пердиккой и с восставшими городами. Поэтому они обратились против Македонии (для чего их первоначально и послали). Высадившись там, они открыли военные действия вместе с Филиппом и братьями Дерды,[1] которые со своими отрядами вторглись в Македонию из глубины страны.[2]

60. Теперь, после отпадения Потидеи, в тот момент, когда аттическая эскадра появилась в македонских водах, коринфяне испугались за участь города. Видя в этом опасность и для самих себя, они послали на помощь отряд своих собственных добровольцев и наемников из других пелопоннесских городов, всего 1600 гоплитов и 400 легко вооруженных воинов. (2) Во главе их поставили Аристея, сына Адиманта[1] (он был старинным другом потидейцев и из дружбы к нему собралось добровольцами большинство коринфских воинов). (3) Спустя 40 дней после отпадения Потидеи они прибыли к берегам Фракии.[2]

61. Вскоре пришло и к афинянам известие об отпадении городов. И когда афиняне узнали, что войско Аристея уже близко, то послали против восставших 2000 гоплитов из афинских граждан и 40 кораблей под начальством Каллия, сына Каллиада,[1] и четырех других военачальников. (2) По прибытии в Македонию афиняне застали там свой первый отряд в 1000 человек, который только что захватил Ферму и теперь осаждал Пидну.[2] (3) Тогда вновь прибывшие присоединились к осаждающим Пидну, но вскоре им пришлось заключить соглашение и даже вынужденный союз с Пердиккой: их вынудило к этому положение в Потидее и прибытие Аристея.[3] (4) Поэтому афиняне ушли из Македонии, достигли затем Береи и далее Стрепсы.[4] Отсюда, после неудачной попытки овладеть городом, отряд по суше двинулся на Потидею. Войско афинян состояло из 3000 афинских гоплитов, множества союзников и 600 македонских всадников во главе с Филиппом и Павсанием;[5] в то же время эскадра из 70 кораблей плыла вдоль побережья. (5) Корот-

кими маршами на третий день афиняне прибыли в Гигон,[6] где и разбили лагерь.

62. Между тем потидейцы и пелопоннесский отряд Аристея в ожидании афинян расположились лагерем перед городом [1] на перешейке со стороны Олинфа и устроили там рынок. (2) Начальником всей пехоты союзники выбрали Аристея, а конницы — Пердикку, который снова изменил афинянам и теперь помогал потидейцам, передав управление царством Иолаю.[2] (3) Замысел Аристея состоял в том, чтобы ожидать со своим отрядом афинян на перешейке; халкидяне же с остальными союзниками за перешейком и 2000 всадников Пердикки должны были оставаться в Олинфе и, в случае нападения афинян на Аристея, напасть на них с тыла и таким образом зажать врага в клещи. (4) Каллий же, афинский военачальник, вместе со своими командирами, выслал против Олинфа македонских всадников и небольшой отряд союзников для прикрытия от возможного нападения, а сам, выступив из лагеря, пошел на Потидею. (5) Когда афиняне достигли перешейка и увидели врагов в боевой готовности, то они в свою очередь построились в боевой порядок и вскоре началось сражение. Крыло пелопоннесцев под командой Аристея [3] (где стояли коринфяне и другие отборные отряды) обратило врагов в бегство и долго преследовало их. Остальное же войско потидейцев и пелопоннесцев было разбито афинянами и бежало под защиту городских стен Потидеи.

63. Возвратившись после преследования врагов, Аристей увидел, что его остальное войско разбито. Сначала он колебался, решая, куда ему идти, чтобы избежать опасности — в Олинф [1] или в Потидею. Затем Аристей все же принял решение, сомкнув как можно теснее свой отряд, быстрым маршем пробиться в Потидею. Ему действительно удалось добраться до города вдоль мола через море под обстрелом противника и с трудом, но все же без больших потерь спасти основную часть отряда. (2) Отряд олинфян, шедший на помощь в Потидею (Потидея отстоит от Олинфа стадий на 60 и видна оттуда), успел пройти лишь небольшое расстояние, когда битва уже началась и сигнальные значки были подняты. Македонские же всадники выстроились в боевом порядке, чтобы помешать продвижению олинфян. Но когда победа стала быстро клониться на сторону афинян и сигнальные значки опустились, олинфяне возвратились в город, а македоняне — назад к афинянам, (3) так что конница обеих сторон не участвовала в битве. После битвы афиняне воздвигли трофей и, устроив перемирие, разрешили потидейцам похоронить павших воинов.[2] У потидейцев и их союзников пало не меньше 300 человек,[3] потери же афинян [4] составляли 150 граждан, среди которых был и стратег Каллий.

64. После битвы афиняне тотчас же построили вторую стену против городской стены с северной стороны, обращенной к перешейку, и поставили охрану. Сторона же, обращенная к Паллене, осталась неукрепленной. Афиняне считали, что у них недостаточно сил для того, чтобы охранять перешеек и одновременно, переправившись к Паллене, стро-

ить стену и там: при таком разделении сил они опасались неожиданной атаки потидейцев и их союзников. (2) Когда в Афинах узнали, что сторона, обращенная к Паллене, не обнесена стеной, то отправили 1600 гоплитов во главе с Формионом, сыном Асопия. Прибыв в Паллену, Формион повел свой отряд со стороны Афития[1] на Потидею; медленно продвигаясь, он опустошал местность. (3) Не встретив сопротивления, он построил стену на стороне Паллены против городской стены Потидеи. Таким образом, афиняне теперь всеми силами обложили город с обеих сторон на суше, а с моря одновременно его блокировала афинская эскадра.

65. Таким образом, город был теперь совершенно отрезан, и у Аристея уже не оставалось надежды на спасение, если только из Пелопоннеса или откуда-либо еще не придет неожиданная помощь. Поэтому Аристей предложил всем (кроме 500 человек) покинуть город на кораблях при первом попутном ветре, чтобы оставшимся в городе на больший срок хватило запасов продовольствия. Сам же он вызвался остаться в городе. Однако это предложение не встретило согласия потидейцев. Тогда Аристей (желая обеспечить все необходимое в таком положении и подготовить наилучшим образом внешнюю помощь) сам отплыл, не замеченный афинской стражей. (2) За время своего пребывания на Халкидике Аристей принял участие вместе с халкидянами в походах и, между прочим, нанес поражение жителям Сермилы,[1] устроив засаду близ их города, и многих из них перебил. В Пелопоннесе он вел тайные переговоры, всячески стараясь получить помощь. (3) Между тем Формион, установив блокаду Потидеи, со своими 1600 гоплитами принялся опустошать Халкидику[2] и Боттику и даже захватил несколько городов.

66. Это стало вторым мотивом вражды между афинянами и пелопоннесцами. Коринфяне не могли простить афинянам осаду Потидеи, их колонии, и находившихся там коринфян и пелопоннесцев. Афиняне же были в обиде на то, что пелопоннесцы склонили к восстанию их союзный город-данник и даже открыто сражались против них, помогая потидейцам. Однако настоящая война еще не разразилась, и перемирие пока еще продолжалось, ибо коринфяне до сих пор действовали на свой страх и риск.[1]

67. Теперь, однако, блокада Потидеи не давала покоя коринфянам, и не только потому, что в городе находились их люди, но и оттого, что они опасались за участь самого города. Итак, тотчас же после начала осады коринфяне стали приглашать союзников на собрание в Лакедемон и, прибыв туда, обрушились на афинян как на нарушителей договора, не считающихся с правами Пелопоннеса. (2) Эгинцы из страха перед афинянами не решились открыто отправить послов на собрание, но втайне вместе с коринфянами еще яростнее подстрекали к войне, жалуясь на потерю своей независимости вопреки договору. (3) Лакедемоняне также пригласили своих союзников и всех, кто жаловался на притеснение афинян. Созвав обычное[1] народное собрание, они предло-

жили всем желающим высказывать свои жалобы. Тогда союзники начали один за другим выступать с обвинениями, в особенности мегарцы. Наряду со многими другими претензиями основная жалоба мегарцев[2] состояла в том, что, вопреки договору, их лишают доступа в гавани афинской державы и на рынок Аттики. (4) Последними выступили коринфяне. Предоставив сначала другим возбудить воинственность лакедемонян, они добавили следующее.

68. «Дух доверия, царящий у вас в общественной и частной жизни, лакедемоняне, заставляет вас несколько недоверчиво относиться к людям, если они, подобно нам, жалуются на других. И именно из-за этого при всем вашем благоразумии вам иногда не хватает прозорливости во внешних делах. (2) Как часто мы предупреждали вас, что афиняне злоумышляют против всех нас; однако вы не делали из этого надлежащих выводов; напротив, вы подозревали, что мы заводим речь об этом из своих частных побуждений. Вот почему вы и на этот раз созвали ваших союзников не заблаговременно, а лишь теперь, когда события уже развернулись. Нам подобает держать речь перед союзниками именно потому, что у нас есть важнейшие причины жаловаться на наглость афинян и на ваше постоянное пренебрежение к нам. (3) Если бы афиняне творили свои преступные деяния в Элладе в тайне, тогда, конечно, вы могли бы об этом не знать и вас следовало бы уведомить об этом. А теперь нужны ли долгие речи, когда вы видите, что одних эллинов афиняне уже поработили, а другим[1] — и как раз нашим союзникам — они теперь строят козни и давно уже сделали все приготовления на случай войны. (4) Иначе ведь они не захватили бы Керкиру силой оружия и не владели бы ею поныне вопреки нашей воле и не осаждали бы Потидею. А ведь Потидея — наиболее выгодно в военном отношении расположенный пункт, господствующий над фракийским побережьем, Керкира же могла бы предоставить пелопоннесцам значительные морские силы.

69. И виноваты в этом вы, так как это вы после мидийской войны сначала позволили афинянам укрепить свой город, а потом и построить Длинные стены. И до сих пор вы не только продолжаете лишать свободы порабощенных ими подданных, а теперь даже начали отнимать ее и у ваших собственных союзников. Ведь истинный поработитель народа — не сам поработивший, а тот, кто, будучи в состоянии положить конец рабству, не делает этого, хотя и добивается признания своей доблести как освободитель Эллады.[1] (2) С трудом, правда, мы, наконец, собрались сюда, но и теперь еще неясно — с какой целью. Ведь нас должно интересовать не то, подвергаемся ли мы насилию, а то, как нам обороняться против него. Неприятель действует по заранее намеченному плану и нападает на нас без колебания, в то время как мы все еще пребываем в нерешительности. (3) И мы знаем методы афинян: как они шаг за шагом наступают на соседей. Правда, думая, что их не замечают (из-за вашего равнодушия), они ведут себя пока менее дерзко. Однако заметь они только, что вы, разгадав их игру, смотрите на них сквозь

пальцы, они сразу же налягут со всей силой. (4) Только вы, лакедемоняне, одни из эллинов бездействуете, обороняясь не силой, а медлительностью; только вы одни стараетесь подавить вражескую мощь не в ее зачатке, а когда она вдвое возрастет. (5) Конечно, всегда говорили, что ваше положение надежно; но действительность оказалась убедительнее. Мы ведь знаем, что Мидиец от края света дошел до Пелопоннеса скорее, чем вы собрались его встретить с достаточными боевыми силами. А теперь вы не обращаете внимания на афинян, хотя они живут не столь далеко, как он, а весьма близко от вас. И вместо того, чтобы самим напасть на них, вы лишь обороняетесь, предпочитая в борьбе с сильнейшим врагом положиться на волю случая. Хотя, как вы знаете, не только Варвар был сам больше всего виноват в своем поражении,[2] но и мы в борьбе с афинянами нередко одерживаем верх скорее в силу их собственных ошибок,[3] нежели благодаря вашей помощи. Для кое-кого из тех, кто, уповая на вашу помощь, не подготовился к войне, эти надежды уже были губительны.[4] (6) Не подумайте только, что мы говорим вам это из неприязни. Наша жалоба вполне обоснована. Ведь жалуются на друзей, допустивших ошибку, а врагов обвиняют в причиненной обиде.

70. Во всяком случае мы считаем себя вправе, как и всякий другой, откровенно указать людям на их недостатки, тем более пребывая в таком критическом положении, когда под удар поставлены важнейшие наши интересы (о чем вы, видимо, даже и не догадываетесь). Вероятно, вам еще никогда не приходилось задумываться о том, что́ за люди афиняне, с которыми вам предстоит борьба, и до какой степени они во всем несхожи с вами. (2) Ведь они сторонники новшеств, скоры на выдумки и умеют быстро осуществить свои планы. Вы же, напротив, держитесь за старое, не признаете перемен, и даже необходимых. (3) Они отважны свыше сил, способны рисковать свыше меры благоразумия, не теряют надежды в опасностях.[1] А вы всегда отстаете от ваших возможностей, не доверяете надежным доводам рассудка и, попав в трудное положение, не усматриваете выхода. (4) Они подвижны, вы — медлительны. Они странники, вы — домоседы. Они рассчитывают в отъезде что-то приобрести, вы же опасаетесь потерять и то, что у вас есть.[2] (5) Победив врага, они идут далеко вперед, а в случае поражения не падают духом. (6) Жизни своей для родного города афиняне не щадят, а свои духовные силы[3] отдают всецело на его защиту.[4] Всякий неудавшийся замысел они рассматривают как потерю собственного достояния, а каждое удачное предприятие для них — лишь первый шаг к новым, еще большим успехам. (7) Если их постигнет какая-либо неудача, то они изменят свои планы и наверстают потерю. Только для них одних надеяться достичь чего-нибудь значит уже обладать этим, потому что исполнение у них следует непосредственно за желанием. (8) Вот почему они, проводя всю жизнь в трудах и опасностях, очень мало наслаждаются своим достоянием, так как желают еще большего.[5] Они не знают другого удовольствия, кроме исполнения долга, и праздное бездействие столь же неприятно им, как самая утомительная работа. Од-

ним словом, можно сказать, сама природа предназначила афинян к тому, чтобы и самим не иметь покоя, и другим людям не давать его.[6]

71. И вот перед лицом такого города вы, лакедемоняне, еще продолжаете бездействовать! По-вашему, мир сохраняют не те, которые даже своими военными приготовлениями не нарушают права, но, однако, решительно показывают, что не потерпят обиды, если им причиняют ее. Для вас справедливость заключается в том, чтобы и не нападать на других, и самим, защищаясь, не причинять обиды. (2) Такая политика промедления едва ли принесет вам успех, даже если бы ваши соседи думали так же, как и вы. А в данном случае, как мы только что показали, ваш образ действий сравнительно с афинским совершенно устарел. (3) И как в искусствах, так и в политике новое всегда неизбежно должно возобладать над старым. В спокойные времена лучше всего не изменять существующих порядков и обычаев. Но когда при изменившихся обстоятельствах неизбежно возникает и много новых задач, тогда требуются и многие преобразования. Поэтому-то в силу более богатого опыта политика афинян изменилась гораздо больше вашей. (4) Итак, покончите, наконец, с вашей медлительностью и теперь придите на помощь, как вы обещали, и Потидее,[1] и другим. Немедленно совершите вторжение в Аттику, чтобы не отдать ваших друзей и соплеменников в руки злейших врагов и не заставить нас остальных в отчаянии подумать о другом союзе.[2] (5) Мы не совершим этим преступления ни пред лицом богов — хранителей клятв, ни в глазах людей благоразумных. Ведь нарушителем договора является не тот, кто, покинутый в нужде одними союзниками, обращается к другим, а тот, кто не помогает в нужде союзникам. Если же вы проявите благожелательность, то мы останемся с вами. (6) Мы поступили бы нечестиво, изменив вам, да и не нашли бы более близких друзей, чем вы. (7) Поэтому вынесите правильное решение и постарайтесь, чтобы ваша держава в Пелопоннесе, унаследованная от предков, не уменьшалась из-за отпадения отдельных союзных городов».

72. Так сказали коринфяне. Случайно в Лакедемон уже перед тем прибыло также и посольство из Афин. Услышав об этих речах обвинителей афинян, послы решили, что им придется выступить перед лакедемонянами не с тем, чтобы оправдаться от обвинений городов, но чтобы рекомендовать вообще не спешить с решением, а обдумать дело более обстоятельно. Вместе с тем они желали дать лакедемонянам представление о мощи своего города, старикам напомнить о прошлом, а молодым рассказать о том, чего те еще не знали. Послы рассчитывали своей речью побудить лакедемонян скорее к миру, чем к войне. (2) Итак, они обратились к лакедемонским властям, объявив о желании выступить в народном собрании, если нет к тому препятствий. (3) Получив разрешение говорить, афинские послы выступили и сказали следующее.

73. «Наше посольство прибыло сюда не для споров с вашими союзниками, а с особым поручением от нашего города. Тем не менее, слыша немало тяжких обвинений против нас, мы выступаем здесь вовсе не

с защитой против обвинений городов (ведь вы — не судьи, перед которыми мы или они должны держать речь), а чтобы не позволить вам в этом серьезном вопросе, слепо доверившись доводам союзников, склониться к безрассудному решению. Вместе с тем мы желаем по поводу всего, что здесь о нас говорилось, сказать, что мы честно приобрели наши владения и что город наш достоин уважения. (2) К чему упоминать о стародавних событиях, о чем известно больше из преданий, чем от очевидцев. Но необходимо сказать о мидийских войнах и других событиях, которые вам самим пришлось пережить вместе с нами (хотя частое упоминание об этом в конце концов может надоесть). Действительно, тогда мы рисковали своей жизнью ради общего спасения, и этот наш подвиг послужил и вам. Поэтому вовсе лишить нас упоминания об этом нельзя. (3) Но этим мы не оправдываемся, а хотим лишь дать представление о том, с каким городом вам предстоит борьба, если вы примете необдуманное решение. (4) Мы утверждаем, что раньше всех [1] при Марафоне один на один дали отпор Варвару. А когда потом он снова пришел в Элладу, то мы, будучи не в силах бороться на суше, сели на корабли с женами и детьми, а затем вместе с прочими эллинами сразились с ним на море при Саламине. Эта битва только и помешала ему напасть на Пелопоннес и опустошить там города один за другим,[2] так как при огромной мощи неприятельского флота пелопоннесцы не могли бы помочь друг другу. (5) Наилучшее этому доказательство дал сам царь: после морского поражения он ведь уже не считал свою мощь равной нашей и с большей частью войска быстро покинул Элладу.

74. Итак, счастливый исход этой битвы ясно показал, что участь Эллады решена флотом. И мы создали три основных условия победы: выставили большинство кораблей и умнейшего из военачальников, и свою неутомимую энергию (ведь почти две трети из четырехсот кораблей [1] принадлежали нам). Фемистоклу, нашему полководцу, мы и обязаны главным образом тем, что битва произошла в Саламинском проливе (что, совершенно очевидно, и принесло нам успех). И за эти-то заслуги вы сами оказали ему исключительные почести,[2] как никому из других чужеземных гостей. (2) Наконец, мы выказали также великое самопожертвование. Никто ведь на суше нам не помог, так как остальные города на пути врага до наших пределов уже покорились ему.[3] И тогда мы сочли долгом покинуть наш город и бросить свое добро. Уцелевших союзников мы не желали оставить и так как в рассеянии мы не могли принести им пользы, то решили отплыть на кораблях, не гневаясь на вас за то, что вы раньше не помогли нам. (3) Поэтому можно утверждать, что мы сделали для вас не меньше, чем вы нам. В страхе скорее за себя, чем за нас, вы пришли на помощь из городов, еще не разоренных, с тем, чтобы впоследствии владеть ими, а пока наш город был цел, вы не являлись. Напротив, когда мы отправлялись в путь, нашего города уже не существовало, и, вступая в борьбу, мы едва ли могли надеяться на его возрождение. И все же, несмотря на это, мы в меру наших сил спасли не только вас, но и самих себя. (4) Перейди мы, как некоторые

другие, из страха за нашу землю на сторону Мидянина или не решись потом (считая, что все потеряно) сесть на корабли, вам не пришлось бы с вашими малочисленными кораблями сражаться на море с персами; и тогда дела персов пошли бы так гладко, как они желали.

75. Неужели, лакедемоняне, тогдашней нашей энергией и благоразумием мы заслужили столь великую ненависть эллинов только лишь из-за державы, которой мы теперь владеем? (2) Притом нашу державу мы приобрели ведь не силой, но оттого лишь, что вы сами не пожелали покончить с остатками военной силы Варвара в Элладе. Поэтому-то союзники добровольно обратились к нам с просьбой взять на себя верховное командование. (3) Прежде всего дальнейшее развитие нашего могущества определили сами обстоятельства. Первое — это главным образом наша собственная безопасность; затем — соображения почета и, наконец, выгода. (4) Наша собственная безопасность требовала укрепления нашей власти, раз уж дошло до того, что большинство союзников нас возненавидело, а некоторые восставшие были даже нами усмирены. Вместе с тем ваша дружба не была уже прежней; она омрачилась подозрительностью и даже прямой враждой; отпавшие от нас союзники перешли бы к вам, что было весьма опасно для нас. (5) Ведь никому нельзя ставить в вину, если в минуту крайней опасности он ищет средства спасения.

76. Вы, лакедемоняне, например, управляете пелопоннесскими городами, установив там порядки себе на благо.[1] Возбудив долгим господством столько ненависти к себе со стороны союзников, как мы, вы были бы вынуждены (мы уверены в этом) или властвовать над ними силою, или подвергать себя опасности. (2) Таким образом, нет ничего странного или даже противоестественного в том, что мы приняли предложенную нам власть и затем ее удержали. Мы были вынуждены к этому тремя важнейшими мотивами: честью, страхом и выгодой. Не мы первыми, однако, обратились к такому способу упрочения власти, но исконно уже так повелось на свете, что более слабый должен подчиняться сильнейшему. Вместе с тем, по нашему мнению, мы достойны нашей власти, да и вы сами в недавнее время думали так же. Теперь вы, думая о своей выгоде, ссылаетесь на справедливость. (3) Но соображения справедливости никого еще не заставили упустить представившийся случай расширить свое могущество с помощью силы. И следует похвалить тех, кто, несмотря на врожденное людям стремление властвовать над другими, все-таки управляют справедливее, чем это им необходимо при существующей мощи их державы. (4) Другие, будучи на нашем месте (так нам, по крайней мере, кажется), скорее всего показали бы, сколь умеренно наше господство. Нам же за нашу умеренность выпало на долю вместо похвалы незаслуженное бесславие.

77. Хотя в деловых тяжбах[1] с союзниками мы в менее выгодном положении и даже в наших собственных судах признаем за ними полное равенство, несмотря на это, они жалуются, что мы сутяжничаем и придираемся. (2) И никто из них не обращает внимания на то, что не

встречают упреков другие, также имеющие владения где-нибудь на чужбине,[2] хотя и управляют подвластными им более жестко, чем мы. Ведь тому, кто склонен применять грубую силу, нет нужды в судах. (3) А наши союзники, привыкшие обращаться с нами как с равными, если только против ожидания им хоть чем-нибудь придется поступиться (будь то по приговору суда или по принуждению нашей власти), отнюдь не благодарят за то, что их не лишают гораздо более важного, а с еще большим возмущением подчиняются господствующей власти, чем если бы мы, уже с самого начала отбросив законность, открыто притеснили их. В таком случае сами они, конечно, ведь не стали бы оспаривать, что слабый должен уступать сильнейшему. (4) Однако людей, видимо, больше раздражает несправедливость якобы им причиненная,[3] нежели самое жестокое насилие: в этом они усматривают пренебрежение со стороны равных себе, в другом — необходимость подчиняться насилию более могущественного. (5) Под властью Мидянина, по крайней мере, союзники и не то еще терпеливо выносили, а наше господство им в тягость. (6) И неудивительно: ведь всегда подвластные недовольны своими правителями. Если бы вы, одолев нас, достигли владычества над Элладой, вы скоро утратили бы расположение союзников (которого добились только из-за страха союзников перед нами), по крайней мере если бы ваши взгляды остались теми же, какими были вскоре после того, как вы приняли командование в войне против Мидянина. Ведь обычаи у вас совершенно иные, чем где-либо в Элладе, да, кроме того, как только кто-нибудь из вас окажется за рубежом, он действует, не сообразуясь ни с этими обычаями, ни с порядками остальной Эллады.

78. Итак, не принимайте поспешно решение в столь важном деле и не возложите на себя тяжкого бремени забот, поддавшись чужим мнениям и жалобам. Прежде чем взяться за оружие, подумайте о том, сколь непредвиденный оборот[1] может принять война. (2) Ведь затяжная война обычно приносит всякого рода случайности обеим сторонам, и как сложится дело в конце концов — неясно. (3) Начиная войну, люди сразу же приступают к действиям, с которыми следовало бы повременить, и уж после неудач обращаются к рассуждениям. (4) Так как ни мы сами, ни вы еще не совершили подобной ошибки, то настоятельно советуем вам (пока еще есть время) принять благоразумное решение, не нарушая договора и клятв, а спорные вопросы между нами улаживать третейским судом. Если же вы с этим не согласны и все же начнете войну, то мы, призывая в свидетели богов — хранителей святости клятв, последуем вашему примеру и попытаемся дать отпор с оружием в руках».

79. Так говорили афиняне. Лакедемоняне же, выслушав жалобы союзников и речи афинян, предложили всем удалиться и стали держать совет, что им теперь предпринять. (2) Большинство в народном собрании высказалось за то, что афиняне виновны в нарушении договора и поэтому следует немедленно объявить им войну. Тогда выступил царь лакедемонян Архидам, слывший благоразумным и рассудительным человеком, и сказал следующее.

80. «Я сам, лакедемоняне, участвовал во многих войнах [1] и вижу среди вас моих сверстников, из которых, конечно, нет ни одного, кто бы по неопытности желал войны: только тот, кто не имеет такого опыта, может считать войну благом или даже легким делом. (2) Здраво рассудив, вы сами убедитесь, что война, которую вы сейчас обсуждаете, будет немаловажной. (3) Ведь с нашими соседями пелопоннесцами по боевым силам мы приблизительно равны и, если нужно, можем быстро напасть в любом месте на их землю. Но когда приходится иметь дело с людьми в отдаленной стране (которые к тому же опытнейшие мореходы и прекрасно обеспечены всем необходимым для войны), у которых и народ богат, и казна полна, и кораблей, конницы, оружия и людей больше, чем где-либо в Элладе, не говоря уже о множестве союзников — их данников, то можно ли начинать без подготовки войну с такой державой, да еще столь поспешно? На что нам рассчитывать? Уж не на флот ли? (4) Но здесь мы уступаем афинянам, а если начнем строить корабли и готовить экипажи для них, на это уйдет время. Или, быть может, на денежные средства? Но денег ведь нам и так не хватает, и казна у нас пуста, а собрать частные средства будет нелегко.

81. Можно было бы предположить, что наше превосходство в числе гоплитов позволит постоянными набегами опустошать аттическую землю. (2) Но ведь у афинян много другой земли, и к тому же они морем будут доставлять себе все необходимое. (3) Если мы попытаемся затем поднять восстание афинских союзников, то нам также придется помогать им кораблями, поскольку большинство союзников — островитяне. (4) Что же это будет за война? Пока мы не добьемся победы на море и не отрежем афинян от средств и путей снабжения их флота, мы постоянно будем терпеть неудачи. (5) И примирение в таком случае не будет для нас почетным, тем более, если окажется, что мы больше виноваты в войне, нежели афиняне. (6) Не будем обольщаться надеждой на скорый конец войны, если мы опустошим их землю. Напротив, я опасаюсь, как бы эта война не осталась в наследство нашим детям. Афиняне, надо полагать, слишком горды, чтобы испытывать рабскую привязанность к своей земле, и не отступят перед войной, как будто она была им внове.

82. Впрочем, я вовсе не предлагаю закрывать глаза на ущерб нашим союзникам от афинян и отказаться от изобличения злых замыслов наших противников. Я советую только пока не браться за оружие, а сначала отправить послов с жалобами, не угрожая открыто войной, но и не проявляя готовности пойти на уступки. А тем временем самим нам следует готовиться к войне, привлекая союзниками как эллинов, так и варваров, чтобы получить откуда-нибудь помощь кораблями или деньгами. Ведь людям в нашем положении, стоящим перед такой угрозой со стороны афинян, нельзя поставить в упрек, что они принимают помощь не только от эллинов, но и от варваров. А тем временем и мы успеем закончить наши военные приготовления. (2) И вот, если афиняне хоть в чем-нибудь уступят нашим послам — тем лучше. Если же нет, то года через два-три мы будем лучше подготовлены, чтобы в случае необходимости самим на-

пасть на них. (3) Поэтому, когда они убедятся, что мы уже начали приготовления и наши слова не расходятся с делом, тогда они, пожалуй, скорее пойдут на уступки и примут правильное решение, пока их земля еще не опустошена и добро не погибло. (4) Считайте их землю только залогом, тем более ценным, чем лучше она обработана. Землю их нам нужно как можно дольше щадить, чтобы не вынудить афинян сопротивляться с мужеством отчаяния. (5) Действительно, если мы, не подготовившись к войне, только вняв жалобам союзников, опустошим Аттику, то смотрите, как бы нам не причинить этим Пелопоннесу еще больше позора и невзгод. (6) Ведь жалобы отдельных городов и частных лиц можно уладить, но если ради частных интересов[1] вспыхнет всеобщая война, исход которой нельзя предвидеть, то ее нелегко будет завершить с почетом.

83. Итак, пусть не сочтут трусостью, если такое множество городов не пожелает тотчас напасть на один-единственный город. (2) В самом деле, и у афинян не меньше нашего союзников, притом таких, которые платят им подать. Вообще говоря, ведь успех в войне зависит не от оружия, а от денежных средств, при которых оружие только и приносит пользу, тем более — в войне материковых жителей с островитянами. (3) Итак, давайте позаботимся сперва о деньгах и не дадим опрометчиво вовлечь себя в войну речами союзников. На нас ведь в значительной степени падает ответственность за тот или иной исход войны, и поэтому следует все это заранее и спокойно обсудить.

84. И пусть вас не смущают упреки в медлительности и нерешительности. Ведь взявшись поспешно за оружие, вам из-за плохой подготовки к войне придется воевать дольше. Наш город к тому же всегда был свободным и высокочтимым городом, и эта наша медлительность и осторожность в сущности есть только сознательная благоразумная политика. (2) Именно поэтому мы одни только и не кичимся успехами, а в беде не так легко как другие унываем. Мы не поддадимся на льстивые соблазны и не позволим против убеждения вовлечь себя в опасные авантюры. И если за это нас станут донимать упреками,[1] то и досада не побудит нас к уступчивости. (3) Привычка к строгой дисциплине делает нас храбрыми воинами и мудрыми в совете. Храбрыми — потому что чувство чести у нас теснее всего связано с дисциплиной, а с чувством чести сочетается мужество. Мудрые же в совете мы оттого, что не так воспитаны, чтобы в своей умственной изощренности презирать законы,[2] и слишком приучены к суровой дисциплине, чтобы не повиноваться им. Мы воспитаны так, что не очень-то разбираемся в предметах бесполезных, например, не умеем в красивых речах критиковать военные приготовления и планы врагов, вместо того чтобы опровергнуть их делом, когда это понадобится. Напротив, мы считаем, что вражеские планы так же разумны, как и наши, и что не речами надо отвечать на превратности судьбы. (4) При наших военных приготовлениях и планах всегда нужно исходить из того, что перед нами враг, хорошо понимающий дело. И никогда не следует строить расчеты на ожидаемых ошибках

противника, но полагаться только на свою собственную готовность к войне. Не думайте только, что люди так уж резко отличаются друг от друга, но сильнейший всегда тот, кто воспитан в самых суровых правилах.

85. Этим заветам наших отцов мы следовали с давних пор себе на пользу. Не будем опрометчиво и поспешно выносить решение, от которого зависит участь столь многих людей, городов, казны и имущества и, наконец, даже нашего доброго имени. Давайте же все обсудим спокойно. При нашей военной мощи мы можем себе это позволить более, чем кто-либо. (2) Итак, прежде всего, отправьте послов в Афины для переговоров о Потидее, поручите им также уладить и остальные жалобы союзников, тем более что афиняне готовы принять решение третейского суда. А тому, кто согласен предстать перед судом, объявлять войну как нарушителю договора незаконно, до тех пор пока его не выслушают. А тем временем готовьтесь к войне. Это решение — наиболее полезное для вас и будет самым страшным для врагов». (3) Так сказал Архидам.[1] Последним выступил Сфенелаид, один из тогдашних эфоров, с такой речью.

86. «Долгие речи афинян мне непонятны: в самом деле, сначала они выступили с пространным самовосхвалением, а потом — ни слова в оправдание зла, причиненного нашим пелопоннесским союзникам.[1] Если тогда в борьбе против мидян они показали свою доблесть, а теперь ведут себя с нами как враги, то вдвойне заслуживают кары за то, что из доблестных людей стали злыми. (2) А мы и поныне остались теми же, что и тогда. Мы не оставим союзников и не будем медлить с помощью, так как и они ведь не могут отложить свои невзгоды. (3) Пусть у других много денег, кораблей и коней, зато у нас — доблестные союзники, и их не следует выдавать афинянам. Третейскими судами и речами нечего решать дело, так как враг грозит нам не речами, а оружием, и нужно как можно скорее и всей нашей военной силой помочь союзникам. (4) И пусть никто не уверяет вас, что, несмотря на причиненные обиды, нам подобает еще долго совещаться и обсуждать дело. Нет! Подумать хорошенько следовало бы скорее тем, кто собирается нарушить договор. (5) Поэтому, лакедемоняне, выносите решение о войне, как это и подобает Спарте. Не позволяйте афинянам слишком усилиться и не выдавайте им наших союзников. Итак, с помощью богов пойдем на обидчиков!»

87. После этих слов Сфенелаид как эфор предложил собранию решить вопрос голосованием. (2) Затем, однако, он объявил, что не может разобрать, чей крик громче (ведь спартанцы выносят решение, голосуя криком, а не камешками). А потом, желая открытым голосованием вернее склонить спартанцев к войне, добавил: «Кому из вас угодно, лакедемоняне, считать договор нарушенным и афинян виновниками этого нарушения, пусть встанет на ту сторону» (указав место, где им встать). «А кто считает, что нет, — в другую сторону». (3) Тогда все лакедемоняне встали и разошлись по обеим сторонам, причем значительное большинство признало нарушение договора. (4) Затем лакедемоняне снова

пригласили союзных послов и объявили, что по их решению афиняне нарушили договор. Тем не менее, они желают собрать всех союзников и сообща решить вопрос о войне голосованием, чтобы вести войну с общего согласия. (5) Договорившись об этом, союзники уехали по домам, а затем покинули Спарту также и афинские послы, выполнив свои поручения. (6) Это постановление народного собрания Спарты последовало на четырнадцатом году тридцатилетнего мирного договора, заключенного после евбейской войны.

88. Впрочем, нарушить мир и начать войну лакедемоняне решили вовсе не в угоду союзникам и не под влиянием их убеждений, а скорее из страха перед растущим могуществом афинян, которые уже тогда, как видели лакедемоняне, подчинили себе бóльшую часть Эллады.

89. Афиняне же достигли подобного могущества вот каким образом. (2) После ухода мидян из Европы, разбитых эллинами на море и на суше (бежавшие на кораблях в Микалу остатки их войска были уничтожены),[1] Леотихид,[2] царь лакедемонян (предводитель эллинов при Микале), возвратился со своими пелопоннесскими союзниками на родину. Афиняне же вместе с отпавшими от царя союзниками из Ионии и Геллеспонта остались для осады Сеста[3] (где мидяне еще держались). Проведя там зиму, союзники после ухода варваров захватили город, а затем все они отплыли из Геллеспонта на родину в свои города. (3) Сразу же после отступления варваров из Аттики афинские власти[4] велели перевезти в город женщин и детей с остатками домашнего имущества из тех мест,[5] куда их отправили ради безопасности, и начали отстраивать город и восстанавливать стены.[6] Ведь от окружной стены сохранились лишь незначительные остатки; бóльшая часть жилищ также лежала в развалинах (осталось лишь немного домов, которые были заняты знатными персами).

90. Прослышав об этом намерении афинян, лакедемоняне отправили послов в Афины, чтобы помешать возведению стен. Они и сами предпочли бы видеть Афины и другие города неукрепленными, и к тому же побуждали их союзники, которые опасались новоявленного морского могущества афинян и отваги, проявленной ими в мидийской войне. (2) Поэтому-то лакедемоняне и требовали от афинян отказаться от укрепления их города и даже предложили помочь им разрушить существующие стены в других городах вне Пелопоннеса. Своих собственных замыслов и подозрений против афинян они, впрочем, не открывали, а ссылались на то, что если Варвар когда-нибудь вздумает вновь напасть на Элладу, то не найдет себе уже никакого опорного пункта (каким в теперешней войне для персов служили Фивы), а всем эллинам достаточным убежищем и опорным пунктом для их военных операций будет Пелопоннес. (3) Афиняне же по совету Фемистокла дали ответ, что сами отправят к ним посольство по этому делу, и отпустили лакедемонских послов. Тогда Фемистокл предложил немедленно отправить его самого послом в Лакедемон, остальных же послов не отпускать вместе с ним, но задержать в Афинах до тех пор, пока воздвигаемая стена не достигнет высоты, достаточной для обороны. Весь город поголовно — мужчины, женщины

и дети — должен был строить стены, не щадя при этом ни частных, ни общественных зданий, а просто снося их, если это могло ускорить работы. (4) После этих распоряжений Фемистокл добавил, что о дальнейшем он позаботится сам в Лакедемоне, и уехал.[1] (5) Прибыв в Лакедемон, он не явился сразу же к властям, но под разными предлогами постоянно откладывал посещение. И всякий раз, когда власти спрашивали, почему он не обращается к ним, Фемистокл отвечал, что ожидает товарищей послов, которые случайно задержались и скоро прибудут.

91. Лакедемоняне, выслушивая Фемистокла, из дружелюбия верили ему. Но когда стали прибывать из Афин очевидцы [1] со сведениями о том, что там идет строительство стен, которые достигли уже порядочной высоты, не могли и к этому отнестись с недоверием. (2) Фемистокл, узнав об этом, просил не верить россказням, а послать в Афины несколько надежных людей разузнать об этом и доставить верные сведения. (3) Лакедемоняне так и поступили. Фемистокл же, опасаясь, что, узнав правду, лакедемоняне не отпустят их всех на родину, тайно сообщил об этом посольстве афинянам, советуя им, не предавая дело огласке, задержать послов и не отпускать до тех пор, пока афинские послы не вернутся из Лакедемона. Итак, по его совету афиняне задержали послов. Между тем и остальные послы — Аброних, сын Лисикла,[2] и Аристид, сын Лисимаха,[3] — успели прибыть к нему в Лакедемон с известием, что возведены уже достаточно высокие стены. (4) Тогда, наконец, Фемистокл откровенно заявил лакедемонянам, что стены уже готовы и Афины достаточно укреплены, чтобы защищать своих жителей. Если же лакедемоняне или союзники, добавил Фемистокл, когда-нибудь вновь отправят послов в Афины по какому-либо делу, то найдут там людей, которых не придется учить тому, что полезнее для них и что — для всей Эллады. (5) Ведь ранее афиняне без чужой помощи на свой страх и риск решили, что разумнее будет покинуть свой город и сесть на корабли, и на общих совещаниях с лакедемонянами снова показали, что они не глупее других. (6) Так и теперь афиняне решили, что для них самое лучшее укрепить свой город стеной, что, по их мнению, будет полезно всем союзникам не менее, чем самим афинянам. (7) Ведь без единой системы безопасности союзники не в состоянии принимать одинаково важные и ценные решения на общее благо. Итак, сказал в заключение Фемистокл, либо всем союзникам следует запретить укрепление своих городов, либо и в данном случае действия афинян следует признать правильными.

92. Выслушав эти слова, лакедемоняне открыто не показали афинянам своего недовольства [1] (ведь они, по их словам, отправляли посольство, вовсе не ставя себе целью возражать против возведения стен, а желая к общему благу повлиять на решение афинян; к тому же лакедемоняне относились тогда к афинянам особенно дружественно из-за их усердия и мужества во время войны с Мидянином). Впрочем, втайне лакедемоняне очень досадовали, что им не удалось достичь своей цели. Послам же обе стороны разрешили возвратиться домой без всяких претензий.

93. Таким образом, за короткое время афиняне успели восстановить городские стены. (2) И теперь еще заметны следы поспешности при строительстве стен.[1] Действительно, нижние слои сложены из разных и кое-где даже необтесанных камней, то есть их укладывали в том виде, как они были доставлены. Много также было вложено в стену могильных плит и камней, приготовленных ранее для других целей. Так как окружная стена всюду была расширена (по сравнению с прежней),[2] то весь пригодный для строительства материал в спешке приходилось брать откуда попало. (3) По настоянию Фемистокла были возобновлены работы в оставшейся еще не укрепленной части Пирея[3] (где работы были начаты уже прежде, в течение года его архонтства). По его мнению, именно это место с тремя естественными гаванями[4] могло дать афинянам (когда они станут морской державой) огромные преимущества для дальнейшего роста их мощи. (4) Фемистокл впервые высказал великую мысль о том, что будущее афинян на море, и положил таким образом начало[5] строительству и укреплению Пирея, взяв это дело в свои руки тотчас же после постановления. (5) По его совету стены, возведенные вокруг Пирея, были такой толщины (как это можно видеть еще и теперь),[6] что две встречные повозки с камнем могли там разъехаться. Внутри стен для скрепления плит не было заложено ни щебня, ни глины, но огромные прямоугольные на обтесанной стороне каменные плиты были плотно подогнаны друг к другу и с внешней стороны скреплены железными и свинцовыми скобами. Правда, по окончании постройки высота стен оказалась равной только половине высоты, задуманной Фемистоклом. (6) Ведь Фемистокл хотел возвести стены настолько высокие и толстые, чтобы враг не смел даже и помыслить о нападении на них, и для охраны их было достаточно горстки людей и даже инвалидов; всех же остальных граждан можно было посадить на корабли. (7) Действительно, Фемистокл особенно заботился о флоте, как мне кажется, оттого, что персидскому войску, по его мнению, легче напасть на Элладу с моря, нежели с суши. Поэтому и Пирей в его глазах был важнее верхнего города, и он непрестанно советовал афинянам в случае неудачи на суше спуститься в Пирей и оттуда на кораблях сражаться против любого врага. (8) Таким образом, афиняне тотчас после ухода мидян стали укреплять свой город стенами и занялись прочими военными приготовлениями.

94. Павсаний, сын Клеомброта из Лакедемона, был послан главным военачальником эллинов с 20[1] пелопоннесскими кораблями. В его походе участвовали также афиняне[2] на 30 кораблях и много других союзников. Сначала союзники отплыли на Кипр[3] и покорили бо́льшую часть острова, а затем направились к Византию[4] (который тогда находился в руках мидян) и, осадив его, овладели городом.

95. Уже давно, однако, властные повадки Павсания стали раздражать прочих эллинов (особенно ионян и всех, кто только что освободился от персидского ига). Поэтому союзники обратились к афинянам как к своим единоплеменникам[1] с просьбой принять на себя главное командование и не допускать больше самоуправства Павсания. (2) Афиняне отнеслись

к этому сочувственно и решили, приняв это предложение, распоряжаться в дальнейшем по-своему. (3) Между тем лакедемоняне отозвали Павсания, чтобы расследовать ходившие о нем слухи. Действительно, приезжавшие в Спарту эллины не раз жаловались на его злоупотребление властью, подобавшее скорее тирану, нежели полководцу. (4) Отозвание же Павсания совпало как раз с тем временем, когда союзники (кроме пелопоннесцев), озлобленные им, перешли к афинянам. (5) Прибыв в Лакедемон, Павсаний предстал перед судом и был осужден, но только за злоупотребления против частных лиц. А от главных обвинений в государственных преступлениях ему удалось оправдаться. Обвиняли же его в основном в приверженности к персам (и это обвинение, по общему мнению, было достаточно обоснованным). (6) Поэтому Павсания уже больше не назначили главнокомандующим, а вместо него отправили Доркиса [2] с другими полководцами и небольшим войском.[3] Союзники, однако, не признали за ними гегемонии. (7) При таком положении этим военачальникам пришлось возвратиться в Лакедемон. После этого лакедемоняне никого больше уже не посылали из опасения, что посланные за рубеж полководцы могут быть подкуплены (как это они уже испытали на примере Павсания). Да и вообще лакедемоняне с этих пор уже не желали принимать участия в мидийской войне, считая, что афиняне (с которыми они пока еще были в дружбе) вполне способны предводительствовать союзниками.

96. Став, таким образом, предводителями [1] по предложению союзников (из-за их ненависти к Павсанию), афиняне определили, какие города должны вносить деньги на борьбу с Варваром,[2] а какие — выставлять корабли с экипажами [3] (предлогом было желание отомстить Варвару за причиненные им бедствия опустошением персидской земли). Тогда впервые афиняне учредили должность эллинотамиев (казначеев союзной эллинской казны),[4] которые принимали «форос» (так называлась уплата денежных взносов). Первый форос был установлен в сумме 460 талантов.[5] Казнохранилищем был Делос,[6] и в тамошнем храме происходили собрания делегатов союзников.

97. Теперь я расскажу о том, чего достигли афиняне в военных и политических делах в эпоху между войнами мидийскими и этой войной, когда они стояли во главе сперва еще независимых союзников (с правом голоса на общесоюзных собраниях) и воевали как с варварами, так и с собственными отпавшими союзниками и с теми пелопоннесцами, которые при каждом удобном случае вмешивались [1] в дела афинян. (2) Я описал эти события, потому что никто из моих предшественников не касался этого периода, описывая либо события, предшествовавшие мидийским войнам, либо сами мидийские войны.[2] Даже Гелланик, который, правда, коснулся этого периода в своей «Истории Аттики» [3] (но и то лишь вкратце), допустил при этом неточность в хронологии. Вместе с тем, в этой части моего труда я дал очерк возникновения мощи афинской державы.

98. Сначала афиняне во главе с Кимоном, сыном Мильтиада, осадив, захватили Эйон на Стримоне,[1] который тогда еще был в руках мидян,

и продали его жителей в рабство. (2) Затем они завоевали Скирос[2] (остров в Эгейском море, населенный долопами), продали его жителей в рабство и заселили своими колонистами.[3] (3) Потом у них началась война с каристянами на Евбее (без участия, однако, остальных евбейцев); в конце концов афиняне заставили и каристян сдаться на определенных условиях.[4] (4) Затем вспыхнула война с восставшими наксосцами, которые после осады были вынуждены подчиниться.[5] Это был первый случай лишения независимости союзного города вопреки существующему союзному договору. Впоследствии та же участь, по очереди, постигла и другие города.[6]

99. Поводами к восстаниям союзников служили (наряду с другими) главным образом недоимки при уплате дани и при поставке кораблей, а также встречавшееся иногда уклонение от военной службы. Действительно, афиняне строго взыскивали недоимки, не останавливаясь перед принудительными мерами. (2) Поэтому-то власть афинян стала в тягость людям, не привыкшим к притеснениям и не склонным их переносить. И вообще господство афинян не было уже теперь так популярно, как прежде. В совместных походах афиняне обращались с союзниками не так, как с равными, и если кто-нибудь из них восставал, то восставших без труда вновь приводили к покорности. (3) Впрочем, виноваты в этом были сами союзники. Действительно, из малодушного страха перед военной службой (только чтобы не находиться вдали от дома) большинство из них позволили обложить себя налогом и вместо поставки кораблей они предпочитали вносить надлежащие денежные суммы.[1] И таким образом афиняне получили возможность на средства союзников увеличивать свой флот,[2] а союзники, начиная восстание, всякий раз оказывались неподготовленными к войне и беззащитными.

100. Затем при реке Евримедонте в Памфилии у афинян с союзниками произошла битва с мидянами на суше и на море, где афиняне под предводительством Кимона, сына Мильтиада, одержали в один и тот же день двойную победу.[1] Они захватили в плен и уничтожили в общем до 200 трпер финикийской эскадры. (2) Вскоре после этого против афинян восстали фасосцы, поссорившись с ними из-за расположенных напротив острова во Фракии торгово-перевалочных пунктов и золотых копей. Афиняне выслали против Фасоса[2] эскадру и, одержав победу в морской битве, высадились на острове.[3] (3) Приблизительно в то же время они отправили на Стримон во Фракии 10 000 колонистов частью из самих Афин и из других союзных городов с целью основать на побережье поселение, тогда называвшееся «Девять Путей»,[4] а теперь — Амфиполь. Колонистам удалось, правда, захватить «Девять Путей» (которыми владели эдоняне), но, проникнув в глубь Фракии, они потерпели решительное поражение[5] у Драбеска в земле эдонян от объединенных сил фракийцев, которые враждебно отнеслись к основанию колонии.

101. Между тем фасосцы, потерпев несколько поражений и осажденные афинянами, обратились за помощью в Лакедемон с призывом защитить их путем вторжения в Аттику. (2) Лакедемоняне (правда, втайне

от афинян) обещали помощь и уже готовились совершить вторжение, но ему помешало разразившееся в Спарте землетрясение. В то же время в Фурии и Эфее подняли восстание илоты и периэки [1] и захватили Ифому [2] (большинство илотов были потомками порабощенных некогда спартанцами древних мессенян, и поэтому все илоты назывались мессенянами). (3) Так у лакедемонян началась война с мессенянами в Ифоме. Фасосцам же на третий год осады пришлось сдаться афинянам: они были вынуждены срыть стены своего города, выдать корабли, немедленно уплатить денежную контрибуцию, уплачивать отныне дань,[3] а также отказаться от рудников и всех своих владений на материке.

102. Так как война с мессенянами в Ифоме затянулась, лакедемоняне призвали на помощь союзников, в том числе афинян. Афиняне прибыли со значительным отрядом [1] под предводительством Кимона. (2) Призвали же их лакедемоняне главным образом потому, что афиняне считались особенно искусными в осадном деле. Но так как осада затянулась надолго, то явно обнаружилось неумение афинян овладеть крепостью: иначе ведь они взяли бы город приступом. (3) Лишь после этого похода впервые обнаружились разногласия между лакедемонянами и афинянами. Так как силой взять город оказалось невозможно, то лакедемоняне из опасения, что афиняне при их своевольной и неустойчивой политике могут, будучи к тому же иноплеменниками, при затянувшемся пребывании выступить против них вместе с мятежниками в Ифоме, отослали афинян обратно (причем только их одних из всех союзников). Правда, лакедемоняне открыто не высказывали своих подозрений, но просто заявили, что помощь афинян им больше не нужна. (4) Афиняне, однако, поняли, что их официально отсылают под столь благовидным предлогом, а в действительности им просто не доверяют. Они были возмущены и решили не терпеть более подобного обращения со стороны лакедемонян. По возвращении афиняне тотчас же разорвали союз, заключенный с ними для борьбы против Мидянина, и вступили в союз с врагами лакедемонян — аргосцами (а затем к этим двум городам присоединились, заключив клятвенный союз, также фессалийцы).[2]

103. Между тем мессеняне в Ифоме не могли уж больше держаться и на десятый год осады заключили с лакедемонянами соглашение, получив право свободно покинуть Пелопоннес, с условием, однако, никогда туда не возвращаться, ибо каждого из них, застигнутого там, всякий имел право задержать и обратить в рабство.[1] (2) Еще перед этим пифийский оракул изрек лакедемонянам повеление отпустить всякого молящего о защите у алтаря Ифомского Зевса. (3) Таким образом, мессеняне с женами и детьми покинули Пелопоннес, и афиняне из ненависти к лакедемонянам приняли их и переселили в Навпакт, только что захваченный ими у озольских локров.[2] (4) Мегарцы также присоединились к афинскому союзу, отложившись от лакедемонян,[3] потому что коринфяне пошли на них войной из-за пограничной области. Афиняне тогда заняли Мегары и Пеги, отстроили мегарцам длинные стены от города к Нисее и поставили

там свои гарнизоны. Именно с этого времени коринфяне и стали ожесточенными ненавистниками афинян.

104. В это время ливиец Инар, сын Псамметиха [1] (царь ливийцев, граничивших с Египтом), из своего опорного пункта Марей, египетского города над Фаросом, поднял восстание против царя Артаксеркса, охватившее бóльшую часть страны.[2] Приняв на себя начальствование, Инар обратился за помощью к афинянам. (2) Афиняне, которые как раз в это время выступили с союзниками на 200 кораблях в поход на Кипр,[3] покинули Кипр и прибыли в Египет. Поднявшись затем вверх по Нилу, они овладели рекой и двумя третями Мемфиса,[4] а потом напали на последнюю треть (так называемую «Белую Стену»), где нашли убежище бежавшие персы и мидяне и верные царю египтяне.

105. При высадке афинян в области Галиев произошла битва с коринфянами и эпидаврийцами, и победу одержали коринфяне.[1] Позднее афиняне сразились в морской битве с пелопоннесской эскадрой при Кекрифалии и победили противника. (2) Когда затем разразилась война афинян с эгинцами, то в большом сражении при Эгине (с участием союзников с обеих сторон) победителями вышли афиняне; [2] они захватили 70 кораблей эгинцев. Затем, высадившись на острове под предводительством Леократа, сына Стреба,[3] афиняне осадили город. (3) После этого на помощь эгинцам пелопоннесцы переправили 300 гоплитов (которые раньше были на службе у коринфян и эпидаврийцев). Они захватили также горную цепь Герании,[4] откуда коринфяне с союзниками вторглись в Мегариду. Афиняне теперь, как думали коринфяне, уже не смогут помочь мегарцам (ведь бóльшая часть их войска находилась на Эгине и в Египте). Если же афиняне все же захотели бы выручить мегарцев, то им пришлось бы покинуть Эгину. (4) Тем не менее афиняне не отозвали своего войска с Эгины, а набрали новый отряд (из оставшихся в городе по возрасту)[5] и отправили его под начальством Миронида [6] в Мегары. (5) После безрезультатного сражения с коринфянами противники разошлись, причем ни та, ни другая сторона не признала себя побежденной.[7] (6) После ухода коринфян афиняне (которые действительно имели некоторый перевес) воздвигли трофей. Коринфяне, между тем, возвратившись домой, были встречены там упреками и издевками стариков, и поэтому спустя дней двенадцать снова вооружились, вернулись на поле битвы и там воздвигли свой трофей, как победители. Тогда афиняне совершили внезапное нападение на коринфян [8] из Мегар, перебили людей, поставивших трофей, а остальных одолели в схватке.

106. Разбитые коринфяне начали отступление.[1] При этом довольно значительный отряд их, преследуемый неприятелем, сбился с пути и попал в усадьбу частного человека — земельный участок, обведенный широким рвом без выхода на другой стороне. (2) Заметив это, афиняне поставили перед входом гоплитов, а вокруг — легковооруженных воинов и перебили всех бывших там камнями. Для коринфян это поражение было большим бедствием. Впрочем, бóльшая часть отряда коринфян благополучно вернулась домой.

107. Приблизительно в это время афиняне начали строительство Длинных Стен до моря как к Фалерской гавани, так и к Пирею.[1] (2) И фокидяне совершили вторжение в Дориду,[2] древнюю родину лакедемонян с городами Бэем, Китинием и Эринеем,[3] и даже овладели одним из этих городов. Тогда лакедемоняне во главе с Никомедом, сыном Клеомброта (который правил вместо несовершеннолетнего царя Плистоанакта, сына Павсания), явились на помощь дорийцам с 1500 своих гоплитов и 10 000 союзников. Заставив фокидян пойти на соглашение и отдать город, лакедемоняне собрались в обратный путь. (3) При попытке переправиться морем через Крисейский залив[4] лакедемоняне могли бы ожидать помехи со стороны крейсировавшей там афинской эскадры. Путь же через Геранию считался небезопасным, так как афиняне стояли в Мегарах и Пегах. Действительно, труднопроходимые дороги в Геранию находились под постоянным наблюдением афинян, которые намеревались (как только что узнали лакедемоняне) и здесь их не пропустить.[5] (4) Тогда лакедемоняне решили пока что остаться в Беотии и обдумать, как безопаснее всего им возвратиться домой. Между прочим, их тайно побуждали к этой остановке в Беотии некоторые афиняне, рассчитывавшие[6] с их помощью свергнуть демократию и помешать строительству Длинных Стен. (5) Между тем афиняне все поголовно выступили против лакедемонян вместе с 1000 аргосцев и подошедшими отрядами прочих союзников (а всего в совокупности 14 000 человек). (6) Афиняне предприняли этот поход, решив, что лакедемоняне никак не смогут пройти на родину, а отчасти и оттого, что заподозрили попытку лакедемонян свергнуть демократию. (7) На помощь афинянам, согласно союзному договору,[7] явилась также и фессалийская конница, которая, однако, во время битвы перешла на сторону лакедемонян.

108. В битве, которая произошла при Танагре в Беотии, победу одержали лакедемоняне с союзниками (причем обе стороны понесли тяжелые потери).[1] (2) Потом лакедемоняне вступили в Мегариду и, опустошив поля и вырубив плодовые деревья, возвратились домой через Геранию и Истм. Спустя 62 дня после битвы афиняне во главе с Миронидом вторглись в Беотию, разбили беотян в битве при Энофитах[2] и подчинили всю Беотию и Фокиду.[3] (3) Они велели затем срыть стены Танагры, приказали опунтским локрам[4] выдать 100 заложников из богатейших граждан. К тому же времени они завершили постройку своих Длинных Стен. (4) Вскоре за тем эгинцы также сдались афинянам;[5] им тоже пришлось разрушить стены, выдать свои корабли и платить отныне подать.[6] Афинская эскадра под начальством Толмида, сына Толмея, обогнула также Пелопоннес.[7] Афиняне сожгли корабельную верфь[8] лакедемонян, захватили коринфский город Халкиду[9] и, высадившись в Сикионской области, одержали победу над сикионцами.

109. Между тем афиняне с союзниками все еще продолжали оставаться в Египте, сражаясь там с переменным успехом. (2) Действительно, сначала афинянам удалось овладеть всем Египтом. Затем персидский царь[1] отправил в Лакедемон перса Мегабаза с большой суммой

денег, рассчитывая склонить пелопоннесцев к вторжению в Аттику [2] и вынудить этим афинян покинуть Египет. (3) Однако его посольство постигла неудача, деньги были растрачены напрасно, и Мегабазу с остатком денег пришлось возвратиться в Азию. Тогда царь послал в Египет Мегабиза,[3] сына Зопира, во главе большого войска.[4] (4) Мегабиз прибыл в Египет по суше, разбил в сражении египтян и их союзников,[5] изгнал затем эллинов из Мемфиса и, наконец, запер их на острове Просопитиде.[6] Полтора года вел Мегабиз осаду острова, пока, наконец, ему не удалось осушить канал,[7] отведя воду в другое место, и посадить эллинские корабли на сушу, превратив большую часть острова в материк. После этого он перешел с войском на остров по суше и захватил его.

110. Таков был гибельный конец эллинского похода после шестилетней войны. Из всего войска лишь немногим удалось спастись через Ливию в Кирену,[1] бóльшая часть воинов погибла. (2) Теперь весь Египет вплоть до области царя Амиртея [2] в болотистых низинах дельты Нила вновь оказался под властью персидского царя. Однако царя Амиртея в его обширных болотах нельзя было одолеть (к тому же жители этих болотистых низин — самые храбрые воины среди египтян). (3) Инар же, ливийский царь, зачинщик всего восстания, вследствие измены попал в руки персов и был распят ими на кресте.[3] Между тем пятьдесят триер, посланных на смену в Египет из Афин и из других областей союза, вошли в Мендесийский рукав [4] Нила, ничего не подозревая еще о происшедших событиях. Здесь афинские корабли подверглись одновременно нападению персидской пехоты с суши и финикийской эскадры с моря. Бóльшая часть афинских кораблей погибла, и лишь немногие спаслись. Так окончился великий египетский поход афинян и их союзников.[5]

111. Изгнанный из Фессалии Орест,[1] сын фессалийского царя [2] Эхекратида, убедил афинян вернуть его на родину. Афиняне вместе с беотийцами и фокидянами (бывшими тогда их союзниками) выступили в поход [3] на Фарсал в Фессалии. Они захватили небольшую часть вражеской земли, именно столько, чтобы при этом не слишком удаляться от своего лагеря (ибо фессалийская конница их постоянно тревожила). Взять же город афиняне не смогли. Вообще поход постигла неудача, и, ничего не добившись, афинянам пришлось возвратиться назад вместе с Орестом.[4] (2) Немного спустя после этого афинская эскадра с 1000 афинян на борту вышла в море [5] из Пег (которыми афиняне тогда владели) и под начальством Перикла, сына Ксантиппа, проплыла вдоль побережья к Сикиону. Там афиняне высадились и в схватке с сикионцами одержали победу.[6] (3) Сразу же после этого, получив подкрепление от ахейцев, афиняне переправились в Акарнанию к Эниадам, двинулись на город и осадили его. Взять Эниады, однако, не удалось, и афинянам пришлось возвратиться ни с чем.

112. Спустя три года пелопоннесцы заключили с афинянами перемирие на пять лет. (2) Поэтому афиняне прекратили войну в Элладе и под предводительством Кимона пошли в поход на Кипр [1] с 200 собственных и союзнических кораблей. (3) Однако 60 из этих кораблей были посланы

в Египет по просьбе Амиртея,[2] царя болотистой низменности Нильской дельты. Остальные корабли начали осаду Кития.[3] (4) После смерти Кимона,[4] когда у афинян кончились запасы продовольствия, им пришлось, однако, отступить. Отплыв затем от Саламина на Кипр, афиняне одновременно вступили в сражение на море и на суше с финикийцами, килийкийцами и киприянами. Тут и там афиняне одержали победу и возвратились домой вместе с кораблями, вернувшимися из Египта. (5) После этого лакедемоняне начали так называемую священную войну. Они овладели дельфийским святилищем и передали его дельфийцам. После ухода лакедемонян афиняне пришли с войском и, захватив святилище, возвратили его фокидянам.[5]

113. Через некоторое время афиняне с 1000 своих гоплитов и отдельными отрядами союзников под начальством Толмида, сына Толмея, выступили в поход против беотийских изгнанников, захвативших Орхомен, Херонею и некоторые другие места Беотии. Овладев Херонеей [1] и продав в рабство жителей города, афиняне оставили там гарнизон и ушли. (2) Однако на обратном пути у Коронеи [2] на них напали беотийские изгнанники из Орхомена вместе с локрами и евбейскими изгнанниками и другими их единомышленниками.[3] В битве афиняне потерпели поражение, причем бóльшая часть их была перебита [4] или взята в плен. (3) Из-за этой неудачи афинянам пришлось оставить всю Беотию.[5] По условиям перемирия они выговорили себе лишь возвращение пленников. (4) Беотийские же изгнанники, равно как и все остальные, возвратились на родину и вновь получили независимость.[6]

114. Немного спустя после этого отпала от афинян Евбея.[1] Афинское войско во главе с Периклом уже переправилось на Евбею, когда пришли известия о восстании в Мегарах, о предполагаемом вторжении пелопоннесцев в Аттику и об избиении мегарцами всего афинского гарнизона, из которого лишь немногим удалось спастись в Нисею: мегарцы отпали от афинян, призвав на помощь коринфян, сикионцев и эпидаврян. Тогда Перикл поспешно вывел свое войско с Евбеи.[2] (2) После этого пелопоннесцы под предводительством лакедемонского царя Плистоанакта, сына Павсания, вторглись в Аттику, дойдя до Элевсина и Фрии,[3] и опустошили страну; однако дальше не пошли и возвратились домой.[4] (3) Тогда афиняне под начальством Перикла вновь переправились на Евбею и покорили весь остров.[5] По договору с жителями они установили во всех городах угодное им государственное устройство.[6] Только гестиейцев они изгнали из их области и сами завладели ею.[7]

115. Вскоре после ухода с Евбеи афиняне заключили с лакедемонянами [1] и их союзниками тридцатилетний мир, причем отдали свои пелопоннесские владения: Нисею, Пеги, Трезен и Ахаию.[2] (2) Шесть лет спустя вспыхнула война Самоса с Милетом из-за Приены.[3] Когда милетяне стали терпеть поражения, то обратились к афинянам с жалобами на самосцев. Однако и на Самосе нашлись люди, желавшие политических перемен. (3) Поэтому афиняне отплыли на Самос [4] с 40 кораблями, установили там демократию и потребовали выдачи в качестве заложников

50 мальчиков и столько же взрослых мужчин и затем отправили их на Лемнос.[5] Оставив на Самосе гарнизон, афиняне отплыли назад. (4) Между тем некоторые самосцы, не ожидая высадки афинян, бежали на материк в Сарды и там договорились с влиятельными лицами из местной аристократии и с Писсуфном,[6] сыном Гистаспа, который был тогда сатрапом Сард, совершить внезапное нападение на Самос. С отрядом человек в 700 заговорщики ночью переправились на остров. (5) Прежде всего они напали на главарей демократического правительства, большинство которых им удалось захватить. Затем похитили своих заложников с Лемноса, открыто объявили независимость и выдали захваченный ими афинский гарнизон и начальников,[7] поставленных Периклом, Писсуфну. После этого заговорщики тотчас же стали готовиться к походу на Милет. Одновременно с ними восстали также и византийцы.[8]

116. Узнав о событиях на Самосе, афиняне отплыли туда на 60 кораблях. Шестнадцать из этих кораблей, впрочем, афиняне не могли использовать, так как часть их пришлось послать в Карию для разведки и наблюдения за финикийской эскадрой,[1] а другую на Хиос и Лесбос, чтобы призвать на помощь союзников. С остальными 44 кораблями под командой Перикла и девяти других военачальников[2] афиняне у острова Тragии[3] вступили в бой с 70 самосскими кораблями, 20 из которых были транспортными (вся самосская эскадра шла как раз из Милета). Победу одержали афиняне. (2) Затем, пополнив свои силы 40 кораблями из Афин и 25 — с Хиоса и Лесбоса, афиняне высадились на Самосе, одержали победу на суше и осадили город, заперев его тремя стенами с суши и одновременно блокировав с моря. (3) В это время Перикл получил известие о приближении финикийской эскадры[4] и немедленно вышел в море с 60 кораблями из числа стоявших на якоре у Самоса, держа курс на Кавн и Карию. Действительно, и от Самоса навстречу финикийской эскадре незаметно вышли 5 кораблей под командой Стесагора[5] и других военачальников.

117. Между тем самосцы внезапно напали[1] на своих кораблях на незащищенную стоянку афинской эскадры, потопили сторожевые суда и одержали победу над вышедшими навстречу афинскими кораблями. Таким образом, самосцы вновь обрели на 14 дней господство в своих внутренних водах и могли теперь привозить и вывозить все, что хотели. (2) По возвращении Перикла они снова были блокированы афинской эскадрой. Позднее афиняне получили из Афин дополнительные подкрепления — 40 кораблей под командой Фукидида,[2] Гагнона[3] и Формиона и 20 — под командой Тлеполема и Антикла, и, кроме того, еще 30 хиосских и лесбосских судов. (3) Самосцы еще раз завязали незначительное морское сражение, но уже не смогли долго держаться и на девятом месяце осады сдались афинянам.[4] По соглашению о сдаче им пришлось срыть свои стены, выдать заложников и корабли, а также принять на себя военные расходы с выплатой в определенные сроки. Сдались также и византийцы,[5] обязавшиеся, как и раньше, оставаться подданными афинян.

118. Через несколько лет произошли упомянутые выше раздоры на Керкире и в Потидее,[1] а также и остальные события, послужившие непосредственным поводом к этой войне.[2] (2) Все эти военные действия эллинов друг против друга и против Варвара падают приблизительно на пятидесятилетие, прошедшее со времени ухода Ксеркса из Эллады до начала этой войны. За эти годы афиняне не только укрепили внешнее положение своей державы, но и сам город достиг великой мощи.[3] Лакедемоняне же хотя и замечали рост афинского могущества, но почти никогда не чинили афинянам помех; бóльшую часть этого периода они сохраняли спокойствие, во-первых, потому что без особой необходимости вообще не начинали войн,[4] а кроме того, и потому, что были отвлечены своей внутренней войной. Когда же, наконец, Афины достигли явного преобладания и стали даже нападать на союзников лакедемонян, те сочли подобное положение недопустимым.[5] Они решили теперь со всем усердием взяться за дело и по возможности сокрушить могущественного врага силой оружия. (3) Сами лакедемоняне уже признали, что мир нарушен по вине афинян, но все же отправили посольство в Дельфы вопросить бога: разумно ли им начинать войну или нет. А бог, как говорят,[6] изрек в ответ: если они будут вести войну всеми силами, то победят, а сам он — званый ли незваный — будет на их стороне.

119. Тогда лакедемоняне созвали союзников, чтобы голосованием решить, следует ли объявлять войну.[1] По прибытии союзных послов собралось совещание, причем каждый город высказывал свое мнение. Большинство жаловалось на афинян, требуя объявления войны. Коринфяне же и раньше, боясь, как бы не потерять Потидею, старались уговорить отдельные города голосовать за войну и на собрании, выступив последними, произнесли такую речь.

120. «Теперь, союзники, мы уже не можем обвинять лакедемонян, поскольку они и сами решились воевать и нас собрали сюда для голосования относительно войны. Ведь вождям союза подобает заниматься не только собственными делами, но предусматривать равным образом и общие интересы, раз им и в других областях предоставлены почетные преимущества перед всеми союзниками. (2) И те из нас, кто уже имел дело с афинянами, не нуждаются в наставлениях, что с ними нужно быть настороже. Но те, кто живет в глубине страны,[1] далеко от моря, должны знать, что вывоз их собственных продуктов, а также ввоз товаров морем на материк будет значительно затруднен, если они теперь же не защитят приморские города. Поэтому они не должны выносить неправильное решение по обсуждаемому вопросу, воображая, будто он вовсе их не касается. Если они покинут приморские города на произвол судьбы, то, без сомнения, опасность дойдет когда-нибудь и до них, так что и теперь речь идет также и об их интересах. (3) Поэтому пусть они, не колеблясь, выбирают войну, а не мир. Люди рассудительные, пока их не тревожат, сохраняют мир. Но доблестные люди, когда их права нарушены, меняют мир на войну и, только достигнув удовлетворения, возвращаются к миру. Они не возносятся военными успехами, но и не дадут себя в обиду ради

любви к миру и покою.[2] (4) Ведь и тот, кто избегает войны ради утех мира, скорее всего лишится радости покоя, и тот, кто слишком возгордился военными успехами, не сознает, как легко можно просчитаться, поддавшись безрассудной отваге. (5) Иногда, правда, и необдуманные планы удаются, так как враги оказываются еще более безрассудными, но чаще даже и хорошо рассчитанные начинания все же кончаются печально. Никто ведь не бывает равно предусмотрительным, задумывая план и приводя его в исполнение. В рассуждениях мы тверды, а в действиях уступаем страху.

121. Сейчас мы поднимаемся на войну, так как терпим обиды и у нас есть причины жаловаться. И когда мы разочтемся с афинянами, настанет пора отложить оружие. (2) Многое делает вероятной нашу победу. Прежде всего, на нашей стороне превосходство в численности и в военном опыте, и мы все как один готовы выступить под единым началом. (3) Флот же (в чем у них преимущество) мы построим частью на средства отдельных союзных городов, а частью на храмовые средства Дельфов и Олимпии. Получив займы, мы сможем переманить к себе наемных матросов противника, подкупив их более высокой платой. Ведь у афинян в войске служит больше наемников, чем своих граждан. Наше же войско — не подвержено этому, его сила не в деньгах, а в людях. (4) По всей вероятности, после первой же нашей победы на море афиняне сразу сдадутся. Если же все-таки они будут стойко сопротивляться, то мы со временем, все больше совершенствуясь в морском деле, сравняемся с ними в этом искусстве и, конечно, благодаря нашему мужеству превзойдем их. Ведь наша доблесть — врожденная, и они ей не научатся, а их высокое военное искусство мы сможем усвоить упражнением. (5) Средства, необходимые для этой войны, мы соберем. Можно ли допустить, что афинские союзники не откажутся платить подати, служащие только к их окончательному порабощению, а мы не захотим понести затраты, чтобы покарать врагов и спасти нашу жизнь, и позволим афинянам отнять наши деньги на нашу погибель.

122. Есть у нас и другие пути и средства вести войну. Мы можем склонить к восстанию афинских союзников и этим лишить афинян прежде всего доходов — главного источника могущества — или возвести укрепления на их земле.[1] Найдется и еще много других средств и способов, которые в частностях заранее нельзя предвидеть. Ведь очень редко войну ведут по заранее определенному плану, но чаще всего сама война выбирает пути и средства в зависимости от обстоятельств. Поэтому тот, кто спокойно оценивает обстановку, вернее добьется успеха на войне, тот же, кто утрачивает хладнокровие, несомненно столкнется с поражениями. (2) Допустим, что дело у нас шло бы только о пограничной войне какого-нибудь союзного города с равным противником — это еще можно было бы стерпеть. Но афиняне не уступают в силе всему нашему союзу и, тем более, превосходит каждый наш город в отдельности. Поэтому, если весь наш союз, каждая народность и каждый отдельный город единодушно не окажут им противодействие, то они без особого труда одолеют нас по-

розни. Знайте же: поражение (как ни горестно такое предположение) привело бы нас к подлинному рабству. (3) А об этом Пелопоннесу стыдно даже помыслить; стольким городам потерпеть такое унижение от одного города.[2] Если мы допустим это, о нас подумают, что мы либо наказаны справедливо, либо терпим рабство из трусости. Мы окажемся недостойными своих отцов — освободителей Эллады, если не обеспечим свободу самим себе и позволим одному городу стать единодержавным властелином Эллады, между тем как в отдельных городах требуем низвержения тиранов. (4) Не видим возможности рассматривать подобное поведение иначе, как проявление трех величайших пороков, свойственных человеку — глупости, слабости и нерадения. Надеемся, что вы, избегнув этих пороков, не впали и в порок самолюбования, которое погубило уже столь многих, что заслуживало бы быть переименованным в самоубивание.

123. К чему, однако, распространяться о прошлом долее, чем это полезно для настоящего? Не оставляя текущих дел, вы должны трудиться еще и для будущего (ведь добывать доблесть «тягостным потом» вам завещали отцы). Такого правила вам следует держаться и дальше, даже если теперь вы стали немного богаче и могущественнее и можете позволить себе больше, чем ваши отцы. Было бы несправедливо приобретенное в бедности потерять теперь, когда вы в достатке. Смело начинайте войну, на что вас побуждает многое. Бог изрек вам оракул и обещал свое заступничество. Вся остальная Эллада либо из страха, либо из выгоды будет на вашей стороне. (2) Вы даже не нарушите первыми мирного договора (ведь и бог также считает его уже нарушенным, повелевая вам воевать). Напротив, вы выступите за мир, после того как другая сторона его нарушила. Ведь не тот нарушитель мира, кто защищается, а тот, кто нападает первым.

124. Итак, у вас во всех отношениях наилучшие возможности для войны, и так как мы все единодушно[1] требуем вынести решение о войне (поскольку оно совершенно очевидно в интересах как городов, так и частных граждан), то не медлите больше, помогите потидейцам и добейтесь свободы для остальных городов. Потидейцы — доряне, и теперь они осаждены ионянами (тогда как прежде всегда бывало наоборот).[2] Недопустимо дольше терпеть, когда одни города уже сегодня подвергаются насилию, а других (как только станет известно, что мы, собравшись здесь, не нашли мужества взяться за оружие для защиты) не замедлит постигнуть та же участь. (2) Поэтому поймите, союзники, что вы дошли до крайности и при таком положении мы даем вам наилучший совет: голосуйте за войну, не давайте запугать себя предстоящими трудностями, но стремитесь к более длительному миру после войны. (3) Ведь прежде всего, объявив войну, вы скорее добьетесь прочного мира, а из любви к миру отказываться от войны небезопасно. Нет сомнения, что этот город, ставший тираном Эллады, одинаково угрожает всем: одни города уже в его власти, а над другими он замышляет установить свое господство. Поэтому, давайте немедленно выступим против него и поставим его на место, чтобы впредь не только самим жить в безопасности, но и освободить порабощенных ныне эллинов». Так говорили коринфяне.

125. Выслушав мнение всех союзников, лакедемоняне провели голосование среди всех присутствующих по порядку, не делая различия между большими и малыми городами. И большинство городов подало голос за войну.[1] (2) Сразу же выполнять это решение было невозможно ввиду недостаточной подготовленности к войне пелопоннесских союзников. Поэтому постановили, чтобы каждый город сделал необходимые приготовления, и притом немедленно. Тем не менее, подготовка к войне заняла много времени (хотя и не целый год),[2] прежде чем дело дошло до вторжения в Аттику и открытого начала военных действий.

126. Тем временем лакедемоняне вновь отправили посольство в Афины с жалобами, чтобы иметь более веский повод[1] к войне, если не получат от них удовлетворительного ответа. (2) Прежде всего лакедемоняне потребовали через послов очистить город от осквернения,[2] причиненного храму Богини. Это осквернение состояло в следующем. (3) Жил в старину[3] в Афинах некто Килон, олимпийский победитель,[4] человек влиятельный и знатного рода. Он взял себе в жены дочь мегарца Феагена, в то время тирана Мегар. (4) Этому-то Килону, вопросившему оракул в Дельфах, бог изрек пророчество: на величайшем празднике Зевса Килон должен овладеть афинским акрополем. (5) Во время игр в пелопоннесской Олимпии Килон с отрядом вооруженных людей, присланных Феагеном, и своими приверженцами захватил акрополь, намереваясь стать тираном. Он полагал, что это и есть тот «величайший праздник Зевса», о котором изрек ему оракул, и что он как победитель в Олимпии имеет особое основание толковать оракул именно так. (6) Подразумевалось ли в вещании «величайшее празднество» в Аттике или где-либо в другом месте, об этом Килон не подумал, а оракул не разъяснил. (Ведь в Аттике также есть празднество — Диасии,[5] которые называются «величайшим праздником» Зевса Милостивого и справляются за городом). На празднестве совершаются всенародные жертвоприношения; многие приносят жертвы, но не животные, а бескровные. Килон, считая, что правильно понял оракул, и приступил к задуманному делу. (7) Едва об этом событии узнали в городе, как жители толпами сбежались с полей и, расположившись перед акрополем, осадили Килона с его приверженцами. (8) Однако через некоторое время, утомленные осадой, они разошлись по домам. Охранять же акрополь поручили девяти архонтам с правом распоряжаться по своему усмотрению (в те времена большая часть государственных дел была в ведении девяти архонтов).[6] (9) Между тем осажденные Килон и его сторонники страдали от голода и жажды. (10) Килону и его брату удалось бежать. Остальные же, находясь уже при смерти, сели у алтаря богини, как умоляющие о защите. (11) Когда афинские стражи акрополя увидели, что осажденные вот-вот умрут в святилище, они вывели их оттуда, пообещав не причинять вреда, а затем умертвили. Убили также несколько человек, искавших спасения в святилище Милостивых богинь.[7] С тех пор всех, участвовавших в этом святотатстве, и их потомков стали называть нечестивцами и осквернителями богини. (12) Афиняне изгнали этих нечестивцев, а впоследствии лакедемонянин Клеомен[8]

с помощью восставших афинян вторично изгнал живущих, а кости умерших велел вырыть из могил и выбросить из страны. Однако позже изгнанники возвратились, и их потомки[9] еще и поныне живут в городе.

127. Эту-то скверну лакедемоняне и потребовали изгнать, прежде всего для того, чтобы умилостивить богов, но также и потому, что, как им было известно, Перикл, сын Ксантиппа, был причастен к этой скверне со стороны матери.[1] Лакедемоняне считали, что после изгнания Перикла они легче справятся с афинянами. (2) И хотя прямо на изгнание Перикла нельзя было рассчитывать, но все же лакедемоняне надеялись этим подорвать его положение в государстве, так как его несчастное родство могло быть сочтено частично причиной войны. (3) Действительно, Перикл был в то время самым влиятельным человеком[2] и пока стоял во главе государства, всегда был врагом лакедемонян. Он не только не допускал уступчивость, но, напротив, побуждал афинян к войне.

128. В свою очередь афиняне также потребовали от лакедемонян очиститься от скверны, изгнав виновников преступления на Тенаре: некогда лакедемоняне убедили илотов, нашедших убежище в святилище Посейдона на Тенаре, выйти оттуда и вероломно умертвили их. Это святотатство и было, по мнению самих лакедемонян, причиной великого землетрясения в Спарте. (2) Кроме того, афиняне выставили лакедемонянам требование очиститься от святотатства, которым они запятнали себя против Афины Меднодомной.[1] Состояло оно вот в чем. (3) После первого отрешения[2] Павсания от должности главнокомандующего на Геллеспонте лакедемоняне привлекли его к суду, но оправдали.[3] Однако главнокомандующим от имени государства на Геллеспонте его уже не послали. Тем не менее Павсаний по своему почину снарядил гермионскую[4] триеру и прибыл на Геллеспонт якобы для того, чтобы сражаться за дело эллинов,[5] а в действительности для тайных переговоров с персидским царем (что он, впрочем, сделал уже и раньше, стремясь к владычеству над всей Элладой). (4) Первым шагом к тому, чтобы завязать сношения с персами, была услуга, оказанная царю Павсанием по следующему поводу. (5) После отъезда с Кипра во время первого пребывания Павсания на Геллеспонте в его руки при взятии Византия[6] попало среди пленников мидийского гарнизона несколько близких родственников царя. Без ведома остальных союзников Павсаний отослал их царю (по его утверждению, пленникам будто бы удалось бежать). (6) А устроил этот побег Павсаний с помощью эретрийца Гонгила,[7] которому поручил ведать городом и отдал пленников. Этого Гонгила он отправил к царю с посланием, в котором, как выяснилось впоследствии, писал вот что: «Павсаний, спартанский предводитель, желая оказать тебе услугу, отсылает тебе этих взятых им пленников.[8] Я готов, если тебе угодно, взять твою дочь в жены[9] и подчинить Спарту и всю остальную Элладу твоему владычеству. В союзе с тобой, полагаю, я в состоянии это совершить. Если тебе по душе эти мои предложения, то пошли к морю верного человека для продолжения этих переговоров».

129. Таково было содержание послания. Получив его, Ксеркс обрадовался и отправил к морю Артабаза, сына Фарнака,[1] с повелением управлять Дасклийской сатрапией,[2] отрешив Мегабата, который прежде правил ею. Царь приказал также Артабазу немедленно передать Павсанию в Византий ответное послание с предъявлением царской печати и все поручения Павсания по царским делам выполнять точно и неукоснительно. (2) Прибыв в назначенное место, Артабаз выполнил все царские поручения и передал ответное послание. А в ответе царь писал вот что: «Так говорит царь Ксеркс Павсанию. Добрая услуга, которую ты оказал мне спасением моих пленных людей, которых ты прислал ко мне из-за моря из Византия, записана и хранится на вечные времена в памяти нашего дома. Твои предложения мне по душе. Ни днем, ни ночью [3] не прекращай трудов, выполняя свой замысел. Знай, что для выполнения твоего замысла будет у тебя всегда сколько угодно золота, серебра и достаточное войско, где бы оно ни потребовалось. Я послал к тебе Артабаза, доблестного мужа. Ему ты можешь довериться и обсудить с ним наше общее дело, имея в виду наибольшую выгоду для нас обоих».

130. Получив это царское послание, Павсаний (который и раньше был в великом почете у эллинов как главнокомандующий при Платеях) теперь еще более возгордился. Не довольствуясь прежним простым образом жизни, он стал носить мидийское платье и после отъезда из Византия ехал через Фракию в сопровождении мидийских и египетских телохранителей; он завел роскошный персидский стол и, не будучи в состоянии скрыть свои настроения, уже в мелочах обнаруживал, чего можно ожидать от него в будущем. (2) Нелегко было получить к нему доступ,[1] и его высокомерные повадки делали невозможным всякое общение с ним. Именно по этой причине союзники главным образом и перешли к афинянам.[2]

131. А лакедемоняне, узнав о таком поведении Павсания, именно тогда в первый раз отозвали его, а затем он, отплыв без приказания в Геллеспонт на упомянутом гермионском корабле, видимо, продолжал вести себя по-прежнему. Когда афиняне силой заставили его покинуть Византий, Павсаний не возвратился в Спарту, а поселился в Колонах Троадских [1] и, по слухам, тайно вступил в сношения с варварами, так что его дальнейшее пребывание там не сулило ничего хорошего. Тогда лакедемоняне вторично отозвали его: эфоры отправили к нему глашатаев с приказом, навернутым на скиталу,[2] следовать за глашатаем и в случае неповиновения объявляли ему войну. (2) Павсаний, чтобы не возбуждать дальнейших подозрений, в уверенности, что уладит дело подкупом, вторично возвратился в Спарту. Здесь эфоры сначала заключили его в темницу (эфоры ведь имеют власть заключать под стражу даже самого царя). Затем, однако, Павсанию удалось добиться освобождения: он объявил, что готов добровольно отвечать перед судом всем, кто пожелает выставить против него обвинения.

132. Впрочем, достоверных доказательств вины Павсания как у властей, так и у его личных врагов среди спартиатов не было, чтобы на этом основании с твердой уверенностью покарать человека царского проис-

хождения, да к тому же еще и теперь облеченного высоким саном (ведь как племянник царя Леонида он был опекуном его малолетнего сына Плейстарха). Тем не менее его образ жизни, несхожий с установленными обычаями, и стремление подражать варварам давали множество поводов подозревать, что он не желает как равный подчиняться спартанским обычаям. (2) Поэтому лакедемоняне вообще стали выискивать, не было ли у Павсания и в прошлом каких-либо отклонений от установленных обычаев. Между прочим, вспомнили, что Павсаний осмелился самовольно начертать на треножнике,[1] посвященном эллинами в Дельфы как приношение из мидийской добычи, следующее элегическое двустишие:

> Эллинов вождь и начальник Павсаний, в честь Феба владыки
> Памятник этот воздвиг, полчища мидян сломив.

(3) Это двустишие лакедемоняне велели тотчас же выскоблить с треножника и взамен вырезать имена всех городов, воздвигнувших этот жертвенный дар после общей победы над Варваром. Если своим поступком Павсаний уже в то время внушал подозрение, то по его теперешнему поведению можно было со всей вероятностью заключить, что у него уже тогда были подобные преступные замыслы. (4) Вели розыск о каких-то его переговорах с илотами. А дело обстояло вот как. Павсаний сулил илотам свободу и гражданские права, если те поднимут восстание в поддержку его замыслов. (5) Но даже несмотря на это, эфоры все же не поверили доносам каких-то илотов и не решились выступить против Павсания, согласно правилу никогда не спешить и без явных доказательств не предпринимать против спартиата чего-либо непоправимого, пока, как говорят, не предал его эфорам вестник, который должен был вручить Артабазу его последнее послание. Этот вестник, уроженец Аргила,[2] был прежде любовником Павсания и, по его мнению, самым верным человеком. Когда он сообразил, что никто из прежних вестников не возвращался назад, то вскрыл послание, предварительно подделав печать, чтобы не выдать себя в случае ложного подозрения или, если Павсаний возьмет послание назад, чтобы внести какие-либо изменения. В послании, как он и подозревал, действительно нашел приписку, в которой значилось, что вестника следует умертвить.

133. Итак, лишь теперь, после того как аргилец предъявил им послание, эфоры были уже более склонны поверить вине Павсания, но все же сначала пожелали услышать какие-либо показания из его собственных уст. По уговору с эфорами доносчик отправился на Тенар как умоляющий о защите и построил там себе хижину, разделенную перегородкой на две части. В заднем помещении он скрыл нескольких эфоров. Когда Павсаний пришел в хижину и спросил аргильца о причине его моления о защите, эфоры могли ясно слышать всю их беседу: как этот человек, упрекая Павсания в том, что было написано о нем в послании, изложил во всех подробностях обстоятельства дела, а именно, что он никогда раньше не подвергал опасности Павсания, оказывая услуги при сношениях с царем, и что теперь в воздаяние за все это его

наравне со многими другими вестниками приносят в жертву и хотят умертвить. Затем и Павсаний признал справедливость упреков и просил аргильца больше не гневаться, заверив его, что он безопасно может покинуть святилище, и, наконец, потребовал как можно скорее отправиться в путь, чтобы не затягивать переговоры.

134. Выслушав весь этот разговор, эфоры возвратились уже совершенно убежденные в виновности Павсания и приказали задержать его.[1] Когда Павсания пытались схватить на улице, он, как передают, узнал по выражению лица одного из эфоров, с какой целью тот подошел (и по едва заметному кивку другого эфора, дружески предупреждавшего его). Тогда Павсаний побежал к находившемуся поблизости святилищу Меднодомной богини, где и нашел убежище. Войдя затем в небольшую храмовую пристройку, чтобы не подвергаться непогоде под открытым небом, он стал спокойно ждать своей участи. (2) Не успев задержать его, эфоры приказали снять крышу и двери помещения и, улучив момент, когда Павсаний находился внутри, замуровали выход. Затем они приставили стражу к дому, чтобы голодом вынудить пленника сдаться. (3) Заметив, что он уже готов испустить дух, эфоры велели вытащить его из помещения, после чего он тут же скончался. (4) Тело Павсания хотели сначала сбросить в Кеадскую пропасть, куда обычно бросали преступников,[2] но потом решили зарыть где-то поблизости. Впоследствии,[3] однако, дельфийский бог изрек лакедемонянам повеление перенести погребение на место смерти (где прах его находится и поныне, именно на площадь перед святилищем, как гласит надпись на стелах), а во искупление святотатства[4] посвятить Афине Меднодомной два тела взамен[5] одного. Впоследствии лакедемоняне велели изваять и принести в дар богине две медных статуи за Павсания.[6]

135. Афиняне со своей стороны потребовали от лакедемонян изгнать скверну, так как ведь и бог признал происшествие нарушением святыни. (2) После смерти Павсания лакедемоняне отправили посольство в Афины, чтобы также и Фемистокла обвинить в сношениях с мидянами, установленных расследованием по делу Павсания, и потребовали такого же наказания также и для него. (3) Афиняне согласились (Фемистокл тогда уже был изгнан остракизмом[1] и жил в Аргосе, но посещал и другие земли Пелопоннеса) и вместе с лакедемонянами, которые изъявили готовность участвовать в этом, послали людей с приказанием схватить Фемистокла, где бы они его ни нашли.

136. Фемистокл проведал об этом и бежал на Керкиру, так как был благодетелем[1] керкирян. Керкиряне же объявили, что не могут оставить его у себя из боязни навлечь на себя вражду лакедемонян и афинян, и переправили его на близлежащий материк. (2) Преследуемый посланными, которые узнавали по расспросам, куда он направлялся, Фемистокл по неблагоприятному для него стечению обстоятельств был вынужден искать убежища у своего недруга Адмета, царя молоссов. (3) Сам Адмет в это время отсутствовал. А супруга царя, когда Фемистокл обратился к ней с просьбой о защите, научила его сесть у очага, взяв на руки их

маленького сына.[2] (4) Когда Адмет вскоре возвратился домой, Фемистокл открыл свое имя и просил не мстить изгнаннику, хотя он, Фемистокл, действительно (когда царь обращался в Афины за помощью) выступал против него.[3] Ведь он, Фемистокл, теперь в такой крайности, что может пострадать от гораздо более слабого противника, а благородно мстить лишь равному себе и в равном положении. Кроме того, он выступил против просьбы Адмета, когда дело шло о пустяках, а не о жизни и смерти. Если же его теперь выдадут, то ему придется оставить надежду на спасение. Затем Фемистокл рассказал царю, кто и за что преследует его.

137. Тогда Адмет велел Фемистоклу встать вместе с его сыном (Фемистокл сидел у очага с маленьким сыном царя на руках, и это было самым действенным средством[1] мольбы о защите). И когда немного спустя прибыли лакедемоняне и афиняне, настоятельно требуя выдачи Фемистокла, царь все-таки отказал, а Фемистокла велел проводить через свою землю к другому берегу[2] в Пидну, столицу царя Александра[3] (так как изгнанник хотел отправиться к персидскому царю). (2) Здесь ему удалось сесть на грузовой корабль, плывший как раз в Ионию. Бурей, однако, корабль отнесло к стоянке афинской эскадры, которая осаждала Наксос.[4] До сих пор на корабле никто не знал его имени. Только теперь, в тревоге за свою жизнь, Фемистокл открылся капитану корабля, кто он и почему его преследуют. Если капитан не спасет его, сказал Фемистокл, то он объявит, что тот принял его на борт, будучи подкуплен. Единственная гарантия его безопасности в том, чтобы никто не сходил на берег, пока корабль не двинется дальше при попутном ветре. Если же капитан согласится на это, то в благодарность получит достойную награду. Капитан исполнил просьбу Фемистокла: пробыв сутки в открытом море вне пределов досягаемости афинской эскадры, он прибыл затем в Эфес. (3) В благодарность за спасение Фемистокл одарил капитана крупной денежной суммой (он получил потом от друзей из Афин и Аргоса отданные им на хранение деньги).[5] Вместе с одним персом, жителем приморской области, Фемистокл отправился затем в путешествие в глубь Азии и по пути отправил послание недавно вступившему на престол сыну Ксеркса царю Артаксерксу.[6] (4) Послание гласило так:[7] «Я, Фемистокл, прихожу ныне к тебе. Я причинил вашему дому больше всего вреда из всех эллинов, пока мне приходилось обороняться от нападения твоего отца, но я сделал ему еще гораздо больше добра, когда мне уже нечего было бояться, а он попал в опасное положение на обратном пути. И этим я приобрел право на благодарность». (Здесь Фемистокл сослался на то, что предупредил об отступлении от Саламина и воспрепятствовал разрушению моста — заслуга, которую он приписал себе неосновательно). «Даже и теперь я в состоянии оказать большие услуги и пришел к тебе, потому что эллины преследуют меня как твоего друга. Через год ты услышишь от меня самого, что привело меня к тебе».

138. Царь, как передают, очень обрадовался и предоставил Фемистоклу действовать, как он желал. Фемистокл же воспользовался вре-

менем, чтобы как можно лучше изучить персидский язык и познакомиться с местными обычаями. (2) Через год Фемистокл прибыл к царю и тотчас же занял у него положение, какого еще никогда не занимал ни один эллин, отчасти из-за своей прежней славы, отчасти же оттого, что подал царю надежду на покорение Эллады, но прежде всего потому, что выказал себя необыкновенно умным человеком. (3) Действительно, Фемистокл был чрезвычайно одарен от природы и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления. Даже полученное им образование ничего существенного не прибавило к его природным дарованиям. Отличаясь выдающейся остротой ума, он был величайшим мастером быстро [1] разбираться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах текущего момента и, кроме того, обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, всегда у него находились подходящие слова и выражения, чтобы объяснить другим свои действия, и даже в той области, с которой он непосредственно не соприкасался, умел тотчас найти здравое суждение. По ничтожным признакам Фемистокл прозревал, предвещают ли они что-либо хорошее или плохое. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий.[2] (4) Жизнь свою он окончил от недуга.[3] Иные, впрочем, рассказывают, будто он умертвил себя ядом,[4] убедившись, что не может выполнить своих обещаний царю. (5) Надгробный памятник его стоит на рыночной площади в азиатской Магнесии;[5] он ведь был правителем этой области, так как царь пожаловал ему Магнесию (приносившую 50 талантов дохода ежегодно) «на хлеб», Лампсак [6] (знаменитый, как тогда считалось, своими виноградниками) — «на вино», а Миунт — «на приправу».[7] (6) Останки Фемистокла, как говорят, были его близкими тайно преданы земле в Аттике: открыто его нельзя было похоронить в родной земле, так как он был изгнан за измену. Таков был конец самых знаменитых людей своего времени в Элладе — лакедемонянина Павсания и афинянина Фемистокла.

139. Вот какие требования выставили лакедемоняне при первом посольстве относительно изгнания осквернителей, и что афиняне в свою очередь потребовали от них. Затем лакедемоняне еще много раз отправляли посольство в Афины, настоятельно предлагая снять осаду Потидеи и признать независимость Эгины. Но прежде всего и совершенно определенно лакедемоняне заявляли, что войны не будет, если афиняне отменят постановление о мегарцах,[1] которое гласило: мегарцам запрещается пользование гаванями в пределах афинской державы и аттическим рынком.[2] (2) Афиняне, однако, отвергли все эти требования и, в частности, не отменили мегарского постановления. Со своей стороны, они обвиняли мегарцев в том, что те запахали священный участок и спорную землю и укрывают у себя беглых рабов.[3] (3) Наконец, из Лакедемона прибыли еще послы — Рамфий, Мелесипп и Агесандр.[4] Не касаясь поднятых прежде вопросов, послы ограничились только следующим заявлением: «Лакедемоняне желают мира, и мир будет, если вы признаете независимость

эллинов». Тогда афиняне созвали по этому вопросу народное собрание, и было решено, обсудив все обстоятельства, дать лакедемонянам окончательный ответ. (4) Мнения многочисленных ораторов, выступавших на собрании, разделились: одни были за войну, между тем как другие считали, что мегарское постановление не должно быть помехой миру[5] и его следует отменить. Тогда выступил Перикл, сын Ксантиппа, в то время[6] — первый человек в Афинах, одинаково выдающийся как оратор и как государственный деятель, и обратился к собранию с такой речью.

140. «Я всегда держусь, афиняне, такого мнения, что не следует уступать пелопоннесцам, хотя и знаю, что люди с большим воодушевлением принимают решение воевать, чем на деле ведут войну, и меняют свое настроение с переменой военного счастья. (2) Но я и теперь вижу, что должен вам посоветовать то же, или почти то же, что и ранее, и считаю справедливым, чтобы те из вас, кто согласился с общим решением, поддержат его, даже если нас постигнет неудача, а в случае успеха не приписут его своей проницательности. Ведь исход событий так же нельзя предвидеть, как проникнуть в человеческие мысли. Поэтому мы и непредвиденные бедствия обычно приписываем случайности. (3) Лакедемоняне уже давно открыто замышляют против нас недоброе, а теперь — особенно. Хотя они и согласились улаживать взаимные притязания третейским судом и признали, что обе стороны должны сохранять свои владения, но сами никогда не обращались к третейскому суду и не принимали наших предложений передать спор в суд. Они предпочитали решать споры силой оружия, нежели путем переговоров. И вот ныне они выступают уже не с жалобами как прежде, а с повелениями.[1] (4) Действительно, они приказывают нам снять осаду Потидеи, признать независимость Эгины и отменить мегарское постановление. И, наконец, недавно прибывшие и присутствующие здесь послы даже объявляют, что мы сверх того должны еще признать и независимость эллинов. (5) Не думайте, что война начнется из-за мелочей,[2] если мы не отменим мегарского постановления. Именно это они чаще всего и выставляют доводом и постоянно твердят: отмените мегарское постановление, и войны не будет. Пусть нас не тревожит мысль, что вы начали войну из-за пустяков. (6) Ведь эти пустяки предоставляют вам удобный случай проявить и испытать вашу силу и решимость. Если вы уступите лакедемонянам в этом пункте, то они тотчас же потребуют новых, еще больших уступок, полагая, что вы и на этот раз также уступите из страха. Если же вы решительно отвергнете их требования, то ясно докажете, что с вами следует обращаться как с равными.

141. Поэтому обдумайте, желаете ли вы идти на уступки лакедемонянам, пока вы еще не пострадали от войны, или мы будем вести войну (что мне по крайней мере, думается, лучше), не уступая ни при каких обстоятельствах и без страха отстаивая наше достояние. Ведь любое требование — малое или большое, — выставляемое против равных себе до решения суда, притязает на порабощение. (2) Что касается нашей и их боевой силы и наличия средств, то знайте, что мы не слабее пелопон-

несцев.[1] Выслушайте об этом подробнее. Пелопоннесцы — земледельцы и живут от трудов рук своих. (3) И ни в частных руках, ни в казне денег у них нет. На долгие войны, да еще и в заморских странах, они не решаются, но по бедности ведут войны только между собой — и то лишь кратковременно. (4) Такие люди не могут снаряжать корабли и редко выступают в походы на суше, так как им приходится оставлять свои занятия (а жить они должны на свои средства), к тому же они отрезаны нами от моря. (5) Полная казна скорее дает средства для войн, чем принудительные налоги. Земледельцы, живущие своим трудом, готовы на войне скорее рисковать жизнью, чем своим добром, зная, что жизнь свою могут и сохранить, тогда как деньгам угрожает опасность иссякнуть, особенно если война, вопреки расчетам (как это вполне вероятно), затянется надолго.[2] (6) Ведь в одном сражении пелопоннесцы с союзниками могут устоять против всех эллинов. Вести же войну с противником совершенно иначе вооруженным, чем они, они не в состоянии, пока у них нет единой постоянной союзной власти. Поэтому-то они и не способны тотчас же быстро и решительно действовать. Действительно, при всеобщем равноправии это — разноплеменный союз, и каждый союзный город стремится соблюдать лишь свои частные интересы; отчего у них, обычно, не выходит ничего дельного. (7) Ведь если одни желают причинить кому-либо как можно больший урон, то другие стремятся потратить как можно меньше средств для войны. На коротких совещаниях у них редко обсуждаются общесоюзные дела, а большей частью — только частные дела отдельных городов. Каждый считает, что его собственное нерадение не принесет вреда и что об общем благе позаботится вместо него кто-нибудь другой. И именно потому, что каждый занят своими частными делами, они не замечают, что страдают их общие интересы.

142. Однако важнейшим затруднением для них будет постоянный недостаток денежных средств, которые они так медленно и с трудом добывают. А военные обстоятельства ведь не ждут. (2) Более того, даже их укреплений и флота нам не стоит опасаться. (3) Что касается укреплений, то трудно даже в мирных условиях построить город, который мог бы сравняться с Афинами,[1] тем более — во вражеской стране, после того как мы также построим не менее сильные пограничные укрепления против них.[2] (4) Если же они создадут какой-нибудь укрепленный пункт, то, конечно, смогут опустошать оттуда набегами отдельные части нашей страны и переманивать наших рабов на свою сторону.[3] Однако это, разумеется, не сможет нам помешать на кораблях напасть на их землю. Построив там укрепления, мы будем затем нападать на них на море нашим флотом (на чем и зиждется наша мощь). (5) Ведь от морской войны мы приобрели больше опыта для войны на суше, чем они в своих сухопутных войнах для мореходства. (6) А стать опытными мореходами им будет нелегко. (7) Ведь и вы, хотя и обратились к мореходству уже со времени мидийских войн, все же еще не овладели им в совершенстве. Как же эти земледельцы, чуждые морю, обреченные к тому же на бездействие под постоянной угрозой блокады их гаваней вашим многочис-

ленным флотом, могут совершить что-либо достойное упоминания? (8) Вступить в борьбу с несколькими блокирующими кораблями они, пожалуй, еще осмелятся, успокаивая себя тем, будто их неопытность можно возместить численным превосходством. Однако против большой эскадры блокирующих кораблей они не рискнут выйти в море. Оттого-то при отсутствии упражнения они всегда останутся менее искусными мореходами и именно поэтому — более нерешительными. (9) Морское дело — это искусство, как и всякое другое, и ему нельзя предаваться от случая к случаю, и даже — более того — наряду с ним не должно заниматься ничем другим, а посвящать ему все силы.

143. Предположим, далее, что пелопоннесцы действительно завладеют храмовыми сокровищами в Олимпии и в Дельфах и попытаются переманить к себе более высоким жалованием наших иноземных моряков. Это было бы, конечно, опасно, если бы мы не могли сравняться с ними, набрав необходимый экипаж среди наших граждан и метеков. Но такая возможность у нас есть, и — что самое важное — кормчие у нас — граждане, а остальных моряков больше и они искуснее в своем ремесле, чем во всей остальной Элладе. (2) Когда же дело дойдет до войны, тогда ни один из наших наемников, пожалуй, не оставит своей родины, чтобы со слабой надеждой на военный успех сражаться за пелопоннесцев только ради более высокого жалования в течение нескольких дней. (3) Так, по моему мнению, или приблизительно так, обстоят дела и таковы возможности у пелопоннесцев. У нас же не только не существует подобных трудностей, но и вообще мы в несравненно более благоприятном положении. (4) Если они нападут на нашу землю по суше, то мы нападем на них на море, и тогда опустошение даже части Пелопоннеса будет для них важнее опустошения целой Аттики. Ведь у них не останется уже никакой другой земли, которую можно было бы захватить без боя, тогда как у нас много земли на островах и на материке. Так важно преобладание на море! (5) Подумайте: если бы мы жили на острове, кто тогда мог бы одолеть нас? Поэтому нам уже теперь следует как можно яснее мысленно представить себе такое положение, при котором нам придется покинуть нашу землю и жилища, ограничиться обороной города и войной на море и не вступать в порыве гнева в бой с далеко превосходящими сухопутными силами пелопоннесцев.[1] Действительно, если мы даже и победим, то нам опять придется иметь дело с не меньшим числом врагов. А потерпи мы неудачу, то погибнет, кроме того, и наш союз — основа нашего могущества. (6) Ведь союзники не останутся спокойными и восстанут, как только мы окажемся не в состоянии сдерживать их силой оружия. Поэтому следует не скорбеть о наших жилищах и полях, а подумать о нас самих. Ведь вещи существуют для людей, а не люди для них. Если бы я мог надеяться убедить вас в этом, то предложил бы добровольно покинуть нашу землю и самим опустошить ее, чтобы доказать пелопоннесцам, что из-за разорения земли вы не покоритесь им.

144. Много я вижу и других оснований надеяться, что мы одержим

верх, если только не будем стремиться к новым завоеваниям и без нужды подвергаться опасностям. Я опасаюсь гораздо больше наших собственных ошибок, чем вражеских замыслов. (2) Но об этом — в другой раз, когда дело действительно дойдет до войны.[1] А теперь, сначала отпустим послов, дав им следующий ответ: мы открываем мегарцам наш рынок и гавани, если лакедемоняне также перестанут изгонять чужестранцев — нас, афинян и наших союзников (ведь и то, и другое соответствует мирному договору); мы признаем и независимость союзников (поскольку они были уже независимыми при заключении договора), если лакедемоняне также предоставят своим городам управляться по их собственному усмотрению, а не только по произволу лакедемонян. Мы также готовы, согласно договору, подчиниться решению третейского суда. Войны мы не начнем, но в случае нападения будем защищаться. Это — справедливый и достойный нашего города ответ. (3) Однако следует иметь в виду, что война неизбежна. И чем охотнее мы примем вызов, тем менее яростным будет нападение врагов. Помните, что там, где величайшие опасности, там и величайшие почести для города и для каждого отдельного гражданина. (4) Наши отцы выдержали натиск мидян (хотя и начали войну, не обладая столь великими средствами нашей державы, как мы, и им даже пришлось бросить свое имущество), и изгнанием Варвара, и тем, что возвысили нашу державу до ее теперешнего величия, они обязаны более своей мудрости, чем слепому счастью, и более своей моральной стойкости, чем материальной силе. (5) Мы должны быть достойны наших предков и всеми силами противостоять врагам, с тем чтобы передать потомству нашу державу не менее великой и могущественной».

145. Такова была речь Перикла. Афиняне же, убедившись, что его совет — наилучший, приняли соответствующее постановление. Они дали ответ лакедемонянам согласно предложению Перикла как по каждому отдельному пункту, так и в целом, заявив, что отказываются что-либо делать по приказу, но готовы, согласно договору, улаживать споры третейским судом под условием полного равенства. С этим ответом послы возвратились домой, и лакедемоняне других посольств больше не посылали.

146. Вот каковы были причины взаимных жалоб и споров перед войной, которые возникли сразу же после событий в Эпидамне и на Керкире. Во время этих споров обе стороны сообщались между собой и ездили друг к другу без глашатаев, хотя у них больше не существовало взаимного доверия. Ведь все происшедшее подрывало договор и создавало непосредственный повод к войне.

КНИГА ВТОРАЯ

1. С этого времени начинается уже настоящая война афинян, пелопоннесцев и союзников обеих сторон, когда они уже более не сообщались между собой без глашатая и беспрерывно противостояли друг другу с оружием в руках. Отдельные события войны я описал в той последовательности, в какой они происходили по зимним и летним периодам.[1]

2. В течение 14 лет продолжал существовать тридцатилетний мир, заключенный после завоевания Евбеи. На пятнадцатый же год, сорок восьмой год жречества Хрисиды в Аргосе,[1] когда Энесий был эфором в Спарте,[2] а Пифодору оставалось 4 месяца архонтства в Афинах,[3] на шестнадцатый месяц после битвы при Потидее, в начале весны отряд вооруженных фиванцев числом немногим более 300 человек[4] под предводительством беотархов[5] Пифангела, сына Филида, и Диемпора, сына Онеторида, в начале ночного сна[6] вторгся в беотийский город Платею, союзный с Афинами. (2) Призвали же фиванцев и открыли им городские ворота граждане Платеи Навклид и его сторонники, желая истребить своих политических противников среди граждан, чтобы захватить город и отдать его под власть фиванцев. (3) Они действовали через посредство Евримаха, сына Леонтиада,[7] человека весьма влиятельного в Фивах. Понимая, что дело идет к войне, фиванцы решили уже в мирное время, до явного начала войны захватить Платею, своего старинного врага. (4) Им легко удалось проникнуть в город, воспользовавшись отсутствием охраны. Заняв рыночную площадь, фиванцы, вместо того чтобы ворваться в жилища врагов (как этого хотели те люди, которые призвали их в город), они решили обратиться с мирными предложениями, рассчитывая склонить граждан Платеи к полюбовному соглашению. Глашатай объявил: всякий, кто пожелает стать союзником беотийцев по заветам отцов, пусть объединит с ними свое оружие. Так фиванцы надеялись легко привлечь граждан на свою сторону.

3. Заметив, что фиванцы уже в городе и неожиданно овладели им, платейцы в страхе решили, что врагов гораздо больше, чем их было на самом деле (ведь ночью трудно было что-либо различить), и согласились

на переговоры. Они приняли предложение глашатая и хранили спокойствие, тем более что фиванцы не причиняли никому зла. (2) Однако, убедившись во время переговоров, что фиванцы не столь многочисленны, платейцы рассудили, что легко смогут одолеть их смелым нападением. Ведь большинство платейцев не желало отложиться от афинян. (3) Поэтому они решили напасть на фиванцев. Они стали объединяться, делая проломы в стенах домов, чтобы не ходить открыто по улицам. Затем принялись загораживать улицы нагромождениями незапряженных повозок и принимали прочие необходимые в таких обстоятельствах меры. (4) По возможности все тщательно подготовив, платейцы еще ночью вышли из своих домов и набросились на фиванцев, выбрав время перед самым рассветом, так как при дневном свете те стали бы отважнее и могли оказаться в равном с ними положении; ночью же, полагали платейцы, фиванцы, не зная города, будут действовать менее уверенно, оказавшись в невыгодном положении. (5) Стремительно напав на врагов, платейцы схватились с ними врукопашную.

4. Когда фиванцы поняли, что их перехитрили, то, сомкнув ряды, стали отражать нападение врага со всех сторон. (2) Два или три раза им удалось отбить вражеский натиск. Когда же в поднявшемся смятении не только вооруженные платейцы продолжали теснить их, но даже женщины и рабы стали с криком и воплем бросать им на головы с крыш камни и черепицу, да к тому же всю ночь непрестанно лил сильный дождь, фиванцы в страхе бросились врассыпную бежать по городу. Большинство их, однако, не сумело в темноте отыскать в грязных закоулках выход из города (ибо дело было в конце месяца в новолуние) и не смогло ускользнуть от своих преследователей, которые хорошо знали каждую улицу. (3) К тому же единственные открытые ворота, через которые фиванцы вошли в город, запер какой-то платеец, всунув в засов вместо болта наконечник копья, так что даже и этого пути для отступления не было. (4) Преследуемые по всему городу, некоторые из фиванцев взобрались на городскую стену и бросались с нее, причем большинство разбилось. Другим, правда, удалось незаметно бежать сквозь неохраняемые ворота, разрубив засов топором, который дала им какая-то женщина, но лишь немногим — так как их вскоре заметили. Иные, рассеявшись в разных частях города, нашли там свою гибель. (5) Основная же масса фиванцев, которая еще как-то держалась вместе, попала в обширное здание, тесно примыкавшее к городской стене. Двери здания как раз были открыты и фиванцы приняли их за городские ворота, полагая, что там выход прямо за город. (6) Видя, что враги попались в ловушку, платейцы колебались, поджечь ли дом и уничтожить врагов немедленно или же поступить с ними как-либо иначе. (7) Наконец, находившиеся в здании и прочие фиванцы, из тех, что блуждали по городу, согласились сдаться на милость победителей и сложить оружие. (8) Вот что произошло с фиванцами в Платее.

5. Прочие фиванцы, которые должны были еще тою же ночью прибыть с главными силами для поддержки в случае какой-либо неудачи, по-

лучив в дороге известие о случившемся, поспешили на помощь. (2) Платея отстоит от Фив на 70 стадий,[1] но из-за сильного дождя, шедшего ночью, их прибытие задержалось. Вода в реке Асоп высоко поднялась, и перейти ее было нелегко. (3) Так как фиванцам пришлось идти под дождем и переправа через реку заняла много времени, то они прибыли слишком поздно: часть их земляков была уже перебита, а часть захвачена в плен. (4) Узнав об этом, фиванцы стали захватывать платейцев, находившихся вне города (ведь нападение было совершено внезапно и в мирное время, так что люди со своей утварью спокойно находились на полях). Захваченные платейцы должны были послужить фиванцам заложниками взамен их еще живых земляков, находившихся в городе. (5) Таков был план фиванцев. Они еще только замышляли это, когда платейцы, подозревая подобные намерения врагов, в страхе за своих граждан, работавших на полях, послали к фиванцам глашатая. Глашатай объявил, что фиванцы совершили нечестие, попытавшись в мирное время захватить их город. Платейцы требуют, чтобы фиванцы не причиняли вреда их согражданам, находящимся вне города. В противном случае они, платейцы, умертвят заложников, которым до сих пор они сохранили жизнь. Они выдадут пленников, если фиванцы покинут их землю. (6) Так, по крайней мере, рассказывают об этом фиванцы и даже уверяют, что платейцы клятвенно подтвердили свои слова. Платейцы же утверждают, что, напротив, не обещали возвратить пленников немедленно, а лишь изъявили готовность выполнить это после переговоров, которые приведут к какому-либо соглашению; клятвой же они вообще себя не связывали. (7) Как бы то ни было, фиванцы тотчас же покинули их землю, не причинив никакого вреда. Тогда платейцы поспешно перевезли в город свое имущество и людей и немедленно перебили пленников. А пленников было 180 человек (и среди них Еврилох, с которым изменники вели переговоры).

6. После этого платейцы послали вестника в Афины, отдали, согласно договору, фиванцам тела их воинов и упорядочили дела в городе сообразно с обстоятельствами. (2) Между тем афиняне при известии о событиях в Платее тотчас же велели схватить всех находившихся в Аттике беотийцев и затем отправили в Платею глашатая с предложением не причинять зла попавшимся в плен фиванцам, пока в Афинах не примут решения о них. (3) Афиняне ведь еще не успели получить сообщения о том, что с фиванцами уже покончено. Действительно, первый вестник прибыл сразу же, как только фиванцы стали проникать в город, а второй — уже непосредственно после их поражения и взятия в плен. Однако о последующих событиях афиняне еще ничего не знали. Таким образом, афиняне отправили вестника в неведении о происшедшем. Глашатай, же, прибыв в Платею, нашел фиванцев уже перебитыми. (4) После этого афиняне послали отряд войска в Платею, доставили съестные припасы, поставили там гарнизон и удалили из города неспособных носить оружие вместе с женщинами и детьми.

7. Платейское дело было, конечно, явным нарушением мирного договора, и афиняне стали готовиться к войне. Лакедемоняне с союзниками также начали приготовления к войне, причем обе стороны намеревались отправить посольства к персидскому царю и тем варварским племенам, от которых можно было ждать помощи. Кроме того, и те и другие искали союзников среди независимых городов, находившихся вне сферы их влияния. (2) Лакедемоняне приказали дружественным им городам Италии и Сицилии выставить вдобавок к уже имевшимся в Пелопоннесе кораблям двести кораблей, в соответствии с величиной каждого города. Лакедемоняне собирались довести общее количество кораблей пелопоннесского флота до 500.[1] Города были обязаны иметь наготове определенную сумму денег и ничего не предпринимать до окончания всех приготовлений, но также допускать в свои гавани отдельные афинские суда.[2] (3) Афиняне же производили смотр наличных сил своих союзников и отправляли послов больше всего в области за Пелопоннесом: в Керкиру, Кефаллению, Акарнанию и Закинф.[3] Афиняне понимали, что, обеспечив за собой дружбу этих городов, они смогут одолеть пелопоннесцев, окружив их со всех сторон.

8. И те и другие сосредоточили все помыслы на войне, не задумываясь о мелочах. И это естественно: ведь все люди, начиная новое дело, принимаются за него с наибольшим рвением. К тому же как в Пелопоннесе, так и в Афинах тогда было много молодежи, которая по неопытности, еще не зная, что такое война, рвалась в бой. А вся остальная Эллада напряженно ожидала предстоящей схватки двух самых могущественных городов. (2) Много предсказаний[1] передавалось из уст в уста, много вещаний исходило от прорицателей и не только в городах, готовившихся к войне, но и по всей Элладе. (3) К тому же еще незадолго перед этим произошло землетрясение на Делосе,[2] чего никогда еще на памяти эллинов там не бывало. Это явление также истолковывали как знамение грядущих событий;[3] и повсюду искали, не произошло ли еще что-либо необычное в том же роде. (4) Общественное мнение в подавляющем большинстве городов склонялось на сторону лакедемонян (между прочим, потому, что они объявили себя освободителями Эллады).[4] Все — будь то отдельные люди или города — по возможности словом или делом старались им помочь. И каждый при этом полагал, что его отсутствие может повредить делу. (5) Таким образом, большинсто эллинов было настроено против афинян: одни желали избавиться от их господства, другие же страшились его.

9. С такими приготовлениями и в таком настроении оба города вступали в войну. В начале войны у обеих держав были следующие союзники. (2) Сторону лакедемонян держали все пелопоннесцы по сю сторону Истма, кроме аргосцев и ахейцев[1] (которые жили в дружбе с обеими сторонами. Только одни ахейцы из Пеллены[2] с самого начала стали на сторону лакедемонян, а впоследствии к ним примкнули и остальные ахейцы). За пределами Пелопоннеса в союзе с лакедемонянами находились мегарцы, беотийцы, фокийцы, локры,[3] ампракийцы, левкадяне,[4]

анакторийцы.[5] (3) Из них коринфяне, мегарцы, сикионцы, пеллены, элейцы, ампракийцы, левкадяне снаряжали корабли. Конница была выставлена беотийцами, фокийцами и локрами; остальными городами — пехота. (4) Таковы были союзники лакедемонян. Союзниками же афинян были: хиосцы, лесбосцы, платейцы, мессенцы (что в Навпакте), большинство акарнанцев,[6] керкиряне,[7] закинфяне[8] и другие города-данники, находившиеся в областях, принадлежавших следующим народностям: приморская часть Карии, соседние с Карией дорийцы, Иония, Геллеспонт, фракийское побережье, острова к востоку между Пелопоннесом и Критом и все остальные Киклады, кроме Мелоса и Феры.[9] (5) Из их числа корабли выставляли хиосцы, лесбосцы и керкиряне, остальные — пехоту и деньги. Таковы были союзники и боевые силы обеих сторон.

10. Сразу же после платейских событий лакедемоняне решили совершить вторжение в Аттику и приказали пелопоннесским городам и своим иноземным союзникам снарядить войско, снабдив его всем необходимым[1] для дальнего похода. (2) По мере окончания приготовлений в городах, две трети наличных боевых сил каждого города[2] собрались на Истме. Когда же все войска были в сборе, царь лакедемонян Архидам, предводитель этого похода, созвал полководцев всех городов, высших должностных лиц и наиболее уважаемых граждан и обратился к ним с такой речью.

11. «Пелопоннесцы и союзники! Нашим отцам нередко приходилось воевать и в самом Пелопоннесе, и за его пределами, да и старшие из нас не новички в походах. Тем не менее никогда еще нам не случалось выступать в поход с более значительными силами, чем на этот раз. Ведь теперь мы идем войной против самого могущественного города, и у нас самих столь многочисленное и доблестное войско. (2) Поэтому мы обязаны показать себя не хуже наших отцов, достойными нашей древней славы. Ведь вся Эллада с напряженным вниманием взирает на наш поход, питая к нам дружеские чувства и, ненавидя афинян, желает нам успеха.[1] (3) Но нам отнюдь не следует пренебрегать в походе необходимыми мерами предосторожности, даже если кто-нибудь и подумает, что при нашем превосходстве в силах враг не посмеет вступить с нами в открытый бой. Напротив, не только военачальники, но и рядовой воин каждого города должен быть готов к грозной опасности. (4) Ведь ход войны нельзя предвидеть заранее,[2] и нападение почти всегда происходит внезапно, под влиянием возбуждения. И зачастую более слабое, но более осмотрительное войско с успехом отражает превосходящие силы врага, потому что тот, высокомерно презирая противника, недостаточно подготовился к сражению. (5) Находясь на вражеской земле, всегда необходимо сочетать смелость в душе со страхом в действиях. Тогда боевая отвага не будет в ущерб надежности воинских замыслов. (6) Мы идем не против слабого врага, неспособного защищаться, а на город, во всех отношениях отлично подготовленный, и нам не следует сомневаться, что афиняне готовы принять бой, если не теперь, пока мы не на их земле, то после того как они увидят, что мы опустошаем их страну и уничто-

жаем достояние. (7) Ведь всех повергает в гнев, когда они видят своими собственными глазами причиняемый им ущерб. И чем меньше человек внимает голосу рассудка, тем сильнее побуждает его гнев дать отпор. (8) От афинян, вероятно, скорее, чем от других, можно ожидать такого рода поступков, так как они желают властвовать над другими эллинами и предпочитают нападать на соседей и опустошать чужие земли, нежели видеть разорение своей. (9) Итак, выступая походом против столь могущественного города, вы, в зависимости от исхода войны, принесете и себе, и вашим предкам величайшую славу или же тягчайший позор, следуйте же за вашими предводителями, куда бы они вас не повели, соблюдая превыше всего дисциплину и бдительность, и всегда точно выполняйте приказы военачальников. Нет ничего прекраснее и надежнее для большого войска, чем подчиниться единой воле и единому порядку».

12. После этой краткой речи Архидам распустил собрание и прежде всего отправил в Афины спартиата Мелесиппа,[1] сына Диакрита, в надежде, что афиняне теперь скорее пойдут на какие-либо уступки, видя, что вражеское войско уже в пути. (2) Афиняне, однако, не допустили гонца ни в народное собрание,[2] ни даже в город. Ведь уже ранее Перикл провел предложение не принимать ни глашатая, ни послов лакедемонян, поскольку они выступили в поход. Итак, афиняне отослали посла назад, даже не выслушав его, с приказанием в тот же день покинуть пределы Аттики и передать лакедемонянам: если они впредь пожелают выдвинуть какие-либо предложения, то пусть сначала отправляются домой, а затем посылают посольства. И чтобы Мелесипп ни с кем не сообщался, афиняне послали с ним провожатых. (3) Прибыв на афинскую границу, при расставании со своими провожатыми Мелесипп сказал только: «Сегодняшний день станет началом великих бедствий для эллинов».[3] (4) Когда посол возвратился в лагерь и Архидам понял, что афиняне ни в коем случае не пойдут на уступки, то царь тотчас же поднял войско из лагеря и повел его в аттическую землю. Беотийцы выставили в помощь пелопоннесцам свою часть пехоты и конницу;[4] остальные их силы, подойдя к Платее, начали опустошать ее поля.

13. В то время когда пелопоннесцы еще собирались на Истме, перед выступлением против Аттики, Перикл, сын Ксантиппа, один из десяти афинских стратегов, предвидя вторжение и думая, что Архидам, как его гостеприимец,[1] либо сам из приязни к нему не станет разорять его загородные имения, либо даже поступит так по приказанию лакедемонян, возможно (чтобы дать афинянам повод для подозрений против него, Перикла, подобно тому как они уже раньше, имея его в виду, официально потребовали изгнания запятнанных скверной),[2] заявил афинянам в народном собрании: то обстоятельство, что Архидам — его гостеприимец, не должно послужить в ущерб интересам города. Поэтому в случае, если враг не разорит его домов и земли, как земли остальных граждан, то он, Перикл, передаст их в собственность государства, чтобы у граждан не возникло из-за этого против него никаких подозрений. (2) Перикл повторил затем свой прежний совет готовиться к войне, вывозить все имуще-

ство с полей в город и не вступать в открытый бой с противником, ограничиваясь обороной; далее — снаряжать флот как основу афинской военной мощи и крепко держать в руках союзников, потому что доходы и дань от союзников — денежная опора города: ведь рассудительность и полная казна важнее всего для военного успеха. (3) Перикл призывал к бодрости, так как помимо прочих доходов в город поступало ежегодно 600 талантов[3] союзнической дани. К тому же, на акрополе[4] хранилось 6000 талантов серебра чеканной монетой. Общая же сумма денег в афинской казне достигала 9700 талантов; однако часть этих средств была уже израсходована на строительство Пропилей,[5] акрополя и других сооружений,[6] а также на осаду Потидеи.[7] (4) Кроме того, в казне хранилось нечеканного золота и серебра из частных и государственных посвятительных даров и всякой священной утвари (для процессий и состязаний),[8] драгоценных предметов из мидийской добычи[9] и тому подобных вещей не менее чем на 500 талантов. (5) Кроме денежных сумм и сокровищ в храмах на акрополе на случай крайней необходимости, в распоряжении афинян были еще значительные сокровища других святилищ,[10] а также золотые ризы самой богини (на статуе которой, по словам Перикла, было сорок талантов чистого золота — облачение богини, которое все было съемным;[11] употребив это золото во спасение города, впоследствии, добавил Перикл, конечно, придется вернуть его богине в не меньшем количестве).[12] Так Перикл старался перечислением денежных средств афинской казны успокоить и ободрить афинян. (6) Что касается боевых сил, то Перикл насчитал 13 000 гоплитов (кроме воинов в гарнизонах крепостей[13] и 16 000 человек,[14] охранявших городские стены). Такое количество воинов у афинян из числа более старых и более молодых граждан и метэков, которые служили гоплитами, охраняло стены в начале войны, когда враг стал производить свои набеги на Аттику. Длина Фалерской стены до обводной стены города составляла 35 стадий, а самой обводной стены (охраняемой ее части) — 43 стадии (одна из ее частей — между Длинной и Фалерской стенами — не охранялась); Длинные же стены до Пирея (из которых охранялись только внешние — северные) тянулись на 40 стадий. Стена вокруг Пирея (включая Мунихий) в общем простиралась на 60 стадий, но охранялась лишь половина ее.[15] (7) Афинская конница, как указал Перикл, насчитывала 1200 всадников (вместе с конными лучниками);[16] пеших лучников было 1800. Из числа боевых кораблей на плаву было 300 триер. (8) Таковы были, по меньшей мере, боевые силы афинян, состоявшие из разных родов оружия в начале войны перед первым вторжением пелопоннесцев. Кроме того, Перикл привел также и другие доводы в доказательство военного преимущества афинян.

14. Выслушав речь Перикла, афиняне последовали его предложению и принялись вывозить с полей жен, детей и домашнюю утварь и даже уничтожали деревянные части домов. Овец и вьючных животных они переправили на Евбею и на соседние острова. (2) Тяжко было афинянам покидать насиженные места, так как большинство их привыкло жить на своих полях.

15. Такой образ жизни, более характерный для них, чем для других эллинов, афиняне вели с давних пор. Действительно, еще при Кекропе [1] и первых царях до Фесея народ в Аттике всегда жил отдельными общинами со своими особыми пританеями и архонтами.[2] На общие совещания к царю люди собирались лишь в исключительных случаях. Обычно же каждая община самостоятельно обсуждала и вершила свои дела. Иные общины даже вели между собой войны, как например элевсинцы во главе с Евмолпом — против Эрехфея.[3] (2) Как мудрый [4] и могущественный владыка Фесей,[5] воцарившись, установил порядок в стране — уничтожил пританов и архонтов в отдельных общинах и объединил всех жителей Аттики в один поныне существующий город с одним общим советом и пританеем. Люди, впрочем, продолжали жить на своих полях, как и раньше, но город Фесей оставил им только один, ставший крупным центром, так как все жители Аттики отныне принадлежали к нему, и таким он и перешел от Фесея к потомству. Поэтому-то афиняне еще и поныне справляют Синойкии [6] — всенародный праздник в честь богини Афины. (3) До реформы Фесея [7] в черту города входил лишь акрополь [8] и примыкающая к нему (главным образом с юга) часть нынешнего города. (4) Вот доказательство этого: ведь святилища других богов также воздвигнуты на самом акрополе, а если и вне его, то поблизости, и преимущественно в этой части города. Так, например, святилище Олимпийского Зевса,[9] храм Пифийского Аполлона,[10] святилища Геи [11] и Диониса,[12] что на Болотах (в честь которого празднуются в двенадцатый день месяца Анфестериона старинные Дионисии; [13] в этот день еще и поныне справляют праздник и происходящие от афинян ионяне).[14] (5) В этой части города воздвигнуты также и другие древние храмы; [15] неподалеку находится источник, ныне (после его переустройства тиранами) называемый Эннеакрунос (Девятиструйный). В древности же, когда его струи изливались открыто, а не текли по трубам, он назывался Каллироей.[16] Источник этот был весьма почитаем афинянами в древности, и еще и теперь с тех времен сохранился обычай черпать из него воду при свадебных обрядах и в других торжественных случаях. И именно потому, что здесь и находилось древнейшее поселение, афиняне еще и до сих пор называют акрополь «городом».[17]

16. Итак, афиняне долго жили на всей своей земле самостоятельными общинами. И даже после политического объединения большинство населения Аттики (как в древности, так и в последующее время, вплоть до этой войны) по старинному обычаю все-таки жило со всеми семьями в деревнях. Поэтому-то теперь афинянам было нелегко переселиться в город и бросать свое добро, тем более что они лишь недавно, после мидийских войн, восстановили свои деревянные жилища и обзавелись хозяйством. С грустью покидали они домашние очаги и святыни, которые всегда привыкли почитать еще со времен древних порядков как наследие предков. И для всех них — деревенских жителей — предстоящая перемена в образе жизни была равноспильна расставанию с родным городом.

17. Переселившись в Афины, лишь немногие беженцы нашли себе жилища или приют у друзей или родных. Большинство же вынуждено было занять городские пустыри или поселиться во всех святилищах богов и героев, кроме храмов на акрополе, Элевсиния и некоторых других накрепко запертых зданий. При таком затруднительном положении пришлось целиком заселить даже Пеларгик[1] у подошвы акрополя, где запрещалось селиться под страхом проклятия. Это запрещение подтверждалось заключительным стихом пифийского оракула:

Пеларгику лучше быть пусту.[2]

(2) По-моему, предсказание оракула исполнилось в смысле, противоположном тому, как его понимали. Действительно, несчастья постигли город вовсе не из-за противозаконного заселения этого места, но, напротив, война вынудила афинян к этому. О войне оракул, правда, не упоминает, но ему, видимо, было заранее известно, что когда-нибудь в недобрые дни афинянам придется поселиться в этом месте.[3] (3) Множество беженцев расположились даже в башнях обводной стены[4] и в других местах, где кто мог. Ведь город не вмещал такого скопления беженцев, так что впоследствии пришлось приспособить под жилье, разделив между собой, даже Длинные Стены и большую часть обводных стен Пирея. (4) Тем временем военные приготовления в Афинах продолжались: афиняне собирали боевые силы союзников и снаряжали эскадру из 100 кораблей для нападения на Пелопоннес.[5] Таковы были приготовления афинян.

18. Между тем пелопоннесское войско на пути в Аттику прибыло сперва в Эною,[1] откуда должно было начаться вторжение. Здесь пелопоннесцы разбили лагерь и стали готовиться к штурму городских стен военными машинами и производить осадные работы.[2] (2) Ибо Эноя — укрепленный город на границе Аттики с Беотией — служила афинянам крепостью, и на случай войны они держали там гарнизон. Пелопоннесцы начали приготовления к штурму, потратив на это немало времени. (3) Такие действия Архидама вызвали сильные нарекания. Полагали, что как во время приготовления к войне,[3] так и после ее начала он проявил мало энергии и даже показал себя другом афинян, советуя лакедемонянам избегать решительных действий. И после того как отряды пелопоннесцев уже были в сборе, Архидама стали обвинять в умышленной задержке на Истме, затем в нарочито замедленном передвижении, и особенно — в безрезультатной остановке у Эноп (4) Действительно, за это время афиняне успели свезти с полей все свое имущество в безопасное место. Пелопоннесцы полагали, что, если бы не медлительность Архидама, они быстрым нападением на афинян успели бы еще захватить все их добро на полях. (5) По этим причинам войско негодовало на Архидама. Архидам же, как полагают, медлил в расчете на то, что афиняне пойдут на некоторые уступки, пока земля их еще в конец не разорена, и не захотят спокойно смотреть, как ее опустошают.

19. Наконец, после безуспешных попыток взять Эною осадой (и так как афиняне не присылали глашатаев для переговоров) пелопоннесцы

выступили из лагеря под Эноей, приблизительно на восьмидесятый день после нападения фиванцев на Платею. Они совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Архидамом, сыном Зевксидама, в разгар лета в пору созревания хлебов. (2) Разбив лагерь, пелопоннесцы прежде всего стали опустошать Элевсин и Фриасийскую равнину[1] и обратили там в бегство отряд афинской конницы у так называемых Рейтов. Затем они двинулись дальше, имея с правой стороны гору Эгалей, и через Кропию[2] достигли Ахарнского округа,[3] самого большого из так называемых демов[4] Аттики. Здесь они остановились, разбили лагерь и долгое время отсюда опустошали страну.

20. Архидам же оставался при первом вторжении в Ахарнском округе в боевой готовности и не спустился на равнину,[1] как говорят, по следующим соображениям. (2) Он ожидал, что афиняне, у которых было много молодых воинов в расцвете сил и к тому же лучше, чем когда-либо, подготовленных к войне, скорее всего, не допустят разорения своей земли и вступят в бой. (3) Когда же афиняне ни в Элевсинской области, ни на Фриасийской равнине не выступили против него, Архидам расположился лагерем у Ахарн и сделал еще одну попытку вынудить афинян к сражению. (4) С одной стороны, эта местность, по его мнению, была удобна для лагеря, а с другой стороны, он рассчитал, что ахарняне (составлявшие значительную часть граждан Аттики — 3000 из них служили гоплитами) вряд ли допустят разорение своей земли и, скорее, станут побуждать и всех остальных пойти на врага. Если же афиняне не выступят и во время этого вторжения, тогда, думал он, впредь можно будет более смело опустошать равнину и подойти под стены самого города. Ведь ахарняне, лишившись своего добра, уже не столь охотно станут рисковать жизнью ради чужой земли, и дух раздора проникнет в души врагов.[2] (5) Таковы были соображения Архидама, заставившие его стоять у Ахарн.

21. Пока вражеское войско стояло у Элевсина и на Фриасийской равнине, у афинян еще была какая-то надежда на то, что враг не пойдет дальше. Афиняне вспоминали, как за 14 лет до этой войны царь лакедемонян Плистоанакт, сын Павсания, проник в Аттику до Элевсина и Фриасий, но не пошел дальше и возвратился назад.[1] Правда, царя потом изгнали из Спарты по подозрению, что он ушел из Аттики, будучи подкуплен. (2) Когда же афиняне увидели теперь вражеское войско у Ахарн (всего в 60 стадиях от города), то это для них сделалось уже нестерпимым. Разорение родной земли на глазах граждан (чего молодежь никогда еще не видела, а старики помнили только со времен вторжения мидян), естественно, производило страшное впечатление, и поэтому весь народ и особенно молодежь[2] считали необходимым идти на врага и не терпеть более опустошения родной страны. (3) На улицах города собирались сходки, и граждане ожесточенно спорили друг с другом; одни требовали немедленного выступления на врага, а другие им возражали. Прорицатели провозглашали всевозможные вещания оракулов, которые всякий старался понять по-своему. Ахарняне же, которые считали себя весьма значительной частью афинских граждан, при виде разорения своей земли особенно

горели желанием дать бой врагу. Всеобщее возбуждение царило в городе. Народ был сильно раздражен против Перикла: люди совсем не вспоминали его прежних советов, но поносили его теперь за то, что он, будучи стратегом, не ведет их на врага, и винили во всех своих бедствиях.

22. Перикл же хотя и видел, что афиняне раздражены создавшимся положением и мрачно настроены, но все же решение свое не выступать против врага считал правильным. Поэтому он не созывал народного собрания или какого-нибудь другого совещания,[1] опасаясь, что афиняне, не взвесив разумно положения дел, в раздражении могут наделать ошибок. Он приказал тщательно охранять город и старался по возможности успокоить возбуждение народа. (2) От времени до времени он высылал всадников, чтобы помешать вражеским летучим отрядам опустошать поля вблизи города. При этом как-то раз подле Фригий[2] дело дошло до незначительной стычки отряда афинской и фессалийской конницы с беотийскими всадниками, где афиняне и фессалийцы не уступали противнику, пока им не пришлось отступить, так как к беотийцам явились на помощь гоплиты. Потери фессалийцев и афинян были ничтожны, тела павших убрали еще в тот же день, не заключая перемирия.[3] Пелопоннесцы же на следующий день поставили трофей. (3) Эти вспомогательные отряды фессалийцев, прибывшие к афинянам в силу старинного союзного договора,[4] состояли из ларисейцев,[5] фарсальцев, краннонцев, парасиев, гиртониев и ферейцев. Предводителями их были Полимед и Аристонус из Ларисы (один от каждой из двух главных партий[6] города) и из Фарсала — Менон; у прочих фессалийцев были также свои военачальники.

23. Так как афиняне все еще уклонялись от сражения, то пелопоннесцы выступили из Ахарн и начали опустошать другие демы, находившиеся между горами Парнефом[1] и Брилессом.[2] (2) Между тем афиняне, когда неприятель еще оставался на аттической земле,[3] послали эскадру из 100 кораблей, которую снаряжали уже давно, с тысячей гоплитов[4] и четырьмястами лучников в поход вокруг Пелопоннеса. Командовали эскадрой Каркин,[5] сын Ксенотима, Протей, сын Эпикла, и Сократ, сын Антигена.[6] (3) Выйдя в море с такими силами, афиняне поплыли вдоль берегов Пелопоннеса. (4) Пелопоннесцы же оставались в Аттике, пока у них хватало продовольствия; затем они отступали, однако не тем путем, каким пришли, а через Беотию.[7] Попутно они разорили так называемую Грайскую землю у Оропа,[8] населенную зависимыми от афинян оропцами. По прибытии в Пелопоннес войско разошлось по своим городам.

24. После ухода пелопоннесцев из Аттики афиняне установили на суше и на море дозорные посты — предосторожность, которую они отныне намеревались соблюдать все время войны.[1] Они решили также отложить неприкосновенный фонд в 1000 талантов из сумм, хранившихся на акрополе, а военные расходы покрывать только из остальных средств. Тому же, кто предложит или как должностное лицо поставит на голосование вопрос об употреблении этих денег на какие-либо иные нужды, помимо необходимости использовать их для защиты города от нападения вражеского флота, грозила смертная казнь. (2) Вместе с тем было постановлено

ежегодно снаряжать особую эскадру из ста самых лучших триер с триерархами,[2] но посылать в поход эти корабли лишь в случае той же крайней необходимости.

25. Между тем 100 кораблей афинской эскадры, усиленные пятьюдесятью кораблями керкирян[1] и некоторых других союзников,[2] крейсируя у берегов Пелопоннеса, опустошали прибрежные области.[3] Так, высадившись у Мефоны[4] в Лаконии, афиняне попытались взять штурмом слабо укрепленный и плохо охраняемый город. (2) Случайно, однако, в этих местах оказался спартиат Брасид, сын Теллида, начальник сторожевого поста. Узнав о нападении афинян, Брасид поспешил на помощь с сотней гоплитов. Ему удалось пробиться в Мефону с незначительными потерями сквозь афинский отряд, рассеявшийся по местности и отвлеченный возведением укрепления, и спасти Мефону За свой подвиг он первым в эту войну получил в Спарте похвалу от имени города. (3) Афиняне же продолжали плавание вдоль побережья. Высадившись в элейском городе Фие,[5] они два дня опустошали местность и одержали победу над отрядом из трехсот отборных воинов, прибывших на помощь из внутренней Элиды[6] и окрестных мест. (4) Между тем поднялся сильный ветер, и большинство афинян, страдая от непогоды в стране, лишенной гаваней, снова село на корабли и поплыло вокруг мыса под названием Ихтис,[7] направляясь в гавань города Фии. Мессенцы же и остальные, у кого не было возможности сесть на корабли, двинулись по суше и захватили Фию. (5) Афинские корабли, шедшие вдоль восточных берегов, прибыли в Фию, взяли воинов на борт и снова вышли в открытое море, так как главные силы элейцев уже подошли на помощь. Афиняне же между тем продолжали плавание вдоль пелопоннесских берегов, разоряя прибрежные местности.

26. Приблизительно в это же время афиняне выслали 30 кораблей под начальством Клеопомпа, сына Клиния, в Локрийские воды,[1] чтобы одновременно прикрывать Евбею. (2) Клеопомп, неоднократно высаживаясь, опустошал прибрежные местности и захватил Фроний, откуда взял заложников. В битве при Алопе[2] он также разбил пришедших на помощь локров.

27. В то же лето афиняне изгнали эгинцев с женами и детьми с их острова, предъявив обвинение в том, что они были главными виновниками войны. Остров Эгина лежит вблизи Пелопоннеса, и потому афиняне сочли для себя более безопасным[1] заселить его своими поселенцами, которых они вскоре затем туда и выслали. (2) Лакедемоняне же поселили изгнанников в городе Фирее с примыкающей областью из вражды к афинянам и в благодарность за помощь, оказанную эгинцами во время землетрясения и восстания илотов.[2] Фирейская область лежит на границе Арголиды с Лаконией и простирается до моря. Часть эгинцев там и поселилась, остальные же рассеялись по всей Элладе.

28. Тем же летом в новолуние (когда это, видимо, только и возможно) после полудня произошло солнечное затмение,[1] а затем солнечный диск

снова стал полным. Некоторое время солнце имело вид полумесяца, и на небе появилось даже несколько звезд.

29. В то же лето афиняне сделали своим проксеном Нимфодора,[1] сына Пифея из Абдер. Сестра его была замужем за Ситалком, у которого Нимфодор пользовался большим влиянием. Прежде афиняне считали Нимфодора своим врагом, а теперь даже пригласили в Афины, чтобы с его помощью заключить союз с царем фракийцев Ситалком, сыном Тереса. (2) А этот Терес, отец Ситалка, был первым основателем великого Одрисийского царства, включавшего большую часть Фракии (хотя многие фракийские племена оставались независимыми). (3) Впрочем, этот Терес не имеет никакого отношения к Терею, супругой которого была Прокна, дочь Пандиона из Афин.[2] Оба они и родом были из разных частей Фракии. Терей жил в Давлии, тогда населенной фракийцами (местность эта ныне называется Фокидой). Именно на этой земле женщины и совершили свое злодеяние над Итисом (ведь многие поэты,[3] упоминающие о соловье, называют эту птицу давлийской). Естественно, что Пандион ради взаимной помощи отдал свою дочь в жены человеку, живущему поблизости, а не в далекой стране одрисов. Терес же (который и имя носил другое) был первым могущественным царем одрисов.[4] (4) Вот с его-то сыном, Ситалком, афиняне и желали заключить союз, надеясь с помощью царя захватить фракийское побережье[5] и одолеть Пердикку. (5) И действительно, Нимфодор, прибыв в Афины, устроил союз с Ситалком. Сыну Ситалка Садоку он исхлопотал афинское гражданство, а сам обязался закончить войну во Фракии и уговорить Ситалка послать на помощь афинянам отряды всадников и пелтастов.[6] (6) Затем Нимфодор примирил Пердикку с афинянами, убедив их возвратить царю Ферму.[7] После этого Пердикка тотчас же присоединился к афинянам в походе Формиона против халкидян. (7) Таким образом, царь фракийцев Ситалк, сын Тереса, и царь македонский Пердикка, сын Александра, стали союзниками афинян.

30. Афинская же эскадра в составе ста кораблей продолжала крейсировать вокруг Пелопоннеса. Афиняне захватили коринфский городок Соллий[1] и отдали его вместе с землей на поселение одним лишь палеремм[2] из акарнанян. Они взяли приступом также и Астак,[3] где тираном был Еварх, изгнали тирана и заставили город присоединиться к афинскому союзу. (2) Затем афиняне отплыли к острову Кефаллении, который сдался им без боя. Кефалления лежит против Акарнании и Левкады; на ней четыре городские общины, где живут палейцы, крании,[4] самеи и проннейцы.[5] Спустя некоторое время эскадра возвратилась в Афины.

31. В конце этого же лета[1] афиняне под начальством Перикла, сына Ксантиппа, со всеми своими боевыми силами, граждане и метэки, вторглись в Мегариду. Между тем афинская эскадра в составе уже упоминавшихся ста кораблей на обратном пути их похода вокруг Пелопоннеса прибыла как раз на Эгину. Когда командиры эскадры узнали, что войско афинских граждан находится в Мегарах, то немедленно взяли курс на Мегары и присоединились к своим. (2) Это было самое большое афин-

ское войско, которое когда-либо собиралось в одном месте и когда город находился на вершине могущества (еще до начала чумы). Сами афиняне насчитывали не менее 10 000 гоплитов (кроме 3000 осаждавших Потидею); силы метэков[2] составляли не менее 3000 гоплитов и, кроме того, было еще много легковооруженных воинов. Разорив большую часть мегарской области, афиняне отступили и вернулись домой. (3) Афиняне продолжали подобные же вторжения в Мегариду каждый год в течение войны (иногда вместе с конницей, а иной раз и со всем войском граждан), пока не взяли Нисею.[3]

32. В конце того же лета афиняне захватили также прежде необитаемый остров Аталанту у берегов опунтских локров и построили там укрепление, чтобы помешать пиратским набегам на Евбею из Опунта и остальной Локриды. Таковы были события того лета, когда пелопоннесцы ушли из Аттики.

33. Следующей зимой акарнанец Еварх, желая вновь захватить власть в Астаке, убедил коринфян послать туда 40 кораблей с 1500 гоплитов, чтобы вернуть его в город, для чего он и сам навербовал некоторое число наемников. Во главе экспедиции стояли Евфамид, сын Аристонима, Тимоксен, сын Тимократа, и Евмах, сын Хрисида. (2) Коринфяне отплыли к Астаку и действительно возвратили Еварху власть. Они рассчитывали также завладеть и некоторыми другими городами на побережье Акарнании. Однако эти попытки захватить города потерпели неудачу, и коринфяне были вынуждены вернуться домой. (3) На обратном пути, плывя мимо Кефаллении, коринфяне высадились в области краниев. Там они, поддавшись обману краниев, заключили с ними некое соглашение, а затем при внезапном нападении краниев потеряли часть своего отряда. Под сильным натиском врагов коринфянам пришлось снова выйти в море и возвратиться домой.

34. Той же зимой афиняне совершили по обычаю предков от имени государства торжественную церемонию погребения воинов, павших в первый год войны. (2) Останки павших за три дня до погребения по обычаю выставляются в разбитом для этого шатре, и всякий приносит своему близкому дар, какой пожелает. (3) При погребении останки везут на повозках в кипарисовых гробах — на каждую филу[1] по одному гробу с останками погибших из этой филы. Несут еще одно покрытое ковром пустое ложе для пропавших без вести,[2] тела которых после битвы нельзя было найти и предать погребению. (4) Любой из граждан и иностранцев имеет право присоединиться к похоронной процессии. Участвуют в погребальной церемонии также и женщины, оплакивая[3] на могиле своих близких. (5) Павших погребают в государственной гробнице, находящейся в красивейшем предместье города.[4] Здесь афиняне всегда хоронят погибших в бою, за единственным исключением павших при Марафоне, которым был воздвигнут могильный курган на самом поле битвы как дань их величайшей доблести.[5] (6) Когда останки преданы земле, человек, занимающий в городе, по всеобщему признанию, первенствующее положение[6] за свой высокий ум и выдающиеся заслуги, произносит в честь павших

подобающее похвальное слово. Затем все расходятся. (7) Так происходит у афинян торжественная церемония погребения. И во все время войны афиняне при каждом погребении неизменно следовали этому обычаю. (8) Когда наступило время для произнесения речи в честь павших первыми на этой войне, оратором был выбран Перикл, сын Ксантиппа. Он выступил перед гробницей на высоко поднятом помосте, для того чтобы слова его были слышны как можно дальше в толпе, и держал следующую речь.

35. «Большинство выступавших здесь до меня ораторов воздавали уже хвалу законодателю,[1] который к установленным погребальным обрядам в честь павших прибавил еще обычай держать надгробную речь, ибо прекрасен обычай чествовать героев, павших на поле брани. Я предпочел бы гражданам, проявившим героическую доблесть на деле, только делом и воздавать почести, именно так, как вы видите ныне при этой, совершаемой городом, погребальной церемонии: по-моему, несправедливо оценку доблести столь многих героев ставить в зависимость от дарования одного человека и от того, будет ли хороша его речь или плоха. (2) Действительно, трудно оратору найти надлежащую меру заслуг там, где вряд ли возможно утвердить в душе слушателей хотя бы доверие к истинности сказанного. Ведь афинянин, хорошо осведомленный о событиях как их сочувствующий участник, найдет речь оратора слишком слабой сравнительно с тем, что он ожидал бы услышать и что ему самому известно. С другой стороны, человек, непричастный к событиям, услышав о деяниях, превосходящих его собственные силы, пожалуй, из зависти подумает, что иные подвиги слишком преувеличены. Ведь люди верят в истинность похвал, воздаваемых другим, лишь до такой степени, в какой они считают себя способными совершить подобные подвиги. А все, что свыше их возможностей, тотчас же вызывает зависть и недоверие.[2] (3) Но так как наши предки признали этот обычай похвальным, то и я, повинуясь закону, насколько это в моих силах, буду стараться удовлетворить желаниям и убеждениям каждого.

36. Начну прежде всего с предков.[1] Ведь и справедливость, и пристойность велят нам в этих обстоятельствах воздать дань их памяти. Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени. И если они достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши,[2] (2) которые умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению.[3] (3) И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время. (4) Военные подвиги, которые и мы и отцы совершили, завоевывая различные земли или стойко оборонялись в войнах с варварами или эллинами, общеизвестны, и я не стану о них распространяться. Но прежде, чем начать хвалу павшим, которых мы здесь погребаем, хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию. Полагаю, что и сегодня

уместно вспомнить это, и всем собравшимся здесь гражданам и чужеземцам будет полезно об этом услышать.

37. Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. (2) В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. (3) Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним и повинуемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным,[1] нарушение которых все считают постыдным.

38. Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки[1] доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы повседневной жизни. (2) И со всего света в наш город, благодаря его величию и значению, стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

39. В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. (2) И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достояние. (3) Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое

афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. (4) Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, — то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

40. Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. (2) Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами[1] за и против. (3) В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность. Истинно доблестными с полным правом следует признать лишь тех, кто имеет полное представление как о горестном, так и о радостном и именно в силу этого-то и не избегает опасностей. (4) Добросердечность мы понимаем иначе, чем большинство других людей: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них, а тем, что оказываем им проявления дружбы. Ведь оказавший услугу другому — более надежный друг, так как старается заслуженную благодарность поддержать и дальнейшими услугами. Напротив, человек облагодетельствованный менее ревностен: ведь он понимает, что совершает добрый поступок не из приязни, а по обязанности. (5) Мы — единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказываем помощь другим.

41. Одним словом, я утверждаю, что город наш — школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях. (2) И то, что мое утверждение — не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу. (3) Из всех современных городов лишь наш город еще более могущественен, чем идет о нем слава, и только он один не заставит врага негодовать, что он терпит бедствие от такого противника, как мы, а подвласт-

ных нам — жаловаться на ничтожество правителей. (4) Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам. Чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца, который доставит своей поэзией преходящее наслаждение, но не найдет подтверждения в самой истине. Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед.[1] И вот за подобный город отдали доблестно свою жизнь эти воины, считая для себя невозможным лишиться родины, и среди оставшихся в живых каждый, несомненно, с радостью пострадает за него.

42. Поэтому-то я так распространился о славе нашего города. Я желал и показать, что в нашей борьбе мы защищаем нечто большее, чем люди, лишенные подобного достояния; и, воздавая в этой речи хвалу деяниям павших, привести наглядные подтверждения их героизма. (2) Итак, самое главное в моей хвалебной речи уже сказано. Ведь всем тем, что я прославил здесь, наш город обязан доблестным подвигам этих людей и героев, подобных им. Во всей Элладе, пожалуй, немного найдется людей, слава которых в такой же мере соответствовала бы их деяниям. Полагаю, что постигшая этих воинов участь является первым признаком и последним утверждением доблести человека, как славное завершение его жизни. (3) Ведь даже тем людям, кто ранее не выполнял своего долга, по справедливости можно найти оправдание в их доблестной борьбе за родину. Действительно, загладив зло добром, они принесли этим больше пользы городу, чем причинили вреда ранее своим образом жизни. (4) А эти герои не утратили мужества, презрели наслаждение богатством или надежду разбогатеть когда-либо, и не отступили и перед опасностью. Отмщение врагу они поставили выше всего, считая величайшим благом положить жизнь за родину. (5) Перед лицом величайшей опасности они пожелали дать отпор врагам, пренебрегая всем остальным, и в чаянии победы положиться на свои собственные силы. Признав более благородным вступить в борьбу на смерть, чем уступить, спасая жизнь, они избежали упреков в трусости и решающий момент расставания с жизнью был для них и концом страха и началом посмертной славы.

43. Эти воины честно исполнили свой долг перед родным городом, положив за него жизнь. А всем оставшимся в живых надлежит молить богов о более счастливой участи, а в отношении врагов вести себя не менее доблестно, чем усопшие. Пусть все граждане не только со слов оратора оценят, сколь прекрасно для города отражать врага, о чем можно было бы долго распространяться (хотя вы и сами это не хуже знаете). Напротив, пусть вашим взорам повседневно предстает мощь и краса нашего города и его достижения и успехи, и вы станете его восторженными почитателями. И, радуясь величию нашего города, не забывайте, что его создали доблестные, вдохновленные чувством чести люди, которые знали, что такое долг, и выполняли его. При неудаче в каком-либо испытании они все же не могли допустить, чтобы город из-за этого лишился их доблести, и добровольно принесли в жертву родине прекрас-

нейший дар — собственную жизнь. (2) Действительно, отдавая жизнь за родину, они обрели себе непреходящую славу и самую почетную гробницу не только здесь, мне думается, где они погребены, но и повсюду, где есть повод вечно прославлять их хвалебным словом или славными подвигами. (3) «Ведь гробница доблестных — вся земля»,[1] и не только в родной земле надписями на надгробных стелах запечатлена память об их славе, но и на чужбине также сохраняются в живой памяти людей если не сами подвиги, то их мужество. (4) Подобных людей примите ныне за образец, считайте за счастье свободу, а за свободу — мужество и смотрите в лицо военным опасностям. (5) Ведь людям несчастным, влачащим жалкое существование, без надежды на лучшее будущее, нет основания рисковать жизнью, но тем подобает жертвовать жизнью за родину, кому в жизни грозит перемена к худшему, для кого неудачная война может стать роковой. (6) Благородному же человеку страдания от унижения мучительнее смерти, которая для него становится безболезненной, если только он погибает в сознании своей силы и с надеждой на общее благо.

44. Вот почему я не буду скорбеть ныне вместе с вами, присутствующими здесь родителями этих героев, а обращусь к вам с утешением. Ведь, как вы знаете сами, пережив все это, из личного опыта, человеческая судьба исполнена превратностей. Счастлив тот, кому, подобно этим воинам, уготован столь прекрасный конец[1] или выпадет на долю столь благородная печаль, как вам, и тот, кому в меру счастливой жизни была суждена и счастливая кончина. (2) Я понимаю, конечно, как трудно мне утешать вас в утрате детей, о чем вы снова и снова будете вспоминать при виде счастья других, которым и вы некогда наслаждались. Счастье неизведанное не приносит скорби, но — горе потерять счастье, к которому привыкнешь. (3) Те из вас, кому возраст еще позволяет иметь других детей, пусть утешатся этой надеждой. Новые дети станут родителям утешением, а город наш получит от этого двойную пользу: не оскудеет число граждан, и сохранится безопасность. Ведь кто не заботится о будущности детей, тот не может принимать справедливые и правильные решения на пользу своих сограждан. Вы же, престарелые, радуйтесь, что бóльшую часть своей жизни вы были счастливы и скоро ваши дни окончатся: да послужит вам утешением впредь слава ваших сынов. Лишь жажда славы не иссякает, даже в возрасте, когда люди уже бесполезны обществу, и их радует не стяжание, как утверждают иные, а почет.

45. Вам же, присутствующим здесь сыновьям и братьям героев, будет, конечно, трудно состязаться с ними в доблести (ведь успешных принято обычно восхвалять), и даже при наивысшем проявлении доблестей вы с трудом добьетесь не равного с ними, но хотя бы близкого к этому признания. Действительно, при жизни доблестные люди возбуждают зависть, мертвым же (они ведь не являются уже соперниками) воздают почет без зависти. (2) И, наконец, если мне надо вспомнить о доблести женщин, которые теперь станут вдовами, то я подведу итог, ограничившись кратким советом. Наивысшей похвалой для вас будет, если вы не

потеряете присущей вам женственной природы как супруги и гражданки, и та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу.

46. Итак, подобно своим предшественникам, я по обычаю высказал в своей речи то, что считал необходимым сказать в честь погибших героев. Отчасти мы уже воздали павшим почести погребения, а наш город возьмет на себя содержание их детей до поры возмужалости — это высокая награда, подобная венку, пожалованному осиротевшим детям героев за столь великие подвиги. Ведь в городе, где за военную доблесть положена величайшая награда, там и граждане самые доблестные. (2) А теперь, оплакав должным образом своих близких, расходитесь».

47. Таково было торжественное погребение павших в ту зиму, по истечение которой окончился первый год этой войны. (2) Тотчас же в начале лета две трети боевых сил пелопоннесцев и союзников, как и в первый раз,[1] совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Архидамом, сыном Зевксиппа. Разбив лагерь, они начали разорять страну. (3) Враги находились всего лишь несколько дней в Аттике, когда в Афинах появились первые признаки заразной болезни, которая, как говорят, уже раньше вспыхивала во многих местах, особенно на Лемносе и в других местах. Но никогда еще чума не поражала так молниеносно и с такой силой и на памяти людей нигде не уносила столь много человеческих жизней. (4) Действительно, и врачи, впервые лечившие болезнь, не зная ее природы, не могли помочь больным и сами становились первыми жертвами заразы, так как им чаще всего приходилось соприкасаться с больными. Впрочем, против болезни были бессильны также и все другие человеческие средства. Все мольбы в храмах, обращения к оракулам и прорицателям были напрасны. Наконец, люди, сломленные бедствием, совершенно оставили надежды на спасение.

48. Впервые, как передают, болезнь началась в Эфиопии,[1] что над Египтом. Оттуда она распространилась на Египет, Ливию и на большую часть владений персидского царя. (2) Совершенно внезапно болезнь вспыхнула также и в Афинах; первые случаи заболевания появились среди населения Пирея (жители Пирея даже пустили слух, что пелопоннесцы отравляли цистерны; ведь тогда в Пирее еще не было колодцев).[2] Позднее болезнь проникла также и в верхний город, и тогда стало умирать гораздо больше людей. (3) Я предоставляю каждому (будь то врач или человек, не сведущий в медицине) судить об этой напасти, то есть о вероятных причинах ее возникновения и о том, почему следствием ее были столь удивительные перемены в состоянии здоровья.[3] Скажу только, каким образом эта болезнь возникла, и опишу ее проявления, чтобы, исходя из этого, в случае если она снова возникнет, ее можно было бы распознать. Я ведь сам страдал от этой болезни и наблюдал ее течение у других.

49. В этот год до вспышки повальной болезни (по всеобщему признанию) в городе почти не было других заболеваний. Если же кто-нибудь ранее страдал каким-либо недугом, то теперь все переходило в одну эту

болезнь. (2) У других же, до той поры совершенно здоровых, без всякой внешней причины вдруг появлялся сильный жар в голове, покраснение и воспаление глаз. Внутри же глотка и язык тотчас становились кроваво-красными, а дыхание — прерывистым и зловонным. (3) Сразу же после этих явлений больной начинал чихать и хрипеть, и через некоторое время болезнь переходила на грудь с сильным кашлем. Когда же болезнь проникала в брюшную полость и желудок,[1] то начинались тошнота и выделение желчи всех разновидностей, известных врачам, с рвотой, сопровождаемой сильной болью. (4) Большинство больных страдало от мучительного позыва на икоту,[2] вызывавшего сильные судороги. Причем у одних это наблюдалось после ослабления рвоты, у других же продолжалось и позднее. (5) Тело больного было не слишком горячим наощупь, и не бледным, но с каким-то красновато-сизым оттенком и покрывалось как сыпью маленькими гнойными волдырями и нарывами. Внутри же жар был настолько велик, что больные не могли вынести даже тончайших покрывал, кисейных накидок или чего-либо подобного, и им оставалось только лежать нагими, а приятнее всего было погрузиться в холодную воду. Мучимые неутолимой жаждой, больные, остававшиеся без присмотра, кидались в колодцы; сколько бы они ни пили, это не приносило облегчения. (6) К тому же больной все время страдал от беспокойства и бессонницы. На протяжении острого периода болезни организм не слабел, но сверх ожидания сопротивлялся болезни, так что наступала смерть либо в большинстве случаев от внутреннего жара на девятый или седьмой день, когда больной был еще не совсем обессилен, либо если организм преодолевал кризис, то болезнь переходила в брюшную полость, вызывая изъязвление кишечника и жестокий понос; чаще всего люди и погибали от слабости, вызванной этим поносом. (7) Так недуг, очаг которого первоначально находился в голове, распространялся затем сверху донизу по всему телу. И если кто-либо выживал, то последствием перенесенной болезни было поражение конечностей: (8) болезнь поражала даже половые органы и пальцы на руках и ногах, так что многие оставались в живых, лишившись этих частей, а иные даже слепли. Некоторые, выздоровев, совершенно теряли память и не узнавали ни самих себя, ни своих родных.

50. Необычность этой болезни, превышающая любые средства выражения, проявлялась не только в том, что болезнь поражала людей с такой силой, которую не могла вынести человеческая природа, но и в том, что в отличие от всего, наблюдавшегося ранее, птицы и четвероногие животные, питающиеся человеческими трупами, вовсе не касались трупов (хотя много покойников оставалось непогребенными) или, прикоснувшись к ним, погибали. (2) Это видно из того, что подобные птицы совершенно исчезли: их вообще нигде не было видно, а не только возле непогребенных трупов. На собаках же еще яснее обнаруживалось действие болезни, так как они живут вместе с людьми.

51. Таковы были в общем основные признаки этой болезни, если не говорить о некоторых отклонениях в отдельных случаях. Никаких дру-

гих обычных заболеваний в то время не было. Лишь только появлялась какая-нибудь другая болезнь, в конце концов она переходила в эту. (2) Люди умирали одинаково как при отсутствии ухода, так и в том случае, когда их хорошо лечили. Против этой болезни не помогали никакие средства: то, что одним приносило пользу, другим вредило. (3) Недуг поражал всех, как сильных, так и слабых, без различия в образе жизни. (4) Однако самым страшным во всем этом бедствии был упадок духа: как только кто-нибудь чувствовал недомогание, то большей частью впадал в полное уныние, и, уже более не сопротивляясь, становился жертвой болезни; поэтому люди умирали как овцы, заражаясь друг от друга. (5) И эта чрезвычайная заразность болезни и была как раз главной причиной повальной смертности. Когда люди из боязни заразы избегали посещать больных, то те умирали в полном одиночестве (и действительно, люди вымирали целыми домами, так как никто не ухаживал за ними). А если кто навещал больных, то сам заболевал: находились все же люди, которые, не щадя себя из чувства чести, посещали больных, когда даже родственники, истомленные непрерывным оплакиванием умирающих, под конец совершенно отчаивались и отступали перед ужасным несчастьем. (6) Больше всего проявляли участие к больным и умирающим люди, сами уже перенесшие болезнь, так как им было известно ее течение, и они считали себя в безопасности от вторичного заражения. Действительно, вторично болезнь никого не поражала. Поэтому выздоровевших превозносили, как счастливцев, и у них самих радость выздоровления порождала надежду, что теперь никакая другая болезнь не будет для них смертельной.

52. Это постигшее афинян бедствие отягчалось еще наплывом беженцев из всей страны и особенно страдали от болезни вновь прибывшие. (2) Жилищ не хватало: летом приходилось жить в душных временных лачугах, отчего люди умирали при полном беспорядке. Умирающие лежали друг на друге, где их заставала гибель, или валялись на улицах и у колодцев, полумертвые от жажды. (3) Сами святилища вместе с храмовыми участками, где беженцы искали приют, были полны трупов, так как люди умирали и там. Ведь сломленные несчастьем, люди, не зная, что им делать, теряли уважение к божеским и человеческим законам. (4) Все прежние погребальные обычаи теперь совершенно не соблюдались: каждый хоронил своего покойника как мог. Иные при этом даже доходили до бесстыдства, за неимением средств (так как им уже раньше приходилось хоронить многих родственников). Иные складывали своих покойников на чужие костры и поджигали их, прежде чем люди, поставившие костры, успевали подойти; другие же наваливали принесенные с собой тела поверх уже горевших костров, а сами уходили.

53. И вообще с появлением чумы в Афинах все больше начало распространяться беззаконие. Поступки, которые раньше совершались лишь тайком, теперь творились с бесстыдной откровенностью. Действительно, на глазах внезапно менялась судьба людей: можно было видеть, как умирали богатые и как люди, прежде ничего не имевшие, сразу же за-

владевали всем их добром. (2) Поэтому все ринулись к чувственным наслаждениям, полагая, что и жизнь и богатство одинаково преходящи. (3) Жертвовать собою[1] ради прекрасной цели никто уже не желал, так как не знал, не умрет ли, прежде чем успеет достичь ее. Наслаждение и все, что как-то могло служить ему, считалось само по себе уже полезным и прекрасным. (4) Ни страх перед богами, ни закон человеческий не могли больше удержать людей от преступлений, так как они видели, что все погибают одинаково и поэтому безразлично, почитать ли богов или нет. С другой стороны, никто не был уверен, что доживет до той поры, когда за преступления понесет наказание по закону. Ведь гораздо более тяжкий приговор судьбы уже висел над головой, и пока он еще не свершился, человек, естественно, желал по крайней мере как-то насладиться жизнью.

54. Таково было бедствие, угнетавшее афинян: в стенах города народ погибал от болезни, а землю разоряли неприятели. (2) Неудивительно, что в такой беде старики вспомнили о стихе, который, по их словам, в древности возвестил оракул:

Грянет дорийская брань и мор воспоследствует с нею.

(3) Тогда среди афинян начались споры о том, не стояло ли в древнем предсказании вместо λοιμός (мор, чума) слово λιμός (голод). В тогдашних обстоятельствах, как и следовало ожидать, верх одержало мнение, что в стихе значилось λοιμός (мор, чума). Ведь люди старались приспособить воспоминания к переживаемым бедствиям. Мне думается, что если после этой войны случится какая-нибудь другая дорийская война и при этом наступит голод, то люди, вероятно, будут толковать этот стих именно в таком смысле. (4) Другие же вспоминали также ответ оракула лакедемонянам[1] на вопрос, следует ли им воевать: «Если они будут вести войну всеми силами, то одержат победу, и бог сам им поможет». (5) И вот тогда пришли к выводу, что предсказание оракула оправдалось в ходе событий. Ведь чума появилась как раз после вторжения пелопоннесцев, но не проникла в Пелопоннес (по крайней мере там вспышка ее была очень слабой). Главным же образом болезнь распространилась в Афинах, а затем и в других густо населенных местах.[2] Вот что пришлось сказать о чуме.

55. Между тем пелопоннесцы, опустошив равнину, проникли в так называемую Паралийскую область до горы Лаврион,[1] где находились серебряные рудники афинян. Сначала неприятель разорил часть побережья против Пелопоннеса, а затем сторону, лежащую напротив Евбеи и Андроса.[2] (2) Перикл же (который и в этом году еще был стратегом) оставался при том мнении, что афинянам (как и при первом вторжении) не следует вступать в бой с врагом.[3]

56. Вражеское войско еще находилось на равнине и не успело проникнуть в Паралийскую область, когда Перикл велел снарядить 100 кораблей в плавание к Пелопоннесу и после окончания приготовлений вы-

шел в море. (2) На борту кораблей было 4000 афинских гоплитов и, кроме того, 300 всадников на транспортных судах (впервые[1] тогда переделанных из старых кораблей для перевозки лошадей). В походе приняли участие также хиосцы и лесбосцы на 50 кораблях. (3) Когда эта афинская эскадра отплыла, она оставила Паралийскую область на разорение пелопоннесцам. (4) Прибыв в Эпидавр[2] в Пелопоннесе, афиняне опустошили бóльшую часть страны и напали на город, надеясь захватить его; однако им это не удалось. (5) От Эпидавра они поплыли дальше и опустошили на побережье Пелопоннеса Трезенскую область,[3] Галиаду и Гермиониду. (6) Отплыв оттуда, афиняне прибыли в лаконский приморский город Прасии,[4] разорили часть страны, захватили и разрушили сам город. После этого афиняне возвратились домой, но не застали в Аттике пелопоннесцев, которые уже покинули страну.

57. Все время, пока пелопоннесцы оставались на аттической земле и пока корабли афинян были в походе, чума свирепствовала как в афинском войске, так и в городе. Говорили даже, что пелопоннесцы скорее покинули Аттику в страхе перед чумой (о появлении которой в Афинах они слышали от перебежчиков[1] и могли узнать по дыму погребальных костров). (2) Впрочем, при этом вторжении неприятель дольше всего — около 40 дней — оставался в Аттике и опустошил всю страну.

58. В это же лето Гагнон, сын Никия,[1] и Клеопомп, сын Клиния,[2] бывшие стратегами вместе с Периклом, приняли командование над его войском и эскадрой и тотчас отплыли к фракийскому побережью против халкидян и Потидеи, которая все еще была в осаде. По прибытии они подвели осадные машины к стенам Потидеи и всячески пытались овладеть городом. (2) Однако афинянам не удалось ни овладеть городом, ни вообще добиться успеха, сколько-нибудь соответствующего их приготовлениям и усилиям. Ведь вспыхнувшая здесь болезнь довела афинян до крайней опасности: она косила ряды афинского войска, так что заболели и воины, посланные прежде осаждать Потидею, до той поры здоровые, заразившись от воинов Гагнона. (3) Формиона с его 1600 гоплитов тогда уже не было в Халкидике. Так Гагнону пришлось на своих кораблях возвратиться в Афины, потеряв от болезни за 40 дней из 4000 гоплитов 1500 человек. Прежнее же войско осталось в стране и продолжало осаду Потидеи.

59. После второго вторжения пелопоннесцев, когда аттическая земля подверглась новому разорению да к тому же вспыхнула чума, настроение афинян резко изменилось. (2) Они обвиняли Перикла в том, что тот посоветовал им воевать и что из-за него они и терпят бедствия. Напротив, с лакедемонянами афиняне были теперь готовы заключить мир и даже отправили к ним для этого послов,[1] которые, однако, вернулись, ничего не добившись. При таких безвыходных обстоятельствах афиняне и стали нападать на Перикла. (3) Видя, что они раздражены происходящими несчастьями и действуют совершенно так, как он и ожидал, Перикл, который был тогда еще стратегом,[2] созвал народное собрание, чтобы ободрить сограждан, смягчить их гнев и возбуждение и вообще успокоить,

внушив больше уверенности в своих силах. Выступив в собрании, Перикл держал такую речь.

60. «Я ожидал вашего негодования против меня, понимая его причины, и созвал народное собрание, чтобы упрекнуть вас, разъяснив, в чем вы несправедливы, гневаясь на меня и уступая бедствиям. (2) По моему мнению, процветание города в целом принесет больше пользы отдельным гражданам, чем благополучие немногих лиц при общем упадке. (3) Действительно, как бы хороши ни были дела частного лица, с гибелью родины он все равно погибнет, неудачник же в счастливом городе гораздо скорее поправится. (4) Итак, если город может перенести бедствия отдельных граждан, а каждый отдельный гражданин, напротив, не в состоянии перенести несчастье города, то будем же все защищать родину и не будем поступать так, как вы теперь поступаете: подавленные вашими домашними невзгодами, вы пренебрегаете спасением города и обвиняете в меня, убедившего вас воевать, и самих себя, последовавших моему совету. (5) Вы раздражены против меня, человека, который, я думаю, не хуже, чем кто-либо другой, понимает, как следует правильно решать государственные дела и умеет разъяснить это другим,[1] который любит родину[2] и стоит выше личной корысти. (6) Ведь тот, кто хорошо разбирается в деле, но не может растолковать это другому, не лучше того, кто сам ничего не соображает; кто может и то, и другое, обладая талантом и красноречием, но к городу относится недоброжелательно, не станет подавать добрые советы как любящий родину; наконец, если человек любит родину, но не может устоять перед подкупом, то он может все продать за деньги. (7) Поэтому, если вы позволили мне убедить вас начать войну, так как считали, что я обладаю хоть в какой-то мере больше других этими качествами государственного человека, то теперь у вас нет оснований обвинять меня, будто я поступил неправильно.

61. Действительно, тем, кто находится в благоприятном положении и может свободно выбирать войну или мир, глупо было бы начинать войну. Но если кто был поставлен в необходимость либо тотчас же уступить и подчиниться врагу, либо идти на риск и отстаивать свою независимость — то скорее достоин порицания избегающий опасности, чем тот, кто оказывает решительное сопротивление. (2) Я остался тем же и не отказываюсь от своего мнения, вы же переменились. Когда вас еще не постигло бедствие, вы последовали моему совету, но вот пришла беда, вы раскаялись, и мой совет при вашей недальновидности теперь представляется вам неверным. Ведь горестные последствия моей политики теперь уже дают себя знать каждому, тогда как ее выгоды еще не всеми признаны, и после страшных и притом внезапных ударов судьбы у вас уже не хватает духу стойко держаться своих прежних решений. (3) Конечно, внезапные и непредвиденные повороты и удары судьбы подрывают у людей уверенность в своих силах. Именно это и произошло с вами, главным образом из-за чумы, помимо других бедствий. (4) Тем не менее вам, гражданам великого города, воспитанным в нравах, соответствующих его славе, следует стойко выдерживать величайшие невзгоды и не терять

достоинства. Ведь люди с одинаковым правом презирают того, кто ведет себя недостойно своей доброй славы, и ненавидят наглеца, присваивающего себе неподобающую честь. Поэтому и вам нужно забыть ваши личные невзгоды и посвятить себя общему делу.

62. Что же до невзгод войны и ваших опасений, что война затянется надолго и нам не одолеть врага, то достаточно и тех доводов, которые я уже раньше[1] часто приводил вам о неосновательности вашего беспокойства. Все же мне хочется указать еще на одно преимущество, которое, как кажется, ни сами вы никогда не имели в виду, ни я не упоминал в своих прежних речах, а именно: мощь нашей державы. И теперь я, пожалуй, также не стал бы говорить о нашем могуществе, так как это было бы до некоторой степени хвастовством, если бы не видел, что вы без достаточных оснований столь сильно подавлены. (2) Ведь вы полагаете, что властвуете лишь над вашими союзниками; я же утверждаю, что из обеих частей земной поверхности, доступных людям, — суши и моря, — над одной вы господствуете всецело, и не только там, где теперь плавают ваши корабли; вы можете, если только пожелаете, владычествовать где угодно. И никто, ни один царь, ни один народ не могут ныне воспрепятствовать вам выйти в море с вашим мощным флотом. (3) Потому-то наше морское могущество представляется мне несравненно более ценным, чем те частные дома и земли, утрата которых для вас столь тягостна. Вы не должны огорчаться этими потерями больше, чем утратой какого-нибудь садика или предмета роскоши ради сохранения нашего владычества на море. И вы можете быть уверены, что если общими усилиями мы отстоим нашу свободу, то она легко возместит нам эти потери, в то время как при чужеземном господстве утратим и то, что у нас осталось. Нам не подобает в чем-либо отстать от наших предков, которые трудом рук своих приобрели эту державу, а не получили в наследство от других, и сохранили ее, чтобы передать нам. Ведь не быть в состоянии удержать свое могущество гораздо позорнее, чем потерпеть неудачу в попытке достичь его. На врагов же мы должны идти не только с воодушевлением, но и с гордым презрением. (4) Наглая кичливость свойственна даже трусу, если ему при его невежестве иногда помогает счастье, презрение же выказывает тот, кто уверен в своем моральном превосходстве над врагом, а эта уверенность у нас есть. (5) От гордого сознания такого превосходства мужество еще более укрепляется, даже при равных шансах на удачу; оно порождает не только надежду, сила которой проявляется и в безвыходном положении, а расчет на имеющиеся средства,[2] делающий предвидение будущего более достоверным.

63. Ради почетного положения, которым все вы гордитесь и которым наш город обязан своему могуществу, вы, естественно, должны отдать все свои силы, не боясь никаких тягот, если вы дорожите этим почетом. Не думайте, что нам угрожает только порабощение вместо свободы. Нет! Дело идет о потере вами господства и об опасности со стороны тех, кому оно ненавистно. (2) Отказаться от этого владычества вы уже не можете, даже если кто-нибудь в теперешних обстоятельствах из страха изобразит

этот отказ как проявление благородного миролюбия.[1] Ведь ваше владычество подобно тирании,[2] добиваться которой несправедливо, отказаться же от нее — весьма опасно. (3) Такие люди,[3] убедив других, скорее всего погубили бы город своими советами, как погубили бы собственное государство, основав его где-нибудь. Ведь миролюбивая политика, не связанная с решительными действиями, пагубна: она не приносит пользы великой державе, но годится лишь подвластному городу, чтобы жить в безопасном рабстве.

64. Не поддавайтесь уговорам таких обывателей и не гневайтесь на меня за совместно принятое нами решение воевать, если враги теперь вторглись в нашу страну и совершили именно то, что и следовало ожидать, так как вы не пожелали им подчиниться. Затем, правда, неожиданно вспыхнула еще эта эпидемия чумы, и это единственное и самое страшное из всех бедствий постигло нас вопреки всяким расчетам. Я знаю, эта-то болезнь вас особенно восстановила против меня. Но это несправедливо: ведь не стали бы вы вменять мне в заслугу, если бы имели в чем-либо неожиданную удачу. (2) Испытания, ниспосланные богами, следует переносить покорно, как неизбежное,[1] а тяготы войны — мужественно. Так и прежде всегда было в Афинах, и ныне этот обычай не следует изменять. (3) Проникнитесь сознанием, что город наш стяжал себе всесветную славу за то, что никогда не склонялся перед невзгодами, а на войне не щадил ни человеческих жизней, ни трудов, и потому до сей поры он на вершине могущества. Память об этой славе сохранится в потомстве навеки, если даже ныне мы несколько отступим, ведь таков всеобщий ход вещей.[2] Останется память и о том, что мы — эллины — стали владыками большинства эллинских городов, устояли в жестоких войнах и против всех и против каждого отдельного города, а город, в котором мы живем, сделали самым могущественным и богатым. (4) Конечно, люди, слабые могут нас порицать, но тот, кто сам жаждет деятельности, будет соревноваться с нами, если же ему это не удастся, он нам позавидует. (5) А если нас теперь ненавидят, то это — общая участь всех, стремящихся господствовать над другими.[3] Но тот, кто вызывает к себе неприязнь ради высшей цели, поступает правильно. Ведь неприязнь длится недолго, а блеск в настоящем и слава в будущем оставляет по себе вечную память. (6) Вы же, помня и о том, что принесет славу в будущем и что не опозорит ныне, ревностно добивайтесь и той и другой цели. С лакедемонянами же не вступайте ни в какие переговоры и не подавайте вида, что вас слишком тяготят теперешние невзгоды. Ведь те, кто меньше всего уязвимы душой в бедствиях и наиболее твердо противостоят им на деле — самые доблестные как среди городов, так и среди отдельных граждан».

65. Такой речью Перикл пытался успокоить недовольство афинян против него и отвлечь от мыслей об их тяжелом положении в настоящем. (2) В политике афиняне следовали его советам; они больше уже не отправляли послов к лакедемонянам и начали энергичнее вести войну. В частной жизни они, однако, тяжело переносили бедствия: простой на-

род — потому, что лишился и того скудного достатка, что имел раньше; богатые же люди были удручены потерей своих прекрасных имений в Аттике со всеми домами и роскошной обстановкой, но более всего тем, что вместо наслаждения мирной жизнью они должны были воевать. (3) И всеобщее раздражение афинян против Перикла не утихло до тех пор, пока они не покарали его денежным штрафом.[1] (4) Немного спустя, впрочем, афиняне (как обычно и поступает толпа) вновь избрали Перикла стратегом[2] и поставили во главе государства. Отдельные граждане мало-помалу примирились с потерей своих домов и имущества, а для государственной деятельности Перикла считали наиболее достойным. (5) Пока Перикл в мирное время стоял во главе города, он всегда управлял мудро и справедливо, прочно укреплял его безопасность, и при нем город достиг вершины могущества. Когда же началась война, то оказалось, что он также правильно оценил ее важность и значение. (6) После начала войны Перикл прожил еще $2^1/_2$ года.[3] А после его кончины афиняне убедились в том, насколько правильны были его расчеты и предвидения относительно хода войны. (7) Действительно, он предсказывал афинянам победу, если они не вступят в бой с врагом в открытом поле, а вместо этого будут укреплять свое морское могущество, и во время войны не станут расширять своих владений, подвергая опасности самое существование родного города. Афиняне же после его кончины во всем этом поступили наоборот; но и в делах, которые, казалось, не имели отношения к войне, они вели политику, определявшуюся честолюбием и алчностью отдельных граждан во вред городу и союзникам. Успех в этих предприятиях мог быть полезен только немногим лицам, но их неуспех оказался пагубным для нашего города и дальнейшего хода войны. (8) Причина была в том, что Перикл, как человек, пользовавшийся величайшим уважением сограждан за свой проницательный ум и несомненную неподкупность, управлял гражданами, не ограничивая их свободы и не столько поддавался настроениям народной массы, сколько сам руководил народом. Не стремясь к власти неподобающими средствами, он не потворствовал гражданам, а мог, опираясь на свой авторитет, и резко возразить им. (9) Когда он видел, что афиняне несвоевременно затевают слишком дерзкие планы, то умел своими речами внушить осторожность, а если они неразумно впадали в уныние, поднять их бодрость. По названию это было правление народа, а на деле власть первого гражданина. (10) Из преемников Перикла ни один не выдавался как государственный деятель среди других, но каждый стремился к первенству и поэтому был готов, потакая народу, пожертвовать даже государственными интересами. (11) Отсюда проистекали многие ошибки (что и естественно в столь большом и могущественном городе), и самая значительная из них — морской поход в Сицилию. Этот поход окончился неудачей не столько из-за недооценки сил противника, а скорее по вине предпринявших его правителей. Они не заботились об успехе экспедиции, а занимались мелкими дрязгами в борьбе за руководство народом и первенство в городе, и не только вяло вели войну, но привели

в расстройство своими распрями государственные дела.[4] (12) Однако и после сицилийской катастрофы, когда афиняне потеряли свое войско со всем снаряжением и бóльшую часть кораблей, несмотря на раздиравшие город распри, они все же сражались еще три года[5] и притом не только против своих прежних врагов, но и против подкреплений, прибывших из Сицилии, и большинства своих отпавших союзников и даже, наконец, против Кира, сына персидского царя, который присоединился к пелопоннесцам и давал им деньги для постройки кораблей. И сдались афиняне лишь тогда, когда силы их были подорваны в результате внутренних распрей. (13) Так действительность подтвердила предвидение Перикла, который полагал, что в борьбе с одними пелопоннесцами Афины легко одержат победу.

66. В это же лето лакедемоняне со своими союзниками предприняли поход с эскадрой в 100 кораблей на Закинф — остров, лежавший против Элиды (жители Закинфа — колонисты ахейцев из Пелопоннеса — были тогда союзниками афинян). Отплыли лакедемоняне с 1000 гоплитов на борту под начальством спартиата Кнема.[1] Высадившись там, лакедемоняне опустошили большую часть страны. И так как жители Закинфа не сдавались, то лакедемоняне отплыли домой.

67. В конце того же лета коринфянин Аристей,[1] послы лакедемонян[2] Анерист, Николай и Протодам, тегеец Тимагор и аргосец Поллис (который к ним присоединился как частное лицо)[3] отправились в Азию к царю, чтобы побудить его оказать пелопоннесцам помощь деньгами и участием в войне. По пути они сначала прибыли во Фракию к Ситалку, сыну Терея, с целью, если возможно, убедить его отказаться от союза с афинянами и освободить Потидею, где еще стояло афинское войско. От Ситалка послы намеревались отправиться через Геллеспонт к Фарнаку,[4] сыну Фарнабаза, который должен был проводить их дальше в глубь страны к царю. (2) Случайно тогда у Ситалка находились и афинские послы Леарх,[5] сын Каллимаха, и Аминиад, сын Филимона. Они убедили Садока,[6] сына Ситалка, который получил афинское гражданство, выдать им лакедемонян и этим помешать им отправиться дальше к царю во вред Афинам, которые теперь являлись его второй родиной. (3) Садок согласился на просьбу афинян и велел схватить лакедемонян при их проезде через Фракию, прежде чем они успеют сесть на корабль для переправы через Геллеспонт,[7] и выдать их афинянам. Исполнить свое приказание Садок поручил людям, которых он послал сопровождать Леарха и Аминиада. Афинские послы взяли схваченных лакедемонян и привезли в Афины. (4) Из опасения, как бы Аристей, оставшись в живых, не причинил им еще больше вреда[8] (Аристей, как полагали афиняне, уже раньше доставил им своими происками много хлопот в Потидее и на Фракийском побережье), афиняне распорядились по прибытии в Афины казнить пленников в тот же день без суда,[9] даже не выслушав их, и тела бросить в пропасть. Афиняне считали себя вправе отплатить таким образом лакедемонянам, которые положили начало подобному обращению с пленниками. Так лакедемоняне поступили с купцами из Афин и союз-

ных городов: захватывая купеческие корабли в пелопоннесских водах, они убивали экипаж и тела бросали в пропасть. И действительно, лакедемоняне всех попадавших им в руки на море в начале войны считали врагами и убивали, все равно, были ли это союзники афинян или нейтральные лица.

68. Около этого же времени в конце лета амбракийцы вместе с большим собранным ими варварским войском выступили в поход на амфилохский Аргос[1] и на остальную Амфилохскую область. (2) Их вражда против аргосцев началась вот отчего. (3) Амфилохский Аргос, как и вообще Амфилохию и Амбракийский заливе, после Троянской войны на обратном пути домой основал недовольный положением дел в Аргосе[2] Амфилох, сын Амфиарая (назвав колонию по имени своей старой родины). (4) Аргос был самым большим городом[3] в Амфилохии, а жители его — самыми богатыми. (5) Однако спустя много поколений, жители Аргоса под влиянием бедствий пригласили амбракийцев, соседей Амфилохии, переселиться к ним, и свой нынешний эллинский язык они усвоили впервые тогда от амбракийцев, живших с ними. Остальные же амфилохийцы — варвары. (6) С течением времени амбракийцы изгнали аргосцев и сами завладели городом. (7) После этого амфилохийцы стали искать защиты у акарнанов и затем вместе с ними обратились за помощью к афинянам, которые и прислали им 30 кораблей под начальством Формиона. По прибытии Формиона амфилохийцы взяли Аргос штурмом и поработили амбракийцев; и с того времени амфилохийцы живут в городе вместе с акарнанами. (8) После этого впервые был заключен союз афинян с акарнанами.[4] (9) Причиной же вражды амбракийцев к аргосцам явилось прежде всего обращение в рабство их сограждан, а позднее, во время этой войны, амбракийцы пошли на аргосцев походом вместе с хаонами[5] и некоторыми другими соседними варварскими племенами. Амбракийцы подошли к Аргосу и захватили местность около города, а затем напали на город, но не смогли его взять. Тогда они возвратились на родину и каждое племя рассеялось по своим областям. Таковы были события этого лета.[6]

69. Следующей зимой афиняне послали 20 кораблей во главе с Формионом в пелопоннесские воды. Из Навпакта,[1] как из опорного пункта, Формион наблюдал, чтобы ни один корабль не смог выйти из Коринфа и из Крисейского залива[2] или войти туда. 6 других кораблей под начальством Мелесандра афиняне выслали в Карию и Ликию для сбора дани[3] в этих областях и для того, чтобы воспрепятствовать пелопоннесским пиратам нападать оттуда на торговые корабли на пути от Фаселиды[4] и Финикии и соседних стран. (2) Однако при вторжении Мелесандра[5] в Ликию с отрядом, состоявшим из экипажа афинских кораблей и союзников, часть его войска была уничтожена в неудачном сражении и сам он погиб.

70. В ту же зиму потидейцы оказались не в состоянии дольше выдерживать осаду (так как афиняне, несмотря на вторжение пелопоннесцев в Аттику, все же продолжали осаждать город), ибо продовольствие у них

иссякало и некоторые, помимо многого другого, что они из нужды употребляли в пищу, дошли даже до людоедства. Поэтому потидейцы объявили о готовности капитулировать военачальникам стоявшего под городом афинского войска Ксенофонту,[1] сыну Еврипида, Гестиодору, сыну Аристоклида, и Фаномаху, сыну Каллимаха. (2) Афинские военачальники приняли предложение, так как понимали, какие лишения придется терпеть осажденному войску зимой в суровой местности, зная к тому же, что афиняне уже истратили на осаду 2000 талантов.[2] (3) Итак, было заключено соглашение на следующих условиях: жителям города и их союзникам разрешался свободный выход из города с женами и детьми; каждый мог взять с собой один плащ (а женщины по два плаща) и определенную сумму денег на дорогу. (4) В силу договора о капитуляции жители удалились из города в Халкидику и в другие места, где кто мог найти себе пристанище. В Афинах, однако, обвинили военачальников за то, что те заключили договор с потидейцами, не имея на то полномочий [3] (так как считали, что городом можно было овладеть на любых условиях). Впоследствии афиняне сами отправили в Потидею поселенцев.[4] (5) Таковы были события этой зимы. Так окончился второй год войны, которую описал Фукидид.

71. На следующее лето пелопоннесцы и союзники не совершили нового вторжения в Аттику, а выступили в поход на Платею. Военачальником их был царь лакедемонян Архидам, сын Зевксидама. Он велел разбить лагерь перед городом и собрался было уже опустошать платейскую область, когда платейцы отправили к нему послов со следующим предложением: (2) «Архидам и лакедемоняне! Не по справедливости и недостойно ваших отцов вы поступаете, нападая на землю платейцев. Ведь лакедемонянин Павсаний, сын Клеомброта, освободив Элладу от мидян в союзе с эллинами, которые приняли участие в битве с мидянами под стенами нашего города, принес жертву на платейской площади Зевсу Освободителю [1] и в присутствии всех союзников отдал платейцам их область и город, чтобы они жили и владели ими свободно и независимо, и установил, чтобы впредь никто не нападал на них без справедливого повода или с целью отнять свободу. В противном случае, указал он, каждый присутствующий при этом союзник обязан по возможности прийти на помощь платейцам. (3) Эти преимущества даровали нам ваши отцы за нашу доблесть и самоотверженность [2] в опасностях той войны. Вы же вместо того, чтобы помочь нам, поступаете наоборот: ведь вы вместе с нашими смертельными врагами фиванцами пришли лишить нас свободы. (4) Итак, мы призываем в свидетели богов — хранителей клятвы, богов ваших отцов и богов нашей земли и просим не причинять вреда платейской земле и не нарушать ваших клятв, но позволить нам жить независимо, как это признал справедливым Павсаний».

72. В ответ на такую речь платейцев Архидам сказал следующее: «Вы говорите справедливо, платейцы, если только и сами вы поступаете согласно вашим словам. Будьте независимы, как вам обещал Павсаний, но помогите и нам освободить других союзников, которые сражались

тогда вместе с вами и дали совместную клятву, а ныне находятся под игом афинян. Ведь ради освобождения всех остальных эллинов и началась эта война и приведены в готовность столь великие средства. Лучше всего было бы для вас, если бы вы присоединились к нам и остались сами верными клятвам. Если же вы не желаете этого, то продолжайте спокойно заниматься вашими делами, оставаясь нейтральными и сохраняя дружбу с обеими сторонами, как это мы уже раньше[1] предлагали вам. Этого нам достаточно». (2) Так сказал Архидам. А платейские послы, выслушав эту речь Архидама, возвратились в свой город, сообщили платейцам предложения и затем принесли ему ответ: платейцы, сказали они, не могут принять его условия без согласия афинян, так как их жены и дети находятся у афинян. Кроме того, они опасаются за самое существование своего города: ведь после ухода лакедемонян могут прийти афиняне и не позволят выполнить соглашение, или фиванцы вновь попытаются захватить их город (под тем предлогом, что они включены в клятвенный договор). (3) Архидам же, чтобы успокоить платейцев, ответил на это: «Отдайте ваш город и землю под защиту нам, лакедемонянам. Покажите нам пределы вашей земли, сделайте перечень всех ваших плодовых деревьев и остальных предметов, которые можно перечислить. Сами же переселяйтесь на время войны куда пожелаете. А после окончания ее мы вернем вам все, что взяли у вас. До этих же пор мы будем держать ваше имущество как залог, обрабатывать ваши поля и предоставим вам достаточную для существования часть урожая».[2]

73. С таким ответом платейцы опять возвратились в город. После совещания с народом послы заявили Архидаму, что желают прежде всего сообщить его условия афинянам, и, если убедят афинян, то выполнят эти условия. А до тех пор пусть царь заключит перемирие и не разоряет их полей. (2) Тогда Архидам заключил с платейцами перемирие на столько дней, сколько им было необходимо, чтобы возвратиться назад из Афин, и не разорял их земли. Между тем платейские послы, прибыв в Афины, обсудили дело с афинянами и по возвращении объявили горожанам следующее: (3) «Платейцы, говорят афиняне, с тех пор, как вы вступили с нами в союз[1] мы ни при каких обстоятельствах не оставляли вас в беде, и теперь не допустим этого, но окажем помощь по возможности. Поэтому афиняне настоятельно просят вас во имя клятвенных обещаний ваших отцов не отказываться от союза с нами».

74. После этого сообщения послов платейцы решили не оставлять союза с афинянами и в случае необходимости стойко переносить даже разорение своей земли и все возможные в дальнейшем бедствия, и отныне никого больше не высылать для переговоров, но отвечать лакедемонянам только с городских стен, что они не могут принять их предложений. (2) После такого ответа платейцев выступил царь Архидам. Призвав в свидетели богов и героев[1] платейской земли, он сказал так: «Боги и герои — хранители платейской земли! Будьте свидетелями, что мы с самого начала с полным правом вступили на эту землю, так как

платейцы уже раньше нарушили клятвенный договор. Здесь, на этой земле, наши отцы призвали вас и с вашей помощью одолели мидян, и землю эту вы благословенно сделали полем победы для эллинов, и потому враждебные поступки, которые мы ныне совершаем, не будут несправедливостью. Ведь все наши справедливые предложения были отвергнуты. Итак, помогите покарать за несправедливость тех, кто впервые допустил ее, а нам, как справедливым мстителям, — получить удовлетворение».

75. Признав таким образом богов, Архидам приказал воинам открыть военные действия. Прежде всего, он велел оградить город частоколом из срубленных деревьев, для того чтобы никто не мог выйти из города. Затем воины насыпали возле города вал.[1] А так как работы производило столь многочисленное войско, то была надежда в скором времени овладеть городом. (2) По обеим сторонам вала воины соорудили нечто вроде тына из крестообразно скрепленных жердей, нарубленных на Киферопе, чтобы земля не осыпалась. Сверху на насыпь навалили хворост, камни, землю и все, что попадалось подходящего. (3) Семьдесят дней и ночей [2] подряд лакедемоняне возводили насыпь, посменно работая и отдыхая, так что, пока одни воины работали, другие спали или обедали. Лакедемонские начальники, стоявшие вместе с командирами отрядов отдельных союзных городов, заставляли воинов работать. (4) Когда же платейцы увидели, что насыпь поднимается все выше, они сколотили деревянный помост, установили его на стене в том месте, против которого возвышалась насыпь, и выложили кирпичом из разрушенных соседних домов. (5) Стены помоста были связаны деревянными балками, чтобы придать прочность сооружению, когда оно поднимется доверху. Для защиты от зажигательных стрел это деревянное сооружение с людьми, в нем находившимися, было покрыто полотнищами из звериных шкур и кож. (6) Башня поднималась на значительную высоту, и столь же быстро росла насыпь напротив. Тогда платейцы выдумали следующую хитрость: они проделали отверстие в том месте стены, где к ней примыкала насыпь, и стали через это отверстие выносить землю с насыпи в город.

76. Заметив это, пелопоннесцы стали набивать глину в камышевые плетенки и сбрасывать в выемы насыпи, для того чтобы сбитую в плетенках глину нельзя было выносить как землю. (2) Встретив здесь преграду, платейцы прекратили работы: по зато прорыли подземный ход из города. Удостоверившись затем, что находятся под насыпью, тотчас стали выкапывать землю и выносить в город. Враги, находившиеся наверху, долгое время ничего не замечали. Несмотря на то что пелопоннесцы старательно насыпали землю, работа не подвигалась: по мере того как осажденные подкапывали насыпь, холм постоянно оседал в образовавшуюся от выемки земли яму. (3) Платейцы, однако, опасались, что при их немногочисленности они не смогут долго состязаться со множеством врагов, и придумали поэтому еще одну хитрость. На большой башне против насыпи они прекратили работы. С обеих сторон башни (где кончалась одна стена и начиналась другая) они стали пристраивать к более

низкой стене с внутренней стороны вторую стену в виде полумесяца, чтобы в случае захвата врагами большой стены можно было укрыться за этой стеной (тогда неприятелю пришлось бы возводить напротив нее новую насыпь и при дальнейшем продвижении внутрь полукруга новой стены проделать двойную работу; кроме того, неприятель вообще оказался бы теперь в более неблагоприятном положении из-за обстрела со всех сторон, чем при захвате первой стены). (4) Между тем, возведя насыпь, пелопоннесцы одновременно придвинули к городу осадные машины.[1] Один из таранов, поставленный против большой башни вдоль насыпи, так сильно потряс большую часть башни, что платейцев охватил страх. Вместе с тем были приставлены тараны и к другим частям стены. Платейцы, однако, накидывая на тараны петли из канатов, ухитрялись подтянуть их кверху и таким образом обезвредить. Кроме того, они привесили громадные бревна (которые были прикреплены за оба конца на длинных железных цепях к двум балкам на стене), выступающие над стеной, и тянули их вверх. Всякий раз в ожидании удара тарана в каком-нибудь месте стены, платейцы, ослабляя цепь, опускали бревно. Бревно, стремительно падая вниз, отламывало выступ тарана.

77. После того как тараны оказались бесполезными, а против насыпи осажденные стали возводить контрукрепление,[1] пелопоннесцы поняли, что им не взять Платею наличными средствами, и стали подготовлять возведение стены вокруг города. (2) Однако сначала они решили попробовать, нельзя ли при благоприятном ветре поджечь город, который был невелик. И вообще враги выискивали всяческие способы как-нибудь захватить город без больших затрат и правильной осады. (3) Для этого они приносили хворост и сбрасывали с насыпи сначала в промежуток между стеной и валом, а затем, быстро наполнив его (так как работало много людей), и в самый город, насколько далеко можно было сбросить с высоты. Затем, смешав хворост с серой и смолой, подожгли. (4) Поднялось такое пламя, какого никогда еще до той поры не создавали человеческие руки. Только в горах иногда вследствие самовозгорания сухостоя от ветра и взаимного трения возникают такие лесные пожары. (5) Этот страшный пожар чуть было не погубил платейцев, счастливо избегнувших всех прочих опасностей. Действительно, в большей части города из-за сильного ветра было невозможно приблизиться к огню, и если бы ветер подул в сторону города (на что и рассчитывали неприятели), то платейцам не было бы спасения. (6) Но тут, по рассказам, к счастью, произошло вот что: сильный ливень с грозой потушил пожар, и таким образом опасность миновала.

78. После неудачи и этой попытки взять город пелопоннесцы распустили большую часть своего войска, оставив под Платеей лишь небольшой отряд, и начали возведение стены вокруг города, распределив отдельные участки между союзными государствами. По обеим сторонам вала вырыли ров, откуда добывали глину для кирпичей. (2) Когда вся стена была готова, пелопоннесцы возвратились около восхода Арктура[1] домой и разошлись по городам, оставив охрану на одной половине стены (другую

половину охраняли беотийцы). (3) Платейцы уже раньше отправили в Афины жен, детей, стариков и инвалидов.[2] Оставалось же в городе во время осады всего 480 платейцев, 300 афинян и 110 женщин,[3] приготовлявших пищу. (4) Столько всего было людей в городе в начале осады, а кроме этого там не было ни рабов, ни свободных. Таково было положение осажденной Платей.

79. В это же лето одновременно с платейским походом пелопоннесцев афиняне с 2000 гоплитов и 200 всадников выступили в пору созревания хлебов[1] в поход на халкидян фракийского побережья и на боттиеев. Во главе афинян стоял Ксенофонт, сын Еврипида, с двумя другими военачальниками.[2] (2) Подойдя к стенам Спартола в земле боттиеев, афиняне стали уничтожать хлеб на полях. Афиняне рассчитывали, что при содействии некоторых горожан им удастся взять город. Однако другая партия горожан не согласилась на сдачу и отправила послов за помощью в Олинф, откуда и прибыли гоплиты и другие войска для защиты города. При вылазке этого войска из Спартола афиняне выстроились у самого города в боевой готовности. (3) Халкидские гоплиты и некоторое число союзников потерпели поражение от афинян и отступили в Спартол. Однако конница халкидян и легковооруженные одолели афинскую конницу и легковооруженных. (4) У афинян было лишь немного пелтастов из так называемой крусийской области. А из Олинфа тотчас же после битвы подошли на помощь другие пелтасты. (5) Когда легковооруженные воины из Спартола заметили подмогу, то воодушевленные этим и своей недавней победой, вместе с халкидской конницей и прибывшими свежими силами снова напали на афинян. Афинянам пришлось отступить к своим двум отрядам, оставленным при обозе. (6) Всякий раз, когда нападали афиняне, неприятель отступал, но если афиняне отходили, враг наседал, осыпая их дротиками. Халкидская же конница при всяком удобном случае беспокоила афинян и стала для них особенно опасной: она даже обратила афинян в бегство и долго затем преследовала. (7) Афиняне бежали в Потидею, добились заключения перемирия для погребения павших и затем с уцелевшим отрядом возвратились в Афины.[3] Афиняне потеряли 430 воинов (в том числе всех военачальников). Халкидяне же и боттиеи воздвигли трофей, похоронили своих убитых и затем разошлись по своим городам.

80. Немного спустя[1] после этих событий в то же лето амфракийцы и хаоны, стремясь подчинить себе всю Акарнанию и побудить ее к отпадению от афинян, убедили лакедемонян[2] снарядить эскадру из союзных сил и послать в Акарнанию 1000 гоплитов. По их словам, если лакедемоняне вместе с ними нападут на суше и на море, то акарнаны на побережье не смогут помочь населению в глубине страны, и тогда они легко завоюют Акарнанию, а затем овладеют также Закинфом и Кефалленией. Тогда афинским кораблям будет затруднено плавание вокруг Пелопоннеса.[3] Кроме того, можно надеяться захватить и Навпакт. (2) Лакедемоняне согласились и тотчас же отправили в поход Кнема (который оставался навархом) на нескольких кораблях с 1000 гоплитов. Остальной же

союзной эскадре они приказали подготовиться, чтобы как можно скорее отплыть, держа курс на Левкаду. (3) Коринфяне горячо поддержали[4] эти предложения ампракийцев как своих колонистов. В то время как коринфская эскадра и корабли из Сикиона и других тамошних областей еще снаряжались,[5] эскадра с Левкады, из Анактория и из Ампракии была уже на месте и ожидала подхода главных сил у Левкады. (4) Кнем со своей тысячей гоплитов, незамеченный Формионом (который с 20 аттическими кораблями подстерегал его у Навпакта),[6] прошел мимо[7] и тотчас стал готовиться к сухопутному походу. (5) Из эллинов под начальством Кнема были ампракийцы, левкадяне и анакторий и 1000 его пелопоннесцев; из варваров же — 1000 хаонов (царя у них не было, а предводителями — Фотий и Никандр, оба из правящего рода, избираемые на год). Вместе с хаонами выступили в поход и феспроты (которые также не имели царя). (6) Во главе молоссов и атинтанов стоял Сабилинф, опекун малолетнего царя Фарнпа,[8] а во главе паравеев[9] — царь их Ored. 1000 орестов (царем их был Антиох) выступили вместе с паравеями и, с согласия царя Антиоха, находились также под начальством Ореда. (7) Также и Пердикка втайне от афинян послал 1000 македонян, которые, однако, опоздали. (8) С этим войском Кнем выступил, не дождавшись коринфской эскадры. По пути через Аргосскую область он разрушил неукрепленное селение Лимнею. Затем он прибыл к Страту,[10] самому большому городу Акарнании, полагая, что если сначала удастся захватить его, то все остальные города сдадутся.

81. Лишь только акарнаны услышали о вторжении на их землю огромного войска и о скором прибытии неприятельской эскадры, они приняли решение не идти на врага общими силами,[1] а защищаться каждому городу самостоятельно. К Формиону они послали просьбу о помощи. Однако Формион велел передать им, что в настоящее время, когда коринфская эскадра собирается выйти в море, он не может оставить Навпакт без защиты. (2) Между тем пелопоннесцы и союзники тремя отрядами выступили против города Страта. Разбив поблизости лагерь, они намеревались штурмовать стены, если не убедят горожан сдаться добровольно. (3) В центре шли хаоны с остальными варварами, на правом крыле их — левкадяне и анакторий и союзные отряды.[2] На левом же фланге — сам Кнем с пелопоннесцами и ампракийцами. Отдельные отряды следовали на столь большом расстоянии, что по временам не видели друг друга. (4) Эллины шли в походном строю, строго соблюдая осторожность, пока не нашли удобного места для лагеря. Хаоны же, напротив, исполненные самоуверенности (так как среди жителей этой части страны они считались лучшими воинами), даже и не стали разбивать лагерь, а вместе с прочими варварами стремительно продвигались вперед в надежде первым взять город с налета, чтобы ни с кем не делить славы этого подвига. (5) Стратии же вовремя заметили наступление хаонов и решили, что если они покончат с варварами до подхода эллинов, то эллины уже не нападут на них. Они устроили засады в различных местах возле города. Затем, дав противнику приблизиться, стратии произвели

вылазку из города и одновременно напали из засад. (6) Хаонов охватил ужас, и большая часть их была перебита. Остальные варвары, увидев бегство хаонов, не ожидая нападения стратиев, также обратились в беспорядочное бегство. (7) Между тем в обоих эллинских отрядах ничего не слышали об этой битве, так как варвары ушли далеко вперед и эллины думали, что те спешат занять место для разбивки лагеря. (8) Когда варвары бежали под натиском неприятеля, эллины приняли их и затем, объединив оба своих отряда, оставались на месте целый день. Стратеги же не нападали на них, потому что остальные акарнаны еще не успели подойти на помощь; они довольствовались тем, что издали метали камни из пращей и этим беспокоили эллинов. Ведь без тяжелого вооружения эллины не могли двинуться дальше. Акарнаны же считались особенно искусными пращниками.

82. С наступлением ночи Кнем с войском быстро отступил к реке Анапу[1] в 80 стадиях от Страта. На следующий день, заключив перемирие, он велел подобрать для погребения тела павших. И так как к нему присоединились дружественные эниады,[2] то Кнем отправился в их страну до прибытия к неприятелю помощи от других акарнанов. Оттуда все его войско возвратилось на родину, а затем воины разошлись по своим городам. Стратии же воздвигли трофей в знак победы над варварами.

83. Между тем эскадра коринфян и остальных союзных городов в Крисейском заливе[1] (которая должна была присоединиться к Кнему, чтобы помешать прибрежным акарнанам прийти на помощь[2] соплеменникам в глубине страны) не пришла, так как была вынуждена вступить в бой как раз в дни битвы у Страта с 20 афинскими сторожевыми кораблями, стоявшими в Навпакте под начальством Формиона. (2) Формион подстерегал неприятельские корабли при выходе из Коринфского залива вдоль побережья, чтобы напасть на них в открытом море. (3) Коринфяне же с союзниками отплыли не для морской битвы, а для подготовки похода по суше в Акарнанию. Они не предполагали, что афиняне посмеют вступить в бой со своими 20 кораблями против их 47 кораблей. Однако, плывя вдоль южного берега залива, они заметили афинскую эскадру на параллельном курсе вдоль северного побережья, а когда пытались пересечь пролив из Патр в Ахее к противоположному берегу, в Акарнанию, то увидели афинские корабли, идущие на них от Халкиды и устья реки Эвена.[3] Не будучи в состоянии незаметно уйти под покровом ночи, коринфяне вынуждены были принять бой как раз в середине пролива. (4) Корабли отдельных пелопоннесских городов находились под командой своих особых начальников,[4] а во главе самих коринфян стояли Махаон, Исократ и Агафархид. (5) Корабли пелопоннесцев образовали насколько возможно большой круг носами наружу, а кормами внутрь, чтобы неприятель не мог прорвать их боевой линии. Свои малые суда, а также пять самых быстроходных кораблей они поместили в центре круга, чтобы как можно скорее подать помощь в том пункте, где нападет неприятель.

84. Афиняне же выстроили свои корабли кильватерной колонной. Они постоянно описывали круги около неприятельских кораблей и теснили их в узком пространстве, проходя так близко,[1] словно собирались немедленно напасть. Однако Формион отдал приказ не нападать до тех пор, пока он сам не подаст сигнала. (2) Он надеялся, что противник не сможет сохранить боевого строя (подобно сухопутному войску), и корабли его столкнутся друг с другом, а малые суда довершат беспорядок в центре. Если же на рассвете, как обычно, подует ветер с залива, то неприятель и вовсе ни на минуту не будет иметь покоя. Формион полагал также, что при большей быстроходности его кораблей от него зависит выбор момента, когда ударить на врага, и это будет, как он полагал, самое благоприятное время. (3) Когда, действительно, подул ветер, корабли противника (и без того уже сбившиеся в кучу в узком пространстве), гонимые ветром и под его напором сталкивавшиеся друг с другом, так что нужно было их разводить баграми, начали терять боевой порядок. Между тем за взаимными предостерегающими возгласами, криками и бранью не было слышно ни командиров, ни келевстов;[2] и так как неопытные гребцы при сильном волнении не справлялись с веслами, то корабли больше не повиновались кормчим. Именно в этот момент Формион дал сигнал к атаке, и афиняне напали на врага. Прежде всего они потопили один из флагманских кораблей и принялись выводить из строя один за другим все корабли, которые попадались, так что неприятель в наступившей суматохе прекратил всякое сопротивление и бежал в Патры и Диму[3] в Ахее. (4) Во время преследования афиняне захватили еще 12 неприятельских кораблей, экипажи которых они большей частью приняли к себе на борт и затем взяли курс на Моликрей.[4] Поставив там трофей на мысе Рионе[5] и посвятив корабль Посейдону, афиняне возвратились в Навпакт. (5) Пелопоннесцы же с остатками своей эскадры тотчас отплыли вдоль побережья из Димы и Патр в элейскую гавань Киллену,[6] куда с Левкады после битвы при Страте прибыл на присоединение и Кнем с тамошними кораблями.

85. Лакедемоняне послали на корабли к Кнему советниками[1] Тимократа, Брасида и Ликофрона с приказанием в следующий раз лучше подготовиться к морской битве и не допускать, чтобы несколько кораблей могли отрезать ему выход в море. (2) Эта неудача действительно принесла лакедемонянам большое разочарование, особенно потому, что они впервые за время войны пытались дать морскую битву и не могли себе представить, что их корабли настолько уступают противнику: они подозревали в нерешительности своих воинов и командиров, упуская из виду, что афиняне — старые, опытные мореходы, а сами — лишь новички в морском деле. Потому-то, раздраженные неудачей, лакедемоняне и послали Кнему этих советников. (3) По прибытии советники вместе с Кнемом потребовали, чтобы все союзные города снарядили новые корабли, а старые привели в боевую готовность. (4) Но и Формион также отправил в Афины сообщение о новых приготовлениях неприятелей и о морской победе, прося немедленно прислать на помощь как можно больше кораб-

лей, так как со дня на день можно ожидать новой морской битвы. (5) Афиняне выслали на подмогу эскадру в 20 кораблей, приказав, однако, ее командиру[2] зайти сначала на Крит: критянин Никий из Гортины,[3] афинский проксен, убедил афинян зайти в Кидонию, обещая привлечь на их сторону этот (тогда враждебный афинянам) город. В действительности же он склонял к этому афинян лишь в угоду полихнитам, соседям кидонян. (6) Афинский военачальник прибыл на Крит со своей эскадрой и начал вместе с полихнитами разорять землю кидонян. Ему пришлось задержаться там на долгое время сначала по причине неблагоприятных ветров, а затем из-за питпля.

86. Пока афинская эскадра мешкала, теряя время у берегов Крита, пелопоннесцы приготовились к морской битве и отплыли вдоль побережья к ахейскому Панорму,[1] где собралось пелопоннесское[2] сухопутное войско. (2) Формион также отплыл вдоль побережья к моликрийскому Риону и бросил якорь со своими 20 кораблями (которые сражались в последней морской битве) в заливе за мысом. (3) Этот моликрийский Рион был дружествен афинянам, а другой Рион находится, напротив, на стороне пелопоннесцев. Пролив между этими Рионами шириной около 7 стадий[3] образует устье Кирсейского залива. (4) Итак, пелопоннесцы с 77 кораблями, увидев афинскую эскадру, стоявшую на якоре, также бросили якорь у ахейского Риона близ Панорма, где находилось их сухопутное войско. (5) Шесть или семь дней обе эскадры стояли друг против друга и готовились к морской битве, производя маневры. Пелопоннесцы не хотели выходить в открытое море за мыс Рион, боясь потерпеть неудачу, как в прошлый раз, афиняне же предпочитали не входить в узкий пролив, где позиция, по их мнению, была выгодной противнику.[4] (6) Кнем, Брасид и другие пелопоннесские военачальники желали дать бой афинянам до прибытия подкреплений из Афин. Поэтому они сначала созвали своих воинов на сходку и, видя, что большинство их угнетено недавним поражением, обратились к ним с такими словами ободрения.

87. «Пелопоннесцы! Если вы из-за прошлой неудачи опасаетесь предстоящего сражения, то в действительности для таких опасений нет никакого основания. (2) Ведь тогда, как вы знаете, мы были недостаточно подготовлены, да и отплыли мы не ради морской битвы, а скорее для того, чтобы сражаться на суше. Случайно и другие обстоятельства также сложились неблагоприятно. Кроме того, это была наша первая морская битва, и погубила нас неопытность. (3) Именно поэтому-то, а не из-за недостатка мужества, мы потерпели поражение. Было бы ошибкой падать духом из-за неудачи, которая в самой себе содержит основание для того, чтобы восстановить наше доверие к собственным силам. Люди часто терпят неудачи по воле случая, но отважные при всех обстоятельствах сохраняют мужество, и неопытность никогда не может быть оправданием трусости. (4) Но вы и не настолько уступаете врагам в опыте, насколько превосходите их отвагой. И лучшая выучка ваших врагов, которой вы так опасаетесь, может им пригодиться в опасную минуту лишь в том случае, если она сочетается с мужеством, позволяющим не забыть того,

чему выучились. При отсутствии же мужества в минуту опасности не поможет никакая выучка. Ведь страх отнимает память, а уменье без отваги в бою бесполезно. (5) Итак, большей опытности врагов противопоставьте бóльшую отвагу, а страху из-за вашей прошлой неудачи — понимание вашей неподготовленности в то время. (6) Кроме того, наша эскадра сильнее противника, да к тому же вы будете сражаться у берегов родной земли под защитой тяжело вооруженных воинов. Превосходство большей частью остается за более многочисленными и лучше снаряженными. (7) Поэтому мы не находим никаких оснований опасаться неудачи. И именно все наши прежние ошибки теперь послужат нам уроком. (8) Итак, пусть каждый из вас, кормчие и гребцы, смело выполняет свой долг, не покидая указанного ему места. (9) Мы же подготовим атаку, выполним наш долг лучше ваших прежних начальников и не дадим никому повода проявить малодушие. Если же кто-либо проявит трусость, то получит подобающее возмездие, а отважный — заслуженную награду за доблесть».

88. Так пелопоннесские военачальники старались ободрить своих воинов. Но и Формион также был обеспокоен настроением своих воинов. Он видел, как они собираются группами и со страхом толкуют о многочисленности вражеских кораблей. Поэтому он решил, собрав воинов, внушить им бодрость и разъяснить военную обстановку.[1] (2) Он уже раньше постоянно говорил им, что они могут оказать сопротивление любому, даже самому многочисленному вражескому флоту. И поэтому его воины уже давно проникнись убеждением, что им, афинянам, не подобает отступать перед пелопоннесской эскадрой, сколь велика бы она ни была. Но теперь, замечая, что воины при виде множества неприятельских кораблей теряют отвагу, Формион хотел вновь пробудить в них уверенность в своих силах. И вот он велел им собраться и сказал так.

89. «Я собрал вас, воины, так как вижу, что вы испуганы численным превосходством врагов, и считаю недопустимым страшиться того, что вовсе не страшно. (2) Ведь враги, прежде всего, потому и собрали свой большой флот, что уже раз потерпели поражение и сами признают невозможным сражаться против нас с равными силами. Далее. Их самоуверенность при нападении главным образом основана на том, что мужество будто бы заложено в их натуре, а это представление коренится исключительно в том, что их опытность в сухопутной войне обычно приносит успех. Потому-то они и считают, что искусство сухопутного боя доставит им победу также и на море. (3) Но по справедливости тут перевес на нашей стороне, если даже неприятель действительно имеет преимущество на суше. Мужеством враги нисколько не превосходят нас, но поскольку каждая из сторон в чем-нибудь обладает бóльшим опытом, то именно в этой области она и может проявить бóльшую смелость. (4) Кроме того, лакедемоняне, стоя во главе союзников, ведут большинство в бой против их воли, имея в виду только свою собственную славу. После такой неудачи союзники сами никогда бы снова не решились на морскую битву. Итак, не думайте опасаться их отваги. (5) Напротив,

они гораздо больше страшатся вас, так как мы уже нанесли им поражение и они уверены, что мы вступаем в бой с твердой решимостью совершить нечто достойное такого блестящего успеха. (6) Ведь большинство людей идет в бой, будучи подобно этим нашим противникам равными по силе своим врагам и полагаясь более на свою силу, нежели на отвагу. Тот же, кто сам и без принуждения нападет, и притом с меньшими силами, тот проявляет куда больше мужества и решительности. В этом убеждены и наши противники и как раз потому, что мы, вопреки ожиданиям, даем им отпор, они больше страшатся нас, чем если бы мы пошли на них с соответствующим числом кораблей. (7) Многие войска терпели поражение от слабейшего противника как по неопытности, так и по малодушию. У нас же есть и опыт, и мужество. (8) Насколько это зависит от меня, я не дам сражения в заливе и не выйду в залив. Я понимаю, что битва на тесном пространстве невыгодна для небольшой эскадры искусных и быстроходных кораблей в действиях против многочисленного, но неопытного флота. В этих условиях нельзя ни выбрать и держать правильный курс для удара носами кораблей, ни своевременно отступить, чтобы избежать тесноты. Затруднен прорыв боевой линии и последующие маневры для уничтожения вражеских судов, в чем, собственно, и состоит задача быстроходных кораблей. Морская битва неизбежно станет сухопутной, и тогда получит перевес численность кораблей. (9) Все это я, по возможности, предусмотрю. Вы же сохраняйте на кораблях дисциплину и точно выполняйте приказы, тем более что неприятель находится так близко. Соблюдайте порядок и молчание[1] в бою, как это вообще надлежит на войне, особенно же в морской битве. Сражайтесь так же доблестно, как и в прошлый раз. (10) Борьба предстоит тяжелая: или вы покончите с притязаниями пелопоннесцев на морское могущество, или афиняне должны приготовиться к тому, что пришел конец их господству на море. (11) Еще раз напоминаю, что ваши противники — в большей своей части те люди, которых вы уже однажды победили. Ведь, проигравшие сражение, уже не идут в бой с той же уверенностью, что и в первый раз».

90. Такой речью ободрял своих воинов и Формион. Между тем пелопоннесцы, видя, что афиняне избегают войти в залив и теснины, решили принудить их к этому. На рассвете они подняли якоря и, построив свои корабли в четыре линии, поплыли вдоль своего берега, в залив правым крылом вперед, как они и стояли на якоре. (2) На этом крыле они поставили 20 самых быстроходных кораблей, чтобы не дать афинянам уйти, но окружить их в том случае, если Формион, решив, что неприятель идет в Навпакт, сам выйдет туда вдоль побережья на помощь. (3) Как пелопоннесцы и ожидали, Формион, заметив выход неприятеля в море, опасаясь за незащищенную местность, вопреки своим намерениям, поспешно посадил команду на корабли и поплыл вдоль побережья в залив; в том же направлении выступил по суше вспомогательный мессенский отряд. (4) Когда пелопоннесцы увидели, что афинские корабли идут один за другим вдоль берега и находятся уже в заливе, то по дан-

ному сигналу они внезапно все повернули налево, образуя растянутый фронт, и полным ходом поплыли на афинян в надежде перехватить их. (5) Одиннадцать передних афинских кораблей, однако, избежав охвата правым крылом пелопоннесцев, успели достичь свободного пространства у Навпакта. Остальные корабли пелопоннесцы настигли, оттеснили к берегу и привели в негодность, а экипаж перебили, кроме тех, кому удалось спастись вплавь. (6) Несколько кораблей пелопоннесцы буксировали пустыми, а один корабль они уже раньше захватили вместе с экипажем. Тут, однако, на помощь афинянам пришли мессенцы: в полном вооружении они бросились в море, взобрались затем на афинские корабли и, после схватки на палубах, отняли их у неприятеля, когда тот уже буксировал их.

91. Итак, здесь пелопоннесцы одержали победу, повредив аттические корабли. Двадцать кораблей их правого крыла бросились преследовать одиннадцать афинских, которые, уйдя от неприятельского маневра, спаслись в свободное пространство у Навпакта. Эти корабли, кроме одного, успели прийти в Навпакт раньше пелопоннесских. Здесь они остановились у святилища Аполлона и выстроились носами против врага, готовые к бою, если враг дойдет до берега. (2) Спустя некоторое время прибыли и пелопоннесцы. Плывя, они пели победную песнь, как будто уже одержали победу; и один левкадский корабль, заплыв далеко вперед, преследовал отставший корабль афинян. (3) Случайно на рейде вне гавани стояло на якоре какое-то грузовое судно, и аттический корабль, проходя мимо, обогнуло это судно, а затем ударом в середину преследовавшего его левкадского корабля потопил его. (4) Это неожиданное событие устрашило пелопоннесцев. А так как они во время преследования (после победы) уже больше не соблюдали боевого порядка, то некоторые корабли одновременно опустили весла и остановились, чтобы дождаться остальных (что было ошибкой, ввиду грозящего удара врага с близкого расстояния). Между тем другие корабли, не зная фарватера, даже потерпели крушение, сев на мель.

92. Увидев это, афиняне воспрянули духом и по данному сигналу с криком устремились на неприятеля. Пелопоннесцы же в результате допущенных ошибок и из-за царившего среди них беспорядка сопротивлялись лишь короткое время, а затем бежали в Панорм (откуда они и вышли в открытое море). (2) Во время преследования афиняне захватили шесть ближайших кораблей и отняли у врага также свои корабли (которые неприятель вначале повредил у берега и вел на буксире). Экипаж кораблей они частью перебили, а частью взяли в плен. (3) На борту левкадского корабля (затонувшего около грузового корабля) находился лакедемонянин Тимократ, который после гибели корабля закололся.[1] Тело его впоследствии было выброшено волной в заливе Навпакта. (4) По возвращении афиняне воздвигли трофей на том месте, откуда начали свой победный поход, подобрали тела павших и корабельные обломки, прибитые волнами к их земле и, заключив перемирие, выдали неприятелям убитых воинов. (5) Пелопоннесцы также поставили

трофей как победители, так как обратили в бегство неприятельские корабли (которые они затем повредили около берега). Захваченный ими корабль они поставили как посвятительный дар рядом с трофеем в ахейском Рионе. (6) Вскоре после этого все они, кроме левкадян, опасаясь встречи со второй афинской эскадрой, отплыли ночью в Крисейский залив и в Коринф. (7) Пелопоннесцы еще не успели уйти далеко, как в Навпакт с Крита пришла афинская эскадра в составе 20 кораблей,[2] которые должны были прибыть на помощь Формиону еще до морской битвы.[3] Этим кончилось лето.

93. Прежде чем распустить по домам экипажи кораблей, возвратившихся в Коринф и Крисейский залив, Кнем, Брасид и прочие пелопоннесские военачальники по совету мегарцев задумали в начале зимы[1] совершить внезапное нападение на афинскую гавань Пирей: гавань не охранялась и не была закрыта, что было естественным при полном господстве афинян на море. (2) В соответствии с замыслом врагов каждый матрос со своим веслом, подушкой для сиденья и весельным ремнем должен был пешком пройти из Коринфа до моря у Афин и затем быстро отправиться в Мегары, где был назначен спуск на воду находившихся на верфи в Нисее 40 кораблей, с тем, чтобы оттуда плыть прямо в Пирей. (3) Военных кораблей для охраны гавани у афинян там не было, и никто не думал о возможности такого внезапного налета (полагали, что неприятель не решился бы на неожиданное и открытое нападение, и даже если бы задумал осуществить его, то афиняне узнали бы об этом заранее). (4) Составив план атаки, лакедемоняне тотчас же выступили. Ночью они прибыли в Нисею и спустили на воду корабли, но, устрашившись опасности, не отплыли в Пирей, как задумали (их, говорят, задержал противный ветер), а направились к мысу Саламина, что напротив Мегар. Здесь находился сторожевой пост, где стояли упомянутые три военных корабля с целью препятствовать плаванию в Мегары и из Мегар. Лакедемоняне напали на сторожевой пост,[2] взяли военные корабли без экипажей на буксир и принялись опустошать остальную часть Саламина, где никто не ожидал нападения.

94. Между тем известие о нападении врагов было передано в Афины с помощью сигнальных огней, и в городе началось такое смятение, какого не бывало за все время войны.[1] В Афинах думали, что вражеский флот уже в Пирее, а жители Пирея — что враги уже захватили Саламин и вот-вот войдут в гавань. И если бы пелопоннесцы в самом деле стали действовать решительно, то легко могли бы захватить гавань, и противный ветер вряд ли бы задержал их. (2) На рассвете общенародное афинское ополчение поспешило в Пирей на помощь. Афиняне спустили на воду корабли,[2] в смятении разместились на них и отплыли на Саламин, тогда как сухопутное войско заняло Пирей. (3) Лишь только пелопоннесцы узнали, что афиняне идут на помощь, то, разорив большую часть Саламина и забрав людей и добычу и упомянутые три корабля из сторожевого поста у Будора, поспешно отплыли к Нисее (они опасались за свои корабли, так как те в первый раз за долгое время

были спущены на воду и давали течь). (4) Прибыв в Мегары, пелопоннесцы возвратились оттуда в Коринф по суше. Афиняне же, не застав врагов у Саламина, также вернулись назад. С тех пор, однако, они стали более тщательно охранять Пирей и среди прочих мер предосторожности запирали вход в гавань.

95. В то же самое время, в начале этой зимы одрис Ситалк,[1] сын Тереса, царь фракийцев, выступил в поход против царя Македонии Пердикки, сына Александра, и против халкидян[2] на фракийском побережье, желая добиться исполнения обещанного ему и самому выполнить свое обещание: (2) Пердикка не исполнил обещаний, которые дал Ситалку, взявшемуся примирить его с афинянами[3] (в начале войны Пердикка испытывал большие трудности) и не помогать его брату и противнику Филиппу[4] получить престол в Македонии. С другой стороны, сам Ситалк обещал афинянам, заключая с ними союз, положить конец халкидской войне во Фракии. (3) Итак, по этим двум причинам Ситалк теперь и выступил в поход в сопровождении Аминты, сына Филиппа,[5] которого он хотел посадить на македонский престол) и афинских послов, именно по этой причине находившихся у него вместе с военачальником Гагноном.[6] Ведь и афиняне также должны были помогать ему в походе[7] на халкидян своими кораблями и возможно большим войском.

96. Итак, Ситалк, выступив из страны одрисов, прежде всего начал набирать воинов среди всех подвластных ему фракийцев, обитающих между горами Гемом и Родопой[1] до берегов Евксинского понта и Геллеспонта. Далее, за Гемом он призвал под оружие гетов[2] и остальные племена, живущие по сю сторону реки Истра ближе к Евксинскому понту. (2) Геты и другие тамошние племена граничат со скифами и вооружены подобно им: все они конные лучники. Кроме того, Ситалк призвал многих независимых горных фракийцев, вооруженных саблями. Они называются диями и живут преимущественно на Родопе. Одни племена Ситалк привлек за плату, а другие пошли за ним добровольно. (3) Призвал он также агрианов и лееев и все остальные подвластные ему пэонийские племена.[3] Последние были самыми крайними в границах его державы; их области простирались до леейских пэонов и реки Стримона, которая берет начало с горы Скомбра[4] и протекает через земли агрианов и лееев. Здесь кончаются владения Ситалка и начинается область уже независимых от него пэонов. (4) По направлению к трибаллам[5] (которые также независимы) границы его владений образуют области треров и тилатеев.[6] Обитают же эти последние к северу от горы Скомбра, и земля их простирается на запад до реки Оский,[7] которая берет начало с той же горы, откуда текут Нест и Гебр;[8] гора эта, дикая и огромная, примыкает к Родопе.

97. Что до величины державы одрисов,[1] то она простиралась вдоль морского побережья от города Абдер[2] до Евксинского понта, именно до реки Истра. Этот край можно кратчайшим путем объехать на купеческом корабле за четверо суток,[3] если непрерывно дует попутный ветер. (2) По суше же путнику налегке надо идти из Абдер до Истра кратчай-

шим путем 11 дней.[4] Таково было протяжение державы одрисов по морскому побережью. Внутри же страны, где она больше всего удалена от моря, хороший пешеход может пройти путь от Византия до земли лееев и реки Стримона за 13 дней. (3) Подати со всей варварской земли и с эллинских городов[5] при Севфе,[6] наследнике Ситалка (когда они были самыми большими), составляли в деньгах сумму около 400 талантов серебра и вносились серебром и золотом. Подносились также и дары золотом и серебром, по стоимости равноценные податям (помимо искусно и пестро расшитых и простых тканей и всякой утвари), и не только самому царю, но также его соправителям[7] и знатным одрисам. (4) В противоположность обычаям персидского царства,[8] у них (как и вообще во Фракии) считалось благопристойным лучше брать, чем давать, и более постыдным отказать другому в просьбе, чем самому получить отказ. Однако одрисы благодаря своему могуществу пользовались этим обычаем гораздо чаще других фракийцев: без подарков от них нельзя было ничего добиться. Таким образом царство одрисов достигло великого могущества. (5) Действительно, среди всех государств в Европе между Ионийским морем и Евксинским понтом ни одно не могло сравниться с ним по количеству денежных доходов и прочему богатству, тогда как по военной мощи и численности войска оно далеко уступало скифскому царству. Ведь в этом отношении со скифами вообще не может сравниться ни один народ.[9] И не только в Европе, но даже и в Азии нет народа, который сам по себе мог бы устоять против скифов, если бы они были едины.[10] Впрочем, в отношении благоразумия и понимания жизненных потребностей скифы не поднимаются до уровня прочих народов.

98. Итак, Ситалк, царь столь могущественной страны, готовился к войне, набирая войско. Когда все было готово, он выступил в поход на Македонию. Сначала царь шел через свои владения, затем через безлюдную горную цепь Керкину,[1] на границе между областью синтов и пэонов, следуя той самой дорогой, которую он велел проложить уже ранее при походе на пэонов,[2] вырубив просеку в лесу. (2) Пройдя эту горную цепь из земли одрисов, войско двигалось, имея по правую сторону область пэонов, а по левую — земли синтов и мэдов.[3] Перевалив через гору, царь прибыл к Доберу в Пэонии.[4] (3) В походе войско не имело потерь (кроме умерших от болезней), напротив, численность его еще возросла. Действительно, многие из независимых фракийских племен добровольно присоединились к царю в надежде на грабеж, так что общее число воинов составляло, как говорят, не меньше 150 000 человек.[5] (4) Из них около двух третей составляли пехотинцы, остальные — всадники.[6] Бо́льшую часть конницы выставили сами одрисы и затем геты. Среди пехотинцев самыми главными бойцами были вооруженные саблями независимые фракийцы, спустившиеся с Родопы. Остальное войско состояло из разноплеменных полчищ и главным образом было страшно своей многочисленностью.

99. Итак, царское войско собиралось у Добера, готовое вторгнуться с горных высот в подвластную Пердикке нижнюю Македонию.[1]

(2) Ведь к Македонии относятся также линкесты, элимиоты[2] и другие племена в верхней области, союзные и подвластные македонянам,[3] но управляемые своими царями. Приморскую область (которую мы называем Македонией) впервые завоевали Александр,[4] отец Пердикки, и его предки Тимениды,[5] в древности прибывшие из Аргоса, и воцарились там. (3) Они силой оружия изгнали из Пиерии пиеров,[6] которые впоследствии поселились за Стримоном у подошвы Пангея в Фагрете[7] и других местах (еще и поныне обращенная к морю область у подошвы Пангея[8] называется Пиерийским приморьем). Из области же под названием Боттиея они изгнали также ее жителей боттиеев, живущих ныне по соседству с халкидянами. (4) В Пэонии македоняне овладели узкой полосой земли вниз по течению реки Аксия[9] до Пеллы[10] и моря. За Аксием до Стримона они владеют страной под названием Мигдония,[11] откуда они вытеснили эдонов. (5) Затем они изгнали также эордов из земли еще и теперь называемой Эордией.[12] При этом большинство эордов погибло, а оставшаяся небольшая часть поселилась около Фиски.[13] Из Алмонии[14] же были вытеснены алмопы. (6) Македоняне подчинили себе и владеют доныне разными местностями, принадлежавшими прежде другим племенам, таким как Анфемунт,[15] Грестония, Бисалтия[16] и большая часть собственно македонской земли. Все эти области в совокупности называются Македонией, и во время вторжения Ситалка ее царем был Пердикка, сын Александра.

100. Македоняне не могли сопротивляться нападению столь огромного войска. Поэтому им пришлось укрыться в укреплениях, которых тогда было мало. (2) Ведь существующие теперь укрепления построены Архелаем, сыном Пердикки, который по вступлении на престол велел проложить прямые дороги и провел различные преобразования для улучшения военного дела. При этом для подготовки войска и воинского снаряжения этот царь сделал больше, чем все предшествовавшие ему восемь царей.[1] (3) Из Добера фракийское войско вступило сначала в прежние владения Филиппа и взяло штурмом Идомену. Гортиния же, Аталанта[2] и некоторые другие поселения добровольно открыли свои ворота из расположения к сыну Филиппа Аминте, который участвовал в походе. Фракийцы осадили также Еврон,[3] но взять его не могли. (4) Затем они проникли и в остальные части Македонии влево от Пеллы и Кирра.[4] Однако дальше на запад — в Боттиею и Пиерию — фракийцы не пошли, но занялись опустошением Мигдонии, Грестонии и Анфемунта. (5) Македоняне же не решались действовать против неприятеля силами пехоты, но, вызвав на помощь конницу союзников из верхней Македонии, при каждой возможности незначительными отрядами нападали на большие соединения фракийцев. (6) Никто не мог выдержать атаки македонян, так как это были искусные всадники, защищенные броней. Окружаемые во много раз превосходящими силами неприятелей, они сами бросались навстречу опасности. Но, наконец, чувствуя себя не в силах выдержать бой со столь превосходящим их по численности неприятелем, они отступали.

101. Между тем Ситалк вступил в переговоры с Пердиккой о спорных вопросах, приведших к войне. Афинская эскадра не прибыла на помощь, так как афиняне не верили,[1] что Ситалк выступит в поход, и ограничились отправкой к нему послов с подарками. После тщетного ожидания афинян Ситалк послал часть своего войска против халкидян и боттиеев, и, принудив их запереться в крепостях, начал разорять поля. (2) Пока Ситалк со своим войском стоял лагерем в этих местах, фессалийцы и магнеты,[2] живущие далее к югу, и другие подвластные фессалийцам племена, и все эллины вплоть до Фермопил из боязни, что войско Ситалка пойдет на них, приняли меры предосторожности. (3) Были устрашены также и все независимые фракийские племена, живущие на равнине к северу за Стримоном — пэнэи, одоманты, дрои и дерсеи.[3] (4) Даже среди враждебных афинянам эллинов действия Ситалка вызвали тревожные толки и опасения, как бы царь, подстрекаемый афинянами в силу союзного договора, не пошел со своим войском против них. (5) Ситалк, однако, оставался в Халкидике, Боттике и Македонии и опустошал эти земли. Между тем царю не удавалось достичь своей цели (ради чего он и совершил вторжение), а его войско начало страдать от недостатка продовольствия и зимних холодов. Тогда, следуя убеждению своего племянника Севфа, сына Спарадока (человека наиболее влиятельного после него самого), Ситалк решился немедленно отступить. А Севфа Пердикка тайно привлек на свою сторону обещанием отдать ему в жены свою сестру и дать за ней приданое. (6) Итак, Ситалк позволил себя уговорить и, пробыв в стране в общем 30 дней (из которых 8 дней провел у халкидян), поспешно возвратился домой. Пердикка же впоследствии выполнил свое обещание и отдал свою сестру Стратонику в жены Севфу. Так окончился поход Ситалка.

102. В ту же зиму, после того как пелопоннесский флот был распущен, афиняне в Навпакте во главе с Формионом выступили в морской поход. Плывя вдоль побережья, они высадились в Астаке[1] и оттуда направились в глубь Акарнании с 400 своих гоплитов,[2] снятых с кораблей, и 400 гоплитов мессенских. Из Страта, Коронт[3] и других мест афиняне изгнали тех лиц, которых считали ненадежными. Затем они возвратили в Коронты Кинета, сына Феолита,[4] и снова вернулись на свои корабли. (2) Ведь поход на Эниады[5] — единственный город в Акарнании искони враждебный афинянам — представлялся невозможным в зимнее время. Действительно, река Ахелой, берущая начало с горы Пинда,[6] течет затем через страну долопов, агреев и амфилохов и по акарнанской равнине и впадает в море близ Эниад, образуя озера в окрестностях города. Разлив реки зимой затрудняет поход на город. (3) Большинство так называемых Эхинадских островов также расположено против Эниад, непосредственно перед устьем Ахелоя. Ахелой, как большая река, постоянно образует здесь при наводнении наносы, и некоторые острова, вероятно, в непродолжительном времени также соединятся с ним. Действительно, река эта широкая, многоводная и илистая. Острова тесно примыкают друг к другу и задерживают речные наносы, не позволяя

им растворяться в воде. Расположенные беспорядочно, а не один за другим, острова мешают водам реки впадать в море прямым путем. Впрочем, острова эти невелики и необитаемы. (4) Сказание гласит, что Аполлон изречением оракула повелел Алкмеону, сыну Амфиарая, во время его скитаний по земле после убиения матери избрать эту землю в качестве прибежища. При этом оракул предупредил Алкмеона, что тот не освободится от страшных видений, пока не найдет приюта на той земле, которая при убиении матери еще не была сушей и солнце ее не видело, потому что вся другая земля осквернена его злодеянием. (5) Алкмеон, гласит далее сказание, долго не знал, что делать. Наконец, он заметил эти наносы в устье Ахелоя и решил, что здесь со времени его долгих скитаний после матереубийства образовалось достаточно земли, чтобы поселиться на ней. Так он и обосновался в области Эпиадов и стал ее правителем. Впоследствии страна получила название от его сына Акарнана. Такое предание об Алкмеоне дошло до нас.

103. Афиняне во главе с Формионом отплыли из Акарнании обратно в Навпакт и в начале весны возвратились в Афины. Они везли с собой пленников, свободных по рождению, взятых в плен в морских битвах, а также захваченные неприятельские корабли. Пленников они обменяли человека на человека. Так окончилась эта зима, а с ней и третий год войны, которую описал Фукидид.

КНИГА ТРЕТЬЯ

1. На следующее лето в пору созревания хлеба пелопоннесцы и союзники вторглись в Аттику во главе с царем лакедемонян Архидамом, сыном Зевксидама. Расположившись лагерем, они стали опустошать поля. Афинская конница и на этот раз производила налеты на врага при удобном случае, мешая главной массе легковооруженных воинов удаляться от своего лагеря и разорять окрестности города. Пока у пелопоннесцев не иссякли запасы продовольствия, они оставались в стране, а затем отступили и разошлись по своим городам.

2. Тотчас после вторжения пелопоннесцев подняли восстание против афинян лесбосцы, кроме жителей Мефимны.[1] Они думали восстать еще до начала войны,[2] но не выступили потому, что тогда лакедемоняне не оказали им поддержки. И теперь они еще не были готовы к восстанию, но были вынуждены к этому скорее, чем намеревались. (2) Действительно, они ожидали окончания постройки дамбы, ограждавшей гавань,[3] сооружения городской стены и снаряжения кораблей. Кроме того, из Понта еще не прибыли лучники, хлеб и другие запасы, за которыми они послали. (3) Однако все враги лесбосцев на Тенедосе,[4] в Мефимне и отдельные сторонники противной партии, проксены афинян в самой Митилене, доносили афинянам, что митиленцы решили объединить в Митилене все население острова и с помощью лакедемонян и своих единоплеменников беотийцев постепенно готовятся к восстанию, так что если не предупредить это, афиняне потеряют Лесбос.

3. Однако афиняне, жестоко страдавшие от чумы и только что разгоревшейся войны, тягости которой теперь стали сильнее сказываться, считали весьма опасным начинать новую войну против такой державы, как Лесбос с ее сильным флотом и свежими ресурсами. Сначала афиняне не доверяли таким донесениям, главным образом потому, что не желали, чтобы они оправдались. Когда же афиняне, отправив послов на Лесбос, не смогли убедить лесбосцев отказаться от объединения их городов и от военных приготовлений, то встревожились и решили предупредить вос-

стание. (2) Они неожиданно послали на Лесбос эскадру в составе 40 кораблей (назначенных для крейсирования в пелопоннесских водах) под начальством стратега Клеиппида,[1] сына Диния, с двумя товарищами. (3) Афиняне получили сообщение, что в ближайшее время на острове будет справляться вне города празднество в честь Аполлона Малоентского[2] с участием всего населения Митилены, и, если афиняне поспешат, то, вероятно, смогут напасть врасплох. Удастся попытка, думали афиняне, — хорошо. Если нет, нужно потребовать от митиленцев выдачи кораблей и срытия стен. В случае же отказа митиленцев — начать войну. (4) Афинская эскадра тотчас вышла в море. Десять митиленских триер, которые, согласно договору, пришли на помощь, афиняне задержали и команду их взяли под стражу. (5) Однако какой-то человек из Афин предупредил митиленцев о выходе эскадры. Он переправился на Евбею и по суше прибыл в Герест.[3] Здесь он нашел выходивший в море грузовой корабль и, продолжая на нем путешествие, на третий день прибыл из Афин в Митилену и сообщил о приближении афинской эскадры. (6) После этого митиленцы не вышли из города в святилище Аполлона Малоентского, поставили охрану у стен и гаваней и оградили частоколом незаконченные сооружения.

4. Вскоре за тем прибыли афинские корабли. Начальники эскадры, видя, что их планы внезапного нападения расстроены, объявили, что́ им было поручено. Митиленцы отказались подчиниться требованиям афинян, и стратеги начали военные действия. (2) Застигнутые врасплох, митиленцы были вынуждены сражаться неподготовленными. Они вышли со своими кораблями из гавани[1] немного вперед, намереваясь дать морское сражение. Афинские корабли вскоре, однако, оттеснили их назад, и тогда митиленцы вступили в переговоры со стратегами афинян, желая, если возможно, тотчас же на приемлемых условиях избавиться от неприятельской эскадры. (3) Афинские стратеги приняли их предложения, опасаясь, что у них самих не хватит сил вести войну против целого Лесбоса. (4) Итак, было заключено перемирие, и митиленцы послали уполномоченных для переговоров в Афины (среди них был один из доносчиков, теперь впрочем, уже раскаявшийся). Митиленцы хотели убедить афинян, что они вовсе не намеревались восставать, и уговорить их, если возможно, увести свою эскадру на приемлемых условиях. (5) Не ожидая, однако, успеха посольства в Афины, они одновременно отправили на одной триере послов и в Лакедемон, тайком от афинской эскадры, стоявшей у Малеи[2] к северу от города. (6) После трудного плавания послы прибыли в Лакедемон и стали добиваться хоть какой-нибудь помощи.

5. После того как послы вернулись из Афин, ничего не добившись, митиленцы и остальной Лесбос (кроме Мефимны) решили начать войну. Мефимна же, как Имброс,[1] Лемнос и немногие другие союзники, остались верными афинянам. (2) Митиленцы, сделав вылазку, напали на афинский лагерь.[2] В завязавшемся сражении они разбиты не были, но не решились остаться на поле битвы и отступили в город. (3) С этого времени митиленцы бездействовали, не желая рисковать в битве без ожидаемой

помощи из Пелопоннеса или еще откуда-нибудь. На помощь к ним действительно прибыли лакедемоняне Мелей и фиванец Гермеонд.[3] Они были посланы еще до восстания, но не могли прибыть раньше афинской эскадры и только после битвы на одной триере незаметно пробрались в город. Посланцы советовали митиленцам отправить новое посольство на другой триере вместе с ними при их возвращении в Лакедемон, что митиленцы и сделали.

6. Бездействие противника весьма ободрило афинян, и они стали вызывать на помощь союзников, которые являлись тем охотнее, видя, что лесбосцы не проявляют никакой воинственности. Став на якорь к югу от города,[1] афиняне укрепили два лагеря на каждой из сторон города и блокировали входы в обе гавани. (2) Таким образом они отрезали митиленцев от моря. Земля в непосредственной близости от их двух лагерей также находилась в руках афинян.[2] Однако митиленцы и другие лесбосцы, прибывшие на помощь, господствовали над всей остальной частью острова. У Малей афиняне имели только якорную стоянку для кораблей и рынок. Таковы были военные действия у Митилены.

7. Около того же времени в это лето афиняне послали эскадру из 30 кораблей в пелопоннесские воды под начальством стратега Асопия, сына Формиона, ибо акарнанцы просили послать им военачальником сына или какого-нибудь родственника Формиона.[1] (2) На пути вдоль берегов Лаконии эскадра опустошала побережье. (3) Затем Асопий отослал бо́льшую часть кораблей домой, а сам с 12 кораблями отплыл в Навпакт. (4) После этого он собрал всеобщее ополчение акарнанцев и с этим войском пошел на Эниады.[2] Его корабли вошли в Ахелей, а сухопутное войско опустошало страну. (5) Но так как город не сдавался, то Асопий распустил свое войско, а сам отплыл с эскадрой на Левкаду и высадился в Нерике.[3] На обратном пути он вместе с частью его отряда были перебиты местными жителями и немногочисленной пелопоннесской охраной. (6) Затем афиняне вышли в море, получив по договору о перемирии от левкадцев тела своих павших воинов.

8. Между тем отправленные на первом корабле митиленские послы прибыли в Олимпию, так как лакедемоняне просили их явиться туда, чтобы остальные союзники также выслушали их пожелания и решили, что делать. Это была олимпиада,[1] на которой родосец Дорией[2] второй раз одержал победу. По окончании празднества послы выступили на собрании с такой речью.

9. «Нам, лакедемоняне и союзники, известно обычное отношение эллинов к людям, покинувшим союзников во время войны: того, кто изменяет своим прежним союзникам, порывая с ними, они охотно принимают, поскольку он им полезен, но меньше ценят, считая его предателем старых друзей. (2) И действительно, такое суждение справедливо, если только дело идет о разрыве между двумя государствами с одинаковыми убеждениями и интересами, которые равны друг другу по мощи и ресурсам и когда нет уважительного повода для отпадения. Между тем наши отношения с афинянами совсем не таковы, и поэтому никто не может об-

винять нас за то, что мы покидаем их теперь в час опасности, хотя в мирное время они относились к нам с уважением.

10. Так как наша цель — вступить в союз с вами, то прежде всего обратимся к вопросу о справедливости и чести. Мы знаем, что не может быть прочной дружбы между частными людьми и союза города с городом для какой-нибудь цели, если друзья или союзники не верят во взаимную честность и не сходны по характеру и образу мыслей. Ведь несходство образа мыслей приводит к расхождению в действиях. (2) Наш союз [1] с афинянами был заключен после того, как вы перестали участвовать в мидийской войне, а они остались, чтобы завершить борьбу. (3) Однако мы никогда не были союзниками афинян в их намерениях поработить эллинов, но союзниками для освобождения эллинов от мидийского ига. Пока афиняне, стоя во главе союза, обращались с нами как равные с равными, мы были готовы следовать за ними. (4) Но мы стали тревожиться, видя, что они ослабляют свою враждебность к Мидянину и все больше и больше стремятся к господству над союзниками. (5) Союзники, однако, в силу различия в интересах,[2] не могли прийти к единству, чтобы дать отпор афинянам, и были, таким образом, порабощены, кроме нас и хиосцев. Но будучи по имени свободными и независимыми, мы должны были сражаться на их стороне. И теперь, судя по прежним примерам, мы больше не можем доверять афинянам как нашим вождям. Ведь невероятно, чтобы они, подчинив тех, которых вместе с нами приняли в союз, не поступили так же и с остальными, если бы смогли.

11. Если бы все союзники сохранили еще независимость, и мы имели бы больше уверенности, что нас оставят на прежнем положении. Но большинство союзников уже подчинилось, а с нами афиняне должны были еще обращаться как с равными, и для них, естественно, становилось все тягостнее терпеть такое положение; ведь даже когда большинство союзников стало подчиняться, один наш город еще сохранял равноправие, к тому же афиняне делались все могущественнее, а нам приходилось все более рассчитывать на свои силы. Только взаимный страх делает союз надежным. Ведь пожелай одна сторона в чем-нибудь нарушить союзный договор, удержать ее от этого может лишь сознание собственной слабости. (2) Независимость афиняне оставили нам лишь потому, что предпочитали достичь господства скорее красивыми речами и хитрой политикой, нежели грубой силой. (3) Вместе с тем мы служили им и были нужны для доказательства справедливости их дела, так как с равным правом голоса в делах союза мы не выступили бы, по крайней мере добровольно,[1] с ними в поход без справедливого основания. Кроме того, афиняне использовали сильных против слабых. Оставив нас, более сильных, под конец и устранив остальные малые города, они думали, что мы станем для них легкой добычей. Напротив, начни они с нас, когда все прочие союзники были еще в силе и знали, где им следует искать опору, они не смогли бы одержать верх так легко, как это им удалось. (4) К тому же наш флот внушал им некоторые опасения. Они боялись, что в союзе с вами или с каким-нибудь другим городом он станет для них опасным. (5)

В конце концов, нас оставляли в покое еще и потому, что мы постоянно оказывали услуги их городу и ублажали деятелей, которые стояли в данный момент у них во главе. (6) Конечно, долго мы не уцелели бы, если бы не началась эта война, так как на наших глазах были примеры печальной участи других.

12. Как могли мы довериться такой дружбе и свободе, как эта? Ведь услуги, которые мы оказывали друг другу, не соответствовали нашим истинным чувствам. Афиняне из страха угождали нам во время войны, а мы в мирное время оказывали им такое же внимание. И доверие, которое обычно обеспечивается преимущественно обоюдным расположением, у нас было основано только на взаимном страхе: только из страха, а не по любви мы сохраняли наш союз. И кто из нас первым смог бы, не опасаясь, пойти на риск, тот, конечно, первым и решился бы разорвать союз. (2) Поэтому ошибаются те, которые считают, что мы поступили несправедливо, первыми восстав против афинян, не дожидаясь, пока воочию убедимся в их намерениях (так как они медлили применять насилие против нас). (3) Ведь если бы мы на равных условиях могли противодействовать их замыслам, то, конечно, нам следовало несколько подождать с восстанием. Однако, поскольку они в любой момент могли напасть на нас, мы должны были заранее принять оборонительные меры.

13. Таковы, лакедемоняне и союзники, непосредственные основания и причины, которыми можно объяснить и оправдать наше отпадение. Их вполне достаточно, чтобы убедить вас, наших слушателей, в правильности нашего поступка и растолковать каждому, что нам приходится остерегаться и думать о собственной безопасности. Мы уже давно собирались отложиться от афинян и еще во время мира обращались к вам с предложением об этом.[1] Но так как вы тогда не поддержали нас, нам пришлось отказаться от нашего намерения. Теперь же мы сразу откликнулись на призыв беотийцев. Мы считали, что нашим отложением преследуем двоякую цель.[2] Во-первых, не содействовать афинянам в угнетении эллинов, но содействовать самим эллинам в их освобождении. Затем — не позволить афинянам уничтожить нас, но самим предупредить их нападение. (2) Конечно, нам пришлось восстать ранее, нежели мы хотели, и мы были еще недостаточно готовы. Ввиду этого вам тем более следует принять нас в союз и немедленно помочь нам. Этим вы ясно докажете, что готовы защищать тех, кто требует помощи, и покажете вашу способность нанести удар врагу. (3) Ведь никогда еще обстановка не складывалась столь благоприятно, как теперь. Мощь афинян ослаблена чумой и огромными военными расходами. Их флот разъединен: часть его крейсирует у ваших берегов, а другая эскадра угрожает нам. (4) Так что у них не будет преобладания на море, и если вы этим летом вторично совершите вторжение в Аттику на кораблях и по суше, они не смогут отразить вас, а если и предпримут такую попытку, им придется отступить на обоих направлениях. (5) Пусть никто не думает, что подвергает опасности свою родину ради чужой земли. Если кому-нибудь кажется, что Лесбос далеко, то выгоды, которые он предлагает вам достаточно близки. Ведь место сражения

будет не в Аттике,[3] как можно думать, а в тех странах, откуда Афины извлекают свои доходы. (6) Афиняне получают деньги от союзников, и эти доходы еще умножатся, если они покорят нас. Ведь тогда уже никто не восстанет против них, да и наши подати увеличатся, и нас ждет еще более горькая участь, чем у порабощенных ранее. (7) Если же вы будете усердно помогать нам, то в союзе с нами — сильной морской державой — вы приобретете флот, который вам особенно необходим. И если вам удастся постепенно лишить афинян союзников, то вы тем легче сокрушите вражескую мощь. Ведь все афинские союзники проникнутся к вам доверием, и с радостью перейдут к вам, и тогда вас нельзя будет уже упрекать в том, что вы не помогаете тем, кто желает восстать против афинян. Если же вы открыто выступите освободителями Эллады, то победа ваша будет обеспечена.

14. Итак, оправдайте надежды, возлагаемые на вас эллинами и почтите Олимпийского Зевса (в святилище которого мы находимся, как умоляющие о спасении), примите нас в союз и защитите. Не покидайте нас в тот момент, когда мы, митиленцы, одни рискуем своей жизнью за общее дело эллинов. Наша удача принесет выгоды всем; если же вы нам откажете, то вред от этого и подавно станет всеобъемлющим. (2) Будьте же доблестными мужами, какими считают вас эллины и какими мы в нашем страхе желаем вас видеть».

15. Так говорили митиленцы. Лакедемоняне и союзники тотчас же согласились на эти предложения и приняли их в свой союз. Собравшимся там союзникам лакедемоняне приказали немедленно явиться на Истм с двумя третями[1] своего войска для предстоящего вторжения в Аттику. Первыми прибыли на Истм сами лакедемоняне и сразу принялись готовить волок для перевода кораблей через Истм из Коринфского моря в Саронический залив. Ведь они собирались напасть на афинян одновременно с суши и с моря. (2) Сами лакедемоняне действовали с усердием, но остальные союзники собирались медленно. Они были заняты сбором урожая и не проявляли желания воевать.[2]

16. Между тем афиняне заметили, что сборы противников в поход вызваны уверенностью в их, афинян, слабости, и решили убедить их в ошибочности такого суждения, доказав, что легко могут дать отпор новым морским силам из Пелопоннеса, даже не отзывая своей эскадры от Лесбоса.[1] Они снарядили 1000 кораблей, укомплектовав их экипажами из граждан (кроме всадников, пентакосиомедимнов и метэков).[2] Затем они вышли в море, прошли вдоль берега, показывая свои силы, и высаживались в различных местах на побережье Пелопоннеса, где им было угодно. (2) Лакедемоняне были поражены неожиданностью появления афинского флота и думали, что митиленцы[3] сказали им неправду. Они считали свое положение опасным, так как союзники еще не прибыли, и к тому же пришло известие, что крейсирующая у побережья Пелопоннеса афинская эскадра из 30 кораблей опустошает земли периэков. Поэтому лакедемоняне возвратились домой. (3) (Позднее, однако, они стали снаряжать эскадру на Лесбос и приказали отдельным союзным

городам выставить 40 кораблей.) Во главе эскадры был поставлен Алкид,[4] который и должен был с нею отплыть на Лесбос. (4) Когда афиняне увидели, что пелопоннесцы вернулись домой, они со своими 100 кораблями сделали то же самое.

[17. Никогда еще у афинян не было такого большого количества кораблей, боеспособных и хорошо снаряженных,[1] как в то время, когда эти 100 кораблей находились в море,[2] хотя по числу, пожалуй, в начале войны их было столько же или даже еще больше. (2) Сто кораблей несли охрану Аттики, Евбеи и Саламина,[3] а другие сто крейсировали в пелопоннесских водах, кроме кораблей, блокировавших Потидею или находившихся в других местах. Таким образом, в одно лето афинский флот насчитывал в общем 250 кораблей. (3) Расходы на флот и осаду Потидеи особенно истощали афинскую казну[4]. Ведь каждый гоплит при осаде Потидеи получал по 2 драхмы в день (одну на себя, а другую на слугу). Число гоплитов составляло первоначально 3000 и оставалось таким до конца осады. Затем прибыло еще 1600 гоплитов под начальством Формиона,[5] но они ушли еще до конца осады. Матросы во флоте получали ту же плату, что и воины. (4) Так истощалась афинская казна уже в начале войны, и таково было наибольшее число кораблей, когда-либо снаряженных афинянами].

18. В то время как лакедемоняне находились у Истма, митиленцы с союзниками выступили по суше против Мефимны, рассчитывая захватить город при содействии местных сторонников отложения от Афин. Потерпев здесь неудачу, митиленцы отступили к Антиссе, Пирре и Эресу. Там они установили более надежные олигархические порядки, укрепили городские стены и затем поспешно возвратились домой. (2) После ухода митиленцев мефимнейцы пошли походом на Антиссу. Однако жители Антиссы и наемники сделали вылазку, нанесли мефимнейцам тяжелое поражение и многих перебили; оставшимся в живых пришлось поспешно отступить. (3) Между тем афиняне узнали о положении на острове, о том, что митиленцы по-прежнему господствуют в стране[1] и что их собственное войско не в состоянии блокировать город. Тогда в начале осени[2] афиняне послали в Митилену под начальством стратега Пахета, сына Эпикура, 1000 своих гоплитов, которые сами были и гребцами[3] на кораблях. (4) По прибытии на остров афиняне окружили одиночной стеной, встроив в нее в некоторых местах сторожевые укрепления. (5) Таким образом, в начале зимы[4] Митилена была целиком блокирована с двух сторон — с суши и с моря.

19. Тогда впервые, нуждаясь в средствах для осады Митилены, афиняне внесли в государственную казну 200 талантов чрезвычайного военного налога.[1] Кроме того, они послали для сбора подати с союзников 12 кораблей под командой стратега Лисикла[2] с четырьмя товарищами. (2) Лисикл обходил различные земли, всюду собирая деньги. Но когда он проходил из Миунта[3] в Карии через долину Меандра до холма Сандия,[4] то погиб сам с большей частью своего отряда в стычке с карийцами и анеитами.[5]

20. В ту же зиму платейцы, все еще осаждаемые пелопоннесцами и беотийцами,[1] начали страдать от крайнего недостатка продовольствия. На помощь афинян нельзя было рассчитывать, и вообще казалось, что спасения нет. Поэтому платейцы и бывшие в городе афиняне сначала решили все вместе сделать вылазку и пробиться через вражеские стены. План этот предложили проксенос Феенет, сын Толмида, и Евпомпид, сын Даймаха, бывший стратегом в городе. (2) Сначала все платейцы одобрили план, потом, однако, половина их как-то потеряла решимость, считая этот план слишком опасным. В конце концов только около 220 человек остались верными своему первоначальному решению и приступили к его выполнению следующим образом. Они изготовили лестницы одинаковой высоты с вражеской стеной. (3) Высоту лестниц они рассчитывали по рядам кирпичей стены в том месте, где со стороны города стена не была оштукатурена. Ряды кирпичной кладки считало сразу много людей, и, если в отдельных случаях была возможна ошибка, то большинство, думали платейцы, сосчитает правильно, тем более что подсчет производился несколько раз. Кроме того, та часть стены, на которую предполагали подняться, была недалеко, и ее можно было легко обозревать. Таким образом, платейцы установили правильную длину лестниц, взяв мерой для этого толщину отдельного кирпича.

21. Укрепление пелопоннесцев было построено следующим образом. Оно состояло из двух кольцевых стен: одна — внутренняя — была обращена к Платее; другая — внешняя — предназначена против возможного нападения из Афин; промежуточное пространство между стенами составляло около 16 футов.[1] (2) В этом 16-футовом промежутке были построены помещения для стражи, так тесно связанные между собой, что составляли как бы одну толстую стену с брустверами по обеим сторонам. (3) Через каждые 10 брустверов были поставлены высокие башни одинаковой толщины со стеной, доходившие как до внутренней, так и до внешней стороны фасада. Прохода мимо башен с внутренней или внешней стороны не было, и стража проходила внутри их. (4) По ночам в непогоду и ливни стража покидала брустверы и несла караул с башен, которые стояли довольно близко одна от другой и имели кровлю. Таково было устройство стены, окружавшей Платею.

22. Завершив свои приготовления и дождавшись бурной ночи с ливнем и ветром, и к тому же безлунной, платейцы вышли из города. Во главе их стояли зачинщики этой смелой попытки.[1] Сначала платейцы перешли окружавший город ров. Затем они достигли неприятельской стены, незамеченные стражей, так как в полной темноте ничего нельзя было разглядеть, а вой бури заглушал шум шагов приближающихся платейцев. (2) Они шли на большом расстоянии друг от друга, не привлекая внимания стражи звоном оружия. На них было легкое вооружение, и только левая нога обута, чтобы безопаснее ступать по грязи. (3) Так платейцы подошли к промежутку между двумя башнями, зная, что он не охраняется. Первыми подошли воины с лестницами и приставили их к стене. Затем поднялись двенадцать других воинов в панцирях и вооруженные

только кинжалами, во главе с Аммеем, сыном Кореба (он первым взошел на стену); следом за ним стали подниматься еще по шести человек на каждую из двух смежных башен. После них шли другие легковооруженные воины с дротиками (за ними несли щиты, чтобы облегчить им подъем; щиты должны были им передать, как только они приблизятся к неприятелю). (4) Большинство платейцев успело уже подняться на стену, когда стража на башнях заметила их. Какой-то платеец, хватаясь за бруствер, оторвал черепицу, и она с шумом упала вниз. (5) Тотчас же поднялась тревога, и стража устремилась на стену. Ведь в такую темную и бурную ночь стража все еще не могла понять, что случилось. В это время оставшиеся в городе платейцы, чтобы отвлечь внимание неприятеля, сделали вылазку и атаковали стену пелопоннесцев со стороны, противоположной той, где спускались их сограждане. (6) Осаждающие пришли в смятение, но не покидали своих постов, и никто не решался что-либо предпринять, не понимая что же, собственно, происходит. (7) Триста пелопоннесцев, которым было приказано в случае нужды спешить на помощь, вышли из укрепления к месту тревоги. Со стороны Фив были зажжены сигнальные огни, указывающие на опасность. (8) Между тем платейцы в городе в свою очередь также зажгли на стенах множество заранее приготовленных для этого факелов. Они хотели этим сделать сигналы непонятными для фиванцев, чтобы те, не разобравшись в истинном положении дела, не успели прийти на помощь осаждающим, пока платейцы, вышедшие из города, не ускользнут и не окажутся в безопасности.

23. Между тем первая партия платейцев, взошедшая на стену, перебив часовых на обеих башнях, захватила их. Вслед за ними другие воины начали занимать проходы, чтобы не пропустить неприятельских подкреплений. Некоторые платейцы приставили со стены лестницы к башням и помогли большинству своих подняться на стену. Град дротиков сверху и снизу удерживал всех врагов, спешивших на помощь. Между тем бóльшая часть все еще остававшихся внизу платейцев приставила к стене сразу много лестниц и, опрокидывая брустверы, открывала себе проход через стену между башнями. (2) Всякий, кому удалось перейти стену, каждый раз становился на краю рва и оттуда метал дротики и обстреливал неприятеля, спешившего вдоль стены, чтобы воспрепятствовать переходу. (3) Когда все платейцы перешли и бывшие на башнях спустились (последние из них с большим трудом) и направились ко рву, в этот момент упомянутые триста пелопоннесцев с факелами в руках бросились на них. (4) Платейцы, стоя на краю рва, лучше видели врагов из темноты и целились стрелами и дротиками в незащищенные части их тела. Сами они были скрыты во тьме, тогда как неприятелей ослеплял свет факелов. Таким образом, хотя и с трудом и напряжением всех сил, платейцы благополучно перешли ров. (5) Ведь ров хотя и замерз, но лед не был так крепок, чтобы можно было по нему идти. Он был скорее рыхлым, как обыкновенно бывает при восточном или северном ветре. К тому же, снежной ночью при сильном ветре во рву образовалось так много воды,

что она покрывала платейцев чуть ли не по горло. Все же платейцам удалось спастись благодаря непогоде.

24. Выйдя изо рва, платейцы пошли по дороге на Фивы,[1] оставляя справа святилище героя Андрократа[2] в уверенности, что пелопоннесцы не догадаются, что они пойдут именно этим путем, ведущим в сторону неприятеля. Действительно, они видели, как пелопоннесцы с факелами спешат по дороге в Афины через Киферон и Дриоскефалы.[3] (2) Шесть или семь стадий прошли платейцы по дороге на Фивы. Затем они свернули в сторону к горе на дорогу, ведущую к Эрифрам и Гиспям[4] и, перейдя горы, благополучно прибыли в Афины. Всего пришло в Афины 212 платейцев (хотя первоначально их было больше: несколько человек еще до перехода через стену вернулось назад, а один лучник попал в плен уже по ту сторону рва). (3) Пелопоннесцы прекратили преследование и возвратились на прежнее место. Между тем оставшиеся в городе платейцы ничего не знали о том, что произошло, так как вернувшиеся сообщили, что никто из их товарищей не уцелел. Поэтому на рассвете они послали глашатая к пелопоннесцам с просьбой о перемирии для погребения павших. Однако, узнав истину, платейцы отказались от перемирия. Так спаслись платейцы, перейдя стену.

25. Между тем из Лакедемона в конце той же зимы[1] послали в Митилену на триере лакедемонянина Салефа.[2] Прибыв на корабле в Пирру[3] на Лесбосе, Салеф затем продолжал путь пешком по руслу какого-то ручья; дойдя до места, где можно было перейти через кольцевую стену афинян, он незаметно пробрался в Митилену. Митиленским властям Салеф объявил, что предстоит вторжение в Аттику и тогда же на Лесбос прибудет пелопоннесская вспомогательная эскадра из 40 кораблей,[4] и его послали вперед сообщить об этом и распорядиться прочими делами. (2) Тогда митиленцы снова ободрились и теперь были уже менее склонны к соглашению с афинянами. Так окончилась зима и с нею четвертый год войны, которую описал Фукидид.

26. Следующим летом пелопоннесцы послали в Митилену на помощь наварха своего флота Алкида во главе эскадры из 42 кораблей.[1] Одновременно вместе с союзниками они совершили вторжение в Аттику: тревожа афинян с моря и с суши, пелопоннесцы хотели затруднить им противодействие эскадре, идущей в Митилену. (2) Вторжением предводительствовал на этот раз Клеомен вместо своего малолетнего племянника царя Павсания, сына Плистоанакта.[2] (3) Пелопоннесцы вновь опустошили разоренные уже прежде области Аттики, истребив все, что там успело вырасти.[3] После второго вторжения[4] это было самым тягостным для афинян. (4) В ожидании известий о каких-либо действиях своей эскадры (которая, как они полагали, уже пересекла море) пелопоннесцы продолжали тем временем опустошать всю страну. Когда же их ожидания не оправдались и запасы продовольствия иссякли, они отступили и разошлись по своим городам.

27. Между тем, видно что пелопоннесская эскадра не идет на помощь и задерживается, а запасы продовольствия уже истощились, митиленцы

были вынуждены сдаться афинянам. Непосредственной причиной было следующее. (2) Салеф и сам уже больше не рассчитывал на скорое прибытие пелопоннесской эскадры и поэтому стал вооружать народ тяжелым оружием (прежде у него было только легкое вооружение), собираясь сделать вылазку. (3) Митиленцы же, получив тяжелое вооружение, не захотели больше подчиняться властям. Они стали собираться на сходки, требуя от богатых граждан, чтобы те открыто объявили о своих запасах хлеба и распределили их между всеми. Если же богатые откажутся, заявили они, то они сами вступят в переговоры с афинянами и сдадут город.

28. Власти в Митилене видели, что уже не могут помешать народу заключить мир. Поэтому, считая опасным для себя неучастие в соглашении, они заключили от имени всех граждан договор с Пахетом и его войском [1] на следующих условиях: участь города решит афинский народ; митиленцы должны принять афинское войско в город и отправить послов [2] в Афины. До возвращения послов Пахет не должен заключать в оковы, обращать в рабство или убивать никого из митиленцев. (2) Таковы были условия капитуляции. Тем не менее, как только афинское войско вступило в город, главные сторонники лакедемонян не могли спокойно ждать своей участи и, хотя им прежде всего была обещена безопасность, в страхе бежали к алтарям и сели там как умоляющие о защите. Пахет велел им встать и, обещая не причинять вреда, отправил под стражу на Тенедос, пока афиняне не решат их участи. (3) Он отправил также триеры в Антиссу,[3] овладел городом и принял другие необходимые военные меры.

29. Между тем 40 пелопоннесских кораблей,[1] которые должны были быстро прийти на Лесбос, потеряли много времени в пелопоннесских водах и потом не спеша продолжали свой путь. Наконец, не замеченные ни одним кораблем из Афин, они благополучно прибыли на Делос. Но когда оттуда они пристали к Икару и Миконосу,[2] то впервые услышали о взятии Митилены. (2) Желая получить точные сведения, пелопоннесцы отплыли в Эмбат [3] в Эрифрейской области и прибыли туда спустя дней восемь после взятия Митилены. Получив, наконец, точные сведения, пелопоннесцы стали совещаться, что предпринять в настоящем положении. На совете выступил элеец Тевтиапл [4] и сказал следующее.

30. «По моему мнению, Алкид и вы, пелопоннесские военачальники, нам следует плыть на Митилену немедленно, без приготовлений, пока враг не узнал о нашем прибытии. (2) По всей вероятности, мы застанем афинян врасплох, так как люди, только что захватившие город, обычно не соблюдают предосторожности. Особенно же неожиданным будет для них нападение с моря, откуда они не предвидят появления неприятеля и где теперь мы как раз особенно сильны. Вероятно также их войско, уверенное, что город в его власти, слишком беззаботно рассеялось по домам. (3) Итак, неожиданным нападением, да еще ночью, с помощью, как я надеюсь, наших друзей [1] в городе (если они вообще у нас там остались) мы, без сомнения, овладеем городом. (4) Поэтому, отбросив коле-

бания, попытаемся захватить город. Будем помнить, что на войне промедление это то, что военачальник должен исключить у себя и использовать у врага, чтобы достигнуть наибольшего успеха».

31. Краткая речь элейца не убедила, однако, Алкида. А несколько ионийских изгнанников и бывшие с ним лесбосцы дали ему такой совет: если это предложение кажется ему слишком опасным, то пусть он захватит какой-нибудь ионийский город или эолийскую Киму.[1] Устроив в этом городе базу для дальнейших операций, пелопоннесцы могут поднять восстание в Ионии. Надежды на успех вполне реальны, так как все ионийские города будут рады их прибытию. Этим афиняне будут лишены главнейшего источника их доходов. Вместе с тем, если афиняне подвергнут их, пелопоннесцев, блокаде, то это вовлечет афинян в чрезвычайные расходы. Писсуфна,[2] вероятно, также можно будет привлечь к союзу. (2) Алкид тем не менее не принял и этого предложения. Ведь после того как он опоздал на помощь Митилене, для него всего важнее было как можно скорее возвратиться в Пелопоннес.

32. Из Эмбата Алкид снова вышел в море и поплыл вдоль побережья. Прибыв к Мионнесу[1] в Теосской области, он приказал казнить большую часть пленников, захваченных в пути. (2) Затем он бросил якорь в эфесской гавани. Здесь к нему явились послы самосцев из Анеев.[2] Они заявили Алкиду, что осуждать на казнь ни в чем не повинных людей, никогда не бывших его врагами, — это дурной способ освобождать Элладу: ведь эти люди являются союзниками афинян лишь поневоле. Если дело пойдет так и дальше, то едва ли он привлечет на свою сторону многих прежних врагов, но, пожалуй, гораздо больше старых друзей сделает врагами. (3) Доводы самосцев убедили Алкида, и он отпустил на свободу хиосцев и некоторых других пленников, которых еще не успел казнить. Они были легко захвачены в плен, так как люди, видя его корабли, вместо того чтобы бежать, приближались к ним, в полной уверенности, что это корабли афинские. Им даже не приходила в голову мысль, что при афинском господстве на море пелопоннесская эскадра осмелится пересечь Эгейское море и подойти к берегам Ионии.

33. Из Эфеса Алкид быстро отплыл или, вернее, бежал. Еще во время стоянки у Клара[1] его заметили с «Саламинии» и «Парала»[2] (эти корабли плыли из Афин). Опасаясь преследования, Алкид взял курс через открытое море, намереваясь, по возможности, нигде не приставать, пока не достигнет Пелопоннеса. (2) Между тем Пахет и афиняне первое сообщение об эскадре Алкида получили из Эрифрейской области; кроме того, вести приходили к ним и из других мест. Ввиду того что ионийские города не были укреплены стенами, у афинян возникло сильное опасение, что пелопоннесцы, плывя вдоль побережья Ионии (даже если и не желают там утвердиться), могут напасть на города и разорить их. К тому же «Парал» и «Саламиния» сообщили, что сами видели Алкида у Клара. (3) Пахет стремительно бросился в погоню за неприятелем и преследовал его до острова Патмоса.[3] Затем, видя, что враги уже вне пределов досягаемости, он возвратился назад. Не догнав пелопоннесцев в откры-

том море, Пахет все же счел для себя большой удачей, что не застиг неприятелей где-нибудь вблизи берега, где им пришлось бы пристать к берегу и занять укрепленную позицию, а он был бы вынужден стеречь и блокировать их.

34. Возвращаясь вдоль побережья, Пахет пристал к Нотию,[1] гавани колофонцев Сюда колофонцы переселились из верхнего города, захваченного Итаманом[2] и варварами (когда одна партия в городе во время восстания призвала их к себе на помощь. Захвачен же город был приблизительно во время вторичного вторжения в Аттику).[3] (2) Изгнанники, поселившиеся в Нотии, затеяли, однако, междоусобные распри. Одна партия, получив от Писсуфна себе на помощь аркадских и варварских наемников, поместила их в отделенном от города укреплении[4] и в союзе с некоторыми сторонниками мидян из верхнего города образовала городскую общину. Другая партия вынуждена была покинуть город и, будучи теперь в изгнании, вызвала на помощь Пахета. (3) Пахет пригласил для переговоров начальника аркадцев в укрепления Гиппия, обещая, в случае если они не придут к соглашению, отпустить его назад целым и невредимым. Гиппий вышел из укрепления. Пахет же велел схватить его и держать под стражей, но без оков. Затем он внезапно атаковал ничего не ожидавший гарнизон укрепления и перебил всех бывших там аркадцев и варваров. Потом он велел привести Гиппия, как обещал, в укрепление и, когда тот вошел туда, приказал схватить и расстрелять из лука. (4) Нотий Пахет передал колофонцам (кроме сторонников мидян). Впоследствии афиняне собрали в соседних городах всех колофонцев, каких только могли найти, и устроили в Нотии колонию, которой дали афинские законы под наблюдением уполномоченных жителей,[5] посланных из Афин.

35. По возвращении в Митилену Пахет подчинил Пирру и Эрес.[1] Затем он захватил скрывавшегося в городе лакедемонянина Салефа и отослал его в Афины. Он отправил туда и митиленцев, которых ранее поместил на Тенедосе,[2] и некоторых других, по его мнению, также замешанных в восстании. Большую часть своего войска Пахет распустил; с остальной же частью остался на Лесбосе для устройства политических дел в Митилене и в остальной части острова по своему усмотрению.

36. Когда пленники и Салеф прибыли в Афины, афиняне немедленно казнили Салефа,[1] хотя он предлагал оказать им различные услуги и, между прочим, вызвался побудить пелопоннесцев уйти из все еще бывшей в осаде Платеи.[2] (2) Затем афиняне начали обсуждать в народном собрании участь остальных пленников. В раздражении народ решил казнить не только пленников, присланных в Афины, но также всех взрослых митиленцев на острове, детей же и женщин продать в рабство. Отпадение митиленцев вообще казалось афинянам тем более непростительным поступком, что те не были подданными афинян, как остальные восставшие, а свободными. Усилилось негодование афинян еще и от того, что пелопоннесская эскадра рискнула прийти на помощь в Ионию.[3] Это привело афинян к убеждению, что восстание не вспыхнуло внезапно, а было давно

подготовлено по заранее задуманному плану. (3) Итак, афиняне отправили к Пахету триеру сообщить решение народа и приказ немедленно покончить с митиленцами. (4) Однако на следующий день афинян охватило нечто вроде раскаяния. После спокойного размышления их вчерашнее решение, обрекавшее на гибель не только виновных, но и весь город, показалось им жестоким и чрезмерным. (5) Послы митиленцев, находившиеся в Афинах, и их афинские друзья, заметив перемену настроения народа, убедили власти вторично поставить вопрос на обсуждение народного собрания. Им удалось сделать это тем легче, что властям было ясно, что большинство граждан желает получить возможность пересмотреть свое решение. (6) Тотчас же было созвано народное собрание, на котором были высказаны различные мнения, и, между прочим, также снова выступил Клеон,[4] сын Клеенета, который на предшествующем собрании провел решение, осуждавшее митиленцев на смерть. Этот человек вообще был самым неистовым из граждан и в то время обладал наибольшим влиянием в народном собрании. Выступив, Клеон произнес следующую речь.

37. «Мне и прежде уже нередко приходилось убеждаться в неспособности демократии властвовать над другими государствами, но особенно это стало ясно теперь, при виде вашего раскаяния относительно приговора над митиленцами. (2) Не испытывая страха и подозрительности [1] в повседневных сношениях друг с другом, вы столь же доверчиво относитесь и к союзникам. И если вы, поддавшись уговорам или из сострадания совершите ошибку, то будьте уверены, что такое мягкосердечие вам самим принесет лишь опасности, благодарности же от союзников вы никакой не получите. Не забывайте, что ваше владычество над союзниками — это тирания,[2] осуществляемая против воли ваших подданных, которые злоумышляют против вас. Они повинуются вам отнюдь не за то, что вы угождаете им себе во вред. На их дружбу вы не можете рассчитывать: они подчиняются лишь уступая силе. (3) Но хуже всего постоянные колебания и перемены решений. Мы должны знать, что государства, хотя и с менее совершенными, но твердыми законами (но соблюдающие их), могущественнее тех, где законы превосходны, но бессильны. Ведь необразованность при наличии благонамеренности [3] полезнее умственности, связанной с вольномыслием.[4] Действительно, более простые и немудрящие люди, как правило, гораздо лучшие граждане, чем люди более образованные. (4) Ведь те желают казаться умнее законов.[5] В народном собрании они всегда желают брать верх по общественным делам, как будто не существует других предметов, по которым они могли бы выказать свою мудрость, а государству их умствование обычно приносит вред. Напротив, простые люди не приписывают себе исключительных способностей и поэтому не считают себя умнее законов. Они не берутся критиковать то, что правильно сказал другой. Будучи скорее беспристрастными судьями, чем участниками прений, они большей частью поступают правильно. (5) Так надо действовать и нам,[6] то есть, не увлекаясь состязанием в красноречии и не стремясь блеснуть своим умом, давать советы

афинскому народу, выступая перед вашим собранием согласно собственным убеждениям.

38. Я остаюсь при моем прежнем мнении[1] и удивляюсь тем, кто вновь назначил собрание по делу митиленцев и побудил таким образом отсрочить решение скорее в интересах виновных, чем в наших. Ведь спустя некоторое время гнев пострадавшего смягчается,[2] и он менее строго карает обидчика, а наказание, непосредственно следующее за совершенным преступлением, ведет вернее всего к необходимому возмездию. Меня поражает и тот, кто пытается возражать мне, решаясь доказывать, что преступления митиленцев благодетельны для нас, а наши неудачи вредят союзникам. (2) Ясно одно: либо, уверенный в своем красноречии, он должен оспаривать ваше вчерашнее единодушное решение, утверждая, что оно было вынесено неправильно, либо, руководствуясь корыстью, будет стараться соблазнить и провести вас искусно составленной софистической речью. (3) В таких риторических состязаниях город награду присуждает другим, тогда как опасные последствия своего решения принимает на себя. (4) И вина за это лежит на вас, потому что вы плохо устраиваете эти состязания, вы, которые привыкли быть зрителями, когда произносят речи, и слушателями, когда вершатся государственные дела.[3] О возможности выполнить предполагаемые в будущем предприятия вы судите так, как вам их представит оратор-краснобай, между тем как действительные факты вы оцениваете не на основании того, что вы сами видите, а того, что о них вам скажут искусные критики. (5) Вы легко поддаетесь обману под воздействием новых идей,[4] а следовать раз принятому решению не хотите. Вы — рабы всего необычайного и ненавистники того, что вошло в обычай. (6) Каждый из вас стремится по возможности сам выступать с речами. Если он не может быть хорошим оратором, то желает хотя бы поспорить с таковым, чтобы не показалось, что он лишь разделяет его взгляды. Вы подхватываете с похвалой каждое острое слово, стремясь предугадать то, что за ним последует, но слишком ограничены, чтобы заранее взвесить возможные последствия решений. (7) Вы предаетесь мечтаниям, пренебрегая действительностью, в которой мы живем. Одним словом, вы одержимы страстью слушать речи, уподобляясь скорее слушателям софистов, чем людям, обсуждающим государственные дела.

39. Я попытаюсь отвратить вас от этих заблуждений и показать, что митиленцы, как ни один город, причинили вам величайший вред. (2) Я могу еще извинить тех союзников, кому наше господство слишком в тягость, или восставших под давлением врага. Эти же люди, сидя за крепкими стенами на своем острове, открытом для нападения наших врагов только с моря (да и здесь достаточно защищенные своим сильным флотом), были независимыми и пользовались с нашей стороны особым уважением,[1] и все же поступили таким образом. Что же другое они сделали, как не коварно напали на нас? Ведь их поступок нельзя назвать восстанием (ибо слово «восстание» предполагает наличие угнетения). Разве они не старались, вместе с нашими смертельными врагами, нас погубить? И, право, такой образ действий гораздо хуже, чем если бы

они, движимые честолюбием, самостоятельно подняли оружие на нас. (3) Их ничему не научила участь соседей, чье восстание было уже раньше подавлено нами,[2] и благосостояние, которым они до сих пор пользовались, не удержало их от того, чтобы пойти навстречу гибели. Они дерзко доверились будущему, проникшись надеждами, которые превышали их силы, хотя и уступали их намерениям, и потому начали войну, поставив силу выше справедливости. Ведь они напали на нас в тот момент, когда могли рассчитывать на победу,[3] хотя мы и не сделали им ничего дурного. (4) Так, чрезмерное счастье, неожиданно выпадающее какому-нибудь городу, обычно порождает заносчивость и нечестие. И, как правило, счастье, добытое разумным расчетом, более прочно, нежели неожиданное, и, можно сказать, приносит не только благополучие, но и благоразумие. (5) Нам давно уже следовало бы обходиться с митиленцами, не оказывая им предпочтения перед остальными союзниками, и тогда они не дошли бы до такой наглости. Ведь люди вообще по своей натуре склонны презирать заискивающих перед ними и, напротив, уважают тех, кто им не потакает. (6) Пусть же они понесут хотя бы теперь заслуженную кару. Вы не должны, возлагая вину за восстание только на олигархов, оставлять безнаказанным народ. Ведь на нас-то они напали единодушно, тогда как оставив олигархов и перейдя на нашу сторону, все они, как и прежде, жили бы в независимом городе. Однако народ решил, что меньше риска поладить с олигархами, разделив с ними опасность, и потому присоединился к восстанию. (7) Смотрите же: если вы будете одинаково взыскивать и с восставших добровольно союзников, и с тех, кто вынужден к этому врагами, то кто же из них, видя, что успех сулит свободу, а при неудаче ему не грозит неумолимая кара, не восстанет даже по пустячному поводу? (8) Нам же в борьбе с каждым восставшим городом, напротив, придется рисковать всем нашим добром и жизнью. Если мы, даже победив, снова подчиним какой-нибудь разоренный город, то все-таки останемся без доходов, от которых и зависит наше могущество. А в случае неудачи мы наживем себе новых врагов, кроме уже существующих, и нам придется бороться с собственными союзниками, в то время как нам нужно воевать с нашими нынешними врагами.

40. Поэтому не следует подавать им надежду, что нас можно речами или подкупом склонить к тому, чтобы объяснить их проступок человеческой слабостью, а потому считать простительным. Простить можно ущерб, причиненный неумышленно, но они напали на нас не неумышленно, а с обдуманными злыми намерениями. (2) Поэтому, как и в первый раз, так и теперь, я решительно настаиваю на оставлении в силе уже принятого решения и убеждаю вас не поддаться трем вреднейшим для великой державы слабостям — жалости, увлечению красноречием и великодушию. (3) Ведь проявлять жалость следует к отвечающим жалостью, а не расточать его людям, безжалостным к нам, которые в силу обстоятельств всегда будут нашими врагами. Ораторы, услаждающие ваш слух своим красноречием, найдут случай для этого при обсужде-

ния менее важных дел, когда городу не придется так дорого платить за краткое удовольствие послушать их хорошо вознагражденные речи. Наконец, великодушие уместно по отношению к тем, кто может его надлежащим образом оценить, но не к людям, которые, несмотря ни на что, по-прежнему останутся врагами. (4) Одним словом, послушавшись меня, поступите с митиленцами по их заслугам, и это пойдет вам самим на пользу. Если же вы примете иное решение, то благодарности от них вы не получите, но скорее сами себе вынесете приговор. Ведь если они восстали по справедливости, то вы не вправе господствовать над ними. Но если вы все-таки намерены, не заботясь о справедливости, властвовать, то вам ничего не остается, как покарать их на таком же основании. Иначе вам придется отказаться от господства над союзниками и мирно красоваться своим великодушием.[1] (5) Итак, избежав заговора, будьте также безжалостны к этим заговорщикам, как и они к вам, и отплатите им тем же. Подумайте о том, что они непременно сделали бы с вами, одержав победу, тем более что были нападающей стороной. (6) Ведь те, кто нападает на других без достаточного повода, преследуют их до конца, опасаясь мести уцелевших врагов. Действительно, противник, беспричинно подвергшийся нападению и недобитый, гораздо опаснее врага, одинаково с нападающим виновного в войне. (7) Итак, не предайте самих себя, вспомните, как они расправились бы с вами, если бы одержали верх. Отомстите им теперь за то, чем они грозили вам. Не проявляйте мягкосердечия и не забывайте, что вы сами были на волосок от гибели. (8) Покарайте их по заслугам и покажите остальным союзникам на примере митиленцев, что карой за восстание будет смерть. Когда они уяснят себе это, то вы сможете более энергично обратиться против ваших настоящих врагов пелопоннесцев, не отвлекаясь борьбой с собственными союзниками».

41. Так сказал Клеон. После него выступил Диодот,[1] сын Евкрата, бывший уже на предшествующем собрании главным противником постановления о казни митиленцев, и сказал следующее.

42. «Я не порицаю тех, кто вновь внес на обсуждение вопрос о митиленцах, и не одобряю противников повторного обсуждения столь важных дел. По моему мнению, больше всего препятствуют правильным решениям два обстоятельства — поспешность и раздражение. Первое обычно — следствие безрассудства, а второе — грубости и недальновидности. (2) И всякий, кто возражает против того, что речи — учителя дел,[1] тот либо неразумен, либо преследует личные корыстные цели. Он неразумен, если не видит, что другим путем, кроме обсуждения, нельзя предусмотреть будущее, и лично заинтересован, если захочет провести позорную меру, и, понимая, что ему не удастся словами скрасить некрасивое дело, думает дерзкой клеветой запугать противников и слушателей. (3) Но самое подлое — это еще и подозревать противника в том, что он подкуплен деньгами. Ведь если оратора обвиняют только в том, что он плохо разбирается в деле и ему приходится уйти, не убедивши слушателей, то его считают глупцом, но не бесчестным плутом. Если же

на него возведено подозрение, то никакая убедительность его речи не снимет с него этого подозрения, а если он не убедит слушателей, то его обвиняют не только в глупости, но и в нечестности и в плутовстве. (4) При таком положении город может только пострадать,[2] потому что страх лишает его лучших советников. Город был бы более благополучен, если бы подобные люди были плохими ораторами: ведь тогда они не могли бы вводить в заблуждение сограждан, навязывая им неразумные решения. (5) Хороший гражданин должен доказывать свою правоту не путем запугивания противника, а в честном споре как равный с равным. Государству благоустроенному не следует ни возвеличивать почестями того, кто подает добрые советы, ни умалять почет, которым он пользуется; равно как того, чьи предложения отвергнуты, не следует не только наказывать, но и бесславить. (6) Тогда никакой удачливый оратор не станет заискивать перед народом против своего убеждения, ради того, чтобы добиться еще большего почета, и ни один потерпевший неуспех не вздумает теми же средствами привлечь расположение толпы.

43. Мы же поступаем как раз наоборот, и даже еще хуже. Если кто-либо дает хороший совет, но при этом возникает подозрение, что он соблюдает тем самым свои личные интересы, то мы готовы ради этого недостоверного подозрения лишить государство явной выгоды. (2) Дело дошло до того, что даже наилучший совет, если он высказан прямо без риторических ухищрений, вызывает не меньше подозрений, чем дурной. И не только тот, кто желает вести народ по самому опасному пути, вынужден добиваться народного расположения обманом, но и честному человеку приходится прибегать ко лжи, чтобы приобрести доверие к себе. (3) И только здесь, в нашем городе, невозможно открыто и честно служить государству, потому что мы слишком умны и от этого чрезмерно недоверчивы. Действительно, всякому, кто явно делает добро государству, афиняне отплачивают за это подозрением, что он втайне желает чем-то поживиться. (4) Все же и при таких обстоятельствах, когда дело идет о важнейших решениях, вам придется признать, что мы, ораторы, несколько дальновиднее вас, взгляд которых ограничен кратковременным сроком обсуждения. И вам следует помнить, что мы ответственны за наши советы и предложения, тогда как вы за то, что слушаете, не отвечаете ни перед кем. (5) Ведь если бы тот, кто подает плохие советы, и тот, кто следует им, несли одинаковую ответственность за последствия, то ваши приговоры были бы умереннее и осторожнее. Теперь же в случае неудачных последствий принятого совета, вы в раздражении караете советника за одну его ошибку, а вашу собственную ошибку прощаете себе, если ее разделяют многие.

44. Я выступил здесь вовсе не в качестве защитника митиленцев или их обвинителя. Ведь спор у нас идет (если только рассудить правильно) не об их виновности, а о том, какое решение нам следует принять в наших собственных интересах. (2) Если даже я и докажу, что митиленцы совершили тягчайшее преступление, то все же не стану из-за этого требовать казни, если только эта мера не в наших интересах. С дру-

гой стороны, если бы я и счел проступок митиленцев до некоторой степени простительным, то не просил бы пощады для них, раз это нам во вред. (3) По-моему, нам следует, принимая решение, думать скорее о будущем, чем о настоящем моменте. И если Клеон особенно настаивает, что смертная казнь (если мы ее постановим) будет целесообразной мерой и в будущем обеспечит нас от восстаний союзников, то и я, исходя из целесообразности для будущего, решительно утверждаю обратное. (4) И я надеюсь, что вы не позволите ввести себя в заблуждение мнимой справедливостью доводов Клеона и не отвергнете моих полезных предложений. Вы раздражены на митиленцев, и поэтому вас могут увлечь доводы Клеона, более отвечающие этому вашему справедливому раздражению. Мы, однако, не ведем против них судебного процесса и должны рассуждать здесь не о справедливости, а о том, как нам полезнее в наших же интересах поступить с ними.

45. За многие преступления, даже менее тяжкие, чем проступок митиленцев, государства карают смертной казнью.[1] Однако люди все-таки не оставляют надежды на успех своих предприятий, даже с риском для жизни. Действительно, никто не пойдет на рискованное предприятие, зная заранее, что его постигнет неудача. (2) И какой город начнет восстание, считая, что не добьется успеха либо своими силами, либо с чужой помощью? (3) По своей натуре все люди склонны совершать недозволенные проступки как в частной, так и в общественной жизни, и никакой закон не удержит их от этого. Государства перепробовали всевозможные карательные меры, все время усиливая их, в надежде, что будут меньше страдать от деяний преступников. В древности кары даже за тягчайшие преступления, вероятно, были более мягкими, но со временем почти все наказания были заменены смертной казнью, так как законы постоянно нарушали. Однако и от этой меры преступления не уменьшились. (4) Итак, следовало бы либо придумать еще более страшные кары, либо признать, что вообще никаким наказанием преступника не устрашить: то бедность, угнетая человека, внушает ему дерзкую отвагу, то избыток, в сочетании с высокомерием и самомнением возбуждает в нем стремление искать еще большего. Точно так же и в других житейских обстоятельствах, в каждом в отдельности, снова и снова с некоей неодолимой силой разжигаются в человеке слепые страсти и заставляют его рисковать. (5) Ко всему присоединяются увлечение и надежда: первое влечет человека вперед, внушая преступные замыслы, а вторая, следуя за ним, манит щедростью судьбы. И эти невидимые силы гораздо сильнее действуют на человека, чем зрелище страшных казней. (6) Кроме того, и счастливый случай не менее содействует ослеплению людей: ведь он появляется совершенно неожиданно и толкает людей даже с недостаточными средствами на опасные предприятия. А государства еще больше людей поддаются этому соблазну, поскольку дело идет о важнейших вопросах — о свободе или о господстве над другими, и каждый отдельный человек в сообществе со всеми преувеличивает свои силы. (7) Одним словом, просто невозможно и глупо[2] было

бы предположить, что суровыми законами или другими средствами устрашения люди в силах удержать других людей от поступков, к которым они склонны по своей натуре.

46. Поэтому мы не должны принимать безрассудного решения, положившись на безопасность, которую якобы дает смертная казнь, предотвращая преступления, и лишить наших мятежных союзников возможности как можно скорее искупить свой проступок раскаянием. (2) Вам следует хорошенько подумать: если теперь какой-нибудь город даже после восстания, убедившись в собственной слабости, и захотел бы, пожалуй, капитулировать, пока он еще в состоянии возместить нам военные расходы и в будущем платить подати, то неужели его жители не станут еще лучше, чем теперь, вооружаться и выдерживать осаду до последней крайности, зная нашу жестокость, при которой им безразлично, раньше или позже капитулировать? (3) Разве мы сами не пострадаем от этого? Наши средства мы истратим на долгую осаду города, не желающего сдаться. Если же удастся его захватить, то нам достанется лишь груда развалин, от которой в будущем, конечно, никаких доходов не получишь. А ведь от этих доходов зависит наша военная мощь. (4) Итак, не будем, как строгие судьи, выносить виновным слишком суровый приговор за их проступок во вред самим себе. Напротив, нам следует применить к мятежникам скорее более мягкие меры наказания. Тогда они сохранят свое богатство, и мы сможем и в будущем получать с них подати. А для охраны своей безопасности нам нужно не прибегать к суровым законам, а бдительно и разумно обращаться с союзниками. (5) Мы же теперь поступаем как раз наоборот. Свободный народ, подавляемый лишь силой, естественно, желает снова стать независимым и потому восстал против нас. А мы считаем необходимым, подавив восстание, применить самые суровые кары. (6) Надо не дожидаться восстания, чтобы после этого быть бдительными, и стараться не доводить людей до восстания; если же оно произошло, и мы опять покорим их, то взыскивать возможно меньше.

47. Подумайте и еще об одной величайшей ошибке, которую вы совершили бы, последовав совету Клеона. (2) Теперь народная партия во всех городах на вашей стороне: либо демократы вообще не присоединяются к олигархам, либо, если их вынудят примкнуть к восстанию силой, они всегда готовы выступить против мятежников. Если вы начнете войну с восставшим городом, то народ будет на вашей стороне. (3) Если же вы велите казнить весь народ Митилены, который не участвовал в восстании и, захватив оружие, даже добровольно сдал вам город, то прежде всего совершите жестокое преступление, уничтожив ваших же благожелателей, и, кроме того, всюду окажете огромную услугу правящей олигархии. Действительно, если олигархам впредь удастся склонить город к восстанию, то народ тотчас же перейдет на их сторону, так как вы уже ясно покажете, что будете одинаково карать как виновных, так и невинных. (4) И если бы даже народная партия действительно была виновна в восстании, то все же вы должны смотреть на это сквозь

пальцы, чтобы не допустить перехода единственных оставшихся еще у нас друзей во вражеский лагерь. (5) Вообще выгоднее для нашего господства над союзниками добровольно снести несправедливость, нежели обрекать по всей справедливости на казнь тех, кого нам по понятным причинам необходимо пощадить. И хотя Клеон утверждает, что такое наказание не только справедливо, но и целесообразно, приходится заключить, что здесь соединить и то и другое — целесообразность и справедливость — невозможно.

48. Поэтому, если вы признаете, что мое предложение полезнее для блага Афин, и не поддаетесь ни жалости, ни снисходительности (ведь и мне чужды эти чувства), то последуйте моему совету. Вынесите беспристрастно приговор митиленцам, которых прислал сюда Пахет как виновников. Остальных же оставьте жить на своих местах. (2) Эта мера будет наиболее полезной для нас на будущее время и послужит для наших врагов достаточным предупреждением: ведь мудрые решения дают нам большее превосходство над ними, нежели безрассудные насилия».[1]

49. Такова была речь Диодота. После высказанных в этих речах противоположных взглядов в собрании началась борьба двух мнений, и при голосовании голоса разделились почти поровну. Но все-таки верх одержало предложение Диодота. (2) Тотчас же с величайшей поспешностью была отправлена вторая триера[1] в надежде, что если она догонит первую (которая отплыла приблизительно на сутки раньше), то спасет жителей и город от гибели. (3) Митиленские послы[2] приготовили запасы вина и ячменной муки для экипажа триеры и обещали гребцам щедрую награду, если те придут на остров раньше первого корабля. Поэтому афинские гребцы выказали во время плавания такое рвение, что питались во время гребли ячменной мукой, замешанной на вине и масле, и пока одни спали, другие гребли. (4) На счастье в море совсем не было противного ветра, а первая триера не торопилась передать свой смертоносный приказ. Как ни спешила вторая, первая все-таки опередила ее настолько, что Пахет успел прочесть решение народного собрания и собирался уже выполнить приказ, когда прибыла вторая и спасла город. Так Митилена находилась на волосок от гибели.[3]

50. Остальных митиленцев, отосланных в Афины Пахетом, как наиболее виновных в восстании, афиняне по предложению Клеона[1] казнили (их было немного больше тысячи).[2] Стены города афиняне приказали срыть и заставили митиленцев выдать свой флот.[3] (2) Затем, вместо того чтобы наложить на побежденных подати, афиняне разделили весь остров (кроме области Мефимны)[4] на три тысячи участков[5] (триста из них они посвятили богам).[6] Остальные участки были распределены по жребию между афинскими клерухами.[7] Лесбосцы (сами обрабатывавшие землю) были обязаны ежегодно уплачивать по 2 мины арендной платы за каждый участок. (3) Владения митиленцев на материке[8] также попали в руки афинян и находились отныне под афинским владычеством. Так кончилось восстание на Лесбосе.

51. В то же лето после подчинения Лесбоса афиняне выступили под начальством Никия, сына Никерата,[1] в поход на остров Миною,[2] что напротив Мегар. Мегарцы построили там сторожевые башни для охраны гавани Нисеи. (2) Никий предпринял этот поход, чтобы дать возможность афинянам впредь наблюдать за Мегарами не из Будора на Саламине[3] (как раньше), а из этого пункта, расположенного ближе. Пелопоннесцы уже не могли бы тогда незаметно посылать свои корабли (как они при случае делали)[4] или пиратские суда для набегов,[5] и, вместе с тем, всякий подвоз в Мегары морем был бы отрезан. (3) Итак, прежде всего Никий захватил с помощью машин[6] с моря две выступавших вперед сторожевых башни на острове против Нисеи. Освободив затем вход в пролив между островом Миноей и берегом Мегар, он укрепил стеной ближайшую к материку местность (где по мосту через мелководье можно было подавать помощь острову). (4) Работы были закончены в несколько дней. Затем, построив на острове укрепление и оставив там гарнизон, Никий с остальным войском возвратился назад.

52. Около того же времени в это лето платейцы,[1] исчерпав свои запасы продовольствия, не смогли больше выдерживать осаду и сдались пелопоннесцам при следующих обстоятельствах. (2) Пелопоннесцы штурмовали городские стены, и горожане были уже не в состоянии защищаться. Лакедемонский военачальник,[2] поняв бессилие осажденных, не захотел, однако, брать город силой. Он получил приказ из Лакедемона не делать этого, чтобы не возвращать город афинянам (в случае, если когда-нибудь по заключении мира обе стороны согласятся вернуть друг другу все захваченные во время войны пункты) как добровольно сдавшийся. Военачальник послал к платейцам глашатая спросить, хотят ли они добровольно сдать город лакедемонянам и подчиниться решению их судей,[3] с тем что виновные будут наказаны, но несправедливо никто не пострадает. (3) Так сказал глашатай. Тогда платейцы, которые дошли уже до крайней степени истощения, сдали город лакедемонянам. (4) В течение нескольких дней, до прибытия пяти лакедемонских судей, пелопоннесцы кормили платейцев. (5) По прибытии судей лакедемоняне не предъявили платейцам никакого обвинения, а вызвали их в суд и задали лишь один вопрос: какие услуги они оказали во время войны лакедемонянам и их союзникам. (6) Прежде, чем ответить, платейцы попросили разрешения подробнее высказаться и выставили защитниками двоих своих людей — Астимаха, сына Асополая, и Лакона, сына Эмнеста,[4] который был проксеном лакедемонян. Эти последние, явившись, выступили со следующими словами.

53. «Лакедемоняне! Мы сдали наш город, доверившись вам. Мы рассчитывали, что нас ожидает не такой суд, перед которым мы предстали, а более соответствующий обычным формальностям, и хотели, чтобы только вы (перед которыми мы здесь и стоим) были нашими судьями в надежде на самый справедливый приговор. Теперь же мы опасаемся, что совершили двойную ошибку. (2) Действительно, у нас есть все основания подозревать, что на этом суде нам угрожает самый жестокий

приговор и что вы не являетесь судьями беспристрастными. Мы решили так потому, что против нас вы не выставили заранее никакого обвинения, требующего защиты — мы выступаем здесь по собственной просьбе — и потому, что ваш вопрос слишком краток. Если мы дадим на него правдивый ответ, он будет против нас; ответь мы неправду — ее сразу же легко опровергнуть. (3) В нашем безвыходном положении[1] мы вынуждены (так нам кажется безопаснее) сначала выступить с речью (какая бы участь нас ни ожидала). Люди в нашем положении могут, конечно, своим молчанием дать повод сказать, что откровенной речью они могли бы спасти себя. (4) Кроме прочих трудностей нам также и нелегко убедить вас. Если бы мы не знали друг друга, то, пожалуй, мы могли бы привести в свое оправдание новые, неизвестные еще вам доводы. Но вы знаете все, что мы можем сказать. И мы не столь опасаемся смертного приговора (так как вы, сразу убедившись, что наши заслуги менее значительны, чем ваши, именно это и поставите нам в вину), но скорее того, как бы вы не принесли нас в жертву другим и дело, которое мы защищаем перед вами, уже заранее не было бы предрешено.

54. Все-таки мы приведем все наши справедливые доводы, чтобы доказать свою правоту в спорах как с фиванцами, так и с вами и остальными эллинами и напомнить вам о наших заслугах перед всей Элладой и попытаемся склонить вас на нашу сторону. (2) На ваш краткий вопрос: оказали ли мы в этой войне какие-либо услуги лакедемонянам и их союзникам, мы отвечаем. Если вы спрашиваете нас как врагов, то не можете жаловаться на то, что мы не оказали вам услуг. Если же вы считаете нас друзьями, то вы сами, начав войну против нас, совершили бо́льшую несправедливость, а не мы. (3) Как во время мира, так и в мидийской войне мы доказали нашу доблесть. Когда началась нынешняя война, не мы первыми нарушили мир, а против мидийского царя сражались тогда за свободу Эллады вместе с вами только мы одни из беотийцев.[1] (4) Хотя мы живем не на море, но все-таки совместно с вами сражались в морской битве при Артемисии,[2] а также участвовали в битве на нашей собственной земле вместе с вами и Павсанием.[3] И где бы в то время ни грозила эллинам опасность, мы помогали всегда, даже свыше наших сил. (5) И вам, лакедемоняне, мы послали на помощь третью часть наших граждан как раз в то время, когда Спарта была охвачена ужасом перед восставшими илотами, которые после землетрясения захватили Ифому.[4] Об этом не следовало бы вам забывать.

55. Такими были мы всегда и в те славные старые времена считали помощь вам и всем эллинам вопросом чести.[1] Лишь впоследствии мы стали врагами и, несомненно, по вашей вине. Ведь когда фиванцы напали на нас, чтобы силой подчинить своему господству, и мы просили принять нас в ваш союз,[2] вы отказались и посоветовали обратиться к афинянам как к ближайшим соседям, так как сами вы живете слишком далеко. (2) И даже в эту войну ничего неподобающего вы от нас не терпели и не должны были ожидать. (3) Если же мы не захотели изменить

афинянам по вашему требованию, то мы поступили совершенно правильно. Ведь афиняне помогли нам в борьбе против фиванцев, когда вы покинули нас на произвол судьбы, и было бы позором изменить им. Тем более мы не могли согласиться на измену афинянам после того, как они сделали нам так много добра. Ведь они приняли нас, уважив нашу просьбу, в союз и предоставили гражданские права,[3] и потому нашим естественным долгом было с готовностью подчиняться их приказаниям. (4) Когда вы или афиняне даете какие-либо приказания вашим союзникам, то ответственность за то, что приказания эти нехороши, лежит не на союзниках, а на тех, от кого эти приказания исходят.

56. Фиванцы нанесли нам много различных обид. Последняя из них, вам самим известная, и является причиной нашего теперешнего несчастья. (2) Когда они во время мира,[1] да еще и в день священного праздника, напали на наш город, мы с полным правом наказали их за это: ведь по общепринятому обычаю следует на насилие врага отвечать насилием. И нет разумного основания для того, чтобы нам теперь страдать из-за них. (3) Если в настоящем судебном процессе вы примете мерилом справедливости и законности свою собственную выгоду на данный момент или враждебность фиванцев, то покажете этим, что в действительности дело идет вовсе не о справедливом приговоре, а скорее о том, что вы сами преследуете корыстные цели. (4) Впрочем, если вы исходите из того, что фиванцы вам теперь полезны, то мы и прочие эллины тогда во время мидийских войн были вам гораздо полезнее, когда вам грозила опасность более страшная, чем ныне. Ведь теперь вы нападаете и грозите другим, а в те дни, когда Варвар нес с собой рабство всем нам, фиванцы были с ним заодно. (5) И если бы мы даже действительно были в чем-нибудь виновны, то по справедливости нужно противопоставить этой вине нашу тогдашнюю доблесть. И вы увидите, что наши заслуги далеко превосходят нашу предполагаемую вину, особенно если принять во внимание, что в те времена в Элладе было мало людей, которые имели мужество сопротивляться могуществу Ксеркса. Тогда оказывали больше почета, нежели теперь, тем, кто не искал собственной безопасности, облегчая путь вторгшимся врагам, а отважился на величайший подвиг, отдавая жизнь для спасения эллинов. (6) К таким людям принадлежали и мы, и за это вы тогда и наградили нас великими почестями,[2] а теперь мы должны опасаться гибели как раз за свои прежние убеждения, так как предпочли по долгу справедливости остаться верными афинянам, нежели из корыстных побуждений перейти на вашу сторону. (7) Но ведь об одних и тех же вещах надо и судить всегда одинаково; и вы должны видеть истинную пользу для государства лишь в сочетании его непосредственных интересов в настоящее время с прочной благодарностью к честным союзникам, чья доблесть вами признана.

57. Подумайте теперь еще и о том, что до сих пор большинство эллинов считает нас образцом честности и порядочности. Если же вы вынесете нам несправедливый приговор (ведь этот судебный процесс

нельзя скрыть, так как и вы, судьи, пользуетесь уважением, да и о нас, подсудимых, также идет добрая слава), то вы вызовете возмущение всех добропорядочных людей тем, что вынесли этот неподобающий приговор нам, доблестным людям, хотя сами вы еще более доблестны и добычу, захваченную у нас, благодетелей Эллады, посвятили в общеэллинские святилища. (2) Разве не ужасна сама мысль о том, что Платея будет разрушена лакедемонянами и что те, чьи отцы велели начертать имя нашего города на треножнике в Дельфах как признание его доблести,[1] ныне в угоду фиванцам хотят даже стереть этот город с лица эллинской земли? (3) Вот до какого страшного бедствия мы дошли наконец! Во времена господства мидян мы шли на гибель,[2] и теперь, когда мы стоим перед вами, некогда нашими лучшими друзьями, вы приносите нас в жертву фиванцам! Уже дважды мы смотрели в лицо смерти: недавно мы погибли бы от голода, если бы не сдались вам, а теперь нам грозит по суду смертный приговор! И это мы, платейцы, которые даже свыше нашей силы пожертвовали всем своим достоянием на благо эллинов, теперь стоим перед вами, всеми отвергнутые, покинутые и беспомощные. И никто из наших тогдашних союзников не желает оказать нам помощи, и мы опасаемся, что и вы, лакедемоняне — наша единственная надежда — покинете нас.

58. И все же, ради богов, именем которых освящался наш военный союз, и во имя наших заслуг перед эллинами мы призываем вас смягчиться и изменить свое суровое решение о нас, если фиванцы уже както повлияли на вас во вред нам. Мы просим справедливой милости ради наших заслуг: не казнить тех, кого вам не подобает казнить. Тогда вместо постыдной благодарности фиванцев вы обретете нашу преданную чистую благодарность и не запятнаете свое доброе имя в угоду фиванцам. (2) Действительно, казнить нас вам легко, но смыть этот позор вам будет трудно. Ведь мы вовсе не враги ваши, которых, разумеется, следует наказывать, но друзья, которым пришлось лишь поневоле воевать против вас. (3) Поэтому благочестие обязывает вас сохранить нам жизнь, не забывая, что сдались мы добровольно, простирая к вам руки с мольбой, и эллинский священный закон воспрещает нас казнить. Вспомните также, что мы всегда были вашими доброжелателями. (4) Обратите ваши взоры на могилы[1] ваших отцов, павших и погребенных на нашей земле в войне с мидянами. Мы всенародно из года в год по обычаю почитаем[2] их приношением одежд и других даров. Мы приносили им начатки всех плодов нашей земли, благоговейно храня о них память как о сынах дружественной земли и старых товарищах по оружию. И за все это вы хотите вынести нам столь несправедливый приговор! (5) Ведь Павсаний, предавая погребению павших на нашей земле воинов, думал, что они будут покоиться в дружественной стране и среди друзей. Но если вы казните нас и отдадите нашу землю фиванцам, то разве не оставите ваших отцов и родичей во вражеской земле среди их убийц и не лишите их почестей, воздаваемых им теперь нами? Кроме того, вы также поработите землю, где эллины обрели свободу, разру-

шите святилища богов, вознося молитвы которым эллины одолели мидян,[3] и лишите зиждителей и устроителей этих святилищ установленных отцами жертвоприношений.

59. Не принесет вам славы, если вы нарушите общеэллинские законы и обычаи почитания предков, этим вы погубите нас, ваших старых друзей, не причинивших вам никакого зла, только из-за чужой неприязни к нам. Смягчите благоразумным состраданием[1] вашу суровость и пощадите нашу жизнь. Подумайте не только о том, как ужасна участь, которая нас ожидает, и как противоречит она нашим заслугам, но и о том также, сколько бед может принести судьба любому, даже не виновному ни в чем. (2) В нашем тяжком положении мы просим вас, взывая к общеэллинским богам, чтобы они придали убедительность нашей мольбе: не забывайте о клятве защищать нас, данной еще вашими отцами. Как молящие о защите на могилах ваших отцов, мы взываем с мольбами к усопшим героям спасти нас от фиванцев и не предавать ваших лучших друзей во власть их злейших врагов. Ныне же в этот день смертельной опасности мы напоминаем вам о том достопамятном дне, когда мы вместе с почившими героями совершили величайшие подвиги. (3) Теперь нам нужно кончать нашу речь — и это труднее всего сделать людям в нашем положении, потому что с концом речи близится и смертный час. Наше последнее слово: фиванцам мы не отдали нашего города — мы предпочли скорее погибнуть самой жалкой голодной смертью[2] — но, вверив нашу судьбу вам, обратились к вашей помощи. Если вы не склонитесь на наши мольбы, то ваш долг, по крайней мере, вернуть нас в прежнее состояние до сдачи и позволить хоть самим выбрать род смерти. (4) Поэтому мы, платейцы, так геройски сражавшиеся за свободу эллинов, а теперь как молящие о защите, вновь призываем вас, лакедемоняне, не выдавать нас на расправу нашим злейшим врагам фиванцам. Станьте нашими спасителями, не погубите нас, освобождая прочих эллинов».

60. Так говорили платейцы. Тогда, из опасения, что лакедемоняне под впечатлением этой речи проявят некоторую уступчивость, выступили фиванцы и в свою очередь также потребовали слова, так как платейцам сверх ожидания было разрешено говорить гораздо дольше, чем нужно для ответа на вопрос. Получив разрешение от судей, фиванцы сказали следующее.

61. «Мы не попросили бы слова, если бы и платейцы также кратко ответили на вопрос, вместо того чтобы в своей защитительной речи, осыпая нас обвинениями и, кроме того, отвлекаясь от поставленного вопроса, не потратили бы так много слов для оправдания в том, в чем их никто не упрекает, и для похвальбы заслугами, никем не отрицаемыми. Поэтому мы вынуждены не только возражать на их обвинения, но и оспаривать доводы. Ни наша низость, ни их слава не должны помочь им оправдаться, но вы должны услышать правду о них и о нас, прежде чем вынесете приговор. (2) Наша вражда с платейцами началась так. Несколько времени спустя после того, как мы заселили Беотию,[1] мы за-

няли Платею и другие места, откуда изгнали различные народности.[2] Однако платейцы отказались признать наше господство, несмотря на первоначальное согласие, и, в отличие от остальных беотийцев, нарушили отеческие обычаи и законы, когда их хотели заставить подчиниться силой. Они перешли на сторону афинян и вместе с ними причинили нам много вреда, за что и сами пострадали.

62. По их словам, после вторжения Варвара в Элладу только они одни из беотийцев не перешли на сторону мидян. И этим они особенно гордятся и упрекают нас в измене. (2) Мы же утверждаем: они не присоединились к мидянам лишь потому, что и афиняне так не поступили. Конечно, опять же в силу этого, когда впоследствии афиняне пошли на Элладу, платейцы единственные из беотийцев выступили заодно с афинянами. (3) Обратите все же внимание на то, при сколь различных политических обстоятельствах мы и они так поступили, когда мы держали сторону мидян, а они — афинян. Ведь тогда у нас не было ни равноправной олигархии,[1] ни демократии. Наш тогдашний государственный строй являл собой полную противоположность законности и правовому порядку и ближе всего был к тираническому произволу. Власть находилась в руках самовластной кучки людей.[2] Правители, надеясь в случае победы Мидянина еще больше укрепить свое личное господство, держали народ в подчинении насилием и призвали мидийского царя в страну. (4) Это произошло в то время, когда город в целом не был полновластным владыкой у себя, и поэтому его нельзя обвинять за допущенную в те беззаконные времена ошибку. (5) Напротив, после ухода мидян, когда наш город получил законные установления, вы должны знать, как мы сражались против афинян, которые стали нападать на остальных эллинов и пытались подчинить и наш город. Из-за межэллинских раздоров[3] афиняне действительно захватили большую часть Эллады, но разве тогда, победив афинян при Коронее,[4] мы не освободили Беотию? И теперь мы всячески стараемся помочь вам освободить остальных эллинов, доставляя конницу и военные припасы гораздо больше прочих союзников. Вот наш ответ, достаточный для того, чтобы оправдаться от обвинений в сочувствии мидянам.

63. Теперь мы постараемся показать, что именно вы, платейцы, а не мы причинили больше вреда эллинам и поэтому скорее, нежели мы, заслуживаете всяческой кары. (2) По вашим словам, вы заключили союз с афинянами и получили афинское гражданство, чтобы противодействовать нам.[1] Если так, то вам следовало бы искать помощи афинян только против нас, а не нападать в союзе с ними на других. Ведь такая возможность не помогать афинянам у вас была. Если афиняне даже против воли вас и принуждали к этому, то и тогда ведь уже существовал для борьбы с Мидянином союз лакедемонян, на который вы теперь сами ссылаетесь. Этот союз не только обезопасил бы вас от нашего нападения, но — что самое важное — дал бы вам полную свободу самостоятельного решения своей судьбы. Однако вы добровольно, без всякого принуждения, как прежде, предпочли стать на сторону афинян. (3) Вы

ссылаетесь на то, что считали постыдным изменить вашим благодетелям! Но куда постыднее и несправедливее предать всех эллинов — освободителей Эллады,[2] вместе с которыми вы дали клятву верности союзу, чем одних только афинян, ее поработителей. (4) Вы оказали афинянам услугу, вовсе не соответствующую их благодеянию вам и позорящую вас.[3] Ведь вы, по вашим словам, призвали их на помощь, терпя обиды от нас, а сами потом стали вместе с ними чинить несправедливости другим. Конечно, постыдно не воздать равною услугой за услугу, но не менее постыдно за услугу, оказанную ради поддержания справедливости, воздавать услугами, направленными к нарушению справедливости.

64. Таким образом, вы ясно показали, что и тогда вы не перешли на сторону мидян не ради эллинов, а лишь потому, что и афиняне не сделали этого. Вы стремились поступить так, как они, и наперекор всем остальным. (2) Теперь же вы притязаете на то, чтобы мы вас вознаградили за доблесть, проявленную в угоду другим афинянам. Но это не полагается. Раз уж вы перешли к афинянам, сражайтесь на их стороне до конца и не ссылайтесь постоянно на старый союз, от которого теперь должно прийти вам спасение. (3) Ведь вы его уже покинули и изменили ему, так как скорее помогали афинянам поработить эгинян[1] и некоторых других своих старых союзников, нежели их защищали. И это вы делали не по принуждению, как мы, но добровольно, живя при законном государственном строе, который у вас остался еще и до сих пор. Кроме того, вы также отвергли последнее предложение перед началом осады: сохранить по крайней мере мир и остаться нейтральными.[2] (4) Кто же, как не вы, которые проявили свои доблести лишь на пагубу всем эллинам, по праву заслужил их ненависть? И если вы ранее, как утверждаете, и совершили доблестные деяния, то теперешним своим поведением вы показали, что эти подвиги вовсе не свойственны вам по натуре. Ваша подлинная природа и истинные стремления обнаружились, когда вы вместе с афинянами пошли по пути несправедливости. Вот что мы сочли нужным сказать о нашем вынужденном союзе с мидянами и о вашей добровольной преданности афинянам.

65. Что касается ваших последних обвинений в том, что мы противозаконно напали на ваш город во время мира и даже в священный праздник, то мы считаем, что и в этом деле наша вина меньше вашей. (2) Мы не стали бы отрицать, что поступили несправедливо, если бы по собственному побуждению силой захватили ваш город и злодейски разорили вашу землю. Но раз уж первые из ваших граждан[1] и по имущественному положению и по родовитости сами призвали нас, чтобы заставить вас выйти из союза с чужеземцами и вернуться в исконный общебеотийский союз,[2] то в чем же наша вина? Ведь зачинщики виновнее в нарушении законов, нежели те, кто идет за ними. По нашему же мнению, ни они, ни мы в действительности не виноваты. (3) Будучи гражданами, подобно вам, они рисковали большим, чем вы, когда открыли нам ворота. Они впустили нас в свой родной город как друзей, а не как врагов. Они желали, чтобы худшие из вас не стали еще хуже, а луч-

шим было предоставлено то, что соответствует их достоинству. Они хотели лишь оздоровить, подобно строгим наставникам,[3] ваш образ мыслей, а не лишать город граждан изгнаниями и казнями и старались вернуть вас в родственный союз, ни с кем не ссорить, но заставить жить одинаково со всеми в мире.

66. А то, что мы пришли к вам не с враждебными намерениями, явствует из того, что мы не сделали никому вреда, но открыто предложили[1] всем добропорядочным гражданам, которые стояли за старый союз всех беотийцев, присоединиться к нам. (2) Ведь и вы сначала также дружественно пошли нам навстречу, заключили соглашение с нами и хранили полное спокойствие. Лишь обнаружив нашу малочисленность, вы обратились против нас. Если даже вы нашли, что мы поступили неправильно, войдя к вам в город без согласия всего народа, но все же, как отлично было наше поведение от нашего! Последуй вы нашему примеру, вы не стали бы прибегать к насилию, а постарались бы убедить нас удалиться; вы же, нарушив соглашение, напали на нас. И не так скорбим мы об участи убитых вами в рукопашной схватке[2] (ведь они погибли по закону войны[3]), как о гибели пленников, простиравших руки с мольбой о пощаде, которых вы оставили в живых, но затем, вопреки данным нам обещаниям, противозаконно казнили. Разве это не ужасное преступление? (3) Тут вы за несколько часов совершили три преступления: нарушили соглашение, казнили пленников и обманули нас, не сдержав своего обещания не казнить их, если мы пощадим ваше имущество на полях. И вот вы все же настаиваете на нашей виновности и требуете своего оправдания. Нет! Если лакедемонские судьи решат правильно, то вы будете наказаны за все ваши преступные деяния.

67. Мы подробно изложили все это ради вас, лакедемоняне, и ради нас самих, чтобы вы знали, что, осудив их, вы поступите справедливо, а мы могли считать наше мщение еще более благочестивым. (2) Не позволяйте смягчить себя их прошлыми доблестями[1] (если даже они действительно существовали). На эти доблести могут ссылаться лишь пострадавшие невинно, люди же, совершившие недостойные поступки, заслуживают наказания вдвойне, потому что поступили вопреки своему долгу и своим прежним доблестям. Пусть не трогают вас, судьи, их жалостные вопли, взывание к могилам ваших отцов и ссылки на свое полное одиночество. (3) С своей стороны мы можем указать на более горькую участь нашей молодежи, перебитой платейцами. Их отцы либо пали при Коронее,[2] стараясь привлечь Беотию на вашу сторону, либо ныне — уже старцы — лишенные сыновей в пустых домах с большим правом умоляют вас о наказании платейцев. (4) Люди, незаслуженно страдающие, действительно, более достойны жалости; напротив, если злая участь постигнет тех, кто ее заслуживает, как эти платейцы, то этому можно только радоваться. (5) Ведь их теперешним одиночеством они обязаны только себе, так как добровольно оттолкнули своих лучших союзников. С нами, которые ничем их не обидели, они поступили беззаконно, дей-

ствуя, скорее, из ненависти, нежели по справедливости, и поныне они еще не понесли за это достаточного наказания. Они будут заслуженно наказаны по закону, так как, вопреки их уверениям,[3] не простирали руки с мольбами о защите на поле битвы, но после сдачи города добровольно согласились подчиниться вашему судебному приговору. (6) Итак, лакедемоняне, заставьте вновь уважать общеэллинские законы,[4] попранные платейцами, и воздайте за причиненные нам обиды справедливое удовлетворение,[5] которое мы заслужили своим рвением в борьбе за правое дело. Не отвергайте нас под влиянием их речи и покажите эллинам на будущее пример того, как вы будете судить, придавая значение не словам, а делам. Если их дела доблестны, то не нужно многих речей, если же это — преступление, то речи, расцвеченные красивыми словами, служат лишь покровом для извращения истины. Если все вожди, какими являетесь вы теперь, будут сводить все разбирательства к краткому и ясному вопросу, то у людей будет меньше соблазна выискивать красивые слова, чтобы оправдывать несправедливые деяния».

68. Таковы были речи фиванцев. И лакедемонские судьи сочли правильным поставить вопрос о том, какие услуги платейцы оказали им во время этой войны. Они исходили при этом из того, что платейцы отклонили их требование [1] о нейтралитете в силу старого договора [2] с Павсанием после мидийских войн. И перед осадой Платеи лакедемоняне снова предлагали платейцам оставаться нейтральными по условиям того же договора, но те опять отказались. Отвергнув это справедливое требование, платейцы, по мнению лакедемонян, тем самым уже нарушили союзный договор и поставили себя в положение врагов. Итак, лакедемоняне, вызывая платейцев поодиночке, стали задавать каждому тот же самый вопрос: оказали ли они во время войны какую-нибудь услугу лакедемонянам и их союзникам. Когда платейцы отвечали: «нет», то лекедемоняне уводили их и всех предавали казни до последнего человека. (2) В общем было казнено не менее 200 платейцев и 25 афинян,[3] которые с самого начала вместе с платейцами выдерживали осаду. Женщины же из Платеи были проданы в рабство. (3) Город Платею фиванцы отдали для поселения приблизительно на год мегарцам, изгнанным после восстания,[4] и еще оставшимся в живых своим сторонникам из Платеи. Впоследствии, однако, они разрушили город до основания и построили поблизости от святилища Геры [5] подворье квадратной формы, каждая сторона которого была в 200 футов длиной. Это было двухэтажное здание с комнатами внутри, для которого были взяты стропила и дверные створки из разрушенных домов Платеи. Кроме того, из домашней утвари и медных и железных предметов, взятых в городе, они сделали ложа и посвятили Гере. В честь Геры было построено также каменное святилище длиной в 100 футов. Платейскую область они сделали общественной собственностью и на 10 лет отдали в аренду. Право пользования землей получили фиванцы. (4) Такая суровость лакедемонян во всем этом деле по отношению к платейцам была вызвана их желанием вознаградить фиванцев, которых они считали

весьма ценными союзниками в только что начавшейся войне. (5) Такова была участь Платей, подвергшейся разрушению спустя 93 года[6] после ее вступления в союз с Афинами.

69. Между тем 40 пелопоннесских кораблей,[1] прибывших на помощь лесбосцам, спасались бегством в открытом море, преследуемые афинянами.[2] Неподалеку от Крита пелопоннесскую эскадру застигла буря и оттуда в полном беспорядке отнесла к Пелопоннесу. У Киллены[3] пелопоннесцы застали 13 левкадских и ампракийских триер и встретили Брасида, сына Теллида, который был послан из Лакедемона советником Алкиду.[4] (2) После неудачи своего предприятия на Лесбосе, лакедемоняне решили усилить флот и плыть на Керкиру, где в то время вспыхнула междоусобная борьба. Афинская сторожевая эскадра у Навпакта состояла всего из 12 кораблей, и лакедемоняне рассчитывали достичь острова до прибытия туда подкреплений из Афин. К этому походу теперь как раз и готовились Брасид и Алкид.

70. На Керкире после возвращения пленников,[1] захваченных коринфянами в морских сражениях во время эпидамнской войны,[2] началась партийная борьба. Пленники были освобождены якобы за 800 талантов[3] по поручительству их проксенов в Коринфе, а в действительности за то, что обязались привлечь Керкиру на сторону коринфян. Освобожденные пленники обходили на острове всех граждан из дома в дом и уговаривали восстать против афинян. (2) Между тем на Керкиру прибыли афинский и коринфский корабли с послами на борту. После выступления послов обеих сторон в народном собрании, керкиряне решили остаться в союзе с афинянами согласно договору,[4] но вместе с тем возобновить свои прежние дружественные отношения с пелопоннесцами. (3) Вождем демократической партии на Керкире был тогда некто Пифий, который вместе с тем был добровольным проксеном[5] афинян. Его вернувшиеся из Коринфа граждане привлекли к суду за то, что он будто бы хотел подчинить Керкиру афинскому господству. (4) Пифию, однако, удалось оправдаться, и он, со своей стороны, обвинил пятерых самых богатых своих противников в том, что они вырубали подпорки для виноградной лозы в священных рощах Зевса и Алкиноя[6] (за каждую подпорку был установлен штраф в 1 статер[7]). (5) Эти пятеро богачей были осуждены. Однако штраф был столь велик, что осужденные сели у святилищ Зевса и Алкиноя, умоляя разрешить им уплату штрафа по крайней мере по частям в определенные сроки. Но Пифий, бывший одновременно и вождем народной партии и членом совета, настаивал, чтобы с виновными поступили по всей строгости закона. (6) Получив отказ в своей просьбе и, кроме того, узнав, что Пифий намерен (пока он еще член совета) убедить народ иметь общих с Афинами друзей и врагов, обвиняемые богачи и их сторонники составили заговор. Вооружившись кинжалами, они внезапно ворвались в помещение совета и убили Пифия и с ним еще около 60 советников и простых граждан. Лишь немногим сторонникам Пифия удалось бежать, найдя убежище на аттической триере, все еще стоявшей в гавани.

71. После этого избиения сторонников народа заговорщики созвали народное собрание керкирян и объявили, что все это совершено ими ко благу народа и необходимо для избавления от ига афинян. А впредь следует закрыть гавань для кораблей обеих воюющих сторон в числе более одного корабля, прибывающего с мирной целью; появление же большего числа — считать враждебным актом. Олигархи тотчас же заставили народное собрание одобрить это предложение. (2) Затем они немедленно отправили посольство в Афины, желая представить совершенный переворот в благоприятном свете и предостеречь нашедших там убежище изгнанников от каких-нибудь неподобающих поступков под страхом возмездия афинян.

72. Однако тотчас же по прибытии в Афины послы были схвачены как бунтовщики (вместе с примкнувшими к ним изгнанниками) и отправлены на Эгину. (2) Между тем захватившие теперь власть на Керкире олигархи после прибытия коринфской триеры с лакедемонским посольством открыто напали на демократов и одержали победу в схватке. (3) С наступлением ночи демократы отступили на акрополь и в более возвышенные части города. Здесь, сосредоточив свои силы, они укрепились и захватили Гиллайскую гавань. Противники же заняли рыночную площадь (где у большинства из них поблизости были дома) и примыкающую к ней гавань напротив материка.

73. На следующий день начались небольшие столкновения, и обе стороны стали посылать вестников в окрестные поля, чтобы привлечь на свою сторону рабов[1] обещанием свободы. Большинство рабов присоединилось к демократам; к противникам же пришли 800 человек с материка.

74. Лишь на второй день вновь началось сражение, и на этот раз победу одержал народ, который обладал преимуществом в численности и более сильной позицией. Даже женщины принимали горячее участие в битве: они бросали черепицы с крыш домов и вопреки своей природе стойко выдерживали смятение битвы. (2) Олигархи потерпели поражение и с наступлением ночи, опасаясь, что народ может штурмом овладеть верфью и погубит их, подожгли частные дома около рынка и дома с наемными квартирами. Чтобы преградить путь народу, они не щадили ни своих, ни чужих домов, так что в огне погибло много купеческого товара, и весь город стал бы добычей пламени, если бы ветром огонь был переброшен в ту сторону. (3) Обе враждующие стороны после битвы держались спокойно и всю ночь были на страже. Коринфский корабль после победы народа тайно отплыл, и бóльшая часть вспомогательного отряда с материка незаметно переправилась обратно.

75. На следующий день на Керкиру прибыл из Навпакта афинский стратег Никострат,[1] сын Диитрефа, с 12 кораблями и 500 мессенских гоплитов. Он пытался уладить раздоры на острове мирным путем, и по его совету обе враждующие стороны согласились предать суду 10 наиболее виновных лиц (которые, впрочем, немедленно бежали). Остальные должны были жить в мире, заключив оборонительный и наступательный

союз с афинянами. (2) Достигнув своей цели примирить керкирян, Никострат намеревался уже отплыть назад, когда вожди народной партии попросили его оставить пять своих кораблей, чтобы удержать противников от новых попыток возмущения; взамен они обещали, укомплектовав экипажем, послать с ним столько же своих кораблей. (3) Никострат согласился, и они набрали экипажи для этих кораблей только из числа своих противников.[2] Однако эти отобранные люди в страхе, что их отправят в Афины, бежали в святилище Диоскуров и сели там как молящие. (4) Никострат приказал им встать и старался успокоить их, но безуспешно, так как они не верили ему. Тогда демократы взялись за оружие, убежденные в том, что недоверие и отказ противников плыть в Афины является доказательством их злого умысла. Они вынесли из домов противников оружие и перебили бы несколько попавших навстречу олигархов, если бы Никострат не помешал этому. (5) Остальные олигархи в числе не менее четырехсот человек, видя это, бежали в святилище Геры [3] и сели там как молящие. Демократы же из опасения, как бы те опять не прибегли к насилию, убедили их встать и переправили на остров перед святилищем Геры, куда им и доставляли съестные припасы.

76. На этой стадии партийной борьбы на четвертый или пятый день после отправки олигархов на остров, пришла пелопоннесская эскадра в составе 53 кораблей [1] из Киллены, где она стояла на якоре после возвращения из Ионии. Во главе ее по-прежнему стоял Алкид, имея на борту советником Брасида. На ночь пелопоннесские корабли бросили якорь в Сиботах (гавани на материке),[2] а на рассвете поплыли на Керкиру.

77. Демократические власти на острове пришли в смятение. Народ страшился внутренних врагов не менее, чем пелопоннесских кораблей. Тотчас же было решено снарядить 60 кораблей и, укомплектовав экипажем, по мере их оснащения посылать против врага, хотя афиняне советовали сначала предоставить выступить им одним; самим же керкирянам они предлагали следовать за ними, как только соберут свои силы. (2) Когда эти наспех оснащенные корабли керкирян поодиночке сблизились с неприятелем, тотчас же два из них перешли на сторону неприятеля, а на других начались раздоры среди экипажа, да и вообще на кораблях царил полный беспорядок. (3) Едва только пелопоннесцы заметили раздоры и замешательство в рядах противника, как двадцать их кораблей в боевом строю атаковали керкирян, а остальные обратились против двенадцати афинских кораблей, в числе которых были государственные корабли «Саламиния» и «Парал».[1]

78. Керкиряне, нападая в беспорядке, каждый раз небольшими отрядами и без помощи афинян, терпели тяжелый урон. Афиняне же, опасаясь численного превосходства противника и охвата им своих кораблей, не решались атаковать главные силы или центр стоявшей против них эскадры. Они атаковали крыло вражеской эскадры и потопили один корабль. Затем, когда неприятельские корабли образовали круг, афиняне стали охватывать их, пытаясь привести в замешательство. (2) Когда пелопоннесцы, стоявшие против керкирян, заметили этот маневр афинян,

то, опасаясь повторения неудачи при Навпакте,[1] пошли на помощь своим, и вся пелопоннесская эскадра атаковала афинян. (3) Поэтому афиняне стали отходить, гребя кормой вперед, в надежде, что их медленное отступление даст возможность керкирянам оторваться от противника, тем более что неприятельская атака была теперь направлена на них. Эта морская битва окончилась около захода солнца.

79. Демократы на Керкире опасались, что враги после победы нападут на город или начнут какие-либо враждебные действия, например, захватят молящих олигархов на острове.[1] Тогда они перевели молящих обратно в святилище Геры и установили в городе строгую охрану. (2) Пелопоннесцы, между тем, хотя и выиграли сражение, все же не решались с моря напасть на город и возвратились на свою стоянку с 13 захваченными керкирскими кораблями. (3) И на следующий день они еще не отважились атаковать город, хотя в нем царили смятение и ужас. Как говорят, Брасид советовал Алкиду сделать попытку овладеть городом; однако не он, а Алкид имел решающее слово. Итак, пелопоннесцы высадились только у мыса Левкимны[2] и стали опустошать страну.

80. Между тем демократы на Керкире, с ужасом ожидая нападения пелопоннесской эскадры, вступили в переговоры с молящими в святилище и с остальными противниками о необходимых мерах для спасения города. Некоторых из них даже убедили вступить в корабельные экипажи. Несмотря на волнения, демократам удалось укомплектовать экипажем еще 30 кораблей. (2) Пелопоннесцы, между тем, до полудня разоряли страну, а затем отплыли назад. С наступлением ночи сигнальными огнями пелопоннесцам передали известие о приближении от Левкады 60 афинских кораблей. Эти корабли под командой Евримедонта, сына Фукла,[1] были посланы афинянами после получения вести о восстании на Керкире и о предполагаемом походе туда Алкида.

81. Тем временем пелопоннесцы еще в ту же ночь с величайшей поспешностью отплыли домой, держась вдоль побережья. У Левкады они с помощью лебедок перетащили свои корабли через перешеек (чтобы неприятель не заметил огибающую остров эскадру) и благополучно возвратились домой. (2) Узнав о подходе аттических кораблей и о том, что неприятель скрылся, демократы на Керкире ввели в город мессенские отряды,[1] до сих пор находившиеся за городскими стенами,[2] и приказали кораблям, укомплектованным экипажами, плыть вокруг острова в Гиллайскую гавань.[3] Пока эти корабли шли, демократы принялись убивать в городе тех из своих противников, кого удалось отыскать и схватить. Своих противников, согласившихся служить на кораблях, они заставили сойти на берег и перебили их всех. Затем, тайно вступив в святилище Геры, они убедили около 50 находившихся там молящих выйти, чтобы предстать перед судом, и осудили всех на смерть. (3) Однако большая часть молящих не согласилась выйти. Когда они увидели, что происходит с другими, то стали убивать друг друга на самом священном участке. Некоторые повесились на деревьях, а другие покончили с собой кто как мог. (4) В течение семи дней, пока Евримедонт после своего

прибытия с 60 кораблями оставался на острове, демократы продолжали избиение тех сограждан, которых они считали врагами, обвиняя их в покушении на демократию, в действительности же некоторые были убиты из личной вражды, а иные — даже своими должниками из-за денег, данных ими в долг. (5) Смерть здесь царила во всех ее видах. Все ужасы, которыми сопровождаются перевороты, подобные только что описанному, все это происходило тогда на Керкире и, можно сказать, даже превосходило их. Отец убивал сына, молящих о защите силой отрывали от алтарей и убивали тут же. Некоторых даже замуровали в святилище Диониса,[4] где они и погибли.

82. До такой неистовой жестокости дошла эта междоусобная борьба. Она произвела ужасное впечатление, особенно потому, что подобное ожесточение проявилось впервые. Действительно, впоследствии весь эллинский мир был потрясаем борьбой партий. В каждом городе вожди народной партии призывали на помощь афинян, а главари олигархов — лакедемонян. В мирное время у партийных вожаков, вероятно, не было бы ни повода к этому, ни склонности. Теперь же, когда Афины и Лакедемон стали враждовать, обеим партиям легко было приобрести союзников для подавления противников и укрепления своих сил, и недовольные элементы в городе охотно призывали чужеземцев на помощь, стремясь к политическим переменам. (2) Вследствие внутренних раздоров на города обрушилось множество тяжких бедствий, которые, конечно, возникали и прежде и всегда будут в большей или меньшей степени возникать, пока человеческая природа останется неизменной, различаясь лишь по своему характеру в зависимости от обстоятельств. Действительно, во время мира и процветания как государство, так и частные лица в своих поступках руководятся лучшими мотивами, потому что не связаны условиями, лишающими их свободы действий. Напротив, война, учитель насилия, лишив людей привычного жизненного уклада, соответственным образом настраивает помыслы и устремления большинства людей и в повседневной жизни. (3) Этой междоусобной борьбой были охвачены теперь все города Эллады. Города, по каким-либо причинам вовлеченные в нее позднее, узнав теперь о происшедших подобного рода событиях в других городах, заходили все дальше и дальше в своих буйственных замыслах и превосходили своих предшественников коварством в приемах борьбы и жестокостью мщения. (4) Изменилось даже привычное значение слов в оценке человеческих действий. Безрассудная отвага,[1] например, считалась храбростью, готовой на жертвы ради друзей, благоразумная осмотрительность — замаскированной трусостью, умеренность — личиной малодушия, всестороннее обсуждение — совершенной бездеятельностью. Безудержная вспыльчивость признавалась подлинным достоинством мужа. Забота о безопасности была лишь благовидным предлогом, чтобы уклониться от действия. (5) Человек, поносящий других и вечно всем недовольный, пользовался доверием, а его противник, напротив, вызывал подозрения. Удачливый и хитрый интриган считался проницательным, а распознавший заранее его планы — еще более ловким. С другой стороны, того, кто

заранее решил отказаться от участия в политических происках, того считали врагом своей партии и трусом, испугавшимся противника. Хвалили тех, кто мог заранее предупредить доносом задуманную против него интригу или подталкивал на это других, даже не помышлявших о подобных действиях. (6) Политические узы оказывались крепче кровных связей, потому что члены гетерий[2] скорее шли очертя голову на любое опасное дело. Ведь подобные организации отнюдь не были направлены ко благу общества в рамках, установленных законами, но противозаконно служили лишь для распространения собственного влияния в своекорыстных интересах. Взаимная верность таких людей поддерживалась не соблюдением божеских законов, а, скорее, была основана на совместном их попирании. (7) Они соглашались на миролюбивые предложения противников, когда те одерживали верх, если считали их выгодными, и принимали меры предосторожности, но вовсе не из благородных побуждений. Отомстить за обиду ставилось выше, чем избегнуть обиды. Взаимные клятвы, даваемые для примирения, обе стороны признавали лишь средством для того, чтобы выиграть время в трудном положении, и считали себя связанными ими лишь до тех пор, пока не соберутся с силами для новой борьбы. Кто при удобном случае первым осмеливался нанести удар врагу, мстил ему с большим наслаждением в минуту его слабости, когда тот чувствовал себя в безопасности, полагаясь на клятвенное обещание противника, чем в открытом бою; к тому же ведь нападающий мог не только рассчитывать на верный успех, но даже и прославиться тем, что одолел врага коварством: большинство людей предпочитает слыть ловкими плутами, нежели честными глупцами; первым они гордятся, а последнее считают постыдным. (8) Причина всех этих зол — жажда власти, коренящаяся в алчности и честолюбии. Отсюда проистекает и жгучая страсть к соперничеству, когда люди предаются спорам и раздорам. Действительно, у главарей обеих городских партий на устах красивые слова: «равноправие для всех» или «умеренная аристократия». Они утверждают, что борются за благо государства, в действительности же ведут лишь борьбу между собой за господство. Всячески стараясь при этом одолеть друг друга, они совершали низкие преступления, но в своей мстительности они заходили еще дальше, руководствуясь при этом не справедливостью или благом государства, а лишь выгодой той или иной партии. Достигнув власти путем нечестного голосования[3] или насилием, они готовы в каждый момент утолить свою ненависть к противникам. Благочестие и страх перед богами были для обеих партий лишь пустым звуком, и те, кто совершал под прикрытием громких фраз какие-либо бесчестные деяния, слыли даже более доблестными. Умеренные граждане, не принадлежавшие ни к какой партии, становились жертвами обеих, потому что держались в стороне от политической борьбы или вызывали ненависть к себе уже самим своим существованием.

83. Так борьба партий породила в Элладе всяческие пороки и нечестия, а душевная простота и добросердечие — качества наиболее свойственные благородной натуре — исчезли, став предметом насмешек. По-

всюду противостояли друг другу охваченные подозрительностью враждующие партии. (2) Ведь ничто уже не могло примирить их, и даже самые торжественные заверения и страшные клятвы не помогали умиротворению. Все были твердо убеждены лишь в том, что всеобщей безопасности нет и поэтому каждый должен заботиться о своей собственной безопасности и не доверять другим. (3) И как раз люди менее развитые и менее образованные большей частью и одерживали верх в этой борьбе. Ведь, сознавая собственную неполноценность и опасаясь, что в силу духовного превосходства и большей ловкости противников попадут в ловушку, они смело прибегали к насилию. (4) Напротив, другие высокомерно считали, что все уже ими заранее предусмотрено и они обойдутся даже без насильственных действий с помощью одной изворотливости, и поэтому, потеряв бдительность, скорее погибали.

[84.[1] Многие из этих злодеяний возникли впервые на Керкире. Одни были вызваны местью правителям, которые управляли неразумно, как тираны, проявляя больше произвола, чем умеренности, и вызывая ненависть угнетенных. Другие порождало стремление избавиться от привычной бедности и беззаконными способами овладеть добром своих сограждан. Иные преступления совершались не из алчности, но в силу взаимной вражды друг к другу людей разного положения, которые доходили до крайности в своей неумолимой жестокости. (2) Жизнь в городе в это время вообще пришла в расстройство. Человеческая натура, всегда готовая преступить законы, теперь попрала их и с радостью выявила необузданность своих страстей, пренебрегая законностью и справедливостью и враждуя со всем, что выше ее. Конечно, люди не пожертвовали бы благочестием ради удовольствия отомщения и сознанием, что никому не сделано зла, ради временных выгод, если бы зависть не имела столь вредоносной власти. (3) Но когда дело идет о мести, то люди не задумываются о будущем и без колебаний попирают все общечеловеческие законы, в которых заключена надежда на собственное спасение человека в случае какой-нибудь беды.]

85. Таковы были политические страсти, которые впервые овладели жителями Керкиры во взаимных отношениях. Между тем Евримедонт с афинской эскадрой отплыл домой. (2) Впоследствии керкирские изгнанники олигархи (их спаслось около 500 человек), захватив укрепление, находившееся на материке, овладели землей керкирян на противоположном берегу. Отсюда они совершали разорительные набеги на остров и причиняли жителям много вреда, так что в городе возник сильный голод. (3) Затем изгнанники отправили посольство в Лакедемон и Коринф с просьбой вернуть их на Керкиру. Не добившись успеха, они приготовили транспортные суда и, навербовав наемников, переправились на остров общим числом около 600 человек. Затем они сожгли свои суда, чтобы уничтожить всякую надежду помимо захвата земли, и потом, поднявшись на гору Истону,[1] возвели там укрепление. Отсюда, овладев окрестностями, они стали грабить горожан.

86. В конце того же лета афиняне послали в Сицилию эскадру в составе 20 кораблей под командой Лахета,[1] сына Меланопа, и Хареада,[2] сына Евфилета. (2) Поводом к этому было то, что в это время начали войну между собой[3] сиракузяне и леонтинцы. Союзниками сиракузян были все остальные дорийские города (кроме Камарины[4]), которые присоединились к лакедемонскому союзу тотчас после начала войны, хотя и не принимали участия в ней. Сторону же леонтинцев держали халкидские города[5] и Камарина. В Италии к Сиракузам присоединились локры,[6] а к леонтинцам — в силу племенного родства — регийцы.[7] (3) Союзники леонтинцев, теснимые на суше и на море сиракузянами, отправили послов в Афины с просьбой прислать им на помощь эскадру как ионянам и старым друзьям. (4) Афиняне послали эскадру под предлогом старинной дружбы,[8] а на самом деле — чтобы отрезать подвоз оттуда хлеба в Пелопоннес и чтобы выяснить одновременно, не удастся ли захватить Сицилию. (5) Итак, афиняне, высадившись у Регия в Италии, приняли участие в войне своих союзников. Так окончилось это лето.

87. Следующей зимой «чума» (которая, впрочем, никогда совсем не затихала, однако на некоторое время значительно ослабела) вторично вспыхнула в Афинах. (2) На этот раз болезнь свирепствовала целый год (прошлый же раз — два года), так что мощь афинян ничем, конечно, не была так ослаблена, как этим бедствием. (3) Действительно, из числа значившихся в списках от болезни погибло 4400 гоплитов и 300 всадников, а сколько жертв она унесла из остального населения,[1] с точностью установить невозможно. (4) Много было тогда и случаев землетрясений в Афинах, на Евбее, в Беотии и особенно в Орхомене беотийском.

88. В течение той же зимы находившиеся в Сицилии афиняне и регийцы на 30 кораблях предприняли поход на так называемые Эоловы[1] острова (летом из-за мелководья поход был невозможен). (2) Острова эти принадлежат липарейцам (колонистам книдян[2]), которые, однако, живут лишь на одном довольно небольшом островке под названием Липара, отправляясь с которого они обрабатывают землю также на остальных островах — Дидима, Стронгила и Гиера. (3) Население островов верит, что на Гиере находится кузница Гефеста, потому что ночью там виден огненный столп, извергающийся из недр, а днем над островом поднимается дым. Острова эти расположены против земли сикулов и мессенцев[3] и тогда состояли в союзе с Сиракузами. (4) Афиняне разорили их земли и затем, так как жители не желали сдаваться, отплыли в Регий. Так кончилась зима и пятый год войны, которую описал Фукидид.

89. Следующим летом[1] пелопоннесцы и союзники во главе с царем лакедемонян Агисом, сыном Архидама, намеревались совершить новое вторжение в Аттику, но, дойдя до Истма, возвратились назад из-за множества сильных землетрясений, так что в этом году вторжения не произошло. (2) Приблизительно в это же время из-за продолжавшихся землетрясений в Оробиях[2] (что на Евбее) море отступило от тогдашней береговой линии, а затем гигантские приливные волны обрушились на город и частично его затопили, а потом вновь отхлынули, так что там, где

раньше была земля, теперь — море. При этом погибло много людей, не успевших заблаговременно бежать на высоты. (3) Подобное же наводнение случилось и на Аталанте [3] (остров на побережье против Опунтской Локриды), причем снесло часть афинского укрепления на острове и разрушило один из двух афинских кораблей, вытащенных на сушу. (4) У Пепарефа [4] море также несколько отступило, но наводнения не произошло; землетрясение же разрушило часть городской стены, пристаней и несколько домов. (5) Причина этого, как я полагаю, в том, что в пунктах, где ощущались наиболее сильные подземные толчки, море сначала отхлынуло назад, а затем, после прекращения толчков, поднялось с новой силой. По моему мнению, это и есть причина явления, которого без землетрясения никогда не было бы.

90. В то же лето в разных частях Сицилии продолжалась война. Сицилийские эллины воевали друг с другом, афиняне же помогали своим союзникам. Я упомяну лишь о главных событиях с участием афинян и союзников, которые нападали сами и отражали атаки противника. (2) После смерти афинского стратега Хареада, павшего в битве с сиракузянами, Лахет, приняв главное командование флотом, выступил с союзниками в поход на Милы,[1] город, принадлежавший мессенцам. Гарнизон в Милах состоял из двух мессенских отрядов, которые устроили засаду против афинского десанта, высаженного с кораблей. (3) Однако афиняне с союзниками обратили в бегство противника, бывшего в засаде, нанеся ему большие потери. Затем они атаковали крепость и заставили неприятелей сдать акрополь и вместе с ними идти на Мессену.[2] (4) В конце концов, после прихода афинян с союзниками, мессенцы также капитулировали, выдали заложников и дали другие гарантии верности, которые требовали от них афиняне.

91. В то же лето афиняне выслали эскадру из 30 кораблей вокруг Пелопоннеса во главе с Демосфеном,[1] сыном Алкисфена, и Проклом,[2] сыном Феодора. Они также отправили 60 кораблей с 2000 гоплитов к Мелосу во главе с Никием,[3] сыном Никерата. (2) Афиняне намеревались подчинить мелосцев, которые хотя и были островитянами, но все же сопротивлялись афинянам и не желали вступать в союз с ними. (3) Так как мелосцы [4] даже после опустошения их земли не соглашались сдаться, то афинянам пришлось отплыть в Ороп в области Грайи.[5] Там они высадились с наступлением ночи, и гоплиты с кораблей сразу же по суше двинулись на беотийскую Танагру. (4) Между тем все афинские силы под начальством Гиппоника,[6] сына Каллия, и Евримедонта, сына Фукла, по данному сигналу выступили в тот же пункт им навстречу. (5) Там они разбили лагерь и вместе разоряли землю, оставаясь у Танагры весь этот день и следующую ночь. На следующий день они разбили танагрийцев, сделавших вылазку, и пришедших им на помощь фиванцев. Затем афиняне сняли доспехи с павших воинов и, поставив трофей, возвратились — одни в город, а другие — к своим кораблям. (6) Никий же с эскадрой из 60 кораблей отплыл к берегам Локриды [7] и, опустошив страну, возвратился домой.

92. Приблизительно в это же время лакедемоняне основали колонию Гераклею в Трахинии[1] по следующим соображениям. (2) Все малийцы[2] разделяются на три племени: паралиев, гипереев и трахинян. Из них трахиняне после тяжких поражений в войне с соседними этейцами[3] сначала решили присоединиться к афинянам; затем, однако, не полагаясь на верность афинян, обратились за помощью в Лакедемон, выбрав послом Тисамена.[4] (3) К посольству присоединилась с просьбой о помощи также и Дорида,[5] метрополия лакедемонян, так как и она страдала от этейцев. (4) Лакедемоняне выслушали просьбы посольства и, желая помочь как трахинянам, так и дорийцам, решили основать там колонию.[6] Вместе с тем они считали стратегическое положение нового города благоприятным для войны с афинянами. Ведь там можно было снаряжать и переправлять корабли на Евбею кратчайшим путем. Кроме того, это будет, как думали они, удобное место, откуда можно перебрасывать войска во Фракию вдоль побережья. Одним словом, лакедемоняне всячески стремились основать там колонию. (5) Впрочем, сначала лакедемоняне вопросили об этом бога в Дельфах. После благоприятного ответа оракула они выслали колонистов: своих граждан и периеков, но вместе с тем также предоставили право присоединиться к ним по желанию и прочим эллинам, кроме ионян, ахейцев и некоторых других племен.[7] Вождями — основателями колонии — было трое лакедемонян: Леонт, Алкид[8] и Дамагон. (6) Поселившись там, они заново укрепили город, называемый теперь Гераклеей[9] и отстоящий стадиях в 40 от Фермопил и в 20 — от моря. Они начали также постройку верфи и преградили доступ к ущелью Фермопил для безопасности города.

93. В Афинах строительство нового города вызвало сначала опасение и тревогу, так как афиняне считали, что он основан главным образом с целью напасть на Евбею[1] (ведь мыс Кеней на Евбее находится оттуда на расстоянии лишь короткой морской переправы). Впоследствии, однако, против ожидания, от этого города никакого вреда афинянам не получилось. Причины были следующие. (2) Прежде всего, фессалийцы, во власти которых была эта страна, и племена,[2] на чьей земле была основана колония, опасаясь сильных и грозных для них пришельцев,[3] начали с ними нескончаемые войны и почти совершенно их истребили (хотя первоначально колонистов было очень много). Действительно, каждый считал колонию безопасной (ведь во главе предприятия стояли лакедемоняне) и без колебаний селился там. (3) Другой важной причиной гибели колонии был образ действий правителей, присланных из Лакедемона, которые возбудили народную ненависть суровым и зачастую несправедливым управлением. Поэтому-то Гераклея стала легкой добычей соседей.

94. Тем же летом и приблизительно в то же время, когда афиняне были заняты на Мелосе,[1] команда 30 афинских кораблей, крейсировавших в пелопоннесских водах, из засады сначала перебила у Элломенa[2] в Левкадии часть тамошнего гарнизона. Позднее афиняне напали и на Левкаду[3] с большими силами, состоявшими из акарнанов (кроме жите-

лей Эниад,[4] остальные же акарнаны шли со всеми силами), закинфян, кефалленцев и пятнадцати кораблей из Керкиры. (2) Левкадцы, однако, держались спокойно и не выходили навстречу врагу, несмотря на опустошение противником их земель по обеим сторонам перешейка (где находится Левкада и храм Аполлона): они понимали, что не в состоянии бороться с превосходящими силами врагов. Акарнаны требовали от тогдашнего афинского стратега Демосфена, чтобы он отрезал город осадной стеной, рассчитывая, что легко возьмут город и избавятся от стародавнего врага. (3) Однако мессенцы только что убедили Демосфена, что хорошо было бы ему выступить в поход на этолийцев, врагов Навпакта, раз уж он собрал столь большое войско: покорив этолийцев, можно легко склонить на сторону афинян и остальное население союзников лакедемонян на этом побережье. (4) Правда, этолийцы, говорили мессенцы, — большое и воинственное племя, однако живет оно в неукрепленных селениях, далеко разбросанных друг от друга, и имеет только легковооруженных воинов; поэтому их нетрудно будет подчинить, пока они не успели собрать свои силы. (5) Сначала Демосфену по совету мессенцев следовало атаковать аподотов, затем офионеев, а после них — евританов.[5] Эти последние — самое многочисленное племя в Этолии — говорят на непонятном языке и, по рассказам, употребляют в пищу сырое мясо. Если бы Демосфену удалось подчинить это племя, то с остальными он легко справился бы.

95. Демосфен согласился на это предложение, желая оказать услугу мессенцам, а также главным образом потому, что считал возможным даже без подкреплений из Афин, лишь с помощью союзников на материке и этолийцев напасть на Беотию по суше и через область озольских локров идти далее на дорийский Китиний,[1] держась влево от горы Парнасса,[2] пока не достигнет Фокиды. Он полагал, что фокидяне по старой дружбе с афинянами[3] добровольно примут участие в походе (в крайнем случае их придется принудить к этому). Ведь Фокида находится на границе с Беотией. Итак, Демосфен против воли акарнанов вышел из Левкады, держа курс на Соллий,[4] вдоль побережья. (2) Здесь Демосфен раскрыл акарнанам свой план нападения на этолян. Когда же акарнаны отказались следовать за ним, ссылаясь на то, что Левкада осталась неукрепленной, то он сам начал поход против этолийцев с остальными боевыми силами — кефалленцами, мессенцами, закинфянами и 300 воинов пехотинцев с афинских кораблей (пятнадцать керкирских кораблей возвратились домой). (3) Выступил Демосфен из Энеона,[5] что в Локриде. Тамошние озольские локры, союзники афинян, должны были встретить их, выйдя всем войском в глубь материка. Локры жили на границе Этолии и так как имели одинаковое с этолийцами вооружение и были хорошо знакомы со страной и с тактикой противника, то их помощь в экспедиции казалась особенно ценной.

96. Демосфен с войском провел первую ночь в святилище Зевса Немейского, где, по преданию, был убит местными жителями поэт Гесиод[1] (которому была предсказана смерть в Немее), и на заре двинулся

в Этолию. (2) В первый же день он овладел Потиданией, на следующий — Крокилием, а на третий — Тихием.[2] Там он сделал остановку и отослал добычу в Евпалий в Локриде. Однако Демосфен не собирался нападать на офионян. Он предполагал после покорения остальной страны сначала вернуться в Навпакт и оттуда впоследствии напасть на них, если они ранее не пожелают присоединиться. (3) Эти планы и приготовления афинского военачальника, однако, уже с самого начала стали известны этолийцам. Лишь только вражеское войско пришло в их землю, все этолийцы с большим войском тотчас же выступили против врага. Даже самые дальние из офионян — бомиейцы и каллии (их область простирается до Мелийского залива) — явились на помощь со всем войском.

97. Между тем мессенцы повторили свой первоначальный совет Демосфену. Они уверяли, что он легко покорит Этолию, если только, переходя как можно скорее от селения к селению, будет захватывать их, пока этолийцы еще не успели встретить его с объединенными силами. (2) Доверившись советам мессенцев и полагаясь на свое неизменное счастье, так как все складывалось благоприятно и врага не было видно, Демосфен не стал дожидаться присоединения локров (что при отсутствии у афинян легковооруженных метателей дротиков было ему необходимо) и, сразу же двинувшись на Эгитий,[1] взял его с первого приступа. Жители города бежали и заняли вершины холмов над городом, который расположен на возвышенностях приблизительно в 80 стадиях от моря. Между тем этолийцы, выступив на помощь Эгитию, напали на афинян и союзников. Враги нападали, спускаясь с холмов то в одном, то в другом месте, и метали дротики в афинян. Всякий раз при нападении афинян враг отступал, если же афиняне отходили, то этолийцы наседали на них. Битва затягивалась таким образом надолго: преследования и отступления сменяли друг друга; однако афиняне в обоих случаях терпели урон.

98. Пока у лучников еще были в запасе стрелы и они могли стрелять, афиняне стойко держались, ибо под обстрелом афинян этолийцы, у которых не было панцирей, отступали. Однако после гибели начальника стрелков его отряд рассеялся, да и сами афиняне были утомлены долгой и напряженной борьбой. Этолийцы, между тем, все сильнее теснили их, осыпая дротиками. Наконец, афиняне обратились в бегство. При этом они попадали в овраги, откуда не было выхода, и в незнакомые им места и там погибали, тем более что пал и их проводник мессенец Хромон. (2) Быстроногие[1] легковооруженные этолийцы настигали бегущих врагов и перебили многих. Большая часть беглецов, потеряв дорогу, забрела в лесные дебри. Тогда враги подожгли кругом лес, и те погибли. (3) Испытав все бедствия бегства, перед лицом отовсюду грозящей гибели, остатки афинского войска насилу достигли побережья у Энеона в Локриде, откуда они и выступили в поход. (4) В походе погибло также большое число союзников, у афинян же погибло около 120 гоплитов — вся отборная молодежь и самые доблестные граждане, которых в эту войну[2] потеряло афинское государство. (5) Пал также и второй стратег Прокл. Получив по условиям перемирия от этолийцев тела своих павших воинов,

афиняне отступили в Навпакт и затем на своих кораблях возвратились в Афины. Демосфен, однако, остался в Навпакте и его окрестностях, опасаясь гнева афинян после своей неудачи.

99. Приблизительно в то же время афинская эскадра в сицилийских водах взяла курс на Локриду.[1] При высадке там афиняне разбили встретивших их локров и захватили пограничное сторожевое укрепление на реке Галеке.[2]

100. Тем же летом этолийцы (которые еще раньше отправили в Коринф и Лакедемон послов: Толофа офионянина, Бориада евритана и Тисандра аподота[1]) убедили лакедемонян послать на помощь в Навпакт войско, чтобы наказать жителей города за призвание на помощь афинян. (2) Осенью[2] лакедемоняне отправили войско в 3000 гоплитов из союзников (в том числе 500 из только что основанной тогда Гераклеи Трахинской[3]). Военачальником был спартиат Еврилох, а товарищами спартиаты Макарий и Менедай.

101. Когда войско собралось в Дельфах, Еврилох послал с вестью об этом глашатая к озольским локрам, так как путь в Навпакт шел через их землю, а вместе с тем лакедемонский военачальник желал побудить локров к восстанию против афинян. (2) Среди локров особенно энергично помогали в этом Еврилоху жители Амфиссы,[1] страшившиеся враждебных им фокидян. Они первыми выдали заложников, а затем склонили и других локров, боявшихся вторжения пелопоннесцев. Прежде всего они побудили отпасть своих соседей мионеян[2] (которые владели самым труднодоступным горным проходом в Локриде); затем — иннеян, мессапиев, тритеев, халеев, толофониев, гессиев и эанфян.[3] Все эти племена также присоединились к походу. Однако ольпеи[4] хотя и выдали заложников, но в поход не выступили. Гиеи[5] даже не выдали заложников, пока лакедемоняне не захватили одно из их селений под названием Полис.[6]

102. Когда все было готово, Еврилох, отправив заложников в дорийский Китиний,[1] выступил с войском через Локриду в Навпакт. По пути он захватил локрийские города Энеон и Евпалий[2] (не присоединившиеся к нему). (2) По прибытии в Навпактскую область Еврилох вместе с присоединившимися здесь этолийцами принялся разорять поля и захватил неукрепленное предместье города. Затем войска подошли к Моликрею,[3] коринфской колонии, подчинившейся афинянам, и овладели им. (3) Между тем афинянин Демосфен, который после своей неудачи в Этолии все еще находился возле Навпакта, узнав о приближении войска и опасаясь за участь города, прибыл к акарнанам, склонил их (с большим трудом, так как они не забыли его ухода из Левкады) помочь Навпакту. (4) Итак, акарнаны отправили вместе с ним в Навпакт на кораблях 1000 гоплитов, которые вошли в город и спасли его: ведь можно было опасаться, что город едва ли устоит, имея стену столь большой длины при малом числе защитников. (5) Еврилох же и его воины, узнав об усилении гарнизона, решили, что приступом взять город невозможно, и отступили, но не к Пелопоннесу, а в так называемую Эолиду, в область[4] городов Калидона и Плеврона,[5] и также в этолийский Просхий.[6] (6) При-

бывшие в это время амбракиоты убедили лакедемонян идти с ними в поход на Амфилохский Аргос,[7] на остальную Амфилохию и на Акарнанию,[8] говоря, что лишь только лакедемоняне овладеют этими местами, весь материк присоединится к лакедемонскому союзу. (7) Еврилох принял предложение амбракиотов. Отпустив этолийцев,[9] сам он решил остаться с войском в стране, пока его помощь не понадобится амбракиотам в походе на Аргос. Так окончилось лето.

103. Следующей зимой афиняне [1] с их эллинскими союзниками [2] в Сицилии и со многими сицилийцами (до сих пор подвластными сиракузянам, а теперь перешедшими на сторону афинян) напали на сицилийский город Инессу [3] (акрополь которого занимали сиракузяне). Попытка взять город, однако, не удалась, и афинянам пришлось отступить. (2) При отступлении сиракузяне напали из акрополя на союзников, шедших в арьергарде афинян, обратили часть их в бегство и нанесли большие потери. (3) Вскоре после этого афиняне во главе с Лахетом высадили с кораблей несколько десантов в Локриде. На реке Каикине [4] афиняне одержали победу над отрядом локров численностью около 300 человек (во главе с Проксеном, сыном Капатона). Победители сняли доспехи с павших врагов и затем отступили.

104. Той же зимой, по вещанию некоего оракула, афиняне произвели очищение [1] острова Делоса. Еще ранее тиран Писистрат [2] очистил остров, однако не весь, но лишь часть, на которую открывался вид из святилища. На этот раз был очищен весь остров следующим образом. (2) Все гробы с покойниками афиняне велели удалить с острова и впредь воспретили пребывание там умирающих и рожающих, предписывая умирающих и рожениц перевозить на Рению. Остров Рения лежит столь близко от Делоса,[3] что тиран самосский Поликрат,[4] одно время господствовавший со своим флотом на море, завоевав Рению (равно как и другие острова), соединил его цепью с Делосом, посвятив Делосскому Аполлону. (3) После очищения афиняне впервые стали проводить каждые четыре года Делосские игры.[5] На Делосе уже издревле происходили великие собрания ионийцев и жителей соседних островов. Сюда они приезжали (как ныне на Эфесские игры [6]) вместе с женами и детьми смотреть на Делосские игры. Здесь происходили мусические и гимнастические состязания и устраивались городами хороводные пляски с пением. (4) На такой характер празднества указывает уже Гомер в следующих стихах из вступления гимна к Аполлону: [7]

> Радостью, Феб, ты нигде так не тешишься, как на Делосе,
> Там, где по стогнам твоим ионяне в длинных хитонах
> Вместе с детьми и супругами славят тебя всенародно,
> Боем кулачным и песней и пляской твой дух разбелая,
> В дни, когда в память твою совершают священные игры.

(5) А то, что на острове устраивались также мусические состязания певцов, которые для этого собирались на остров, можно видеть из дру-

гого места того же вступления. Упомянув о делосской пляске женщин, Гомер заканчивает свои хвалы такими стихами, упоминая при этом и самого себя: [8]

> Будьте всегда благосклонны ко мне, Аполлон с Артемидой!
> Вам же, о девы, я здравицу шлю! Обо мне вспоминайте
> Вы и в грядущем, а если из смертных, что мир населяют,
> Странник, испытанный горем, зайдет к вам и спросит вас: «Девы,
> Кто, наилучшим певцом здесь считаясь, тешит вас песней?»
> Вы отвечайте ему благозвучною речью все вместе:
> «Зренья лишенный певец, что живет на Хиосе высоком!»

(6) Такими словами Гомер засвидетельствовал нам, что на Делосе уже издавна происходили праздничные собрания. Впоследствии жители соседних островов и афиняне посылали туда хоры и приносили жертвы. Что касается состязаний, то они вышли из употребления из-за несчастий, постигших Ионию,[9] пока, наконец, афиняне снова не ввели четырехгодичные состязания вместе с конскими ристаниями, которых прежде не было.

105. Той же зимой ампракиоты, согласно своему обещанию Еврилоху, которое побудило его остаться с войском в стране, пошли в поход на Амфилохский Аргос.[1] Проникнув в Аргосскую область, они захватили Ольпы,[2] сильное укрепление на холме у моря, построенное в старину акарнанами, где заседало общее судилище акарнанов.[3] Это укрепление находится приблизительно в 25 стадиях от города Аргоса (который также лежит у моря). (2) Один отряд акарнанов прибыл на помощь Аргосу, а другая часть разбила лагерь на месте под названием Крены,[4] следя за тем, чтобы Еврилох со своими пелопоннесцами не мог незамеченным пройти к ампракиотам. (3) Акарнаны обратились с просьбой к Демосфену, афинскому военачальнику в этолийском походе,[5] принять под команду их войско, а также к навархам афинской эскадры из 20 кораблей, крейсировавшей под начальством Аристотеля, сына Тимократа, и Гиерофонта, сына Антимнеста.[6] (4) Также и ампракиоты из Ольп послали вестника в Ампракию к своим согражданам с настоятельной просьбой о помощи всем войском. Они опасались, что Еврилох со своим войском не сможет пробиться через стоящий на пути отряд акарнанов и тогда им придется либо сражаться одним, либо предпринять небезопасное отступление.

106. Между тем пелопоннесцы во главе с Еврилохом, узнав о прибытии ампракиотов в Ольпы, ускоренным маршем выступили из Просхия [1] на помощь. Перейдя реку Ахелой, они пошли вверх по течению ее через Акарнанию (страна была беззащитной, так как жители ушли на помощь Аргосу), держась влево от города и крепости Страт [2] и оставив левее остальную Акарнанию. (2) Миновав область стратиев, они направились через Фитию,[3] потом пошли вдоль окраин Медеона,[4] а дальше через Лимнею и вступили в область агреев, не принадлежащую уже к Акарнании и дружественную пелопоннесцам. (3) Здесь они повернули

к горе Фиам[5] (которая принадлежит агреям) и оттуда уже ночью незаметно спустились в Аргосскую долину (между городом Аргосом и стоявшим в Кренах войском акарнанов) и присоединились к амбракиотам в Ольпах.

107. После соединения оба войска с наступлением дня двинулись к городу под названием Метрополь[1] и разбили лагерь. Немного спустя на помощь аргосцам прибыла афинская эскадра из 20 кораблей и Демосфен с 200 мессенских гоплитов и 60 афинскими стрелками.[2] (2) Эскадра бросила якорь против холма Ольп. Между тем акарнаны и небольшая часть амфилохов (большинство их амбракиоты удерживали силой) собрались уже в Аргосе и готовились к бою с врагами. Главнокомандующим всеми союзными силами они избрали Демосфена вместе со своими военачальниками. (3) Демосфен привел войско в окрестности города Ольпы и расположился там лагерем. Неприятелей отделял друг от друга только большой овраг. Пять дней оба войска бездействовали, а на шестой выстроились в боевом порядке друг против друга. Опасаясь окружения при численном превосходстве и более растянутой линии фронта противника, Демосфен устроил засаду. Он поместил отряд гоплитов и легковооруженных (всего около 400 человек) в покрытой густым кустарником глубокой ложбине, чтобы в нужный момент напасть с тыла на угрожающее охватом крыло неприятеля. (4) Когда противники были готовы, битва началась. Демосфен занимал во главе мессенцев и горсти афинян правое крыло, центр и левое крыло — акарнаны со своими военачальниками, построенные по городам, а также амфилохи, метатели дротиков. Пелопоннесцы и амбракиоты стояли вперемежку, кроме мантинейцев, сосредоточенных вместе на левом крыле. На самом краю левого фланга против мессенцев и Демосфена стоял отряд Еврилоха.

108. Когда противники уже сошлись в рукопашной схватке, левое крыло пелопоннесцев начало обходный маневр для окружения правого крыла врага. Тогда акарнаны, выбежав из засады, ударили на них с тыла. Пораженные страхом пелопоннесцы, прекратив всякое сопротивление, обратились в бегство и увлекли за собой большую часть войска: видя, в какой смертельной опасности оказался отряд Еврилоха, лучшая часть их войска, остальные воины потеряли мужество. Таким образом, мессенцы во главе с Демосфеном были главными вершителями победы на этом участке сражения. (2) Напротив, амбракиоты и остальные воины правого крыла[1] одолели врагов и оттеснили их к Аргосу; ведь амбракиоты — лучшие воины в этих местах. (3) Однако при возвращении, заметив, что главная часть их войска разбита, а на них самих наседают победоносные акарнаны, амбракиоты начали также отходить и лишь с трудом, потеряв многих убитыми, добрались до Ольп. Только мантинейцы еще держали сомкнутый строй и лишь они одни из всего войска отступили в порядке. Битва эта кончилась поздно вечером.

109. На следующий день Менедай[1] принял на себя командование, так как Еврилох и Макарий пали в бою. После столь сокрушительного

поражения Менедай не знал, что ему предпринять. Он не надеялся выдержать осаду, оставаясь в городе, запертый на суше и блокированный с моря афинской эскадрой. Поэтому Менедай начал переговоры с Демосфеном и акарнанскими военачальниками о перемирии, о дозволении ему отступить и о выдаче тел павших. (2) Афиняне и акарнаны выдали ему тела убитых, поставили трофей и подобрали около 300 своих убитых для погребения. Однако они не согласились открыто позволить всему войску противника свободно отступить. Вместе с тем Демосфен и его акарнанские товарищи заключили с Менедаем тайное соглашение, по которому предоставили мантинейцам, Менедаю и другим военачальникам и важным лицам возможность немедленно уйти. Демосфен и акарнаны сделали это отчасти потому, что хотели оставить без защиты ампракиотов и их наемников,[2] но в особенности для того, чтобы опорочить лакедемонян и пелопоннесцев в глазах тамошних эллинов, выставив их своекорыстными предателями. (3) Так пелопоннесцы, подобрав своих покойников, стали поспешно хоронить их как пришлось; те же, кому было разрешено уйти, начали тайно готовиться к отступлению.

110. Между тем Демосфен и акарнаны получили известие, что ампракиоты, вызванные из города Ампракии на помощь, со всеми своими силами идут на соединение с войском в Ольпах через Амфилохию, еще ничего не зная о последних событиях. (2) Поэтому Демосфен немедленно отправил часть войска устроить засады на дорогах и занять стратегически важные пункты, а сам с остальным отрядом тем временем готовился прийти на помощь.

111. Тем временем мантинейцы и другие пелопоннесцы, получив разрешение на выход, одни за другими, маленькими группами, тайком стали покидать город. По дороге они собирали хворост и зелень, за которыми они, по их словам, будто бы и вышли. Отойдя на значительное расстояние от Ольпы, они, однако, ускорили шаг. (2) Когда же ампракиоты и другие, которые вышли вместе с ними, заметили уход пелопоннесцев, то бегом кинулись догонять беглецов. (3) Акарнаны, думая сначала, что все неприятели отступают без разрешения, начали преследовать отступающих.[1] Когда некоторые военачальники пытались удержать их, объясняя, как обстоит дело в действительности, то какой-то воин, заподозрив измену, метнул в них даже свой дротик. В конце концов акарнаны поняли приказ военачальников и позволили мантинейцам и пелопоннесцам уйти, но зато стали убивать ампракиотов. При этом, конечно, воины спорили, не зная точно, кто ампракиот, а кто пелопоннесец. Ампракиотов было перебито около 200 человек. Пелопоннесцам же удалось спастись в соседнюю Агрейскую область,[2] где их принял царь Салинфий, бывший с ними в дружеских отношениях.

112. Между тем ампракиоты из города Ампракии прибыли к Идомене.[1] Идомена представляет собой два высоких холма. Больший из них был незаметно занят под покровом ночи отрядом Демосфена, посланным вперед. Меньший же уже раньше заняли ампракиоты и провели там ночь. (2) После обеда, под вечер, Демосфен выступил с остальным от-

рядом (причем половину отряда он сам вел к проходу между горами, другая же половина шла через амфилохские горы). (3) На рассвете Демосфен атаковал ампракиотов, которые еще спали и настолько ничего не подозревали, что даже приняли воинов Демосфена за своих. (4) Действительно, Демосфен нарочно поместил мессенцев в первых рядах и приказал им приветствовать врагов на своем дорийском диалекте[2] (чтобы внушить доверие часовым), тем более что по виду их в темноте нельзя было отличить. (5) Так Демосфен атаковал врагов, и его воины обратили их в бегство и многих перебили. Остальные бросились искать спасения в горах. (6) Однако горные проходы уже были заняты противником. К тому же амфилохи, при их знании местности и будучи легковооруженными, имели перевес над вражескими гоплитами. Так ампракиоты, не зная, куда идти, попадали в овраги и засады и, блуждая по неизвестной местности, погибали. (7) Они пробовали спастись всеми средствами; иные бежали даже к морю, которое было недалеко. Увидя аттическую эскадру, крейсировавшую вдоль побережья в самый момент битвы, они в смертельном страхе бросились вплавь к кораблям, предпочитая, если придется, пасть под ударами афинских воинов с кораблей, чем погибнуть от руки варваров-амфилохов, своих злейших врагов. (8) Так ампракиоты были почти совершенно уничтожены, и лишь немногим удалось спастись в свой город. Акарнаны же сняли доспехи с павших врагов, поставили трофей и возвратились в Аргос.

113. На следующий день к акарнанам прибыл глашатай от остатка войска ампракиотов, бежавшего к агреям из Ольпы, с просьбой о выдаче тел своих воинов, павших после первой битвы,[1] когда они пытались уйти с мантинейцами и другими, получившими по договору разрешение отступить. (2) Увидев оружие и доспехи ампракиотов из города, глашатай подивился, что их так много. Ведь он ничего не знал еще о поражении[2] и полагал, что это оружие и доспехи воинов его отряда, павших при отступлении от Ольпы. (3) Кто-то, думая, что глашатай пришел из отряда ампракиотов, разбитого при Идомене, задал ему вопрос: почему он так удивлен и сколько, по его мнению, погибло людей из его отряда? На это глашатай ответил: «Около двухсот». Спросивший возразил: (4) «Нет, как видно, это оружие и доспехи не двухсот воинов, а более чем тысячи». Глашатай же ответил ему: «Тогда это оружие не тех, которые сражались вместе с нами». «Именно тех, — сказал собеседник, — если только вы вчера сражались при Идомене». «Но вчера ведь мы вообще не сражались, — сказал глашатай, — это было позавчера при отступлении». — «А мы вчера, — сказал собеседник, — сражались, насколько я знаю, с теми, кто шел на помощь вам из Ампракии». (5) Услышав эти слова, глашатай понял, что и вспомогательное войско из города уничтожено врагом. Ошеломленный этой вестью, он тяжко застонал и тотчас же ушел ни с чем и даже не попросив выдать тела павших для погребения. (6) И действительно, во всю войну[3] никакому другому эллинскому городу за столь короткий срок не пришлось испытать столь великое несчастье. Число павших я не привожу, потому что сведения

о потерях могут показаться невероятными по сравнению с величиной города. Однако я уверен, что, последовав совету Демосфена и афинян захватить Ампракию, акарнаны и амфилохи могли бы взять ее с первого приступа. Однако акарнаны опасались, что афиняне, захватив город, будут еще более опасными соседями, чем ампракиоты.[4]

114. Затем, отдав третью часть вражеских доспехов афинянам, акарнаны разделили остальные доспехи по своим городам. Впрочем, доля добычи афинян была отнята во время плавания. А то, что теперь выставлено из нее в аттических храмах — это часть, выделенная Демосфену, которую он сам привез на кораблях в Афины — 300 комплектов полного вооружения гоплитов. Ведь после этих успехов Демосфен мог безбоязненно возвратиться в Афины, несмотря на неудачу в Этолии.[1] (2) Между тем афинская эскадра в составе 20 кораблей отплыла в Навпакт. Акарнаны же и амфилохи после ухода афинян и Демосфена[2] заключили договор с бежавшими к Салинфию[3] и агреям ампракиотами и пелопоннесцами о свободном выходе из Эниад, куда те перешли от Салинфия.[4] (3) На будущее время акарнаны и амфилохи заключили между собой мирный договор и союз на сто лет на следующих условиях: ни ампракиоты с акарнанами не должны воевать против пелопоннесцев, ни акарнаны с ампракиотами — против афинян; обе стороны должны помогать друг другу против вражеских нападений. Ампракиоты обязуются выдать все находящиеся в их руках владения, занятые во время войны, и заложников и не поддерживать враждебный акарнанам Анакторий.[5] (4) Этим соглашением противники закончили войну. После этого коринфяне отправили в Ампракию[6] гарнизон численностью в 300 гоплитов под начальством Ксеноклида,[7] сына Евфикла, который прибыл туда после тяжелого перехода по суше. Таковы были события в Ампракии.[8]

115. Между тем афиняне в Сицилии[1] той же зимой[2] высадили десант с кораблей в Гимерской области[3] одновременно с сикулами, которые напали с суши на самую отдаленную от моря часть этой области. Афиняне также отправили морскую экспедицию на Эоловы острова.[4] (3) По возвращении в Регий афиняне застали там Пифодора,[5] сына Исолоха, афинского стратега, который заменил Лахета[6] в должности командующего флотом. (3) Это было связано с тем, что союзники афинян в Сицилии[7] послали в Афины корабль с просьбой прислать на помощь более сильную эскадру. Их область была занята сиракузянами, которые отрезали их от моря несколькими кораблями. Поэтому союзники, не желая дольше терпеть такое положение, готовились собрать свой флот. (4) Афиняне решили оснастить 40 кораблей и послать их на помощь, отчасти в надежде скорее закончить там войну, отчасти же путем боевых упражнений проверить боеспособность своего флота. (5) Итак, они отправили одного из стратегов — Пифодора — с несколькими кораблями, намереваясь впоследствии послать Софокла,[8] сына Состратида, и Евримедонта, сына Фукла, с более сильной эскадрой. (6) Пифолор, сменивший Лахета на посту командующего флотом, отплыл в конце зимы, чтобы выступить против укрепления локров, которое ра-

нее захватил Лахет. Однако после неудачной битвы с локрами Пифодору пришлось отступить.

116. В самом начале этой весны огненный поток излился с Этны (самой высокой горы в Сицилии), что бывало и прежде, и опустошил часть области катанцев, обитающих под горой. (2) Последнее извержение, как говорят, произошло 50 лет назад. Со времени первого поселения эллинов в Сицилии было всего три извержения. (3) Таковы были события этой зимы. Так окончился шестой год этой войны, которую описал Фукидид.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. На следующее лето, как только начали колоситься хлеба,[1] 10 сиракузских кораблей и столько же локрийских по приглашению самих мессенцев отплыли в сицилийскую Мессену и захватили город; так Мессена отпала от афинян.[2] (2) Сиракузяне овладели Мессеной главным образом потому, что считали этот город ключевым пунктом для высадки там афинян и нападения на Сицилию. Их тревожило, что афиняне, устроив там базу для военных операций против Сиракуз, смогут рано или поздно напасть на них на их же собственной земле с большими боевыми силами. Локры же приняли участие в походе из вражды к регийцам, чтобы выступить против них на море и на суше. (3) В то же самое время локры со всем своим войском вторглись в землю регийцев, чтобы помешать им оказать помощь мессенцам. Вместе с тем локров побуждали ко вторжению также и находившиеся у них регийские изгнанники. В Регии уже давно бушевали междоусобные распри, и в этих условиях город не мог дать отпор локрам: поэтому-то локры особенно стремились теперь захватить город. (4) Опустошив регийскую область, локры увели свое сухопутное войско, корабли же их остались стеречь осажденную с моря Мессену. Снаряжались и другие корабли, которые должны были бросить якорь там же, чтобы оттуда вести военные действия.

2. Примерно в то же время, весной, когда хлеба на полях еще не созрели,[1] пелопоннесцы и союзники совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Агисом, сыном Архидама. Разбив лагерь, они принялись опустошать землю. (2) Между тем афиняне снарядили и отправили[2] в Сицилию эскадру в 40 кораблей под начальством двух остававшихся в Афинах командиров — Евримедонта и Софокла (третий военачальник — Пифодор — уже раньше прибыл в Сицилию).[3] (3) Военачальникам было приказано, проходя мимо Керкиры, позаботиться о керкирянах, находившихся в городе, которые страдали от набегов изгнанников, укрепившихся на горе Истоне. Еще раньше пелопоннесцы послали туда 60 кораблей на помощь находившимся на горе изгнанникам

в надежде легко овладеть городом, потому что там был сильный голод. Демосфену же (который по возвращении из Акарнании жил как частное лицо, не выполняя никакой государственной должности) [4] афиняне по его просьбе разрешили, если он пожелает, воспользоваться этими сорока кораблями для военных операций в пелопоннесских водах.

3. Когда афиняне, плывя вдоль лаконских берегов, узнали, что пелопоннесская эскадра уже в Керкире, то Евримедонт и Софокл решили поспешить на Керкиру. Демосфен же предложил высадиться сначала у Пилоса [1] и, совершив все, чего потребуют обстоятельства, затем уже плыть к Керкире. Другие военачальники возражали, но тут поднялась буря, и корабли были отнесены к Пилосу. (2) Демосфен тотчас же предложил укрепить это место (ведь именно ради этого он и прибыл вместе с ними). При этом он указывал на то, что здесь очень много камней и леса, да и сама эта местность представляет природную крепость (и к тому же она не защищена и необитаема на большом протяжении). Действительно, Пилос находится в земле, ранее бывшей мессенской, приблизительно в 400 стадиях от Спарты, и лакедемоняне называют эту землю Корифасием. (3) Демосфену возражали, что в Пелопоннесе найдется еще много пустынных мысов, чтобы вводить государство в расходы, если кому-нибудь это желательно. Однако это место представлялось Демосфену стратегически особенно важным и наиболее подходившим для его цели: здесь была гавань, и мессенцы, которые издревле жили в Пилосе [2] и говорили на одном наречии с лакедемонянами, опираясь на Пилос, могли бы причинить очень много вреда лакедемонянам и вместе с тем надежно охранять эту местность.

4. Демосфену, однако, не удалось убедить ни военачальников, ни воинов; позднее он сообщил свой план и таксиархам.[1] Задержанные непогодой, воины были вынуждены бездействовать, пока им самим не пришла охота, расположившись вокруг, завершить укрепление местности. (2) Воины усердно взялись за работу, и так как у них под руками не было никаких железных каменотесных орудий, то приходилось тщательно отбирать камни, подгоняя друг к другу отдельные подходящие куски. Для доставки глины воины за неимением носилок были вынуждены переносить ее на спине, нагнувшись и поддерживая куски глины обеими руками, чтобы глина не сползала. Воины всячески спешили закончить укрепление мест, наиболее уязвимых для атаки, прежде чем успеют подойти лакедемоняне. Правда, это по большей части неприступное от природы место почти не нуждалось ни в каких стенах.

5. Лакедемоняне, которые как раз справляли какой-то праздник, узнав о высадке афинян в Пилосе, первоначально не придали этому обстоятельству никакого значения. Они полагали, что стоит им только появиться с войском у Пилоса, как афиняне не устоят либо они сами легко силой захватят Пилос. В какой-то мере лакедемоняне задерживались также и потому, что часть их войска все еще стояла в Аттике у Афин.[1] (2) Между тем афиняне, укрепив за шесть дней [2] местность со стороны суши (и там, где в этом была наибольшая необходимость),

оставили в Пилосе Демосфена с 5 кораблями для охраны, и с большей частью эскадры быстро взяли курс на Керкиру и Сицилию.[3]

6. Когда пелопоннесцы, стоявшие в Аттике, узнали о занятии Пилоса, они поспешно возвратились домой. Царь Агис и лакедемоняне усматривали в пилосских событиях непосредственную опасность для своей страны. В то же время бóльшая часть их войска в Аттике страдала от недостатка съестных припасов (ведь они рано[1] вторглись в Аттику, когда хлеб на полях еще не созрел) и от погоды, необычайно суровой для этого времени. (2) Таким образом, в силу различных причин лакедемонянам пришлось очень скоро покинуть Аттику, и этот набег оказался самым кратковременным. Действительно, неприятель оставался в Аттике всего лишь 15 дней.

7. Около этого времени афинский военачальник Симонид[1] собрал небольшой отряд из воинов афинских гарнизонов и из союзников и, воспользовавшись содействием изменников, овладел Эйоном,[2] враждебной афинянам мендейской колонией[3] на фракийском побережье, но был выбит из города подоспевшими халкидянами и боттиеями,[4] потеряв при этом большое количество людей.

8. После ухода пелопоннесцев из Аттики сами спартиаты вместе с жившими в окрестностях города периэками[1] тотчас же выступили на помощь Пилосу; выступление остальных лакедемонян было замедлено тем, что они только что возвратились из другого похода. (2) По всему Пелопоннесу был объявлен приказ союзникам как можно скорее идти к Пилосу. Кроме того, призывались на помощь 60 кораблей, стоявших у Керкиры.[2] Корабли были перетащены через перешеек[3] у Левкады и, не замеченные афинской эскадрой, стоявшей у Закинфа,[4] прибыли к Пилосу, куда собралось уже и сухопутное войско. (3) Когда пелопоннесские корабли были еще на пути к Пилосу, Демосфен уже заранее отправил два корабля к Евримедонту и афинской эскадре у Закинфа[5] с приказанием немедленно выйти на помощь ввиду опасного положения у Пилоса. (4) Афинская эскадра быстро отплыла по приказу Демосфена. Между тем лакедемоняне стали готовиться к атаке укреплений Пилоса с суши и с моря. Они рассчитывали, что эти наспех построенные оборонительные сооружения, защищаемые лишь горстью людей, можно будет легко взять. (5) Кроме того, в ожидании прибытия афинской эскадры из Закинфа лакедемоняне намеревались запереть входы в гавань (в случае, если не удастся раньше взять Пилос), чтобы афинские корабли не смогли бросить там якорь. (6) Ведь находящийся вблизи от Пилоса остров под названием Сфактерия,[6] протянувшийся вдоль побережья, защищает гавань[7] и суживает входы в нее: через один вход со стороны Пилоса и афинских укреплений одновременно могли пройти только два корабля, а через противоположный — со стороны материка — не более восьми или девяти кораблей. Остров, длиной около 15 стадий, был необитаем, покрыт лесом[8] и непроходим. (7) Итак, лакедемоняне хотели запереть проходы в гавань посредством кораблей, обращенных носами вперед, и стояли вплотную друг к другу.[9] Опасаясь, что афиняне пред-

примут с острова против них какие-либо враждебные действия, лакедемоняне высадили на него гоплитов[10] и расставили отряды других воинов по побережью. (8) Таким образом они думали обеспечить защиту как острова, так и материка, поскольку высадка станет невозможной. Ведь обращенная к открытому морю часть побережья самого Пилоса (вне входа в гавань) непригодна для стоянки кораблей и поэтому, как полагали лакедемоняне, афинянам нигде не удастся высадиться на сушу, чтобы оказать помощь своим. Напротив, сами лакедемоняне смогут захватить этот слабо защищенный и плохо снабжаемый продовольствием пункт, не вступая в опасную морскую битву. (9) Согласно этому плану, лакедемоняне стали переправлять на остров своих гоплитов, выбирая их по жребию из всех отрядов своего войска.[11] Правда, уже и раньше на остров высаживались посменно и другие воины. Последними же переправились туда 420 человек, которые вместе с сопровождавшими их илотами были оставлены на острове. Во главе их стоял Эпитад, сын Молобра.

9. Между тем Демосфен, предвидя одновременную атаку с моря и с суши, стал также принимать свои меры. Оставшиеся у него еще три триеры[1] он приказал вытащить на берег и поставить вплотную под стенами, окружив палисадом. Людей с этих триер он вооружил весьма непрочными щитами (большей частью ивовыми). Ведь в этом пустынном месте нельзя было достать щитов, и эти щиты Демосфен получил с только что прибывшего мессенского тридцативесельного пиратского судна. На борту этого корабля находилось около 40 мессенских гоплитов; их Демосфен присоединил к остальным своим воинам. (2) Большинство своих людей, как не располагавших полным вооружением,[2] так и тяжеловооруженных,[3] он расставил в самых укрепленных и надежных местах на материковой стороне, приказав отражать вражеских пехотинцев, если те начнут атаку. Сам же, выбрав из своих людей 60 гоплитов и горстку лучников, занял позицию за стенами на побережье,[4] где, по его расчетам, неприятель скорее всего произведет высадку. Правда, место это было труднодоступное и скалистое, круто обрывавшееся к морю. Однако укрепления тут были самые слабые, что могло соблазнить врага на нападение именно в этом пункте. (3) Афиняне считали ненужным строить в этом месте более мощную стену, при своем превосходстве на море. Поэтому Демосфен полагал, что неприятель, высадившись здесь, сможет сразу же овладеть этой частью. Поэтому, чтобы помешать высадке, Демосфен занял позицию со своими гоплитами на побережье и затем обратился к ним с такими словами.

10. «Воины, отважно разделившие со мной опасность! Пусть никто из вас не стремится в настоящий тяжелый момент выказать свою рассудительность, тщательно взвешивая окружающие нас угрозы. Лучше без долгих размышлений идти на врага в твердой уверенности, что и на этот раз победа будет за нами. Там, где выбора нет, как у нас здесь, нет места и для долгих колебаний, ибо нужна быстрота и риск. (2) Я убежден, что обстоятельства вполне благоприятны для нас, если только мы будем стойко держаться и не потеряем наших преимуществ, испугав-

шись множества врагов. (3) Ведь эта наша позиция очень выгодна и даст нам большие преимущества, если только мы проявим твердость. Напротив, если мы отступим, то наша неприступная крепость станет легкоодолимой, и враги будут тем опаснее для нас, что отступать им под нашим натиском будет нелегко. Пока враги еще на кораблях, их легче удержать на расстоянии, но как только они высадятся, то будут с нами в равном положении. (4) Даже численность врага не должна нас чрезмерно устрашать. Сколько бы ни было врагов, им из-за затруднительности высадки придется вступить в сражение с нами небольшими отрядами. Ведь речь идет не о битве на суше, где численность врага при прочих равных условиях имеет решающее значение, но о высадке с кораблей, когда многое зависит от ветра и погоды. (5) Поэтому я и думаю, что трудности, с которыми неприятель встретится в сражении с нами, совершенно уравновесят нашу малочисленность. Но, кроме того, вам, афиняне (я убежден в этом), из опыта известно, какая неразрешимая задача высадка с кораблей пред лицом врага, если он стойко сопротивляется и не отступает, не опасаясь ни силы прибоя, ни грозного натиска кораблей. Итак, я ожидаю, что вы и теперь будете держаться твердо и примете битву у прибрежных скал. Тогда вы и сами спасетесь и сохраните эту землю».

11. После этой краткой речи Демосфена афиняне, еще более воодушевившись, спустились к морю и заняли позицию у самого моря. (2) Лакедемоняне же начали штурм афинских укреплений одновременно с суши и с моря.[1] Во главе их эскадры из 43 кораблей стоял спартиат Фрасимелид,[2] сын Кратесикла. Он и произвел затем нападение именно в том месте, где его ожидал Демосфен. (3) Афиняне стойко выдерживали атаки противника с обеих сторон. Поскольку большое количество кораблей одновременно не могло принимать участие в высадке, то спартанцам пришлось разделить свою эскадру на небольшие отряды и пытаться произвести высадку очередями. Спартанцы выказывали при этом величайшую храбрость и воодушевление, криками побуждая друг друга к захвату укрепления стремительным натиском. (4) Среди прочих особенно отличился Брасид, который сам командовал триерой. Замечая, что другие триерархи или кормчие из-за трудности высадки (там, где она во всяком случае еще казалась возможной), опасаясь за целость своих кораблей, не хотели идти вперед, он убеждал их, крича зычным голосом, что стыдно им ради сохранения нескольких досок позволять врагу возводить укрепление на их земле, что они должны произвести высадку, хотя бы ценой разбитых кораблей. Союзникам же Брасид приказывал за все великие благодеяния лакедемонян принести в жертву их корабли и, причалив к берегу, любой ценой осуществить высадку, во что бы то ни стало одолеть врага и захватить укрепление.

12. Воодушевляя таким образом других, Брасид велел кормчему своего корабля причалить к берегу. Он вступил на сходни, но при попытке сойти на берег был силой оттеснен афинянами и израненный упал без сознания на носу корабля. При этом его щит соскользнул за борт (потом

щит прибило волной к берегу, и афиняне сохранили его для трофея, воздвигнутого в память этой битвы на берегу). (2) Остальные лакедемоняне не оставляли попыток пристать к берегу, но высадка оказалась невозможной из-за недоступности места и упорного сопротивления афинян, не отступавших ни на шаг. (3) И обстоятельства сложились столь удивительным образом, что афинянам пришлось на суше и к тому же в Лаконии сражаться против лакедемонских кораблей, а лакедемонянам высаживаться с кораблей на свою собственную землю, попавшую в руки врага. А ведь в то время слава лакедемонян в значительной степени основывалась на том, что они, как по преимуществу материковые жители, считались самыми храбрыми сухопутными воинами, а афиняне как мореходы обладали самым мощным флотом в Элладе.

13. Итак, весь этот день и даже часть следующего лакедемоняне продолжали свои попытки высадиться на берег, но затем вынуждены были их прекратить. На третий день они отправили несколько кораблей вдоль побережья в Асину[1] за бревнами для военных машин.[2] С помощью этих машин они надеялись овладеть участком укрепления со стороны гавани, где хотя стена была высокой, но зато сама высадка — легче. (2) Между тем из Закинфа прибыли на помощь афинские корабли.[3] Теперь их было 40,[4] так как эскадра усилилась несколькими сторожевыми кораблями из Навпакта[5] и четырьмя хиосскими. (3) Увидев, что побережье и остров заняты гоплитами и неприятельские корабли спокойно стоят в гавани, афинские капитаны, не найдя места для высадки, в недоумении направились к близлежащему пустынному острову Проте.[6] Там они и провели ночь в открытом море. На следующий день афинская эскадра в боевой готовности намеревалась дать бой врагу в открытом море, если тот захочет принять его, а если нет, то самим атаковать неприятеля в гавани. (4) Однако лакедемоняне не вышли в море и даже не заперли входов в гавань, как намеревались, но спокойно оснащали корабли на берегу, чтобы в случае нападения врага принять бой в просторной гавани.

14. Заметив это, афиняне проникли в гавань через оба входа, напали на вражеские корабли, большинство которых было уже спущено в боевой готовности, и обратили их в бегство. Преследуя противника на близком расстоянии, они повредили многие корабли, а пять захватили в плен, один вместе с командой. Остальные корабли, нашедшие убежище у берега, афиняне также атаковали. Нескольким кораблям, только что принявшим команду, они пробили борта, прежде чем те успели выйти в море. Экипажи других кораблей бежали, и афиняне захватили эти пустые суда и повели их на буксире. (2) Лакедемоняне, видя это, удрученные бедствием и особенно тем, что их люди на острове были отрезаны, поспешили на помощь. Бросаясь в море в полном вооружении, они хватались за борта кораблей и тянули их к берегу. В этой обстановке каждый полагал, что без его помощи дело не двинется. (3) Поднялось великое смятение возле кораблей еще и потому, что сражающимся пришлось заимствовать боевую тактику противной стороны: лакедемоняне

с напряжением всех сил сражались, можно сказать, в морской битве с суши, тогда как афиняне, воодушевленно стремясь довершить свой успех, вели сухопутный бой с кораблей. (4) После тяжелой кровопролитной борьбы противники разошлись. Лакедемонянам удалось спасти свои корабли без экипажей, кроме тех, которые были захвачены вначале, и затем обе стороны заняли прежние позиции. (5) Афиняне поставили трофей, выдали тела павших и собрали обломки кораблей. Затем они тотчас же послали корабли вокруг острова вести наблюдение за находившимся там отрядом, который теперь был отрезан от войска. Пелопоннесцы на материке и прибывшие к ним на помощь отряды всех союзных городов оставались на месте у Пилоса.

15. Когда весть о событиях в Пилосе пришла в Спарту, лакедемоняне поняли, что их постигло страшное бедствие, и решили немедленно отправить на побережье к войску высших должностных лиц,[1] чтобы выяснить положение на месте и принять нужные меры. (2) Убедившись, что освободить людей на острове невозможно, и не желая, чтобы они погибли от голода или попали в плен, сражаясь с подавляющими силами противника, лакедемоняне решили заключить перемирие[2] с афинскими военачальниками, а затем отправить послов в Афины для мирных переговоров и попытаться как можно скорее освободить своих людей.

16. Афинские военачальники приняли предложение, и перемирие было заключено на следующих условиях. Лакедемоняне должны выдать свои корабли под Пилосом, а также и все остальные военные корабли в Лаконии, самим привести их в Пилос и не нападать на афинское укрепление в Пилосе ни с моря, ни с суши. Афиняне же позволяли лакедемонянам доставить с материка их людям на острове съестные припасы в установленном количестве, а именно печеный хлеб, 2 аттических хойника ячменной муки и 2 котилы вина на человека (а на слугу — в половинном количестве) и, кроме того, немного мяса. Доставлять это продовольствие было можно, однако, лишь на глазах у афинян, и тайно ни один корабль не должен был подходить к острову. Афинянам позволялось охранять остров не менее строго, чем раньше, но ни в коем случае не высаживаться там и не начинать враждебных действий против пелопоннесцев на суше и на море. (2) При всяком, даже малейшем нарушении этих условий сторонами перемирие прекращается. Перемирие остается в силе до возвращения из Афин лакедемонских послов, которых афиняне обязаны доставить туда и назад на своей триере. По возвращении послов перемирие кончается, и афиняне должны возвратить лакедемонянам их корабли в том состоянии, в каком они их получили. (3) По заключении перемирия на этих условиях было выдано афинянам около 60 кораблей, и послы отправились в Афины. Прибыв туда, они держали такую речь.

17. «Афиняне! Послали нас лакедемоняне для переговоров о наших людях на острове, чтобы по возможности прийти к соглашению, приемлемому и для вас и, вместе с тем, дающему нам возможность наилучшим образом соблюсти нашу честь после проигранной битвы. (2) Если

при этом мы будем говорить пространно, то не нарушим этим нашего обычая выражаться кратко там, где многословие излишне. Будь краток там, где нет нужды в речах долгих. Но мы не чуждаемся и длинных речей, если обстоятельства требуют разъяснить что-нибудь необходимое для дела. (3) Не принимайте наших слов враждебно и в том смысле, что мы, сомневаясь в вашем благоразумии, собираемся поучать вас. Будьте уверены, что мы обращаемся к вам как к людям, умеющим правильно рассуждать, лишь с призывом принять правильное решение. (4) Ведь вы — в счастливом положении: вы можете по благосклонности судьбы сохранить свои владения и приобрести еще почет и славу, избежав при этом ошибки людей, которым неожиданно выпала удача. Ведь такие люди всегда мечтают о большем именно потому, что это счастье для них неожиданность. (5) А у тех, кому приходилось испытывать изменчивость судьбы, меньше всего оснований доверять прочности достигнутого успеха. Вы это должны, естественно, знать по опыту, а нам и подавно приходится об этом помнить сейчас.

18. Примите же решение с оглядкой на наше теперешнее несчастье. Мы, которые пользовались величайшим уважением эллинов и до сих пор считали, что от нас зависит удовлетворение чужих просьб о мире, теперь пришли просить вас именно об этом. (2) Неудача постигла нас не оттого, что мы лишились военной силы или, наоборот, злоупотребили ее мощью, но потому, что в обычных обстоятельствах ошиблись в расчете на эту мощь. Подобное может случиться со всяким. (3) Поэтому и вам не следует, полагаясь на теперешнее могущество вашего города и союза, рассчитывать на постоянную благосклонность судьбы. (4) Разумные люди — это те, кто не слишком доверяет счастью, но зато и в беде не теряет голову, понимая, что ход войны не зависит от их воли, но от велений рока. Такие люди меньше всего страдают от бедствий, потому что успехи не делают их заносчивыми, и они именно в счастливых обстоятельствах склонны к примирению. (5) Итак, заключить теперь соглашение с нами для вас, афиняне, почетно, чтобы впоследствии ваши победы не приписали случаю (если вы отвергнете наши условия и вас постигнет неудача, что всегда возможно). Приняв же наши предложения, вы можете, ничем не рискуя, оставить потомству уважение к вашему могуществу и доброе мнение о вашем благоразумии.

19. Лакедемоняне приглашают вас заключить перемирие и кончить войну. Они предлагают мир, союз и возобновление дружественных отношений и взаимных услуг. Взамен они требуют от вас свободы для своих граждан, находящихся на острове. По их мнению, для обеих сторон лучше не идти на риск — смогут ли люди на острове пробиться силой, если их спасет какой-нибудь случай, или после захвата острова попадут в руки врага. (2) Мы, лакедемоняне, убеждены, что великую вражду можно окончательно уладить, не вынуждая врага после победы принять несправедливый мир, который будет гораздо прочнее, если победитель поступит справедливо и благородно, предложив врагу сверх ожидания наиболее умеренные условия. (3) Ведь когда противнику не

нужно будет мстить за причиненный позор, он и со всей стороны выкажет благородство и из совестливости проявит больше воли к сохранению мира. (4) И люди более склонны так поддерживать добрые отношения в случае серьезных противоречий, чем когда речь идет о мелочах. И если противник добровольно уступает, то и они в свою очередь с радостью готовы к уступкам, но в ответ на вызывающее высокомерие способны бросаться в бой даже вопреки здравому смыслу.

20. Если вообще нашим городам когда-либо надо примириться, то сделать это следует именно теперь, пока не случится что-либо непоправимое, что сделает нас навсегда не только врагами вашего города, но и личными вашими врагами, вы же лишитесь тех преимуществ, которые мы предлагаем теперь. (2) Пока исход войны еще неясен, вы можете одновременно приобрести себе славу и нашу дружбу, а мы, достигнув соглашения, можем без тяжких жертв избежать позора.[1] Давайте же отныне сами жить в мире друг с другом и положим конец бедствиям всех остальных эллинов. А эллины именно вам поставят это в заслугу. Ведь они воюют, не имея ясного представления, кто же из нас собственно начал войну, и если теперь война закончится (а это в значительной степени зависит от вас), то они будут вам благодарны. (3) Так вот, если вы согласитесь на мир, то обеспечите себе прочную дружбу лакедемонян, которую они добровольно предлагают вам, не насилием, а дружественностью. (4) Подумайте о выгодах, которые оба наши города безусловно получат от этого. Ведь если мы вместе будем высказывать общее мнение, то можете быть уверены, что остальная Эллада, которая гораздо слабее нас, будет с величайшим уважением относиться к нему».

21. Так говорили лакедемоняне, будучи уверены, что афиняне уже давно желают мира,[1] и только потому, что сами они не соглашались на мир, дело не дошло до этого; и если теперь они предложат афинянам мир, то те с радостью согласятся и возвратят их людей на острове Сфактерии. (2) Афиняне же, напротив, считали, что именно теперь, когда лакедемоняне на острове в их руках, мир им обеспечен по желанию в любой момент, и требовали гораздо большего. (3) Особенно подстрекал к этому Клеон, сын Клеенета, в то время наиболее влиятельный народный вождь.[2] Он-то и посоветовал народу заставить лакедемонян на острове сложить оружие и сдаться и привезти их в Афины; а затем пусть лакедемоняне выдадут Нисею, Пеги, Трезен и Ахаию,[3] которые они приобрели не силой оружия, а согласно прежнему мирному договору,[4] когда афиняне находились в стесненных обстоятельствах и нуждались в мире. Только на этих условиях следовало возвратить спартанцам их воинов, находившихся на острове, и заключить мир на срок, какой сочтут необходимым обе стороны.

22. В ответ на эти требования лакедемоняне ничего не возразили, но предложили афинянам выбрать уполномоченных, чтобы спокойно обсудить дело и договориться по отдельным пунктам. (2) Тогда Клеон яростно набросился на послов, объявив, что у них, как он уже раньше заметил, нет ничего доброго на уме, а теперь это совершенно ясно, так

как они-де вовсе не желают открыто высказаться в народном собрании, а предпочитают тайные переговоры с немногими. Если бы у них были добрые намерения, то им следовало бы выступать только перед всем собранием. (3) Лакедемонские послы поняли, что это предложение выступить в народном собрании не в их интересах, ибо, вынужденные после поражения пойти на некоторые уступки, они опасались, что эти уступки не достигнут цели и вызовут только нарекания союзников, афиняне же ни в коем случае не согласятся на приемлемые условия. Поэтому послы, не договорившись, уехали из Афин.

23. По возвращении послов перемирие в Пилосе тотчас же кончилось, и лакедемоняне стали требовать, согласно договору, возврата своих кораблей. Но афиняне, жалуясь на вероломные атаки на их укрепления и на другие, видимо, мелкие нарушения договора, не выдавали кораблей и при этом настаивали на точном соблюдении договора, по которому последний даже в случае самых незначительных нарушений терял силу.[1] Лакедемоняне, однако, не желали признавать этого: они объявили захват кораблей бесчестным и, удалившись, вновь приступили к враждебным действиям. (2) Итак, обе стороны со всей энергией возобновили войну у Пилоса. Днем афиняне постоянно плавали вокруг острова на двух кораблях, идущих друг другу навстречу, ночью же вся афинская эскадра стояла на якоре у острова и только при бурной погоде и ветре с моря корабли держались поодаль. Кроме того, к афинской эскадре для наблюдения за островом присоединилось еще 20 кораблей, так что теперь их было 70. Пелопоннесцы же из своего лагеря на материке совершали вылазки, нападая на афинские укрепления и выжидая удобного случая для того, чтобы освободить своих людей.

24. Между тем в Сицилии сиракузяне и их союзники со своими вновь снаряженными кораблями присоединились к эскадре у Мессены, чтобы начать оттуда военные действия. (2) Особенно подстрекали их к войне враждебные регийцам локры, которые уже со всем своим войском вторглись в регийскую область. (3) Сиракузяне решились попытать счастье в морской битве: они видели, как мало теперь здесь у афинян кораблей, и по доходившим сведениям, большая афинская эскадра, направлявшаяся в Сицилию, отвлечена осадой острова.[1] (4) В случае победы на море локры надеялись легко овладеть Регием, блокируя его с суши и с моря, и тем самым упрочить свое положение: Регий — самая крайняя оконечность Италии, а Мессена — Сицилии; они расположены близко друг от друга, и в силу этого афинские корабли уже не смогут бросать там якорь и господствовать над проливом. (5) Пролив же этот, у которого расстояние между Сицилией и материком наименьшее, это так называемая Харибда, через которую по преданию проплыл Одиссей на своем корабле.[2] Из-за узости и стремительного течения бурных вод, вливающихся туда из двух больших морей — Тирсенского и Сицилийского — этот пролив справедливо считается опасным.

25. В этом-то проливе сиракузяне и их союзники с эскадрой в составе более 30 кораблей (вынужденные вступить в морской бой из-за одного

корабля, который пытался пройти через пролив) на исходе дня атаковали 16 афинских и 8 регийских кораблей. (2) Побежденные афинянами, сиракузяне немедленно повернули назад, и каждый корабль пытался добраться до своей прежней стоянки — Мессены или Регия. При этом сиракузяне потеряли один корабль. Наступившая ночь прервала сражение. (3) После этого локры покинули регийскую область,[1] а корабли сиракузян и союзников собрались у мыса Пелориды[2] в Мессенской области и бросили там якорь близ лагеря их сухопутного войска. (4) Когда афиняне и регийцы прибыли к мысу и увидели вражеские корабли, экипаж которых сошел на берег, они атаковали их, но при этом сами потеряли один корабль, притянутый железным крюком. Экипажу афинского корабля все же удалось спастись вплавь. (5) Затем сиракузяне вновь сели на корабли и повели их на канатах вдоль берега к Мессене. Тогда афиняне решили вновь напасть на сиракузян, те, внезапно повернув свои корабли в открытое море, первыми атаковали врага, и афиняне потеряли еще один корабль. (6) Таким образом, сиракузяне во время плавания вдоль побережья и в морском бою не только не понесли никакого урона, но даже имели успех и затем благополучно прибыли в мессенскую гавань. (7) Афиняне же, получив известие, что Архий[3] и его сторонники предали Камарину[4] сиракузянам,[5] немедленно отплыли туда. Между тем мессенцы со всем своим войском и кораблями выступили в поход против халкидского Наксоса, пограничного города. (8) В первый же день они вынудили наксосцев укрыться в городе и принялись опустошать их землю, а на следующий день обогнули на кораблях мыс к югу от Наксоса и начали разорять область у реки Акесина,[6] в то время как сухопутное войско штурмовало город. (9) В это время сикулы,[7] спустившись с гор, с большими силами напали на мессенцев. Узнав об этом, наксосцы воспрянули духом. Ободряя друг друга, они говорили, что леонтинцы и прочие союзные эллины уже идут на помощь. Затем, совершив внезапную вылазку из города, они атаковали мессенцев и обратили их в бегство, причем перебили свыше 1000 врагов. Остальные мессенцы с трудностями возвратились домой, так как в пути они подверглись нападению варваров, которые многих убили. (10) Вслед за тем и корабли, прибывшие в Мессену, поодиночке вернулись домой. Леонтинцы же и другие союзники выступили вместе с афинянами в поход на Мессену, не ожидая сильного отпора со стороны мессенцев после их решительного поражения. Союзники с суши напали на город, в то время как афинская эскадра атаковала гавань. (11) Мессенцы же и часть локров, оставшаяся после поражения во главе с Демотелом[8] для охраны города, произвели неожиданную вылазку: они напали на леонтинцев, большую часть их обратили в бегство и многих перебили. Увидев это, афиняне высадили десант с кораблей, бросились на мессенцев и заставили их отступить в город в большом беспорядке. Затем афиняне, поставив трофей, возвратились в Регий. (12) После этого эллины в Сицилии продолжали воевать на суше уже без афинян.[9]

26. Между тем у Пилоса афиняне продолжали осаждать лакедемонян, отрезанных на острове, а пелопоннесское войско на материке оста-

валось на месте.[1] (2) Однако осада острова из-за нехватки продовольствия и пресной воды и для самих афинян была очень мучительной. Ведь там не было источников воды, кроме одного на акрополе в самом Пилосе, да и тот был невелик. Большинство воинов выкапывали ямы в прибрежном песке и пили, понятно, плохую воду. (3) На узкой прибрежной полосе, где афиняне расположились лагерем, было тесно, а у кораблей не было безопасной якорной стоянки, и командам приходилось попеременно добывать продовольствие с материка и затем бросать якорь в открытом море. (4) Однако больше всего афиняне приходили в уныние оттого, что осада, против ожидания, затягивалась: ведь по их расчетам, они должны были уже за несколько дней вынудить врагов, отрезанных на пустынном острове (где им приходилось пить соленую воду), сдаться. (5) Столь долгое сопротивление осажденных объяснялось тем, что лакедемоняне назначили высокую оплату всем, кто доставит на остров муку, вино, сыр или другие необходимые осажденным съестные припасы, а каждому илоту обещали за это свободу. (6) И действительно, некоторым (это были преимущественно илоты) удавалось с опасностью для жизни доставить на остров съестное. Они отправлялись откуда-нибудь из Пелопоннеса и старались подойти к острову с моря под покровом ночи. (7) Обычно они выжидали, чтобы их отнесло попутным ветром к острову. Действительно, когда ветер дул с моря, легче было ускользнуть от афинских триер, которые не могли в этих условиях обходить остров, илоты же при высадке на остров не щадили своих лодок, лишь бы подплыть к берегу (стоимость их лодок была предварительно учтена). Гоплиты уже ожидали их на месте высадки. А те, кто рисковал высаживаться на острове в тихую погоду, попадали в руки афинян. (8) Из гавани также под водой приплывали к острову водолазы, которые тащили за собой на веревке бурдюки с толченым маком в меду и с льняным семенем. Вначале этих водолазов не замечали, но затем были приняты меры против них. (9) Так обе стороны пускали в ход все средства, одни, чтобы доставить на остров съестные припасы, а другие — воспрепятствовать этому.

27. Когда в Афинах узнали о тяжких лишениях войска под Пилосом и о том, что подвоз съестного на остров продолжается, то народом овладела растерянность и тревога, как бы зимой им не пришлось прекратить блокаду острова. Афиняне понимали, что зимой снабжение войска продовольствием, подвозимым в обход Пелопоннеса, станет невозможным (тем более в такой пустынной местности, куда даже летом они не могли доставлять достаточного количества съестных припасов). Они опасались также, что при отсутствии гаваней у Пилоса правильную блокаду и наблюдение за островом поддерживать будет трудно и осажденные на острове люди, пожалуй, продержатся или же смогут в бурную ночь покинуть остров на тех лодках, которые доставляли им съестное. (2) Однако больше всего афинян беспокоило поведение лакедемонян: они предполагали, что у лакедемонян есть какие-то сильные преимущества, почему те и не делают им больше мирных предложений, и теперь раскаивались, что своевременно не согласились на мир. (3) Когда Клеон узнал, что его

считают противником мирного соглашения,[1] то объявил, что люди, прибывшие из Пилоса, говорят неправду. Однако эти люди настаивали на правдивости своих сообщений и предложили послать уполномоченных для проверки положения дел на месте. Для этой цели и был выбран сам Клеон вместе с Феагеном.[2] (4) Теперь Клеон, понимая, что ему придется либо повторить то же, что говорили обличаемые им во лжи, либо, утверждая обратное, самому оказаться лжецом, дал совет афинянам (среди которых он видел и настроенных воинственно) не посылать уполномоченных для обследования дела и не мешкать, теряя благоприятное время. И если народ считает известие верным, плыть на кораблях к Пилосу, чтобы покончить с врагом. (5) При этом Клеон указал на ненавистного ему Никия, сына Никерата, бывшего тогда стратегом. Упрекая Никия, Клеон говорил, что если бы стратеги были настоящими мужами, то, имея достаточно сил, легко покончили бы с осажденными на острове спартанцами, и что будь он сам стратегом, он быстро справился бы с ними.

28. Так как в народе поднялся ропот против Клеона — если дело кажется ему таким легким, то почему он тотчас же не отплывает, — то Никий, сообразив, что слова Клеона относятся к нему, объявил, что (насколько это зависит от него с товарищами) Клеон может взять сколько угодно кораблей и выступить в поход. (2) Сначала Клеон, предполагая, что Никий лишь на словах готов уступить ему командование под Пилосом,[1] согласился. Когда же понял, что Никий действительно желает передать ему полномочия стратега, то стал отказываться, говоря, что не он является стратегом, а Никий. Теперь Клеон встревожился, ибо раньше он полагал, что Никий не захочет уступить ему свою должность. (3) Тогда Никий повторил предложение Клеону и, призвав афинян в свидетели, отказался от командования под Пилосом. И чем более Клеон уклонялся от похода, отказываясь от своих собственных слов, с тем большим рвением (как это обычно для толпы) афиняне настаивали, чтобы Никий передал свои полномочия Клеону, и кричали, что именно он должен плыть к Пилосу. (4) Наконец, не зная, как ему отказаться от своих слов, Клеон выразил согласие. Он снова выступил перед народом, сказав, что не боится лакедемонян и не возьмет с собою в поход граждан, а только находящихся в городе лемносцев и имбросцев,[2] пелтастов из Эна,[3] а из других мест 400 лучников. С этими силами, объявил Клеон, и с отрядом под Пилосом он в течение 20 дней привезет лакедемонян в Афины живыми или же перебьет их на месте. (5) Хотя легкомысленная похвальба Клеона показалась афинянам несколько смешной, однако само предприятие было по душе даже людям серьезным: афиняне, по их мнению, во всяком случае не окажутся в убытке: либо они избавятся от Клеона (на что они, собственно, и рассчитывали), или (если эти расчеты не оправдаются) лакедемоняне попадут им в подчинение.

29. По окончании прений в народном собрании афиняне голосованием избрали Клеона стратегом в морском походе. Взяв себе в помощники Демосфена, одного из стратегов под Пилосом, Клеон немедленно вышел в море. (2) Демосфена Клеон выбрал помощником, узнав, что тот также

замышляет осуществить высадку на остров. Ведь воины Демосфена, терпя всяческие лишения из-за суровых природных условий местности и недостатка съестного, чувствовали себя немногим лучше осажденных и настоятельно требовали приступить к атаке острова. (3) Решимость выполнить свой план придал Демосфену еще и возникший на острове пожар. Прежде он опасался высадки, так как остров, почти целиком покрытый лесом, был необитаем и совершенно непроходим.[1] В этом Демосфен и усматривал преимущество неприятеля, который был в состоянии нанести урон даже большому отряду, высадившемуся на острове, внезапными нападениями из засад. Ведь лес скрывал от афинян все уязвимые места и тайные приготовления врагов, тогда как все промахи афинян враги тотчас же могли заметить. Поэтому лакедемоняне имели возможность неожиданно атаковать афинян откуда угодно. (4) С другой стороны, Демосфен полагал, что, случись ему вступить в бой в лесной чаще, небольшой неприятельский отряд, хорошо знакомый с местностью, одолеет его более многочисленное войско. Поэтому-то его войско, несмотря на численный перевес, может быть уничтожено в неожиданных столкновениях, тем более что невозможно было бы увидеть, где необходима помощь.

30. Эти тревожные мысли приходили на ум Демосфену особенно после неудачи этолийского похода,[1] обусловленной в значительной степени лесистой местностью, где происходила битва. (2) Его воинам пришлось из предосторожности высадиться на самом краю острова и там, установив сторожевые посты, готовить себе пищу. При этом один афинский воин нечаянно поджег лес на небольшом участке, и когда поднялся ветер, почти весь лес сгорел. (3) Теперь Демосфен мог лучше вести наблюдения за лакедемонянами и убедился, что врагов на острове было гораздо больше, чем он ожидал: до пожара он предполагал, что съестные припасы доставляют на остров значительно меньшему числу людей. Теперь он мог надеяться, что афиняне приложат старания ради более значительного дела, и так как остров оказался более доступным для высадки, то стал готовиться к нападению. Для этого Демосфен собирал помощь от союзников,[2] находившихся поблизости, и делал прочие необходимые приготовления. (4) Между тем Клеон, который ранее известил Демосфена через вестника, что он уже в пути с требуемыми подкреплениями, также прибыл в Пилос. Тотчас же после соединения военачальники послали глашатая в лагерь врагов на материке с требованием приказать людям на острове без кровопролития сложить оружие и сдаться, с тем что их будут содержать под стражей в сносных условиях до заключения мира.

31. Лакедемоняне отвергли эти предложения, афиняне же подождали один день, а на следующий посадили всех своих гоплитов на несколько судов и высадили незадолго до рассвета на обеих сторонах острова (со стороны моря и со стороны гавани) в общем около 800 человек,[1] которые ускоренным маршем двинулись на первый сторожевой пост на острове. (2) Лакедемоняне были расположены на острове следующим образом. Первый сторожевой пост охранялся 30 гоплитами. Центральный пост на

острове, на самом ровном месте около источника,[2] занимали главные силы во главе с Эпитадом, и наконец, небольшой отряд охранял самую крайнюю оконечность острова против Пилоса,[3] которая круто спускается к морю и наименее уязвима для нападения со стороны материка. Здесь к тому же находилась старинная крепость,[4] сложенная из тщательно пригнанных камней, которая, как думали, могла бы оказать какую-то пользу в случае опасности при отступлении. Таково было расположение лакедемонян.

32. Между тем афиняне с ходу атаковали и тотчас уничтожили первый сторожевой пост лакедемонян, когда воины, находясь еще в палатках, не успели взяться за оружие. Лакедемоняне не заметили высадки афинян, так как думали, что афинские корабли лишь, как обычно, возвращаются на ночную стоянку. (2) На заре и все остальное войско, кроме гребцов нижнего ряда, высадилось на остров с 70 или немного большим числом кораблей,[1] с разного рода оружием: всего было 800 лучников, столько же пелтастов, вспомогательные отряды мессенян[2] и все отряды, стоявшие еще под Пилосом, кроме воинов гарнизона, охранявших укрепления. (3) По приказу Демосфена афиняне разделились на отряды по 200 человек и более (а иногда и с меньшим числом воинов) и заняли самые высокие пункты на острове, чтобы неприятель, взятый со всех сторон в кольцо, оказался в безвыходном положении, не зная, против кого обратиться. Если бы враги стали отражать нападение с фронта, то их обстреливали бы с тыла, если же — с одного фланга, то каждый раз подвергались бы обстрелу с другого. (4) Куда бы лакедемоняне ни обратились, всюду в тылу у них должны были оставаться афинские легковооруженные воины. Это были именно те воины, против которых труднее всего было бороться, так как их сила была в том, что они поражали врага издали, стреляя из луков и пращей и бросая дротики. При попытке к ним приблизиться они отходили, получая преимущество, и были еще опаснее, поражая отступающих врагов. Таков был план высадки, задуманный Демосфеном еще раньше, который ныне был приведен в исполнение.

33. Когда Эпитад и его лакедемоняне, составлявшие главную часть спартанского войска на острове, увидели, что враги сломили первый сторожевой пост и идут на них, то сомкнутым строем бросились на афинских гоплитов, чтобы начать рукопашную схватку. Ведь афинские гоплиты стояли как раз против них, а легковооруженные — с фланга и с тыла. (2) Однако вступить в соприкосновение с афинскими гоплитами и использовать свою опытность в искусстве рукопашного боя они не смогли, так как легковооруженные воины теснили их, обстреливая с флангов, тогда как афинские гоплиты стояли спокойно, не двигаясь с места. Там, где легковооруженные слишком наседали на них, лакедемонские гоплиты, правда, заставляли врагов отступить, но те возвращались и возобновляли бой. Ведь эти воины с их легким вооружением без труда ускользали от врага и получали над ним преимущество в этой суровой, необитаемой и трудно проходимой местности, где лакедемоняне в тяжелом вооружении не имели возможности их преследовать.

34. Таким образом, некоторое время обе стороны продолжали издали перестрелку. Но так как лакедемоняне не могли уже столь быстро и энергично, как вначале, отвечать контратакой в тех местах, где они подвергались нападению, то легковооруженные воины, заметив, что сопротивление неприятеля ослабевает, и видя свое численное превосходство над ним, стали действовать увереннее. Они все больше свыкались с самим видом врага, так что он уже не казался им теперь столь грозным: вскоре обнаружилось, что их собственные потери, сверх ожидания, оказались гораздо меньшими. На первых порах при высадке их охватывал ужас при мысли о том, что предстоит сражаться с лакедемонянами; теперь же, почувствовав свое превосходство, они все сразу с громким боевым криком устремились на врагов, осыпая их тем, что у кого было под руками — камнями, стрелами и дротиками. (2) Стремительный натиск, сопровождаемый воинским кличем, привел в смятение врагов, вынужденных сражаться в непривычных условиях. К тому же высоко поднимался огромный столб густого дыма с пеплом от недавно сгоревшего леса. От носившейся в воздухе пыли вместе с градом камней и стрел, пускаемых множеством воинов, невозможно было видеть что-либо перед собой. (3) Положение лакедемонян становилось все более опасным. Их войлочные панцири не защищали от стрел, а дротики обламывались, застревая в них. Лакедемоняне уже не знали, что следует делать, ничего не видя перед собой и не разбирая слов команды из-за громкого крика врагов. Со всех сторон им грозила опасность, и уже не оставалось надежды, даже обороняясь всеми силами, спастись от гибели.

35. Наконец, когда множество воинов уже получило ранения, так как борьба происходила все время на одном и том же узком пространстве, лакедемоняне, сомкнувшись, начали отступать к ближайшему укреплению на самой крайней оконечности острова и к своим постам. (2) Легковооруженные афинские воины, осмелев, стали с громким кличем еще сильнее теснить врагов отступающих и убивать каждого захваченного при отходе лакедемонянина. Большинству лакедемонян все же удалось благополучно достичь укрепления, соединиться с его гарнизоном и занять все наиболее уязвимые пункты. (3) Преследуя лакедемонян, афиняне не могли окружить их вследствие естественной неприступности укрепления и пытались яростной лобовой атакой выбить врага из крепости. (4) Долгое время, почти целый день, противники выдерживали тяготы битвы, страдая от жажды под палящими лучами солнца: одни стремились при этом вытеснить противников с холма, а другие — удержать позицию. Все же лакедемонянам уже было легче защищаться, так как им не грозило нападение с флангов.

36. Таким образом, конца битвы не предвиделось. Тогда военачальник мессенян,[1] обратившись к Клеону и Демосфену, объявил, что их старания одолеть врага напрасны. Если ему дадут отряд лучников и пелтастов, то он сам найдет дорогу, по которой можно зайти в тыл противнику и тогда можно будет взять укрепление штурмом. (2) Получив необходимый отряд, предводитель мессенян, незамеченный врагами, пустился в путь, двигаясь

по возможности вдоль скалистого побережья острова, и незаметно, хотя и с величайшими трудностями, добрался до крутых склонов острова, которые лакедемоняне не охраняли, полагаясь на природную неприступность места. Внезапное появление отряда с тыла на возвышенности горестно поразило защитников и придало смелости афинянам, которые теперь увидели наконец то, чего так долго и напряженно ожидали. (3) Теперь лакедемоняне, обстреливаемые с двух сторон, находились в том же положении, в каком — уподобляя малое великому — были герои Фермопил.[2] Тех перебили персы, обойдя их с тыла по горной тропе. А эта кучка храбрецов, обстреливаемая с обоих флангов многочисленными врагами, обессиленная голодом, была вынуждена прекратить сопротивление и отступила перед превосходящими силами нападающих, и афиняне овладели проходами.

37. Клеон и Демосфен, понимая, что если лакедемоняне хоть на шаг дальше отступят, то будут перебиты, приказали прекратить бой и остановили своих воинов: они желали привезти лакедемонян в Афины живыми, если те признают свое поражение и, уступая неотвратимости, примут предложение сдаться. (2) Поэтому афинские военачальники через глашатая спросили лакедемонян, согласны ли они сложить оружие и сдаться на милость победителей.

38. После этого бóльшая часть лакедемонян опустила щиты на землю и подняла руки в знак того, что принимает предложение. Когда затем было заключено перемирие, Клеон и Демосфен вступили в переговоры от имени афинян, а со стороны лакедемонян Стифон, сын Фарака. Из прежних военачальников лакедемонян первым пал Эпитад, а его заместитель Ипагрет[1] хотя был еще жив, но лежал без сознания среди трупов, а Стифон, по обычаю, был выбран третьим начальником на случай несчастья с первыми двумя. (2) Стифон и сопровождавшие его лица заявили о желании спросить через глашатая находящихся на материке лакедемонян, что им делать. (3) Клеон и Демосфен не позволили никому из лакедемонян покидать остров, но сами вызвали глашатаев. После двух или трех кратких вопросов последний глашатай, приплывший на остров от находящихся на материке лакедемонян, принес решение: «лакедемоняне приказывают вам самим решать свою участь, не теряя чести». Тогда лакедемоняне на острове, обсудив положение, решили сложить оружие и сдаться афинянам. (4) Этот день и следующую ночь афиняне держали своих пленников под стражей на острове. На следующий же день они воздвигли на острове трофей и, сделав все приготовления к отплытию, отдали пленников под стражу триерархам своих военных кораблей. Лакедемоняне же послали глашатая с просьбой разрешить перевезти на материк тела своих павших воинов. (5) Вот численность павших и взятых в плен на острове: из переправившихся на остров 420 лакедемонских гоплитов 292 были доставлены в Афины, остальные погибли. Среди оставшихся в живых было свыше 120 спартиатов. Потери афинян были незначительны. Ведь дело так и не дошло до подлинного сражения.

39. Осада этих людей на острове продолжалась целых 72 дня, считая от морского сражения[1] до битвы на острове. (2) Из них около 20 дней (во время поездки послов для мирных переговоров) лакедемоняне снабжали съестными припасами; остальное время они жили тем, что им доставлялось тайно. И действительно, на острове остались мука и другие съестные припасы, так как Эпитад, будучи начальником, выдавал каждому воину паек меньше того, что позволяли запасы. (3) Итак афиняне и пелопоннесцы отступили от Пилоса — и те и другие отправились домой — и обещание Клеона (сколь оно ни было безрассудно) действительно было выполнено. Ведь в течение 20 дней он доставил в Афины пленников, как и сулил.[2]

40. Ни одно из событий этой войны не было для эллинов столь неожиданным, как это. Ведь все были убеждены, что лакедемоняне на острове ни голод и крайность не заставит сдаться, но они умрут с оружием в руках, сражаясь до последней возможности. (2) Люди даже выражали сомнение в том, были ли те, кто положил оружие, такими же храбрецами, как павшие. Когда впоследствии один афинский союзник язвительно спросил кого-то из пленников с острова, были ли павшие среди них людьми доблестными, тот ответил: «Тростник (он подразумевал стрелу) ценился бы гораздо дороже, если бы умел отличать людей доблестных». Этими словами он давал понять, что камни и стрелы поражают без разбора того, кто попадется.[1]

41. По прибытии пленников в Афины афиняне решили держать их под стражей до тех пор, пока не договорятся о мире каким-либо образом; если же пелопоннесцы до этого времени вновь нападут на их владения, то вывести пленников из темницы и казнить. (2) В Пилосе афиняне оставили гарнизон, а мессеняне из Навпакта послали туда на свою родину[1] (ведь Пилос принадлежал к древней Мессении) своих лучших людей. Оттуда мессеняне опустошали набегами лаконское побережье и причиняли очень много вреда, тем более что говорили они на одном наречии с жителями Лаконии. (3) Лакедемоняне до сих пор не знали грабежей в своей стране и такого способа ведения войны. Они видели теперь, что илоты переходит на сторону врагов[2] в Пилосе, и серьезно встревожились, опасаясь, что бунтарские настроения в стране распространятся и дальше. Хотя лакедемоняне и не хотели выказывать афинянам своего беспокойства, но все же неоднократно посылали в Афины послов, пытаясь вернуть себе Пилос и военнопленных. (4) Афиняне же постоянно выдвигали все большие требования и каждый раз отпускали послов ни с чем. Таковы были события под Пилосом.

42. В то же лето сразу же после пилосских событий афиняне предприняли поход в Коринфскую область на 80 кораблях с 2000 гоплитов и 200 всадников на судах, специально предназначенных для перевозки лошадей. В походе участвовали также союзники из Милета, Андроса и Кариста.[1] Стратегом был Никий, сын Никерата, с двумя другими военачальниками. (2) На заре афиняне высадились на побережье между Херсонесом и Реитом,[2] невдалеке от того места, где возвышается Солигейский

холм,[3] на котором в старину находился лагерь дорийского войска[4] во время войны с тогдашними эолийскими жителями города Коринфа. Теперь на этом холме расположено селение под названием Солигея. От побережья, где пристали афинские корабли, это селение находится в 12 стадиях, город Коринф — в 60 стадиях, а Истм — в 20 стадиях. (3) Коринфяне получили из Аргоса известие о предстоящем вторжении афинян и поэтому уже задолго собрали все свое войско на Истме (кроме отрядов, которые находились по ту сторону Истма); 500 человек у них также несли сторожевую службу в Ампракии[5] и в Левкадской области. Со всеми остальными боевыми силами коринфяне подстерегали прибытие афинян к месту их высадки. (4) Когда же афинские корабли под покровом ночи подошли незаметно, а местные жители зажгли сигнальные огни,[6] коринфяне оставили половину своего войска у Кенхреи[7] (на случай, если афиняне пойдут на Кроммий),[8] а сами поспешно с другой половиной выступили против афинян.

43. Батт, один из двух военачальников, участвовавших в битве, занял со своим отрядом селение Солигею (которое не было укреплено), а Ликофрон с остальными силами начал сражение. (2) Коринфяне сразу же бросились в атаку на правое крыло только что высадившихся перед Херсонесом афинян, а затем и на остальные части войска. Битва была жестокой и все время шла врукопашную. (3) Правое крыло афинян и карпстиев (стоявших на самом краю) дало отпор коринфянам и, хотя не без труда, оттеснило их. Коринфяне отступили к каменной ограде и принялись осыпать врагов сверху камнями (так как местность здесь повсюду круто обрывается вниз). Затем они с пением пэана снова перешли в наступление. Афиняне приняли его, и противники опять схватились врукопашную. (4) Один из коринфских отрядов пришел на помощь своему левому крылу: оттеснив правое крыло афинян, он энергично преследовал неприятеля до моря. Однако у кораблей афиняне и каристии снова ринулись на врага. Борьба не затихала также и в остальных местах поля битвы, особенно на правом крыле коринфян, где против левого крыла афинян стоял Ликофрон (ибо коринфяне опасались нападения на селение Солигею).

44. Итак, обе стороны долгое время стойко держались, не уступая друг другу. Наконец, коринфяне вынуждены были очистить поле битвы и отступить на холм (афинянам пришлась весьма кстати помощь конницы, которой у противника не было). Там коринфяне снова построились в боевом порядке и больше уже не спускались вниз. (2) При отступлении коринфяне понесли больше всего потерь на правом крыле, где погиб и их военачальник Ликофрон. После этого поражения остальное войско коринфян также, хотя оно и не подвергалось преследованию и не обращалось в бегство, отступило на холм и укрепилось там. (3) Коринфяне более не возобновляли сражения, а афиняне стали снимать доспехи с павших и подбирать тела своих воинов, после чего тотчас же поставили трофей. (4) Другая половина коринфского войска, оставшаяся в Кенхрее с целью помешать высадке афинян у Кроммиона, не могла видеть

битвы из-за горы Ония.[1] Однако лишь только отряд в Кенхрее заметил облака пыли, заключив из этого, что идет сражение, он немедленно двинулся на помощь. Из города также выступили отряды, состоявшие из граждан старшего возраста,[2] как только стало известно о случившемся. (5) Увидев многочисленность наступающих врагов и решив, что это подходят подкрепления из соседних пелопоннесских городов, афиняне поспешно отступили к кораблям. Они унесли с собой снятые с павших врагов доспехи и тела своих воинов, кроме двух, которых не смогли разыскать. (6) Затем афиняне сели на корабли и переправились на близлежащие острова. Оттуда они послали глашатая с целью заключить перемирие и договориться о выдаче оставленных тел своих воинов. В этой битве пало 212 коринфян,[3] афинян же немногим менее 50 человек.

45. Покинув острова, афиняне в тот же день отплыли в Кроммион в коринфской области (в 120 стадиях от Коринфа). Там они бросили якорь, опустошили землю и затем провели ночь под открытым небом. (2) На следующий день эскадра поплыла вдоль побережья сначала в Эпидаврию и, произведя высадку там, прибыла в Мефаны[1] (между Эпидавром и Трезеном). Затем афиняне захватили перешеек полуострова (на котором лежат Мефаны) и укрепили его. Там они оставили гарнизон и некоторое время опустошали трезенскую область, Галиаду[2] и Эпидаврию. Укрепив этот пункт и перешеек, они отплыли домой.

46. Приблизительно в это же время Евримедонт и Софокл во главе афинской эскадры на пути в Сицилию[1] из Пилоса прибыли на Керкиру.[2] Здесь они вместе с горожанами выступили в поход на керкирских изгнанников, которые после восстания поселились на горе Истоне,[3] захватили там землю и причиняли много вреда согражданам.[4] (2) Афиняне взяли их укрепление на горе штурмом, изгнанникам же, бежавшим на вершину горы, пришлось, по соглашению, выдать своих наемников, а самим сдать оружие и предоставить решение своей участи афинскому народу. (3) До отправки в Афины военачальники велели отвезти их на остров Птихию[5] и заключить под стражу, с условием, однако, что соглашение потеряет силу для всех, если хотя бы один будет пойман при попытке к бегству. (4) Однако главари народной партии из опасения, что в Афинах не станут казнить изгнанников, если только те прибудут туда, придумали следующую хитрость. (5) Они тайно послали на остров несколько человек, дружественных изгнанникам, якобы с добрым советом как можно скорее покинуть остров на судне, заранее приготовленном для их бегства, так как афинские военачальники намереваются выдать их керкирскому народу.

47. Главарям народной партии действительно удалось убедить изгнанников бежать, и судно было для них приготовлено, но в самый момент отплытия они были схвачены. После этого афиняне расторгли договор и выдали всех изгнанников керкирянам. Исходил этот замысел более всего от афинских стратегов, которые хотели иметь благовидный повод к выдаче пленников, не желая передать кому бы то ни было другому почетное поручение отвезти этих людей в Афины, тогда как им самим прихо-

дится плыть в Сицилию. (2) Керкиряне заперли выданных им пленников в большом здании и потом, выводя на казнь по 20 человек, связанных друг с другом, прогоняли сквозь строй гоплитов. Каждый из гоплитов бил и колол пленных, в которых узнавал своих врагов. Осужденных сопровождали люди, подгонявшие бичами тех, кто шел недостаточно быстро.

48. Таким образом, керкиряне вывели и казнили 60 человек, оставляя в неведении остальных пленников, находившихся в здании: те думали, что их только переводят в другое место заключения. Когда же пленники узнали правду, то стали призывать афинян с просьбой, чтобы те сами умертвили их, если уж это необходимо. Из здания же они больше не соглашались выходить и объявили, что никого туда не допустят, пока они будут в состоянии сопротивляться. (2) Но керкиряне не собирались силой прорваться в здание через двери. Они поднялись на крышу, открыли ее и стали бросать оттуда черепицы на головы пленников и расстреливать их из луков. (3) Пленники защищались как могли; большинство, однако, само лишало себя жизни: они либо вонзали себе в горло выпущенные в них стрелы, либо вешались на ремнях от постелей или на веревках, которые связывали из обрывков своей одежды. Почти всю следующую ночь продолжалось истребление. Один за другим пленники кончали с собой или погибали, поражаемые врагами с крыши. (4) С наступлением дня керкиряне свалили тела убитых в повозки и вывезли из города. Женщин же, захваченных в укреплении, они продали в рабство. (5) Таким образом, керкиряне с горы были перебиты народом, и долгая междоусобная борьба закончилась, по крайней мере на время этой войны; остатки олигархической партии больше уже не имели значения. (6) Афиняне же отплыли дальше в Сицилию, куда им уже ранее было приказано плыть на помощь своим союзникам.

49. В конце этого лета афиняне выступили из Навпакта вместе с акарнанами[1] в поход на коринфский город Анакторий[2] (у входа в Анакторийский залив) и, воспользовавшись предательством, овладели им. Завладели этой местностью акарнаны, выслав поселенцев из всех своих городов. Этим событием и окончилось лето.

50. Следующей зимой Аристид,[1] сын Архиппа, начальник афинской эскадры, посланной для сбора дани[2] к союзникам, захватил в Эйоне на Стримоне[3] перса Артаферна, направлявшегося от персидского царя в Лакедемон. (2) Артаферна перевезли в Афины, где его послания перевели с ассирийского письма и прочитали. Помимо прочего, содержание их в основном сводилось к следующему: царь не понимает, чего хотят лакедемоняне, так как все их послы, приезжавшие к нему, говорили разное; и вот, если они желают ясно объясниться, то должны с этим персом отправить к нему послов. (3) Позднее афиняне отправили Артаферна на триере в Эфес вместе со своими послами. Однако, услыхав там, что царь Артаксеркс,[4] сын Ксеркса, недавно скончался (как это и было в действительности), послы возвратились в Афины.

51. В ту же зиму хиосцы по приказу афинян разрушили свои новые городские стены, так как афиняне заподозрили их в том, что они замыш-

ляют восстание. Но одновременно хиосцы получили от афинян самые твердые заверения, что те в дальнейшем по возможности откажутся от вмешательства в их государственные дела. Этим событием окончилась зима и седьмой год войны, которую описал Фукидид.

52. В начале следующего лета в новолуние затмилась часть солнца,[1] а в первой трети того же месяца произошло землетрясение. (2) Изгнанники из Митилены и других лесбосских городов, действовавшие по бо́льшей части из различных пунктов на материке и наняв вспомогательное войско из Пелопоннеса, а частично набрав на месте, захватили Ретий. Впрочем, не причинив никому вреда, они возвратили город жителям за выкуп в 2000 фокейских статеров.[2] (3) После этого изгнанники пошли в поход на Антандр[3] и путем предательства захватили город. Они задумали освободить все прочие так называемые актейские города,[4] ранее подвластные митиленянам, а ныне афинянам, и прежде всего — Антандр, превратив его в опорный пункт для военных операций, ибо Антандр, расположенный близ Иды, был удобным местом для постройки кораблей и прочего оборудования, изобилуя лесом. Они полагали, что отсюда можно будет легко грабить близлежащий Лесбос и завладеть эолийскими городами на материке.[5] Таковы были замыслы изгнанников.

53. В это же лето афиняне с эскадрой из 60 кораблей с 2000 гоплитов и небольшим числом всадников на борту совершили поход в Киферы при участии союзников из Милета[1] и некоторых других городов. Во главе похода стояли стратеги Никий, сын Никерата, Никострат,[2] сын Диитрефа, и Автокл,[3] сын Толмея. (2) Киферы — это остров у лаконских берегов, расположенный против Малеи. Жителями острова были лакедемонские периэки. Ежегодно из Спарты на остров приезжал представитель лакедемонских властей — «киферодик». Спартанцы содержали на острове постоянный гарнизон из гоплитов, проявляя большую заботу об острове. (3) Это был лакедемонский порт, служивший пристанищем для грузовых судов на пути из Египта и Ливии; кроме того, остров в некоторой мере служил защитой Лаконии от пиратских набегов с моря, откуда она лишь и была уязвима, будучи расположена между Сицилийским и Критским морями.

54. Итак, прибыв к острову, афиняне с десятью кораблями и 2000 милетских гоплитов[1] на борту заняли приморский город под названием Скандия.[2] С остальным войском они высадились на стороне против мыса Малеи и двинулись затем на лежащий близ моря город киферийцев. Тотчас же обнаружилось, что жители со всем войском стоят лагерем в боевой готовности. (2) Завязалось сражение, и после недолгого сопротивления киферийцы были разбиты и бежали в верхний город. Затем они заключили с Никием и его военачальниками соглашение о сдаче на милость афинян, поставив единственным условием сохранение им жизни. (3) Никий уже раньше вел переговоры с некоторыми киферийцами, и теперь дело сразу окончилось успешно и с благоприятным для киферийцев исходом. Ведь в противном случае афиняне изгнали бы этих киферийцев (поскольку они были лакедемонянами) с их острова, столь близко

лежащего напротив Лаконии. (4) После соглашения о сдаче афиняне, которые уже успели занять приморский город Скандию, оставили гарнизон также в Киферах и затем отплыли с эскадрой, чтобы напасть на Асину и Гелос[3] и большинство прибрежных городов. Высаживаясь на побережье и ночуя там, где это было удобно, они на протяжении семи дней опустошали местность.

55. Хотя лакедемоняне видели, что Киферы в руках афинян и им приходилось быть постоянно готовыми к таким высадкам на побережье, однако они ни в одном пункте не выступили против неприятеля с объединенными силами. Они разослали отряды гоплитов по всей стране для охраны наиболее угрожаемых мест и вообще проявляли всю возможную бдительность, опасаясь, как бы в стране не началось брожение и дело не дошло до насильственного переворота именно теперь, когда они неожиданно потерпели столь тяжкое поражение на острове, а Пилос и Киферы оказались в руках врага и им со всех сторон грозили внезапные и непредвиденные нападения.[1] (2) Им пришлось теперь впервые в своей военной практике создать отряд конницы из 400 всадников и отряд лучников. Их повергло в нерешительность то, что в отличие от всех войн, которые им приходилось вести ранее, они были вовлечены в морскую войну, да к тому же еще с афинянами, которым никакой военный успех не представлялся исчерпывающим меру их возможностей. (3) Кроме того, непрерывные удары судьбы, неожиданно обрушившиеся на лакедемонян, совершенно ошеломили их, и они находились теперь в вечном страхе, опасаясь, как бы их снова не поразила такая же беда, как на острове. (4) Поэтому их покинула воинская отвага: непривычные к неудачам, они потеряли уверенность в своих силах и не усматривали залога успеха в своем мужестве.

56. В то время как афиняне опустошали лаконское побережье, лакедемоняне бóльшей частью бездействовали, и когда афиняне высаживались у какого-либо из их сторожевых постов, то обычно не вступали в бой, находясь в подавленном состоянии и считая, что они численно уступают противнику. Только один из сторожевых постов, прикрывавший Котирту и Афродитию,[1] атаковал не успевших построиться легковооруженных афинян и обратил их в бегство, но после подхода гоплитов снова отошел назад, потеряв несколько человек, доспехи которых достались врагам. Афиняне же воздвигли трофей и затем снова отплыли к Киферам. (2) Оттуда, обогнув Малею, они двинулись к Эпидавру-Лимере,[2] опустошили часть его области и затем прибыли в Фирею[3] в области Кинурии (на границе Аргоса с Лаконией), принадлежавшую тогда лакедемонянам. Последние передали эту землю эгинским изгнанникам (так как эгиняне оказали им помощь во время землетрясения и восстания илотов[4] и, даже находясь под господством афинян, всегда выказывали им великую преданность).

57. Пока афинская эскадра была еще в море, эгиняне покинули крепость на побережье, которую они строили, и отступили в верхний город[1] (приблизительно в 10 стадиях от моря), где они и жили. (2) Гарнизон одного из лаконских сторожевых постов в той области, помогавший

строить крепость, несмотря на просьбу эгинян, отказался войти вместе с ними в город, опасаясь оказаться запертым там. Затем лакедемоняне отступили в горы и ничего не предприняли в помощь эгинянам, считая свои силы слишком слабыми. (3) Между тем после высадки афиняне сразу перешли в наступление со всеми своими боевыми силами, взяли Фирею и сожгли и разрушили город дотла. Эгинян же (которые не погибли в сражении) афиняне привезли в Афины, а также и находившегося в городе лакедемонского военачальника Тантала, сына Патрокла (его захватили в плен раненым). (4) Афиняне увезли с собой также несколько человек из Кифер,[2] которых в интересах безопасности сочли необходимым удалить с острова. В Афинах решили отправить их под стражу на Кикладские острова, а остальных киферийцев оставить на их острове, наложив дань в 4 таланта. Пленных эгинян постановили казнить всех из-за их стародавней вражды к афинянам,[3] Тантала же содержать под стражей вместе с остальными лакедемонскими пленниками, взятыми на острове.

58. В то же лето было заключено сначала перемирие между Камариной и Гелой.[1] Затем собрались в Гелу и посланцы всех других эллинских городов на острове Сицилии для мирных переговоров. После долгих прений (одни выступали за мир, другие против, настойчиво выдвигая свои частные требования, причем каждый город требовал возмещения причиненного ему ущерба) к собранию обратился Гермократ,[2] сын Гермона из Сиракуз, с такой речью,[3] которая главным образом и убедила всех.

59. «Сицилийцы! Как представитель самого значительного и наименее пострадавшего от войны города я возьму слово, чтобы сделать самое полезное, по-моему, для всей Сицилии предложение. (2) К чему мне расписывать тяготы войны и держать длинные речи перед людьми, которым все это известно. Ведь никого не вовлекло в войну непонимание ее бедствий, и никого страх перед ними не удержал от нее, если война сулит ему большие выгоды. Иные, впрочем, иногда переоценивают выгоды ее по сравнению с опасностями, а другие готовы рисковать и вести войну, лишь бы сейчас им не пришлось уступить в какой-нибудь мелочи. (3) Но если те и другие склонны поступать столь опрометчиво, тогда призывы к миру окажутся весьма кстати. (4) Вот и для нас лучше всего будет прислушаться к такому совету. Если в свое время все мы начали войну только ради частных интересов каждого города, то ныне постараемся уладить наши разногласия путем совместного обсуждения; и если в конце концов каждая сторона не добьется справедливых уступок, то будем воевать снова.

60. Впрочем, рассуждая благоразумно, мы должны понять, что на этом собрании дело идет не столько о частных интересах отдельных городов, сколько о том, сможем ли мы вообще в Сицилии защищаться против афинян, которые, по-моему, замышляют покорение всего острова. И еще более, нежели мои слова, сами афиняне должны внушить вам, сколь необходимо взаимное примирение. Афины — самая могущественная держава в Элладе. Явившись теперь к нам с небольшой эскадрой в качестве за-

конных союзников, афиняне учитывают наши промахи и стараются под благовидным названием союза присущую нам взаимную неприязнь использовать в своих интересах. (2) Когда мы воюем между собой и призываем в нашу страну [1] людей, которые по собственному почину посылают к нам войско, то сами разоряемся от расходов на наши внутренние дела и вместе с тем пролагаем им путь к их господству. Естественно, лишь только они узнают, что мы уже обессилены, то появятся здесь с более сильной эскадрой, чтобы попытаться завоевать всю Сицилию.

61. Очевидно, для нас было бы более благоразумным призвать на помощь каждому сицилийскому городу таких союзников, которые доставят нам то, чего нам не хватает, нежели тех, кто расхищает наше достояние, подвергая при этом нас новым опасностям. Следует признать, что наши внутренние раздоры — несомненно, величайшее несчастье как для каждого города, так и для всей Сицилии: ведь все мы — жители единой Сицилии, но, несмотря на опасность от общего врага, каждый город воюет друг с другом. (2) Нужно понять это нам всем, как отдельным гражданам, так и городам, примириться и общими силами спасать Сицилию. Пусть же никто не думает, что среди нас, сикелиотов, дорийцы могут быть врагами афинян, а халкидская часть населения, как ионяне, в силу племенного родства с ними будет в безопасности от их посягательств.[1] (3) Ведь афиняне ведут войну на нашем острове против одной дорийской части его населения вовсе не потому, что Сицилия разделена на два племени, а оттого, что они желают овладеть богатствами всей Сицилии — нашим общим достоянием. (4) Это ясно видно теперь, когда они приняли приглашение халкидян. Действительно, хотя халкидяне никогда не помогали афинянам по условиям договора, афиняне, напротив, со всем рвением захотели помогать им в гораздо большей степени, чем это необходимо, следуя буквально тексту договора. (5) Стремление к выгодам простительно афинянам, и я упрекаю не тех, кто стремится к господству, а тех, кто слишком поспешно готов этому подчиняться. Ведь человек по своей натуре всегда желает властвовать над теми, кто ему покоряется, и остерегается нападающего. (6) Глубоко ошибаются те из нас, кто, зная все это заранее, все же не принимают никаких действенных мер предосторожности и даже приходят сюда, не осознав, что важнее всего отразить общими силами опасность, грозящую всем. (7) Ведь взаимное примирение — скорейший путь для избавления от этой опасности. Действительно, афиняне нападают непосредственно не из своих земель, а из опорных пунктов сицилийских городов, призвавших их на помощь. (8) Не войной прекратится война, а мир без затруднений прекратит наши раздоры. И тогда тот, кто явился к нам под благовидным предлогом как союзник, но с дурными замыслами, уйдет, как это и должно быть, ни с чем.

62. Вот сколько выгоды должна принести нам благоразумная политика по отношению к афинянам. (2) А если мир (как это общепризнано) — величайшее благо, то почему бы нам не заключить его также между собой? Или, быть может, по-вашему, если одни пользуются какими-либо преимуществами, а другие, напротив, находятся в неблагоприятном

положении, то разве не мир, а война скорее избавит одних от несчастий, а другим поможет сохранить благополучие? А разве мир не приносит почестей, славы и других радостей (о которых можно так же долго распространяться, как и о войне), куда более безопасных, нежели война? Вам следовало бы взвесить все это и не пренебрегать моими словами. Напротив, пусть каждый, следуя моим советам, увидит в них спасение. (3) Пусть же тот, кто твердо решил достигнуть чего-либо — правым путем или опираясь на силу — остережется жестокой неудачи, которая может его постигнуть вопреки ожиданиям. Ему следует помнить, что уже многие до него, мстя своим обидчикам, рассчитывая на успех и даже опираясь на значительную боевую силу, не только не достигали цели своим мщением, но даже сами подчас погибали или же, пытаясь захватить чужое достояние, теряли и свое собственное добро. (4) Ведь мщение за обиду не всегда бывает успешно, как этого следовало бы ожидать по справедливости уже потому, что тот, кто ищет справедливости, является пострадавшим; и сила не может служить надежным ручательством успеха только потому, что исполнена уверенности в победе. Будущее в большинстве случаев исполнено неопределенности, но и эта обманчивость будущего все же является величайшим благом: ведь если мы сомневаемся в предстоящем, то с большей осмотрительностью начинаем военные действия.

63. Теперь у нас есть два серьезных основания для тревоги: неясность будущего и страх перед грозным врагом — афинянами, которые уже находятся на нашей земле. Мы знаем, что ненадежность наших планов (на успех которых мы все уповали) в значительной степени обусловлена этими обстоятельствами. Заставим грозного врага уйти из нашей земли и заключим между собой мир — лучше всего вечный — или в крайнем случае отложим наши внутренние распри по возможности на долгий срок. (2) Вообще говоря, приняв мой совет, мы все останемся гражданами своего собственного независимого города и сможем, как полновластные хозяева, справедливо воздать по заслугам нашим благодетелям и обидчикам. Если же вы, не послушавшись меня, прислушаетесь к советам других, то не может идти и речь о наказании наших врагов. Даже в лучшем случае, при великой удаче нам все же придется вступить в союз со злейшим врагом и враждовать с нашими истинными друзьями.

64. Итак, я, являясь, как уже сказал, представителем самого большого города в Сицилии, имеющего возможность скорее нападать, чем обороняться, однако предвидя дальнейшее, хочу все же договориться с врагами и не причинять им обид, чтобы самому вдвойне не пострадать. Я не столь неразумен, чтобы воображать себя полновластным хозяином как своего решения, так и своей судьбы, над которой я не властен и которой считаю необходимым подчиняться. (2) И от вас, сицилийцев, я ожидаю, что вы добровольно сделаете то же самое, пока враги не вынудили вас к этому. (3) Ведь вовсе не постыдно соплеменникам улаживать миром свои ссоры с соплеменниками: дорийцам с дорийцами или халкидянам со своими сородичами ионянами. Все мы соседи, живем на одной, омываемой морем, земле и носим одно общее имя сикелиотов, и если даже при случае нач-

нем войну между собой, то вскоре сумеем договориться и заключить мир. (4) Но с чужеземными завоевателями мы всегда будем сражаться все как один, если только проявим благоразумие, так как ущерб, нанесенный врагом отдельным городам, одинаково опасен и для всех. И впредь мы не станем приглашать из-за рубежа ни союзников, ни посредников в спорах. (5) Таким образом мы и сейчас сохраним Сицилии сразу два преимущества: она избавится и от афинян, и от междоусобной войны. И в будущем мы останемся полными хозяевами нашей свободной страны и будем меньше подвергаться злоумышлениям других».

65. Такова была речь Гермократа. Следуя ей, сицилийцы согласились покончить с междоусобной войной при условии, что каждый город сохранит за собой свои владения. Только Моргантина[1] была передана камаринцам, за что те должны были уплатить сиракузянам определенную сумму денег. (2) Союзные с афинянами города, призвав афинских военачальников, объявили им о намерении заключить мирный договор,[2] к которому, если угодно, могут присоединиться и афиняне. Получив согласие военачальников, союзники заключили мирный договор, и затем афинская эскадра отплыла из Сицилии. (3) По возвращении эскадры афинские власти присудили двоих стратегов — Пифодора и Софокла — к изгнанию, а третьего — Евримедонта — к денежному штрафу, обвинив их в том, что они могли подчинить Сицилию, но отступили вследствие подкупа. (4) Так, ослепленные своими удачами, афиняне надеялись достичь не только возможного, но и недоступного, лишь применяя большие или меньшие средства. Причиной этого были неожиданные почти повсеместные успехи, которые внушили афинянам великую самоуверенность.

66. В то же лето оставшиеся в городе граждане Мегар, жестоко страдая от войны с афинянами,[1] которые дважды в год вторгались[2] со всем войском в их землю, а также от разбойничьих набегов своих изгнанников из Пег (изгнанных народной партией после восстания),[3] стали между собой говорить о возвращении изгнанников, чтобы не подвергать город разорению сразу с двух сторон. (2) Друзья изгнанников, услышав эти толки народной толпы, решили, что готовится нечто важное, и вступились за их возвращение еще настойчивей, чем раньше. (3) Но когда вожди народной партии поняли, что демократия после возвращения изгнанников не сможет в эти тяжелые времена удержаться без помощи извне, то в страхе завязали переговоры с афинскими стратегами Гиппократом, сыном Арифрона, и Демосфеном, сыном Алкисфена, с целью передать город в руки афинян: в этом они видели меньшую опасность, нежели от возвращения изгнанных ими сограждан. (4) Итак, они договорились, что афиняне сначала захватят Длинные Стены[4] (длиной около 8 стадий от города[5] до гавани Нисеи) для того, чтобы пелопоннесцы не смогли прийти на помощь из Нисеи, где только они держали гарнизон для охраны безопасности Мегар. Затем заговорщики решили попытаться сдать афинянам также и верхний город, в надежде, что это удастся после взятия Длинных Стен.

67. Итак, после окончания переговоров обеих сторон о плане сдачи города афиняне ночью отплыли с 600 гоплитов во главе с Гиппократом на мегарский остров Миною[1] и там укрылись недалеко от стены во рву, откуда добывали глину для кирпичей. (2) Легковооруженные же платейцы и пограничники[2] под предводительством второго стратега Демосфена засели в засаде у святилища Энналия, находившегося еще ближе к стене. В эту ночь их не заметил никто, кроме тех, кого это непосредственно касалось. (3) Перед восходом зари мегарские заговорщики приступили к выполнению своего плана. Они уже заранее приняли меры, чтобы открыть ворота Длинной стены, когда это будет необходимо: расположив к себе начальника пелопоннесского гарнизона, который считал их морскими разбойниками, они неоднократно по ночам перевозили через ров на повозке из города распашную лодку и выходили на ней в море. Перед рассветом же они провозили на повозке лодку через ворота в стене назад якобы для того, чтобы сбить с толку афинян в Миное (так как в гавани вообще никогда не появлялось ни одного судна). (4) И вот теперь, когда возвращавшаяся повозка была уже у открытых для нее ворот, афиняне, увидев все это, выскочили из засады (ведь вся эта хитрость с лодкой на телеге была придумана заранее по уговору мегарцев с афинянами). Афиняне стремительно бросились, чтобы прорваться в город, пока ворота не успеют закрыть и пока проходящая через ворота повозка мешает это сделать. В этот момент мегарские сторонники афинян набросились на стражу у ворот и перебили ее. (5) Первыми прорвались в ворота Демосфен с платейцами и пограничники, дойдя до того места, где ныне[3] стоит трофей. Между тем стоявшие неподалеку пелопоннесцы тотчас заметили афинян и поспешили оказать отпор. Уже в воротах завязалась схватка, причем платейцам удалось отбить врага и удержать ворота для подошедших вслед афинских гоплитов Гиппократа.

68. Затем афинские гоплиты прошли в ворота и один за другим стали взбираться на зубцы длинной стены. (2) Небольшая часть пелопоннесского гарнизона сначала оборонялась, причем несколько человек было перебито. Большинство же обратилось в бегство: пелопоннесцы испугались ночного нападения врагов и, увидев, что мегарские заговорщики сражаются против них, вообразили, что все мегарцы их предали. (3) К тому же афинский глашатай даже без специального приказа объявил, что все мегарцы, если пожелают, могут с оружием присоединиться к афинянам. Услышав это объявление, пелопоннесцы немедленно бежали в Нисею, думая, что афиняне в самом деле объединились с мегарцами и нападают на них. (4) Ранним утром, когда длинные стены были уже в руках афинян, остальных мегарцев охватило смятение, и те, кто вел переговоры с афинянами, и остальные участники заговора потребовали открытия городских ворот с тем, чтобы пойти на врага. (5) Итак, они условились, что откроют ворота, и афиняне ворвутся в город; сами же они, чтобы их можно было отличить от других, для безопасности густо намажутся маслом. Открыть городские ворота для заго-

ворщиков было тем более безопасно, что по уговору 4000 афинских гоплитов и 600 всадников в течение ночи прибыли из Элевсина. (6) Когда же заговорщики, намазавшись маслом, уже собирались открыть городские ворота, один из сообщников сообщил об их замысле противной партии. Противники заговорщиков, собравшись толпой, объявили, что если даже ранее, когда они были сильнее, напасть на врага они не осмеливались, то теперь и подавно нельзя этого делать, подвергая город слишком явной опасности. Тому же, кто с этим не согласен, они угрожали схваткой тут же на месте. При этом они не показывали вида, что знают о заговоре, но уверенно настаивали, что их план является наилучшим, и в то же время остались сторожить ворота, так что заговорщикам не удалось достичь своей цели.

69. Когда афинские стратеги увидели, что из-за какой-то помехи им не взять города штурмом, то сразу же принялись обносить Нисею осадной стеной. Они полагали, что и сами Мегары скорее сдадутся, если удастся захватить Нисею до прибытия помощи. (2) Из Афин были быстро доставлены железо и другие необходимые материалы, а также прибыли каменщики для кладки стены. От длинной стены (которая находилась уже в их руках) стратеги велели построить поперечную стену против Мегар и затем продолжить ее с обеих сторон Нисеи до моря. Работы по выкапыванию рва и возведению стен воины разделили между собой, добывая камни и кирпичи из предместья. Они рубили также деревья и кустарник и огораживали частоколом те места, где это было необходимо, а дома в предместье снабжались бруствера ми. (3) Весь этот день афиняне продолжали работы. К вечеру следующего дня стена была уже почти закончена, и устрашенные жители Нисеи ввиду недостатка съестных припасов (которые только на один день доставлялись из верхнего города) сдались афинянам. Они полагали, что на помощь пелопоннесцев нельзя рассчитывать скоро, мегарцев же считали врагами за то, что те якобы уже перешли на сторону афинян. Условия капитуляции были следующие: гарнизон мог свободно выйти из города, но каждый воин должен был уплатить определенный выкуп и сдать оружие. Что касается лакедемонян, находившихся в городе, и их начальника,[1] то им пришлось сдаться на милость победителей. (4) На этих условиях нисейцы вышли из города, а афиняне, разрушив примыкающую к Мегарам часть Длинных стен, заняли Нисею и затем начали готовиться к дальнейшим операциям против Мегар.

70. В это время лакедемонянин Брасид, сын Теллида, стоял в Сикионской и Коринфской областях, готовясь к походу во Фракию. Привести о взятии Длинных Стен Брасид встревожился за участь пелопоннесцев в Нисее и самих Мегар — как бы их не захватили афиняне. Поэтому он послал беотийцам приказ как можно скорее присоединиться к нему с войском у Триподиска (селение под таким названием находится в Мегариде у подошвы горы Герании).[1] Туда же прибыл и сам Брасид с 2700 коринфских гоплитов, 400 флиунтцев, 600 сикионцев, а также с некоторым числом ранее завербованных наемников. Брасид надеялся прибыть в Нисею еще до взятия ее афинянами. (2) Известие

о падении Нисеи застало его в Триподиске, куда он вступил ночью, идя на помощь Мегарам. Тотчас, взяв с собой 300 отборных воинов из своего отряда, Брасид подошел к городу мегарцев, незамеченный афинянами, которые находились на побережье. Его заявленной целью была попытка, если возможно, вновь захватить Нисею. Однако важнее всего для него было проникнуть в город Мегары и привлечь жителей на свою сторону. Он потребовал, чтобы его с войском впустили в город и сулил мегарцам освобождение Нисеи.

71. Обе партии в Мегарах одинаково считали для себя опасным принять Брасида. Одни боялись, что он на беду им возвратит изгнанников и изгонит их самих. Другие опасались, чтобы народ (в страхе перед той же участью) не напал на них, и тогда город, терзаемый распрями, станет добычей афинян, которые, засев поблизости, только и выжидают момента, чтобы наброситься на них. Поэтому мегарцы не приняли Брасида; обе партии, однако, решили прекратить распри и выждать хода дальнейших событий. (2) Они рассчитывали на то, что произойдет битва афинян с войском, пришедшим на помощь городу, и потому рассудили, что разумнее и безопаснее будет присоединиться к своим друзьям лишь после победы. (3) Тогда Брасид, не сумев убедить мегарцев принять его в город, возвратился к своему остальному войску.

72. На заре в Триподиск прибыли беотийцы. Ввиду опасности, грозной и для них самих,[1] они еще до того, как Брасид послал за ними, собирались на помощь Мегарам и уже стояли со всем своим войском у Платей. По прибытии вестника от Брасида беотийцы стали еще больше рваться в бой. Они отправили Брасиду 2200 гоплитов и 600 всадников и затем с большей частью войска возвратились домой. (2) Общее число гоплитов в войске Брасида было теперь не менее 6000. Афинские гоплиты стояли в боевой готовности у Нисеи и на побережье, а легковооруженные воины были рассеяны по равнине. Беотийская конница напала на легковооруженных афинян врасплох и оттеснила их к самому морю. Атака была совершенно неожиданной, так как до этого помощь мегарцам ниоткуда не приходила. (3) Афинская конница также бросилась в атаку, и завязалась длительная битва, причем обе стороны победу приписывали себе. (4) Правда, афиняне, оттеснив начальника неприятельской конницы и нескольких всадников к самым стенам Нисеи, перебили их и сняли доспехи. Захватив тела павших, афиняне выдали их противнику только по мирному договору и поставили трофей. Все же в этой битве ни одна из сторон не одержала решительной победы, и противники разошлись: беотийцы возвратились к своим гоплитам, а афиняне — в Нисею.

73. После этого Брасид во главе союзного войска подошел от Триподиска ближе к морю и к городу Мегарам. Заняв там выгодную позицию, Брасид оставался на месте, готовый к бою в ожидании нападения афинян. Ему было ясно, что мегарцы выжидают победы одной из сторон. (2) Свое положение спартанский военачальник считал выгодным вдвойне: не будучи нападающей стороной, ему не придется добровольно

рисковать, начиная битву, хотя и следует ясно показать противнику полную готовность к бою. Таким образом, как он полагал, вполне возможно было рассчитывать на победу без боя. Кроме того он считал, что отношения с мегарцами складываются благоприятно (поскольку пелопоннесцы не напали первыми). (3) Ведь если бы Брасид не появился с войском перед городом, то ему вообще нельзя было даже и мечтать о счастливом исходе, и город для него (как, по существу, побежденного) при всех обстоятельствах, несомненно, был бы потерян. Теперь же, если афиняне даже не захотят сражаться, то он и без боя достигнет цели, для которой он сюда и явился. (4) Так и произошло. Действительно, мегарцы, наконец, открыли ему ворота. Правда, афиняне сначала выступили, построившись в боевом порядке у Длинных стен. Но так как лакедемоняне не нападали, то и они не двигались с места. По мнению афинских стратегов, они рисковали в битве больше своих противников: ведь в основном афиняне добились своей цели. Если же они теперь начнут сражение против столь превосходящих сил противника, то в случае победы, правда, смогут захватить Мегары; зато, потерпев поражение, погубят своих отборных гоплитов. Между тем противники, которые ввели в дело лишь часть своих сил, теперь, естественно, склонялись к тому, чтобы дать сражение. Спустя некоторое время (так как оба противника воздерживались от нападения) сначала афиняне отступили в Нисею, а затем и пелопоннесцы вернулись на свои исходные позиции. После этого в Мегарах сторонники изгнанников одержали верх и открыли городские ворота самому Брасиду, как победителю, и военачальникам союзных городов (ободренные тем, что афиняне якобы избегают сражения). Затем мегарцы вступили в переговоры с Брасидом, так как сторонники афинян были совершенно запуганы.

74. После этого союзники разошлись по своим городам, а сам Брасид возвратился в Коринф для приготовлений к задуманному ранее походу во Фракию.[1] (2) После отступления афинян наиболее рьяные их сторонники в Мегарах поняли, что их замыслы открыты, и тотчас же тайком бежали из города. Остальные граждане, после совещания с друзьями изгнанников, вызвали их из Пег. При этом они связали возвращенных торжественной клятвой соблюдать общее благо города и забыть старые обиды. (3) Однако лишь только возвращенные олигархи добились власти, они велели произвести смотр вооруженным силам, приказав отрядам построиться отдельно в разных частях города. Затем они отобрали человек сто из известных им врагов и тех, кого считали главными сторонниками афинян. Народ они вынудили вынести решение об этих людях открытым голосованием, присудили их к смерти и казнили. В городе же была установлена, в сущности, самая крайняя олигархия. (4) Этот переворот, совершенный кучкой восставших граждан, создал новое государственное устройство, сохранявшееся очень долгое время.[2]

75. В это же лето митиленские изгнанники задумали укрепить Антандр.[1] Именно в это же время Демодок и Аристид, два стратега афинской эскадры,[2] собиравшей дань с союзников, находились близ Гелле-

спонта (третий стратег, Ламах,[3] отплыл во главе эскадры из 10 кораблей в Понт). Узнав о планах изгнанников, стратеги встревожились, как бы с Лесбосом не случилось того, что с враждебными Самосу Аспеями:[4] там обосновались самосские изгнанники, которые не только помогали пелопоннесцам, посылая им кормчих для кораблей, но и подстрекали к волнениям горожан на Самосе и принимали прочих изгнанников из города. Поэтому афинские стратеги набрали войско среди союзников и отплыли к Антандру. Одержав победу над вышедшим против них из Антандра отрядом митиленцев, они вновь захватили этот пункт. (2) Вскоре за тем Ламах, который отплыл в Понт и бросил якорь в устье реки Калета,[5] потерял свои корабли из-за внезапного ливня в верхнем течении реки, вызвавшего сильное наводнение. Самому Ламаху с его отрядом удалось по суше возвратиться в Калхедон,[6] колонию мегарцев в устье Понта, через землю вифинских фракийцев (живущих на азиатском берегу).

76. Тем же летом, тотчас после отступления афинян из Мегариды, афинский стратег Демосфен с 40 кораблями прибыл в Навпакт. (2) С ним и с Гиппократом вступили в переговоры некоторые граждане беотийских городов: они желали заменить свой олигархический строй демократическими порядками[1] по образцу афинских. Главным образом по предложению фиванского изгнанника Птэодора был составлен следующий план действий. (3) Сторонники демократической партии должны были предать Сифы[2] (это морская гавань в Крисейском заливе в Фессалийской области), а орхоменцы — выдать афинянам Херонею (принадлежавшую ранее так называемому миниискому Орхомену,[3] а теперь — к Беотийской синтелии).[4] При этом особенно хлопотали и вербовали наемников из Пелопоннеса орхоменские изгнанники (Херонея[5] — пограничный город Беотии вблизи Фанотейской[6] области в Фокиде). Участвовали в заговоре также и некоторые фокийцы. (4) Тем временем по уговору афиняне должны были занять Делий[7] — святилище Аполлона в Танагрской области напротив Евбеи. Все это должно было произойти в заранее определенный день, для того чтобы беотийцы, занятые своими внутренними распрями, не могли с объединенными силами оказать помощь Делию. (5) В случае успеха этой попытки, когда Делий был бы укреплен, заговорщики надеялись (даже если сразу и не произойдет восстания в беотийских городах) удержать занятые ими пункты и оттуда разорять страну. Сторонники демократии в отдельных городах нашли бы убежище поблизости, чтобы отступить туда в случае неудачи, и тогда можно было ожидать, что прежний порядок в Беотии недолго продержится. Со временем же, когда афиняне придут на помощь повстанцам, враги уже будут не в состоянии встретить их объединенными силами, и они с легкостью устроят дела в Беотии в своих интересах.

77. Такой план был задуман заговорщиками. Сам Гиппократ был готов в подходящий момент выступить из города в поход на Беотию. Демосфена же он послал вперед с эскадрой из 40 кораблей в Навпакт. Набрав там войско из акарнанов и прочих союзников, Демосфен должен

был затем плыть в Сифы, на сдачу которых путем измены рассчитывали афиняне. Уже был назначен день для одновременного проведения всех этих операций вторжения в Беотию и похода на Сифы. (2) Прибыв к месту назначения, Демосфен узнал, что все акарнаны заставили эниадов[1] вступить в афинский союз. Со своей стороны, Демосфен призвал к оружию всех союзников в этой стране и прежде всего обратился против Салинфия и агреев.[2] После подчинения агреев он принял все необходимые меры, чтобы прибыть к назначенному сроку на встречу с беотийскими сторонниками афинян.

78. Этим же летом, приблизительно в то же время, Брасид с 1700 гоплитов[1] выступил в поход на фракийское побережье. По прибытии в Трахинийскую Гераклею[2] он отправил вестника в Фарсал[3] (где у него были друзья) с требованием пропустить его войско через фессалийскую землю. В Мелитию Ахейскую,[4] что во Фтиотиде, к нему прибыли Панер, Дор, Гипполохид, Торилай и Строфак (который был проксеном халкидян). С этими людьми Брасид продолжал свой путь. (2) Из других фессалийцев его сопровождал также Никонид из Ларисы, друг Пердикки. Впрочем, без провожатых пройти через Фессалию было нелегко (и вообще проход с войском через соседнюю страну без согласия местных властей был бы поступком одинаково подозрительным в глазах всех эллинов). Кроме того, народ в Фессалии с давних пор был расположен к афинянам. (3) Поэтому если бы фессалийцы не находились под властью крайней олигархии, а скорее по древнему обычаю придерживались «исономии»,[5] то Брасид никогда бы не прошел через их страну. Между тем противники его друзей олигархов даже и при этих условиях преградили ему путь на реке Энипей,[6] объявив, что он поступает незаконно и без разрешения высших властей Фессалийского союза не может продолжать путь. (4) Провожатые Брасида, однако, возразили, что не стали бы его провожать через страну против воли властей; они-де поступили так лишь потому, что Брасид явился столь неожиданно, и они в качестве его гостеприимцев вынуждены это сделать. Сам Брасид добавил к этому, что пришел как друг Фессалии и ее народа и войну ведет против своих врагов афинян, а не против них. Впрочем, ему ничего неизвестно о какой-либо вражде фессалийцев к лакедемонянам, которая могла бы помешать взаимному проходу через их земли. И теперь он, Брасид, даже и не помышляет идти дальше против их воли (да это было бы и невозможно), но все же надеется, что пройти ему не запретят. (5) После этих слов фессалийцы удалились. Брасид же по совету провожатых форсированным маршем без задержки продолжал путь, пока фессалийцы не успели собрать более значительной силы, чтобы помешать ему. Итак, Брасид прибыл в Фарсал еще в самый день выступления из Мелитии (там он и разбил лагерь у реки Апидана),[7] а оттуда — в Факий, а затем дальше — в Перребию.[8] (6) Здесь его фессалийские спутники возвратились домой, и перребы, подвластные фессалийцам, привели его в Дий[9] (маленький городок у подошвы Олимпа близ македонской границы, уже во владениях Пердикки).

79. Таким образом, Брасиду удалось столь быстро пройти через Фессалию (пока фессалийцы еще не успели преградить ему путь) и прибыть к Пердикке [1] и в Халкидику. (2) Ведь именно опасаясь успехов афинян, Пердикка и восставшие против афинян фракийские города [2] вызвали его с войском из Пелопоннеса. Халкидяне ожидали скорого нападения афинян. И соседние с ними города хотя еще не восстали, но втайне также присоединились к мысли пригласить Брасида. Пердикка не был открытым врагом Афин, но опасался афинян из-за своих старых распрей с ними. К тому же Пердикка страстно желал подчинить себе Аррабея, царя линкестов.[3] (3) При этом последняя неудача лакедемонян пришлась халкидянам весьма кстати, так как теперь им было гораздо легче вызвать войско из Пелопоннеса.

80. Действительно, лакедемоняне надеялись скорее всего избавиться от набегов афинян на Пелопоннес и особенно на их собственную Лаконскую область, если они отплатят афинянам, послав в свою очередь войско к афинским союзникам (тем более что последние изъявили готовность содержать их войско и просили помощи для восстания). (2) Вместе с тем спартанцы получали желанный предлог удалить из страны часть илотов, чтобы те не вздумали поднять восстание теперь, когда Пилос был в руках врагов. (3) Ведь большинство лакедемонских мероприятий исконно было, в сущности, рассчитано на то, чтобы держать илотов в узде. Устрашенные дерзостью многочисленной молодежи илотов, лакедемоняне прибегли и к такой мере. Они предложили отобрать некоторое число илотов, считающих себя наиболее способными в военном деле, обещая им свободу (на самом же деле лакедемоняне хотели только испытать илотов, полагая, что как раз самые свободолюбивые скорее всего способны в сознании собственного достоинства напасть на своих господ). (4) Таким образом, было отобрано около 2000 илотов, которые с венками на головах (как бы уже получившие свободу) обходили храмы. Немного спустя, однако, лакедемоняне перебили этих илотов, причем никто не знал, где и как они погибли.[1] (5) Поэтому лакедемоняне и теперь охотно воспользовались случаем послать с Брасидом 700 илотов в качестве гоплитов [2] (остальное войско состояло из завербованных в Пелопоннесе наемников).

81. Правда, лакедемоняне послали Брасида главным образом по его собственному желанию, хотя и халкидяне просили их об этом, так как он слыл в Спарте за человека весьма энергичного и предприимчивого.[1] И в этом походе Брасид также оказал лакедемонянам неоценимые услуги.[2] (2) В настоящий момент его политика по отношению к союзным с Афинами городам казалась справедливой и умеренной. Большинство городов он склонил к отпадению от Афин, а другими овладел при помощи измены. Поэтому лакедемоняне находились в благоприятном положении и могли бы теперь (если бы пожелали) заключить мир (как они затем и сделали),[3] предложив обменять эти города на другие пункты, захваченные афинянами, и избавить Пелопоннес от тягот войны. Так же и в следующий период войны, после событий в Сицилии, тогда присущие Бра-

сиду гуманность и благоразумие[4] (с чем афинские союзники познакомились из опыта и по слухам) главным образом и привлекли их на сторону лакедемонян. (3) Ведь Брасид был первым лакедемонянином, который в зарубежном походе приобрел славу совершенно честного человека. Он внушил афинским союзникам твердое убеждение, что и другие военачальники лакедемонян подобны ему.

82. Лишь только афиняне узнали о прибытии Брасида на фракийское побережье, то объявили Пердикку врагом: они считали македонского царя виновником похода Брасида во Фракию и с тех пор установили более строгое наблюдение за союзниками в этой области.

83. Соединившись с отрядом Брасида, Пердикка тотчас же выступил в поход на своего соседа Аррабея, сына Бромера, царя македонских линкестов (Пердикка был в ссоре с царем и желал подчинить его своей власти). (2) Однако после прибытия войска Пердикки и Брасида к горному проходу у Линка[1] Брасид заявил, что желает сначала сам до начала военных действий, прибыв к Аррабею, путем переговоров сделать все возможное, чтобы привлечь царя к союзу с лакедемонянами. (3) Действительно, Аррабей уже посылал глашатая к Брасиду с согласием подчиниться в споре с Пердиккой его решению как третейского судьи. Бывшие при этом послы халкидян также рекомендовали постоянно держать Пердикку в страхе, для того чтобы тот внимательнее относился к халкидским интересам. (4) Кроме того, и послы Пердикки в Лакедемоне высказывались в том же смысле, именно, что Пердикка может доставить лакедемонянам много союзников из соседних с его царством племен. Поэтому Брасид считал своим долгом совместно с Пердиккой решить дело Аррабея. (5) Пердикка, однако, заявил, что пригласил Брасида вовсе не в качестве третейского судьи в его спорах с Аррабеем, но для того, чтобы Брасид помог ему подчинить тех врагов, которых он сам укажет. Поэтому Брасид нанесет ему обиду, вступив в переговоры с Аррабеем (а ведь он, Пердикка, содержит половину войска лакедемонян). (6) Несмотря на противодействие Пердикки, Брасид все же начал переговоры с Аррабеем. Убежденный доводами последнего, Брасид отошел со своим войском и так и не вторгся в земли Аррабея. Пердикка же, обиженный таким поступком Брасида, стал оплачивать вместо половины лишь треть расходов на содержание лакедемонского войска.

84. В то же лето незадолго до поры сбора винограда Брасид вместе с халкидянами выступил в поход на Аканф,[1] колонию Андроса. (2) У жителей Аканфа начались споры между народом и партией, призвавшей Брасида и халкидян, о том, следует ли впускать Брасида в город. Все же, опасаясь за несобранный еще с полей урожай, народ согласился принять в город только одного Брасида и выслушать его доводы, прежде чем принять решение. Тогда Брасид выступил в народном собрании (он был неплохой оратор для лакедемонянина) с такой речью.

85. «Аканфяне! Лакедемоняне отправили меня с войском, чтобы подтвердить наше заявление,[1] сделанное в начале войны, что мы будем сражаться против афинян за свободу Эллады. (2) Пусть нас никто не

упрекает за то, что мы явились к вам впервые, спустя так много времени. Мы ошиблись в наших расчетах, когда предполагали один на один и весьма быстро покончить с афинянами в Аттике, не подвергая вас опасности. Ведь только теперь нам представилась возможность прибыть сюда, чтобы с вашей помощью попытаться одолеть их. (3) Меня удивляет, однако, что вы закрыли передо мной ворота вашего города, вместо того чтобы радоваться моему приходу. (4) Действительно, мы, лакедемоняне, думали найти здесь людей, видящих в нас союзников. Мы надеялись, что еще до нашего появления здесь вы, считая нас настроенными таким образом, будете рады нашему появлению. Ради этого мы пренебрегли опасностью многодневного перехода по чужой земле, терпеливо перенося всевозможные тяготы. (5) Если же у вас теперь на уме совсем иное и вы не желаете помыслить ни о вашей собственной свободе, ни о свободе остальной Эллады, то это, действительно, ужасно! (6) И не только потому, что вы сами мне воспротивились, но и потому, что многие другие из тех, к кому я приду после, будут менее решительны в намерении присоединиться ко мне. Они сочтут это опасным, зная, что даже вы, к кому я прежде всего обратился, граждане столь значительного города, слывущие за людей здравомыслящих, не решились принять меня. И я не смогу привести никакого убедительного объяснения этого, и им останется только думать, что свобода, которую я сулю, сомнительна или что я пришел со слабыми силами и не в состоянии защитить кого-либо от нападения афинян. (7) Но когда я с этим войском явился в Нисею, афиняне, при своем численном превосходстве, все-таки не осмелились сразиться со мной, и невероятно, чтобы теперь они послали против вас на кораблях войско, равное по численности их силам при Нисее.[2]

86. Я сам прибыл сюда не со злым умыслом, но лишь после того как связал лакедемонские власти торжественной клятвой уважать независимость любого города, который я смогу привлечь как союзника. Я не намерен насильно или хитростью привлекать вас к союзу с нами: я здесь только для того, чтобы помочь вам, порабощенным афинянами. (2) Итак, у вас, по-моему, нет причин подозревать во мне дурные намерения (тем более после данных вам столь торжественных заверений) или считать меня слишком слабым защитником, и поэтому вы можете смело присоединиться ко мне. (3) Если же кто-либо по личным мотивам опасается, что я передам власть в городе в руки той или иной партии, и поэтому не склонен к союзу со мной, то он может всецело довериться мне. (4) Ведь я пришел не для участия в ваших внутренних дрязгах и думаю, что принес бы вам сомнительную свободу, если бы, вопреки вашим исконным обычаям, стремился подчинить большинство народа немногим гражданам или меньшинство всему народу. (5) Действительно, такая свобода, основанная на господстве одной партии, была бы хуже чужеземного владычества, и мы, лакедемоняне, в награду за наши труды не получили бы благодарности и вместо славы и почестей заслужили бы лишь одни упреки. И те обвинения, выдвигаемые против афинян (из-за чего мы и воюем с ними), были бы еще более отвратительными, если бы их

обратили против нас, чем для тех, кто никогда и не являлся образцом доблести. (6) Ведь для человека уважаемого позорнее посягать на чужое обманным путем и тайно, чем действовать насилием, но открыто. В последнем случае он опирается на право сильного, дарованное судьбой, а в первом — на злокозненные измышления низкой души.

87. Поэтому мы действуем с величайшей осмотрительностью, когда дело связано с нашими существенными интересами, а помимо клятв, вы не могли бы получить ни от кого более верной гарантии, чем от людей, чьи поступки в сравнении с их речами дают убедительное доказательство того, что сдержать свое слово действительно в их интересах. (2) Но если вы скажете, что вы не в состоянии принять мои предложения, но не отказываетесь от дружественных взаимоотношений с нами; что свобода представляется вам делом небезопасным и что следует давать ее лишь тем, кто может ее принять, и никому не должно ее навязывать против воли, то я призову богов и героев вашей земли в свидетели, что пришел к вам с добрыми намерениями, но не смог вас убедить. Тогда мне придется разорить вашу землю и силой заставить присоединиться ко мне. (3) При этом я не буду сознавать за собой никакой вины; напротив, по двум убедительным соображениям у меня есть некое разумное основание так поступать; во-первых, в отношении лакедемонян: не следует допускать, чтобы они при вашем дружественном расположении страдали из-за того, что вы выплачиваете деньги афинянам в виде дани; во-вторых, в отношении эллинов: ваше поведение не должно препятствовать им свергнуть афинское иго. (4) Только во имя некоего всеобщего блага мы, лакедемоняне, обязаны нести свободу иным даже против воли, иначе у нас не было бы никакого права освобождать эллинов. (5) Мы сами не стремимся к господству над эллинами, но стараемся покончить с господством других. И поэтому мы поступили бы несправедливо по отношению ко всем остальным эллинам, если бы, явившись сюда в качестве их освободителей, позволили бы вам чинить в этом препятствия. (6) Итак, вынесите правильное решение и постарайтесь, освободившись первыми из эллинов, стяжать себе этим вечную славу. В этом случае вы сохраните от разорения и самих себя и свое достояние, и всему вашему городу оставите славное имя».

88. Такую речь произнес Брасид. Аканфяне же после длительного обсуждения, отчасти убежденные его речью, а отчасти в страхе за урожай, при тайном голосовании решили подавляющим большинством отложиться от афинян. Поэтому они приняли Брасида с войском, связав торжественными клятвами (которые он перед походом принес и лакедемонским властям), на тех условиях, что все союзники, которых Брасид приобретет, останутся независимыми. (2) Немного спустя отпал от афинян также Стагир,[1] колония Андроса. Таковы были события этого лета.

89. В начале следующей зимы[1] по касающимся Беотии планам афинских стратегов Гиппократа и Демосфена Демосфен во главе эскадры должен был прибыть в Сифы, а Гиппократ одновременно — в Делий.[2] Однако произошла ошибка в расчете дня выступления обоих военачальни-

ков, и Демосфен с акарнанами и множеством других союзников,[3] набранных по соседству, ничего не добился, так как прибыл в Сифы слишком рано. Между тем заговор был раскрыт Никомахом,[4] фокийцем из Фанотея,[5] который сообщил о нем лакедемонянам, а те — беотийцам. (2) После этого все беотийское ополчение собралось на помощь (Гиппократ не успел прибыть, чтобы отвлечь их) и своевременно заняло Сифы и Херонею.[6] Заговорщики же в беотийских городах, узнав о неудаче, отказались от своих планов восстания.

90. Между тем Гиппократ, созвав всенародное ополчение из самих афинских граждан, метеков и даже всех бывших тогда в городе чужеземцев, прибыл в Делий, однако слишком поздно, уже после того как беотийцы покинули Сифы. Разбив лагерь, Гиппократ приказал следующим образом укрепить Делий. (2) Воины выкопали ров вокруг святилища и храмового участка. Вырытая земля образовывала насыпь. Вдоль насыпи они вбивали колья и переплетали их лозами из виноградника святилища, на верх насыпи наваливали камни и кирпичи из развалин близлежащих домов, всячески стараясь поднять насыпь как можно выше. В необходимых местах и там, где не было храмовых строений (стоявший там прежде портик обвалился), они поставили деревянные башни.[1] Афиняне начали работы на третий день после выступления из города и продолжали их весь этот день, и четвертый, и пятый до обеда. (3) Когда затем работы были уже почти закончены, войско отошло из Делия, пройдя назад около 10 стадий. Большая часть легковооруженных воинов продолжала отступление, гоплиты же, сложив доспехи и оружие, расположились на отдых. Гиппократ оставался еще в Делии: расставлял посты и распоряжался фортификационными работами, наблюдая за окончанием незаконченных еще укреплений.

91. Беотийцы же в эти дни начали собираться в Танагру. После прибытия туда отрядов из всех городов пришло известие, что афиняне уже возвращаются домой. Тогда почти все беотархи (а их было одиннадцать) [1] высказались против битвы с афинянами, так как неприятель уже покинул беотийскую землю (действительно, афиняне уже были на границе Оропии, разбив там лагерь). Однако Пагонд,[2] сын Эолада, один из двух фиванских беотархов (другим был Арианфид,[3] сын Лисимахида), в то время главнокомандующий, считал, что лучше рискнуть и дать сражение. Он приказал воинам поочередно подходить к нему отдельными отрядами, чтобы не все одновременно покидали строй и в таких словах стал убеждать беотийцев идти на афинян и дать сражение.

92. «Беотийцы! Никто из нас, военачальников, не должен допустить и мысли, что нам не следует сразиться с афинянами, даже если мы и не застанем их уже на беотийской земле. Ведь они проникли через границу в нашу землю и построили укрепление с целью опустошать Беотию. Из этого следует, что они наши враги, где бы мы их ни нашли и откуда бы они ни явились для враждебных действий. (2) Если бы кто раньше и считал, что для нас безопаснее не идти на врага, то теперь пусть переменит свое мнение. Ведь предусмотрительность и осторожность сами по

себе — похвальные качества,[1] но когда враг у ворот и родная земля в опасности, долго не приходится раздумывать, как может раздумывать алчный сосед, сидя дома и спокойно готовя какой-нибудь разбойничий набег. (3) Ведь у вас еще со времен предков всегда было в обычае отражать нападение чужеземцев как на собственной земле, так и на соседской. С афинянами же у нас тем более оснований сразиться, поскольку они — наши соседи. (4) Ведь способность противостоять соседям — всегда залог свободы. Как же против тех людей, которые жаждут поработить не только соседей, но и жителей отдаленных стран, нам не биться до последней возможности? Предостерегающим примером служит нам положение жителей лежащей здесь через пролив Евбеи и почти всей остальной Эллады. Как же у них обстоит дело? Если другие войной решают споры о границах с соседями, то мы должны понять, что в случае поражения для всей нашей страны будет установлена только одна единственная бесспорная граница. Ведь если они вторгнутся в нашу землю, то силой захватят все наше достояние. Вот насколько афиняне опаснее обычных соседей! (5) Обыкновенно враги, уверенные в своей силе (как теперь афиняне), не колеблясь, нападают на соседей, если те бездействуют и лишь в крайнем случае дают отпор на своей земле. Напротив, если врага встречают заранее, еще за пределами своей страны и даже в подходящий момент сами нападают, то он скорее уступает. (6) Впрочем, мы сами убедились в этом на опыте, имея дело с ними. Ведь однажды афиняне, воспользовавшись нашими внутренними раздорами, овладели нашей страной, но мы одолели их при Коронее [2] и обеспечили Беотии полную безопасность до сего дня. (7) Не забывая об этом, нам, старшим,[3] надлежит следовать прежним подвигам, а молодым, как верным сынам доблестных отцов, не посрамить древней беотийской доблести. Уповая на помощь бога, святилище которого афиняне захватили и столь нечестиво превратили в крепость,[4] и на выпавшие нам благоприятные жертвенные знамения, пойдем на врага! Покажем афинянам, что для достижения своей цели им лучше нападать на людей, не способных обороняться, но что им не уйти без борьбы от тех, которые не привыкли порабощать чужие земли, но сумеют защитить с оружием в руках свободу родной земли».

93. Такой воодушевляющей речью Пагонд убедил беотийцев напасть на афинян. Призвав воинов к оружию, он поспешно повел их на врага (ведь час дня был уже поздний). Приблизившись к неприятелю, Пагонд занял позицию, откуда противникам не было видно друг друга из-за разделявшего их холма. Затем он построил войско в боевой порядок и стал готовиться к битве. (2) Между тем Гиппократ еще в Делии [1] получил известие о выступлении беотийцев и отправил войску приказ построиться в боевой порядок, а немного спустя прибыл и сам. У Делия Гиппократ оставил около 300 всадников для защиты от возможного нападения, с тем чтобы в подходящий момент ударить на беотийцев с тыла. (3) Беотийцы же выставили против них отдельный отряд, который должен был держать неприятеля под угрозой. Когда все было готово, беотийцы показались на

вершине холма и затем остановились в определенном заранее боевом порядке. Силы беотийцев насчитывали около 700 гоплитов, более 10 000 легковооруженных, 100 всадников и 500 пелтастов.[2] (4) На правом крыле стояли фиванцы и жители зависимых городов, в центре — отряды из Галиарта,[3] Коронеи и Коп[4] и из прочих приозерных селений. Левое крыло занимали феспийцы, танагрейцы и орхоменцы. Фиванцы стояли, образуя шеренгу глубиной в 25 человек, остальные — как пришлось. Таковы были численность и боевой порядок беотийцев.

94. Все афинские гоплиты, равные по численности неприятелям, стояли в ряд глубиной по 8 человек,[1] а конница расположилась на обоих флангах. Регулярных отрядов легковооруженных у афинян не было (да и в Афинах их тогда не было). По численности легковооруженные афинские воины в несколько раз превосходили отряды противника, однако большинство их следовало за войском совсем без оружия (так как во всеобщее ополчение набирали всех жителей города, как граждан, так и иноземцев). Большая часть ополчения уже раньше вернулась домой[2] и не участвовала в битве. (2) Когда оба войска стояли уже в боевом порядке и должны были вступить в бой, стратег Гиппократ стал обходить ряды и ободрять воинов такими словами:

95. «Афиняне! Моя речь будет краткой, но достаточной для людей доблестных — это скорее напоминание, а не требование. (2) Пусть никто из вас не думает, что у нас нет причин на чужой земле подвергаться столь великой опасности: ведь и здесь борьба идет за нашу землю.[1] Если мы победим, то у пелопоннесцев больше не будет беотийской конницы, и они никогда уже не нападут на нас.[2] Одной битвой вы не только завоюете эту страну, но и освободите нашу землю от бедствий войны. (3) Итак, вперед, на врага! Покажите себя достойными вашего родного города, который все вы с гордостью считаете первым в Элладе, и ваших отцов, которые некогда во главе с Миронидом при Энофитах одолели беотийцев и овладели их землей».[3]

96. Пока Гиппократ так воодушевлял своих воинов (успев при этом пройти по фронту лишь до центра войска), беотийцы после вторичной краткой речи Пагонда, запев пэан, спустились с холма. Тогда и афиняне ускоренным маршем также двинулись врагу навстречу. (2) Однако отряды на флангах обоих противников не вступили в схватку по одной и той же причине: тут и там им мешали потоки воды разлившихся ручьев. На остальной же линии фронта завязалась жестокая рукопашная битва, так что щиты воинов ударялись друг о друга.[1] (3) На левом фланге до центра беотийцев вначале одолевали афиняне, которые сильно теснили эту часть неприятельского войска и особенно феспийцев. После отступления стоявших рядом с ними частей феспийцы были окружены на узком пространстве и изрублены афинянами. Некоторые афиняне в суматохе, когда окружали противника, не узнавая своих, даже убивали друг друга. (4) Итак, здесь беотийцы потерпели поражение и были оттеснены к еще бившемуся правому крылу. Это крыло, где стояли фиванцы, однако, стало одерживать верх над афинянами и, тесня их, начало медленно пре-

следовать по пятам. (5) В этот момент Пагонд, заметив тяжелое положение на левом фланге, незаметно выслал в обход вокруг холма два отряда конницы. Конница внезапно появилась на вершине холма. Тогда победоносное крыло афинян, вообразив, что их атакует другое неприятельское войско, поддалось панике. (6) Таким образом, на обоих флангах, отчасти из-за обходного маневра конницы, частично же под давлением атакующих фиванцев, которые прорвали их боевую линию, все афинское войско обратилось в бегство. (7) Некоторые бежали к морю у Делия, другие — по направлению к Оропу, третьи, наконец, — к горе Парнету или в иную сторону, где надеялись найти спасение. (8) Беотийцы, особенно их конница, а также локрийские всадники,[2] подоспевшие сразу же после начала бегства афинян, преследовали и убивали беглецов. Ночь, однако, прекратила преследование и облегчила спасение большинству воинов. (9) На следующий день афинские воины из Оропа и Делия (все еще бывшего в руках афинян), где находился афинский гарнизон, были отправлены морем домой.

97. Беотийцы, поставив трофей, подобрали тела своих павших воинов и сняли доспехи с убитых врагов.[1] Затем оставили на месте охрану и возвратились в Танагру с намерением напасть на Делий. (2) Между тем глашатай, отправленный из Афин для переговоров о выдаче тел павших воинов, встретился с беотийским глашатаем, который посоветовал ему вернуться, сказав, что тот ничего не добьется, пока сам не возвратится назад к беотийцам. Выступив затем в народном собрании, глашатай от имени беотийцев объявил афинянам, что афиняне поступили несправедливо, нарушив эллинские установления. (3) Ведь у эллинов существует всеми признанный обычай: при вторжении в неприятельскую землю щадить местные святилища. Афиняне же укрепили Делий и теперь поместились в нем по-домашнему и ведут себя там не как в священном месте. Даже воду (которой запрещено даже касаться, кроме как для омовения рук перед жертвоприношением) они черпают и употребляют как обычную воду для своих нужд. (4) Поэтому, призывая всеми чтимые божества и Аполлона, беотийцы от имени бога и от своего имени требуют от афинян, чтобы они покинули святилище, забрав с собой все свое имущество.

98. После такой речи глашатая беотийцев афиняне отправили к беотийцам своего глашатая, который от имени афинян заявил: афиняне вовсе не совершили преступления против святилища, нарушив его неприкосновенность, и впредь добровольно не причинят ему вреда. Ведь они туда проникли не с целью осквернить его, но для того, чтобы оттуда легче защищаться против беззаконных нападений беотийцев. (2) По эллинскому обычаю захватившие какую-нибудь землю — большую или малую — неизменно становятся также и владельцами ее святилищ и обязаны, поскольку это возможно, заботиться о почитании их согласно установленным обычаям. (3) Некогда ведь и сами беотийцы[1] и многие другие племена, силой оружия изгнавшие прежних владельцев земли, где они сами живут ныне, первоначально нападали на святилища, бывшие для них чужими, а теперь владеют этими храмами как своими собственными.

(4) Поэтому если бы афиняне смогли захватить еще большее количество их земли, то удержали бы и ее. Теперь же они добровольно не уйдут из той части, которая находится в их руках, считая ее своей собственностью. (5) Наконец, воду из священного источника они черпали лишь по необходимости, и это было вызвано не их дерзким святотатством, а борьбой с беотийцами, которые первыми вторглись в их землю. (6) Ведь люди, совершившие проступки во время войны или по какой-либо другой крайности, естественно, могут рассчитывать даже на некоторое снисхождение божества, подобно тому как непреднамеренные преступники находят убежища у алтарей. Ведь преступлением можно назвать только проступок, совершенный безо всякой необходимости, а не такой, отважиться на который человека вынудили несчастные обстоятельства. (7) Что касается беотийцев, требующих возврата святилища в качестве выкупа за выдачу тел павших афинян, то они совершают этим гораздо большее нечестие, чем афиняне, которые не хотят святыней выкупать то, что им подобает получить без всякого выкупа. (8) Афиняне требуют от беотийцев ясного заявления, что те позволят им унести тела своих павших воинов не при условии ухода их из беотийской земли, а согласно обычаю в силу перемирия. Кроме того, афиняне находятся вовсе не на беотийской земле, а на территории, принадлежащей им по праву войны.

99. Беотийцы ответили на это: если афиняне в Беотии, то должны уйти оттуда, взяв с собой свое имущество; если же они на своей земле, то сами должны знать, что им делать. Признавая, что Оропия (где лежали тела павших) действительно принадлежит афинянам (битва произошла как раз на границе), беотийцы все же считают, что афиняне не в состоянии силой захватить тела павших против воли беотийцев победителей; сами же они не могут заключить никакого договора о чужой земле. Данный ими ответ: «если афиняне уйдут из их земли, то могут взять с собой все, что требуют», беотийцы считали в данном случае наиболее подходящим. После этого афинский глашатай, ничего не добившись, должен был возвратиться.

100. Затем беотийцы тотчас же вызвали из Мелийского залива метателей дротиков и пращников. На помощь к ним после битвы прибыли также 2000 коринфских гоплитов и пелопоннесский гарнизон, ушедший из Нисеи вместе с мегарцами.[1] С этими силами беотийцы выступили в поход на Делий и атаковали крепость. При этом среди других осадных машин они применили также изобретенное ими приспособление (при помощи которого им и удалось взять крепость). (2) Распилив пополам в длину огромное бревно, они выдолбили его, а затем снова точно соединили обе части наподобие трубки. На одном конце бревна привесили на цепях котел, куда провели от бревна железное сопло кузнечных мехов (причем большая часть самого бревна была также обита железом). (3) Это приспособление подвезли издалека на повозках к тем местам стены, которые были сооружены главным образом из дерева и виноградных лоз.[2] Затем, приставив приспособление вплотную к стене, беотийцы приладили к своему концу бревна огромные кузнечные мехи и принялись

раздувать их. (4) Воздух, проникавший в котел с пылающими углями, серой и смолой, через плотно закрытую трубу раздул огромное пламя. Огонь охватил укрепление, и никто из защитников не смог там оставаться. Гарнизон обратился в бегство, и крепость была таким образом взята. (5) Часть людей была перебита, а 200 человек взято в плен.[3] Большинству, однако, удалось на кораблях возвратиться домой.

101. Делий был взят на семнадцатый день после этой битвы. Немного спустя афинский глашатай вновь прибыл в Беотию с просьбой выдать тела павших (еще ничего не зная о судьбе Делия). Теперь беотийцы уже не повторили отказа, но выдали тела павших. (2) В этой битве беотийцы потеряли немногим меньше 500 человек, афинян же пало около 1000 (в том числе и стратег Гиппократ), а также множество легковооруженных и обозных воинов. (3) Спустя некоторое время после этой битвы Демосфен (которому не удалось с помощью измены взять Сифы) [1] с акарнанами, агреями и 400 афинских гоплитов высадился в Сикионской области. (4) Однако еще до прибытия туда всех кораблей сикионцы явились на помощь. Они обратили афинский десант в бегство и преследовали до кораблей, причем некоторое число воинов перебили, а других взяли в плен. Затем сикионцы поставили трофей и по договору выдали афинянам тела павших. (5) Почти что в дни событий при Делии умер Ситалк,[2] царь одрисов, во время похода на трибаллов, в битве с которыми он потерпел поражение. Царем одрисов и остальной Фракии, как и Ситалк, стал его племянник Севф, сын Спарадока.

102. В ту же зиму Брасид [1] с фракийскими союзниками выступил в поход на Амфиполь, афинскую колонию на реке Стримоне. (2) Уже Аристагор Милетский,[2] после своего бегства от царя Дария, пытался основать колонию там, где теперь расположен этот город, но был вытеснен оттуда эдонами. Затем, спустя 32 года, афиняне [3] также отправили туда 10 000 поселенцев (граждан и других эллинов, желавших к ним присоединиться), которые, однако, были уничтожены фракийцами при Драбеске. (3) Позднее, через 29 лет, афиняне снова выслали колонистов под предводительством Гагнона,[4] сына Никия, которые изгнали эдонов и основали теперешний город на месте, прежде носившем название «Девять Путей». (4) Они отправились из Эйона (афинского приморского торгового порта в устье реки,[5] в 25 стадиях ниже теперешнего города). Гагнон назвал город Амфиполем (потому что Стримон омывает город дугой с двух сторон). Город был окружен длинной стеной от одного рукава реки к другому (чтобы совершенно его отрезать с суши), так что Амфиполь стал хорошо виден с моря и с материка.

103. На этот-то город и пошел Брасид, выступив из Арн [1] на Халкидике. К вечеру он прибыл в Аврон и Бромиск, где озеро Болба [2] изливается в море. Здесь он приказал остановиться на обед и затем ночью продолжал путь. (2) Погода стояла бурная, и шел снег.[3] Брасид спешил, тем более что в Амфиполе (кроме изменников, которые желали передать ему город) никто не должен был знать о нем. (3) В городе находились также поселенцы из Аргила [4] (колонии Андроса) и некоторые другие со-

чувствовавшие заговору (одних подстрекал к этому Перднкка, а других — халкидяне). (4) Особенно же помогали изменникам аргилейцы. Живя вблизи от Амфиполя, они с давних пор внушали подозрение афинянам из-за своих посягательств на этот город. Аргилейцы уже давно завязали переговоры со своими земляками в Амфиполе о сдаче города. Теперь же, когда с прибытием Брасида настал удобный момент, они восстали против афинян и впустили Брасида в свой город. В ту же ночь еще до рассвета они привели свое войско к мосту, ведущему через реку.[5] (5) Сам город Амфиполь находится на некотором расстоянии от моста; длинные стены тогда еще не были доведены до моста (как теперь), а у переправы находился лишь малочисленный сторожевой пост. Брасид, которому благоприятствовала и измена в городе, и внезапно разразившаяся буря, неожиданно напав, легко взял этот пост. Затем он перешел мост и тотчас захватил загородную территорию амфиполитов (их жилища были разбросаны по всей местности).

104. Так как Брасид перешел через реку совершенно неожиданно для горожан и многие жители за городом попали в плен, а другие бежали в городское укрепление, то амфиполиты пришли в смятение, тем более что не питали доверия друг к другу, подозревая измену. (2) Как говорят, Брасид, возможно, взял бы Амфиполь, если бы сразу напал на город, не позволив воинам заняться грабежом. (3) Вместо этого он приказал воинам разбить лагерь и произвести набег на окрестности. А так как его сторонники в городе, против ожидания, не выступили, то и он сам ничего не стал предпринимать. (4) Между тем противная партия, численно превосходившая изменников, помешала им немедленно открыть городские ворота врагу. Она отправила, в согласии со стратегом Евклом[1] (присланным из Афин для охраны города) к Фукидиду, сыну Олора (который написал эту историю), просьбу о помощи городу. Фукидид, другой стратег на фракийском побережье, находился тогда у Фасоса[2] (Фасос — это колония Пароса[3] на расстоянии приблизительно полдневного плавания от Амфиполя). (5) Фукидид при этом известии быстро отплыл с 7 кораблями[4] (которые у него были), чтобы успеть занять Амфиполь (еще до сдачи города врагу) или по крайней мере Эйон.

105. Между тем Брасид, опасаясь прибытия на помощь кораблей из Фасоса (к тому же, узнав, что Фукидид имеет право разработки золотых рудников[1] в этой части Фракии и потому является одним из самых влиятельных людей на материке), решил во что бы то ни стало овладеть городом до прибытия Фукидида. Его тревожило также, как бы народ Амфиполя не отказался от капитуляции: ведь с прибытием Фукидида жители могли надеяться, что он со своей эскадрой и набранным во Фракии войском спасет их. (2) Поэтому Брасид предложил жителям умеренные условия сдачи города, объявив через глашатая: всем местным жителям, равно как и афинянам, кто пожелает, он разрешает остаться в городе на равных правах с остальными гражданами; если же кто не желает остаться, может уйти в течение 5 дней, взяв с собой свое имущество.

106. После того как эти условия были объявлены Брасидом, настроение большинства горожан переменилось. Ведь население города лишь частично состояло из афинян, а в основном представляло пеструю смесь различных племен.[1] К тому же в городе оставалось много родственников горожан, попавших в плен вне города. Поэтому условия капитуляции показались горожанам, сверх ожидания, вполне справедливыми. Афиняне были рады уйти из города, где им угрожала большая опасность, а на помощь извне так скоро они не могли рассчитывать. Остальные также были довольны, поскольку, оставаясь в городе, сохраняли свои гражданские права и, сверх ожидания, чувствовали себя вне всякой опасности. (2) Поэтому сторонники Брасида теперь уже совершенно открыто выступили за его предложение: они видели, что настроение в городе изменилось и народ уже не желает слушаться афинского военачальника в городе.[2] Договор о сдаче был заключен, и горожане приняли Брасида в город на предложенных условиях. (3) Таким образом, они сдали город. Фукидид, между тем, еще в тот же день поздно вечером со своей эскадрой прибыл в Эйон. (4) Брасид же только что захватил Амфиполь: еще бы одна ночь, и он овладел бы Эйоном. Действительно, если бы корабли так быстро не пришли на помощь, на рассвете Эйон был бы в руках Брасида.[3]

107. После этого Фукидид сделал все необходимое для безопасности Эйона на случай нападения Брасида как в данный момент, так и на будущее и принял всех, кто хотел по договору с Брасидом переселиться туда из верхнего города. (2) Брасид же внезапно спустился по реке на множестве ладей[1] к Эйону, чтобы по возможности захватить косу, выступающую от стены в море и таким образом добиться господства над входом в гавань. Одновременно он сделал попытку атаковать город с суши, но обе попытки были отбиты. Затем он возвратился и стал укреплять Амфиполь и его окрестности. (3) Миркин,[2] город эдонян, также перешел на сторону Брасида после убийства царя эдонян Питтака сыновьями Гоаксия и его собственной супругой Браврó.[3] Отпал от афинян и город Галепс,[4] а немного спустя — Эсима[5] (оба города — колонии Наксоса). При этом и Пердикка, который появился там вскоре после взятия Амфиполя, оказывал помощь Брасиду.

108. Падение Амфиполя сильно встревожило афинян, поскольку этот город был важен для них как источник снабжения корабельным лесом[1] и вообще приносил большие доходы.[2] Хотя проход к афинским союзникам вплоть до Стримона при содействии фессалийцев был для лакедемонян открыт, но, не овладев мостом, они не могли продвинуться дальше (ведь выше по течению река образовывала обширное озеро, а внизу около Эйона лакедемонян подстерегала афинская эскадра). Теперь, однако, после захвата Брасидом Амфиполя и моста, все эти трудности для лакедемонян были, по-видимому, устранены (2) и поэтому афиняне опасались отпадения большинства союзников. Ведь Брасид вел себя во всем крайне умеренно и при каждом удобном случае заявлял, что послан лишь для спасения Эллады. (3) И в самом деле, подвластные афинянам города,

слыша о сдаче Амфиполя на умеренных условиях и о мягкости Брасида, теперь в особенности склонялись к восстанию. Они тайно посылали к нему глашатаев с просьбами о помощи, причем каждый город стремился отпасть от афинян первым. (4) И действительно, союзники не считали более отпадение от афинян опасным, в чем, безусловно, как оказалось впоследствии, жестоко ошибались, недооценивая мощь афинян.[3] Ведь люди обычно в своих суждениях руководствуются скорее неясным стремлением, нежели здравым предвидением, и всегда склонны предаваться беспочвенным надеждам, между тем как от того, что им нежелательно, они стараются отделаться произвольными соображениями. (5) Так как афиняне к тому же недавно потерпели поражение в Беотии и Брасид рассказывал союзникам соблазнительные небылицы, будто афиняне при его походе в Нисею[4] не осмелились даже вступить в бой с одним только его войском. Поэтому союзники чувствовали себя в полной безопасности, думая, что никто уже больше не заставит их подчиниться афинянам. (6) Но главное, что побуждало союзников идти на всяческий риск, это непосредственная радость, которую они испытывали от перемены и желание впервые испытать, на что способны лакедемоняне на подъеме своего государственного сознания. (7) Когда афиняне узнали об этих настроениях, они стали посылать в города гарнизоны, насколько это было возможно в спешном порядке и в зимнее время года. Брасид также посылал в Лакедемон настоятельные просьбы о подкреплениях и сам приступил к постройке на Стримоне военных кораблей.[5] (8) Однако лакедемоняне не присылали помощи отчасти по причине зависти влиятельных людей[6] к успехам Брасида, а частью оттого, что для них было более важным получить назад своих пленников с острова и скорее закончить войну.

109. Той же зимой мегарцы вновь захватили свои длинные стены, занятые афинянами, и срыли их до основания.[1] Брасид же после взятия Амфиполя выступил в поход вместе с союзниками на полуостров, называемый Акте.[2] (2) Этот полуостров тянется от Царского канала[3] на юг и оканчивается выдающейся в Эгейское море высокой горой Афоном.[4] (3) Там находятся следующие города: Сана, колония андросцев, непосредственно у самого канала на побережье против Евбеи; Фисс, Клеоны, Акрофои, Олофикс и Дий.[5] (4) Населяют их смешанные варварские двуязычные племена.[6] Небольшая часть их — халкидяне; в основном, однако, это — пеласги,[7] происшедшие от тирсенов,[8] которые некогда жили на Лемносе и в Афинах, бисалты, крестоны и эдоняне.[9] Живут они разбросанно по маленьким городкам. (5) Большинство этих городков перешло на сторону Брасида, но Сана и Дий оказали ему сопротивление. Поэтому Брасид остался с войском здесь и начал разорять их область.

110. Так как эти города не сдавались, то Брасид немедленно выступил против халкидской Торони,[1] занятой афинянами.[2] Туда призывали его некоторые горожане, обещая сдать город. Брасид прибыл к городу еще ночью, незадолго до рассвета, и остановился с войском у святилища Диоскуров, стадиях в трех от города, (2) не замеченный остальными жителями Торони и афинским гарнизоном. Изменники, ведшие переговоры

с Брасидом, знали, что он придет, и некоторые из них тайно вышли из города, поджидая его. Заметив, что Брасид уже прибыл, изменники впустили в город семь человек из своих, вооруженных только кинжалами, во главе с Лисистратом из Олинфа (из двадцати человек, первоначально назначенных для этого, только семь не побоялись войти в город). Через пролом в городской стене, выходящей к морю, они проникли в город и затем поднялись до самой вершины холма, на котором лежит город, не замеченные сторожевой охраной, перебили ее и затем стали ломать малые ворота в стене со стороны мыса Канастрея.[3]

111. Между тем Брасид, пройдя с остальным войском немного дальше, остановился. Затем он выслал 100 пелтастов, которые должны были по условному знаку первыми ворваться в город, как только откроются какие-либо ворота. (2) Но время шло, и пелтасты, удивляясь задержке в городе, постепенно подходили все ближе, пока не оказались у самого города. Тем временем сторонники Брасида в Тороне вместе с проникшими в город воинами взломали малые ворота и, разрубив деревянный засов,[1] открыли ворота городской площади. Сначала они провели в город окольным путем через малые ворота несколько воинов, чтобы внезапным появлением с тыла и с обеих сторон устрашить ничего не подозревавших горожан. Затем, подав условный сигнал огнем, они впустили остальных пелтастов через ворота на площадь.

112. Как только Брасид увидел сигнал, то быстро двинулся на город со всем войском, которое своим боевым кличем привело жителей в смятение. (2) Часть воинов проникла в город прямо через ворота у площади, другие же вошли по четырехугольным доскам, служившим опорой для ремонта обвалившейся стены и для подъема камней. (3) Сам Брасид с основной массой воинов направился к верхней части города, чтобы овладеть им полностью, в то время как остальные воины рассеялись в различных направлениях.

113. Большинство жителей во время захвата города, ничего не зная о заговоре, пришло в замешательство. Заговорщики же и их сторонники сразу присоединились к проникшим в город лакедемонянам. (2) Что до афинян (до 50 афинских гоплитов, занимавших площадь, в это время спали), то некоторые, проснувшись от шума, пали в рукопашной схватке, остальным удалось спастись частью по суше, частью на двух сторожевых кораблях и найти убежище в крепости Лекиф (ее занимали только одни афиняне). Лекиф — это городская крепость на мысе, выступающем в море, связанная с городом только узким перешейком. Туда же бежали и сторонники афинян в Тороне.

114. С наступлением дня Брасид уже всецело овладел городом. Он велел через глашатая объявить торонцам, бежавшим из города [1] с афинянами, что каждый, кто пожелает, может возвратиться в свой дом и безбоязненно жить в городе. К афинянам же он послал глашатая с требованием по договору о перемирии уйти из Лекифа (как принадлежащего халкидянам) [2] со всем своим имуществом. (2) Афиняне отказались покинуть Лекиф, но просили перемирия на один день, чтобы подобрать тела

павших, а Брасид предоставил перемирие на два дня. В эти два дня он вел работы по укреплению домов поблизости от Лекифа, а афиняне — самой крепости. (3) Затем, созвав народное собрание жителей Тороны, Брасид обратился к ним с речью, близкой к той, какую он уже держал в Аканфе.[3] Горожане, говорил он, не должны считать низменными предателями тех людей, которые помогали ему взять город. Ведь они совершили это не ради порабощения родного города и не по причине подкупа, но во имя блага родины и ради ее свободы. И пусть те, кто не участвовал в заговоре, не думают, что им будет хуже, чем его участникам. Ведь он, Брасид, пришел не затем, чтобы причинить зло городу или отдельным гражданам. (4) Поэтому-то он и объявил бежавшим к афинянам, что не считает их из-за дружбы с афинянами дурными гражданами. К тому же он убежден, что торонцы, познакомившись с лакедемонянами, станут не только не менее, но гораздо более благожелательными к ним (поскольку лакедемоняне поступают справедливее афинян), и лишь потому до сих пор их боялись, что не знали их ранее. (5) Торонцы должны решиться стать верными союзниками и отныне отвечать за свои ошибки. Что же касается прошлого, то поскольку терпели обиды не они, лакедемоняне, а скорее сами торонцы от другой покорившей их державы, то их можно извинить за противодействие лакедемонянам.

115. Успокоив такими словами горожан, Брасид по окончании перемирия начал атаку Лекифа. Афиняне защищались, находясь в своем слабом укреплении и в некоторых домах с брустверами, и целый день отбивали приступ. (2) На следующий день неприятели подвели осадную машину, чтобы из нее метать огонь в деревянную обшивку укрепления. Когда войско лакедемонян стало подходить к крепости, афиняне поставили в наиболее уязвимом месте стены, на верху одного дома, деревянную башню (там, где, как они думали, неприятель, по всей вероятности, приставит машину). На эту башню они подняли множество амфор, глиняных бочек с водой и больших камней; много людей также взобралось на нее. (3) Внезапно, однако, это сооружение, слишком перегруженное, со страшным треском обрушилось. Падение башни скорее опечалило, чем устрашило афинян, стоявших поблизости. Однако те, кто стоял дальше (и особенно на большом расстоянии от башни), вообразили, что это уже часть крепости захвачена неприятелем, и бежали к морю и к своим кораблям.

116. Заметив, что афиняне покидают брустверы, и видя все происходящее, Брасид устремился на штурм. Крепость была взята и все защитники перебиты. (2) Афиняне же, которые покинули крепость, благополучно переправились на военных кораблях и других судах в Паллену. Перед штурмом Брасид обещал через глашатая дать 30 мин серебра первому, кто взойдет на стену. Теперь же, решив, что крепость взята благодаря вмешательству некоей сверхчеловеческой силы, он приказал эти 30 мин принести в дар богине Афине (храм ее как раз находился в Лекифе), крепость разрушить, а все место очистить и превратить в священный участок божества. (3) Остальную часть зимы Брасид потратил

на установление нового порядка в занятых фракийских городах и разрабатывал также планы захвата остальных. С исходом зимы кончался и восьмой год этой войны.

117. С наступлением весны лакедемоняне заключили с афинянами перемирие на один год. Афиняне надеялись, что Брасид не сможет уже больше привлечь на свою сторону ни одного союзного города,[1] пока они сами не закончат во время перемирия военные приготовления. Вместе с тем они рассчитывали, что им впоследствии при благоприятных обстоятельствах удастся заключить мир на более длительный срок. Лакедемоняне же, верно угадывая опасения, действительно тревожившие афинян, думали, что теперь, когда бедствия и труды войны миновали, афиняне, вкусив блага мира, будут более сговорчивы, возвратят пленников и заключат мир на долгое время. (2) Ведь возвращение пленников было главной заботой лакедемонян, в то время когда Брасид еще добивался новых успехов. С другой стороны, лакедемоняне опасались, что если даже дальнейшие успехи Брасида восстановят равновесие сил между воюющими сторонами, то все же продолжение войны означает новые потери людьми, и эти потери не будут возмещены равновесием сил с врагами или ожидаемой победой.[2] Итак, они заключили перемирие для себя и своих союзников на следующих условиях.

118. «О святилище и оракуле Аполлона Пифийского мы постановляем, чтобы всякий желающий по отеческим обычаям вопрошал оракул без обмана и страха. (2) Лакедемоняне и присутствующие союзники обещают также послать глашатаев к беотийцам и фокийцам, чтобы по возможности убедить и их. (3) Об имуществе бога [1] заботиться и вам, и нам, и всем желающим по обычаям предков, принимая меры для розыска провинившихся, поступая при этом всегда по праву и справедливости, согласно обычаям отцов. (4) Так постановили об этом лакедемоняне и остальные союзники. А вот что постановили лакедемоняне и прочие союзники на случай согласия афинян заключить договор. Каждая сторона должна оставаться на своей земле, сохраняя свои нынешние владения. Находящиеся в Корифасии [2] пусть остаются в пределах холмов Буфрады и Томея.[3] Находящиеся на Киферах [4] не должны вступать в сношения ни с одной частью Пелопоннесского союза, ни мы с ними, ни они с нами. Находящиеся в Нисее и Миное [5] не должны переходить дороги, ведущей от ворот у храма Ниса [6] к храму Посейдона и оттуда прямо по мосту к Миное.[7] Также и мегарцы с их союзниками пусть не пересекают этой дороги. Афиняне пусть владеют островом, который они захватили.[8] Однако ни одна из обеих сторон не должна вступать в сношения с другой. Пусть афиняне также сохраняют свои теперешние владения в Трезене по соглашению, заключенному между афинянами и трезенцами. (5) Лакедемонянам и их союзникам плавать по морю вдоль побережья в своих собственных водах и в водах союзников, но не на военных кораблях, а на весельных грузовых судах с грузом не больше 500 талантов. (6) Глашатаю и посольствам о заключении мира и о разрешении споров с их спутниками в установленном числе беспрепятственно приходить и уходить

в Пелопоннес и Афины как по морю, так и по суше. (7) Перебежчиков [9] в течение этого времени ни свободных, ни рабов, ни вам, ни нам не принимать. (8) Вам судить нас и нам судить вас по обычаям предков, разрешая споры судом и не прибегая к оружию. (9) Так постановляют лакедемоняне и союзники. Если же вы считаете что-либо лучшим или более справедливым, то, явившись в Лакедемон, изложите ваше мнение. Ни лакедемоняне, ни их союзники не отвергнут ни одного вашего справедливого предложения. (10) Пусть ваши послы прибудут к нам с полномочиями, как этого вы требуете и от нас. Перемирие же будет на год. (11) Афинский народ постановил. Пританствовала фила Акамантида.[10] Фенипп был секретарем, Никиад был эпистатом. Лахет внес предложение: в добрый час на благо афинского народа. Заключить перемирие на условиях, предложенных лакедемонянами и их союзниками и принятых народным собранием. (12) Перемирию продолжаться один год, а начинать его с сегодняшнего дня, в 14-й день месяца элафоболиона.[11] (13) Во время перемирия каждая сторона должна направлять послов и глашатаев с предложениями об окончании войны. (14) Стратеги и пританы должны созвать народное собрание, для того чтобы обсудить прежде всего вопрос о мире и все предложения об окончании войны, какие сделает лакедемонское посольство. Присутствующие же здесь послы должны тотчас же дать торжественное обязательство не нарушать перемирия в течение года».

119. Этот договор заключили лакедемоняне и союзники с афинянами и их союзниками и скрепили его клятвой в 12-й день лакедемонского месяца герастия.[1] (2) От имени лакедемонян заключали договор и приносили клятву: Тавр, сын Эхетимида, Афиней, сын Периклида, Филохарид,[2] сын Эриксилаида; от имени коринфян: Эней, сын Окита, Евфамид,[3] сын Аристонима; от имени сикионцев: Дамотим, сын Навкрата, Онасим, сын Мегакла; от имени мегарцев: Никас, сын Кекала, Менекрат, сын Амфидора; от имени эпидаврийцев: Амфий, сын Евпалида. От имени же афинян: стратеги Никострат, сын Диитрефа, Никий, сын Никерата, Автокл, сын Толмея.[4] (3) Так было заключено перемирие на вышеупомянутых условиях, в течение которого все время шли переговоры о более длительном мире.

120. Приблизительно в дни заключения перемирия Скиона [1] (город на Паллене) восстала против афинян и перешла на сторону Брасида. Жители Скионы, по их словам, будто бы происходят из Пеллены в Пелопоннесе,[2] но их предки на пути из-под Трои были отнесены бурей, застигшей ахейский флот,[3] в это место, где они и нашли убежище. (2) Узнав о восстании скионцев, Брасид ночью переправился в Скиону.[4] Впереди его шла дружественная триера, а сам он в лодке следовал за ней на некотором расстоянии, чтобы триера могла прийти на помощь, если им встретится судно более крупное, чем эта лодка. Если же подойдет какая-нибудь другая вражеская триера, то она, по расчету Брасида, нападет не на лодку, а на идущую впереди триеру, а он сам в это время успеет спастись. (3) Переправившись в Скиону, Брасид созвал народное собрание граждан и, повторив там уже сказанное им ранее в Аканфе и Тороне,[5] добавил, что их поведение заслуживает величайшей похвалы. Действи-

тельно, скионцы, отрезанные на перешейке Паллены афинянами, владевшими Потидеей, и будучи как бы островитянами, все же добровольно перешли на сторону свободы и не стали трусливо дожидаться, пока их силой заставят сделать то, что совершенно очевидно пойдет им на пользу. (4) Это показывает, говорил Брасид, что они при всех обстоятельствах сумеют мужественно постоять за себя и в будущем, и если дело пойдет, как он предполагает, то он будет считать их истинными и вернейшими друзьями лакедемонян и оказывать им всяческое уважение.

121. Скионцы были воодушевлены этой речью и все согласно [1] — даже те, кто сначала не сочувствовал восстанию, — ободрившись, решили мужественно переносить тяготы войны. Они оказали Брасиду почетный прием и от имени города увенчали золотым венком как освободителя Эллады. Многие горожане в знак личного восхищения приносили ему гирлянды цветов и прославляли как победителя на играх.[2] (2) Затем Брасид, оставив в городе маленький гарнизон, уехал. Вскоре, однако, он возвратился с более многочисленным войском, чтобы, опередив афинян, вместе с скионцами напасть на Менду [3] и Потидею.[4] Он был уверен, что афиняне последуют за ним с кораблями на помощь Палле не, которую они рассматривали как остров.[5] Кроме того, он завязал тайные переговоры с обоими этими городами, надеясь овладеть ими путем измены.

122. В то время, когда Брасид готовился напасть на эти города, в Торону к нему прибыли на триере послы: из Афин Аристоним [1] и из Лакедемона Афиней, которым было поручено повсеместно объявить о заключении перемирия. (2) Тогда войско Брасида снова возвратилось в Торону. Послы объявили Брасиду о договоре, и все лакедемонские союзники на фракийском побережье признали перемирие. (3) Аристоним согласился на договор о перемирии со всеми остальными союзниками, но, убедившись по расчету дней, что скионцы восстали уже после его заключения, отказался распространить на них действие договора. Брасид же настаивал, что восстание произошло еще до перемирия, и не сдавал город. (4) Когда же Аристоним сообщил об этом в Афины, афиняне тотчас же приготовились идти в поход на Скиону, лакедемоняне же, отправив посольство в Афины, утверждали, что афиняне такими действиями нарушат договор. Доверяя Брасиду, они выставляли свои притязания на этот город, но изъявляли готовность решить спор третейским судом. (5) Однако афиняне не пожелали идти на риск третейского разбирательства [2] и решили немедленно выступить в поход. Действительно, афиняне были раздражены тем, что даже и островитяне теперь отважились восстать против них, полагаясь на бесполезную для них сухопутную силу лакедемонян.[3] (6) Что до времени восстания скионцев, то правда была скорее на стороне афинян, так как скионцы восстали через два дня после заключения перемирия. По предложению Клеона афиняне немедленно постановили захватить Скиону и казнить жителей и стали готовиться к походу, оставив пока другие предприятия.

123. Между тем подняла восстание против афинян также Менда, город на Палле не, колония эритрейцев.[1] Брасид принял мендейцев, полагая, что

имеет на это право, хотя, когда они открыто перешли к нему, мирный договор несомненно уже был заключен, а он сам обвинял афинян в нарушении нескольких пунктов договора. (2) Мендейцы тем скорее решились восстать, что могли положиться на Брасида, судя по тому, что он не выдал афинянам Скиону.[2] Кроме того, в городе существовала, правда немногочисленная, группа людей, уже ранее связанных с Брасидом и желавших передать город в его руки. Эти люди не отказались от своих замыслов, но, опасаясь за себя (в случае, если их заговор откроется), принудили народ поступить против его настроения. (3) Афиняне тотчас получили известие об этом событии и еще сильнее раздраженные им стали готовиться к походу на оба восставших города. (4) Между тем Брасид, в ожидании прибытия афинской эскадры, велел вывезти скионских и мендейских женщин и детей[3] в Олинф на Халкидике и послал на помощь мендейцам 500 пелопоннесских гоплитов и 300 халкидских пелтастов во главе с Полидамидом. Оба города стали готовиться к совместной обороне против афинян, которые должны были вот-вот появиться.

124. Тем временем Брасид и Пердикка вторично выступили в поход на Линк[1] против Аррабея. Пердикка шел во главе войска подвластных ему македонян и отряда гоплитов из эллинских городов[2] его царства. Брасид же, кроме оставшихся у него пелопоннесцев, халкидян и акантфиев, предводительствовал еще и отрядами гоплитов прочих городов в том числе, какое каждый город мог выставить. Всего же в их войске было приблизительно 300 эллинских гоплитов, халкидских и македонских всадников около 1000 и, кроме того, за ним следовало полчище варваров.[3] (2) Вступив во владения Аррабея, Брасид и Пердикка нашли линкестов, стоявших в полной боевой готовности, и сами разбили лагерь напротив врагов. (3) Пехота обеих армий стояла на противоположных холмах, между ними простиралась равнина,[4] куда спустились всадники обеих сторон и начали сражение между собой. Затем гоплиты линкестов стали продвигаться с холма и, присоединившись к своей коннице, вступили в бой. Брасид и Пердикка, построив свои войска в боевом порядке, атаковали врага. Обратив линкестов в бегство, они перебили на месте множество врагов. Остальные вражеские воины бежали в горы и оттуда более не нападали. (4) После этого победители воздвигли трофей и оставались на месте битвы два или три дня в ожидании подхода иллирийских наемников,[5] набранных Пердиккой. Отсюда Пердикка хотел идти дальше против селений Аррабея, Брасид, однако, не был склонен следовать за ним, но предпочитал возвратиться назад.[6] Он беспокоился за Менду, опасаясь, что афиняне могут прибыть туда на кораблях до его возвращения и причинить беду городу, тем более что иллирийцы не появлялись.

125. Между тем, пока Брасид и Пердикка пререкались из-за дальнейших действий, пришло известие, что иллирийцы изменили Пердикке и перешли к Аррабею. Поэтому оба полководца задумали отступить из страха перед иллирийцами, так как это было очень воинственное племя, однако определенного решения принято не было из-за разногласия о времени выступления. С наступлением ночи на македонян и большинство

варваров вдруг напал панический страх, которому иногда без всякой видимой причины подвержены большие армии.[1] Воинам представилось, будто врагов гораздо больше, чем их было на самом деле, и что те идут уже за ними по пятам, и они внезапно обратились в бегство, устремившись домой. Они заставили ничего сначала не подозревавшего Пердикку, когда тот, наконец, понял, в чем дело, уйти, даже не переговорив с Брасидом, так как оба лагеря находились на большом расстоянии друг от друга. (2) На рассвете Брасид, увидев, что македоняне уже ушли, а иллирийцы и Аррабей угрожают нападением, решил и сам также отступить. Он построил гоплитов в каре, а легковооруженных поместил в середину (3) и отобрал самых молодых воинов с тем, чтобы они, выбегая, ударяли на врага в любом месте, где он нападет, а сам с 300 отборных воинов расположился в арьергарде, чтобы отражать атаки головного отряда противника. (4) Прежде чем враги успели подойти, Брасид (насколько это было возможно в спешке) обратился к воинам с увещанием в таких словах.

126. «Пелопоннесцы! Если бы я не думал, что вы в смятении, оставшись в одиночестве и зная, что на вас идут грозные полчища варваров, то я бы не прибавил к призыву ободриться, с которым я всегда обращался к вам, еще и наставление. Но теперь, когда вы остались одни лицом к лицу со множеством врагов, я постараюсь вкратце напомнить и внушить вам самое важное. (2) Ведь вам подобает проявлять воинскую доблесть оттого, что доблесть эта у вас в крови, а не потому, что у вас в том или ином случае есть союзники. Поэтому вас не должно устрашать никакое множество врагов.[2] Помните, что ведь в городах, откуда вы пришли, не большинство правит меньшинством, но немногие господствуют над народной массой, и этим они обязаны только своему превосходству на поле брани. (3) Что же до ваших врагов — варваров, которые теперь могут устрашать вас только по неведению, то вы все же можете судить о них по вашим прошлым столкновениям с македонянами,[3] и они вовсе не будут вам страшны. Для меня это ясно из того, что я о них знаю сам, а также по рассказам других. (4) А если кажущаяся сила врагов на самом деле скрывает их слабость, то правильное понимание этого, приходящее в самой битве, должно придать больше бодрости обороняющимся. На тех же, кто отважен в действительности, нападают смелее, не зная заранее об этом. (5) Эти иллирийцы издали страшны для тех, кто с ними не встречался. И действительно, уже сам вид этих огромных полчищ способен внушить ужас; невыносим их громкий боевой клич, и пустое бряцание оружием усиливает это впечатление. Однако вступить в решительную борьбу с теми, кто способен стойко выдержать все это, они не в состоянии. Ведь они не сражаются в правильном боевом порядке[4] и поэтому не считают позором покидать под натиском врага какую-либо порученную им позицию. Как бегство, так и нападение у них считаются одинаково похвальными, и потому и сама доблесть варваров на деле остается непроявленной. При их способе сражаться, не соблюдая строй, не подчиняясь команде, каждый охотно находит пристойное оправдание

собственному спасению. Поэтому они считают более надежным устрашать вас издали, чем вступать в рукопашную схватку. Иначе для чего им нужно запугивать нас, вместо того чтобы сражаться? (6) Таким образом, вы можете ясно видеть, что опасность на деле не так велика, хотя страшна на вид и на слух. Если вы выдержите натиск врага и когда, в случае надобности, будете отступать в порядке, сомкнутым строем,[5] то вскоре окажетесь в безопасности. Впредь же вы будете знать, что если сдержать первый натиск, эти дикие полчища могут лишь издали кичливыми угрозами выказывать свою храбрость, готовясь к нападению, но не нападая. Если же им уступить хоть раз, то, преследуя врага по пятам и чувствуя себя в безопасности, они станут выказывать свое мужество».

127. После такого обращения к войску Брасид начал отступать. Варвары же, увидев это и решив, что Брасид обращен в бегство и они могут настичь и уничтожить его войско, с громким криком напали на него. (2) Однако, где бы варвары ни атаковали, они всюду встречали сопротивление выбегающих ударников, а сам Брасид с отборными людьми сдерживал настигающих. Так первый натиск, против ожидания варваров, был отбит, и всякий раз, когда атаки возобновлялись, лакедемоняне встречали их в боевой готовности и давали отпор. Когда атаки, наконец, прекратились, лакедемоняне беспрепятственно продолжали отступление. Тогда большая часть варваров перестала нападать на открытом месте на Брасида и его эллинов. Оставив небольшой отряд с тем, чтобы он, следуя по пятам за лакедемонянами, при случае атаковал их, варвары с главными силами беглым маршем бросились на бегущих македонян, убивая всех, кого настигали. Они успели захватить узкий проход между двумя холмами, ведущий в землю Аррабея, зная, что это был единственный путь Брасида для отступления, и когда Брасид уже подходил к самой теснине, стали окружать его.

128. Заметив намерение варваров, Брасид приказал своим 300 отборным воинам без соблюдения строя, со всей возможной для каждого быстротой бежать к вершине того из холмов, которым, по его мнению, легче можно было овладеть, чтобы попытаться выбить находившихся там варваров, пока большинство их не успело еще подняться на холм и полностью окружить лакедемонян. (2) Воины Брасида атаковали холм и вытеснили оттуда неприятеля, так что главным силам эллинов теперь было легче выйти на соединение с ними. Варвары же, видя, что их люди разбиты в этом месте и оттеснены с возвышенности, пришли в замешательство. Они считали, что враги уже на границе и вне опасности, и поэтому прекратили преследование лакедемонян. (3) Тогда Брасид, заняв высоты, продолжал путь без дальнейших затруднений и еще в тот же день прибыл сначала в Арнису во владениях Пердикки. (4) Воины Брасида были раздражены преждевременным отступлением македонян. Когда им по дороге попадались повозки македонян с быками или брошенная поклажа (как это и естественно было при паническом ночном отступлении), то они без приказа распрягали быков и забивали их, а поклажу присваивали себе.[1] (5) С этих пор Пердикка впервые стал смотреть на Брасида как на врага

и питать неприязнь к пелопоннесцам, которая не соответствовала его подлинным чувствам к афинянам: даже вопреки своим истинным интересам [2] Пердикка делал все, чтобы как можно скорее достигнуть соглашения с афинянами и избавиться от пелопоннесцев.

129. По возвращении из Македонии в Торону Брасид узнал, что Менда [1] уже захвачена афинянами. Полагая, что теперь нет возможности переправиться на Паллену,[2] он спокойно стоял и охранял Торону. (2) Во время событий в Линке [3] афиняне отплыли против Менды и Скионы с только что снаряженной эскадрой из 50 кораблей (из них 10 было хиосских). На борту находилось 1000 афинских гоплитов, 600 лучников,[4] 1000 фракийских наемников и, кроме того, еще некоторое число легковооруженных воинов [5] из тамошних союзников под начальством Никия, сына Никерата, и Никострата,[6] сына Диитрефа. (3) Отплыв из Потидеи,[7] афиняне высадились у Посидония [8] и затем двинулись на Менду. Жители Менды с тремястами присоединившихся к ним скионцев и вспомогательным пелопоннесским отрядом (всего 700 гоплитов) под начальством Полидамида [9] заняли близ города сильную позицию на холме. (4) Никий с отрядом из 120 легковооруженных мефонцев,[10] 60 отборных афинских гоплитов и всех лучников пытался взойти на холм по какой-то тропинке, но не смог пробиться, причем его воины получили ранения. Никострат же со всем остальным войском подходил к труднодоступному холму по другой, более длинной дороге, но был вынужден в большом беспорядке отступить, так что все афинское войско едва не потерпело поражение. (5) Таким образом, в этот день афинянам пришлось отойти и разбить лагерь, так как мендейцы и их союзники удержали свои позиции. Ночью мендейцы также возвратились в свой город.

130. На следующий день афиняне обогнули Менду морем со стороны, обращенной к Скионе,[1] овладели предместьем и целый день разоряли область. Из города же никто не выходил (там даже поднялись какие-то смуты). Следующей ночью 300 скионцев возвратились домой. (2) С наступлением дня Никий с половиной войска дошел до скионской границы, по пути разоряя их землю, в то время как Никострат с остальными отрядами расположился лагерем у верхних ворот Менды [2] (откуда идет дорога на Потидею). (3) За стенами в этой части города как раз находился склад оружия мендейцев и союзников, и Полидамид, построив свой отряд в боевом порядке, стал убеждать мендейцев идти на врага. (4) Один из сторонников народной партии, выражая ее настроения, стал возражать Полидамиду, заявив, что не пойдет за ним и не видит надобности воевать с афинянами. Едва он произнес эти слова, как Полидамид схватил его за руку и привел в смятение. Но народ, разъярившись, сразу взялся за оружие и напал на пелопоннесцев и их сторонников в городе. (5) После первого натиска пелопоннесцы бежали, отчасти потому, что не ожидали нападения, а также и оттого, что были испуганы тем, что городские ворота были открыты для афинян. Они решили, что нападение на них было совершено по предварительному сговору. (6) Все пелопоннесцы, кто не был убит на месте, нашли убежище на акрополе (который

еще раньше занимали). Афиняне же ворвались в Менду (Никий уже успел снова подойти к городу). Так как городские ворота были открыты без договора о сдаче, то афиняне разграбили город так, словно он был взят штурмом, и военачальники едва удержали воинов от избиения жителей. (7) После этого афиняне позволили мендейцам сохранить прежний демократический образ правления и самим судить тех, кого сочтут виновным за восстание против афинян.[3] В то же самое время афиняне отрезали пелопоннесцев на акрополе с обеих сторон стеной до моря и поставили охрану. Сразу после взятия Менды афиняне выступили в поход на Скиону.

131. Жители Скионы вместе с пелопоннесцами [1] вышли им навстречу из города и заняли сильную позицию перед городом на крутом холме, который, как ожидали, неприятель должен был сначала занять, если бы вознамерился окружить город осадной стеной. (2) Афиняне стремительной атакой взяли холм и в сражении оттеснили врагов. Затем они разбили лагерь, поставили трофей и начали готовиться к осаде города. (3) Спустя некоторое время, когда афиняне уже приступили к осадным работам, осажденный на акрополе Менды пелопоннесский вспомогательный отряд, пробившись через охрану, ночью по берегу моря прошел к Скионе. Большей части отряда удалось затем проскользнуть мимо афинян, стоявших перед Скионой, и войти в город.

132. Между тем, пока еще шло строительство осадной стены вокруг Скионы, Пердикка отправил глашатая к афинским военачальникам (он питал вражду к Брасиду из-за отступления от Линка [1] и начал переговоры с афинянами сразу же после отступления) и заключил с ними соглашение. (2) Как раз в это время лакедемонянин Исхагор [2] собирался выступить с войском по суше на помощь Брасиду. Пердикка же, от которого Никий после заключения договора требовал несомненных доказательств верности афинянам, не желал больше допускать пелопоннесцев в свою землю. Поэтому он тайно подговорил своих друзей в Фессалии (он постоянно был связан с наиболее влиятельными людьми в стране) не пропускать Исхагора с войском и расстроил все планы похода, так что тот даже не пытался пройти через Фессалию.[3] (3) Все же Исхагор, Аминий и Аристей,[4] посланные лакедемонянами выяснить положение дел на месте, сами прибыли к Брасиду. Вопреки обычаю,[5] они привели к нему несколько молодых людей из Спарты, чтобы поставить их правителями городов, а не вверять управление случайным людям. Таким образом, Брасид назначил Клеарида, сына Клеонима, правителем в Амфиполь, а Пасителида,[6] сына Гегесандра, — в Торону.

133. В то же лето фиванцы срыли стены Феспий, обвинив феспийцев в расположении к афинянам. Фиванцы всегда желали это сделать, но теперь обстоятельства складывались для них благоприятнее, так как цвет феспийской молодежи пал в битве с афинянами.[1] (2) Тем же летом погиб в огне храм Геры в Аргосе, так как жрица Хрисида поставила зажженный светильник слишком близко к венкам, украшавшим святилище, и затем заснула: [2] пожар вспыхнул незаметно, и весь храм стал добычей

пламени. (3) В страхе перед аргосцами Хрисида еще той же ночью бежала во Флиунт. Аргосцы же по установленному обычаю выбрали новую жрицу по имени Фаннида. До своего бегства Хрисида была жрицей в течение восьми с половиной лет войны. (4) Уже в конце этого лета осадная стена вокруг Скионы была совершенно закончена, и афиняне, оставив охрану, с остальным войском возвратились домой.

134. Следующей зимой военные действия афинян и лакедемонян прекратились в силу перемирия. Мантинейцы же и тегейцы вместе с союзниками вступили в сражение при Лаодокии [1] в области Оресфиде, но кто одержал победу, осталось неясно. Действительно, обе стороны обратили в бегство противостоящее крыло неприятеля. И те, и другие воздвигли трофеи и послали в Дельфы взятую добычу. (2) После больших потерь с обеих сторон ночь заставила прекратить битву, не дав никому перевеса. Тегейцы, заняв поле битвы, расположились там лагерем и тотчас же поставили трофей, а мантинейцы отступили в Буколий и после также воздвигли трофей.

135. В конце той же зимы, незадолго до наступления весны, Брасид сделал попытку захватить Потидею. Он подступил к городу ночью и велел незаметно приставить к городской стене осадную лестницу (ее успели приставить к неохраняемой части стены в тот момент, когда часовой, с колокольчиком обходивший стену, только что покинул свой пост и еще не вернулся). Однако стража вовремя заметила лестницу, до того как лакедемоняне успели подняться на стену. Поэтому Брасид поспешно отступил с войском еще до рассвета. (2) Так окончилась зима, и подошел к концу и девятый год войны, которую описал Фукидид.[1]

КНИГА ПЯТАЯ

1. Следующим летом истек срок годичного перемирия, но военные действия не возобновлялись до начала Пифийских игр.[1] Еще во время перемирия афиняне заставили жителей Делоса выселиться с острова, по причине какой-то древней вины сочтя их нечистыми,[2] недостойными близости к святыне. Кроме того, и очищение, которое они совершили, как они считали правильно, удалив с острова гробницы покойников, о чем я рассказал выше,[3] теперь казалось афинянам недостаточным. Большинство делосцев поселились в Атрамиттии[4] в Азии, который им предоставил Фарнак,[5] другие же направились кто куда захотел.

2. По окончании перемирия[1] Клеон убедил афинян послать его на Фракийское побережье с эскадрой из 30 кораблей во главе 1200 афинских гоплитов, 300 всадников и со множеством союзников. (2) Прибыв сперва в Скиону,[2] которую тогда афиняне все еще осаждали, он взял с собой отряд гоплитов из числа осаждавших город и затем высадился в гавани Кофе близ города Тороны. (3) Оттуда Клеон, узнав от перебежчиков, что Брасида нет в Тороне[3] и гарнизон ее слишком слаб, двинулся с сухопутным войском к городу и отправил десять кораблей крейсировать у гавани. (4) Сначала Клеон подошел к новой обводной стене, которую Брасид велел возвести вокруг города, включая и предместье (при этом Брасид уничтожил часть старой стены и таким образом создал единый город).

3. На защиту стены поспешил начальник лакедемонского гарнизона Пасителид и пытался отбить нападение афинян. Когда, однако, защитникам приходилось трудно, а корабли, посланные к гавани, находились близко, Пасителид испугался, как бы десант с кораблей не захватил город, оставшийся без обороны, а сам он в случае захвата стены не был отрезан. Поэтому, оставив стену, он поспешил назад в город. (2) Между тем афиняне успели уже взять Торону, частью десантом с кораблей, частью же сухопутным войском, вслед за тем ворвавшимся в город через пролом в старой стене. В рукопашной схватке пелопоннесцы и то-

роняне были частью перебиты афинянами, остальные же (среди них и военачальник Пасителид) [1] взяты в плен. (3) Брасид выступил было на выручку Торону, но, узнав по дороге, что город уже в руках афинян, вернулся назад: опоздал он всего на каких-нибудь 40 стадий пути, чтобы предупредить захват города. (4) Клеон и афиняне поставили два трофея: один — в гавани, другой — у стены. Торонских женщин и детей они продали в рабство, мужчин же торонян и пелопоннесцев, а также много бывших в городе халкидян (в общем 700 человек) отослали в Афины. Впоследствии по мирному договору [2] пелопоннесцы были освобождены, остальных же в обмен [3] на равное число пленных афинян увезли олинфяне. (5) Приблизительно в это же время беотийцы путем измены захватили афинское пограничное укрепление Панакт.[4] Клеон между тем, оставив в Тороне гарнизон, снова вышел в море, идя вокруг Афона на Амфиполь.

4. Около этого же времени Феак,[1] сын Эрасистрата, с двумя товарищами [2] отплыл на двух кораблях в Италию и Сицилию как афинский посол. (2) Ибо после заключения договора [3] и ухода афинян из Сицилии в Леонтинах многие получили гражданские права, и народная партия задумала новый передел земли. (3) Узнав об этом, знатные граждане призвали на помощь сиракузян и изгнали демократов, которые с тех пор рассеялись по всей стране. Знатные же, договорившись с сиракузянами, разорили и оставили свой город и затем переселились в Сиракузы, получив там права гражданства. (4) Впоследствии некоторые из них покинули Сиракузы (так как им пришлось там не по душе) и заняли часть города Леонтины под названием Фокеи и укрепление Брикинн [4] в Леонтинской области. Здесь к ним присоединилось большинство изгнанных в свое время демократов, и они превратили эти укрепления в опорные пункты для своих военных действий. (5) Узнав об этом, афиняне отправили Феака в Сицилию, чтобы побудить своих тамошних союзников и, если возможно, также и прочих сицилийцев к общему походу против ставших слишком могущественными Сиракуз и спасти демократию в Леонтинах. (6) По прибытии Феаку удалось склонить на свою сторону Камарину [5] и Акрагант.[6] Но в Геле [7] он встретил сопротивление и поэтому отказался от посещения других городов, которые, как он понял, не удастся убедить, и вернулся через область сикелов в Катану.[8] Заехав еще по пути в Брикинии и ободрив тамошних жителей, он сел затем на корабль и отплыл назад.

5. На пути в Сицилию и во время возвращения Феак вел переговоры с различными италийскими городами о союзе [1] с Афинами. Он встретил также недавно изгнанных из Мессены локрийских поселенцев: после примирения сицилийских эллинов одна партия в Мессене во время восстания призвала на помощь локров, которые были отправлены на поселение в Мессену (некоторое время Мессена даже принадлежала локрам). (2) Феак встретил их, когда они возвращались из Мессены, но не причинил им обиды, так как локры договорились с ним о союзе с афинянами. (3) Действительно, они были единственными афинскими союзниками, ко-

торые после примирения сицилийских эллинов не заключили никакого договора с афинянами. Они даже и теперь не сделали бы этого, если бы не воевали с соседями — иппонийцами и медмеями.[2] Через некоторое время Феак возвратился в Афины.

6. Между тем Клеон по пути из Тороны в Амфиполь произвел из Эйона безуспешное нападение на Стагир, колонию Андроса. Зато ему удалось взять штурмом Галепс,[1] колонию Фасоса. (2) Он отправил послов к Пердикке с требованием по союзному договору[2] прийти на помощь с войском, а также во Фракию к царю одомантов Поллу[3] и приказал ему послать возможно больше фракийских наемников. Сам Клеон тем временем оставался в Эйоне, ожидая подкреплений. (3) Узнав об этом, Брасид также расположился лагерем напротив афинян близ Кердилия[4] (местность неподалеку от Амфиполя в области аргилиев[5] на возвышенности за рекой). Отсюда можно было обозреть все окрестности, так что Клеон со своим войском не мог бы выступить незаметно для противника. Брасид только и ждал, когда Клеон двинется на Амфиполь с имеющимся у него войском, невзирая на численность врага. (4) Одновременно Брасид готовился к битве: он призвал 1500 фракийских наемников и всех эдонов,[6] как легковооруженных, так и всадников. Миркинских[7] и халкидских легковооруженных воинов у него было 1000 человек, кроме находившихся в Амфиполе. (5) Гоплитов же он набрал всего около 2000 и еще 300 эллинских всадников. Из общего числа воинов 1500 человек было в лагере Брасида у Кердилия, остальные находились под командой Клеарида[8] в Амфиполе.

7. Некоторое время Клеон оставался на своей позиции, но в конце концов был вынужден поступить именно так, как ожидал Брасид. (2) Действительно, воины Клеона стали роптать на долгое бездействие. Они сравнивали его невежественное и слабое командование с опытностью и отвагой противника и вспоминали, как неохотно они пошли за ним из Афин.[1] Заметив этот ропот и не желая вызвать своим бездействием еще большее раздражение воинов, Клеон решил двинуться вперед.[2] (3) Он поступил в этом случае так же, как в деле под Пилосом, где выдавшаяся удача внушила ему самоуверенность. Клеон полагал, что никто не выступит против него с боем; он говорил, что двинулся в поход лишь для разведки. Подкреплений он ждал не для того, чтобы иметь решительный перевес в том случае, если будет поставлен в необходимость сразиться, а для того, чтобы окружить[3] и штурмом взять город. (4) Поэтому, подойдя к Амфиполю, Клеон отдал приказ войску остановиться на крутом холме и стал осматривать заболоченную низменность Стримона и часть города на фракийской стороне. Он полагал при этом, что в любой момент сможет отступить без боя. (5) И действительно, на городской стене никого не было видно, и никто не показывался у ворот, которые были открыты. Поэтому Клеон сожалел, что не захватил с собой осадных машин; так он мог бы взять город, лишенный защитников.

8. Лишь только Брасид заметил приближение афинян, он также немедленно спустился с высоты Кордилия и вошел в Амфиполь. (2) Од-

нако выйти из города и построить войско в боевом порядке против афинян Брасид не решился: он не доверял своему войску, считая, что оно уступает афинскому, но не численно (ведь по численности силы противников были почти равны), а в качественном отношении. Действительно, афинское войско состояло из граждан и лучших воинов с Лемноса и Имброса.[1] Поэтому Брасид решил напасть на врага, применив военную хитрость. (3) Если он, думал Брасид, покажет врагу малочисленность и плохое вооружение своего войска, то у него будет меньше шансов на победу, чем в том случае, если противник не увидит заранее его войско и не составит о нем пренебрежительное представление, соответствующее действительности. (4) Итак, отобрав себе полтораста гоплитов,[2] он передал остальных Клеариду, чтобы внезапно атаковать врагов, пока те не успеют отступить. Если афиняне получат подкрепление, полагал Брасид, он уже не сможет подобным образом врасплох захватить их в таком уединенном положении. Поэтому, собрав своих воинов, чтобы воодушевить их и разъяснить свои планы, Брасид обратился к ним с такой речью.

9. «Пелопоннесцы! Не нужно много слов, чтобы напомнить вам, что вы пришли из той страны,[1] которая благодаря своей доблести всегда была свободной, и что вам, дорийцам, предстоит битва с ионянами,[2] которых вы привыкли побеждать. (2) Я хочу объяснить вам мой план нападения: не думайте, что мы слишком слабы оттого лишь, что только малая часть нас, а не все идут в бой, и потому не падайте духом. (3) Я полагаю, что неприятель поднялся на это место, вероятно, презирая нас; быть может, он даже, беззаботно и в беспорядке обозревая местность, вовсе не рассчитывает, что кто-нибудь посмеет выступить против него. (4) Если учесть такие промахи противника и затем атаковать его, сообразуясь со своими силами (не в строевом порядке и не в открытую, а всячески используя выгодную обстановку), то мы всего вернее добьемся успеха. (5) Громкую славу приносят те военные хитрости, которые лучше всего обманывают врага, а своим приносят наибольшую пользу. (6) Поэтому, пока враги еще не подготовились к сражению и полны спокойствия и, видимо, вообще не думают оставаться здесь, но предпочли бы скорее незаметно уйти, я хочу с моими людьми напасть на них, ударив по возможности в центр их войска, прежде чем они успеют прийти в себя и составить план действий. (7) А ты, Клеарид, лишь только заметишь, что я тесню врагов, внезапно открой ворота и со своими воинами (и с людьми из Амфиполя и другими союзниками) [3] сделай вылазку и как можно скорее вступай в рукопашную схватку. Надеюсь, что после этого враги скорее всего обратятся в бегство. (8) Ведь вторичный натиск со стороны для врага страшнее борьбы с противником, который уже сражается с ним. (9) Сам же ты держись доблестно, как подобает спартиату, и вы, союзники, храбро следуйте за вашим вождем. Знайте лишь, что для успеха в бою необходимы три условия: твердая решимость, чувство чести и повиновение начальникам. Знайте же, что сегодня решится ваша участь: сохраните ли вы вашей

доблестью свободу и почетное звание союзников лакедемонян[4] или станете рабами афинян: в лучшем случае (если вам посчастливится и вы не будете проданы в рабство), вам грозит более тяжкая, чем раньше, кабала, и вы помешаете делу освобождения прочих эллинов. (10) Итак, смелее в бой! Вы видите, за какое великое благо идет борьба. Я же докажу, что не только способен внушать мужество другим, но могу проявить его и на деле».

10. После такой речи Брасид начал готовиться к вылазке и выстроил остальную часть войска во главе с Клеаридом у так называемых Фракийских ворот,[1] откуда Клеарид по его приказу должен был атаковать афинян. (2) Между тем афиняне заметили, что Брасид уже спустился с Кердилия и, как можно было видеть, приносит жертвы в святилище Афины по установленным обрядам. Клеон с войском приблизился к городу для наблюдения за неприятелем, и тут он получил сообщение, что все вражеское войско в городе и можно предположить по множеству человеческих и конских ног, видных из-под ворот, что неприятель намеревается сделать вылазку. (3) После этого Клеон сам подошел к воротам и, убедившись в правильности сообщения, приказал дать сигнал к отступлению (ведь он не желал вступать в бой с врагом до прибытия подкреплений), полагая, что, быстро отступив, успеет еще избежать сражения. Он велел левому крылу начавшего уже отход войска отступать по направлению к Эйону (что только и было возможно). (4) Клеону казалось, что отход идет слишком медленно, и он сам стал, повернув правое крыло, отступать с войском назад, обнажив фланг для атаки врага. (5) Лишь только Брасид заметил, что настал благоприятный момент и афинское войско двинулось, он закричал своим и прочим воинам: «Они нас не ожидают: это ясно видно по движению копий и голов. Ведь не так обыкновенно ожидают нападающих. Теперь откройте ворота, которые я приказал, и смело, не медля, ударим на врага». (6) И тут Брасид, выступив через ворота частокола и через первые ворота длинной стены, бегом устремился со своим отрядом по прямому пути туда, где теперь на самом укрепленном пункте стоит трофей. Ударив в центр афинян, устрашенных и расстройством своих рядов, и отвагой противника, Брасид обратил их в бегство. (7) Одновременно и Клеарид, согласно приказу, выступил из Фракийских ворот и бросился на врагов. Получилось так, что афиняне, неожиданно атакованные с двух сторон, пришли в полное замешательство. (8) Левое крыло афинян, уже продвинувшееся вперед по дороге на Эйон и оторвавшееся от своих, тотчас же бежало. Когда оно уже было опрокинуто, Брасид бросился в атаку на правое крыло и при этом был ранен. Афиняне не заметили, что Брасид упал, и находившиеся рядом воины подняли и унесли его. (9) Правое крыло афинян держалось более стойко. Клеон с самого начала не думал удерживать позиции и тотчас же обратился в бегство,[2] но был настигнут миркинским пелтастом и убит. Его гоплиты, однако, оттесненные к холму, сомкнув ряды, два или три раза отражали атаки Клеарида и держались до тех пор, пока миркинская и халкидская конница и пелтасты не окружили их

со всех сторон и, осыпая дротиками, не заставили обратиться в бегство. (10) Теперь уже все афинское войско бежало, и все, кто не пал в рукопашном сражении и не был убит халкидской конницей или пелтастами, по разным дорогам через горы с трудом добрались до Эйона. (11) Воины, вынесшие Брасида с поля битвы еще живым, доставили его в город. Он узнал о победе своих и немного спустя скончался.[3] Остальное войско под командой Клеарида, завершив преследование неприятеля, сняло доспехи с павших и поставило трофей.[4]

11. После этого все союзники в полном вооружении проводили Брасида и похоронили его с воздáнием общественных почестей в городе перед нынешней площадью. Впоследствии жители Амфиполя обнесли оградой гробницу Брасида и теперь приносят ему как герою заупокойные жертвы. В его честь они установили также состязания и ежегодные жертвоприношения. С этого времени они стали считать Брасида основателем [1] города, разрушив все сооружения [2] Гагнона и уничтожив все, что могло напоминать о нем как об основателе колонии. Они поступили так, отчасти действительно считая Брасида спасителем города, и отчасти оттого, что при тогдашних обстоятельствах они из страха перед афинянами придавали величайшее значение союзу с лакедемонянами; и теперь при их враждебном отношении к афинянам они более уже не находили для себя ни выгод, ни удовольствия от почитания Гагнона. (2) Тела павших жители Амфиполя выдали афинянам. Афинян погибло около 600 человек, врагов же — только 7,[3] потому что афинянам пришлось сражаться не в правильном боевом порядке, а в столь чрезвычайных обстоятельствах, да к тому же афиняне уже заранее были охвачены паникой. (3) После погребения павших афиняне отплыли домой, Клеарид же и его войско стали упорядочивать политические дела в Амфиполе.

12. Приблизительно в это же время, в конце лета, лакедемоняне Рамфий,[1] Автохарид и Эпикидид [2] направились к Фракийскому побережью со вспомогательным отрядом из девятисот гоплитов. Прибыв в Гераклею Трахинскую,[3] они занялись улаживанием тамошних непорядков.[4] Во время их пребывания там произошла битва под Амфиполем, и наступил конец лета.

13. В начале зимы Рамфий с товарищами продолжал поход и дошел до горы Пиерия [1] в Фессалии. Так как фессалийцы не желали пропускать их войска через свою землю, а Брасид, к которому они должны были присоединиться, тем временем умер, то они возвратились домой. Идти во Фракию теперь, думали они, было бы совсем некстати: ведь афиняне ушли оттуда после поражения, а сами они не считали себя способными осуществить планы Брасида. (2) Впрочем, главной причиной их ухода из Фракии была известная им еще при выступлении из Лакедемона склонность лакедемонян к миру.

14. После битвы под Амфиполем и ухода Рамфия из Фессалии обе воюющие стороны уже не возобновляли военных действий и думали больше о мире, чем о войне. Афиняне, потерпев поражение при Делии и вскоре затем вторично под Амфиполем, ныне утратили ту веру в свои

силы, с которой они прежде отвергали мир,[1] полагая, что при своих тогдашних успехах они выйдут победителями. (2) Кроме того, афиняне опасались, как бы их союзники, подняв голову при виде их неудач, не начали бы еще больше стремиться к отложению, и теперь даже сожалели, что не заключили мира[2] после удачи под Пилосом, когда для этого представился удобный случай. (3) С другой стороны, лакедемоняне[3] также склонялись к миру, так как война приняла неожиданный для них оборот: они полагали, что смогут за несколько лет сокрушить афинскую мощь, опустошив вражескую землю. Они же потерпели на острове поражение, какого Спарта еще никогда не испытывала; земля их подвергалась разбойничьим набегам из Пилоса и Кифер; илоты перебегали на сторону врага,[4] и лакедемоняне пребывали в вечном страхе, как бы те из илотов, кто еще не бежал к врагам, соблазнившись удобным случаем (как некогда раньше),[5] не подняли восстания. (4) К тому же вскоре истекал срок 30-летнего мира с Аргосом,[6] и аргосцы не желали заключать новый мирный договор, если им не возвратят область Кинурию.[7] Лакедемоняне же считали невозможным воевать одновременно с аргосцами и с афинянами. Они подозревали также, что некоторые пелопоннесские города готовы изменить им и перейти на сторону аргосцев, что и случилось на самом деле.[8]

15. Исходя из этих соображений, обе воюющие стороны решили заключить мирное соглашение. В особенности желали мира лакедемоняне, которым было очень важно вернуть своих людей, попавших в плен на острове: ведь среди пленников были знатнейшие спартиаты, связанные родством с первыми людьми в государстве.[1] (2) Лакедемоняне начали мирные переговоры сразу же после захвата в плен этих спартиатов,[2] однако афиняне, пока счастье им благоприятствовало, еще не желали заключения мира на равных условиях. Только после неудачи при Делии лакедемоняне поняли, что теперь афиняне скорее пойдут на уступки и поэтому сразу же предложили заключить перемирие на один год. За это время уполномоченные обеих сторон должны были встретиться и договориться о прочном мире в дальнейшем.[3]

16. Между тем афинян постигла вторичная неудача в битве под Амфиполем, где пали оба главных противника мира — Клеон и Брасид.[1] Один был настроен воинственно потому, что война принесла ему успех и почет,[2] а другой опасался, что с установлением мира его злокозненность легче обнаружится,[3] и его клеветническим наветам[4] уже не будут доверять. Теперь в обоих государствах наиболее энергично стали выступать за окончание войны два человека, стремившиеся занять первое место в своем городе. То были царь лакедемонян Плистоанакт, сын Павсания, и Никий, сын Никерата, — наиболее удачливый полководец своего времени. Никий, которому до сих пор всегда сопутствовало счастье и почет в городе, предпочитал не рисковать этим и желал не только сам избежать тягостей войны, но и избавить от них сограждан, оставив потомкам память о себе как человеке, который за всю свою жизнь не принес несчастья родине. Никий полагал, что добиться этого можно, не пускаясь

в рискованные предприятия и как можно меньше полагаясь на счастливую судьбу; наилучшей же защитой от опасностей является мир. Плистоанакт, напротив, желал мира из-за клеветнических нападок[5] своих недругов на его возвращение из изгнания. Когда в Лакедемоне случалась беда, враги укоряли царя, утверждая, что причина несчастья заключается в его противозаконном возвращении из изгнания. (2) Так, враги обвиняли царя и брата его Аристокла в том, что те склонили жрицу[6] в Дельфах при посещении[7] лакедемонянами дельфийского оракула всякий раз изрекать ответ: «Лакедемоняне должны вернуть с чужбины в свою землю потомка полубога Зевсова сына. Иначе им придется пахать землю серебряным лемехом».[8] (3) С течением времени жрица убедила лакедемонян возвратить царя после 19-летнего изгнания с плясками, жертвоприношениями и торжественными обрядами, какие были установлены для первых царей при основании Лакедемона. Царь Плистоанакт был изгнан из-за своего отступления из Аттики,[9] которое произошло, как подозревали, вследствие его подкупа. Он жил в изгнании на горе Ликей,[10] занимая из страха перед лакедемонянами половину дома внутри священного участка Зевса.

17. Итак, досадуя из-за столь тяжких обвинений, Плистоанакт усердно стремился к мирному соглашению. В мирное время, когда уже не будет никаких поражений и лакедемоняне вернут своих пленников, враги, как думал царь, наконец оставят его в покое, тогда как во время войны всю вину за неудачи, естественно, продолжают сваливать на руководителей государства. (2) Переговоры начались уже этой зимой, а с приближением весны лакедемоняне, полагая, что этим окажут давление на афинян и они, быть может, скорее склонятся к уступкам, угрожающе ускорили военные приготовления: повсюду в союзных городах было приказано строить укрепления. В то же время, после долгих переговоров (когда обе стороны выставили много взаимных претензий), в конце концов противники согласились возвратить друг другу захваченные во время войны земли и заключить мир. Однако Нисея была оставлена афинянам, так как в ответ на требование выдать Платеи фиванцы заявили, что они захватили это место не силой оружия или изменой, но с добровольного согласия жителей.[1] На этом же основании и афиняне требовали отдать им Нисею.[2] Затем лакедемоняне созвали союзников[3] и большинством голосов, всех, кроме беотийцев, коринфян, элейцев и мегарцев,[4] которые возражали, высказались за мир. Таким образом, наконец было решено заключить мир.[5] Лакедемоняне принесли торжественные клятвы афинянам, а афиняне — лакедемонянам хранить следующий договор.

18. Заключили мир афиняне и лакедемоняне и их союзники на следующих условиях и принесли клятвы каждый город отдельно. (2) Относительно общих святилищ:[1] всякий желающий может по законам предков приходить и совершать там жертвоприношения, вопрошать оракулы и посылать праздничные посольства[2] сушей и морем беспрепятственно.

Священный участок и храм Аполлона в Дельфах и народ дельфийский пусть будут независимы, по обычаям отцов, с правом самообложения и пользования налогами для себя со своим собственным судом над людьми и страной.[3] (3) Мир между афинянами и союзниками, с одной стороны, и лакедемонянами и их союзниками, с другой, должен соблюдаться в течение 50 лет без обмана [4] нерушимо на суше и на море. (4) Не дозволяется воевать, какими бы то ни было способами и средствами причиняя вред другой стороне, ни лакедемонянам с их союзниками против афинян и их союзников, ни афинянам и их союзникам против лакедемонян с их союзниками. Все могущие возникнуть споры между ними решать судом [5] и затем скреплять клятвами соблюдение согласованного приговора. (5) Лакедемоняне и их союзники должны возвратить афинянам Амфиполь. Жители всех городов, возвращенных лакедемонянами афинянам, могут уйти со своим имуществом куда пожелают. Города, вносящие дань, установленную при Аристиде,[6] должны быть независимыми. По заключении мира афиняне и их союзники не должны посылать войско против этих городов, если они выплачивают дань. Города эти — Аргил,[7] Стагир,[8] Акапф,[9] Скол,[10] Олинф и Спартол [11] — не должны быть союзниками ни лакедемонян, ни афинян. Если же они добровольно пожелают вступить в союз с афинянами, то афиняне могут их принять. (6) Мекиберняне, сане и сингеи [12] пусть живут в своих городах на тех же условиях, как олинфяне и акапфяне. (7) Лакедемоняне и их союзники должны возвратить афинянам Панакт; [13] афиняне же вернут лакедемонянам Корифасий, Киферы, Мефаны,[14] Птелей [15] и Аталанту [16] и выдадут всех лакедемонян, которые томятся в государственных темницах в Афинах или где-либо во владениях афинян в качестве пленников. Афиняне должны также отпустить пелопоннесцев, осажденных в Скионе,[17] и остальных союзников лакедемонян,[18] посланных туда Брасидом, равно как и всех лакедемонских союзников,[19] находящихся в государственной темнице в Афинах или в государственной темнице где-либо в пределах афинских владений. Пусть лакедемоняне и союзники таким же образом вернут афинянам и их союзников, находящихся у них в темницах. (8) Что до Скионы, Тороны и Сермилы [20] или каких-нибудь других городов во владениях афинян,[21] то пусть афиняне решают их участь по своему усмотрению. (9) Афиняне должны связать себя клятвой лакедемонянам и их союзникам о соблюдении мира в каждом городе отдельно. Пусть <17 человек> [22] от каждого города принесут величайшую клятву по обычаю их предков. Клятва же должна гласить так: «Я буду соблюдать этот договор и мир по справедливости и без обмана». Такую же клятву пусть принесут лакедемоняне и их союзники афинянам. Обе стороны должны ежегодно эту клятву повторять снова. (10) Столбы [23] поставить в Олимпии, в Пифо,[24] на Истме,[25] в Афинах на акрополе и в Лакедемоне в храме Аполлона в Амиклах.[26] (11) Если одна из сторон при этом допустит какие-либо упущения, то каждая сторона может без нарушения клятв открыто и честно обсудить этот случай, чтобы с согласия обеих сторон — афинян и лакедемонян [27] — внести изменения в договор.

19. Мирный договор заключен при эфоре Плистоле в Лакедемоне в 24-й день месяца артемисия, в Афинах же при архонте Алкее в 26-й день месяца элафеболиона.[1] Приносили клятвы и заключали договор со стороны лакедемонян: Плистоанакт, Агис, Плистол,[2] Дамагет, Хионид, Метаген, Аканф, Даиф, Исхагор, Филохарид, Зевксид, Антипп, Теллид, Алкинад, Эмпедий, Менас, Лафил; со стороны афинян: Лампон,[3] Истмионик,[4] Никий, Лахет, Евтидем, Прокл, Пифодор, Гагнон, Миртил, Фрасикл, Феаген, Аристократ, Иолкий, Тимократ, Леонт, Ламах, Демосфен.[5]

20. Мир этот был заключен в конце зимы и самом начале весны, непосредственно после городских Дионисий.[1] Со времени первого вторжения в Аттику и начала этой войны прошло 10 лет и несколько дней. (2) Следует определять время событий, принимая во внимание отсчет времен года, зимы и лета, а не полагаться на списки архонтов или иных официальных лиц, по именам которых обозначаются в различных городах даты исторических событий. Ведь при таком способе исчисления все же остается неясным, произошло ли данное событие в начале или середине или в какой-либо другой срок службы указанного лица. (3) Если же считать по летам и зимам, как сделал это я, то, учитывая, что обе половины, лето и зима, вместе составляют год, найдем, что в период этой первой войны прошло 10 лет и столько же зим.

21. Лакедемоняне тотчас же отпустили своих пленников (так как им выпал жребий сделать это первыми) [1] и отправили уполномоченных — Исхагора,[2] Менаса [3] и Филохарида [4] — на Фракийское побережье с приказом Клеариду передать Амфиполь афинянам, а другим городам — принять статьи мирного договора, касающиеся каждого города.[5] (2) Однако фракийские города не соглашались на договор,[6] считая его для себя неприемлемым. И Клеарид, в угоду халкидцам, не отдал Амфиполя, ссылаясь на то, что он не может сделать это против воли граждан. (3) Вместе с послами халкидских городов Клеарид прибыл оттуда прямо в Лакедемон, чтобы оправдаться, если Исхагор с товарищами обвинят его в неподчинении приказу. Он желал также узнать: нельзя ли еще изменить условия договора. По прибытии, однако, Клеарид узнал, что лакедемоняне уже связаны договором. Его самого отослали назад во Фракию с приказанием передать город афинянам, в случае же, если это невозможно, то вывести оттуда всех пелопоннесцев, и он спешно направился обратно в Амфиполь.

22. Представители союзников находились тогда в Лакедемоне, и лакедемоняне настаивали, чтобы непокорные города [1] приняли мирный договор. Однако те отказались на том основании, что и прежде, требуя более справедливых условий мира. (2) Так как союзники не подчинились, то лакедемоняне отпустили [2] их и решили одни заключить союз с афинянами. Они считали, что аргосцы, отказавшиеся вновь заключить мирный договор [3] по предложению прибывших к ним лакедемонских послов Лиха [4] и Амфилида,[5] теперь без помощи афинян для них неопасны, а остальные пелопоннесские города, по всей вероятности, сохранят спокойствие. (3) Поэтому лакедемоняне воспользовались пребыванием афин-

ских послов в Спарте, чтобы вступить с ними в переговоры о союзе,[6] который и был заключен с клятвами на следующих условиях.

23. «Лакедемоняне и афиняне будут союзниками в течение 50 лет на следующих условиях. Если кто-нибудь пойдет враждебно на лакедемонскую землю, причиняя зло лакедемонянам, то афиняне должны по всем их силам и возможностям оказать помощь лакедемонянам. Если враг, разорив страну, отступит, то пусть он будет врагом лакедемонян и афинян, и земля его будет разорена обоими государствами, мир же оба города должны заключать только сообща. Все эти совместные действия они должны производить честно, усердно и без обмана. (2) Если же кто-нибудь пойдет враждебно на афинскую землю, причиняя зло афинянам, то лакедемоняне также должны по всем их силам и возможностям оказать афинянам помощь. Если же враг, причинив разорение стране, отступит, то пусть он будет врагом лакедемонян и афинян, и земля его будет разорена обоими государствами, мир же оба города должны заключить только сообща. Все эти совместные действия пусть совершаются справедливо, усердно и без обмана. (3) В случае восстания рабов[1] афиняне должны прийти на помощь лакедемонянам по возможности всеми силами. (4) Договор этот должен быть скреплен клятвой с обеих сторон теми же лицами,[2] которые скрепили первый. Возобновлять клятву[3] следует ежегодно, для чего лакедемонянам надлежит являться в Афины на Дионисии, а афинянам — в Лакедемон на Гиакинфии.[4] (5) Обе стороны обязаны поставить стелы — одну в Лакедемоне в храме Аполлона в Амиклах, а другую в Афинах на акрополе в храме Афины. Если лакедемоняне и афиняне решат добавить или исключить какой-либо пункт из настоящего договора о союзе, то обе стороны имеют право сделать это, не нарушая клятвы».

24. Со стороны лакедемонян клятву принесли:[1] Плистоанакт, Агис, Плистол, Дамагет, Хионид, Метаген, Аканф, Даиф, Исхагор, Филохарид, Зевксид, Антипп, Теллид, Алкинад, Эмпедий, Менас, Лафил; со стороны афинян: Лампон, Истмионик, Лахет, Никий, Евтидем, Прокл, Пифодор, Гагнон, Миртил, Фрасикл, Феаген, Аристократ, Иолкий, Тимократ, Леонт, Ламах и Демосфен. (2) Этот союз был заключен вскоре после установления мира. Афиняне возвратили лакедемонянам пленников с острова. Затем наступило лето одиннадцатого года войны. Этим заканчивается описание первой войны, которая продолжалась непрерывно в течение этих 10 лет.[2]

25. Договор о мире и союзе, которым закончилась 10-летняя война[1] лакедемонян с афинянами, был заключен при эфоре Плистоле[2] в Лакедемоне и архонте Алкее в Афинах. Теперь в городах, принявших договор, наступил мир. Однако коринфяне и некоторые другие пелопоннесские города начали подрывать только что достигнутое соглашение. Вскоре у союзников возник новый повод для трений с лакедемонянами. (2) Кроме того, с течением времени афиняне стали с подозрением относиться к лакедемонянам, так как те не выполняли некоторых условий договора. (3) Правда, в течение 6 лет и 10 месяцев[3] обе стороны воздерживались

от взаимных нападений на земли друг друга, но в чужих областях они старались (при неустойчивости мирных отношений) вредить друг другу насколько возможно. Наконец, они были вынуждены нарушить мир, заключенный после первых 10 лет военных действий, и объявить открытую войну.[4]

26. И эту войну также описал Фукидид афинянин, последовательно, по ходу событий, которые он считал из года в год по летам и зимам, пока лакедемоняне и союзники не сокрушили афинскую державу, захватив Пирей и Длинные стены. Вплоть до этого момента война продолжалась в течение 27 лет. (2) И ошибется тот, кто не сочтет войной промежуток времени между двумя периодами открытой войны. Достаточно бросить взгляд на события, которые я описал, чтобы убедиться, что вряд ли можно говорить о мире, когда обе стороны не возвратили и не получили назад всего, что было обусловлено договором. Кроме того, в мантинейской и эпидаврийской войне [1] и в других делах были также допущены нарушения пунктов договора. Союзники с фракийского побережья не менее враждебно относились к афинянам, а беотийцы соблюдали перемирие, которое должно было возобновляться каждые десять дней. (3) Итак, если, считая по зимам и летам, прибавить срок [2] первой 10-летней войны к продолжительности последовавшего за ней сомнительного перемирия и дальнейших военных лет, то получится указанное мной точное количество лет [3] с несколькими лишними днями. Можно убедиться также, что из всех делавшихся предсказаний о длительности этой войны оправдалось только это одно.[4] (4) Сам я хорошо помню, как с начала и до конца войны многие часто повторяли предсказание, что война должна продлиться трижды девять лет.[5] (5) Я пережил всю войну уже в зрелом возрасте и внимательно следил за событиями, прилагая старания, чтобы в точности узнать их. К тому же двадцать лет мне пришлось пробыть в изгнании после моего командования под Амфиполем, и я имел возможность, благодаря моему положению изгнанника, лично наблюдать ход событий у обеих сторон — у пелопоннесцев не менее, чем у афинян, — и составить себе на досуге [6] непредвзятое суждение о них. (6) Теперь я буду продолжать рассказ о раздорах после 10-летней войны, о разрыве мирного договора и о дальнейших военных событиях.

27. После заключения 50-летнего мира и затем союза с афинянами пелопоннесские послы, приглашенные для этого на собрание, покинули Лакедемон. (2) Все они уехали домой, кроме коринфян, которые отправились сначала в Аргос. Здесь коринфяне вступили в переговоры с некоторыми аргосскими должностными лицами. Они объявили аргосцам, что лакедемоняне заключили мир и союз со своими исконными злейшими врагами — афинянами не с добрыми намерениями, а с целью поработить весь Пелопоннес; аргосцы обязаны поэтому принять меры к спасению пелопоннесцев. Они должны предложить всем независимым эллинским городам, признающим взаимное равноправие, вступить в оборонительный союз [1] с Аргосом. Переговоры об этом следует, однако, вести не в народном собрании, а через нескольких полномочных представителей, чтобы

ни на кого не пала тень в случае неудачи в народном собрании. Коринфяне добавили, что многие города из ненависти к лакедемонянам присоединятся к союзу. (3) После этого коринфяне возвратились домой.

28. Выслушав эти предложения, аргосцы доложили их своим сотоварищам и народному собранию. Народное собрание приняло предложение коринфян и выбрало 12 уполномоченных, с которыми все эллины, кроме афинян и лакедемонян, могли бы заключить союз, афиняне же и лакедемоняне — только с разрешения народного собрания. (2) Аргосцы тем охотнее пошли на это, что предвидели войну с лакедемонянами, срок мирного договора с которыми истекал.[1] Кроме того, они питали надежду получить господствующую роль в Пелопоннесе. Ведь в это время репутация лакедемонян действительно пала очень низко:[2] военные неудачи вызвали к ним даже пренебрежительное отношение. Напротив, положение Аргоса во всех отношениях было превосходным: он не участвовал в аттической войне[3] и, сохраняя мирные отношения с обеими воюющими сторонами, сумел извлечь для себя выгоды. Поэтому аргосцы были готовы принять всех желающих эллинов в свой союз.

29. Первыми к союзу с Аргосом присоединились мантинейцы и их союзники из страха перед лакедемонянами. Ведь мантинейцы,[1] которые еще во время войны с афинянами подчинили себе часть Аркадии,[2] полагали, что лакедемоняне теперь, когда у них есть время и возможность обратиться против них, не позволят им удержать эту землю. Поэтому мантинейцы с радостью вступили в союз с Аргосом, принимая во внимание могущество этого города, который к тому же, подобно им, всегда противостоял лакедемонянам, имея демократическое правление.[3] (2) После отпадения Мантинеи и в остальных пелопоннесских городах начали толковать о том, что и им следовало бы поступить так же. Пелопоннесцы думали, что мантинейцы, перейдя на сторону Аргоса, рассчитывали получить для себя особые выгоды. Кроме того, раздражение пелопоннесцев вызывала статья договора,[4] разрешавшая афинянам и лакедемонянам, если им вздумается, прибавлять или исключать из договора без нарушения клятвы какие угодно пункты. (3) Эта статья договора особенно беспокоила пелопоннесцев, вызывая у них подозрение, что лакедемоняне намереваются при помощи афинян подчинить себе пелопоннесских союзников.[5] Они указывали на то, что право на изменение договора должно принадлежать лишь всему союзу в целом. (4) Итак, опасаясь лакедемонян, большинство пелопоннесских городов было готово немедленно вступить в союз с Аргосом.

30. Когда лакедемоняне услышали об этих толках и волнениях в Пелопоннесе и узнали, что за всем этим стоят коринфяне, которые и сами склонны заключить союз с Аргосом, то отправили в Коринф послов, чтобы предотвратить нежелательный ход событий. Послы винили во всем коринфян, утверждая, что те нарушат клятвы, если отложатся от лакедемонян и вступят в союз с аргосцами; что коринфяне уже поступили несправедливо, не приняв мирного договора с афинянами, хотя в нем есть

статья, гласящая, что решение большинства союзников обязательно для всех, если боги и герои этому не воспрепятствуют. (2) Коринфяне, уже раньше пригласившие к себе остальных союзников, также не принявших договора подобно им, в их присутствии возражали лакедемонянам. Не указывая прямо на то, чем они были обижены, лакедемоняне не добились возвращения им Соллия[1] и Анактория[2] и вообще поступились их интересами. Свой отказ присоединиться к мирному договору они мотивировали тем, что не могли покинуть союзников во Фракии, с которыми их связывает клятва[3] с восставшей ранее других Потидеей, а затем и с остальными. (3) На этом основании коринфяне отрицали, что нарушают союзнический договор этим отказом. Напротив, изменив потидейцам, они нарушили бы данную им ранее клятву именем богов: в договоре сказано: «если нет препятствий со стороны богов и героев», а препятствием такого рода в их глазах являлась эта клятва. (4) Так высказались коринфяне о своих прежних клятвах. Что до союза с аргосцами, то они объявили, что посоветуются со своими друзьями и затем поступят по справедливости. (5) После этого лакедемонские послы уехали домой. В это время в Коринфе находились и послы аргосцев, которые убеждали коринфян, не раздумывая долго, заключить с ними союз. Коринфяне, однако, предложили им явиться на следующее собрание.

31. Вскоре прибыли также элейские послы, которые сначала заключили союз с коринфянами, а затем направились в Аргос и (как было решено уже заранее) вступили в союз с аргосцами. Элейцы были тогда в ссоре с лакедемонянами из-за города Лепрея.[1] (2) Во время войны между лепрейцами и некоторыми аркадскими племенами лепрейцы призвали на помощь элейцев с условием отдать им как союзникам половину своей земли. По окончании войны элейцы разрешили жителям Лепрея самим обрабатывать эту землю с условием выплаты за нее лишь 1 таланта Олимпийскому Зевсу.[2] (3) Лепрейцы и выплачивали эти деньги вплоть до аттической войны. Однако, воспользовавшись началом войны, они перестали вносить плату. Когда элейцы попытались силой заставить их, то лепрейцы прибегли к помощи и защите лакедемонян. Дело было передано в третейский суд лакедемонян.[3] Однако элейцы, подозревая, что приговор будет несправедлив, отклонили третейский суд и разорили землю лепрейцев. (4) Лакедемоняне решили, что Лепрей — независимый город, и возложили вину на элейцев. Когда элейцы не подчинились приговору третейского суда, то лакедемоняне послали гарнизон из гоплитов в Лепрей. (5) Элейцы сочли, что лакедемоняне приняли под защиту город, отпавший от них. При этом элейцы ссылались на статью союзного соглашения, по которой каждый участник аттической войны по окончании ее сохраняет все владения, бывшие у него в начале войны. Считая решение суда неправильным, элейцы перешли к аргосцам и заключили с ними союз, как это уже сказано. (6) Сразу же после них в аргосский союз вступили также коринфяне и халкидяне фракийского побережья. Беотийцы[4] же и мегарцы хотя и вели речи о том же, однако ничего не предприняли для вступления в союз с Аргосом, полагая, что государствен-

вый строй лакедемонян более сродни их олигархическому правлению, чем демократические порядки в Аргосе.

32. Около того же времени в это лето афиняне захватили осажденную ими Скиону.[1] Всех взрослых мужчин они перебили, продали в рабство женщин и детей и отдали землю в пользование платейцам.[2] Жителей Делоса они возвратили на остров, побужденные понесенными ими неудачами и оракулом, полученным от бога в Дельфах. (2) Фокийцы и локры начали войну между собой[3] (3) Коринфяне и аргосцы, теперь уже союзники, обратились к Тегее,[4] желая склонить ее к отпадению от лакедемонян. Они рассчитывали, что если им удастся присоединить к своему союзу эту значительную область Пелопоннеса, то весь Пелопоннес будет на их стороне. (4) Когда в Тегее им ответили, что не будут враждовать с лакедемонянами, то коринфяне, до сих пор действовавшие энергично, ослабили свои старания, опасаясь, что ни один город не захочет присоединиться к ним. (5) Однако они все же обратились к беотийцам, приглашая их заключить союз с ними и аргосцами и впредь сообща решать интересующие их дела. Затем коринфяне попросили беотийцев сопровождать их в Афины, чтобы помочь заключить дополнительное соглашение о 10-дневном перемирии,[5] подобно соглашению, установленному между Афинами и Беотией немного спустя после 50-летнего мира. В случае несогласия афинян коринфяне просили беотийцев вообще отказаться от перемирия и впредь не заключать его без их участия. (6) На просьбу коринфян вступить в союз с Аргосом беотийцы предложили им подождать. Все же они прибыли вместе с коринфянами в Афины; однако добиться 10-дневного перемирия для коринфян им не удалось. Афиняне отвечали, что существующий мирный договор распространяется и на коринфян, поскольку те являются союзниками лакедемонян.[6] (7) Тем не менее сами беотийцы не отказались от 10-дневного перемирия, несмотря на требования и напоминания коринфян о взаимном уговоре об этом. Таким образом, у коринфян с афинянами фактически существовало перемирие без договора.[7]

33. В то же лето лакедемоняне выступили в поход под предводительством Плистоанакта, сына Павсания, на землю паррасиев,[1] подвластных мантинейцам в Аркадии. Лакедемонян призвала к себе часть паррасиев из-за происшедшего у них восстания. Кроме того, лакедемоняне намеревались, если удастся, разрушить также крепость в паррасийском городе Кипселы,[2] угрожавшую лаконской области Скиритиде.[3] Мантинейцы построили эту крепость, охраняемую их гарнизоном. (2) Лакедемоняне разорили поля паррасиев; мантинейцы же поручили защиту своего города аргосскому гарнизону, чтобы самим защитить землю союзников. Однако они не смогли спасти крепость в Кипселах и паррасийские города от разорения и возвратились домой. (3) Лакедемоняне объявили паррасийцев независимыми, разрушили крепость, а затем вернулись домой.

34. Тем же летом вернулось из Фракии войско, отправленное туда во главе с Брасидом; его привел назад Клеарид[1] после заключения мира. Лакедемоняне решили даровать свободу илотам, сражавшимся под нача-

льством Брасида, с правом жить где угодно. Вскоре, однако, лакедемоняне, будучи уже во вражде с элейцами, переселили освобожденных илотов вместе с неодамодами[2] в Лепрей на границе Лаконии и Элиды. (2) Пленных спартиатов, сложивших на острове оружие, лакедемоняне лишили некоторых гражданских прав, права занимать общественные должности (хотя некоторые из этих людей уже эти должности занимали) и права покупки и продажи:[3] это было вызвано опасением, как бы эти люди не подумали, что из-за своего несчастья окончательно потеряют гражданские права, а с другой стороны, оставаясь полноправными гражданами, не затеяли государственный переворот. Впрочем, со временем они были восстановлены в гражданских правах.

35. В то же лето жители Дия[1] захватили союзный афинский город Фисс на афонском побережье. (2) Хотя все это лето отношения афинян с лакедемонянами оставались мирными,[2] тем не менее они сразу же после заключения мира стали проявлять взаимное недоверие из-за отказа возвратить захваченные местности, упомянутые в договоре. (3) Действительно, лакедемоняне, которые по жребию должны были первыми возвратить Амфиполь и другие места,[3] не вернули их. Кроме того, они не заставили своих фракийских союзников и даже беотийцев и коринфян подписать мирный договор, хотя постоянно и уверяли, что если те не сделают этого добровольно, то они вместе с афинянами заставят их силой. Все же лакедемоняне объявили затем (хотя и не в письменной форме) о согласии считать врагами обеих договорившихся сторон все города, не подписавшие договор после определенного срока. (4) Видя, что эти обещания на деле так и остаются обещаниями, афиняне стали подозревать лакедемонян в нечестности. Поэтому они со своей стороны также (несмотря на требования лакедемонян) отказались вернуть Пилос и уже раскаивались, что освободили узников с острова. Афиняне решили удержать и остальные, находившиеся в их руках, местности,[4] пока лакедемоняне не возвратят всего, указанного в договоре. (5) Лакедемоняне же утверждали, что сделали все возможное с их стороны: они отдали афинских пленников, вывели свое войско с фракийского побережья и, по возможности, выполнили и остальные пункты договора. Амфиполь же они не могут возвратить, так как не владеют им. Все же они попробуют склонить беотийцев и коринфян подписать договор, добиться возвращения Панакта и выдачи афинских пленников в Беотии. (6) При этом лакедемоняне продолжали требовать возвращения Пилоса или по крайней мере вывода оттуда мессенцев и илотов (подобно тому как они вывели свое войско из Фракии); афиняне же, если им угодно, могут охранять это место своими силами. (7) В результате длительных совещаний в течение этого лета лакедемоняне убедили афинян вывести из Пилоса мессенцев, илотов и остальных лакедемонских перебежчиков. Лакедемоняне поселили их в Краниях на Кефаллении.[5] Таким образом, в это лето все было спокойно, и обе стороны мирно договаривались между собой.[6]

36. Следующей зимой, когда в Лакедемоне были уже другие эфоры[1]

(не те, при которых был заключен мир, и среди них даже несколько противников мира), туда прибыли послы союзников, а также из Афин, Беотии и Коринфа. После долгих переговоров послы, однако, не достигли соглашения. Когда они уже собирались уезжать, Клеобул и Ксенар, главные противники мира среди эфоров, завели с беотийцами и коринфянами частные переговоры по собственному почину и прежде всего советовали им твердо стоять друг за друга. Сначала беотийцы должны, говорили они, постараться вступить в союз с аргосцами, а затем побудить аргосцев примкнуть вместе с коринфянами к лакедемонскому союзу. Таким образом беотийцы избавятся от необходимости присоединяться к аттическому договору. Ведь лакедемоняне придают больше значения дружбе и союзу с Аргосом, чем вражде с Афинами и расторжению мирного договора. Действительно, лакедемонянам был нужен прочный мир с Аргосом, поскольку тогда, по их мнению, гораздо легче вести войну за пределами Пелопоннеса. (2) При этом эфоры просили беотийцев передать Панакт лакедемонянам, чтобы, если возможно, обменять его на Пилос и затем, более уверенно, снова начать войну с афинянами.

37. С такими предложениями от Ксенара и Клеобула для сообщения своим правительствам послы беотийцев и коринфян уехали домой. (2) На обратном пути через Аргосскую область их поджидали двое аргосцев, членов аргосского правительства.[1] Аргосцы вступили с послами в переговоры в надежде, что беотийцы (подобно коринфянам, элейцам и мантинейцам) вступят в их союз. Если бы только это удалось, то, по их мнению, легче было бы в согласии с союзниками воевать или заключать мир по желанию с лакедемонянами или со всяким другим городом. (3) Эти предложения пришлись по душе беотийским послам, к тому же они совпадали с советами их лакедемонских друзей. После этого аргосцы, убедившись, что их предложения приемлемы для беотийцев, уехали с обещанием прислать к ним послов. (4) По возвращении беотийские послы доложили беотархам[2] о предложениях, полученных ими в Лакедемоне и при встрече с аргосцами. Беотархи обрадовались и тем охотнее склонялись к союзу с аргосцами, обнаружив, что как их лакедемонские друзья, так и аргосцы стремятся к одной цели. (5) Вскоре в Фивы явились также аргосские послы и предложили заключить условленное соглашение. Беотархи одобрили предположение послов и отпустили их с обещанием отправить посольство в Аргос для заключения союза.

38. Между тем беотархи и послы коринфян, мегарцев и из фракийской Халкидики решили сначала клятвенно обязаться защищать друг друга и не начинать ни с кем войны и не заключать союза без общего согласия. Поэтому беотийцы и мегарцы (которые и раньше действовали сообща) должны были заключить союз с Аргосом. (2) Однако до принесения клятвы беотархи доложили об этом четырем советам беотийского союза[1] (которым принадлежала вся полнота власти), советуя заключить союз со всеми городами, желающими присоединиться к ним ради взаимной защиты. (3) Однако члены беотийских советов не согласились с этим предложением: они опасались обидеть лакедемонян, вступив в союз с от-

павшими от них коринфянами: беотархи не сообщили советникам об обстоятельствах переговоров в Лакедемоне, и именно о совете эфоров Ксенара и Клеобула и их тамошних друзей сначала вступить в союз с аргосцами и коринфянами, а затем с лакедемонянами. Беотархи полагали, что советники даже и без этого примут именно то решение, которое будет предложено им на основании предварительных переговоров. (4) Дело, таким образом, расстроилось, и коринфские и фракийские послы уехали безрезультатно. Беотархи же, предполагавшие ранее, если бы договоренность была достигнута, заключить союз с Аргосом, уже не стали вносить в советы предложения о союзе и обещанного посольства в Аргос не состоялось. Все велось с каким-то равнодушием и вялостью.

39. В ту же зиму олинфяне внезапным нападением захватили Мекиберну, где находился афинский гарнизон. (2) Афиняне, между тем, все время продолжали переговоры с лакедемонянами о возврате им занятых во время войны пунктов. Если афиняне получат от беотийцев Панакт, как рассчитывали лакедемоняне, то им удастся обменять это укрепление на Пилос. Поэтому лакедемоняне отправили послов в Беотию с просьбой вернуть Панакт и афинских пленников, чтобы за это возвратить себе Пилос. (3) Однако беотийцы отказались выдать это укрепление, если лакедемоняне не заключат с ними отдельный союз, как и с афинянами. Лакедемоняне прекрасно понимали, что они не вправе это сделать (ведь по договору ни одна сторона не могла ни с кем заключать союза или начинать войны без согласия другой),[1] но страстно желали получить Панакт, чтобы обменять его на Пилос. В то же время лакедемонские противники мира с Афинами энергично хлопотали об этом союзе. Поэтому лакедемоняне в конце зимы и в начале весны заключили союз с беотийцами.[2] Беотийцы сразу же принялись за разрушение Панакта.[3] Так окончился одиннадцатый год этой войны.

40. В самом начале весны следующей летней кампании в Аргосе стало известно, что беотийцы разрушают Панакт, а лакедемоняне заключили с беотийцами отдельный союз. Между тем обещанное посольство от беотийцев[1] не прибыло. Тогда аргосцы стали опасаться, что останутся в одиночестве и все их союзники перейдут к лакедемонянам. (2) Они считали, что лакедемоняне уговорили беотийцев разрушить Панакт и присоединиться к мирному договору с афинянами; афинянам же, видимо, все это известно, так что теперь им, аргосцам, уже невозможно вступить в союз даже с афинянами (тогда как до сих пор они полагали, что при неприязни между обеими державами союз, по крайней мере с одной из них, им обеспечен). (3) И вот, приведенные в замешательство утратой этой надежды и опасаясь, как бы не пришлось воевать одновременно с тегейцами,[2] лакедемонянами, беотийцами и афинянами, они решили немедленно отправить в Лакедемон послами Евстрофа и Эсона, которые считались самыми близкими друзьями лакедемонян. Прежде аргосцы отвергали союз с лакедемонянами, мечтая о владычестве в Пелопоннесе, но в настоящем положении находили, что лучше всего заключить союз с лакедемонянами, чтобы так или иначе сохранить мир.

41. По прибытии в Лакедемон аргосские послы начали переговоры об условиях мира. (2) Прежде всего они потребовали передачи спора о пограничной местности Кинурии (с городами Фиреей и Анфеной,[1] подвластными лакедемонянам), из-за которой шли постоянные раздоры между ними, на третейский суд какого-нибудь города или единоличного судьи. Лакедемоняне, однако, заявили, что об этом не может быть и речи; если же аргосцы хотят мира, то они, лакедемоняне, готовы заключить договор на прежних условиях. Наконец, аргосские послы предложили заключить по крайней мере 50-летний мир, причем обе стороны оставляют за собой право решить спор об этой земле оружием (если в Лакедемоне и Аргосе не случится болезни или войны), как это было раньше, когда обе стороны приписали себе победу (причем, однако, не разрешалось преследовать побежденных за пределами Аргоса и Лакедемона). (3) Сначала это предложение показалось лакедемонянам нелепым,[2] но затем (так как им очень важно было при всех обстоятельствах сохранить хорошие отношения с Аргосом) они приняли его и составили проект письменного договора. Лакедемоняне предложили послам еще до вступления договора в силу возвратиться в Аргос и представить проект на утверждение народного собрания и, в случае одобрения, возвратиться в Лакедемон к Гиакинфиям[3] и принести клятвы. Затем послы уехали.

42. Между тем, пока шли эти переговоры с аргосцами, лакедемонские послы Андромен, Редим и Антименид, которым надлежало получить от беотийцев Панакт и афинских пленников для передачи афинянам, обнаружили, что Панакт уже разрушен самими беотийцами. Беотийцы ссылались на стародавний спор с афинянами из-за этой земли и на якобы существовавшее клятвенное соглашение никому не селиться на этой земле, но лишь сообща выгонять туда скот на пастбище. Все же Андромен с товарищами доставили в Афины находившихся у беотийцев афинских пленников и передали их афинянам. Они сообщили также о разрушении Панакта, считая, что возвращено и это место, поскольку никакие враги афинян уже не будут там жить. (2) Такие речи послов вызвали негодование и протесты афинян. Афиняне считали, что лакедемоняне поступили вероломно, допустив разрушение Панакта, который по договору они были обязаны возвратить в прежнем состоянии. К тому же афиняне узнали о их сепаратном союзе с беотийцами, который был заключен, несмотря на обещание[1] совместно заставлять города, не подписавшие договора, принять его. Припоминая и другие случаи невыполнения договора, афиняне считали себя обманутыми и поэтому грубо ответили послам и отослали их домой.

43. При таких разногласиях противники мира в Афинах немедленно принялись с усердием хлопотать о разрыве договора. (2) Самым главным из них был Алкивиад,[1] сын Клиния, человек тогда еще молодой (как считалось бы в других городах), который, однако, благодаря славе своих знатных предков уже пользовался уважением. Он предпочитал, правда, союз с Аргосом, но в то же время из гордости и в силу оскорбленного честолюбия был противником мира. Действительно, лакедемоняне вели

мирные переговоры с Никием и Лахетом,[2] его же по молодости обошли, пренебрегши стародавними узами взаимного гостеприимства [3] с его семьей. Правда, дед Алкивиада добровольно отказался от этого гостеприимства, но сам Алкивиад, оказав услуги лакедемонским пленникам на острове Сфактерии, надеялся его возобновить. (3) Итак, чувствуя себя во всех отношениях обиженным, Алкивиад сначала выступил против мира, утверждая, что лакедемонянам нельзя верить и что они потому только и заключили мир, чтобы с помощью афинян сокрушить аргосцев и затем напасть на самих афинян, когда у тех уже не будет союзников. Потом, однако, когда у афинян с лакедемонянами начались трения, он тотчас послал от себя лично в Аргос вестника с предложением немедленно прибыть вместе с уполномоченными Мантинеи и Элиды в Афины и привлечь афинян к союзу, которому он готов всемерно содействовать, считая его вполне своевременным.

44. Получив это сообщение и узнав, что союз беотийцев с лакедемонянами заключен без ведома и согласия афинян и что у афинян возник глубокий разлад с лакедемонянами, аргосцы оставили без внимания, что их послы уже ведут переговоры о союзе в Лакедемоне, и обратились к Афинам. Они исходили из того, что Афины — исстари дружественный им город. Подобно им у афинян — демократия, и, кроме того, если дело дойдет до войны, это для них — могущественный союзник на море. (2) Итак, аргосцы тотчас же отправили послов в Афины, чтобы договориться о союзе; к посольству присоединились также элейцы и мантинейцы. (3) Туда же поспешно прибыли трое лакедемонских послов — Филохарид,[1] Леонт[2] и Эндий, слывшие друзьями афинян. Послы были отправлены из боязни, что раздраженные афиняне могут заключить союз с Аргосом и вместе с тем чтобы настаивать на возвращении Пилоса взамен Панакта, а также объяснить афинянам, что союз с беотийцами заключен не во вред им.

45. Выступление в Совете Пятисот послов, прибывших, по их словам, с неограниченными полномочиями уладить все спорные вопросы, встревожило Алкивиада.[1] Он опасался, что послы, заявив то же самое в народном собрании, могут склонить народ на свою сторону, и союз с Аргосом будет отвергнут. (2) Тогда Алкивиад придумал следующую хитрость. Дав слово, он убедил лакедемонян, что поможет вернуть Пилос и уладить все остальные разногласия, употребив все свое влияние, чтобы склонить народ к этому, вместо того чтобы, как теперь, противодействовать, если только они ничего не сообщат народному собранию о своих неограниченных полномочиях. (3) Однако действительная цель Алкивиада заключалась в том, чтобы отвратить лакедемонян от Никия и заключить союз с Аргосом, Элидой и Мантинеей, если ему удастся дискредитировать послов в народном собрании, выставив их людьми подозрительными и неискренними, которые утверждают то одно, то другое. (4) Так и вышло, когда послы явились в народное собрание и на вопрос, есть ли у них неограниченные полномочия (как они только что утверждали в Совете),

ответили отрицательно, то афиняне не стерпели. Не обращая внимания на послов, они стали слушать только Алкивиада, который бранил лакедемонян еще яростнее прежнего. Теперь народ был готов немедленно пригласить аргосцев и остальных для заключения союза. Однако как раз перед принятием решения произошло землетрясение,[2] и собрание на этот раз было отложено.

46. Никий также был сбит с толку отречением обманутых лакедемонских послов от своих полномочий. Тем не менее он выступил на следующий день в народном собрании, отстаивая необходимость твердого союза с лакедемонянами, отложив переговоры с аргосцами. Он предложил также снова отправить послов к лакедемонянам и разузнать об их намерениях. При этом Никий разъяснял, что отсрочка войны пойдет на пользу для афинян и к невыгоде для лакедемонян: ведь при теперешних благоприятных для Афин обстоятельствах им желательно как можно дольше сохранить свое счастливое положение. Лакедемонянам же, потерпевшим неудачу, находкой представляется немедленная попытка новой войны. (2) Никию удалось убедить афинян отправить послов в Лакедемон (одним из них был он сам) с требованием, если они действительно питают добрые намерения, отстроить и возвратить Панакт, вернуть Амфиполь и отказаться от союза с беотийцами, если те не присоединятся к мирному договору, так как договор не позволяет ни одной из сторон заключать союз без согласия другой. (3) Кроме того, послы должны дать понять лакедемонянам, что и афиняне, если бы решились нарушить справедливость, уже давно могли бы заключить союз с аргосцами, послы которых прибыли в Афины специально ради этого. Сообщить обо всем этом и о прочих претензиях к лакедемонянам афиняне поручили Никию и другим послам и затем отправили их. (4) По прибытии в Лакедемон послы изложили свои поручения и под конец заявили, что если лакедемоняне не расторгнут союза с беотийцами в случае отказа беотийцев подписать мирный договор, афиняне заключат союз с Аргосом и его союзниками. Под давлением эфора Ксенара и его единомышленников лакедемоняне отказались разорвать союз с беотийцами. Однако по просьбе Никия они согласились подтвердить свои прежние клятвы на верность договору. Действительно, Никий опасался навлечь на себя нападки врагов, вернувшись ни с чем. Так действительно и случилось; его сочли ответственным за мирный договор с лакедемонянами. (5) Узнав, по возвращении Никия, о полной неудаче его посольства, афиняне пришли в негодование. Считая себя обиженными, они тотчас же заключили договор о мире и союзе с аргосцами и их союзниками (послы их в это время находились в Афинах по приглашению Алкивиада) на следующих условиях.

47. Мир[1] на сто лет, бесхитростный и нерушимый, заключили афиняне, аргосцы, мантинейцы и элейцы для себя и подвластных им союзников на суше и на море. (2) Аргосцам, элейцам и мантинейцам с их союзниками не дозволяется какими бы то ни было средствами поднимать оружие ко вреду афинян и их союзников, а афинянам и их союзникам — против аргосцев, элейцев, мантинейцев и их союзников. (3) Афинянам, аргосцам,

элейцам и мантинейцам быть союзниками в течение ста лет на таких основаниях. В случае нападения врага на афинскую землю аргосцы, элейцы и мантинейцы должны оказывать афинянам по первому их требованию всяческую помощь по мере возможности самым решительным образом. Если же, разорив их землю, враг уйдет, то его город пусть будет врагом аргосцам, элейцам, мантинейцам и афинянам и понесет наказание от всех этих городов. Ни одному из этих городов не дозволено без согласия всех остальных прекращать войну с вражеским городом. (4) Если враг нападет на землю элейцев, мантинейцев и аргосцев, то афиняне также должны по первому требованию этих городов всячески помогать им по мере возможности. Если же враг, разорив их землю, уйдет, то его город пусть будет врагом афинян, аргосцев, мантинейцев и элейцев и несет наказание от всех этих городов. Прекращать же войну не дозволяется без согласия всех городов. (5) Вооруженным людям не дозволяется проходить через союзную землю и через земли подвластных им союзников, а также по морю [2] без дозволения всех союзных городов — афинян, аргосцев, мантинейцев и элейцев. (6) Город, посылающий вспомогательное войско, должен доставить продовольствие на 30 дней со дня прибытия в город, вызывавший на помощь; так же и при уходе войска. Если же город, просивший помощи, пожелает оставить у себя войско на более долгий срок, то обязан выдать продовольствие каждому гоплиту, легковооруженному и лучнику на 3 эгинских обола [3] в день, а всаднику по 1 эгинской драхме. (7) Командовать войском должен город, попросивший помощи, пока войско находится на его земле. Если же союзные города решат выступить в поход куда-либо сообща, то командование должно быть разделено между всеми городами. (8) Афиняне должны клятвенно подтвердить договор за себя и своих союзников, аргосцы же, мантинейцы и элейцы и их союзники — принести клятву каждый город за себя. Торжественную клятву должно приносить общепринятым в каждом городе образом при жертвоприношении взрослых животных. Клятва же должна гласить следующее: «Я буду верен союзу согласно договору и буду соблюдать договор справедливо, нерушимо и честно и не стану нарушать его какими-либо ухищрениями». (9) Приносить присягу в Афинах должны совет и власти,[4] а пританы [5] — приводить к присяге. В Аргосе — совет, «восемьдесят» [6] и артины,[7] а приводить к присяге — «восемьдесят». В Мантинее — демиурги,[8] совет и остальные власти, а приводить к присяге — феоры и полемархи.[9] В Элиде — демиурги, высшие власти и «шестьсот»,[10] а приводить к присяге — демиурги и фесмофилаки.[11] (10) Возобновлять присягу афиняне должны в Элиде, Мантинее и Аргосе за 30 дней до начала Олимпийских игр.[12] Аргосцы же, элейцы и мантинейцы — в Афинах за 10 дней до Великих Панафиней.[13] (11) Соглашение о договоре, присяге и союзе начертать на каменном столбе и поставить афинянам на акрополе, аргосцам — на рыночной площади в святилище Аполлона,[14] мантинейцам — в святилище Зевса [15] на рыночной площади. Союзники должны совместно воздвигнуть медный столп в Олимпии на предстоящих теперь Олимпийских играх.[16] (12) Если эти города сочтут желательным внести

какие-либо изменения [17] в договор, то должны сообща обсудить их, после чего единодушное решение вступит в силу.

48. Таким образом, был заключен мир и союз. Однако из-за этого от прежнего договора между лакедемонянами и афинянами ни одна из сторон не отказалась. (2) Все же коринфяне, несмотря на свой союз с аргосцами, не присоединились к договору (так же как они не вступили и в ранее заключенный элейцами, аргосцами и мантинейцами оборонительно-наступательный союз). Коринфяне заявили, что достаточно оборонительного союза для взаимной помощи, а нападать ни на кого они не желают. (3) Таким образом, коринфяне отделились от своих союзников и вновь перешли на сторону лакедемонян.[1]

49. В это лето состоялись Олимпийские игры, на которых аркадец Андросфен в первый раз [1] победил в борьбе и кулачном бою.[2] Лакедемонян элейцы не допустили в святилище [3] (поэтому те не смогли принести жертву и участвовать в состязаниях) за то, что лакедемоняне отказались уплатить пеню, наложенную на них элейцами по олимпийскому уставу.[4] Элейцы утверждали, что лакедемоняне напали на их крепость Фирк [5] и послали своих гоплитов в Лепрей во время олимпийского перемирия. Пеня же составляла сумму в 2000 мин, по 2 мины за каждого гоплита, согласно олимпийскому уставу. (2) Лакедемоняне возражали против этого приговора через послов, считая, что приговор был несправедливым, так как праздничное перемирие еще не было объявлено в Лакедемоне во время посылки ими гоплитов. (3) Элейцы отвечали, что тогда у них уже наступило перемирие (ведь они всегда первыми объявляют его для себя), и в то время как они, полагаясь на перемирие, не ожидали нападения, лакедемоняне вероломно нанесли им удар. (4) Лакедемоняне в свою очередь возражали: если бы элейцы уже тогда были убеждены в их (лакедемонян) виновности, то им вовсе не следовало после этого объявлять в Лакедемоне о перемирии. Тем не менее элейцы поступили таким образом именно потому, что тогда думали иначе. После объявления же перемирия они, лакедемоняне, уже больше нигде не нападали на них. (5) Элейцы все же настаивали, что лакедемоняне неправы и никогда не смогут убедить в противном. Впрочем, если лакедемоняне пожелают возвратить им Лепрей, то они не только отказываются от своей части денежной пени,[6] но готовы уплатить за них даже часть, подобающую божеству.

50. Когда лакедемоняне отвергли это предложение, элейцы тотчас же выставили новое требование: пусть лакедемоняне, если угодно, не возвращают Лепрея; но если они все-таки желают, чтобы их допустили в святилище Олимпийского Зевса, то им следует подняться к алтарю и перед всеми эллинами клятвенно обещать пеню впоследствии. (2) Лакедемоняне, однако, не согласились и на это и потому были лишены доступа в святилище и приносили жертвы дома. Прочие эллины, кроме лепрейцев, прислали своих послов в Олимпию. (3) Впрочем, элейцы из опасения, что лакедемоняне могут силой ворваться в святилище и принести там жертвы, установили стражу из вооруженных молодых воинов.

К ним на помощь прибыли также по 1000 аргосцев и мантинейцев и афинские всадники, ожидавшие празднество в Гарпине.[1] (4) Между тем все собрание охватил сильный страх, как бы вооруженные лакедемоняне не совершили нападения, особенно после того как лакедемонянин Лихас,[2] сын Аркесилая, был подвергнут побоям[3] блюстителями порядка на месте состязаний. Его упряжка одержала победу, но победителем была, однако, провозглашена упряжка города беотийцев (так как ему, как лакедемонянину, было запрещено участие в состязаниях). Тогда Лихас выступил на арену и увенчал возницу венком, желая показать этим, что колесница принадлежит ему. Поэтому все участники празднества и подавно встревожились, ожидая, что произойдет нечто ужасное. Тем не менее лакедемоняне сохраняли спокойствие, и празднество прошло для эллинов без дальнейших помех. (5) После олимпийского празднества аргосцы и союзники прибыли в Коринф, чтобы пригласить коринфян присоединиться к их союзу. Лакедемонские послы также были там. Несмотря на долгие переговоры, участники ни к чему не пришли, и когда случилось землетрясение, они разъехались по домам. Так окончилось лето.

51. Следующей зимой произошла битва гераклейцев, что в Трахинии,[1] с эниянами, долопами, мелийцами[2] и некоторыми фессалийскими племенами. (2) Эти племена жили по соседству и враждовали с Гераклеей, так как город этот был построен как оборонительный пункт исключительно против них. Они были исконными врагами Гераклеи и наносили ей ущерб насколько могли. Также и в этой битве фессалийцы победили гераклейцев, причем пал и правитель Гераклеи лакедемонянин Ксенар,[3] сын Книдиса, и много гераклейцев было перебито. Так окончилась зима и с ней двенадцатый год войны.

52. В начале следующего лета беотийцы захватили Гераклею,[1] которая после упомянутой битвы находилась в тяжелом состоянии. Они выселили лакедемонского правителя Агесиппида[2] за дурное управление. Захватили же беотийцы город из опасения, что афиняне могут им овладеть, пока лакедемоняне отвлечены раздорами в Пелопоннесе. Лакедемонян этот поступок беотийцев сильно раздражил. (2) Тем же летом Алкивиад, сын Клиния, афинский стратег, действуя совместно с аргосцами и их союзниками, прибыл с небольшим отрядом афинских гоплитов и лучников в Пелопоннес.[3] Получив подкрепления от пелопоннесских союзников, он во время своего прохождения через страну всюду устраивал союзные дела. Так, он уговорил жителей Патр[4] построить длинные стены до моря. Он собирался также возвести крепость на мысе Рие Ахейском.[5] Однако коринфяне, сикионцы и другие, кому это сооружение могло принести вред, явились и помешали постройке этого укрепления.

53. В то же лето вспыхнула война между эпидаврийцами и аргосцами. Поводом к ней был отказ эпидаврийцев послать жертвы в храм Аполлона Пифаеского,[1] которые они были обязаны послать как дань за приречные заливные луга (храм этот находился под верховной опекой и защитой аргосцев). Но и без указанного повода (который был лишь предлогом) Алкивиад и аргосцы решили при любой возможности любыми

средствами заставить эпидаврийцев присоединиться к союзу, чтобы обеспечить нейтралитет Коринфа и дать возможность афинянам переправлять свое войско в Аргос кратчайшим путем из Эгины[2] (а не плыть вокруг Скиллейского мыса).[3] Аргосцы действительно сами собирались вторгнуться в Эпидавр под предлогом взыскания с эпидаврийцев жертвы.

54. Приблизительно в это же время и лакедемоняне со всем своим ополчением выступили под предводительством царя Агиса, сына Архидама, в поход на Левктры, что на границе Лаконии по направлению к Ликею.[1] Никто, даже города, доставившие войско, не знал, куда они идут. (2) Однако жертвоприношения на границе оказались неблагоприятными, и лакедемоняне возвратились домой, оставив союзникам приказ готовиться к походу по окончании следующего священного дорийского месяца Карнея.[2] (3) После ухода лакедемонян аргосцы вторглись в Эпидаврийскую область за четыре дня до конца месяца, предшествующего Карнею, продлили этот календарный день на все время похода и принялись разорять эту область. (4) Тогда эпидаврийцы призвали на помощь союзников. Некоторые из них, однако, отказались помочь, сославшись на священный месяц; другие же дошли до границы Эпидавра, но там остановились.

55. В то время, когда аргосцы находились в Эпидаврийской области, в Мантинею по приглашению афинян[1] собрались послы от разных городов. Во время переговоров коринфянин Евфамид[2] заявил, что речи послов расходятся с делами: ведь пока здесь на совещаниях идет речь о мире, Эпидавр с союзниками и аргосцы противостоят друг другу с оружием в руках. Прежде всего уполномоченным обеих сторон следовало бы отправиться на место и настоять на прекращении враждебных действий, а затем они могут вернуться назад и снова начать переговоры о мире. (2) Собрание согласилось с этим советом. Уполномоченные отправились в Эпидавр и заставили аргосцев отступить. Затем послы вновь собрались в Мантинее, однако и теперь не смогли договориться, и аргосцы снова вступили в Эпидаврийскую область и начали ее разорять. (3) Лакедемоняне также пошли походом на Карии.[3] Когда же жертвоприношения на границе оказались и на этот раз неблагоприятными, лакедемоняне возвратились назад. (4) Между тем аргосцы, опустошив около трети Эпидаврийской области, также вернулись домой. Тысяча афинских гоплитов под начальством Алкивиада пришла им на помощь. Однако, узнав, что поход лакедемонян закончен и они больше не нужны, афиняне возвратились назад. Так прошло лето.

56. Следующей зимой лакедемоняне отправили морем в Эпидавр тайно от афинян 300 воинов во главе с Агесиппидом[1] для охраны. (2) Аргосцы прибыли в Афины с жалобой на то, что афиняне, вопреки пункту договора,[2] запрещающему врагам проход через землю одного из союзников, разрешили лакедемонянам пройти морем вдоль их берегов: поэтому, если афиняне не доставят в Пилос мессенцев и илотов, чтобы опустошать набегами Лаконию, то они, аргосцы, сочтут это нарушением союзного договора. (3) По предложению Алкивиада афиняне приписали на лаконской

стеле на Акрополе,[3] что лакедемоняне нарушили клятву, и затем переправили в Пилос илотов (недавно поселенных в Краниях),[4] чтобы оттуда грабить Лаконию, но в остальном не проявляли враждебности. (4) Война аргосцев с эпидаврийцами в эту зиму продолжалась,[5] однако дело не дошло до настоящей битвы. Происходили лишь мелкие стычки и нападения из засады, причем всякий раз с обеих сторон погибало по нескольку человек. (5) В конце зимы и уже с наступлением весны аргосцы двинулись на Эпидавр с лестницами для штурма (полагая, что в городе из-за войны нет защитников), чтобы взять его с налета, но были вынуждены уйти ни с чем. И так эта зима кончилась, а с ней приходил к концу и тринадцатый год войны.

57. Между тем лакедемоняне увидели, что их эпидаврийские союзники в тяжелом положении, а остальные пелопоннесские города либо уже отпали от них, либо ненадежны. (2) Они решили тогда, что если не предпринять предупредительных мер, то события будут развиваться в опасном для них направлении. Поэтому в середине следующего лета сами лакедемоняне выступили в поход на Аргос во главе с царем Агисом, сыном Архидама, со всем своим войском и илотами. (3) В походе приняли участие также тегейцы и остальные союзные аркадские города. Другие союзники из Пелопоннеса и из-за Истма собрались во Флиунте:[1] из Беотии прибыло 5000 гоплитов и столько же легковооруженных, 500 всадников с сидящим за каждым всадником пехотинцем; из Коринфа — 2000 гоплитов, из остальных городов[2] кто сколько смог выставить, а из Флиунта все войско, потому что союзное войско собиралось на их земле.

58. Между тем аргосцы уже заранее получили сведения о военных приготовлениях лакедемонян. Видя теперь, что лакедемоняне действительно двинулись во Флиунт[1] на соединение с союзниками, аргосцы также выступили в поход. К ним присоединились мантинейцы[2] со своими союзниками и 3000 элейских гоплитов. (2) Продвигаясь вперед, аргосцы встретили лакедемонян у Мефидрия[3] в Аркадии, где оба войска заняли позиции на холмах. Аргосцы готовились сразиться с лакедемонянами прежде их соединения с союзниками. Но царь Агис ночью поднял свое войско и незаметно выступил во Флиунт к союзникам. (3) На заре аргосцы узнали об его уходе и также двинулись сначала в Аргос, а затем на Немейскую дорогу,[4] по которой, как они предполагали, лакедемоняне с союзниками спустятся на равнину. (4) Однако Агис против их ожидания не пошел по этой дороге, но спустился на аргосскую равнину с лакедемонянами, аркадцами и эпидаврийцами (которым он отдал соответственный приказ) по другой, более трудной дороге. Коринфяне, пеллинеы[5] и флиунтцы также шли другим крутым путем. Беотийцам, мегарцам и сикионцам было приказано спуститься по Немейской дороге, где находились аргосцы, для того чтобы, если аргосцы вернутся и нападут на отряд Агиса на равнине, была бы возможность преследовать их конницей. (5) Расположив в таком порядке свои отряды, Агис двинулся на равнину и стал опустошать Саминф[6] и другие местности.

59. При известии об этом аргосцы уже днем выступили из Немеи[1] на помощь. Встретив отряды флиунтцев и коринфян, они перебили несколько флиунтцев, а сами потеряли в стычке с коринфянами немногим больше. (2) Беотийцы же, мегарцы и сикионцы, согласно приказу, шли по Немейской дороге, однако аргосцев они там уже не нашли, так как те, видя опустошение своей земли, спустились на равнину и стали строиться в боевой порядок для битвы. Лакедемоняне, со своей стороны, также готовились к бою. (3) Аргосцы были теперь окружены врагами. Со стороны равнины их отрезали от главного города лакедемоняне с союзниками, со стороны холмов на равнине преграждали путь коринфяне, флиунтцы и пелленцы, а со стороны Немеи — беотийцы, сикионцы и мегарцы. Конницы у аргосцев не было, а единственные союзники, имевшие конницу — афиняне, еще не прибыли. (4) Однако большинство аргосцев и их союзников в данный момент не считали свое положение столь опасным. Напротив, они думали, что можно будет дать битву при благоприятных условиях на выгодной позиции и как раз в своей стране вблизи от своего города поймать лакедемонян в ловушку. (5) Однако двое аргосцев — Фрасил (один из пяти стратегов) и Алкифрон, проксен лакедемонян, — подошли к Агису, когда оба войска должны были уже вступить в бой, и стали уговаривать его не давать сражения. Аргосцы, говорили они, готовы уладить взаимные претензии на приемлемых для обеих сторон условиях и удовлетворить возможные жалобы лакедемонян и впредь желают жить с ними в мире.

60. Оба аргосца действовали при этом лишь по собственному почину, а не по поручению аргосского народа. Агис также принял их предложения своей властью, не обсуждая с большинством военачальников отдельных отрядов. Он сообщил о своем решении только одному высшему лакедемонскому должностному лицу в его войске и заключил с аргосцами перемирие на 4 месяца, в течение которых те должны были выполнить соглашение. После этого царь тотчас же увел свое войско, не сказав ничего военачальникам остальных союзников. (2) Лакедемоняне и союзники, правда, подчинились приказу согласно воинской дисциплине, но между собой тем более резко порицали царя. Действительно, здесь, по их мнению, была упущена прекрасная возможность дать бой врагу: ведь враг был со всех сторон окружен их пехотой и конницей,[1] и все-таки им пришлось уйти, не совершив ничего достойного столь великой боевой силы. (3) И в самом деле, никогда еще в Элладе до этого дня не собиралось такого прекрасного войска. Вид его был совершенно поразителен, когда после соединения оно стояло еще у Немеи. Лакедемоняне стояли там со всеми своими боевыми силами; рядом выстроились в боевом порядке аркадцы, беотийцы, коринфяне, сикионцы, пелленцы, флиунтцы и мегарцы — отборные воины из каждого города, которые могли бы, вероятно, сразиться не только с аргосцами и их союзниками, но даже с еще более многочисленным противником. (4) Так войско отправилось в обратный путь[2] и, проклиная Агиса, разошлось по домам. (5) Аргосцы, со своей стороны, между тем, также были недовольны и еще более резко

обвиняли своих земляков, заключивших перемирие без народного одобрения. Они также думали, что столь благоприятный случай больше никогда не повторится и что они позволили лакедемонянам ускользнуть: ведь битва произошла бы у ворот их города, и с ними было большое число храбрых союзников.[3] (6) На обратном пути, дойдя до ущелья Харадры[4] (где после похода обычно происходит суд перед вступлением в город), аргосцы стали побивать Фрасила камнями. Ему удалось спастись под защиту алтаря. Но имущество его было конфисковано.

61. Вскоре после этого прибыли афинские подкрепления из 1000 афинских гоплитов и 300 всадников под начальством Лахеса и Никострата.[1] Хотя аргосцы и были недовольны перемирием, но разорвать договор с лакедемонянами все же не решались. Они просили афинян покинуть Аргос и сначала даже не допустили их в народное собрание, с которым афиняне желали договориться, пока не были вынуждены к этому настоятельными требованиями мантинейцев и элейцев, еще находившихся в Аргосе. (2) Афинские послы, среди которых был и Алкивиад,[2] заявили в народном собрании аргосцам и союзникам, что аргосцы не имели права заключать перемирие без согласия остальных союзников и теперь (раз афиняне прибыли в благоприятный момент) следует продолжать войну. (3) Союзники согласились с этим, и тотчас все, кроме аргосцев, выступили против аркадского Орхомена.[3] Хотя аргосцы были того же мнения, они сначала не присоединились, но позднее также пришли. (4) Общими силами союзники, окружив Орхомен, начали осаду города и неоднократно пытались взять его штурмом. Они стремились захватить этот город в особенности потому, что лакедемоняне поместили там аркадских заложников. (5) При слабости своих укреплений жители Орхомена опасались, что не устоят перед столь многочисленным войском и погибнут до прибытия какой-либо помощи. Поэтому они решили сдаться, согласившись на союз с аргосцами, а также выдать мантинейцам от себя заложников и освободить тех, которые были оставлены у них лакедемонянами.

62. Захватив Орхомен, союзники стали совещаться, против кого им пойти в первую очередь. Элейцы требовали похода на Лепрей, а мантинейцы — на Тегею.[1] Аргосцы и афиняне присоединились к мнению мантинейцев. (2) После этого элейцы с досады, что союзники решили на Лепрей не нападать, возвратились по домам. Остальные же союзники в Мантинее стали готовиться к нападению на Тегею, тем более что среди тегейцев имелись люди, готовые предать город.

63. Между тем после заключения четырехмесячного перемирия и ухода лакедемонян из Аргосской области лакедемоняне стали резко упрекать Агиса за то, что тот не завоевал Аргоса (для чего, по их мнению, представлялся удобный случай, какого никогда не было: нелегко вновь собрать такое множество сильных союзников). (2) Но когда донеслась весть о взятии Орхомена, лакедемоняне вознегодовали еще более: в гневе, вопреки своему обычаю, они решили было срыть дом Агиса[1] и наложить на него штраф в 100 000 драхм.[2] Но царь начал упраши-

вать их не делать этого. (3) Он обещал загладить свою вину в следующем походе; в противном случае, говорил он, пусть с ним поступят, как им угодно. (4) Лакедемоняне отказались от наложения штрафа и разрушения дома царя, но приняли по этому случаю постановление, какого еще никогда не было у них: они приставили к царю 10 спартиатов советниками,[3] без согласия которых он не имел права выступать с войском из города.

64. Тем временем лакедемоняне получили от своих друзей из Тегеи известие: если они не окажут немедленной помощи, город перейдет на сторону Аргоса и его союзников и почти готов отпасть от лакедемонян. (2) Тогда лакедемоняне с небывалой поспешностью со всем своим войском (включая илотов) выступили в поход и направились в Оресфий[1] (что в области Меналии). (3) Своим аркадским союзникам[2] они приказали немедленно собраться и следовать за ними в Тегее. Вплоть до Оресфия лакедемоняне шли со всем войском. Отсюда они отослали домой для защиты города шестую часть[3] лакедемонян старшего и младшего возраста и с остальными силами прибыли в Тегею. Вскоре подошли и аркадские союзники. (4) Затем лакедемоняне послали коринфянам, беотийцам, фокийцам и локрам приказ немедленно идти на помощь в Мантинейскую область. Однако этот срочный приказ вызвал у них затруднения. Им пришлось ожидать друг друга, так как нельзя было иначе как всем вместе пройти через промежуточную враждебную им область; но все же они спешили. (5) Лакедемоняне же вместе с прибывшими аркадскими союзниками выступили в Мантинейскую область и, разбив лагерь у святилища Геракла, начали разорять землю.

65. Заметив врагов, аргосцы и союзники заняли позицию на крутом и труднодоступном месте и построились в боевом порядке. (2) Лакедемоняне же подошли к неприятелю на расстояние полета камня или дротика, готовясь к нападению. В это время один старый воин, видя, что лакедемоняне идут на сильно укрепленную вражескую позицию, закричал Агису, что тот думает зло лечить злом. Этим он хотел сказать, что царь желает своим несвоевременным порывом возместить необоснованное отступление от Аргоса. (3) И Агис, то ли из-за этого окрика, то ли потому, что сам переменил свой план, внезапно быстрым маршем отступил без боя. (4) Возвратившись в Тегейскую область, он велел отвести оттуда воды реки[1] в Мантинейскую землю (мантинейцы с тегейцами постоянно воюют из-за этой реки, так как она наносит вред земле, по которой протекает). Агис надеялся, что аргосцы и союзники, узнав об отводе реки, спустятся с холма, чтобы помешать этому; тогда он сможет дать битву на равнине. (5) Итак, царь оставался там весь этот день и велел заняться отводом реки. Аргосцы же и союзники сначала удивились внезапному отступлению врагов (когда те были уже так близко) и не знали, что им и подумать. Затем, однако, когда лакедемоняне стали отступать все дальше и наконец исчезли из вида, сами аргосцы, вместо того чтобы преследовать неприятеля, спокойно стояли на месте. Здесь они снова начали обвинять своих стратегов за то, что те и раньше[2] дали

лакедемонянам возможность ускользнуть, когда они попали в невыгодное положение у Аргоса, и теперь не думают преследовать бегущего врага. Напротив, врагам позволяют спокойно спастись, а их самих предают. (6) Стратеги аргосцев сначала были смущены, а затем увели войско с холма и, продвинувшись на равнину, расположились лагерем перед выступлением на врагов.

66. На следующий день аргосцы и союзники выстроились в боевом порядке, чтобы дать сражение, если враг появится. Лакедемоняне, между тем, возвратились от реки к своему прежнему лагерю близ святилища Геракла. Здесь они увидели неподалеку от себя все вражеское войско, спустившееся с холма и уже выстроенное в боевом порядке. (2) Никогда еще лакедемоняне, насколько они помнили, не были так напуганы, как в тот момент. (3) После короткой задержки они стали готовиться к бою и построились в своем обычном порядке. По обычаю царь Агис отдавал все распоряжения: ведь когда у лакедемонян царь участвует в походе, то все приказы исходят от него. Он передает необходимые распоряжения полемархам, те — лохагам, лохаги — пентеконтерам; эти же —эномотархам, а последние, наконец, — эномотии.[1] Таким образом, приказы царей идут в одном и том же порядке и последовательности и быстро достигают своего назначения. Ведь лакедемонское войско почти целиком состоит из начальников над начальниками и ответственность за точное выполнение приказов лежит на целом ряде лиц.

67. На левом крыле лакедемонян и на этот раз находились скириты [1] — на том месте, на которое лишь они одни из лакедемонян имеют право. Рядом с ними стояли воины, сражавшиеся во главе с Брасидом во Фракии, вместе с неодамодами.[2] Далее по порядку стояли сами лакедемоняне, построенные по лохам, и подле них аркадцы из Гереи;[3] за ними стояли меналийцы; на правом крыле — тегейцы с небольшим числом лакедемонян на самом конце линии. Конница стояла по обоим флангам. Таково было боевое построение лакедемонян. (2) У противников правое крыло занимали мантинейцы,[4] так как сражение происходило на их земле; затем шли аркадские союзники, затем тысяча отборных аргосцев, которые обучались военному делу с детства на общественный счет; затем — остальные аргосцы, а за ними — союзные клеонцы [5] и орнейцы; [6] наконец, на самом конце левого крыла стояли афиняне со своей конницей.

68. Таковы были построение и приготовления к битве с обеих сторон. Численный перевес был, по-видимому, у лакедемонян. (2) Впрочем, истинную численность обеих армий я точно указать не могу, как по отдельным отрядам, так и в целом. Ведь о числе лакедемонян официально ничего неизвестно из-за скрытности, господствующей у них всюду. С другой стороны, данные о численности войск других народов при известной склонности людей хвастаться мощью своей страны, по-моему, не заслуживают доверия. Тем не менее следующие соображения могут дать некоторое представление о тогдашней численности лакедемонского войска. (3) В этом сражении у них было семь лохов, кроме 600 скири-

тов; в каждом лохе было по четыре пентекостии, и в каждой пентекостии — четыре эномотии. В первом ряду каждой эномотии сражалось четыре человека. Глубина ряда не всюду, конечно, была одинаковой, но зависела от усмотрения отдельных лохагов; в среднем же она составляла восемь человек. По всей же линии фронта стояло 448 человек, не считая скиритов.[1]

69. Перед началом битвы начальники отдельных отрядов обратились к своим людям со словами ободрения. Мантинейцам говорили, что они будут биться за родину и, кроме того, им придется выбирать между господством и рабством: от первого (узнав его на опыте) они не должны отказываться, с последним же им не следует вновь мириться. Аргосцам внушали: борьба идет за их исконное владычество в Пелопоннесе[1] и за последующее равноправие со Спартой, для того чтобы с ними не покончили навсегда; и, кроме того, за то, чтобы отомстить соседям-врагам за множество нанесенных ими обид. Афинянам говорили, что для них является делом чести совместное сражение со множеством столь доблестных союзников и возможность сравняться с храбрейшими из них. Победив лакедемонян в Пелопоннесе, афиняне расширят и укрепят свое владычество там, и ни один захватчик никогда уже не вступит на их собственную землю. (2) Так воодушевляли вожди аргосцев и их союзников. Лакедемоняне же ободряли отдельные отряды своего войска[2] воинственными песнями и напоминанием о старинной доблести. Они понимали, что давнишний опыт в военном деле больше значит, чем произносимые перед битвой красноречивые увещания.

70. Затем началась схватка. Аргосцы и союзники стремительным натиском атаковали противника. Лакедемоняне, напротив, двигались медленно под звуки воинственной мелодии, исполняемой множеством флейтистов, стоявших в их рядах. Это заведено у них не по религиозному обычаю, а для того, чтобы в такт музыке маршировать в ногу и чтобы не ломался боевой строй (как обычно случается при наступлении больших армий).

71. Еще до того, как противники сошлись, царю Агису пришло на ум произвести следующий маневр. Обычно все армии при наступлении удлиняют свое правое крыло, причем каждая стремится охватить своим правым крылом левое крыло противника. Ведь каждый воин, опасаясь за свою незащищенную сторону, старается сколь возможно прикрыться щитом своего товарища справа и думает, что чем плотнее сомкнуты ряды, тем безопаснее его положение. Первый повод к этому дает правофланговый воин первого ряда. Он всегда напирает вправо, чтобы отвернуть свою незащищенную сторону от врага, и затем тот же страх заставляет и остальных воинов следовать его примеру. (2) И на этот раз мантинейцы глубоко охватили с фланга линию скиритов,[1] а лакедемоняне и тегейцы на своем правом крыле, поскольку они были многочисленнее, еще дальше зашли за линию афинян. (3) Тогда Агис из опасения обхода своего левого фланга, решив, что мантинейцы уже слишком далеко охватили его левый фланг, дал сигнал скиритам и воинам Бра-

сида вытянуть свою линию в левую сторону от него и выровняться с мантинейцами. Полемархам Гиппоною и Аристоклу царь приказал перейти с двумя лохами с правого крыла для заполнения образовавшейся бреши. Он полагал, что его правое крыло все-таки не ослабеет, а левое (против мантинейцев) еще более укрепится.

72. Агис отдал свой приказ в последний момент, когда атака уже началась, и Аристокл и Гиппоною отказались произвести этот маневр (что впоследствии было сочтено трусостью и за что они поплатились изгнанием из Спарты). (2) Между тем атака врагов началась раньше, чем ожидал царь, и скириты при отсутствии обоих лохов не смогли своевременно согласно приказу возвратиться на прежнюю позицию, чтобы заполнить образовавшуюся брешь. Хотя лакедемоняне, вообще говоря, сильно уступали врагу в искусстве тактического маневрирования, зато они блестяще доказали свое умение побеждать мужеством. (3) После начала рукопашной схватки правое крыло мантинейцев обратило в бегство лакедемонских скиритов и воинов Брасида. Затем мантинейцы с союзниками и тысяча отборных аргосских воинов хлынули через открывшуюся брешь в рядах лакедемонян и проникли в глубь их войска. Окружив врагов, они убивали бегущих и преследовали их до обозных телег, где также перебили нескольких пожилых воинов,[1] прикрывавших обоз. (4) На этом фланге лакедемоняне терпели поражение. Однако на других участках фронта, и особенно в центре (где стоял царь Агис с 300 телохранителей, так называемых «всадников»),[2] лакедемоняне атаковали аргосских ветеранов и так называемые «пять лохов»,[3] а также клеонцев, орнейцев и стоявших рядом с ними афинян и обратили их в бегство. Большинство их не выдержало рукопашного боя и из боязни попасть в плен даже тотчас отступило, а некоторые были смяты и растоптаны своими же.

73. На этом участке фронта отступить пришлось аргосцам и союзникам; разбитые части были отрезаны от центра и отброшены к флангам. Тем временем вытянутое правое крыло лакедемонян и тегейцев стало окружать также и афинян. Теперь опасность грозила афинянам с двух сторон: их окружали с одной стороны, а на другой они уже были разбиты. И, вероятно, афиняне понесли бы наибольшие потери из всего войска, если бы не их конница,[1] сослужившая им хорошую службу. (2) Тем временем Агис, заметив тяжелое положение на своем левом крыле против мантинейцев и тысячи аргосцев, приказал всему войску идти на помощь разбитым частям. (3) Афиняне, между тем, лишь только вражеское войско по этому приказу повернуло влево и стало отходить, успели спокойно отступить вместе с разбитым отрядом аргосцев. Мантинейцы же, их союзники, и отборный отряд аргосцев уже не думали о том, чтобы теснить врага; напротив, видя, что их войско разбито и лакедемоняне победоносно наступают на них, обратились в бегство. (4) При этом мантинейцы понесли довольно тяжелые потери, тогда как бóльшая часть отборного отряда аргосцев спаслась. Однако преследование не было настойчивым, и бегство продолжалось недолго. Ведь обычно

лакедемоняне сражаются упорно и настойчиво и держатся непоколебимо, пока не победят, но опрокинув врага, долго его не преследуют.

74. Такова или почти такова была эта битва, с древнейших времен[1] величайшая из битв между самыми значительными эллинскими городами. (2) Лакедемоняне, выстроившись на поле битвы перед телами павших врагов, тотчас же воздвигли трофей. Затем они сняли доспехи с убитых врагов, подобрали тела своих воинов и отправили в Тегею,[2] где и предали погребению. Заключив перемирие, они передали неприятелям тела их воинов. (3) Аргосцев, орнейцев и клеонцев пало 700 человек, мантинейцев — 200, афинян вместе с эгинцами[3] — 200 (в том числе и оба стратега). Союзники лакедемонян не понесли значительных потерь. Относительно самих лакедемонян установить истину было трудно.[4] Передавали, однако, что у них пало до 300 человек.

75. Незадолго до этого сражения другой царь, Плистоанакт, выступил из Спарты на помощь с войском,[1] состоявшим из граждан как старшего, так и младшего возраста, и дошел до Тегеи. Однако, получив известие о победе, он возвратился домой. (2) Призыв своих союзников из Коринфа и за Истмом[2] лакедемоняне отменили. Сами они, распустив остальных союзников, также вернулись домой и справляли наступивший праздник Карнеи.[3] (3) Так одним этим подвигом они сняли с себя обвинение в трусости (из-за неудачи на острове), в недостатке проницательности и в медлительности.[4] Теперь видно, что только несчастный случай навлек на них эти обвинения со стороны эллинов, ибо по характеру они оставались все теми же. (4) Накануне этой битвы эпидаврийцы со всем своим войском вторглись в аргосскую область, воспользовавшись тем, что она лишена защитников. Они перебили там значительную часть охраны, в то время как главные силы аргосцев выступили в поход. (5) После битвы на помощь к мантинейцам прибыли 3000 элейских гоплитов и второй отряд афинян в 1000 человек. Пока лакедемоняне справляли Карнеи, все союзники выступили в поход на Эпидавр и начали возводить осадную стену вокруг города, разделив между собой[5] работы. (6) Однако вскоре остальные союзники прекратили работы, и лишь афиняне быстро закончили порученную им часть — укрепление мыса, где находилось святилище Геры.[6] В построенном здесь укреплении все союзники оставили охрану и затем разошлись по своим городам. Так кончилось это лето.

76. В самом начале следующей зимы,[1] тотчас после праздника Карнеев, лакедемоняне выступили в поход. Прибыв в Тегею, они послали в Аргос мирные предложения. (2) В Аргосе уже и раньше имелись сторонники лакедемонян, желавшие свергнуть у себя демократию. После неудачной битвы им было уже гораздо легче склонить народ к миру. Сначала они желали заключить мир с лакедемонянами, а позднее и союз и, в случае удачи, напасть на народную партию и свергнуть демократию. (3) И вот в Аргос от лакедемонян прибыл проксен аргосцев Лихас,[2] сын Аркесилая, с двумя предложениями: одно на случай продолжения войны, а другое — если аргосцы пойдут на мир. После долгих

переговоров (на которых присутствовал и Алкивиад) сторонникам лакедемонян, выступившим уже открыто, удалось побудить аргосцев принять мирные предложения, гласившие:

77. На следующих условиях[1] угодно народному собранию лакедемонян заключить мир с аргосцами. Аргосцы должны возвратить орхоменцам их детей, менапийцам взрослых граждан, а лакедемонянам — заложников в Мантинее. Они должны также покинуть Эпидаврскую область и разрушить осадную стену.[2] (2) Если афиняне откажутся уйти из Эпидаврской области, то они будут считаться врагами аргосцев и лакедемонян, а также союзников лакедемонян и аргосцев. (3) Лакедемоняне также обязаны выдать всем городам детей заложников, находящихся в их руках. (4) Что касается жертвы богу,[3] то пусть аргосцы, если пожелают, возложат на эпидаврийцев принесение клятвы или сами принесут ее. (5) Города же в Пелопоннесе, большие и малые, должны быть все независимы,[4] по обычаям предков. (6) Если какой-нибудь город вне Пелопоннеса пойдет со злым умыслом на пелопоннесскую землю, то обе стороны должны, договорившись, принять те меры, чтобы отразить врага, какие признают наиболее справедливыми пелопоннесцы. (7) Все союзники лакедемонян вне Пелопоннеса должны находиться в одинаковом положении с другими их союзниками и союзниками аргосцев и сохранять свои владения. (8) Обе стороны должны представить союзникам договор для одобрения; если же союзники выставят какие-либо возражения, то должны отослать договор домой.

78. После принятия аргосцами этих мирных предложений лакедемонское войско возвратилось из Тегеи домой. Затем оба города приступили к переговорам, и немного спустя та же самая партия, которая заключила мирное соглашение, добилась отказа от союза с мантинейцами, элейцами и афинянами и заключила союз с лакедемонянами. Договор гласил:

79. Лакедемоняне и аргосцы решили заключить мир и союз на 50 лет на следующих условиях. Они должны подчиняться третейскому суду на справедливых и равных условиях по заветам отцов. Прочие пелопоннесские города могут присоединиться к договору о мире и союзе, сохраняя независимость, государственное устройство и свои владения и подчиняясь третейскому суду на справедливых и равных условиях по заветам отцов. (2) Все союзники лакедемонян вне Пелопоннеса будут в том же положении, что и лакедемоняне, а союзники аргосцев — в том же положении, что и аргосцы, при сохранении своих владений. (3) В случае необходимости общего похода лакедемоняне и аргосцы должны договориться между собой, как совершить его, сколь возможно справедливейшим для союзников образом. (4) Если какой-нибудь город в Пелопоннесе или вне его вступит в спор о границе или по какому-либо другому поводу, то спор следует решать судом. Если между двумя союзными городами возникнут раздоры, то они должны обратиться к посредничеству третьего города, который признают беспристрастным обе стороны. Споры между согражданами следует решать по заветам отцов.

80. На таких условиях был заключен этот мир и союз, и лакедемоняне и аргосцы договорились о возвращении захваченных во время войны земель и по некоторым другим спорным вопросам. Теперь они уже действовали единодушно и решили не принимать афинского глашатая или посольства, если афиняне не уйдут из Пелопоннеса и не покинут своих тамошних укреплений. И впредь они решили воевать и заключать мир только сообща. (2) Вообще союзники действовали с большой энергией. Так, оба города отправили посольства к фракийским городам и к Пердикке, которого они убедили присоединиться к союзу. Впрочем, Пердикка не сразу изменил афинянам, но задумал изменить по примеру аргосцев (ведь и сам он был аргосского происхождения).[1] С халкидцами союзники возобновили прежний договор[2] и заключили новый. (3) Аргосцы отправили также послов в Афины с требованием покинуть укрепление[3] в Эпидавре. Так как афинский отряд составлял лишь незначительную часть гарнизона, то афиняне послали Демосфена вывести его. По прибытии в Эпидавр Демосфен устроил для виду гимнастическое состязание перед укреплением и, когда остальной гарнизон вышел из крепости, он велел закрыть ворота.[4] Впоследствии, после возобновления договора с эпидаврийцами афиняне передали укрепление им.

81. После выхода аргосцев из союза мантинейцы еще некоторое время сопротивлялись, но без аргосцев они были беспомощны и поэтому им пришлось также согласиться на мир[1] с лакедемонянами, отказавшись от господства над городами.[2] (2) Затем лакедемоняне и аргосцы выступили совместным походом, выставив с каждой стороны по 1000 воинов. Сначала лакедемоняне одни пришли в Сикион и установили там еще более удобное для них олигархическое правление, а потом оба союзника вместе покончили с демократией и в самом Аргосе, заменив ее дружественной лакедемонянам олигархией.[3] Это произошло уже в конце зимы и начале весны.[4] Так окончился четырнадцатый год войны.

82. Следующим летом жители Дия на Афоне,[1] изменив афинянам, перешли на сторону халкидцев, а лакедемоняне установили в Ахайе[2] более соответствующую их интересам форму правления. (2) Между тем народная партия в Аргосе, поспешно объединив свои силы, снова обрела мужество: выждав время празднования Гимнопедий[3] в Лакедемоне, демократы напали на олигархов. При этом дело дошло до уличных боев, и народ одержал верх: при этом сторонники олигархов были частью перебиты, а частью изгнаны. (3) Друзья олигархов призвали на помощь лакедемонян. Последние, однако, заставили себя слишком долго ждать, но затем все-таки отложили празднование Гимнопедий и выступили в поход. Впрочем, узнав в Тегее о поражении олигархов, лакедемоняне не пожелали, несмотря на просьбы изгнанников, идти дальше и возвратились домой справлять Гимнопедии. (4) Немного спустя в Лакедемон прибыли послы от аргосцев, захвативших власть в городе, и от изгнанников. После долгого обсуждения в присутствии союзников лакедемоняне осудили победившую партию и решили идти в поход на Аргос. Но тут, однако, возникли препятствия и проволочки. (5) Между тем народная

партия в Аргосе из боязни лакедемонян вновь стала склоняться к союзу с Афинами, ожидая для себя в результате этого большой выгоды. Затем, готовясь отразить нападение лакедемонян, демократы начали строить длинные стены до моря,[4] чтобы в случае блокады с суши обеспечить с помощью афинян подвоз продовольствия морем. (6) Некоторые из пелопоннесских городов знали о постройке стены. В Аргосе весь народ — сами граждане с женами и рабами принялись возводить стену, и афиняне послали им плотников и каменщиков. Так кончилось лето.

83. Следующей зимой лакедемоняне, узнав о строительстве стены, выступили с союзниками (кроме коринфян)[1] в поход на Аргос. В самом Аргосе также была партия, сочувствовавшая лакедемонянам.[2] Во главе похода стоял Агис, сын Архидама, царь лакедемонян. (2) Надежды лакедемонян на помощь из города не оправдались. Впрочем, лакедемонянам удалось захватить и разрушить строившуюся стену. Они также заняли Гисий[3] (место в Аргосской области) и перебили всех захваченных в плен свободных жителей. Затем лакедемоняне и союзники снова отступили и разошлись по своим городам. (3) После этого аргосцы также пошли в поход на Флиунтскую область (потому что большая часть их изгнанников нашла приют и поселилась во Флиунте). Разорив землю флиунтцев, аргосцы возвратились домой. (4) В ту же зиму афинская эскадра блокировала македонское побережье. Афиняне осуждали Пердикку за союз с лакедемонянами и аргосцами, а также за то, что царь бросил их на произвол судьбы, когда они собирались послать войско во главе с Никием, сыном Никерата, против фракийских халкидян и Амфиполя. Поход не удался главным образом из-за измены Пердикки. Теперь он стал врагом афинян. Так окончилась зима и с нею пятнадцатый год войны.

84. На следующее лето Алкивиад,[1] отплыв на 20 кораблях в Аргос, приказал схватить там 300 аргосцев, подозреваемых в сочувствии лакедемонянам.[2] Афиняне поместили их на одном из подвластных им островов,[3] находившемся поблизости. Затем афиняне выступили в поход на остров Мелос[4] с эскадрой в составе 30 своих кораблей, 6 хиосских и 2 лесбосских, имея на борту 1200 гоплитов, 300 лучников, 20 конных стрелков из самих Афин и еще около 1500 воинов от союзников и островитян. (2) Мелос — лакедемонская колония,[5] и жители ее не желали подчиняться афинянам подобно другим островитянам. Сначала мелосцы пытались оставаться нейтральными. Затем, когда афиняне стали принуждать их подчиниться, опустошая остров, дело дошло до открытой войны. (3) Итак, стратеги Клеомед, сын Ликомеда, и Тисий,[6] сын Тисимаха, расположились на острове лагерем с упомянутыми силами. Однако до начала враждебных действий они отправили послов, чтобы договориться с мелосцами. Мелосцы же не допустили послов в народное собрание, но предложили изложить свое поручение в кругу властей[7] и нескольких знатнейших граждан.

85. Афинские послы сказали следующее: «Наши переговоры ведутся не в народном собрании, очевидно, с той целью, чтобы мы сразу не

ввели в обман ваших людей, если бы смогли развернуть перед ними в одной связной речи соблазнительные и неопровержимые доводы. Мы ведь понимаем, что ради этого вы и привели нас в этот тесный круг. Оградите же себя от этого соблазна еще вернее, вы, заседающие здесь; судите не по одной речи: вы можете прерывать нас и возражать по каждому отдельному пункту в случае несогласия с ним. И прежде всего скажите, согласны ли вы с нашим предложением?»

86. Мелосские синедры отвечали: Мы не возражаем против вашего благожелательного предложения спокойно обсудить дело. Однако ваши военные приготовления (а не только намерения) явно противоречат вашим словам. (2) Ведь мы видим, что вы пришли сюда как судьи с притязанием на окончательное решение в предстоящих переговорах. И, по всей вероятности, если мы при этом останемся правы, а потому не уступим, то будет война; если же согласимся, то нас ожидает рабство.

87. Афиняне. Конечно, если вы пришли, чтобы строить догадки о будущем или с какой-либо иной целью, а не для того, чтобы обсуждать меры для спасения вашего города, мы можем кончить переговоры. Если же вы пришли для такого обсуждения, то мы можем к нему приступить.

88. Мелосцы. Людям в нашем положении естественно и простительно много говорить и высказывать различные мнения. И притом, это собрание созвано для нашего спасения. Поэтому пусть обсуждение, если вам угодно, идет, как предлагаете вы.

89. Афиняне. Очень хорошо. Однако мы и сами не будем прибегать к красивым, но неубедительным словам, распространяясь о том, что наше право на владычество приобретено победой над Мидянином или что мы пришли наказать вас за причиненную обиду, и вас просим — не думайте убедить нас тем, что вы, будучи колонией лакедемонян, не участвовали в их походах, или тем, что никогда не чинили нам обид: добивайтесь только того, что и вы и мы по здравому рассуждению одинаково считаем возможным. Ведь вам, как и нам, хорошо известно, что в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться.

90. Мелосцы. Как нам по крайней мере кажется, полезно, — раз уж вы решили, устранив вопрос о праве, говорить только о пользе, чтобы вы не отменяли понятие общего блага; чтобы с каждым человеком, находящимся в опасности, поступали по пристойной справедливости и чтобы получил какую-то помощь и тот, чья правота не доказана с полной очевидностью. (2) И это так же в ваших интересах, как и в наших, тем более что в случае падения вы подадите другим пример жестокого возмездия.

91. Афиняне. Мы не падаем духом при мысли, что может наступить конец нашему владычеству. Ведь не те, кто господствует над другими, как лакедемоняне, страшнее всего побежденным (да и не с лакедемо-

нянами теперь у нас идет борьба), но гораздо опаснее подчиненные, если они восстанут против своих властителей и победят их. (2) Но заботу об этом вы уж предоставьте нам. Мы постараемся показать вам, что пришли ради пользы нашего владычества, и будем говорить с вами теперь о спасении вашего города. Ведь мы не желаем такого господства над вами, которое было бы для вас тягостно; напротив, мы хотим вашего спасения к обоюдной выгоде.

92. Мелосцы. Но как же рабство может быть нам столь же полезно, как вам владычество?

93. Афиняне. Потому что вам будет выгоднее стать подвластными нам, нежели претерпеть жесточайшие бедствия. Наша же выгода в том,[1] чтобы не нужно было вас уничтожить.

94. Мелосцы. Но не согласитесь ли вы оставить нас нейтральными, не врагами вам, а друзьями, с условием не вступать ни в один из союзов?

95. Афиняне. Ваша неприязнь вредит нам не столь сильно: ваша дружба в глазах подвластных нам будет признаком нашей слабости, а вражда ваша — доказательством мощи.

96. Мелосцы. Неужели подвластные вам считают правильным не делать различия в отношении к городам, вовсе независимым от вас, и теми вашими колониями, которые после восстания вновь подчинены вами?

97. Афиняне. По мнению наших подданных, ни у тех, ни у других нет недостатка в возражениях. Все же они понимают, что независимые города сохраняют свободу потому лишь, что в состоянии защищаться, и мы не нападаем на них из страха. Поэтому ваше подчинение, помимо расширения нашего господства, усилит нашу безопасность. Тем более, что мы господствуем на море и вы, как островитяне, будучи слабее других островитян, должны нам подчиниться.

98. Мелосцы. А разве наше предложение не может обеспечить вам безопасности? Но так как вы, отклонив наши соображения, основанные на требованиях справедливости, убеждаете нас подчиниться требованиям вашей выгоды, то и мы также попытаемся объяснить вам нашу выгоду, убедить вас в том, что она совпадает с вашей. (2) Неужели вы хотите все нейтральные города сделать своими врагами? Ведь, увидев нашу участь, они поймут, что когда-нибудь придет и их черед. Разве этим вы еще больше не усилите ваших нынешних врагов и не заставите против воли стать вашими врагами тех, кто и не помышлял об этом?

99. Афиняне. Нам вовсе не так опасны какие-то материковые города, которые еще долго будут медлить с мероприятиями для защиты своей свободы. Мы опасаемся скорее независимых островитян вроде вас и всех, которые уже раздражены необходимостью подчиниться нам. Ведь эти еще не покоренные города, дав волю своему безрассудству, скорее всего подвергнут и самих себя, и нас явной опасности.

100. Мелосцы. Действительно, если и вы идете на столь великую опасность, чтобы сохранить свое господство, и уже порабощенные города — чтобы освободиться от него, то для нас, еще свободных, было бы

величайшей низостью и трусостью не испробовать все средства спасения, прежде чем стать рабами.

101. Афиняне. Вовсе нет, если только вы здраво рассудите. Ведь вы не состязаетесь в доблести с равным противником, которому уступить зазорно, а ищете спасения, встретив противника, которому вы не в силах противостоять.

102. Мелосцы. Как известно, военное счастье иной раз благоприятствует даже более слабому и разница в силах обоих противников не дает безусловного перевеса одному из них. Если мы тотчас уступим вам, то лишаемся всякой надежды; если же будем действовать, то у нас останется хоть надежда выстоять.

103. Афиняне. Надежда, утешение во всякой опасности если и повредит человеку, располагающему избытком средств, то не погубит его окончательно. Но тот, кто ставит на карту все свое состояние (ведь надежда по природе расточительна), лишь в самый момент своего полного крушения, когда уже поздно остерегаться, видит всю ее обманчивость. (2) Вы — бессильны, и ваше существование на волоске. Не подвергайте же себя такой опасности, не повторяйте ошибок большинства людей, которые в беде или во время недуга, когда спасение еще не превышает человеческих возможностей,[1] пренебрегши действительными надеждами, обращаются к призрачным и прибегают к предсказаниям, оракулам и подобным обманным средствам, которые верящим в них несут гибель.

104. Мелосцы. Будьте уверены, мы хорошо знаем, как трудно бороться против вашего могущества и счастья (если оно и тут даст вам преимущества). Однако мы все же верим, что божество нас не умалит, ибо мы благочестиво противостоим вам, поступающим неправедно. Недостаток военных сил нам возместит союз с лакедемонянами, которые, хотя бы ради племенного родства и из чувства чести, должны оказать нам помощь. Поэтому-то наша решимость сопротивляться не так уже неразумна.

105. Афиняне. Благость богов, надеемся, не оставит и нас,[1] ибо мы не оправдываем и не делаем ничего противоречащего человеческой вере в божество или в то, что люди между собой признают справедливым. (2) Ведь о богах мы предполагаем, о людях же из опыта знаем, что они по природной необходимости властвуют там, где имеют для этого силу. Этот закон не нами установлен, и не мы первыми его применили. Мы лишь его унаследовали и сохраним на все времена. Мы уверены также, что и вы (как и весь род людской), будь вы столь же сильны, как и мы, несомненно, стали бы так же действовать. (3) Итак, со стороны божества, у нас, полагаем, нет оснований опасаться поражения. Что же до лакедемонян, то если вы воображаете, что они чести ради помогут вам, то мы преклоняемся перед вашим прекраснодушием, но не завидуем вашему неразумию. (4) Лакедемоняне сами по себе, в большинстве своих внутренних установлений проявляют много доблести. О внешней же их политике многое можно было бы сказать, но лучше, пожалуй, обобщая,

охарактеризовать ее так: среди всех известных нам людей они с наибольшей откровенностью отождествляют приятное для них — с честным, а выгодное — со справедливым. А при таком образе их мыслей видеть в них вашу надежду на спасение в нынешних условиях неосновательно.

106. Мелосцы. Однако именно этот их образ мыслей и позволяет нам верить, что они, соблюдая свою выгоду, не захотят предать мелосцев, своих колонистов, утрачивая доверие своих друзей в Элладе и потворствуя своим врагам.

107. Афиняне. Но разве вы не думаете, что выгода зависит от безопасности, а справедливая и честная политика приносит только опасность? На эту политику лакедемоняне большей частью и не осмеливаются.

108. Мелосцы. Все же думается, что ради нас они будут готовы скорее, чем ради других, подвергнуться риску, и сочтут его в этом случае меньшим. Ведь мы находимся вблизи от театра военных действий[1] в Пелопоннесе, и лакедемоняне могут скорее положиться на нашу преданность им, так как мы — их соплеменники.

109. Афиняне. Тот, кого призывают на помощь на войне, находит опору не в доброжелательстве ищущего помощи, но в превосходстве его военной мощи. И лакедемоняне придают этому больше значения, чем другие: они так мало доверяют собственным военным силам, что нападают на соседей только вместе с многочисленными союзниками. Поэтому маловероятно, чтобы при нашем господстве на море они переправились на ваш остров.

110. Мелосцы. Но они ведь могут послать нам и союзников. Ведь Критское море велико, и поэтому господствующему на нем флоту труднее захватить противника, чем последнему скрыться от него. (2) Если же лакедемонянам не удастся помочь нам на море, они могут напасть на вашу землю и на ваших союзников (еще оставшихся у вас после похода Брасида). Тогда вам придется воевать уже не за чужую страну, но за союзную область и вашу собственную землю.

111. Афиняне. Если действительно случится что-либо подобное, то для нас это не будет неожиданностью, да и вам по опыту известно, что афиняне еще никогда не снимали осады из страха перед врагом в другом месте. (2) Мы замечаем, однако, что несмотря на то, что вы, по вашим словам, желаете договориться о спасении вашего города, вы в этой долгой беседе вовсе не упомянули о средствах спасения, на которые люди обычно рассчитывают. Ваша крепчайшая опора — это надежда на будущее. Ваши собственные силы слишком слабы в сравнении с противостоящей вам теперь мощью, которую вам не одолеть. Поэтому с вашей стороны было бы весьма неразумно, отсылая нас, не принять более здравого решения. (3) Вы не поддадитесь, конечно, тому ложному чувству чести, которое в явных и несущих позор и опасность положениях чаще всего толкает людей на гибель.[1] Действительно, многие заранее видели, что им предстоит, но так называемое чувство чести соблазнительной силой этого слова довело их до того, что они, склонившись перед ним,

попадали в непоправимые беды, а затем прибавляли к ним еще больший позор, скорее из-за своего постыдного безрассудства, чем в силу неблагоприятных обстоятельств. (4) Итак, будьте же благоразумны и остерегайтесь этого. Не думайте, что противоречит нашей чести отказ от сопротивления великой державе, которая выставляет умеренные требования, заключающиеся в том, чтобы вы присоединились к союзу с нею (с уплатой дани), сохраняя владение своей землей. Если вам предлагают выбор: война или безопасность — не настаивайте из упрямства на худшем. Ведь те, кто не уступает равным себе, с могущественными ведет себя благоразумно, а со слабыми — умеренно, преуспеют более всего. (5) Итак, после нашего ухода всесторонне обсудите положение и подумайте, что вы решаете судьбу отечества, преуспевание или гибель которого теперь всецело зависит от единого вашего решения.

112. Затем афиняне покинули собрание. Мелосцы же, оставшись одни, посоветовались между собой и приняли решение в том же смысле, как они высказывались уже раньше во время переговоров с афинянами, и отвечали так: (2) «Афиняне! Наше мнение и воля неизменны, и мы не желаем в один миг отказываться от свободы в городе, существующем уже 700 лет.[1] Полагаясь на судьбу, до сих пор по божественной воле хранившую нас, и на помощь людей и в их числе лакедемонян, мы попытаемся сохранить нашу свободу. (3) Мы предлагаем вам мир и дружбу, но в войне желаем остаться нейтральными и просим вас покинуть нашу страну, заключив приемлемый для обеих сторон договор».

113. Таков был ответ мелосцев. Афиняне же, считая, что на этом переговоры закончены, ответили им: «Итак, если судить по вашим решениям, то вы — единственные люди, для кого будущее достовернее настоящего, которое у вас пред глазами, и вы принимаете незримое за уже осуществляющееся, так как оно вам желательно. Предавшись всецело вере в лакедемонян и в судьбу, вы рискнули всем, но вы все и потеряете!»

114. Затем афинские послы возвратились в свой лагерь. А так как мелосцы не пошли ни на какие уступки, то афинские военачальники тотчас же открыли военные действия: распределив осадные работы между отдельными городами, они окружили мелосцев осадной стеной. (2) Потом афиняне снова отступили с большой частью войска, оставив гарнизон из граждан и союзников. Оставшиеся продолжали осаду города с моря и с суши.

115. Приблизительно в то же время аргосцы совершили набег на Флиунтскую область,[1] но попав в засаду, устроенную флиунтцами и аргосскими изгнанниками, потеряли до 80 человек. (2) Афинский гарнизон в Пилосе[2] захватил большую добычу у лакедемонян. За это лакедемоняне, не отказываясь от мирного договора,[3] открыли военные действия. Они приказали объявить, что любому лакедемонянину разрешается совершать грабительские набеги на афинян. (3) Затем коринфяне из-за каких-то своих частных распрей начали войну с афинянами.[4] Прочие пелопоннесцы оставались в покое. (4) Мелосцы ночным нападением за-

хватили часть афинской осадной стены близ лагерного рынка, перебили несколько человек из афинской стражи и ввезли в город сколько могли хлеба и другого продовольствия. Затем мелосцы отступили и больше вылазок не возобновляли. После этого афиняне установили более строгую охрану стены. Так окончилось лето.

116. Следующей зимой лакедемоняне собрались походом на аргосскую землю, но возвратились домой ввиду того, что пограничные жертвоприношения оказались неблагоприятными. Эти сборы лакедемонян дали повод аргосцам подозревать некоторых граждан в городе в сочувствии лакедемонянам. Часть подозреваемых была схвачена, а другим удалось бежать. (2) Около этого же времени мелосцам удалось захватить другую плохо охраняемую часть осадной стены афинян. (3) После этого из Афин на помощь осаждающим прибыли новые подкрепления под начальством Филократа,[1] сына Демея. Теперь афиняне всеми силами энергично принялись за осаду, и к тому же в среде самих осажденных завелась измена. Поэтому мелосцам пришлось сдаться на милость победителей.[2] (4) Афиняне перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей. Затем они колонизовали остров, отправив туда 500 поселенцев.

КНИГА ШЕСТАЯ

1. Той же зимой афиняне решили снова, на этот раз с более значительными силами, чем прежде,[1] под начальством Лахета и Евримедонта, идти морским походом на Сицилию и, если возможно, покорить остров. О величине Сицилии и численности ее эллинского и варварского населения большинство афинян не имели никакого представления[2] и даже не подозревали, что предпринимают войну почти столь же тягостную, как пелопоннесская. (2) Путешествие вокруг Сицилии на купеческом корабле занимает около 8 дней,[3] и при такой величине остров отделен от материка проливом шириной всего лишь около 20 стадий.[4]

2.[1] Уже в древности весь остров был заселен различными народностями. По преданию древнейшими обитателями Сицилии были жившие в одной ее части киклопы и лестригоны.[2] Кто они были родом, откуда прибыли и куда потом ушли, я ничего не могу сообщить. Поэтому следует удовлетвориться рассказами поэтов и тем, что каждому так или иначе известно об этих народностях. (2) После них первыми на острове, видимо, поселились сиканы.[3] По их собственным утверждениям, сиканы обитали на острове еще до киклопов и лестригонов как коренные жители. Однако в действительности они — иберийцы,[4] вытесненные лигиями[5] из области на реке Сикане[6] в Иберии. По их имени остров назывался тогда Сиканией,[7] а еще ранее — Тринакрией.[8] Впрочем, сиканы еще и поныне живут в западной части острова. (3) После взятия Илиона[9] троянцы, которым удалось спастись от ахейцев, прибыли на кораблях к Сицилии. Там они поселились по соседству с сиканами, и затем все вместе стали называться элимами.[10] Их города — Эрикс[11] и Эгеста.[12] Вместе с ними поселилось и небольшое число фокидцев,[13] которых сначала отнесло бурей в Ливию,[14] а затем в Сицилию. (4) Что до сикулов,[15] то они, спасаясь от опиков,[16] переправились в Сицилию из Италии (где они раньше жили). Пролив они переплыли, согласно правдоподобному преданию, на плотах, выждав благоприятного ветра (а быть может, также и на других судах). В Италии и теперь еще живут сикулы,

и от имени одного их царя — Итала, страна стала называться Италией.[17] (5) Сикулы прибыли в Сицилию с многочисленным войском и, победив в сражении сиканов, оттеснили их на юг и запад острова, и поэтому остров вместо Сикании получил новое название Сицилии. Сикулы заняли лучшую часть страны лет за 300 до прихода эллинов[18] и поныне еще обитают в центре и на севере острова. Кроме того, были повсюду на острове поселения финикийцев.[19] Для торговли с сикулами они основали свои фактории на мысах и прибрежных островках у Сицилии. Когда стали чаще прибывать в Сицилию морем эллины, финикийцы покинули большую часть острова. Они объединились в союз и поселились поблизости от элимов (на помощь которых они рассчитывали) в Мотие,[20] Солоенте[21] и Панорме,[22] откуда могли кратчайшим путем[23] достичь Карфагена.[24] Вот сколько было варварских народностей в Сицилии и каким образом они поселились на острове.

3. Первые эллинские поселенцы прибыли в Сицилию на кораблях под предводительством Фукла[1] из евбейской Халкиды.[2] Они основали Наксос[3] и воздвигли Аполлону Архегету[4] алтарь, теперь находящийся вне города (на нем феоры[5] каждый раз приносят жертву впервые перед отплытием из Сицилии). (2) Сиракузы основал в следующем году коринфянин Архий[6] из рода Гераклидов, изгнав сначала сикулов с острова Ортигии,[7] где теперь находится уже не омываемый морем внутренний город. Позднее и внешний город также был окружен стеной и стал многолюдным. На пятом году после основания Сиракуз халкидяне во главе с Фуклом выступили из Наксоса, оттеснили силой оружия сикулов и основали Леонтины,[8] а затем Катану.[9] Основателем же своей колонии сами катанцы сделали Еварха.

4. Около того же времени Ламис из Мегар также вывел колонию в Сицилию, где и основал поселение на реке Пантакии[1] в местности под названием Тротил.[2] Впоследствии он ушел оттуда в Леонтины и на короткое время объединился там в одну общину с халкидянами. Затем Ламис, после изгнания его из Леонтин халкидянами, основал Фапс,[3] где и умер. Спутники его также были изгнаны из Фапса и основали так называемые Гиблейские Мегары.[4] Гиблон, царь сикулов, отдал им эту землю и сам привел туда. (2) Через двести сорок пять лет их потомки были изгнаны из города и страны Гелоном,[5] тираном Сиракуз. Однако еще до изгнания, спустя сто лет после своего поселения в Мегарах, мегарцы отправили Памилла и основали Селинунт:[6] Памилл прибыл из их метрополии — Мегар и участвовал в основании Селинунта. (3) На сорок пятом году после основания Сиракуз прибыли с новыми поселенцами Антифем с Родоса и Энтим с Крита и вместе основали Гелу.[7] Город получил свое имя от реки Гелы, а место, где теперь стоит акрополь, и исстари обнесенное стеной, называется Линдии.[8] Законы и учреждения в новом поселении были дорийские. (4) Около ста восьми лет после основания Гелы жители ее основали Акрагант.[9] Город они назвали по имени реки Акраганта. Основателями города они выбрали Аристотеля и Пистила и дали ему дорийские законы. (5) Занкла первоначально

была основана морскими разбойниками из халкидского города Кимы в Опикии. Впоследствии туда прибыло также большое число поселенцев из Халкиды и других мест Евбеи, которые сообща с ними владели землей. Основателями Занклы были Периер и Кратемен, первый из Кимы,[10] а второй из Халкиды. Первоначальное имя этого места было Занкла,[11] данное сикелами из-за его серповидной формы (сикулы называют серп *занклос*). Этих первых поселенцев впоследствии вытеснили самосцы и другие ионийцы, которые, спасаясь от мидян, высадились в Сицилии. Вскоре, однако, самосцев изгнал Анаксилай,[12] тиран Регия. Он затем вновь заселил город колонистами смешанного происхождения и назвал его Мессеной, по имени своей старой родины.

5. Гимеру[1] основали Евклид, Сим и Сакон из Занклы. Колонисты в большинстве были халкидяне, но вместе с ними поселились также сиракузские изгнанники, так называемые милетиды,[2] побежденные при междоусобице. Язык их представлял смесь халкидского и дорийского диалектов, но учреждения и законы были преимущественно халкидские. (2) Акры и Касмены[3] были основаны сиракузянами: Акры спустя 70 лет после основания Сиракуз, а Касмены — около двадцати лет после Акр. (3) Камарину[4] первоначально также основали сиракузяне приблизительно через 135 лет после основания Сиракуз. Основателями были Даскон и Менекол. Однако камаринцы отпали от Сиракуз и поэтому были силой оружия изгнаны сиракузянами. Впоследствии Гиппократ, тиран Гелы,[5] получив камаринскую область в качестве выкупа за пленных сиракузян, стал вторым основателем города и вновь заселил его. Жители затем были еще раз изгнаны Гелоном,[5] и город в третий раз был заселен жителями Гелы.

6. Столько народностей эллинских и варварских обитало в Сицилии, и против такого большого острова афиняне решили теперь идти войной под благовидным предлогом помощи своим соплеменникам и союзникам, а на самом деле[1] стремясь подчинить весь остров. (2) Ближайшим поводом было то, что послы эгестян настоятельно просили афинян о помощи. Эгестяне начали войну с соседним городом Селинунтом из-за каких-то вопросов брачного права[2] и спорного участка земли.[3] Селинунтцы вызвали на помощь своих союзников сиракузян и стали теснить эгестян с суши и с моря. Вот почему эгестяне напомнили афинянам о их союзе с Леонтинами при Лахете[4] в прошлую войну и просили прислать на помощь эскадру. При этом они ссылались главным образом на то, что если сиракузян не наказать за изгнание леонтинцев,[5] то они также сокрушат и остальных союзников афинян и овладеют островом, и тогда можно опасаться, что сиракузяне, будучи дорийцами и притом колонистами пелопоннесских дорийцев,[6] когда-нибудь с большими силами придут на помощь своим соплеменникам в Пелопоннесе и объединенными силами сокрушат могущество Афин. Вот почему благоразумная осторожность требует, пока еще у афинян есть союзники, выступить вместе с ними против Сиракуз, тем более что эгестяне предоставят достаточно денежных средств для войны. (3) Слушая эти доводы, повторяемые эге-

стянами и их сторонниками в афинском народном собрании, афиняне решили сначала отправить послов в Эгесту, чтобы удостовериться, действительно ли, как эгестяне уверяют, у них хранятся в казне и в храмах необходимые средства, и вместе с тем узнать, каково положение в войне против Селинунта.

7. Итак, афинские послы отправились в Сицилию. Лакедемоняне же с союзниками, кроме коринфян, в ту же зиму выступили походом в аргосскую область. Они опустошили там небольшую часть полей и увезли с собой несколько возов зерна. Аргосских изгнанников они поселили в Орнеях,[1] оставив там для охраны небольшой гарнизон. Затем, заключив перемирие с тем, чтобы орнейцы и аргосцы некоторое время не враждовали друг с другом, лакедемоняне вернулись с остальным войском домой. (2) Когда же немного спустя прибыла афинская эскадра из 30 кораблей с 600 гоплитов на борту, аргосцы с всем войском и афиняне выступили в поход и в течение одного дня осаждали изгнанников в Орнеях. Ночью, однако, изгнанники незаметно бежали из Орней, так как войско осаждающих расположилось лагерем вдали от города. На следующий день аргосцы, как только узнали о случившемся, разрушили Орнеи до основания и отступили, а затем и афиняне отплыли домой. (3) Афиняне переправили морем в Мефону на [2] границе с Македонией свою конницу и некорое число бежавших к ним македонских изгнанников и начали опустошать земли Пердикки. (4) После этого лакедемоняне отправили послов к фракийским халкидянам, которые заключили с афинянами перемирие на 10 дней,[3] с приказанием помочь Пердикке, но те отказались. Так окончилась зима и шестнадцатый год войны, которую описал Фукидид.

8. В начале следующего лета афинские послы возвратились из Сицилии вместе с послами эгестян, которые привезли с собой 60 талантов серебра в слитках — месячное жалованье для 60 кораблей,[1] об отправке которых они должны были хлопотать. (2) Афиняне созвали народное собрание. Услышав, наряду с завлекательными и не соответствующими действительности донесениями своих послов, также и сообщения посольства эгестян о том, что в государственной казне и храмах эгестян хранится много денег, постановили отправить в Сицилию эскадру из 60 кораблей. Стратегами с неограниченными полномочиями [2] были выбраны Алкивиад, сын Клиния, Никий, сын Никерата, и Ламах, сын Ксенофана. Они получили приказ оказать помощь эгестянам в войне против селинунтцев и, если дело пойдет успешно, содействовать возвращению леонтинцев в их город; [3] в остальном же поступать таким образом, как они сочтут наилучшим для афинян. (3) Спустя пять дней после этого было вновь созвано народное собрание, чтобы принять решение о скорейшем снаряжении и отплытии экспедиции, а также о дополнительных мероприятиях, какие сочтут необходимыми стратеги. (4) Никий, выбранный стратегом против воли, был убежден, что народ по столь незначительному поводу принял пагубное решение и стремится лишь под благовидным предлогом завоевать всю Сицилию (что весьма нелегко). И, желая побу-

дить народ отказаться от этого намерения, Никий обратился к афинянам в собрании с такими словами.

9. «Настоящее собрание созвано, чтобы обсудить приготовления для нашей экспедиции в Сицилию. Однако, по-моему, следовало бы еще раз подумать, благоразумно ли вообще предпринимать эту экспедицию. Мы не должны наспех решать столь важное дело и принять предложение иноплеменников, вовлекающее в ненужную войну. (2) В этой войне мне предоставлена почетная должность стратега, и за себя лично я менее кого-либо другого опасаюсь, хотя и убежден, что хорошему гражданину подобает ценить и собственную жизнь и свое достояние. Ведь такой человек и в личных интересах особенно будет заботиться о благе родины. Впрочем, я и прежде никогда не выступал здесь против убеждения, лишь бы добиться должности и почета, и теперь не стану этого делать: скажу просто то, что считаю наилучшим. (3) При вашем образе мыслей моя речь, пожалуй, мало помогла бы, если бы я прямо посоветовал вам не рисковать тем, что у вас уже в руках, ради неопределенных выгод в будущем. Поэтому я попытаюсь убедить вас в том, что ваша поспешность не ко времени и что ваши устремления осуществить нелегко.

10. Я утверждаю, что, отправляясь в Сицилию, вы оставляете у себя в тылу множество врагов, а там приобретете еще новых. (2) Быть может, вы все же считаете, что заключенный вами мир будет достаточно прочен. Пока вы воздерживаетесь от новых предприятий, мир на словах будет существовать: ведь именно этого добились деятели как наши,[1] так и наших противников.[2] Однако в случае большой неудачи враги немедленно набросятся на нас. Ведь им пришлось заключить мир по необходимости после неудачной войны, находясь в более униженном положении, нежели мы. И притом в самом договоре есть много спорных для нас пунктов.[3] (3) К тому же некоторые города (и отнюдь не слабые) еще не присоединились к договору.[4] Они либо уже открыто воюют с нами, либо еще не успели напасть на нас, сдерживаемые десятидневным перемирием лишь потому, что лакедемоняне пока еще сохраняют мир.[5] (4) И как только они увидят, что силы наши раздроблены (а к этому мы теперь как раз и стремимся), то нападут на нас вместе с сицилийцами, союз с которыми они и ранее охотно заключили бы. (5) Поэтому нам следует тщательно взвесить все это, чтобы не подвергать наш город опасностям в настоящем его непрочном положении и не стремиться к расширению нашего владычества, пока мы не закрепили того, что имеем. И мы хотим так поступить в то время, как продолжающееся столько лет восстание халкидян на фракийском побережье[6] все еще не подавлено и некоторые другие союзники в разных частях материка ненадежны. И вот мы быстро идем на помощь нашим союзникам в Эгесте тогда, когда их будто бы обижают, между тем как сами терпим обиды от наших давно уже отпавших подданных и все еще не решаемся покарать их.

11. Однако если мы одолеем восставших халкидян, то сможем сохранить наше господство в этой стране. Сицилию же — отдаленную страну с многочисленным населением — если даже мы и покорим, то едва ли

будем в состоянии надолго удержать там наше владычество. И сколь неразумно нападать на страну, господство над которой нельзя удержать даже после победы, зная, что при неудаче мы окажемся в гораздо худшем положении, чем раньше. (2) По-моему, сицилийцы при нынешнем положении вещей станут еще менее опасны для нас, если их подчинят сиракузяне, чем главным образом нас и стращают эгестяне. (3) В теперешнем положении отдельные города, пожалуй, и могут в угоду лакедемонянам пойти на нас войной. Однако невероятно, чтобы все города Сицилии, объединившись в одну державу, выступили против другой державы.[1] Ведь подобно тому как теперь сицилийцы смогли бы в союзе с пелопоннесцами уничтожить наше владычество, так же точно и теми же средствами могли бы, вероятно, и сами пелопоннесцы сокрушить их владычество. (4) Нас же сицилийские эллины стали бы особенно уважать, если бы мы вообще к ним не приходили или, в крайнем случае, продемонстрировав свою силу, вскоре же покинули Сицилию. Ведь все мы знаем, что способно вызывать удивление наиболее отдаленное, о чем ходят лишь не проверенные на опыте слухи. Если же нас постигнет какая-нибудь неудача, то они станут нас презирать и тотчас же нападут на нас вместе с нашими прежними врагами. (5) Именно это, афиняне, и произошло теперь у вас с лакедемонянами и их союзниками. Прежде вы страшились их, теперь же, когда сверх ожидания победили, презираете их и даже хотите завоевать Сицилию. (6) Однако не следует кичиться случайными неудачами противника, а надо черпать уверенность в себе, превзойдя их планы. Не нужно забывать также, что у лакедемонян только одна цель: хотя бы теперь, насколько возможно, унизить нас, чтобы загладить свое унижение, тем более что они искони столь высоко ставят славу своей доблести. (7) Поэтому, если мы благоразумны, то не станем беспокоиться об эгестянах — варварской народности в Сицилии — наша же задача должна состоять в том, чтобы уберечься от злых умыслов олигархического государства.[2]

12. Нужно помнить также, что мы лишь недавно мало-мальски оправились от страшного недуга,[1] от бедствий войны и только теперь восстановили свои потери в людях и деньгах. И нам следует употребить наши новые средства у себя дома, а не на этих изгнанников,[2] которые ищут чужой помощи и видят выгоду в искусной лжи, опасной для других. Кроме пустословия от них ничего не дождешься; если дела их идут успешно, то они платят друзьям неблагодарностью, а при неудаче влекут их за собой к общей гибели. (2) И если кто,[3] восхищаясь своим избранием в стратеги, тем более что он для этой должности слишком молод,[4] советует вам выступить в поход, имея при этом в виду только личные выгоды, то есть желая вызвать всеобщее удивление своим конским заводом (а так как содержание его стоит больших денег, то надеется также извлечь для себя и денежную выгоду на должности стратега), то не позволяйте ему прославиться ценой опасности для нашего города. Поверьте мне: люди такого склада, как он, — не только расточители в собственном доме, но и опасны для государства. Дело, однако, слишком серьезно,

чтобы недостаточно зрелые люди могли глубоко продумать и твердо вести его.

13. С тревогой смотрю я на сидящих здесь юнцов, сторонников этого человека, и потому обращаюсь к вам — люди старшего поколения — с настоятельной просьбой: не дать рядом сидящему запугать себя, не позволить упреками в трусости помешать голосовать против войны и не увлекаться, подобно этим юнцам, гибельной страстью к завоеванию далеких стран. Как известно, люди, ослепленные страстью, весьма редко добиваются успеха, но чаще всего — те, кто обладает благоразумием и предусмотрительностью. Итак, ради отечества, которое теперь, как никогда раньше, стоит перед грозной опасностью, поднимите руки, голосуя против них. Не покушайтесь на бесспорные границы, отделяющие нас от Сицилии: я имею в виду Ионийский залив, если плыть вдоль берега, и Сицилийское море, ведущее в открытое море. Пусть сикелиоты сохранят все свои владения и договорятся между собой. (2) Эгестянам же следует сказать: раз уж они без участия афинян начали войну с селинунтцами, то пусть сами между собой и мирятся. В будущем же я советую больше не искать союзников (как это у нас в обычае), которые, попав в беду, ждут от нас помощи, но когда мы сами нуждаемся в ней, ничем нам не помогут.

14. И ты, притан,[1] если желаешь быть достойным гражданином и считаешь, что на тебя возложена забота о благе нашего города, поставь мое предложение на голосование, предложив вторично обсудить вопрос. Если же ты сомневаешься, допустимо ли повторное голосование, то помни, что при стольких свидетелях не может быть и речи о нарушении закона с твоей стороны. Напротив, ты станешь врачом города, исцелив его от пагубного решения. Ведь главная обязанность правящего — сколь возможно способствовать благу отечества или, по крайней мере, насколько от него зависит, оберегать от зла».

15. Так сказал Никий. Большинство ораторов, выступавших после него, высказывалось, однако, за войну и против нового голосования. Некоторые, однако, высказывали и противоположное мнение. (2) Наиболее рьяным сторонником похода был Алкивиад, сын Клиния. Он выступил с речью отчасти из желания перечить Никию, будучи вообще его политическим противником, отчасти потому, что Никий в своей речи неприязненно отозвался о нем. Но главным образом Алкивиад хлопотал о походе потому, что жаждал должности стратега: он надеялся в качестве полководца завоевать Сицилию и Карфаген и тем стяжать себе славу и богатство. (3) Действительно, Алкивиад пользовался у сограждан большим авторитетом. Однако расточительный образ жизни, траты на содержание конюшни [1] для конских ристаний и на другие увлечения далеко превышали его наличные средства. Эти его увлечения и прихоти впоследствии немало содействовали гибели города.[2] (4) Народ опасался его крайне распущенного образа жизни и далеко идущих целей, которые можно было усматривать в его поступках. Думали, что Алкивиад стремится к тирании, и поэтому народ был раздражен против него. Несмотря на то что

на государственной службе он, как военачальник, выказал блестящие способности, народ, тяготясь его поведением в частной жизни, отнял у него должность стратега, поручив командование другим,[3] которые за короткое время погубили город. Алкивиад, выступая теперь в народном собрании, сказал следующее.

16. «Афиняне! У меня больше прав, чем у других, быть военачальником (я должен начать так, поскольку Никий выступил здесь с нападками против меня), и к тому же полагаю, что я достоин этой должности. Ведь тем, за что меня здесь упрекают, я и мои предки и стяжали себе славу и принесли пользу отечеству. (2) Действительно, великолепие моего снаряжения для Олимпийских игр внушило эллинам даже более высокое представление о нашей мощи, чем она была в действительности, хотя прежде они считали, что война нас совершенно истощила. Я выступил на состязании с семью колесницами (чего не делал еще ни один частный человек до меня) и одержал победу, получив первую, вторую и четвертую награды,[1] да и во всем остальном снаряжении я оказался вполне достойным такой победы. Ведь подобные свершения в силу обычая приносят почет, а возможность их служит доказательством нашего могущества. (3) С другой стороны, блестящая роскошь, с которой я выполняю хорегии[2] и другие общественные обязанности, естественно вызывает зависть сограждан, но зато в глазах иноземцев такая щедрость является свидетельством нашей мощи. (4) И нельзя считать пустым безрассудством расточительность того, чьи затраты полезны не только ему, но и городу. Совершенно справедливо, что человек, сознающий свое превосходство, не относится к другим как равным себе, так же как бедствующий ни с кем не делит своей участи. Подобно тому, как оставляют людей в несчастье, избегая общения с ними, так не следует обвинять и счастливцев за их пренебрежение к людям, или же, если мы считаем их равными себе, уделять равное внимание и тем, кто несчастен. (5) Я знаю, что подобных людей и вообще людей в какой-либо области выдающихся ненавидят при жизни (особенно равные им, да и все те, с кем им приходится общаться).[3] Зато после их смерти иные даже притязают на родство с ними (хотя бы и неосновательное), а их родной город не отрекается и не осуждает их, а напротив, восхваляет как благодетелей родины. (6) Вот к чему я стремлюсь, и оттого-то моя личная жизнь подвергается нападкам, вы же должны судить о том, хуже ли других я управляюсь с государственными делами. Разве я не объединил против лакедемонян наиболее могущественные города Пелопоннеса[4] без большого риска и крупных расходов с вашей стороны и не принудил лакедемонян при Мантинее в один день решить свою судьбу? Правда, они тогда одержали победу, но все еще доныне не обрели прежней твердой уверенности в своих силах.[5]

17. Это — успехи моей юности, как считают, превышающего допустимую меру безрассудства. Я завязал сношения с могущественными пелопоннесскими городами и путем искусных переговоров и своим пламенным рвением завоевал их доверие. Так вот, и теперь не опасайтесь моей моло-

дости и безрассудства, но пока я еще в расцвете сил, а Никий славится своим счастьем, используйте нас обоих. (2) Не меняйте вашего решения о походе в Сицилию, опасаясь встретить там могучего противника. Ведь многочисленное население сицилийских городов — это сборная толпа: города эти с легкостью меняют своих граждан и принимают новых.[1] (3) Поэтому там ни у кого нет оружия для защиты родины или себя лично и в городах нет необходимых сооружений для обороны. Каждый рассчитывает лишь на то, что он как оратор или партийный вожак сможет урвать из государственной казны и готов в случае неудачи переселиться в другую землю. (4) Поэтому невероятно, чтобы подобный сброд, неспособный даже единодушно выслушать на сходке оратора, мог сообща взяться за важное дело. Вполне возможно, что каждый из этих людей, услыхав от нас что-нибудь для него приятное, перешел бы на нашу сторону, тем более что, как мы знаем, среди них идет междоусобная борьба.[2] (5) Мало того, у сиракузян даже нет такого количества гоплитов, как они хвастливо уверяют. Да и у прочих эллинских городов оказалось гораздо меньше гоплитов, чем они насчитывали сами. В этом отношении Эллада жестоко обманулась, поскольку в этой войне [3] города с трудом выставили достаточное количество гоплитов. (6) Таково, как мне известно по слухам, положение дел в Сицилии, и обстановка там может стать еще благоприятнее для нас. Действительно, мы можем рассчитывать на помощь множества варваров, которые из ненависти к сиракузянам нападут на них вместе с нами. Да и здешние наши обстоятельства не помешают экспедиции, если вы правильно возьметесь за дело. (7) Ведь у наших отцов были те же самые враги, которых, как вам говорят, мы оставляем у себя в тылу во время этого похода, да к тому же еще и мидийский царь.[4] И все же, несмотря на это, они создали свою могущественную державу, и не чем иным, как только благодаря своему господству на море. (8) А между тем у пелопоннесцев никогда не было столь малой надежды на успех в борьбе с нами, как теперь. Конечно, собрав все силы, они всегда в состоянии напасть на нашу землю, даже если мы не отплывем в Сицилию. На море же они и в этом случае не смогут причинить нам вреда, потому что у нас и здесь останется достаточно кораблей, чтобы дать отпор врагу.

18. Итак, чем же мы оправдаем такую нерешительную политику и в собственных глазах, и перед нашими сицилийскими союзниками, отказавшись помочь им? Раз уж мы клятвенно обещали им помощь, то должны исполнить обещание и не можем ссылаться на то, что они не помогают нам. Ведь мы заключили с ними союз [1] не ради получения от них помощи здесь, но с тем, чтобы они сдерживали наших врагов в Сицилии и мешали нападению на нас. (2) Как и все могущественные державы, мы также достигли могущества лишь потому, что всегда с готовностью помогали эллинам и варварам, когда они просили нас об этом. Если же мы будем хранить спокойствие или начнем длительное разбирательство, нужно ли помочь кому-нибудь как соплеменнику или нет, то, пожалуй, мало поможем распространению нашего могущества, а скорее совершенно погубим нашу державу. Действительно, против сильнейшего

врага следует не только обороняться, но и предупреждать его нападение. (3) Мы не можем заранее точно рассчитать, как далеко распространится наше могущество. Но оно уже достигло такой стадии, когда нужно против одних наступать, а других сдерживать: ведь если мы не будем властвовать над другими, то нам самим придется подчиниться чужому господству. Поэтому вы не должны оправдывать свое бездействие примером других, если не желаете изменить и ваше политическое положение, равняясь с ними. (4) Итак, поскольку мы рассчитываем еще больше усилить нашу мощь здесь, если нападем на врагов в Сицилии, то выступим в поход. Мы собьем спеси с пелопоннесцев, когда они увидят, что мы, пренебрегая достигнутым в настоящее время спокойствием, решились отплыть в Сицилию. И если нам выпадет удача и мы утвердимся на острове, то, по всей вероятности, станем господами всей Эллады. Во всяком случае мы ослабим сиракузян, что, конечно, в наших интересах и в интересах наших союзников. (5) Наш флот обеспечит нам безопасность как в том случае, если будем иметь успех и удержимся там, так и в случае отступления. Ведь на море у нас всегда будет превосходство, даже над всеми сикелиотами вместе взятыми. (6) Итак, пусть не отвратит вас от похода речь Никия, внушающая бездеятельность и сеющая рознь между старшим и младшим поколениями. Подобно нашим отцам, которые все вместе — и стар и млад — принимали решения и возвысили наш город до нынешнего могущества, старайтесь и вы ныне с присущим вам взаимопониманием еще более возвеличить его. Помните, что юность и старость друг без друга бессильны. Напротив, правильное смешение некоторого легкомыслия, умеренности и точного расчета, пожалуй, наиболее важно в государственных делах. И если государство останется совершенно бездеятельным, то, подобно всякому другому организму, истощится и все знания и искусства [2] одряхлеют. Напротив, в борьбе оно будет постоянно накапливать опыт и привыкнет защищаться не только на словах, а на деле. (7) Вообще же я совершенно убежден, что именно государство, всегда чуждавшееся бездеятельности,[3] скорее всего может погибнуть, предавшись ей; думаю, что в наибольшей безопасности живут те люди, кто менее всего уклоняется в политике от стародавних обычаев [4] и навыков, даже если они и не совершенны».

19. Так сказал Алкивиад. Под впечатлением его речи и просьб эгестян и леонтинских изгнанников, которые, напомнив о клятвенном обещании афинян хранить союз, умоляли о помощи, народ еще решительнее, чем прежде, высказывался за поход. (2) Тогда Никий, видя, что повторением прежних доводов не удержать народ от похода, но надеясь заставить афинян изменить решение, указав на то, сколь огромные военные приготовления придется предпринять, поднялся еще раз и сказал.

20. «Я вижу, афиняне, что вы всецело стоите за войну (которая пусть закончится, как все мы желаем), но все же и при таких обстоятельствах считаю нужным высказать свое мнение. (2) Города, на которые мы идем в поход, насколько мне известно по слухам, могущественны, не зависят один от другого и вовсе не нуждаются в политических переменах, на ко-

торые, пожалуй, охотно пошли бы те, кто находится в тяжком рабстве, чтобы добиться более сносных условий жизни. На этом одном острове много эллинских городов. Вряд ли они согласятся променять свою свободу на наше господство. (3) Кроме Наксоса и Катаны (которые, надо думать, из-за их родства с леонтинцами,[1] будут нашими союзниками) есть еще семь городов. Они прекрасно снабжены всем и вооружены точно так же, как и наше войско, в особенности Селинунт и Сиракузы, против которых главным образом и направлена наша экспедиция. (4) Действительно, у этих городов много гоплитов, лучников и метателей дротиков, большое число военных кораблей и достаточное число людей, чтобы укомплектовать их экипажами. Кроме частных денежных средств у них есть еще сокровища в селинунтских храмах,[2] сиракузяне же получают еще и дань с некоторых варварских племен. Сверх того у них еще многочисленная конница, а хлеб они выращивают сами и не ввозят его: в этих двух последних обстоятельствах у них большое преимущество перед нами.

21. (1) Так вот против такой боевой силы необходимо иметь не только корабли и горсть морских пехотинцев, но и сильное сухопутное войско, если только мы желаем совершить там что-либо достойное наших замыслов. Мы не должны позволить многочисленной вражеской коннице помешать нашей высадке, тем более что в случае объединения сицилийских городов из страха перед нами мы не найдем там других союзников (кроме эгестян), которые доставили бы нам конницу для обороны от вражеских всадников. (2) Позорно, если превосходящие силы врагов заставят нас отступить или если из-за необдуманного решения нам потом придется посылать за помощью. Поэтому мы должны прямо отсюда выступить с сильным войском, отдавая себе отчет, что собираемся плыть далеко от родины и что наш поход будет не таков, как если бы мы шли в качестве союзников на помощь нашим здешним подданным, откуда легко получить необходимое снабжение. Там мы будем в чужой враждебной стране, откуда в течение четырех зимних месяцев к нам с трудом доходят вести.

22. Итак, по-моему, нам придется послать туда много гоплитов как наших, так и из числа союзников и данников и, кроме того, сколько сможем привлечь из Пелопоннеса [1] убеждением или жалованьем, а также много лучников и пращников для защиты от вражеской конницы. Затем наше превосходство на море должно быть подавляющим, чтобы обеспечить беспрепятственный подвоз съестных припасов. Надо также взять с собой и отсюда на транспортных судах запас зерна, пшеницы и жареного ячменя и набрать принудительно, но за плату, хлебопеков с каждой мельницы соответственно ее величине, чтобы не было недостатка в съестных припасах в случае прекращения плавания из-за дурной погоды. Ведь не всякий город сможет прокормить столь многочисленное войско. Вообще же нам следует запастись по возможности всем необходимым, чтобы не зависеть от других, особенно же — взять с собой отсюда как можно больше денег. Что же до денег, которые, как уверяют, нам приго-

товили эгестяне, то будьте уверены, что они существуют только на словах.[2]

23. Ведь если даже мы выступим отсюда не только с равными, но и с превосходящими во всем — разумеется, кроме гоплитов — силами, то и таким образом нам нелегко будет и одолеть врага и сохранить свое войско. (2) Нужно представить себе, что мы собираемся основать город во вражеской стране с иноплеменным населением. Поэтому в первый же день высадки или мы должны сразу же закрепиться на земле, или — в случае неудачи — вся страна будет против нас. (3) Этого-то я опасаюсь, ибо знаю, что успех зависит не только от вашего правильного решения, но еще в большей степени от счастья (а уловить его людям трудно). Поэтому будем в предстоящем походе как можно меньше полагаться на счастье и выступим с достаточными силами, которые, как можно надеяться, обеспечат нам безопасность. Это, мне думается, будет наиболее правильным для всего нашего города, а для нас, идущих в поход, будет залогом спасения. Тому же, кто держится иного мнения, я готов уступить свою должность».

24. Указывая в такой речи на огромные трудности экспедиции, Никий рассчитывал побудить афинян либо вовсе отказаться от похода, либо, если все-таки придется выступить, по крайней мере обеспечить всеми мерами его безопасность и успех. (2) Однако предстоящие трудности отнюдь не охладили рвения афинян. Напротив, они с еще большим усердием продолжали готовиться к походу, так что произошло как раз обратное тому, чего Никий ожидал. Афиняне одобрили предложение Никия, полагая, что оно достаточно обеспечивает успех похода. (3) Все афиняне были одинаково охвачены желанием отплыть в Сицилию. Старшие надеялись на завоевание тамошних городов, полагая, что столь мощная боевая сила во всяком случае не может потерпеть поражения. Молодежь же, способная носить оружие, стремилась воочию повидать диковины в дальних краях, твердо надеясь благополучно возвратиться домой. Наконец, большинство простых людей и воинов привлекала возможность немедленно заработать деньги и к тому же распространить владычество афинской державы, которая станет в будущем постоянным источником заработка для наемников. (4) Страстное увлечение большинства народа Сицилийским походом было настолько сильно, что даже тот, кому эта затея была не по душе, молчал из опасения прослыть неблагонамеренным гражданином.

25. Наконец, выступил один афинский гражданин[1] и, обратившись прямо к Никию, сказал, что нечего под разными предлогами откладывать поход, и потребовал немедленного объявления перед всем собранием, какие именно военные силы народ должен ему предоставить. (2) Никий нехотя ответил, что предпочел бы спокойно обсудить этот вопрос со своими товарищами стратегами. Но все же, насколько можно сейчас судить, для похода необходимо по крайней мере 100 собственных триер, включая сюда потребное количество транспортных, а кроме того, необходимо затребовать корабли и от союзников.[2] Всего гоплитов (афинян и союзников) нужно не менее 5000,[3] но если возможно, то и больше; кроме

того, следует взять с собой в соответствующем количестве отряды других родов оружия — лучников из Афин и с Крита и пращников, а также заготовить и взять все, что еще окажется необходимым.

26. Выслушав это, афиняне тут же вынесли постановление о предоставлении стратегам неограниченных полномочий в распоряжении всем войском в походе и действиях, какие они найдут наилучшими, в интересах государства. (2) После этого приступили к приготовлениям. Были посланы приказы союзникам и составлялись призывные списки граждан. Город только что оправился от страшной эпидемии и тягот длительной войны.[1] Подросло новое поколение, и за время мира вновь накопилось в казне достаточно средств, так что все необходимое для похода можно было заготовить. Так шли в Афинах приготовления к войне.

27. Между тем во время этих приготовлений в Афинах в одну ночь были повреждены лица большинства каменных герм [1] (гермы — это четырехгранные столбы, стоявшие по стародавнему обычаю во множестве у входов в частные дома и в святилищах). (2) Чьих рук было это дело — никто не знал. Начался розыск преступников, и была назначена большая награда [2] доносчику за сведения о преступлениях. Кроме того, народ постановил: если кто узнает (будь то гражданин, иностранец или раб) что-либо о другом святотатстве подобного рода, то может донести безбоязненно. (3) Афиняне приняли повреждение герм весьма близко к сердцу, считая это происшествие зловещим предзнаменованием для исхода экспедиции, и приписывали его заговорщикам, замышлявшим переворот и свержение демократии.[3]

28. И вот несколько метэков [1] и доверенных слуг сделали донос,[2] но не о гермах, а о недавнем повреждении других статуй, совершенном какими-то молодыми людьми из озорства под пьяную руку. Доносчики рассказали также, что в некоторых частных домах, справляя мистерии,[3] кощунственно издевались над ними. В этих кощунствах они обвиняли, среди прочих, также Алкивиада. (2) Враги Алкивиада, ухватившись за эти обвинения, сильно раздули их. Эти люди были особенно озлоблены на Алкивиада за то, что тот, стоя у них на дороге, мешает им упрочить свое влияние в народе, и надеялись, изгнав его, занять первое место в государстве. Поэтому они кричали, что и повреждение герм, и кощунственное подражание обрядам мистерий — все это лишь часть заговора для свержения демократии, а виновник всего этого — Алкивиад. В подтверждение они ссылались при этом на его образ жизни и поступки, противоречащие духу демократии.

29. Алкивиад отверг эти доносы как неосновательные и выразил готовность предстать перед судом еще до отплытия (все приготовления к походу были уже закончены) для выяснения, виновен ли он в чем-либо подобном: если его признают виновным, он понесет наказание, а если оправдают, то останется стратегом. (2) Далее, Алкивиад настоятельно просил не слушать никаких клеветнических обвинений в его отсутствие; если же он виновен, то лучше сразу же осудить его на смерть. Во всяком случае благоразумнее до вынесения судебного приговора ему не отправ-

ляться в Сицилию во главе столь огромного войска, находясь под таким тяжким подозрением. Между тем враги Алкивиада опасались, что, предстань он только перед судом, войско поддержит его, и народ проявит снисходительность в благодарность за то, что он побудил аргосцев и некоторых мантинейцев [1] принять участие в походе. Поэтому они всячески старались воспрепятствовать его требованию о немедленном выступлении в суде. С этой целью они подучили других ораторов настаивать на немедленном отплытии Алкивиада, а суд предлагали отложить на определенный срок после возвращения. Кроме того, они намеревались предъявить Алкивиаду еще более тяжкие обвинения (которые, как они думали, будет легче подыскать в его отсутствие), а затем отозвать его и по возвращении начать процесс. Итак, было решено, что Алкивиад должен отплыть.

30. После этого в середине лета [1] эскадра отплыла в Сицилию. Большинство союзников, транспорты с продовольствием, мелкие торговые корабли и все прочие суда, сопровождавшие эскадру, перед отплытием главных сил из Пирея получили приказ собраться сначала у Керкиры и оттуда всем вместе идти через Ионийское море к мысу Иапигии.[2] Сами афиняне и некоторые союзники, еще оставшиеся в городе, в назначенный день готовые к отплытию, на заре спустились в Пирей, чтобы сесть там на корабли. (2) На проводы в Пирей спустилось, можно сказать, все население города — граждане и иностранцы. Жители города провожали своих знакомых, друзей, родных и сыновей и с надеждой на завоевание, и со слезами при мысли о том, увидятся ли они когда-нибудь еще с отплывающими, так как сознавали, что предстоит далекое и опасное плавание.

31. В этот момент разлуки и предвидения опасностей афинян охватила куда более сильная тревога за исход экспедиции, чем во время решающего голосования в народном собрании. Но все же созерцание всех мощных приготовлений, находившихся перед их глазами, внушало гражданам и некоторую бодрость. Чужеземцы же и остальной народ собрались ради этого величественного зрелища, понимая, что дело идет о предприятии замечательном и превосходящем всякое воображение. Действительно, столь дорогостоящий и великолепный флот никогда еще до того времени не снаряжало и не спускало на воду ни одно эллинское государство. (2) Правда, эскадра Перикла в походе на Эпидавр и Гагнона [1] — на Потидею были не меньше по числу кораблей и гоплитов на борту. Ведь тогда в походе было 4000 гоплитов, 300 всадников и 100 триер из самих Афин, 50 триер из Лесбоса и Хиоса и, кроме того, еще большое число вспомогательных отрядов союзников.[2] (3) Однако поход того времени был рассчитан лишь на короткое время и снаряжен самым обычным образом. На этот же раз дело шло о долговременной экспедиции, и поэтому ее снабдили людьми, кораблями и снаряжением на все случаи — как для морской, так и для сухопутной войны. Корабли были построены с большими затратами триерархов и государства. Государство выплачивало каждому матросу по 1 драхме в день и поставило порожние [3] ко-

рабли — 60 быстроходных и 40 транспортных для перевозки гоплитов. Все эти суда были укомплектованы лучшими командами гребцов. Триерархи платили вдобавок к государственному жалованью корабельным гребцам на верхнем ряду весел и вообще всей команде из своих средств. Кроме того, они снабдили корабли разрисованными носовыми значками и украсили дорогой внутренней отделкой, причем каждый триерарх стремился сделать свой корабль самым красивым и быстроходным. Сухопутное войско состояло из отборных людей, которые всячески старались превзойти друг друга своим снаряжением и доспехами. (4) В конце концов оказалось, что эти приготовления вызвали соревнование среди самих афинян в порученном каждому деле. Вместе с тем остальным эллинам все это казалось скорее демонстрацией мощи и богатства афинян, чем сборами в поход на врага. (5) Если бы подсчитать затраты казны и отдельных участников похода — какую сумму денег город уже выплатил воинам и дал стратегам при отплытии, и что потратили на себя отдельные участники похода и на свои корабли (если они были триерархами) или намеревались истратить, и сверх того, сколько денег каждый взял в дальний поход (кроме жалованья) с собой, а также, что взяли с собой некоторые купцы и воины для торгового обмена, — если бы подсчитать все это, то оказалось бы, что из города в общем вывезли много талантов. (6) Этот поход стал знаменитым и возбуждал не меньше удивления смелостью предприятия и великолепием являемого зрелища, чем превосходством боевой мощи над врагом, против которого он шел. Ведь никогда еще афинянам не приходилось посылать столь огромный флот в столь дальнее плавание с большей, при данных обстоятельствах, надеждой на усиление своей мощи.

32. После того как корабли были укомплектованы экипажами и приняли на борт весь необходимый груз, трубач протрубил сигнал молчания. Затем все произнесли обычные перед отправлением молитвы не отдельно на каждом корабле, а все вместе, повторяя слова молитвы за глашатаем. На всех кораблях начальники и воины,[1] смешав в чашах вино, совершали возлияния из золотых и серебряных кубков. (2) Вместе с ними на берегу молилась также и вся остальная толпа граждан и друзей афинян, пришедших на проводы. По исполнении пеана и по совершении возлияний корабли вышли в море. Сначала они шли походной колонной, а затем уже до Эгины гребцы состязались в быстроте, чтобы как можно скорее прибыть в Керкиру, куда должны были собраться остальные корабли союзников. (3) Между тем в Сиракузы приходили из разных мест известия об экспедиции афинян. Однако долгое время никто не хотел этому верить. Даже в народном собрании мнения разделились: одни считали известие о походе афинян истинным, другие же утверждали обратное. Тогда в собрании выступил Гермократ, сын Гермона.[2] Полагая, что располагает точными сведениями, он произнес следующую речь.

33. «Возможно, вы сочтете, что я, как некоторые другие, рассказываю небылицы, если я скажу, что неприятельский флот действительно

идет на нас. Я знаю, что люди, которые приносят или распространяют недостоверные слухи, не могут внушать доверия и даже слывут глупцами. Но все же, когда городу грозит опасность, страх прослыть глупцом не заставит меня молчать, так как я убежден, что мои сведения — самые достоверные. (2) Афиняне (как это ни кажется вам странным) в самом деле идут на нас с большим флотом и многочисленным сухопутным войском якобы на помощь союзным эгестянам и для того, чтобы возвратить леонтинцев в их город, а в действительности потому, что стремятся завоевать Сицилию и в особенности — наш город. Они думают, что, захватив наш город, легко овладеют всем островом. (3) Афиняне довольно скоро будут здесь, и поэтому вам следует подумать, как с имеющимися у нас средствами дать отпор наиболее успешно и не дать застигнуть себя незащищенными, преуменьшая опасность, или проявить беспечность, вообще не желая верить в появление афинян. (4) Но если кто верит этому, то пусть не боится их смелости и мощи. Ведь они могут причинить нам не больше вреда, чем мы им. Небесполезно и то, что на нас идет столь огромная сила: это может благотворно повлиять на поведение остальных сицилийцев (ведь из страха перед афинянами они охотнее перейдут к ним). И если мы победим или во всяком случае оттесним афинян, расстроив их планы (а в том, что им не удастся достигнуть своей цели, я совершенно уверен), то для нас это будет блистательным успехом. Я по крайней мере возлагаю на это большие надежды. (5) Ведь редко великие походы эллинов и варваров в отдаленные страны имели успех. Действительно, пришельцы обычно не превосходят численно местных жителей и их соседей, которые все объединяются из страха перед ними. И если врагов постигнет неудача из-за недостатка съестных припасов в чужой стране, то, хоть они сами виновны в своей беде, они оставляют славу победителей тем, кого они хотели завоевать. (6) Так и мидийский поход пошел самим афинянам на пользу, после того как нападение мидийского царя, направленное против Афин, окончилось, против его ожидания, неудачей. И можно надеяться, что таковой же будет участь и нынешнего похода.

34. Итак, будем мужественно готовиться к войне и не только здесь, но отправим послов к сикулам, чтобы еще крепче привязать к нам старых друзей и постараться приобрести новых. Пошлем посольство и в остальную Сицилию, чтобы открыть всем глаза на общую опасность, а также к италийским городам: склоним их к союзу с нами или по крайней мере убедим не принимать афинян. Разумно было бы, по-моему, отправить послов и в Карфаген.[1] (2) Ведь для карфагенян поход афинян не будет неожиданностью: они живут в вечном страхе, как бы афиняне рано или поздно не пошли и на их город. Быть может, карфагеняне, убедившись, что им самим грозит беда в случае, если они покинут нас на произвол судьбы, захотят тайно или явно как-либо нам помочь. Ведь из всех существующих государств они наиболее способны оказать помощь, пожелай они только сделать это. Действительно, у них больше

всего золота и серебра (что̀ на войне, как и во всем, весьма важно). (3) Отправим также посольство в Лакедемон и в Коринф с просьбой возможно скорее помочь нам и здесь, и возобновив враждебные действия против афинян в Элладе. (4) У меня есть главное предложение, в настоящем положении, по-моему, вполне своевременное. Хотя оно при вашей привычке к мирной беспечности меньше всего может встретить внимание с вашей стороны, тем не менее я изложу его вам. Если мы, сицилийские эллины, все вместе или по крайней мере большинство согласимся спустить на воду все имеющиеся у нас корабли с двухмесячным запасом продовольствия, встретить афинян у Тарента и мыса Иапигии и этим показать, что еще до борьбы за Сицилию их ждет борьба за переправу через Ионийское море, то этим мы ошеломим их и дадим понять, что мы на страже в дружественной стране (ведь Тарант примет нас),[2] им же, напротив, предстоит далекое плавание через море со всем войском и снаряжением. Из-за долгого пути они едва ли смогут держать боевой строй, и их медленно по частям подходящая эскадра будет легко уязвима для атаки. (5) Даже если они, облегчив свои корабли и действуя веслами, встретят нас сомкнутым строем, то мы атакуем их, когда они будут утомлены переходом. Если же мы предпочтем уклониться от боя, то можем отступить в Тарант. И, если они, высадившись с малым запасом провианта, захотят дать сражение, то будут страдать от голода в этих пустынных местах. Там мы сможем их блокировать, а если, пытаясь прорваться, они поплывут дальше вдоль побережья, то им придется бросить свои транспортные суда. Тогда, не будучи уверены в том, примут ли их италийские и сицилийские города, они утратят решимость продолжать поход. (6) Потому-то, если, как я предлагаю, преградить путь афинянам, то они и не отплывут из Керкиры, а сначала взвесят положение дел и соберут сведения о наших силах и местонахождении. Это их задержит до зимы; или же, угнетенные непредвиденным оборотом событий, они вообще откажутся от этой экспедиции, тем более что, как я слышал, их самый опытный военачальник принял командование против воли и будет рад всякому серьезному противодействию с нашей стороны, получив, таким образом, предлог для отступления. (7) Я совершенно уверен, что молва преувеличит наши силы. А настроения и мысли людей зависят от слухов. Люди больше боятся нападающего первым или по крайней мере того, кто ясно показывает, что в случае нападения готов дать отпор. (8) Это теперь и должны будут испытать афиняне. Они ведь идут на нас в уверенности, что мы не в силах оказать сопротивление, и столь невысокое мнение о нас справедливо, потому что мы не помогли лакедемонянам сокрушить могущество афинян. Если же теперь афиняне увидят, что мы против ожидания способны на смелые поступки, то наше неожиданное сопротивление поразит их еще сильнее, чем наша истинная мощь. (9) Итак, примите мой совет и решитесь на этот смелый шаг или по крайней мере готовьтесь как можно скорее к войне. Всем и каждому необходимо помнить, что пренебрежение к противнику проявляется делами и считать,

что меры, принятые в расчете на наличную опасность, всегда могут оказаться весьма полезными. Неприятель идет на нас и, как мне определенно известно, находится уже близко».

35. После такой речи Гермократа среди сиракузян начались бурные препирательства. Одни утверждали, что афиняне ни в коем случае не придут и все утверждения Гермократа ложны. Другие спрашивали: «Какой вред они могут причинить нам, сами не пострадав еще больше?» Были и такие, кто пренебрежительно высмеивал речь Гермократа. Лишь немногие верили Гермократу и со страхом взирали на будущее. (2) Тогда выступил вождь демократической партии Афинагор,[1] человек в то время наиболее уважаемый в народе, и сказал следующее.

36. «Всякий, кто не обрадуется, услышав, что афиняне оказались столь безумными, чтобы прийти сюда и самим отдаться в наши руки, тот трус или изменник. Дерзость людей, разносчиков таких слухов, сеющих панику, меня не удивляет, удивительна лишь тупость, не позволяющая им понять, что их намерения очевидны. (2) Ведь это люди, которые боятся за себя и хотят посеять тревогу во всем городе, чтобы самим скрыться под покровом всеобщего страха. Таково назначение этих слухов. Они не возникли случайно, но распространяются людьми, постоянно возбуждающими волнения в нашем городе. (3) И если вы благоразумны, то должны сообразовать свои выводы не с сообщениями этих людей, но с тем, какой образ действия можно приписать разумному и многоопытному народу, каким в моих глазах являются афиняне. (4) В самом деле, совершенно невероятно, чтобы афиняне оставили у себя в тылу пелопоннесцев и, не завершив прочным миром тамошней войны, сами бросились в новую, не менее опасную войну. Напротив, по-моему, афиняне довольны уже тем, что мы не нападаем на них, учитывая численность и мощь наших городов.

37. Но если бы даже они, как нам говорят, и пришли, то все же я уверен, что Сицилия скорее, чем Пелопоннес, выдержит большую войну, потому что весь остров во всех отношениях лучше подготовлен к ней. Ведь только один наш город обладает военной силой, далеко превосходящей мощь якобы грозящего нам теперь врага, будь он даже вдвое сильнее. Я знаю, что они не возьмут с собой конницы, да и здесь они найдут лишь небольшой отряд всадников из Эгесты. Афиняне не смогут даже обеспечить себе достаточно гоплитов, потому что их придется перевозить на кораблях (а пройти столь дальний путь сюда даже и легким судам без груза нелегко); к тому же, как известно, для войны против такого большого города, как наш, потребуется еще множество транспортных судов с продовольствием и снаряжением. (2) Я даже думаю, что если бы афиняне по прибытии сюда могли создать на нашей земле такой же город, как Сиракузы, и опираясь на него начать войну с нами, то и в таком случае едва ли избежали бы гибели. А в существующих условиях, когда вся Сицилия (которая объединится) будет против них, они не рискнут, даже в страхе перед нашей конницей, удалиться от своих лагерных бараков, сколоченных из корабельных досок

и палаток. Короче говоря, я полагаю, что афиняне не смогут укрепиться на нашей земле. Настолько, по-моему, наши боевые силы превосходят афинские.

38. Все это, повторяю, афиняне понимают и сохраняют в целости свои владения. А здесь у нас есть люди, которые измышляют ложные и несбыточные истории, и это — не в первый раз. Но я знаю, что они стараются такими или еще более зловредными выдумками или поступками запугать наш народ и самим захватить власть в городе. (2) И я опасаюсь, как бы в конце концов их попытки в самом деле не увенчались успехом. Ведь мы неспособны, пока не попадем в беду, своевременно принять меры предосторожности и, раскрыв замыслы врагов, наказать их. (3) Именно поэтому наш город так редко пользуется миром и постоянно раздираем смутами. Мы куда больше страдаем от внутренних распрей, чем от внешнего врага, а иногда даже подчиняемся тирании или произволу немногих. (4) Если вы только пожелаете меня поддержать, я постараюсь на этот раз по возможности предотвратить подобные бедствия. На вас, большинство народа, я буду действовать убеждением, а этих злоумышленников придется наказывать, и не только пойманных с поличным (ведь уличить их трудно), но наказывать их нужно уже за те зловредные умыслы, которые они осуществили бы, если бы были в состоянии. Ведь вражеские замыслы следует пресекать еще до их претворения в действие: кто не принял заранее мер предосторожности, тот пострадает сам. Есть среди меньшинства и такие, которых надо разоблачать, следить за их поведением и всячески наставлять. Ведь только таким образом, по-моему, и можно отвратить их от злодеяний. (5) Ответьте же мне, молодые люди,[1] на вопрос, который у меня часто возникал: чего же вы, наконец, хотите? Быть может, теперь уже — почетных должностей? Но закон это запрещает. Закон исходит из того, что вы по возрасту еще не способны к этому, но вовсе не имеет в виду обойти вас. И в самом деле, почему бы вам не управляться одним законом с большинством народа? И как же можно оправдать, что граждане одного и того же города не пользуются одинаковыми правами?

39. Мне возразят, быть может, что демократический строй неразумен и несправедлив и что люди состоятельные лучше всего способны управлять государством. На это я отвечаю: во-первых, под словом „народ" (демос) понимают совокупность всех граждан, а под словом „олигархия" — только часть. Во-вторых, богатые — лучшие хранители народной казны, разумные люди — лучшие советники, а народное большинство способно принимать наиболее правильное решение в данном обсуждаемом вопросе. И эти три группы граждан при демократическом строе каждая в отдельности и все в целом имеют равную долю прав. (2) При олигархическом правлении, напротив, народ разделяет общие опасности, тогда как немногие не то что присваивают себе бóльшую часть выгод, а отнимают все целиком. Этот-то порядок и стремятся установить у вас олигархи и молодежь, но в большом городе сохранить его невозможно. Но

вы, о неразумные, еще и теперь либо не понимаете вредоносности ваших устремлений (и тогда вы действительно величайшие глупцы среди эллинов, каких я только знаю), либо вы отъявленные преступники, если сознательно отваживаетесь на это.

40. Так вот, или образумившись, или изменив ваш образ мыслей, поставьте себе целью дела, идущие на общее благо нашего народа. Подумайте о том, что лучшим среди вас достанется при этом не только равная, но бóльшая доля благополучия. Если же вы притязаете на большее, то рискуете лишиться всего. Перестаньте распускать такие слухи, убедившись, что имеете дело с людьми, которые, зная ваши замыслы, не допустят их осуществления. (2) Ведь наш народ сумеет достойным образом дать отпор, если афиняне действительно придут к нам. У нас есть военачальники, которые позаботятся об обороне. Если же все это, как я уверен, ложные слухи, то город не позволит ввести себя в заблуждение под влиянием паники и не вверит вам высшую власть, чтобы добровольно отдать себя в рабство. Напротив, наш город, заботясь о своих интересах, возьмет дело в свои руки и будет считать ваши речи столь же преступными, как и поступки. Он не позволит из-за этих слухов отнять свободу, которой обладает, но примет действенные меры в интересах ее защиты».

41. Так сказал Афинагор. Тогда поднялся один из военачальников и, предложив собранию считать его речь заключительной, кончил прения следующими словами: (2) «Неблагоразумно нам здесь выступать со взаимными обвинениями и выслушивать таковые. Давайте лучше по поводу этих известий об опасности подумаем, какие меры должен принять весь город и каждый его житель, чтобы дать отпор врагу. (3) Ведь даже если бы нам в действительности не пришлось сражаться, то вовсе не повредит, если у нас будет конница, оружие и прочее военное снаряжение. (4) Все необходимые приготовления мы, военачальники, возьмем на себя и отправим послов в соседние города, чтобы собрать сведения, и примем меры предосторожности в дальнейшем. Некоторые шаги мы уже сделали, и если получим новые сведения, то сообщим вам». После этой краткой речи военачальника собрание разошлось.

42. Между тем афиняне и все союзники уже собрались у Керкиры. Прежде всего военачальники вторично произвели там смотр своих боевых кораблей, распределив их в том порядке, в каком они должны будут стоять на якоре при высадке. Всю эскадру разделили на три отряда, каждый под командой одного из трех военачальников, во избежание трудностей при совместном плавании с доставкой воды и съестных припасов, а также для того, чтобы облегчить поиски гаваней на месте высадки. Афиняне полагали также, что вообще присутствие военачальника в каждом отряде повысит маневренность, укрепит дисциплину и облегчит управление всей эскадрой. Затем военачальники выслали три корабля в Италию и Сицилию с приказом разведать, какие города примут афинян, и затем идти навстречу эскадре, чтобы указать гавани, где можно бросить якорь.

43. После таких приготовлений огромная флотилия отплыла, наконец, из Керкиры, направляясь в Сицилию. В общем она насчитывала 134 триеры и 2 пятидесятивесельных родосских корабля.[1] Из них было 100 афинских триер, в том числе 60 быстроходных, а остальные — транспортные корабли для перевозки воинов. Прочие корабли принадлежали хиосцам и другим союзникам. Общее число гоплитов составляло 5100. Среди них было 1500 афинских граждан, внесенных в списки военнообязанных,[2] 700 фетов, служивших в морской пехоте. Остальные гоплиты были выставлены союзниками, главным образом из подвластных афинянам городов. Впрочем, 500 гоплитов послали Аргос и Мантинея и, кроме того, было завербовано еще 250 наемников. Лучников было всего 480 (из них 80 с Крита), родосских пращников — 120, легковооруженных мегарских изгнанников[3] — 120. Помимо этого, было еще одно транспортное судно для перевозки конницы с 30 всадниками на борту.

44. Таковы были боевые силы, с которыми первая экспедиция переправилась для военных действий в Сицилию. За боевыми кораблями, кроме того, следовало 30 транспортов с продовольствием, имея на борту пекарей, каменщиков, плотников с необходимыми инструментами для строительства осадных сооружений. Эскадру сопровождало также 100 малых судов, которые, как и транспортные корабли, были принудительно завербованы в экспедицию. Кроме того, большое количество купеческих кораблей и прочих судов добровольно присоединилось к военной флотилии для торговых операций. Все эти суда двинулись теперь вместе с эскадрой из Керкиры через Ионийское море. (2) Вся флотилия прибыла к мысу Иапигии [1] и к Таранту (где какой корабль, следуя своим курсом, мог бросить якорь) и затем пошла вдоль италийского побережья. Италийские города не принимали афинян и не открывали им своих рынков, предоставляя лишь воду и якорные стоянки (Тарант и Локры,[2] впрочем, отказали даже и в этом). Наконец, эскадра достигла Регия на южной оконечности Италии, куда собрались все корабли. (3) В город афинян не приняли, и лагерь пришлось разбить за стенами у святилища Артемиды, где регийцы открыли рынок. Вытащив корабли на берег, афиняне расположились на отдых. Затем они приступили к переговорам с регийцами, требуя помощи леонтинцам, которые, как и регийцы, были халкидянами. Однако регийцы ответили, что желают остаться нейтральными и будут действовать в согласии с решением остальных италийских эллинов. (4) Тогда афинские военачальники стали обдумывать, как лучше всего в таком положении повести дела, касающиеся Сицилии. Вместе с тем они поджидали возвращения из Эгесты посланных туда кораблей,[3] чтобы узнать, есть ли у эгестян действительно деньги, о которых говорили послы в Афинах.

45. Между тем сиракузяне из разных источников и от своих разведчиков стали получать определенные сведения, что афинский флот уже в Регии. Оставив сомнения и решив, что это так и есть, сиракузяне начали усиленно готовиться к войне. В одни города сикулов они отправили отряды войск, в другие — послов и разместили гарнизоны в пограничных

пунктах сиракузской области. В самом городе они произвели смотр пехоты и конницы, чтобы убедиться, все ли в порядке, и вообще принялись за подготовку, ожидая, что вот-вот вспыхнет война.

46. Между тем три афинских корабля, посланных в Эгесту, возвратились в Регий, с известием, что там обещанных денег нет, и налицо оказалось лишь 30 талантов. (2) Это сразу же возникшее препятствие привело афинских военачальников в уныние, равно как и неблагоприятный ответ регийцев, которые не пожелали участвовать в походе. Их-то афиняне прежде всего рассчитывали привлечь на свою сторону; естественно было ожидать, что регийцы, как единоплеменники леонтинцев и до сих пор всегда дружественные афинянам,[1] скорее всего присоединятся к ним. Для Никия, впрочем, известия из Эгесты не явились неожиданностью. Зато два других стратега считали поведение эгестян еще более непонятным, чем отказ регийцев. (3) Эгестяне же, когда афинские послы в первый раз явились к ним для осмотра ценностей, применили следующую хитрость. Отведя послов в святилище Афродиты на горе Эрике, они показали им посвятительные дары — чаши, ковши для разливания вина, курильницы для благовоний и немало другой утвари. Утварь большей частью была серебряной и на вид создавала впечатление большого богатства, чему не соответствовали денежные средства эгестян. Эгестяне также устраивали частным образом угощения для экипажа афинских триер, выставляя при этом золотые и серебряные кубки, взятые не только в самой Эгесте, но даже занятые в соседних финикийских и эллинских городах. (4) При угощениях эгестяне пользовались большей частью той же самой утварью, и так много ее всюду оказывалось, что афинские моряки были поражены и по возвращении в Афины распустили слух, что видели множество сокровищ. (5) Теперь же, когда оказалось, что у эгестян вовсе нет денег, воины стали осыпать упреками афинских послов, которые сначала сами обманулись, а потом ввели в заблуждение остальных, а стратеги стали держать совет,[2] что следует предпринять в настоящем положении.

47. Никий высказался за то, чтобы плыть со всем флотом на Селинунт, для чего они прежде всего и посланы. Если, говорил Никий, эгестяне предоставят деньги для всего войска, то можно будет принять сообразное с этим решение. Если же нет, то следует потребовать от них денег на содержание посланных по их просьбе 60 кораблей и оставаться у Селинунта, пока этот город добровольно не примирится с Эгестой или не будет принужден силой. Затем следует пройти мимо других городов и, показав мощь города афинян и готовность помочь друзьям и союзникам, плыть домой, разве только в ближайшее время представится возможность сделать что-либо для леонтинцев или привлечь на свою сторону какой-нибудь из городов, однако не расточая государственные средства и не рискуя благополучием государства.

48. Алкивиад заявил, что возвратиться назад, не добившись ничего, с такими мощными боевыми силами, было бы позорным. Он советовал послать глашатаев во все остальные города, кроме Селинунта и Сира-

куз; завязать затем переговоры с сикулами, побудив их к отпадению от Сиракуз; независимые же их племена привлечь на свою сторону, чтобы получать от них продовольствие и подкрепления. Прежде всего нужно склонить к союзу Мессену,[1] так как этот город, расположенный на месте переправы, является ключом к Сицилии. У него есть также гавань, и он может быть опорным пунктом для дальнейших действий. Затем, склонив сицилийские города на свою сторону (когда станет ясно, на чью поддержку можно рассчитывать), следует напасть на Сиракузы и Селинунт, если селинунтцы не примирятся с эгестянами, а сиракузяне не допустят леонтинских изгнанников в их город.

49. Наконец, Ламах предложил плыть прямо на Сиракузы и как можно скорее дать битву под стенами города, пока сиракузяне еще не успели подготовиться и прийти в себя от неожиданности: (2) каждая армия больше всего внушает страха именно в начале. Если слишком долго медлить, то враг воспрянет духом и, в случае нападения, вид нападающего вызовет у него скорее презрение. Итак, внезапное нападение, когда неприятели еще в страхе и беспокойстве, дает афинянам больше всего шансов на победу. Неприятель будет устрашен не только видом нашего войска, которое покажется ему огромным, но и предстоящими испытаниями и прежде всего непосредственной опасностью битвы. (3) Многие из сиракузян, вероятно, остались за городом на полях, так как они не верят в прибытие афинского флота. Впрочем, даже если сиракузяне перевезут свои запасы продовольствия в город, то афинское войско все же не будет терпеть недостатков, когда после победы разобьет лагерь перед городом. (4) В таком случае и прочие сицилийские эллины не будут больше ожидать, на чью сторону склонится победа, и примкнут не к сиракузянам, а к афинянам. Ламах предложил также устроить якорную стоянку и опорный пункт в Мегарах после возвращения флота из Сиракуз. Место там пустынное и находится недалеко от Сиракуз как на море, так и по суше.

50. Произнеся такую речь, Ламах все же присоединился к мнению Алкивиада.[1] Затем Алкивиад на своем корабле переправился в Мессену и вступил в переговоры с ее жителями о союзе с Афинами. Однако ему не удалось склонить мессенян к этому союзу. Они отказались принять афинян в город, но согласились открыть рынок за городскими стенами, после чего Алкивиад возвратился в Регий. (2) Тогда стратеги, отобрав из всех трех отрядов 60 кораблей и снабдив их запасом продовольствия, поплыли вдоль побережья в Наксос, остальная же эскадра во главе с одним из стратегов осталась в Регии. (3) Из Наксоса, где афинян впустили в город, отряд кораблей поплыл вдоль побережья в Катану. Катаняне, однако, не приняли их (потому что здесь преобладали сторонники Сиракуз), и афинские корабли поплыли дальше к реке Терии,[2] где и провели ночь. (4) На следующий день отряд отплыл отсюда на Сиракузы, выстроившись в одну линию. 10 кораблей были отправлены вперед, чтобы войти в большую гавань и удостовериться, нет ли там кораблей на плаву. Подойдя к городу, глашатай, отправленный с этих

кораблей, должен был объявить, что афиняне прибыли с целью вернуть своих союзников и соплеменников леонтинцев в их город. Поэтому леонтинцы, находящиеся в Сиракузах, могут безбоязненно переходить к афинянам как своим друзьям и благодетелям. (5) После этого объявления, осмотрев город, гавань и местность (откуда должна была начаться атака), корабли возвратились в Катану.

51. Между тем в Катане состоялось народное собрание, которое постановило не принимать афинское войско, но пригласить афинских стратегов в город, чтобы они высказали в собрании свои пожелания. Во время речи Алкивиада, когда все внимание горожан было обращено на него, афинские воины незаметно взломали плохо прилаженную калитку в городской стене и, войдя на рыночную площадь, делали покупки. (2) Немногочисленные катанские сторонники сиракузян, увидев вражеских воинов в городе, в смятении поспешно бежали. Остальные катанцы решили вступить в союз с афинянами и предложили им перевезти из Регия также и остальное войско. (3) Затем афиняне отплыли назад в Регий и оттуда весь флот двинулся к Катане, где афиняне по прибытии стали разбивать лагерь.

52. Из Камарины тем временем пришло известие, что в случае прибытия туда афинян город, возможно, присоединится к ним и что сиракузяне снаряжают экипажи для своих кораблей. Итак, вся афинская эскадра сначала взяла курс вдоль побережья на Сиракузы. Не найдя там ни одного снаряженного корабля, афиняне поплыли дальше в Камарину, бросили якорь на открытом берегу и начали затем переговоры через глашатая. Камаринцы не захотели впустить афинян в город, заявив, что по существующему договору примут афинян, если те прибудут к ним лишь на одном корабле (или если сами они вызовут больше кораблей). (2) Итак, афиняне, ничего не добившись, возвратились в Катану. На обратном пути афиняне, высадившись на сиракузском побережье, занялись грабежом. Однако после прибытия на помощь своим сиракузской конницы, которая перебила нескольких рассеявшихся по местности воинов, афиняне возвратились в Катану.

53. Здесь они застали корабль «Саламинию»,[1] прибывший из Афин с приказом отозвать Алкивиада, которому предстояло оправдываться перед афинским судом в выдвинутых против него обвинениях. Вместе с ним были вызваны в суд также некоторые из воинов: одних обвиняли в кощунстве над мистериями, а других и в повреждении герм. (2) Ибо после отплытия эскадры в Сицилию афиняне вновь взялись за расследование по делу о мистериях и гермах. При этом, не проверяя достоверность сведений доносчиков, афиняне в своей подозрительности принимали все показания без проверки. Так, на основании доносов и улик негодяев хватали и бросали в тюрьму многих безупречных людей. Представлялось предпочтительным путем строгого расследования все же выяснить дело, чем допустить, чтобы какой-нибудь на вид благонамеренный человек, раз уж он навлек на себя подозрение, избежал пристрастных допросов. (3) Народ знал (по слухам) о том, сколь свирепой стала

под конец тирания Писистрата и его сыновей (к тому же тиранов свергли не сами граждане и не Гармодий, а лакедемоняне), и жил поэтому в вечном страхе, чуя всюду опасность для демократии.

54.[1] Поводом для отважного подвига Аристогитона и Гармодия послужила любовная история, которую я расскажу здесь подробнее[2] и покажу, что ни у других эллинов, ни у самих афинян нет никаких точных сведений об этом событии. (2) После того как Писистрат скончался в преклонном возрасте, тиранию унаследовал не Гиппарх, как обычно думают, а старший сын Гиппий. Был тогда Гармодий, блиставший юношеской красотой, и Аристогитон, гражданин среднего круга и достатка, стал его любовником. (3) Гиппарх, сын Писистрата, также соблазнял Гармодия, но безуспешно. Гармодий сообщил об этом Аристогитону, и тот, страстно влюбленный, весьма огорчился, опасаясь к тому же, что могущественный Гиппарх применит против юноши насилие. Аристогитон тотчас же задумал (насколько это было возможно человеку его положения) уничтожить тиранию. (4) Между тем Гиппарх повторил свою попытку добиться расположения юноши и опять безуспешно. Не желая применять насилия, Гиппарх решил при случае незаметным образом унизить юношу, действуя, однако, так, чтобы скрыть истинную причину. (5) Действительно, применение насилия не соответствовало характеру его власти, которая вовсе не была непопулярной или в тягость народу. Напротив, Гиппарх старался избежать всякого недовольства. Вообще Писистратиды стремились в своем правлении проявить больше всего доблести и благоразумия. Так, они взимали с афинян только двадцатую часть доходов с земли.[3] На эти средства они благоустроили и украсили город,[4] вели успешные войны и упорядочили празднества. (6) В остальном в городе продолжали существовать прежние законы, и тираны заботились лишь о том, чтобы кто-нибудь из их семьи всегда занимал должность архонта. Так, среди исполнявших годичную должность архонта был и сын тирана Гиппия, Писистрат. Он носил имя своего деда Писистрата и, будучи архонтом, посвятил на рыночной площади алтарь 12 богов[5] и алтарь в святилище Аполлона Пифийского.[6] (7) Когда впоследствии афинский народ велел увеличить алтарь, надпись на нем была уничтожена. А в святилище Аполлона Пифийского еще и поныне можно видеть эту неразборчивую надпись. Она гласит:

Гиппия сын Писистрат пифийскому Фебу владыке
Памятник власти своей в роще святой посвятил.[7]

55. А то, что Гиппий, как старший, наследовал власть, я могу определенно утверждать, так как собрал из устных источников[1] более точные сведения об этом, чем другие. Но подтверждением этого служат и прочие данные. Из законных сыновей Писистрата сыновей имел только один Гиппий. На это указывает упомянутый алтарь и стела на афинском акрополе, воздвигнутая в память о насильственном господстве тиранов.

Действительно, на этой стеле не упомянут никто из сыновей Фессала[2] или Гиппарха, но записаны пять сыновей Гиппия, которых родила ему Миррина, дочь Каллия,[3] сына Гиперохида. Естественно, что старший сын женился первым. (2) На этой же стеле Гиппий упомянут первым после своего отца; и это вполне естественно, так как он был старшим сыном и наследником его тиранической власти. (3) Гиппию нелегко было бы достигнуть власти, если бы Гиппарх в момент смерти был правителем, а Гиппию пришлось бы сразу же провозгласить себя тираном. Привычный страх, который он сумел внушить гражданам, и строгая дисциплина телохранителей помогли ему одержать победу над заговорщиками и без малейшего затруднения обеспечить себе безопасность. Гиппий не выказал нерешительности и неуверенности, как было бы свойственно младшему брату, не имеющему опыта в управлении государством. (4) Однако печальный конец Гиппарха, как оказалось, сделал его столь знаменитым, что впоследствии стали даже думать, что он-то и был тираном.

56. Итак, Гиппарх, увидев, что его домогательства отвергнуты, нанес Гармодию оскорбление. Писистратиды сначала пригласили сестру Гармодия, девушку, нести священную корзину на праздничной процессии,[1] а затем отказали ей, объявив, что вовсе и не приглашали ее, так как она не достойна такой чести. (2) Этот поступок Гармодий воспринял как тяжкое оскорбление, а из-за него и Аристогитон еще больше озлобился на Гиппарха. Они втайне обсудили с другими заговорщиками план действия, но выждали наступления праздника Великих Панафиней.[2] Это был единственный день, когда все граждане, участники процессии, могли собираться вооруженными, не вызывая подозрений. Гармодий и Аристогитон должны были начать нападение, а остальные — немедленно присоединиться к ним и вступить в схватку с телохранителями. (3) Заговорщиков, ради безопасности, было немного. Если лишь горсть храбрецов, рассуждали они, отважится напасть на Гиппия и его телохранителей, то вооруженная толпа непосвященных в заговор тотчас же присоединится к ним в борьбе за свободу.

57. Наконец, с наступлением праздника Гиппий со своими телохранителями отправился за город в местность под названием Керамик[1] для установления порядка прохождения отдельных частей торжественной процессией. В это время Гармодий и Аристогитон, вооруженные кинжалами, выступили, чтобы совершить свое деяние. (2) Заметив, однако, как один из заговорщиков дружески беседует с Гиппием (а Гиппий был легко доступен каждому), они испугались, вообразив, что уже преданы и их немедленно схватят. (3) Тогда они решили сначала, как только представится возможность пока их не схватили, отомстить своему оскорбителю, из-за которого они предприняли эту отчаянную попытку. Они сразу же бросились через ворота[2] в город и, встретив Гиппарха у так называемого Леокория,[3] тотчас же, не раздумывая, в слепой ярости (внушенной одному любовной страстью, а другому тяжким оскорблением) оба накинулись на него и сразили ударами кинжалов. (4) Аристогитону

правда, удалось, затерявшись в нахлынувшей толпе, пока спастись, но затем он все-таки был схвачен и мучительно погиб. Гармодий же был убит сразу же на месте.

58. Когда весть об убийстве пришла в Керамик, Гиппий тотчас поспешил не на место происшествия, а прямо к вооруженным гражданам, участникам процессии, пока те, находясь далеко, не успели еще узнать о случившемся. Придав лицу непроницаемое выражение, несмотря на постигшее его горе, Гиппий приказал гражданам сложить оружие и отойти в назначенное место. (2) Граждане повиновались, думая, что тиран собирается им что-то сказать. Тогда Гиппий велел телохранителям незаметно отобрать оружие и тотчас же схватить всех подозрительных лиц и тех, у кого нашли кинжалы. Ведь обычно граждане являлись на праздник с копьем и щитом.

59. Таков был заговор Гармодия и Аристогитона, поводом для которого было оскорбленное чувство любовника. Причиной же последовавшего затем безрассудного дерзкого деяния был внезапный страх, овладевший ими обоими. (2) С того времени власть тиранов стала для афинян более тяжкой, и Гиппий, который после смерти брата, страшась за свою жизнь, стал еще более подозрительным, множество граждан осуждал теперь на казнь. Вместе с тем он начал также обращать взоры за рубеж, надеясь обеспечить себе убежище на случай переворота. (3) В соответствии с этим он выдал свою дочь Археднку за Эантида, сына Гиппокла,[1] лампсакского тирана, так как слышал, что они пользовались большим влиянием у царя Дария. В Лампсаке находится надгробный памятник Археднки со следующей надписью:[2]

Гиппия дочь Археднку здесь лоно земли сокрывает,
Гиппия, кто превзошел доблестью сверстников всех.
Братья, супруг и отец, и сыны ее были тираны,
Все же надменности злой не было в сердце у ней.

(4) Еще три года после этого Гиппий сохранял свою тираническую власть в Афинах. На четвертом же году его низложили лакедемоняне и возвратившиеся из изгнания Алкмеониды.[3] Получив по договору разрешение беспрепятственно покинуть Афины, Гиппий сначала удалился в Сигей,[4] затем к Эантиду в Лампсак, а потом к царю Дарию. Отсюда он, спустя 20 лет,[5] уже стариком, выступил с мидянами в поход на Марафон.

60. Размышляя об этих событиях и вспоминая все другие предания о тиранах, афинский народ озлобился, исполнившись подозрений против всех предполагаемых виновников осмеяния мистерий. Все это дело о гермах и мистериях, казалось им, указывает на некий заговор для установления в Афинах олигархии и тирании. (2) Раздраженные такими подозрениями афиняне уже бросили в тюрьму много знатных людей, и так как конца дела не было видно, то все более распалялись и стали хватать и бросать в тюрьму еще большее количество граждан. Наконец, один узник,[1] особенно подозреваемый по делу о гермах, по совету одного

из сотоварищей по заключению сделал признание — истинное или ложное — я не могу сказать: об этом строились лишь различные догадки и никто тогда определенно не знал, да и теперь[2] не знает, кто же в самом деле были преступники. (3) Сотоварищ убедил его сделать признание, указав на то, что даже если он и не виновен, то все же ему следует признаться и просить снисхождения. Таким образом он и спасет свою жизнь и положит конец подозрениям в городе. Шансов на спасение будет больше, если он в надежде на прощение во всем признается, чем если он, отрицая свою виновность, предстанет перед судом. (4) Итак, он показал на себя и на других по делу об осквернении герм. Афиняне, которых крайне угнетало, что нельзя было напасть на след вражеских происков, с радостью восприняли это, по их мнению, истинное признание. Сам доносчик и сотоварищи, им не оговоренные, были тотчас же освобождены. Оговоренных же им людей, кого могли найти, после чрезвычайного судебного процесса казнили. Успевших бежать заочно присудили к смертной казни и объявили награду за их головы. Однако и при этом судебном процессе никто не мог сказать: были ли осужденные казнены справедливо. Впрочем, для прочих граждан города такой исход дела все же оказался неоспоримо полезным.

61. Тем временем враги Алкивиада, которые нападали на него и раньше перед отплытием эскадры, продолжали свои происки. Афиняне, доверяя их обвинениям, негодовали на Алкивиада. Они полагали, что знают правду о повреждении герм и были убеждены, что и это преступление и, тем более, осквернение мистерий являлось частью заговора против демократии, составленного при его участии. (2) Как раз в то время, когда взволнованный всем этим афинский народ шумел в народном собрании, небольшой отряд лакедемонян для каких-то сношений с беотийцами дошел до Истма. Афиняне решили, что лакедемоняне пришли по тайному сговору с Алкивиадом, а вовсе не из-за беотийцев, и думали, что если бы не были по доносу вовремя схвачены и брошены в тюрьму подозрительные люди, то город был бы предан. Однажды вооруженные афиняне даже провели целую ночь в храме Фесея,[1] что в городе. (3) Около этого же времени друзья Алкивиада в Аргосе также были заподозрены в покушении на демократию. Поэтому афиняне выдали на расправу аргосскому народу содержавшихся на островах заложников.[2] (4) Так, над Алкивиадом со всех сторон сгущались тучи подозрений. Намереваясь привлечь Алкивиада к суду и казнить, афиняне теперь отправили за ним и другими лицами, оговоренными доносчиком, в Сицилию корабль «Саламинию». (5) Алкивиаду было приказано следовать за посланцами для защиты перед судом в Афинах. Однако решено было не арестовывать Алкивиада из опасения, как бы его арест не вызвал возмущения воинов в Сицилии и не привлек внимания врагов. Но главным образом опасались потерять дружбу мантинейцев и аргосцев, которых именно Алкивиад, как думали, склонил к участию[3] в походе. (6) Итак, Алкивиад на своем корабле вместе с другими взятыми под подозрение людьми отплыл из Сицилии, сопровождаемый «Саламинией»,

якобы в Афины. Однако, прибыв в Фурийскую область,[4] Алкивиад и его друзья не поплыли дальше, но сошли с корабля и скрылись, боясь возвратиться и предстать перед судом из-за клеветнических обвинений против них. (7) Люди с «Саламинии» бросились за ними, но после безуспешных поисков через некоторое время отплыли на родину. Алкивиад же — теперь изгнанник — немного спустя переправился на грузовом корабле из Фурийской области в Пелопоннес.[5] Афиняне же приговорили его с сотоварищами заочно к смертной казни.

62. После этого двое оставшихся в Сицилии стратегов разделили по жребию эскадру на две части и отплыли со всей флотилией в Селинунт и Эгесту.[1] Они желали убедиться, дадут ли им эгестяне обещанные деньги, и разузнать о положении в Селинунте и о его распрях с эгестянами. (2) Плывя затем вдоль северного побережья Сицилии, обращенного к Тирренскому заливу, эскадра прибыла в Гимеру[2] — единственный эллинский город в этой части Сицилии. Жители города, однако, не приняли афинян, и эскадра поплыла дальше. (3) Во время плавания вдоль побережья афиняне захватили Гиккары,[3] приморский город сиканов, враждебный эгестянам. Жителей они обратили в рабство, а город отдали эгестянам, которые прислали на помощь отряд конницы. Затем сухопутное войско отправилось назад через область сикулов в Катану. Корабли же с пленниками на борту шли навстречу им, огибая побережье острова. (4) Никий, между тем, отплыл прямо из Гиккар к Эгесте, где он закончил остальные дела и, получив 30 талантов, прибыл к войску в Катане. Рабов афиняне продали, получив за них 120 талантов. (5) Затем они разослали гонцов к союзным общинам сикулов с требованием выставить вспомогательное войско. Потом с половиной своего войска афиняне подошли к Гелейской Гибле,[4] бывшей на стороне врагов, но не взяли ее. Так кончилось лето.

63. В начале следующей зимы афиняне начали готовиться к нападению на Сиракузы. Сиракузяне со своей стороны также собирались атаковать афинян. (2) Однако, когда выяснилось, что афиняне сразу не нападают на них (как они опасались первоначально), сиракузяне стали день ото дня все более воодушевляться. Когда же они увидели, что афиняне во время плавания у противоположных берегов Сицилии оказались далеко от Сиракуз и попытка взять Гиблу штурмом окончилась неудачей, то прониклись еще большим пренебрежением к врагу. Они стали с самоуверенностью, свойственной возбужденной толпе,[1] требовать от военачальников вести их на Катану, так как афиняне не идут на Сиракузы. (3) Сиракузские всадники, которые все время кружились возле стоянки афинян, наблюдая за их передвижением, с издевкой спрашивали афинян, не пришли ли они за тем, чтобы поселиться здесь на чужой земле, а не для возвращения леонтинцев на родину.

64. При таких обстоятельствах афинские стратеги решили выманить все вражеское войско как можно дальше от города, а самим с эскадрой ночью плыть вдоль побережья и там спокойно в удобном месте разбить лагерь. Они понимали, что сделать это было бы не так легко, если бы

пришлось высаживаться на глазах готового напасть вражеского войска или открыто продвигаться по вражеской земле. В этом случае многочисленная конница сиракузян (у самих афинян конницы не было) действительно представляла большую опасность для легковооруженных воинов и обоза. А выманив неприятеля из города, афиняне могли выбрать себе позицию, где они не особенно страдали бы от вражеской конницы. Следовавшие за афинянами сиракузские изгнанники указали афинянам место для лагеря у святилища Зевса Олимпийского,[1] которое те в дальнейшем и заняли. Для осуществления своего плана афинские стратеги придумали такую военную хитрость. (2) Они послали в Сиракузы верного человека, которого также и сиракузские военачальники считали своим другом. Он был родом из Катаны и объявил сиракузянам, что прибыл как представитель их сторонников, еще оставшихся в Катане (известных в Сиракузах поименно). (3) Катанец говорил, что афиняне проводят каждую ночь на бивуаках в городе, далеко от стоянки, и если сиракузяне в назначенный день со всеми боевыми силами атакуют врага в его лагере, то их сторонники запрут афинян в городе и подожгут их корабли. Тем временем сиракузяне смогут напасть на частокол и легко захватить лагерь. В Катане, говорил он, много сторонников сиракузян; от них-то он и явился.

65. Сиракузские военачальники, вообще уверенные в своих силах, и помимо этого предложения предполагали идти на Катану, и имели неосторожность сразу же поверить этому человеку. Они тотчас же назначили день своего прибытия и затем отослали катанца назад. Затем был отдан приказ всему войску вместе с селинунтянами и другими союзниками выступить в поход. Когда все было готово, в назначенный срок сиракузяне двинулись на Катану. В пути они провели ночь под открытым небом, разбив лагерь на реке Симефе[1] в Леонтинской области. (2) Между тем афиняне, заметив приближение сиракузян, посадили все свое войско (в том числе сикулов и других союзников) на военные корабли и другие суда и в сумерках отплыли, держа курс на Сиракузы. (3) На рассвете афиняне высадились вблизи святилища Зевса Олимпийского, чтобы разбить там лагерь. Почти в то же время сиракузские всадники, первыми прискакавшие в Катану, узнали, что вся афинская флотилия вышла в море. После этого они возвратились назад с вестью об этом к подходившей пехоте. Затем они уже все вместе поспешили назад на помощь своему городу.

66. Расстояние от Катаны до Сиракуз немалое, и поэтому у афинян было достаточно времени, чтобы в удобном месте без помех разбить лагерь. С этой позиции афиняне имели возможность в любое время начать сражение, и сиракузская конница не могла бы причинить им большого вреда как во время схватки, так и до нее. И действительно, афинский лагерь был окружен с одной стороны стенами, домами, деревьями и болотом, а с другой — крутым обрывом. (2) Афиняне вырубили деревья поблизости, спустили бревна в море и забили частокол для защиты своих кораблей. На берегу у Даскона,[1] в наиболее уязвимом для нападения

месте, они соорудили укрепление из наспех собранных камней и бревен. (3) При этом никто не выходил из города и не мешал работам афинян. Первой прибыла на помощь городу сиракузская конница, а спустя некоторое время собралось и остальное войско. Сначала сиракузяне подошли совсем близко к афинскому лагерю. Афиняне не вышли из лагеря навстречу врагу и потому сиракузяне отступили; перейдя на Элорскую дорогу,[2] они сделали привал под открытым небом.

67. На следующий день афиняне и союзники начали готовиться к бою. Их силы были построены следующим образом. На правом крыле стояли аргосцы и мантинейцы, в центре — афиняне, а на левом фланге — остальные союзники. Одна половина войска составляла авангард, выстроенный по 8 человек в глубину.[1] Другая половина стояла в резерве у палаток и также была построена в карре по 8 человек в глубину с приказом смотреть, где скорее возникнет опасность, и идти туда на помощь. В середине этого карре расположились обозные. (2) Сиракузяне же построили своих гоплитов рядами по 16 человек глубиной. Войско их состояло из ополчения всех сиракузских граждан и союзников, главным образом — селинунтцев. У них было теперь до 200 всадников из Гелы, из Камарины — около 20 всадников и около 50 лучников. Свою конницу — не менее 1200 всадников — сиракузяне поместили на правом фланге, а рядом с нею — метателей дротиков. (3) Афиняне решили первыми начать сражение, и Никий, обходя ряды, обратился к отрядам отдельных народностей и ко всем вместе с такими словами.

68. «К чему, воины, долго ободрять вас? Разве все мы здесь не для одного и того же дела? Ведь одно лишь зрелище этого великого и прекрасно снаряженного войска, по-моему, способно внушить больше мужества, чем самые красивые речи перед слабым войском. (2) Действительно, если мы — аргосцы, мантинейцы, афиняне и главные представители островитян — теперь объединились, неужели каждый из нас не должен быть совершенно уверен в победе, тем более что наши противники — это простое гражданское ополчение, а не отборные воины, подобные нам. К тому же мы имеем дело с сицилийцами, которые кичатся перед нами, но едва ли смогут устоять против нас, потому что у них больше безрассудной отваги, чем опытности в военном деле. (3) Каждый из вас должен осознать еще и то, что мы находимся далеко от родины и у нас вблизи нет никакой дружественной страны, если только мы не обретем ее силой оружия. Неприятельские военачальники, как я убежден, воодушевляют своих воинов, взывая к совершенно противоположным побуждениям. Они говорят воинам: „Вы сражаетесь за свою родину“; я же напоминаю вам, что вы — не на родной земле, а на чужбине, откуда, если вы не победите, уйти вам будет трудно. (4) Ведь их многочисленная конница будет гнаться по пятам за нами. Итак, памятуя о вашей доброй славе, смело атакуйте врага, убедившись, что железная необходимость, когда нет другого выхода из настоящего затруднительного положения, для вас страшнее врага».

69. После такого обращения Никий тотчас повел свое войско в атаку. Сиракузяне же не ожидали, что им придется уже начать битву, и иные воины даже ушли в город, который находился близ лагеря. Они, правда, поспешно прибегали назад, но слишком поздно и поодиночке присоединялись теперь где попало к главной части войска. Ведь сиракузяне не уступали афинянам ни в рвении, ни в отваге как в этой битве, так и в последующих. Но хотя они и были столь же мужественны, как афиняне, насколько позволяло их военное искусство, однако всякий раз как его недоставало, это ограничивало и их добрую волю. Не ожидая, что афиняне первыми нападут на них, и вынужденные быстро перейти к обороне, сиракузяне все же тотчас взялись за оружие и пошли в контратаку. (2) Битву начали с обеих сторон метатели камней,[1] пращники и лучники и, как обычно у легковооруженных, то одна, то другая сторона обращала противников в бегство. Затем гадатели совершили установленные жертвоприношения и трубачи затрубили сигнал к атаке гоплитов. (3) Тогда оба войска двинулись вперед. Сиракузяне шли в бой за родину, и каждый их воин думал не только о спасении своей жизни в данный момент, но и свободы в будущем. Что до их противников, то афинянам было нужно покорить чужую землю и своим поражением не нанести ущерба родине. Аргосцы же и независимые союзники желали разделить с афинянами сицилийскую добычу, ради чего они и пришли, и затем победителями увидеть родину. Наконец, подвластные афинянам союзники[2] старались сделать все возможное особенно потому, что в случае поражения на этот раз не было никакой надежды спастись; кроме того, они надеялись смягчить афинский гнет, если помогут афинянам покорить другие народы.

70. В рукопашной схватке обе стороны долгое время стойко держались. Между тем разразилась сильная гроза с ливнем. Непогода нагнала еще больше страху на неопытных воинов, впервые участвовавших в бою, тогда как бывалые воины объясняли бурю временем года и гораздо более были встревожены продолжающимся упорным сопротивлением врага. (2) После того как аргосцы первыми отбросили левое крыло противника, а за ними и афиняне опрокинули его центр, боевая линия остального сиракузского войска уже была прорвана, и сиракузяне обратились в бегство. (3) Афиняне, однако, не смогли далеко преследовать неприятеля, так как многочисленная и еще не побежденная сиракузская конница сдерживала преследователей. Сиракузские всадники, замечая выдвинувшихся из рядов афинских гоплитов, всякий раз бросались на них и теснили назад. Поэтому главные силы афинян продолжали преследовать врага сомкнутыми рядами лишь настолько, насколько это было безопасно. Затем они отступили и поставили трофей. (4) Сиракузяне же собрались на Элорскую дорогу и, вновь построившись в боевой порядок, насколько это было возможно в настоящем положении после поражения, выслали сторожевой отряд занять святилище Зевса Олимпийского из опасения, что афиняне захватят находившиеся там сокровища. Остальное войско сиракузян возвратилось в город.

71. Афиняне, однако, не пошли к святилищу, но подобрав тела своих павших, возложили на костер и провели ночь на поле битвы. На следующий день по договору о перемирии они выдали сиракузянам тела их павших воинов (на стороне сиракузян и их союзников пало около 260 человек) и собрали останки своих мертвецов (потери афинян и союзников составляли около 50 человек). Затем афиняне, с доспехами убитых неприятелей, отплыли назад в Катану. (2) Стояла зима, и они не решались на дальнейшие военные операции, пока не вызовут из Афин конницу или не получат конных отрядов от местных союзников (ибо иначе они находились всецело под давлением вражеской конницы). Вместе с тем афиняне желали также собрать деньги в Сицилии и получить их из Афин и привлечь на свою сторону некоторые сицилийские города. Афиняне надеялись, что теперь, после победы, эти города скорее откликнутся на их предложения. Кроме того, им было нужно заготовить продовольствие и сделать необходимые приготовления, чтобы весной напасть на Сиракузы.

72. Итак, по этим соображениям афиняне отплыли, держа курс на Наксос и Катану, чтобы там зимовать. Сиракузяне же, после погребения своих убитых воинов, созвали народное собрание. (2) Тут выступил Гермократ, сын Гермона, человек выдающегося ума, отличавшийся военным опытом и прославленный доблестью. Он стал ободрять сограждан, убеждая не унывать из-за военной неудачи: (3) Ведь их воинский дух не сломлен, говорил он, а беда произошла от недостаточности боевого опыта. Да и не столь велико поражение сиракузян, тем более что им, неопытным бойцам, можно сказать, ученикам в военном деле, пришлось сражаться против искуснейших в Элладе воинов. (4) Другая причина неудачи — множество военачальников (их было пятнадцать), что при отсутствии единого руководства и привело к беспорядку и безначалию. Если выбрать хотя бы нескольких, но зато опытных командиров и, еще этой зимой хорошенько обучив гоплитов и снабдив оружием тех, кто не имеет его, увеличить насколько возможно число гоплитов и вообще заставить воинов прилежно заняться боевой подготовкой, тогда, говорил он, у них будет много надежд на победу. Ведь мужество у них есть, и при упомянутых условиях появится и строгая боевая дисциплина. Действительно, этим можно достигнуть и того, и другого: дисциплина закалится в борьбе с опасностью, а врожденное мужество еще более окрепнет при возрастающей уверенности в военном искусстве и опыте. (5) Военачальников следует выбрать немного, но полновластных, и народ должен дать им клятвенное разрешение командовать как им заблагорассудится. Таким образом будет легко сохранять все военные тайны, а все распоряжения военачальников будут выполняться беспрекословно и без промедления.

73. Выслушав Гермократа, сиракузяне решили принять все его предложения и выбрали только троих военачальников: самого Гермократа, Гераклида, сына Лисимаха, и Сикана, сына Эксекеста. Сиракузяне отправили также послов в Коринф и Лакедемон просить о помощи и побудить лакедемонян начать ради них более решительно открытую войну с афи-

нянами и этим вынудить афинян уйти из Сицилии или по крайней мере помешать доставке им дальнейших подкреплений в Сицилию.

74. Между тем афиняне тотчас из Катаны со всем войском отплыли в Мессену, надеясь овладеть городом путем измены. Однако этот расчет афинян не оправдался, ибо Алкивиад, уже после своего отозвания, предвидя, что будет изгнанником, на обратном пути сообщил о заговоре сторонникам сиракузян в Мессене. Те немедленно казнили указанных Алкивиадом изменников и затем, при возникшей междоусобице, с оружием в руках добились от народа отказа принять афинян. (2) Афиняне стояли у Мессены дней тринадцать, страдая от непогоды и недостатка продовольствия. Не добившись успеха, они отплыли в Наксосу, где, окружив свой лагерь частоколом, расположились на зимовку. Затем они отправили триеру в Афины с просьбой к весне прислать денег и конницу.

75. Этой зимой сиракузяне также стали возводить стену около города. Стена эта охватывала Теменит[1] и тянулась вдоль стороны Сиракуз, обращенной к Эпиполам,[2] для того чтобы в случае поражения неприятель не мог так легко насыпать осадной вал в непосредственной близости от города. Затем они укрепили Мегары, превратив их в крепость, а другой крепостью сделали святилище Зевса Олимпийского. В море повсюду, в местах возможной высадки неприятеля также были забиты частоколы. (2) Узнав о зимовке афинян в Наксосе, сиракузяне выступили со всем ополчением на Катану. Опустошив часть тамошней территории, они сожгли афинский лагерь и затем возвратились домой. (3) Узнав об афинском посольстве в Камарину с целью привлечь камаринцев на свою сторону (в силу прежнего союза,[3] заключенного еще при Лахете),[4] сиракузяне также отправили туда послов. Они подозревали, что камаринцы и для первой битвы лишь неохотно послали им подкрепление, а впредь под влиянием успеха афинян и вообще откажутся помогать и по старой дружбе с афинянами перейдут на их сторону. Итак, после прибытия из Сиракуз в Камарину Гермократа и других послов, а из Афин посольства во главе с Евфемом,[5] Гермократ, надеясь заранее очернить афинян, выступил в народном собрании с такими словами.

76. «Камаринцы! Мы прибыли с посольством к вам не из опасения, что вас устрашит присутствие здесь афинского войска. Мы беспокоимся скорее, что они сумеют убедить вас речами, прежде чем вы успеете нас выслушать. (2) Ведь афиняне прибыли в Сицилию под предлогом, вам известным, и с тайным умыслом, о котором мы также все догадываемся. Если я не ошибаюсь, по-моему, они хотят не леонтинцев вернуть в их город, а скорее изгнать нас из наших городов.[1] Кто поверит, что люди, разрушающие города в Элладе, хотят восстановить сицилийские или, что поработители и угнетатели халкидян и евбейцев могут иметь какие-то родственные чувства к леонтинцам в силу их родства с халкидянами? (3) Разве не тем же способом афиняне добились господства у себя, каким пытаются установить его и здесь в Сицилии? Ведь ионян и других союзников, которые добровольно пригласили их быть предводителями,[2] желая дать отпор мидийскому царю, афиняне поработили всех.[3] Одних они об-

винили в уклонении от военной службы, других — в междоусобных распрях,[4] для иных находили каждый раз еще какой-нибудь благовидный предлог. (4) Таким образом, ни афиняне не сражались с Мидийским царем за свободу эллинов, ни эллины — за свою собственную свободу: афиняне сражались скорее за то, чтобы превратить эллинов из царских данников в своих собственных подданных, эллины же — чтобы сменить старого владыку на нового, правда, более разумного, но и более злокозненного.

77. Впрочем, мы пришли сюда, разумеется, не с тем, чтобы выявить и без того достаточно известные случаи насилия и несправедливости, в которых можно упрекнуть афинян, но напротив, чтобы обвинить самих себя. У нас перед глазами наглядное подтверждение участи тамошних эллинов, так как они, не сумев постоять за себя, были порабощены. И когда теперь афиняне применяют против нас те же самые ухищрения, и мы опять слышим те же лживые речи о возвращении наших соплеменников леонтинцев и о помощи союзникам эгестянам, то почему же мы все не сплотимся и не покажем им, что здесь им придется иметь дело не с понянами, не с геллеспонтийцами или с островитянами (которые сегодня готовы быть рабами мидийского царя, а завтра — любого другого владыки), а со свободными дорянами, переселившимися в Сицилию из независимого Пелопоннеса? (2) Или, быть может, мы дожидаемся, чтобы они захватили наши города один за другим? Ведь мы знаем, что нас только таким способом и можно одолеть. Мы видим, какова их политика: как в одних случаях они сеют рознь хитрыми речами, в других — разжигают войну, обещая союз, в третьих — вредят как могут, обращаясь к отдельным городам с подкупающими предложениями. Неужели же мы думаем, что если наш далекий земляк погибнет, то нам самим не грозит опасность, что пострадавший до нас только один и окажется жертвой злой судьбы?

78. Итак, если какому-нибудь камаринцу даже придет в голову, что не он, а сиракузянин — враг афинян, и он с негодованием спросит: „Зачем мне рисковать головой за вас?“, то пусть он знает, что, сражаясь за мою землю, тем самым будет сражаться и за свою родину и — тем более успешно, что я еще не погиб. И он пойдет в бой не один: ведь я буду его союзником. Пусть он знает также, что афинянин не только воздает сиракузянину наказанием за его вражду, но тем самым еще домогается дружбы с другими сицилийскими эллинами, делая вид, будто ведет войну во имя этой дружбы. (2) Если же кто-нибудь из зависти или, быть может, из страха перед нами — ведь могущественные города как Сиракузы должны считаться и с тем и с другим — желает ослабить Сиракузы (чтобы проучить нас), но так, чтобы мы, ради его собственной безопасности, все же уцелели, то он стремится к цели, превосходящей человеческие возможности. (3) Ведь человек не властен ограничивать судьбу мерой своих желаний.[1] И, быть может, со временем, поняв ошибочность своих расчетов на ослабление Сиракуз, он, оплакивая свою горькую участь, пожелает снова завидовать нашему благополучию. Но этого он не сможет

вернуть, раз уже однажды покинул нас на произвол судьбы, отказавшись разделить опасность нашу по видимости, но общую на деле: на словах вам предстоит защищать нас и наше господство, но на деле — спасать самих себя. (4) Вы — камаринцы, наши ближайшие соседи, которым грозит опасность непосредственно после нас, должны особенно предусмотреть все это и помогать нам более энергично, чем теперь. Вместо того чтобы нам приходить к вам, вы должны были сами обратиться к нам. Представьте себе, что афиняне сперва пришли бы в область Камарины, тогда вы призвали бы нас на помощь. Так и теперь вы должны поощрять нас в намерении держаться стойко. Тем не менее ни вы, ни остальные сикелиоты, до сих пор по крайней мере, не проявили никакого стремления к этому.

79. Пожалуй, вы в своей боязливости обратитесь к правовым отношениям, ссылаясь на ваш союзный договор с афинянами. Но ведь этот союз заключен не против ваших друзей, а лишь на случай угрозы вам: вы должны помогать афинянам, если на них нападут, но не поддерживать их, когда они сами, как теперь, угрожают вашим соседям. (2) Ведь даже регийцы (сами халкидяне) вовсе не склонны помогать афинянам возвратить своих соплеменников леонтинцев в их город. Не странно ли, что регийцы, заподозрив истинное значение этой красивой ссылки афинян на право и пренебрегая формальными основаниями, поступают благоразумно, выжидая, тогда как вы готовы под благовидным предлогом помогать своим естественным врагам и в союзе с ними погубить своих ближайших сородичей. (3) Однако справедливость не в этом: напротив, ваш долг помочь нам, не страшась военной мощи афинян. Ведь если все мы, сикелиоты, объединимся, то вражеская сила нам не опасна: опасность — в нашей раздробленности, и потому враги стремятся разъединить нас. Но они и теперь не достигли своей цели, когда напали лишь на нас одних, и даже после победы были вынуждены быстро отступить.

80. Если же мы объединим свои силы, то и подавно не стоит унывать. Поэтому нам следует решительнее вести союзную политику, тем более что мы получим помощь из Пелопоннеса, чья военная мощь намного превосходит афинскую. Пусть никто из вас не думает, что ваша осторожная политика — будучи союзниками обеих сторон, не помогать ни тем, ни другим — справедлива в отношении нас и безопасна для вас. (2) В действительности эта политика несправедлива, хотя может показаться последовательной. Ведь если мы, жертвы нападения, без вашей помощи будем уничтожены и победители афиняне восторжествуют, то это разве не означает, что вы одних покинете на произвол судьбы, а другим позволите совершить преступление? Сколь благороднее было бы подать руку помощи терпящим несправедливость, да к тому же и вашим сородичам, поддержать этим общие интересы и свободу Сицилии и удержать афинян, которых вы называете друзьями, от несправедливости. (3) Подводя итог, мы, сиракузяне, считаем, что незачем пространно объяснять вам и другим то, что сами вы понимаете не хуже нас. Мы просим вас, и если не сможем

вас убедить, то свидетельствуем: нам угрожают всегдашние наши враги — ионяне, а вы — доряне — и предаете нас, доряп. (4) Если афиняне покорят нас, то этим они будут обязаны вам, но слава достанется всецело им, а вы, которые поможете им одержать победу, послужите лишь наградой за эту победу. Если же победим мы, то вы понесете наказание как виновники испытанной нами опасности. (5) Подумайте же и выбирайте теперь между пока еще лишь грозящим рабством и надеждой победить вместе с нами и избегнуть таким образом и позорного ига афинян и опасности нашей вражды, которая, пожалуй, будет немалозначительной».

81. Так сказал Гермократ. После него взял слово афинский посол Евфем и сказал следующее.

82.[1] «Мы прибыли сюда возобновить наш старый союз.[2] Однако нападки сиракузского посла заставляют сказать также несколько слов о нашей державе, которой мы владеем по праву. (2) Важнейшее тому доказательство — слова самого Гермократа, который сказал, что доряне и ионяне чуть ли не всегда были врагами. Дело, однако, обстоит вот как. Мы, ионяне, живя поблизости от пелопоннесцев (которые являются дорийцами и превосходят нас численностью), должны были предусмотреть, каким путем нам лучше всего сохранить свою независимость. (3) После мидийской войны, построив флот, мы избавились от лакедемонского владычества и гегемонии. Ведь лакедемоняне имели не больше права владычествовать над нами, чем мы над ними (разве что по праву сильного, которое у них иногда было). Мы взяли на себя потом предводительство над прежними подданными царя и затем сохранили его, полагая, что таким образом лучше всего отстоим свою независимость от пелопоннесцев, имея силы и средства для своей обороны. И, по совести говоря, мы ведь подчинили своей власти ионян и островитян (которых, по словам сиракузян, мы, вопреки племенному родству, совершенно поработили) совершенно справедливо: ведь они пошли с Мидянином на нас, свою метрополию, войной, и не имели мужества, восстав против царя, уничтожить свои дома и имущество (подобно нам, когда мы покинули свой город), но предпочли рабство и хотели сделать рабами и нас.

83. Итак, мы управляем союзниками, будучи достойны этого. Ведь мы не только выстарили наиболее сильный флот, но и показали самое беззаветное рвение в борьбе за дело эллинов, тогда как ионяне и островитяне с готовностью предоставляли свои корабли Мидянину против нас. Вместе с тем мы стремились приобрести мощь, необходимую для отпора пелопоннесцам. (2) Мы не говорим вам высокопарных слов в оправдание нашего владычества, утверждая, что мы одни победили Варвара или что подвергали себя опасностям в борьбе за свободу ионян в большей степени, чем за свободу свою и всех прочих эллинов. Никого нельзя упрекать, если он ищет подобающих способов сохранить себя. Только желание обезопасить себя привело теперь нас сюда, и мы видим, что наше присутствие здесь как в наших, так и в ваших интересах. (3) Подтверждение этого мы почерпнем из клеветнических речей наших врагов, внушаю-

щих вам еще более сильные подозрения и страхи. Но мы знаем, что люди боязливые и подозрительные на время поддаются льстивым речам, а затем, приступив к делу, сообразуются с правильным пониманием пользы. (4) Как мы уже сказали, наше господство в Элладе установлено из страха, по этой же причине мы и теперь здесь, чтобы в союзе со здешними друзьями упрочить нашу безопасность и не ради их порабощения, но напротив, чтобы оградить их от этой участи.

84. Пусть никто не думает, что, заботясь о вас, мы вмешиваемся не в свое дело. Каждый должен понимать, что пока вы целы и невредимы и достаточно сильны, чтобы сопротивляться сиракузянам, они не смогут послать войско на помощь пелопоннесцам, и те причинят нам меньше вреда. (2) В этом отношении ваша судьба нас особенно близко затрагивает. Поэтому-то у нас есть основание вернуть леонтинцев в их город, но не затем, чтобы обратить их в наших данников (подобно их соплеменникам на Евбее), но напротив, сделать сколь возможно могущественными, чтобы они как наши союзники и соседи сиракузян все время тревожили их. (3) В Элладе мы одни, без посторонней помощи, справляемся с нашими неприятелями, и нам важно, чтобы у евбейских городов не было вооруженной силы (хотя это, по словам Гермократа, столь несообразно с освобождением халкидян здесь) и вместе с тем в наших интересах по возможности сохранить независимость наших друзей в Сицилии.

85. Для тирана и для могущественного города, господствующего над другими городами, все, что выгодно, то и разумно и не существует родственника, если ему нельзя доверять.[1] Нам приходится выбирать друзей, смотря по обстоятельствам, в каждом отдельном случае. А здесь в наших интересах не ослаблять наших друзей, но, напротив, под угрозой их мощи сдерживать врагов. (2) У вас нет причин нам не доверять. Ведь и в Элладе мы так же относимся к союзникам, исходя из тех же оснований и сообразно нашим интересам. Хиосцы и мефимнейцы доставляют нам корабли, и в остальном независимы.[2] Большинство обладает меньшей независимостью и платит дань. Некоторые же хотя и островитяне и их легко покорить, вполне свободны, так как их острова расположены в важных пунктах для действий против Пелопоннеса. (3) Поэтому и в Сицилии наша политика естественно также определяется нашими выгодами и, как я уже сказал, устрашением сиракузян. Ведь сиракузяне стремятся господствовать над вами, и поэтому прежде всего желают объединить вас недоверием к нам, а затем силой или, пользуясь вашей политической изолированностью, привлечь на свою сторону; и если нам, не добившись успеха, придется покинуть Сицилию, то они сами станут владыками острова. Такова неизбежность: ведь и сиракузяне после нашего ухода не окажутся слабыми против вас, а с объединенной силой Сицилии и нам нелегко будет справиться.

86. Кто не желает этому верить, того убедит сама действительность. Ведь, приглашая нас в первый раз на помощь,[1] вы сами внушали нам, сколь опасно даже для нас самих оставить вас под властью сиракузян,

(2) И теперь было бы несправедливо не доверять вашим собственным словам и доводам, которыми вы считали нужным тогда нас настоятельно убеждать, и относиться к нам с подозрением по той причине, что мы теперь выступили с более мощной военной силой по сравнению с сиракузянами. Сиракузян же вы должны остерегаться гораздо более. (3) Ведь мы без вашей помощи не можем оставаться в Сицилии. И если бы мы действительно, совершив вероломство, вздумали покорить остров, то не смогли бы удержать его. Ведь путь в Сицилию через море долгий и охранять большие города на острове, снабженном всеми средствами для сухопутной войны, дело трудное. Сиракузяне же — ваши ближайшие соседи; они живут не в лагере, а в городе, и у них гораздо больше войска, чем у нас здесь. Они постоянно злоумышляют против вас и никогда не упустят случая повредить отдельным городам. (4) Они это проявили уже и своим отношением к леонтинцам, и в других случаях. А теперь они нагло призывают вас на помощь против тех, кто противился им и до сих пор препятствовал порабощению Сицилии, словно вы слепцы. (5) Мы же, напротив, предлагаем гораздо более реальную безопасность, чем та, что они сулят вам, и просим не отвергать взаимной выгоды. Поразмыслите, что сиракузянам при их численном превосходстве и без союзников всегда открыт путь для нападения на вас. А у вас не всегда будет возможность найти для обороны таких могучих союзников, как мы. И если из-за вашей недоверчивости вы допустите, чтобы мы еще раз ушли ни с чем (или даже потерпели поражение), то придет время и вы пожелаете увидеть здесь хоть малую часть нашего войска, когда спасать вас уже будет поздно.

87. Не доверяйте ни вы, камаринцы, ни прочие сицилийцы, наветам сиракузян. Мы сказали вам чистую правду о подозрениях против нас и надеемся, напомнив в основном наши доводы, убедить вас. (2) Мы заявляем: мы господствуем над городами в Элладе ради собственной независимости и пришли сюда освободить сицилийские города, чтобы враги не обратили их против нас. Мы вынуждены вмешиваться в чужие дела, потому что нам приходится повсюду быть настороже.[1] Наконец, мы пришли на помощь вашим угнетенным соотечественникам и ранее,[2] и теперь не как непрошенные гости, а по вашему же приглашению. (3) Не выносите нам, как судьи, приговор за наши действия и не пытайтесь, как наставники, внушить нам, что мы должны воздержаться от наших намерений (тем более, что теперь уже поздно). Но поскольку в наших намерениях и в способе их осуществления содержится известная польза для вас, обратите ее на себя. Считайте только, что отнюдь не все эллины страдают от нашего вмешательства, но для большинства оно даже полезно. (4) Ведь повсюду — и даже вне сферы нашего влияния — всякий считается с нами — и тот, кому угрожает насилие, и замышляющий его: одни надеются на нашу помощь, а другие опасаются, в случае нашего прихода, встретить возмездие. Поэтому одним, хоть и против воли, приходится отказываться от своих дурных намерений, а другим — принять от нас спасение. (5) Итак, не отвергайте безопасности, которую мы пред-

лагаем теперь вам и всем, кто нуждается в ней, но по примеру ваших сородичей[8] присоединитесь к нам, и вместо того чтобы жить в вечном страхе перед нападением сиракузян, изберите другой путь: уравняв силы, ответьте сиракузянам угрозой на угрозу».

88. Так сказал Евфем. Настроение камаринцев было двойственное. Они были расположены к афинянам, однако опасались их стремления покорить Сицилию; с сиракузянами же, своими ближайшими соседями, они вечно враждовали. Кроме того, они боялись, что сиракузяне могут и без них одержать победу. Потому-то они сначала послали на помощь сиракузянам лишь небольшой отряд всадников[1] и решили и впредь оказывать им помощь, однако лишь самую умеренную. Но в сложившихся обстоятельствах, не желая создавать впечатления, что они пренебрегают афинянами (особенно после недавней их победы), решили на словах дать одинаковый ответ обеим сторонам. (2) По этим соображениям они ответили: так как оба союзных с ними города воюют друг с другом, то они решили, что при данных обстоятельствах, не нарушая клятвы, имеют право оставаться нейтральными. Затем оба посольства уехали из Камарины. (3) Теперь сиракузяне начали готовиться к войне, афиняне же в лагере у Наксоса старались путем переговоров привлечь на свою сторону как можно больше сикулов. (4) Среди подвластных сиракузянам обитателей равнины отпали лишь немногие. Напротив, поселения сикулов в глубине острова (которые прежде всегда были независимы) сразу же, за немногим исключением, присоединились к афинянам: они доставляли войску съестные припасы, а некоторые помогали и деньгами. (5) Против отказавшихся добровольно подчиниться афиняне выслали войско и одних покорили силой, других же не удалось привести в покорность, так как этому помешали сиракузяне, выславшие на помощь свои гарнизоны. На зиму афиняне перенесли стоянки своих кораблей из Наксоса в Катану и, восстановив свой лагерь, сожженный сиракузянами, провели там зиму. (6) Затем они послали триеру в Карфаген[2] с тем, чтобы предложить союз и разведать, нельзя ли получить там какую-либо помощь. Послали также и в Тирсению,[3] где некоторые города сами добровольно решили вступить в войну. Разным сицилийским племенам и эгестянам они приказали прислать как можно больше коней. Афиняне запаслись также и всеми прочими материалами — кирпичом, железом и вообще всем, что необходимо для осадных работ, чтобы в начале весны возобновить военные действия. (7) Отправленные в Коринф и Лакедемон послы сиракузян[4] по пути вместе с тем старались при удобном случае убедить также и италийских эллинов обратить внимание на опасные и для них планы афинян. По прибытии в Коринф послы настоятельно просили о помощи, ссылаясь на племенное родство. (8) Коринфяне с величайшей готовностью постановили не только немедленно всеми средствами оказать помощь, но и отправили своих послов вместе с сиракузскими в Лакедемон, чтобы побудить лакедемонян более решительно действовать против афинян и, кроме того, направить помощь в Сицилию. (9) В Лакедемоне коринфские послы встретили Алкивиада и его товари-

щей по изгнанию. Алкивиад только что переправился на грузовом корабле из Фурий сначала в Киллену в Элиде, а отсюда по приглашению самих лакедемонян прибыл в Лакедемон, обеспечив себе предварительно личную безопасность. Он опасался лакедемонян в связи со своим участием в мантинейских делах.[5] (10) Случилось так, что Алкивиад, выступая в народном собрании, советовал то же самое, к чему настоятельно старались склонить коринфяне и сиракузяне. Эфоры и другие власти в Лакедемоне хотели отправить послов в Сиракузы, чтобы предотвратить сдачу города афинянам, но не собирались оказывать помощь сиракузянам. Тогда выступил Алкивиад и, возбуждая у лакедемонян враждебное чувство к афинянам, стал подстрекать их к энергичным действиям следующими словами.

89. «Прежде всего я вынужден сказать несколько слов по поводу возводимой на меня клеветы, чтобы вы, не доверяя мне, не приняли неблагосклонно мои соображения о наших общих интересах. (2) Хотя мои предки из-за какой-то обиды отказались от вашей проксении,[1] я сам, стараясь вновь получить ее, добровольно оказывал вам много услуг, особенно же после вашей неудачи под Пилосом. Несмотря на постоянно проявляемую с моей стороны дружбу, вы вели мирные переговоры с афинянами при посредстве моих недругов и этим содействовали росту их политического значения,[2] на меня же навлекли бесчестие. (3) Поэтому естественно, что я вступился за мантинейцев и аргосцев и всячески противодействовал вам.[3] И если тогда в вашем тяжелом положении мои поступки у иных и вызывали раздражение, то теперь, зная истинное положение вещей, им следовало бы изменить свое мнение. Или, если кто-нибудь думает обо мне хуже потому, что я придерживался народной партии, то и это — не основание для недовольства. (4) Ведь мы, Алкмеониды,[4] всегда были врагами тиранов; под словом „народная партия“ понимают всё, что противодействует господству одного человека, и поэтому наша семья всегда стояла во главе народной партии.[5] С развитием демократии в нашем городе нам зачастую приходилось применяться к существующему положению вещей. (5) Тем не менее в противоположность присущей демократии политической разнузданности мы старались придерживаться более умеренной политики. Однако, как во времена наших предков были люди, которые вели народ по другому пути, так и теперь есть демагоги. Именно эти люди и изгнали меня. (6) Мы же стояли во главе всего народа, а не только были главарями партии, и считали своим долгом сохранять тот образ правления, при котором государство достигло могущества и наиболее полной свободы и который был всеми принят. Конечно, как и все здравомыслящие люди, мы понимали, что представляет собой демократия, и у меня не меньше оснований, чем у кого-либо другого, бранить ее. Впрочем, об этом общепризнанном безрассудстве ничего нового не скажешь. Тем не менее мы считали рискованным изменять форму правления, когда враги, подобные вам, стоят у ворот.

90. Вот как в действительности обстоит дело с клеветническими обвинениями против меня. Теперь я перейду к вопросу, который вам пред-

стоит обсуждать, и поскольку я лучше осведомлен в этом и могу дать полезный совет, выслушайте меня. (2) Мы отправились в сицилийский поход, надеясь сначала завоевать сицилийские города, затем подчинить себе италийских эллинов и, наконец, попытаться покорить карфагенские владения [1] и самих карфагенян. (3) Если бы все это (или хотя бы в основном) нам удалось, мы собирались напасть на Пелопоннес со всей военной силой присоединившихся к нам эллинских городов и множеством варварских наемников-иберийцев и других ныне самых храбрых, по общему признанию, воинов в тех странах. Мы хотели также усилить наш флот, построив множество новых военных кораблей (для этого в Италии есть в изобилии корабельный лес) и с этим флотом со всех сторон блокировать Пелопоннес. Одновременно мы думали с суши напасть с нашим войском на ваши города, взять штурмом один и осадить другие.[2] Таким образом мы надеялись легко сокрушить вас и затем установить наше владычество над всем эллинским миром.[3] Мы рассчитывали, что вновь захваченные нами земли доставят достаточно денежных средств и продовольствия для того, чтобы можно было осуществить эти планы без затраты наших собственных средств.

91. Такие сведения о целях нашей теперешней экспедиции вы получили от человека, который точно о них знает. Оставшиеся в Сицилии военачальники будут, по возможности, преследовать те же цели. Теперь я покажу, что если вы теперь же не придете на помощь сицилийским городам, то они не выдержат нападения афинян. (2) Хотя сицилийцы слишком неопытны в военном деле, но, объединившись, все же смогут удержаться. Одни же сиракузяне, особенно когда все их войско уже разбито и они теперь отрезаны от моря афинским флотом, не в состоянии сопротивляться афинскому войску.[1] (3) Значит, если этот город будет взят, тогда и вся Сицилия окажется в руках афинян, а вслед за этим тотчас же последует и подчинение Италии. Поэтому опасность, о которой я только что упомянул, грозящая вам оттуда, вскоре обрушится и на вас. (4) Пусть же каждый из вас помнит, что дело идет теперь не только об одной Сицилии, но и о судьбе Пелопоннеса. Не следует терять времени. Вы должны немедленно послать на кораблях в Сицилию войско из гоплитов, которые могли бы служить и гребцами [2] и тотчас после высадки вступить в бой, и — что, по-моему, еще важнее — поставить во главе его военачальника спартиата. Он должен наладить дисциплину среди уже призванных на службу воинов и заставить силой служить уклоняющихся. Так вы скорее воодушевите ваших тамошних друзей, и колеблющиеся, преодолев страх, перейдут на вашу сторону. (5) Также и здесь, в Элладе, вы должны открыто начать военные действия. Тогда сиракузяне, видя, что вы не забыли о них, станут упорнее сопротивляться, афинянам же будет труднее посылать подкрепление в Сицилию. (6) Затем вам необходимо укрепить Декелею [3] в Аттике, чего афиняне больше всего опасаются, полагая, что это — единственное бедствие, которого они еще не изведали среди военных превратностей. Самый верный способ причинить ущерб противнику — это наметить слабый пункт, за который противник более

всего опасается, и затем, собрав о нем точные сведения, нанести удар. Ведь каждый, естественно, сам знает лучше всего, чего ему опасаться. (7) Выгоды же для вас от укрепления Декелеи и ущерб, который вы этим причините неприятелю, я изложу кратко, в общих чертах. Все запасы и средства этой страны вы сможете захватить силой, или они сами собой перейдут в ваши руки. Афиняне же сразу лишатся всех доходов и поступлений с Лаврийских серебряных рудников,[4] а также от земельных угодий и судов.[5] Особенно же уменьшится союзническая дань: когда союзники убедятся, что вы, наконец, ведете войну со всей решительностью, они станут пренебрегать обязанностью платить дань.

92. От вас, лакедемоняне, зависит, как скоро и сколь энергично будет выполняться весь этот план. А в том, что он выполним, я по крайней мере твердо уверен, и вероятно не ошибаюсь. (2) И я надеюсь, что никто здесь не станет думать обо мне хуже оттого, что я, считавшийся в родном городе патриотом, теперь, заодно со злейшими врагами, яростно нападаю на него, или же объяснять мои слова озлоблением изгнанника. (3) Правда, я — изгнанник, но бежал от низости моих врагов, а не для того, чтобы своими советами оказывать вам услуги. Злейшими врагами я считаю не вас, которые открыто на войне причинили вред неприятелю, а тех, кто заставил друзей Афин перейти в стан врагов. (4) Пока я безопасно пользовался гражданскими правами, я любил отечество, но в теперешнем моем положении, после того как мне нанесли тяжелую и несправедливую обиду, я — уже не патриот. Впрочем я полагаю, что даже и теперь я не иду против отечества, так как у меня его нет, но стремлюсь вновь обрести его. Ведь истинный друг своей родины не тот, кто, несправедливо утратив ее, не идет против нее, но тот, кто, любя родину, всячески стремится вновь обрести ее. При таких обстоятельствах, лакедемоняне, я предоставляю вам без стеснения располагать мною во всех ваших опасных и трудных начинаниях, так как вам, конечно, понятно простое соображение: „если как враг я причинил вам столько бед, то я могу быть полезным другом". Ведь обстоятельства в Афинах мне известны, о ваших же обстоятельствах я мог лишь догадываться. Не забывайте, что вы принимаете теперь решение величайшей важности. Немедленно отправьте экспедицию в Сицилию и выступайте походом в Аттику. Подоспев на помощь с небольшим отрядом, вы предотвратите гибель великого города и раз и навсегда покончите с могуществом афинян. Таким образом, и впредь вы будете жить в мире и безопасности в вашей стране и стоять во главе всей Эллады, которая подчинится вам добровольно и с любовью, а не по принуждению».

93. Вот что сказал Алкивиад. Лакедемоняне же, которые и сами уже подумывали о походе на Афины, но все медлили и выжидали, теперь, после разъяснений Алкивиада (а они знали, что он точно осведомлен) утвердились в своем намерении. (2) Поэтому они приняли решение укрепить Декелею и тотчас же послать помощь сиракузянам в Сицилию. Они назначили Гилиппа, сына Клеандрида, начальником сиракузского войска и приказали ему, договорившись с сиракузянами и коринфянами,

принять, смотря по обстоятельствам, как можно скорее все необходимые меры для помощи тамошним эллинам. (3) Гилипп потребовал от коринфян немедленно послать к нему в Асину [2] два корабля и снарядить остальные корабли, которые они намерены послать в Сицилию, чтобы они были готовы к отплытию в назначенное время. Договорившись обо всем этом, послы сиракузян отправились из Лакедемона в обратный путь. (4) Между тем из Сицилии прибыла в Афины триера, которую стратеги отправили за деньгами и конницей. Выслушав просьбу стратегов, афиняне постановили послать деньги на содержание войска и конницу. Так подходила к концу эта зима и семнадцатый год этой войны, которую описал Фукидид.

94. В начале следующей весны афиняне, бывшие в Сицилии, выйдя из Катаны, отплыли вдоль побережья к Мегарам Гиблейским, землю которых, как я уже сказал,[1] при тиране Гелоне захватили сиракузяне, изгнав ее жителей. (2) Высадившись здесь, они начали опустошать поля и затем напали на какое-то сиракузское укрепление,[2] но не смогли его взять. Затем направились по суше и на кораблях вдоль побережья к реке Терию,[3] где после высадки также принялись разорять равнину и сжигать хлеб. Встретив там кучку сиракузян, они перебили несколько человек, поставили трофей и возвратились к своим кораблям. (3) После этого афиняне вернулись в Катану за съестными припасами, а оттуда со всем войском пошли на Кенторипы,[4] городок сикулов. Принудив его к сдаче, они отступили, по пути сжигая хлеб инессеян [5] и гиблеян.[6] (4) В Катане они застали 250 всадников из Афин с конской сбруей, но без коней (так как предполагалось, что коней они добудут на месте), а также 30 конных лучников и 300 талантов серебра.

95. Этой же весной лакедемоняне выступили в поход на Аргос и дошли уже до Клеон,[1] но происшедшее землетрясение заставило их вернуться. После этого аргосцы вторглись в пограничную Фирейскую область [2] и захватили у лакедемонян большую добычу, за которую они выручили не менее 25 талантов. Немного спустя в то же лето народная партия в Феспиях [3] предприняла неудачную попытку восстания против властей. После прибытия на помощь фиванцев часть восставших была схвачена, а другим пришлось бежать в Афины.

96. В то же лето сиракузяне узнали, что к афинянам прибыла конница, и те собираются напасть на них. Сиракузяне полагали, что если воспрепятствовать врагу овладеть Эпиполами (скалистой возвышенностью,[1] находившейся непосредственно над городом), то будет нелегко запереть город стеной, даже и после победы в сражении. (2) Поэтому сиракузяне решили занять подступы к Эпиполам, чтобы неприятель не мог незаметно подняться на высоту. В другом месте подъем был невозможен: остальная часть местности, кроме подступов к Эпиполам, обрывиста и спуск идет вплоть до города таким образом, что с возвышенности виден весь город. И именно, потому что это место возвышается над всей окрестностью, сиракузяне и называют его «Эпиполы».[2] (3) Гермократ

с товарищами как раз теперь вступили в должность военачальников. Все сиракузское ополчение на рассвете вышло на луг у реки Анапа,[3] где военачальники начали смотр боевых сил. Сначала они выделили 600 отборных гоплитов во главе с Диомплом, изгнанником с Андроса,[4] для охраны Эпиполь, с тем чтобы весь этот отряд в случае необходимости мог быстро явиться на помощь в любом месте.

97. Ночью, предшествовавшей смотру сиракузского войска, афиняне со всем флотом прибыли из Катаны и рано утром, незамеченные сиракузянами, высадились с сухопутным войском близ места под названием Леонт[1] (в 6 или 7 стадиях от Эпиполь), эскадра же бросила якорь в Фапсе[2] (Фапс — это выдающийся в море полуостров, связанный с островом узким перешейком), недалеко от Сиракуз как по морю, так и по суше. (2) Афинские моряки, оставшись в Фапсе, перегородили частоколом перешеек, сухопутные же воины сразу ускоренным маршем пошли на Эпиполы и достигли вершины Евриела[3] прежде, чем сиракузяне заметили их и могли подняться на холм с луга, где происходил смотр. (3) Тем не менее не только Диомил[4] во главе своих 600 гоплитов немедленно поспешил на помощь, но с тою же поспешностью вышло и остальное войско. Однако прежде чем сойтись с противником, сиракузяне должны были пройти от луга не менее 25 стадий. (4) При таких обстоятельствах сиракузяне были вынуждены броситься в бой с афинянами, не успев построиться в боевом порядке, и были разбиты при Эпиполах. Им пришлось отступить в город, Диомил же и с ним до 300 воинов пали в бою. (5) Афиняне поставили трофей и выдали сиракузянам по договору о перемирии тела их павших воинов. На следующий день они спустились к самому городу. Но так как сиракузяне не выступили против них, афиняне отступили и построили укрепление у Лабдала[5] на самом крайнем конце склона Эпиполь (по направлению к Мегарам), чтобы сделать хранилище своего снаряжения и запасов продовольствия на случай выступления против врага или постройки осадных стен.

98. Немного спустя к афинянам присоединилось 300 всадников из Эгесты и около 100, доставленных сикулами, наксосцами и некоторыми другими. У самих афинян было 250 всадников, коней для которых они частью получили у эгестян и катанцев, а частью купили. Таким образом, общее число всадников у афинян было теперь 650. (2) Затем афиняне, оставив в Лабдале гарнизон, двинулись на Сику,[1] где заняли позиции и тотчас принялись строить круговую стену. Сиракузяне были поражены тем, как быстро шла постройка стены. Наконец, они решились сделать вылазку, чтобы помешать работам. (3) Оба войска уже строились в боевом порядке друг против друга, когда сиракузские военачальники увидели, что их войско рассеяно и боевой порядок трудно восстановить. Поэтому они отвели войско назад в город, кроме отряда всадников. Эти всадники пытались помешать отдельным воинам противника носить камни и для того отходить от своих на далекое расстояние. (4) Но отряд[2] афинских гоплитов со всей конницей атаковал сиракузских всадников и обратил в бегство, причем несколько всадников было

убито. В память об этой конной стычке афиняне также поставили трофей.

99. На следующий день часть афинского войска продолжала постройку северной половины круговой стены, а другие носили камни и бревна и наваливали их вдоль предполагаемого направления стены к так называемому Трогилу,[1] где расстояние от Большой гавани[2] до внешнего моря[3] было короче всего. (2) Сиракузяне же по совету своих военачальников (главным образом Гермократа) решили больше не рисковать всем своим войском в сражении с афинянами. Они предпочли построить поперечную стену там, где неприятели собирались продолжить свою, и таким образом отрезать неприятеля, если они успеют прежде афинян возвести эту стену. Одновременно сиракузяне думали послать на врага часть войска для защиты от возможного нападения и надеялись, что успеют заранее оградить частоколом наиболее уязвимые для нападения места, на случай если афиняне приостановят работы и со всем войском пойдут на них. (3) Итак, сиракузяне вышли из города и начали возводить поперечную стену, начиная от своего города из пункта ниже круговой афинской стены: для этого они вырубили оливковые деревья священного участка Аполлона[4] и строили деревянные башни. (4) Афинские корабли, между тем, еще не пришли из Фапса в Большую гавань, и так как сиракузяне господствовали на морском побережье, то афинянам приходилось доставлять из Фапса съестные припасы по суше.

100. Афиняне не препятствовали работам сиракузян из боязни разделить и ослабить свои силы и вместе с тем желая ускорить сооружение обводной стены на своей стороне. Когда сиракузяне решили, что поперечная стена и частокол достаточно надежны, они оставили отряд для охраны сооружения и с остальным войском отступили в город. Афиняне же разрушили водопроводные трубы, по которым питьевая вода под землей была проведена в город,[1] а затем они выждали время, когда часовые сиракузян в полдень лежали в палатках (а некоторые даже ушли в город), а стража у частокола ослабила свою бдительность, и, отобрав из своего войска отряд в триста лучших воинов и некоторое число отборных легковооруженных, которым дали тяжелое вооружение, приказали им бегом атаковать поперечную стену сиракузян. Одновременно двинулось и остальное войско двумя отрядами: один во главе с одним стратегом направился к городу на случай вылазки неприятеля, а другой под командой другого стратега — к той части частокола, что у малых городских ворот.[2] (2) Триста гоплитов атаковали и штурмом взяли частокол. Охрана покинула его и бежала внутрь новой внешней стены около святилища Аполлона Теменита.[3] Вместе с охраной туда проникли было и преследователи, но были вытеснены сиракузянами, причем было убито несколько аргосцев и несколько афинян. После этого все афинское войско вернулось назад, разрушило поперечную стену, разобрало бревна частокола и перенесло их в свой лагерь. Затем афиняне поставили трофей.

101. На следующий день афиняне продолжали возводить стену, начиная от одного конца незаконченной круговой стены вдоль крутой скалы

над болотом, которая находится на южной стороне Эпипол, обращенной к Большой гавани, там, где они могли провести стену кратчайшим путем через равнину и болото до гавани. (2) Пока афиняне были заняты этой работой, сиракузяне вышли из города и также возобновили работу по проведению частокола от города через середину болота. Вместе с тем они рядом с частоколом выкапывали ров, чтобы помешать афинянам провести стену до моря. (3) Афиняне же, окончив работы на обрыве, атаковали новый частокол и ров сиракузян. Кораблям было приказано плыть из Фапса в Большую гавань Сиракуз, а сами афиняне перед рассветом спустились с Эпипол на равнину. Пройдя затем через болото по дверям и широким доскам, положенным в тех местах, где почва была глинистой и более плотной, афиняне еще перед восходом солнца овладели частоколом и рвом (кроме небольшой части, которая позднее также была захвачена). (4) В завязавшейся схватке афиняне имели перевес. Правое крыло сиракузян побежало в город, левое же крыло отступало к реке. Желая отрезать неприятелю переправу через реку, триста отборных афинян [1] бегом поспешили к мосту. (5) Опасаясь, что их отрежут, сиракузяне — здесь же была и бóльшая часть их конницы — атаковали этот отряд из 300 афинян и обратили в бегство, а затем бросились на правое крыло неприятеля, первая фила которого также дрогнула под их натиском. (6) Видя случившееся, Ламах поспешил с левого крыла на помощь с небольшим отрядом лучников и аргосцев. Однако, перейдя какой-то ров, он был с несколькими воинами отрезан неприятелем и погиб [2] сам вместе с пятью или шестью другими. Сиракузяне тотчас же быстро подобрали павших и перенесли за реку в безопасное место, а сами, когда подошло остальное войско афинян, отступили.

102. Между тем бежавшие вначале в город сиракузяне при виде успеха своих вновь ободрились. Выйдя из города, сиракузяне выстроились против левого крыла афинян. Затем они послали отряд к круговой стене на Эпиполах, надеясь, что при отсутствии там охраны смогут захватить ее. (2) Действительно, им удалось взять и разрушить внешнее укрепление длиной в 10 плефров. Однако самую круговую стену отстоял Никий, который оставался там по болезни.[1] Никий приказал слугам гоплитов сжечь осадные машины и лесные материалы, наваленные перед стеной: он понимал, что при недостатке у него людей нет другого способа защиты. (3) Его план удался. Сиракузяне, удерживаемые огнем, не пошли дальше и снова отступили. Ведь на оборону круговой стены подходил с равнины отряд афинян, отбивший находившихся там неприятелей, а афинская эскадра из Фапса одновременно, согласно приказу, вошла в Большую гавань.[2] (4) Когда сиракузяне увидели это, то не только быстро ушли с высоты, но и отступили со всем войском в город. Они полагали теперь, что не в состоянии уже с имеющимися у них силами помешать афинянам построить стену до моря.

103. После этого афиняне поставили трофей и передали сиракузянам по условиям перемирия тела павших воинов, и в свою очередь получили от них тела Ламаха и его спутников. Теперь, когда все морские и сухо-

путные силы афинян были уже в сборе, они решили окружить и отрезать Сиракузы двойной стеной, начиная от южного крутого склона Эпипол и до моря. (2) Съестные припасы для войска доставлялись из разных мест Италии. Многие из племен сикулов, которые до сих пор выжидали, теперь присоединились как союзники к их войску.[1] Из Тирсении также прибыли на помощь три пентеконтеры. Все остальное также благоприятствовало их надеждам. (3) Действительно, сиракузяне уже отчаялись спасти город силой оружия, так как даже из Пелопоннеса не приходило никакой помощи. Среди них уже раздавались голоса, высказывавшиеся за мир, и они завязали переговоры с Никием, который после смерти Ламаха являлся теперь единственным главнокомандующим. (4) Однако до соглашения дело не дошло, хотя Никию было сделано много предложений, и еще больше их обсуждалось в городе, как это и естественно для людей в затруднительном положении, которые начинают сильнее чувствовать тяготы осады и безнадежность собственного положения. Несчастья порождали среди сиракузян взаимную подозрительность. Так, они отстранили от должности военачальников, при которых на город обрушились эти бедствия, приписывая их либо неудачливости, либо измене этих военачальников. На их место они выбрали Гераклида, Евкла и Теллия.[2]

104. Между тем лакедемонянин Гилипп и коринфские корабли [1] были уже у Левкады, спеша на помощь в Сицилию. Когда до них стали доходить тревожные вести (все оказавшееся ложными) будто Сиракузы уже полностью окружены осадной стеной афинян, Гилипп потерял всякую надежду удержать Сицилию, но думал, что может еще спасти Италию. Сам Гилипп и коринфянин Пифен на двух лаконских и двух коринфских кораблях со всей возможной быстротой переправились через Ионийский залив в Тарант. Остальные коринфяне должны были прибыть позднее, снарядив, кроме своих 10 кораблей, еще 2 левкадских и 3 ампракийских. (2) Из Таранта Гилипп отправил сначала послов в Фурию, гражданином которой прежде был его отец.[2] Но так как привлечь фурийцев на свою сторону ему не удалось, то он снова вышел в море и продолжал плавание вдоль берегов Италии. В Тарантском заливе он был застигнут сильным ветром (постоянно дующим в этих местах с севера) и отнесен в открытое море.[3] Испытав снова сильнейший шторм, он возвратился в Тарант, где приказал вытащить на берег для ремонта все пострадавшие от непогоды корабли. (3) Между тем Никий, узнав о приближении Гилиппа, отнесся к его походу с пренебрежением (как и фурийцы) из-за малого числа кораблей. Считая, что эти корабли снаряжены скорее для пиратских рейдов, Никий не принял против них своевременно никаких мер предосторожности.

105. В то же лето около этого времени лакедемоняне с союзниками совершили вторжение в Аргосскую область [1] и опустошили большую часть ее. Афиняне прислали на помощь аргосцам эскадру из 30 кораблей, нарушив этим совершенно открыто мирный договор с лакедемонянами. (2) До сих пор афиняне участвовали только в грабительских набегах из

Пилоса. Они не высаживались на лаконском побережье, а лишь в других частях Пелопоннеса [2] и сражались как союзники аргосцев и мантинейцев. Несмотря на неоднократные просьбы аргосцев высадиться в самой Лаконике и опустошить вместе с ними хотя бы незначительную часть страны, афиняне всегда отказывались. Теперь же под начальством Пифодора,[3] Лесподия [4] и Демарата [5] они высадились у Эпидавра Лимерского [6] и Прасий [7] и в других местностях и опустошили страну. Этим афиняне дали лакедемонянам удобный предлог для утверждения, что они ведут оборонительную войну против афинян. (3) После ухода афинских кораблей и отступления лакедемонян из Аргоса аргосцы вторглись в Флиунтскую область,[8] опустошили часть страны, перебили несколько жителей и вернулись домой.

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. После починки своих кораблей Гилипп и Пифен, плывя вдоль Побережья Тарента, прибыли в Эпизефирийские Локры.[1] Здесь они получили более достоверные сведения о том, что осаждающие еще не успели полностью отрезать стеной Сиракузы и что есть еще возможность проникнуть в город с войском со стороны Эпипол. Тогда они стали держать совет: следует ли пытаться, оставляя Сицилию справа, идти к сиракузской гавани, или лучше, держась правее острова, взять курс на Гимеру[2] и там, присоединив к себе подкрепление из жителей Гимеры и всех других, кого удастся привлечь, идти сухим путем. (2) Было решено плыть на Гимеру, тем более что в Регий еще не прибыли те четыре аттических корабля, которые Никий все-таки отправил, получив сообщение о прибытии врагов в Локры. Таким образом, кораблям Гилиппа, упреждая эту охрану, удалось благополучно переправиться через пролив и, зайдя по пути в Регий и Мессену, прибыть в Гимеру. (3) Там Гилипп и Пифен вытащили на берег корабли, склонили жителей к участию в войне и убедили их не только выставить войско, но еще и вооружить ту часть экипажа кораблей, которая не имела оружия. Затем гражданам Селинунта они послали требование присоединиться к ним в назначенном месте со всем войском. (4) Прислать на помощь хотя и небольшое войско обещали им и жители Гелы, а также некоторые сикулы: они теперь, после недавней кончины Архонида,[3] довольно могущественного царя некоторых сикулов той области, дружественной афинянам, оказались гораздо более склонными присоединиться к сиракузянам, к тому же побуждало их и само спешное прибытие Гилиппа из Лакедемона. (5) Итак, Гилипп, взяв с собой кроме своих вооруженных теперь гребцов и морских пехотинцев числом до 700 еще 1000 гоплитов и легковооруженных воинов, и 100 всадников из Гимеры, и, кроме того, некоторое число легковооруженных из Селинунта, и небольшой отряд из Гелы, и около 1000 воинов из сикулов,[4] выступил в Спракузы.

2. Коринфяне с Левкады [1] также, как можно быстрее, поспешили на помощь на остальных своих кораблях, а Гонгил,[2] один из коринфских военачальников, отправившись на одном корабле после всех, первым прибыл в Сиракузы, незадолго до Гилиппа. (2) Гонгил застал сиракузян как раз в тот момент, когда те уже собирались решать в народном собрании вопрос о прекращении войны. Он удержал граждан от этого шага, вселив в них бодрость сообщением, что на помощь идут еще другие корабли и что скоро прибудет Гилипп, сын Клеандрида, которого лакедемоняне послали им в качестве военачальника. (3) Сиракузяне воспрянули духом и тотчас вышли из города со всем войском навстречу Гилиппу, так как узнали, что он уже поблизости. А Гилипп тем временем захватил по дороге Иеты [3] укрепление сикулов, и затем, в боевом порядке, подошел к Эпиполам. (4) Поднявшись на высоту у Евриела (там, где раньше прошли афиняне [4]), Гилипп двинулся вместе с сиракузянами на укрепление афинян.[5] Он явился как раз в то время, когда афиняне уже закончили постройку стены до Большой гавани длиной в 7 или 8 стадий, и недостроенным остался лишь какой-то небольшой участок со стороны моря, где еще шли работы. (5) А для большей части остальной осадной стены на другой стороне, обращенной к гавани Гроголу, до другого берега моря были уже уложены рядами камни, часть которых была обработана наполовину, а часть совершенно готова. Вот какая опасность нависла над Сиракузами.

3. Внезапное нападение Гилиппа и сиракузян сначала привело афинян в смятение, но затем они все же построились в боевой порядок около своих стен. Гилипп же, остановившись близ афинских укреплений, выслав глашатая, изъявил свою готовность заключить перемирие, если афиняне за 5 дней со всем имуществом покинут Сицилию. (2) Афиняне, однако, пренебрежительно отклонили предложение, отослав глашатая вовсе без ответа. После этого обе стороны стали готовиться к сражению. (3) Гилипп, видя, что сиракузяне пребывают в замешательстве и потому нелегко будет установить у них боевой порядок, повел войско назад на более открытую местность. Никий, однако, не стал преследовать неприятеля, а оставался на месте у своей стены. Заметив, что афиняне не желают нападать, Гилипп отвел войско на так называемый Теменитский холм; [1] там оно и провело ночь под открытым небом. (4) На следующий день он все же поставил большую часть своего войска против афинских стен, чтобы афиняне не могли прийти на помощь своим воинам где-либо в другом месте. Небольшой отряд он выслал против укрепленного пункта в Лабдале [2] и, взяв его, велел перебить всех захваченных в плен. Афиняне же со своей позиции не могли видеть этой местности.[3] (5) В тот же день сиракузянам удалось захватить афинскую триеру на якорной стоянке в Большой гавани.

4. Затем сиракузяне со своими союзниками принялись строить новую однорядную стену через Эпиполы (рядом с прежней поперечной стеной), начав ее к северу от города,[1] чтобы афиняне не смогли соорудить свою стену, в том случае, если им не удастся помешать работам сиракузян.

(2) Афиняне, завершив постройку осадной стены внизу у моря, дошли уже до возвышенности. Однако один из участков афинской стены был слаб; здесь-то Гилипп и произвел со своим войском попытку ночного нападения. Но афиняне (которые проводили эту ночь под открытым небом, расположившись вне укреплений), заметив приближение врага, выступили навстречу. (3) Гилипп, лишь только увидел этот маневр афинян, быстро отвел своих людей назад. Затем афиняне, надстроив в этом месте стену, взяли на себя ее охрану, а остальных воинов — союзников — разместили теперь по другим участкам, распределив участки между отдельными отрядами. (4) Никий, между тем, решил укрепить так называемый Племмирий. Этот мыс, расположенный против города, выдается перед Большой гаванью и суживает вход в нее. Укрепление этого мыса, как думал Никий, облегчит подвоз продовольствия: (5) тогда якорная стоянка афинского флота будет ближе к сиракузской гавани, между тем как теперь, при появлении неприятеля, для нападения на врага флоту приходится выходить в море из самого дальнего угла гавани. Вообще Никий теперь стал уделять больше внимания морским действиям, так как видел, что действия на суше после прибытия Гилиппа оставляли уже меньше надежд. (6) И вот, переправив часть войска и корабли в Племмирий,[2] он велел возвести три укрепления. В них была сложена большая часть военного снаряжения и запасов, и там же стали на якоре большие грузовые суда и быстроходные военные триеры. Но это было и одной из причин впервые начавшихся тогда бедствий судовой команды. Воду приходилось доставлять издалека, а всякий раз, когда матросы выходили за водой или за хворостом, им угрожала гибель от сиракузской конницы, которая господствовала в окрестностях. (7) Ибо сиракузяне расположили третью часть конницы возле Городка у святилища Зевса Олимпийского для защиты от грабительских набегов гарнизона Племмирия. (8) Между тем Никий, получив известие о приближении остальных кораблей коринфян,[3] отправил 20 кораблей с приказанием охранять от них места возможной высадки у Локров, Регия и сицилийского побережья.

5. Тем временем Гилипп строил стену через Эпиполы (пользуясь при этом камнем, который афиняне заготовили для себя вдоль линии осадной стены). Вместе с тем он постоянно выводил сиракузян и союзников и строил их в боевом порядке перед своей стеной. Афиняне же, со своей стороны, выстраивались напротив. (2) А когда Гилипп решил, что пора действовать, он первым напал на врага, и противники, бросившись в рукопашной схватке, сражались между осадными стенами, где конница сиракузян оказалась бесполезной. Сиракузяне и их союзники потерпели поражение; тела убитых по договору о перемирии были им выданы, а афиняне воздвигли трофей. (3) Тогда Гилипп собрал свое войско и объявил воинам, что виноваты в поражении не они, а он сам, потому что своим построением он лишил возможности конницу и метателей дротиков прийти на помощь, поставив воинов в узком промежутке между стенами. Поэтому теперь он снова поведет и их на врага. (4) При этом он просил воинов твердо помнить, что своей боевой силой и вооружением

они не уступят врагу и что для них, обладающих воинской доблестью пелопоннесцев и дорян, невыносимо, если они будут не в состоянии одолеть и изгнать из своей земли ионян, островитян и прочий сброд.

6. После этого, выбрав удобный момент,[1] Гилипп снова повел своих воинов на врага. Никий и афиняне понимали, что даже если противник не решится напасть, им все-таки необходимо помешать сооружению стены рядом с их стеной. Ведь стена сиракузян уже почти что достигла оконечностей афинской стены, и если бы ее удалось провести еще дальше, тогда для афинян было бы уже безразлично, одерживать ли каждый раз победу в битве или же вовсе не сражаться.[2] Именно поэтому афиняне выступили навстречу врагу. (2) И Гилипп, который на этот раз продвинул своих гоплитов дальше за стены, начал сражение. Конницу же и метателей дротиков он построил в открытом месте на фланге афинян, где оканчивались работы по сооружению обеих стен. (3) Во время наступления конница бросилась на левое крыло афинян, стоявшее напротив, и обратила его в бегство. Вследствие этого и остальное войско было разбито сиракузянами и отброшено к укреплениям. (4) И в следующую же ночь сиракузяне успели провести свою стену и далее осадной стены афинян, так что не только могли теперь беспрепятственно продолжать свои работы, но и совершенно лишили афинян надежды (даже в случае их победы) когда-нибудь окружить город стеной.

7. Вскоре после этого и остальные 12 кораблей[1] коринфян, амбракиотов и левкадян, под начальством Эрасинида коринфянина, ускользнув от афинских дозорных кораблей, вошли в Большую гавань Сиракуз; команды этих кораблей помогли сиракузянам достроить оставшуюся часть поперечной стены. (2) Гилипп же отправился в другие области Сицилии, чтобы набрать людей для флота и сухопутного войска и вместе с тем привлечь на свою сторону те города, которые до сих пор либо не принимали деятельного участия в военных действиях, либо вовсе держались в стороне. (3) В Лакедемон и Коринф от сиракузян и коринфян было отправлено также посольство с просьбой переслать им еще подкреплений каким бы то ни было способом (на грузовых или торговых кораблях или как-либо иначе), так как афиняне ждут новых подкреплений. (4) И сиракузяне также набирали команду для своих кораблей и упражнялись в маневрировании, чтобы напасть на афинян и с моря, а также и во всем остальном весьма окрепли.

8. Узнав об этом и видя, что силы врагов со дня на день возрастают, а положение афинян становится все затруднительнее, Никий также отправил в Афины вестников: если и раньше ему нередко приходилось посылать донесения, то тем более теперь было необходимо сделать это, так как он понимал крайнюю опасность положения афинян и считал, что если войско немедленно не отзовут из Сицилии или не пришлют значительного подкрепления, то спасения нет. (2) Опасаясь, что посланцы то ли по неумению говорить, то ли еще и по забывчивости или, наконец, в угоду толпе, могут неверно изобразить положение, Никий отправил письменное донесение: он рассчитывал, что в этом случае афиняне, узнав

его подлинное мнение, не искаженное при передаче, смогут лучше всего обсудить истинное положение дел. (3) Итак, вестники отправились, везя с собой послание Никия и поручения, которые следовало передать на словах. Никий же, исполняя свои обязанности полководца, предпочитал беречь свое войско, держась в обороне, нежели рисковать без необходимости.

9. В конце этого лета афинский стратег Евтион [1] вместе с большим войском фракийцев во главе с Пердиккой [2] выступил в поход на Амфиполь.[3] Хотя взять город ему и не удалось, но он перевел триеры в Стримон и начал осаду со стороны реки, причем своим опорным пунктом сделал Гимерей.[4] Так закончилось лето.

10. В начале зимы в Афины прибыли посланцы Никия, которые передали устные поручения полководца, ответили на задаваемые вопросы и вручили письменное послание. Государственный секретарь [1] выступил в народном собрании и прочел афинянам послание, гласившее приблизительно так.

11. «Прежние события, афиняне, известны вам из многих других моих донесений.[1] Сейчас же вам для ваших дальнейших решений особенно важно знать, в каком опасном положении мы оказались. (2) После того как мы удержали победы в большинстве сражений с сиракузянами, против которых вы нас послали, и построили осадные укрепления, где теперь и находимся, сюда прибыл лакедемонянин Гилипп с войском из Пелопоннеса и из некоторых сицилийских городов. (3) В первом сражении с ним мы победили, но во втором нам пришлось под давлением сильной конницы и метателей дротиков отступить к нашим укреплениям. (4) И вот теперь, вынужденные численным превосходством врага прекратить сооружение стены,[2] мы бездействуем (ведь мы и не можем ввести в дело все войско, так как часть наших гоплитов занята охраной стен). (5) Между тем неприятель построил против нас простую стену,[3] так что мы уже более не в состоянии полностью окружить город: если кто-нибудь не подойдет с сильным войском, чтобы захватить поперечную стену.[4] (6) Вышло так, что осаждая других, мы сами, по крайней мере на суше, попали в осаду, потому что неприятельская конница не дает нам даже выходить далеко из лагеря.

12. Кроме того, враги отправили в Пелопоннес послов за подкреплением, а Гилипп поехал в сицилийские города, чтобы одних (которые поныне остаются еще нейтральными) склонить к войне, а от других по возможности получить еще больше войска и кораблей. (2) Ведь, как мне удалось узнать,[1] враги собираются напасть на наши осадные укрепления не только на суше, но одновременно и с моря на кораблях. (3) И пусть вас не удивляют вражеские замыслы о нападении с моря. Действительно, наш Флот (как это знают и наши враги) вначале был в превосходном состоянии: наши корабли были сухими, а команда в полном составе. Теперь же корабли пропитались водой, столько времени уже находясь на плаву, и команда поредела. (4) Ведь мы не можем вытащить наши корабли на берег для просушки, потому что при равном,

а, пожалуй, и большем числе кораблей у неприятеля, нам постоянно приходится ожидать нападения. Неприятельские корабли открыто производят маневры, и в их воле и напасть на нас, и больше, чем у нас, возможности ставить корабли на просушку, потому что им не нужно стоять на якоре для наблюдения.

13. Даже при большем числе кораблей, и помимо необходимости нести на всех кораблях дозорную службу, мы не могли бы противостоять. Ведь освободи мы от дозорной службы хоть небольшую часть наших кораблей, у нас сразу же не хватит припасов, так как и теперь мы лишь с большим трудом провозим продовольствие мимо Сиракуз. (2) Численность же судовой команды сократилась и поныне еще продолжает сокращаться, вот почему: матросам приходится далеко уходить из лагеря за водой, за хворостом или с целью грабежа, и они нередко гибнут от неприятельской конницы. С тех пор как мы потеряли превосходство над врагом, наши слуги бегут к неприятелю; часть наемников, насильно завербованная во флот, сразу же стала разбегаться по разным городам Сицилии; (3) другая же, соблазнившись сначала высоким жалованием и больше стремясь обогатиться, нежели воевать,[1] увидев, что неприятельский флот и остальные боевые силы, вопреки ожиданию, готовы сопротивляться нашим, начала либо переходить к неприятелю, либо бежать кто куда может (а Сицилия велика). Нашлись даже и такие, которые, купив рабов[2] из Гиккары, поставили их на свое место с согласия триерархов, и это послужило причиной падения боеспособности флота.

14. Упомяну о том, что и вам самим известно, что в отличном состоянии судовая команда находится недолго и что немногие моряки дают ход кораблю и соблюдают правильность гребли. Но все же наибольшее затруднение для меня состоит в том, что я, хоть и стратег, не в состоянии изменить такое положение дел (ведь вы не таковы, чтобы с вами легко было управиться) и что мы не знаем, откуда взять пополнение корабельных экипажей, тогда как неприятель располагает для этого неограниченными возможностями. Нам же приходится для текущих нужд и для возмещения дальнейших людских потерь черпать из наличного состава, с которым мы прибыли сюда. (2) Ведь города, которые теперь еще держат нашу сторону — Наксос и Катана — не в состоянии помочь нам. Кроме того, еще одно обстоятельство может усилить неприятеля: если снабжавшие нас доныне продовольствием местности Италии перейдут на сторону врагов (когда станет очевидно, что мы в беде и оставлены афинянами на произвол судьбы), то мы вынуждены будем сдаться осаждающим, и они окончат войну без боя. (3) Я мог бы, пожалуй, сообщить вам в послании известия приятнее этих, однако менее полезные, потому что для принятия решений вам необходимы точные сведения о нашем положении. Зная к тому же ваш характер — вы желаете слушать только самое приятное, а потом, когда дело сложится иначе, возлагаете вину на других — я счел более безопасным не скрывать истины.

15. Что касается первоначальной нашей задачи, то будьте уверены, что как простые воины, так и военачальники честно выполнили свой долг и не заслуживают порицания. Но раз вся Сицилия теперь объединяется в союз против нас и противник ожидает новых подкреплений из Пелопоннеса, а мы здесь с нашими силами не в состоянии успешно сопротивляться и наличным силам врага, то вам следует либо отозвать домой наше войско, либо выслать на помощь новые не менее значительные как сухопутные, так и морские силы и немало денег. Наконец, я прошу прислать кого-нибудь мне преемником, так как из-за болезни почек не могу более оставаться здесь. (2) Надеюсь на ваше снисхождение: ведь пока я был здоров, я как военачальник оказывал вам много услуг. А принятые вами решения выполняйте неотложно, тотчас же с началом весны, потому что неприятель скоро получит помощь в Сицилии. А если помощь из Пелопоннеса придет даже и не столь скоро, то все-таки, если вы не будете предусмотрительны, то недооцените силу врага, как и ранее, и он вас опередит».[1]

16. Таково было положение дел в Сицилии согласно донесению Никия. Афиняне, выслушав послание, все же не освободили Никия от должности,[1] но до прибытия других лиц, выбранных ему в товарищи по должности, временно назначали двух помощников из числа участников экспедиции — Менандра и Евтидема,[2] — не желая заставлять больного человека одного нести бремя командования. Кроме того, решили послать подкрепления флоту и сухопутному войску из числа граждан, внесенных в призывной список гоплитов, и союзников. (2) Товарищами Никию были избраны Демосфен,[3] сын Алкисфена, и Евримедонт,[4] сын Фукла. Евримедонт отправился в Сицилию тотчас же в период зимнего солнцеворота на 10 кораблях с 20 талантами серебра, приказав сообщить находящемуся там войску, что придут подкрепления и что афиняне позаботятся о нем.

17. Демосфен же, оставаясь пока в Афинах, снаряжался к отплытию весной: он посылал к союзникам требования выставить вспомогательные войска и собирал в Афинах деньги, снаряжение, корабли и гоплитов. Афиняне выслали также эскадру из 20 дозорных кораблей в пелопоннесские воды, чтобы воспрепятствовать переправе в Сицилию из Коринфа и Пелопоннеса. (2) Действительно по прибытии в Коринф послов из Сицилии с известием об улучшении дел, коринфяне, увидев, что уже первая отправка туда кораблей была своевременной, теперь еще более ободрились. (3) И не только сами коринфяне готовились отправить в Сицилию гоплитов на транспортных судах, но и лакедемоняне должны были таким же образом послать гоплитов из других областей Пелопоннеса. (4) Кроме того, коринфяне снарядили эскадру из 25 кораблей с целью напасть на афинскую дозорную эскадру у Навпакта, чтобы афиняне, отвлеченные стоящими там против них в боевом порядке триерами, не смогли помешать выходу в море транспортных судов коринфян.

18. Лакедемоняне также готовились к вторжению в Аттику, как было решено заранее.[1] Да и сиракузяне и коринфяне, узнав об афин-

ских подкреплениях, посланных в Сицилию, также склоняли их к вторжению, с целью помешать экспедиции афинян. К тому же и Алкивиад настоятельно советовал укрепить Декелею[2] и развернуть военные действия. (2) Но самым главным было то, что теперь лакедемоняне приобрели уверенность в своих силах: они полагали, что отныне легче одолеют афинян, которым придется воевать на два фронта — против них и против сицилийцев; воодушевляло их и то, что на этот раз афиняне первыми нарушили мир. В прошлой войне, напротив, вина за нарушение договора скорее лежала на самих лакедемонянах, потому что фиванцы напали на Платею во время мира (хотя прежний договор[3] запрещал начинать войну, если противная сторона согласна обратиться в третейский суд), а сами они не приняли предложения афинян решить спор третейским судом.[4] Потому-то лакедемоняне считали вполне заслуженными свои тогдашние неудачи — поражение при Пилосе и прочие несчастья. (3) С тех пор, однако, как афиняне с 30 кораблями, действуя из опорного пункта в Аргосе, высадились у Эпидавра, у Прасий и в других местах и произвели там опустошения, а также совершили набеги из Пилоса,[5] и после того как они отклонили предложение лакедемонян передать спор в третейский суд, тогда-то лакедемоняне, решив, что вина за нарушение договора, прежде лежавшая на них, теперь легла на афинян, начали поэтому решительно склоняться к войне. (4) Этой зимой они потребовали от союзников доставки железа и заготовляли орудия для постройки укрепления в Декелее. Вместе с тем они сами набирали войско для отправки на помощь в Сицилию и заставляли также остальных пелопоннесцев производить набор воинов с этой же целью. Так окончилась зима и вместе с тем восемнадцатый год этой войны, описанной Фукидидом.

19. В самом начале следующей весны лакедемоняне со своими союзниками совершили вторжение в Аттику во главе с царем лакедемонян Агисом, сыном Архидама.[1] Сначала они опустошили равнину и окрестности, а затем стали укреплять Декелею,[2] причем работы по строительству укрепления разделили между союзными городами. (2) Декелея отстоит от Афин приблизительно на 120 стадий; на почти одинаковом расстоянии (несколько дальше) она находится и от беотийской границы. Заложили они это укрепление (оно было видно даже из Афин), чтобы оттуда опустошать равнину и наиболее плодородные части страны. (3) Пока пелопоннесцы с союзниками строили укрепления, из Пелопоннеса тем временем на транспортных судах были отправлены в Сицилию гоплиты. Для этого похода лакедемоняне взяли самых лучших илотов и неодамодов,[3] всего до 600 гоплитов, во главе со спартанцем Эккритом; беотийцы отправили 300 гоплитов под начальством фиванцев Ксенона и Николая и феспийца Гегесандра.[4] (4) Этот отряд выступил первым и вышел в море из Тенара в Лаконии. Вскоре затем и коринфяне отправили 500 гоплитов (из самого Коринфа и из числа наемников, завербованных в Аркадии) во главе с коринфянином Алексархом. Вместе с коринфянами и сикионцы[5] послали 200 гоплитов под начальством сики-

онца Саргея. (5) Между тем 25 коринфских кораблей, снаряженных еще зимой, стояли на якоре у Навпакта против 20 аттических, пока их гоплиты на грузовых судах не отплыли из Пелопоннеса. Эти корабли с самого начала были снаряжены и стояли у Навпакта, чтобы направить главное внимание афинян на триеры и отвлечь их от транспортных судов.

20. Одновременно с тем как лакедемоняне вели работы по укреплению Декелеи, афиняне послали 30 кораблей под командой Харикла,[1] сына Аполлодора, в пелопоннесские воды с приказанием зайти в Аргос и по союзному договору взять на борт аргосских гоплитов. (2) Кроме того, афиняне отправили (как уже ранее было решено) в Сицилию Демосфена с 60 афинскими и 5 хиосскими кораблями[2] и с 1200 гоплитами из числа граждан, внесенных в призывные списки, а также из островитян и остальных подвластных им союзников, собрав всех людей, пригодных для военной службы. (3) Демосфен получил приказ сначала соединиться с Хариклом и помогать ему в походе к берегам Лаконики. Отплыв на Эгину, Демосфен ожидал там присоединения задержавшихся кораблей и известия о том, что Харикл принял на борт аргосских гоплитов.

21. А в Сицилии в эту же весеннюю пору Гилиппу возвратился в Сиракузы, собрав какое смог подкрепление[1] в городах, которые изъявили согласие поддержать сиракузян. (2) Затем он созвал народное собрание сиракузян и объявил, что необходимо выставить как можно больше кораблей, чтобы испытать счастье в морском сражении. (3) Он надеется, говорил Гилиппу, на решительный успех, который оправдает риск и решит исход войны. Вместе с ним и Гермократ горячо убеждал сограждан, что они могут без боязни напасть на афинян на море: ведь опыт афинян в морском деле отнюдь не является чем-то врожденным, так как они еще более сухопутный народ, чем сиракузяне и только мидяне заставили их стать моряками. Поэтому, говорил он, если вы отважитесь выступить против столь дерзких людей, как афиняне, так же дерзко, то станете самыми опасными их противниками. Ведь если афиняне, дерзко нападая, иной раз даже и с более слабыми силами, устрашают врагов, то и вы подобным же образом могли бы устрашить неприятеля. (4) Он не сомневается, продолжал Гермократ, что сиракузяне внезапным нападением на афинский флот получат большее преимущество, чем афиняне смогут нанести им вреда, даже искусно воспользовавшись их неопытностью в военном деле. Поэтому, требовал он, сиракузяне немедленно должны совершить нападение на афинский флот. (5) Итак, под влиянием убедительных речей Гилиппа, Гермократа и некоторых других сиракузяне стали ревностно готовиться к морскому сражению и набирать экипажи кораблей.

22. Гилипп, снарядив корабли, к ночи сам выступил со всеми сухопутными силами, чтобы с суши атаковать укрепления в Племмирии. В это время сиракузские триеры по данному сигналу вышли в море — 35 кораблей — из Большой гавани, (2) а другие 45 — из Малой[1] (где

у сиракузян была верфь), и поплыли, огибая остров. Они должны были соединиться с кораблями из Большой гавани и вместе идти на Племмирий, чтобы одновременное нападение — с суши и с моря — привело афинян в замешательство. Афиняне же со своей стороны поспешно посадили команду на свои шестьдесят кораблей: 25 из них вступили в бой с 35 кораблями сиракузян в Большой гавани, а остальные пошли на неприятельские корабли из верфи, огибавшие остров. Началась морская битва перед входом в Большую гавань, причем упорная борьба велась долго: одни стремились прорваться, другие препятствовали этому.

23. Пока афиняне в Племмирии, выйдя на берег, наблюдали за ходом морской битвы, Гилипп внезапно на заре напал на их укрепления. Сначала ему удалось захватить самое большое укрепление, а затем и два меньших (причем их защитники, увидев, как легко было захвачено большое укрепление, не стали даже ожидать нападения и бежали). (2) Защитники захваченного первым укрепления, которым удалось бежать на корабли и на одно из грузовых судов, с трудом спаслись в афинский лагерь: их преследовала быстроходная сиракузская трирема (после того, как в Большой гавани сиракузские корабли стали одолевать афинян). (3) Однако во время взятия двух афинских укреплений сиракузская эскадра уже стала терпеть поражение, и бежавшим оттуда защитникам легче удалось уйти, плывя вдоль берега. Корабли сиракузян, сражавшиеся перед входом в Гавань, прорывались сквозь строй афинских кораблей и проникали в Гавань, уже утратив боевой порядок в полном смятении, так что уступили победу афинянам, (4) которые обратили в бегство не только эти корабли, но и те, которые сначала одолели их в Гавани. 11 сиракузских кораблей афиняне потопили и многих из их экипажа перебили; только команда с трех кораблей была захвачена в плен. Сами афиняне потеряли 3 корабля. Собрав обломки сиракузских кораблей, афиняне воздвигли на островке перед Племмирием трофей и возвратились в свой лагерь.

24. Хотя исход морской битвы был неудачен для сиракузян, но зато они удержали в своих руках укрепления в Племмирии и воздвигли там три трофея. Одно из взятых под конец укреплений они разрушили, а два других восстановили и оставили там охрану. (2) При взятии этих укреплений множество людей погибло или было захвачено в плен, и огромные запасы целиком попали в руки неприятеля (здесь у афинян были устроены склады, где хранилось большое количество купеческих товаров и зерна, а также много снаряжения, принадлежавшего триерархам). Неприятели захватили, вместе с прочим снаряжением, паруса для 40 триер, а также 3 триеры, вытащенные на берег. (3) Таким образом, взятие Племмирия было одной из первых тяжких неудач, постигших афинское войско. Ведь теперь даже вход в гавань кораблей для подвоза продовольствия стал небезопасен, так как стоявшая там на якоре сиракузская эскадра препятствовала проходу, и доставить припасы можно было только после схватки с ней. И вообще это несчастье привело в уныние афинское войско и поколебало его мужество.

25. После этого сиракузяне отправили 12 кораблей во главе с Агафархом.[1] На одном из них находились послы, направлявшиеся в Пелопоннес с поручением объяснить лакедемонянам, что теперь виды на будущее стали лучше, и побудить лакедемонян более энергично вести войну в Элладе. (2) Остальные 11 кораблей отплыли в Италию, так как пришло известие, что оттуда идут корабли с боевыми припасами и продовольствием для афинян. Встретив эти корабли, сиракузяне большинство их уничтожили и в Кавлониатиде[2] сожгли корабельный лес, приготовленный для афинян. (3) После этого сиракузяне прибыли в Локры и в то время как они стояли на якоре, туда пришло грузовое судно из Пелопоннеса[3] с феспийскими гоплитами. (4) Сиракузяне взяли их на борт и поплыли домой. Афиняне же, которые несли дозорную службу у Мегар с 20 кораблями, захватили один корабль с экипажем; остальным кораблям удалось спастись в Сиракузы. (5) В самой гавани[4] произошла перестрелка из-за частокола, который сиракузяне вбили в морское дно перед старыми доками, чтобы их корабли могли стоять за ними на якоре в безопасности от нападений афинян. (6) Афиняне подвели к частоколу огромный грузовой корабль (вместимостью в десять тысяч талантов) с деревянными башнями и боковыми защитными парапетами. Обвязывая канатами с лодок сваи частокола, афиняне вытаскивали их из воды воротом или спиливали под водой при помощи водолазов. Сиракузяне стреляли из старых доков, а афиняне — с грузового корабля. Наконец, афинянам удалось разрушить большую часть частокола. (7) Особенно трудно было уничтожить скрытые под водой сваи (ведь некоторые сваи были вбиты так глубоко, что не выдавались над поверхностью моря; к ним было опасно подплывать, так как, не заметив их, можно было наскочить на них как на подводный утес). Но и эти сваи отпиливали водолазы, за плату нырявшие под воду. (8) Впрочем, сиракузяне соорудили новый частокол. Множество различных способов нанести урон друг другу придумывали противники (как это и естественно, когда вражеские лагеря находятся на близком расстоянии): постоянно завязывались перестрелки и мелкие стычки. (9) Сиракузяне отправили также послов в сицилийские города (из числа бывших у них коринфян, амбракийцев и лакедемонян) с вестью о взятии Племмирия и о том, что в морской битве они потерпели неудачу только из-за собственного замешательства, но не от превосходства врагов. Вместе с тем послы должны были заверить города, что у сиракузян есть надежда на победу, и просить кораблей и сухопутного войска на помощь против афинян (так как и афиняне также ожидают новых подкреплений): в случае, если им самим удастся до прибытия к афинянам подкреплений разбить нынешнее войско афинян, то с войной будет покончено. Так протекали военные действия в Сицилии.

26. Между тем Демосфен, лишь только собрался флот, с которым он должен был отправиться на помощь в Сицилию, отплыл с Эгины и, держа курс на Пелопоннес, соединился с эскадрой из 30 кораблей под начальством Харикла.[1] Приняв затем на свои корабли аргосских гопли-

тов,[2] оба военачальника направились к берегам Лаконики. (2) Здесь они сначала опустошили окрестности Эпидавра Лимерского,[3] а потом высадились на лаконском побережье против острова Киферы, где находится святилище Аполлона, и разорили несколько пунктов в этой местности. Они заложили также крепость на выступающем в виде перешейка мысе с той целью, чтобы лакедемонские илоты, вырвавшись на свободу, могли там находить убежище и оттуда (как и из Пилоса) [4] летучими отрядами совершать разбойничьи набеги. (3) Демосфен помог захватить это место и затем поплыл вдоль побережья к Керкире, чтобы там принять на борт союзников и как можно скорее идти в Сицилию. Харикл же оставался там до окончания работ по укреплению местности, а затем, оставив в ней гарнизон, отплыл домой со своими 30 кораблями и аргосцами.

27. В это же лето прибыли в Афины еще 1300 вооруженных кинжалами фракийских пелтастов из племени диев,[1] которые должны были плыть с Демосфеном в Сицилию. (2) Но так как они явились слишком поздно, то афиняне колебались — не отослать ли их назад во Фракию, откуда они пришли. Держать их ради декелейской войны казалось афинянам слишком дорого, ибо каждый из них получал по драхме в день. (3) Декелея сначала была укреплена (именно за это лето) всем союзным пелопоннесским войском, а потом ее занимали для набегов на поля гарнизоны союзных городов, сменявшиеся время от времени. Эти набеги наносили большой вред афинянам: материальный ущерб и потери в людях глубоко подрывали мощь афинской державы. (4) Прежние вторжения были непродолжительны [2] и не препятствовали жителям в промежутке между ними собирать урожаи. Теперь же, когда неприятели прочно укрепились в Аттике, набеги производились непрерывно — то сильными отрядами, то постоянный гарнизон, когда у него возникала такая надобность, разорял страну. Наконец, лично прибывший царь лакедемонян Агис весьма энергично руководил военными действиями. Афиняне терпели большие бедствия. (5) Ведь вся страна их теперь была целиком во власти неприятеля, более 20 000 рабов (в большинстве своем ремесленников) бежало к врагам. Весь мелкий скот и вьючные животные погибли; лошади, не выдерживая непрерывных разъездов конницы по бездорожью, связанных с военными действиями под Декелеей и с разведывательной службой по всей стране, погибали от ран и болезней.

28. Доставка продовольствия с Евбеи, которая прежде шла по суше более кратким путем из Оропа через Декелею, теперь должна была идти морем мимо Суния и из-за этого стала обходиться дорого.[1] Между тем город терпел нужду во всех без исключения товарах, ввозимых извне, и превратился в военный лагерь. (2) Днем афинянам приходилось посменно нести караулы у брустверов, а ночью всем, кроме всадников, — у сторожевых постов или на стене, вынося эти тяготы летом и зимой. (3) Но самым тягостным была необходимость одновременно вести две войны. При этом, однако, они выказали такое стремление к победе, какому никто прежде, услышав об этом, не поверил бы. Ведь, несмотря на то что пелопоннесцы держали их самих как бы в осаде, укре-

пив Декелею, афиняне все же не отступились от Сицилии и продолжали там осаду Сиракуз — города, ничуть не меньшего Афин. Они превзошли все представления эллинов об их мощи и отваге: ведь в начале этой войны одни считали, что она продлится год, другие — два, третьи — три года; но никто не мог думать, что афиняне продержатся дольше в случае вторжения пелопоннесцев в их страну. Однако даже на семнадцатом году после первого вторжения спартанцев[2] афиняне, хотя и всячески истощенные этой войной, все-таки предприняли новую войну в Сицилии — не менее тягостную, чем прежняя пелопоннесская. (4) Поэтому теперь, неся огромные расходы и тяжелый ущерб, причиняемый Декелеей, афиняне впали в крайнюю нужду. В это время они вместо прежней подати[3] ввели для подвластных им союзников пошлину в размере двадцатой части стоимости всех товаров, ввозимых и вывозимых морем.[4] Таким образом афиняне надеялись увеличить свои доходы. Действительно, ведь расходы были теперь уже не те, что раньше, а значительно возросли соответственно с расширением военных действий, а доходы, напротив, уменьшились.

29. Итак, афиняне тотчас отослали домой фракийцев, не заставших уже Демосфена, не желая нести расходы при своих тогдашних стесненных обстоятельствах. Сопровождать их афиняне поручили Диитрефу,[1] приказав ему вместе с тем во время плавания (а плыли они через Еврип) нанести, если возможно, с их помощью вред неприятелю. (2) Диитреф пристал к берегу с фракийцами в области Танагры[2] и, захватив отсюда кое-какую добычу, переправился из Халкиды на Евбее через Еврип,[3] высадился затем в Беотии и повел их на Микалесс. Ночь он провел незамеченным под открытым небом у святилища Гермеса (оно находится приблизительно стадиях в 16 от Микалесса), а с наступлением дня напал на этот небольшой город и захватил его. (3) Жители, застигнутые врасплох, не ожидали, что кто-нибудь может, продвинувшись так далеко от моря в глубь страны, напасть на них. К тому же и городские стены были слабы: кое-где они даже обвалились, а частично были слишком невысоки, да и городские ворота не закрывались, так как горожане считали себя в безопасности. (4) Ворвавшись в Микалесс, фракийцы стали разорять дома и святилища, убивать людей, не давая пощады ни старым, ни молодым, резали всех подряд, кого ни встречали, без разбора — и женщин, и детей, и даже вьючных животных и вообще — все живое, что попадалось на глаза. Ведь народ фракийцев, подобно самым диким из варваров, если он уверен в своей безопасности, кровожаден до неистовства. (5) Так и теперь в городе начался страшный погром и всеобщая резня. Варвары напали, между прочим, на детскую школу, самую большую в городе, и перерезали всех детей, когда те только что пришли туда. Это было несчастье, неожиданно обрушившееся на весь город, страшнее которого не могло быть.

30. Получив известие об этом, фиванцы поспешили на помощь. Им удалось догнать фракийцев, уже успевших отойти на некоторое расстояние от города, и отнять у них добычу. Обратив в бегство фракийцев, фи-

ванцы преследовали их до Еврипа и до моря, где стояли на якоре привезшие их корабли. (2) Много фракийцев было перебито при посадке на корабли, так как варвары не умели плавать, а люди на кораблях, при виде происходящего на суше, поставили суда на якорь вне пределов досягаемости стрел. В начале же отступления фракийцы небезуспешно сопротивлялись натиску фиванской конницы, которая первой бросилась на них: они забегали с флангов и, сомкнувшись отдельными отрядами,[1] отбивались от врага по своему туземному способу. При этом у них погибло лишь небольшое количество людей. Какая-то часть варваров была перебита в самом городе во время грабежа. Всего же из 1300 фракийцев полегло 250 человек. (3) Фракийцы же перебили из числа фиванцев и их союзников всего около 20 гоплитов и всадников и одного из беотархов[2] — фиванца Скирфонда. Истреблена была и некоторая часть микалессцев. Такова была участь Микалесса, испытавшего бедствие, которое, сравнительно с величиной города, было самым тяжким и прискорбным среди бедствий, постигших Элладу в течение этой войны.

31. Между тем Демосфен, построив крепость в Лаконике,[1] плыл далее в Керкире. У Фии[2] в Элее он застал на якорной стоянке грузовое судно, на котором находились коринфские гоплиты, направлявшиеся в Сицилию,[3] и уничтожил его. Людям удалось спастись бегством и впоследствии переправиться на другом корабле. (2) Затем Демосфен прибыл в Закинф и Кефаллению,[4] где принял на борт гоплитов и вызвал из Навпакта мессенских гоплитов. После этого он переправился с ними на противоположный берег Акарнании в Ализию[5] и Анакторий[6] (которым владели афиняне). (3) Во время пребывания Демосфена в этих местах произошла встреча с возвратившимся из Сицилии Евримедонтом, который был послан туда зимой с деньгами для войска. Евримедонт сообщил Демосфену, между прочим, что уже на обратном пути узнал о взятии Племмирия сиракузянами. (4) Прибыл к ним также и Конон,[7] который был военачальником в Навпакте, с известием о том, что эскадра в 25 коринфских кораблей[8] стоит против них на якоре и готовится вступить в бой. Поэтому Конон просил обоих военачальников послать несколько кораблей на помощь, так как 18 афинским кораблям не под силу сражаться с 25 неприятельскими. (5) Демосфен и Евримедонт дали Конону для подкрепления эскадры у Навпакта 10 самых быстроходных своих кораблей, сами же занялись набором войска. Евримедонт отплыл на Керкиру и приказал жителям выставить 15 кораблей,[9] а сам набирал гоплитов (он, отказавшись от возвращения на родину, исполнял теперь, совместно с Демосфеном, должность главнокомандующего, для чего и был выбран).[10] Демосфен оставался с Акарнании для набора метателей дротиков и пращников.

32. Послы сиракузян, отправившиеся в сицилийские города после взятия Племмирия,[1] привлекли их на свою сторону и, набрав там войско, намеревались вести его в Сиракузы. Узнав об этом, Никий послал к союзным афинянам сикулам, через области которых проходил путь этого войска, а именно к кенторинам,[2] аликиеям[3] и другим, с тре-

бованием не пропускать неприятелей, но помешать проходу войска объединенными силами. Пройти другим путем, говорили послы, они даже и не будут пытаться, так как акрагантинцы не предоставляли прохода через свою область. (2) Когда сицилийцы были уже в пути, сикулы по требованию афинян устроили засаду и, внезапно напав на застигнутых врасплох, перебили около 800 человек, в том числе и всех послов, кроме одного коринфского. Этот-то посол и привел в Сиракузы 1500 человек, спасшихся бегством.

33. В те же дни на помощь сиракузянам прибыло также 500 гоплитов, 300 метателей дротиков и 300 лучников, присланных жителями Камарины. И жители Гелы доставили им 5 кораблей, 400 метателей дротиков и 200 всадников. (2) Действительно, теперь почти вся Сицилия, кроме акрагантинцев (не примкнувших ни к одной из сторон), даже города, которые раньше выжидали, объединились в помощь сиракузянам в их борьбе против афинян. (3) Сиракузяне, после постигшего их удара в области сикулов, воздержались от немедленного нападения на афинян. А Демосфен и Евримедонт, пополнив свое войско людьми с Керкиры и с материка,[1] переправились со своей эскадрой через Ионийское море к мысу Иапигии.[2] (4) Затем они отплыли оттуда и пристали к Херадским островам[3] у Иапигии, где приняли на борт около 150 иапигийских метателей дротиков[4] из племени мессапиев.[5] Они возобновили старинный союз с тамошним властителем Артой, который предоставил им этих метателей дротиков, и прибыли в Метапонтий в Италии.[6] (5) Здесь им удалось убедить жителей послать по союзному договору[7] с ними 300 метателей дротиков и 2 триеры; продолжая плавание вдоль берегов совместно, они прибыли в Фурии. (8) В Фуриях, как они обнаружили, противники афинян были вследствие недавнего переворота изгнаны из города.[8] (6) Поэтому военачальники решили дождаться там отставших кораблей и соединить весь свой флот. Тем временем они старались склонить фурийцев теперь, когда дела стали благоприятнее, принять как можно более деятельное участие в походе и заключить с афинянами оборонительный и наступательный союз. Поэтому они оставались пока в Фуриях.

34. Приблизительно в это же время пелопоннесцы с эскадрой в 25 кораблей[1] стояли на якоре у Навпакта против афинской эскадры, несшей охрану направлявшихся в Сицилию грузовых судов. Пелопоннесцы приготовились к морской битве, снарядив еще несколько кораблей, так что теперь у них было кораблей лишь немногим меньше, чем у афинян, и затем перешли на якорную стоянку у Эринея[2] в Ахайе, в области города Рип. (2) Бухта, где стояли корабли, имела форму полумесяца, и прибывший на помощь сухопутный отряд коринфян и тамошних союзников расположился на выступающих с обеих сторон в море мысах залива; корабли же образовывали замкнутую линию между ними. Начальником эскадры был коринфянин Полианф.[3] (3) Афиняне на 33 кораблях под командой Дифила вышли против них из Навпакта. (4) Коринфяне же сперва не трогались с места, а когда, по их мнению, настало

время, они по сигналу двинулись на афинян и начали битву. (5) Долго противники не уступали друг другу. Три коринфских корабля было уничтожено; у афинян, хотя ни один корабль не был совершенно затоплен, однако семь кораблей вышли из строя, получив в носовой части пробоины от ударов коринфских кораблей (именно для этой цели якорные брусья-тараны коринфских кораблей были сделаны более массивными). (6) Битва осталась нерешенной, и первоначально каждая из сторон считала себя победительницей. Корабельные обломки, однако, захватили афиняне, потому что и ветер относил их в море, и коринфяне больше не возобновляли атаки. После битвы эскадры разошлись. Ни одна из сторон не пыталась преследовать; пленных не было, так как коринфяне и пелопоннесцы, сражавшиеся у берега, легко спасались вплавь, а у афинян ни один корабль не был потоплен. (7) После отплытия афинян в Навпакт коринфяне тотчас же поставили трофей как победители, так как вывели из строя больше вражеских кораблей и не признавали себя побежденными на том же основании, что и их противники, которые не думали, что одержали победу. Как считали коринфяне, они одержали верх, потому что не были разбиты наголову, а афиняне видели свое поражение в том, что не одержали решительной победы.[4] (8) После отплытия пелопоннесцев разошлось и сухопутное войско. Тогда афиняне также поставили трофей как победители в Ахайе, приблизительно в 20 стадиях от Эринея, где коринфяне стояли на якоре. Так кончилась эта морская битва.

35. После того как фурийцы согласились участвовать в войне, выставив отряд в 700 гоплитов и триста метателей дротиков, Демосфен и Евримедонт приказали эскадре держать курс вдоль побережья Италии к Кротонской области.[1] Сами же они, сделав смотр всему сухопутному войску у реки Сибариса,[2] повели войско через Фурийскую область. (2) Когда войско дошло до реки Гилия,[3] кротонцы выслали им сообщение, что проход войска через кротонскую землю нежелателен. Поэтому афиняне продолжали свой путь по направлению к морю, к устью реки Гилия и там провели ночь. Туда же прибыла и эскадра. На другой день афиняне сели на корабли и пошли вдоль побережья, по пути заходя во все города (кроме Локров), пока не достигли Петры[4] и Регийской области.

36. Между тем сиракузяне, получив известие о приближении афинской вспомогательной эскадры, решили вторично попытать счастья своими морскими силами и сухопутным войском, собранным для этого: они желали дать бой до подхода кораблей Демосфена и Евримедонта. (2) Сиракузяне ввели на своих кораблях некоторые боевые приспособления, с помощью которых они смогли, как показал опыт, в первом сражении получить перевес над врагами. Между прочим, они укоротили носовые части кораблей и этим сделали их более крепкими.[1] Кроме того, на носах кораблей они поставили толстые брусья-тараны, от которых провели внутри и снаружи к бокам кораблей подпорки (каждая около 6 локтей в длину). Именно такое приспособление в носовой части кораб-

лей было и у коринфян в битве с афинской эскадрой в Навпакте. (3) Сиракузяне надеялись таким образом получить преимущество над афинскими кораблями, построенными иначе, с более тонкой носовой частью, рассчитанными на атаку неприятельских кораблей не спереди, а сбоку. Здесь в большой гавани битва с участием многих кораблей на узком пространстве, по мнению сиракузян, при наличии их новых приспособлений, должна была оказаться для них благоприятной. Атакуя вражеские корабли спереди, сиракузяне надеялись пробивать их полые и непрочные носы ударами своих крепких и массивных наконечников. (4) Между тем, как думали сиракузяне, у афинян в узком пространстве не будет возможности ни зайти сбоку, ни прорваться сквозь боевую линию противника[2] (а на этот излюбленный маневр в своем военном искусстве афиняне рассчитывали гораздо более, чем на все остальные приемы). Однако прорвать свою боевую линию сами сиракузяне по мере своих сил не дадут, а атаковать сбоку помешает афинянам узость пространства. (5) Поэтому теперь сиракузяне смогут воспользоваться преимущественно тем приемом, который прежде считался недостатком в искусстве кормчих, а именно ударом в неприятельский корабль спереди. Этот-то прием, по их расчетам, должен был доставить им наибольший перевес. Ведь теснимые сиракузянами афиняне смогут отступить только к берегу, и притом лишь в небольшой части его против своего лагеря (остальная же часть гавани будет в руках сиракузян). (6) Если же афиняне под натиском сиракузян будут вынуждены сосредоточить все свои силы в одном небольшом пункте, то столкновение их кораблей между собой неизбежно вызовет у них замешательство. Именно это обстоятельство особенно и вредило афинянам во всех тогдашних морских сражениях, так как они не имели возможности, как сиракузяне, отступать к берегу на всем его протяжении. Выйти же в открытое море мимо сиракузян (которые могли и нападать со стороны моря и отступать) афиняне не смогут, тем более что и Племмирий находится в руках неприятеля, да и устье гавани невелико.

37. Вот какой план составили сиракузяне в соответствии со своими познаниями и своими силами. Вместе с тем, чувствуя себя после первой битвы уже более уверенно, они решили атаковать афинян одновременно на суше и на море. (2) Гилипп вышел из города с сухопутным войском несколько раньше и повел его к афинской стене, со стороны, обращенной к городу. С другой стороны двинулись от Олимпиея[1] к стене гоплиты, всадники и легко вооруженные воины сиракузян. Вскоре за тем вышла эскадра сиракузян и союзников. (3) Афиняне сначала думали, что неприятель намерен напасть только с суши, и увидев внезапный маневр эскадры, пришли в замешательство. Одни строились в боевом порядке на стенах и перед ними против наступающего врага; другие выступили навстречу быстро двигавшемуся на Олимпиея и из других укрепленных пунктов вне города большому отряду конницы и метателей дротиков; третьи, наконец, садились на корабли и спешили к берегу на помощь своим. Сев на корабли, они вышли в море навстречу

врагу. Афинская эскадра насчитывала 75 кораблей, у сиракузян же было около 80 судов.[2]

38. Бóльшую часть дня противники провели, пробуя силы друг друга. Они то подплывали, то вновь отступали и, наконец, разошлись, не добившись сколько-нибудь значительного успеха (сиракузяне потопили лишь один или два афинских корабля). Одновременно отступило от стены также и сухопутное войско сиракузян. (2) На следующий день сиракузяне держались спокойно, не выказывая своих дальнейших намерений. Никий все же, видя что битва осталась нерешенной и ожидая новой атаки, распорядился исправить повреждения кораблей и поставить на якорь грузовые суда перед частоколом, который афиняне, не имея закрытой гавани, вбили в море перед кораблями для их защиты. (3) Эти грузовые суда Никий расставил на расстоянии около 2 плефров одно от другого,[1] чтобы афинские корабли в случае нужды могли найти надежное убежище и спокойно выйти вновь в море. Эти приготовления заняли у афинян целый день до самой ночи.

39. На следующий день сиракузяне таким же образом, как накануне, возобновили атаку сухопутными и морскими силами, но уже в более ранний час. Обе эскадры, как и прежде, стояли друг против друга и опять провели бóльшую часть дня в таком положении, пробуя силы противника. Наконец, коринфянин Аристон,[1] сын Пиррихия, лучший кормчий у сиракузян, дал совет военачальникам своей эскадры приказать рыночным властям в городе скорее перенести рынок со всеми товарами на морской берег и заставить продавцов вынести туда какие у кого есть съестные припасы. Это было сделано для того, чтобы экипажи кораблей вышли на берег и тут же могли спокойно пообедать и затем в тот же день, через несколько времени, неожиданно возобновить атаку на врага.

40. Приняв совет Аристона, военачальники послали вестника в город. Рынок был перенесен, и сиракузяне внезапно стали грести задним ходом к городу. Затем тотчас же сошли на берег и принялись за обед. (2) Тогда афиняне, в уверенности, что неприятели отступили в город, отказываясь принять сражение, также спокойно сошли на берег и занялись разными делами и приготовлением обеда, вовсе не ожидая в этот день нападения врагов. (3) Между тем сиракузяне внезапно сели на корабли и перешли в наступление.[1] Афиняне в сильном смятении беспорядочно вернулись на свои корабли (большинство не успело даже поесть) и лишь с трудом, наконец, смогли выйти навстречу врагу. (4) Некоторое время противники опять стояли друг против друга, воздерживаясь от нападения. Затем афиняне решили, что им не следует тратить силы на утомительное выжидание, а необходимо как можно скорее напасть на неприятеля.[2] Подбадривая друг друга, афиняне двинулись на врага, и битва началась. (5) Сиракузяне держались спокойно. Согласно своему плану они направляли носы своих кораблей против неприятельских и наносили вновь приделанными таранами глубокие пробоины (главным образом в носовой части афинских кораблей с выносной греблей[3]). Сиракузские метатели дротиков также причиняли много вреда афинянам

с палубы своих кораблей, а еще более те, которые подплывали на лодках сбоку под весла афинских кораблей или, плывя возле них, поражали дротиками гребцов.

41. Сражаясь таким образом, сиракузяне наконец одержали победу. Афиняне бежали сквозь линию грузовых судов, стоявших на якоре, ища убежища на своей стоянке. (2) Сиракузские корабли преследовали врагов до линии грузовых судов: дальше путь был прегражден балками с дельфинами на концах,[1] поднятыми с грузовых судов над проходами. При этом два сиракузских корабля, увлеченные успехом, близко подошли к ним и были уничтожены (один из них даже попал в плен вместе с экипажем). Зато сиракузяне потопили семь афинских кораблей и многим нанесли пробоины. Экипажи этих кораблей были частью взяты в плен, а частью перебиты. Затем сиракузяне отступили и поставили трофеи в честь обеих морских побед. С этой поры сиракузяне уже твердо уверились в том, что их корабли далеко превосходят афинские и считали, что и на суше они также одержат победу.

42. Итак, сиракузяне вновь стали готовить нападение на афинян на суше и на море. Как раз во время этих приготовлений сиракузян Демосфен и Евримедонт прибыли с афинскими подкреплениями. Они привели с собой флот в 73 корабля (считая вместе с иноземными), войско из 5 тысяч афинских гоплитов и союзников, значительное число метателей дротиков (варваров и эллинов), пращников, лучников и, кроме того, изобилие различных военных припасов.[1] (2) В первое время сиракузяне и союзники были потрясены приходом афинских подкреплений. Казалось, сиракузянам никогда не избавиться от этой войны. Они видели теперь, что, невзирая на укрепление Декелеи, все-таки в Сицилию прибыло войско, не уступающее первому, и мощь афинян действительно велика повсюду. Зато прежнее афинское войско Никия почерпнуло в приходе подкреплений новую бодрость после понесенного поражения. (3) Демосфен, увидев, как обстоят дела, решил не терять времени, чтобы не оказаться в том же положении, что и Никий. Действительно, в первое время по прибытии Никий внушал страх. Но так как он не атаковал Сиракузы сразу, а зазимовал в Катане, то вызвал к себе пренебрежительное отношение. Гилипп тем временем успел привести из Пелопоннеса войско, которое сиракузяне даже и не вызвали бы, если бы Никий немедленно напал на Сиракузы.[2] Ведь вначале сиракузяне полагали, что сил у них достаточно, и поняли бы свою слабость лишь тогда, когда были бы окружены осадной стеной, а после этого и помощь из Пелопоннеса не была бы им столь полезна. Таковы были расчеты Демосфена. Демосфен понимал, что и сам он в настоящем положении больше всего страха может внушить противнику именно в первое время. Поэтому он решил как можно скорее воспользоваться тем смятением, какое овладело противником при виде его войска. (4) Демосфен видел, что поперечная стена сиракузян (которой они воспрепятствовали афинянам полностью блокировать город) построена в один ряд и что, овладев местом подъема на Эпиполы и находящимся там лагерем, стену легко можно будет взять

(поскольку никто, думал Демосфен, не устоит против афинян). Поэтому он счел необходимым немедленно приступить к решительным действиям, которые, как он надеялся, скорее всего положат конец войне. (5) При успехе он овладеет Сиракузами, а в противном случае уведет свое войско назад и тогда афинянам не придется напрасно истощать свои силы — ни тем, кто участвует с ним в походе, ни гражданам на родине. (6) Итак, прежде всего афиняне выступили из лагеря и начали опустошать сиракузскую область в окрестностях Анапа. Как и в первый раз, их сухопутное войско и корабли имели преобладание над врагами (ведь ни на суше, ни на море сиракузяне не выходили из города, за исключением конницы и метателей дротиков из Олимпиея).[3]

43. Затем Демосфен решил захватить поперечную стену с помощью осадных машин. Однако машины, когда он подвел их к стене, были сожжены защитниками стены. Атаки остального афинского войска во многих пунктах также были отбиты. Поэтому Демосфен с согласия Никия и остальных военачальников задумал осуществить свой план нападения на Эпиполы. (2) Полагая, что днем нельзя незаметно подойти к Эпиполам и подняться на высоту, он приказал воинам запастись съестным на 5 дней и придал к войску каменщиков и плотников, а также запас стрел и различных орудий, необходимых в случае успеха, для осадных работ. Сам он, а также Евримедонт и Менандр с большей частью войска приблизительно в пору первого сна двинулись к Эпиполам, а Никий остался в укреплении. (3) Приблизившись к самим Эпиполам у Еврила (где прежнее войско в первый раз совершило подъем),[1] афиняне, не замеченные сиракузской стражей, овладели сооруженным там сиракузянами укреплением и перебили несколько воинов гарнизона. (4) Однако большинство защитников тотчас же бежало к трем укрепленным лагерям на Эпиполах (в одном находились сиракузяне, в другом — остальные сицилийские эллины, в третьем — союзники). Беглецы сообщили о нападении врага, а также в подробностях доложили об этом отряду из 600 сиракузян, стоявшему на передовых постах на этой стороне Эпипол. (5) Те тотчас же поспешили на помощь, но Демосфен и афиняне, встретив их, обратили в бегство, несмотря на храброе сопротивление. Демосфен во главе отряда тотчас же двинулся вперед. Он решил не упускать благоприятного момента и, не ослабляя натиска, довести до конца дело, ради которого афиняне и пришли. Между тем другие отряды афинян, сломив сопротивление защитников, захватили находившуюся перед ними поперечную стену и прежде всего стали разрушать брустверы. (6) Сиракузяне, их союзники и Гилипп во главе своего отряда поспешили из передовых укреплений на помощь. Но так как это ночное нападение афинян было для сиракузян совершенно неожиданным и они не успели еще опомниться от растерянности при встрече с афинянами, то они были смяты и под натиском врага сначала отступили. (7) Однако афиняне продвигались теперь уже в меньшем порядке. Они считали себя победителями и желали теперь только как можно скорее расправиться с теми неприятелями, которые еще не вступили в бой. Афиняне опасались,

как бы те не собрались опять для сопротивления, если их натиск приостановится. Но беотийцы[2] первыми оказали сопротивление афинянам и, атаковав их, обратили в бегство.

44. Теперь уже афиняне пришли в замешательство и оказались в весьма стесненном положении. И нелегко было получить сведения о том, каков был ход событий ни от той, ни от другой стороны.[1] Ведь даже и днем, когда можно яснее видеть происходящее, отдельный участок битвы едва знает лишь то, что самому пришлось испытать, а не общий ход событий в целом. Как же можно было представить себе ясную картину этой ночной битвы (причем единственной в эту войну между большими армиями)? (2) Правда, луна ярко светила и можно было видеть друг друга, но лишь общие очертания человека (и как это естественно, при лунном свете с уверенностью отличить своего от врага было трудно). Множество гоплитов с обеих сторон собралось на узком пространстве. (3) Между тем одна часть афинского войска уже терпела поражение, тогда как другая после первого натиска успешно пробивалась вперед. Остальное войско большей частью либо только заняло высоты, либо еще поднималось на них, и воины не знали, в какую сторону идти. Ведь афинский авангард, лишь только началось бегство, пришел в смятение и беспорядок, и из-за громких криков трудно было что-либо узнать о его положении. (4) Воодушевленные успехом сиракузяне и их союзники поощряли друг друга громким криком (так как ночью иначе было невозможно передавать команду) и вместе с тем отражали атаки противника. Афиняне же искали друг друга, считая врагом всякого, кто шел с противоположной стороны, даже если это были свои же афиняне, уже бежавшие назад. Не имея другой возможности отличить своих от врагов, афиняне постоянными и частыми вопросами о пароле не только поднимали шум, спрашивая разом многих, но и открывали пароль врагам. (5) Напротив, афинянам не был известен неприятельский пароль, так как враги как победители не рассеивались, и им было легче опознать друг друга без пароля. Поэтому, если афиняне даже одолевали в стычке с каким-нибудь вражеским отрядом, то врагам все же удавалось ускользнуть благодаря знанию пароля афинян. Напротив, если афиняне не отвечали на пароль, враги их тотчас убивали. (6) Особенно же вредило афинянам пение пэана. Так как пэан[2] у обеих сторон был приблизительно одинаков, то это создавало замешательство. Всякий раз, когда аргосцы, керкиряне и другие дорийцы в афинском войске запевали пэан, они наводили страх на афинян, словно его пели враги. (7) Наконец, когда смятение вдруг охватило многие части афинского войска, друзья с друзьями и граждане с гражданами не только приходили в ужас при взаимных столкновениях, но даже вступали в рукопашную схватку, так что лишь с трудом расходились. (8) Так как спуститься с Эпипол можно лишь по узкой тропинке, то многие воины, спасаясь от преследования, бросались вниз с обрыва и погибали. Остальные, кому удалось благополучно спуститься на равнину, если это были старые воины, лучше знакомые с местностью, бежали в лагерь,

тогда как вновь прибывшие часто сбивались с пути и блуждали. С наступлением дня их перебили разъезжавшие по этой местности сиракузские всадники.

45. На следующий день сиракузяне поставили два трофея: один на Эпиполах у дороги на вершину,[1] а другой на том месте, где беотийцы дали отпор афинянам.[2] По условию перемирия афиняне получили для погребения тела их павших воинов. (2) Немалое число афинян и союзников полегло,[3] число же захваченных неприятелем щитов было еще больше числа павших. Ведь воины, вынужденные прыгать с утесов, бросив свои щиты, частью погибали, а частью остались в живых.

46. После этого сиракузяне, снова ободрившись,[1] как это и естественно при неожиданном успехе, послали Сикана[2] с 15 кораблями в Акрагант, где тогда боролись две партии, чтобы, если возможно, привлечь город на свою сторону. Гилипп же снова отправился по суше в другие сицилийские города за дальнейшими боевыми подкреплениями: он надеялся теперь, после такого успеха в Эпиполах, захватить и афинские укрепления.

47. Между тем афинские военачальники стали обдумывать, что́ им теперь предпринять ввиду постигшей их неудачи и распространившегося в войсках упадка духа. Они видели, что их предприятия безуспешны и воины удручены долгим пребыванием в Сицилии. (2) Многие страдали от болезней, как потому, что это время года[1] особенно располагает к различным заболеваниям, так и потому, что афинский лагерь был расположен в болотистом и нездоровом месте. Кроме того, воины считали свое положение безнадежным. (3) Поэтому Демосфен на совете высказался за то, чтобы дольше не оставаться в Сицилии: как он и предусматривал, задумывая рискованный план нападения на Эпиполы, после неудачи он советовал теперь, не теряя времени, увести войско назад, пока еще время года допускает мореплавание и афиняне еще в состоянии с помощью вновь прибывшей эскадры сохранить господство на море. (4) Для государства, говорил он, также полезнее вести войну с врагами, укрепившимися в их собственной стране,[2] чем с сиракузянами, которых теперь нелегко одолеть. С другой стороны, неразумно тратить деньги из государственной казны на бесконечную осаду.

48. Таково было мнение Демосфена. Никий также считал положение чрезвычайно опасным, но не желал открыто заводить речь о слабости афинян, чтобы решение покинуть Сицилию, принятое в многолюдном собрании, не стало известно противнику. Ведь если они действительно захотят отступить, то осуществить свой план незаметно им будет гораздо труднее. (2) Кроме того, Никий лучше других военачальников представлял себе обстановку во вражеском лагере и потому все еще надеялся, что в случае энергичного продолжения осады неприятель окажется в худшем положении, чем сами афиняне. Действительно, когда денежные средства врагов иссякнут, думал Никий, в конце концов удастся сломить их сопротивление, тем более что афиняне с имеющимися у них кораблями и теперь еще господствуют на море. Наконец, и в самих Сиракузах существо-

вала партия, желавшая выдать город афинянам, которая, обращаясь через вестников к Никию, не советовала ему снимать осаду. (3) Исходя из этих соображений, Никий колебался и не мог прийти ни к какому твердому решению относительно столь ответственного шага. Однако в своей официальной речи на совете он высказался против отвода войска. Ведь афиняне, говорил Никий, не простят, как он уверен, если они возвратятся из Сицилии без специального решения народа. Действительно, продолжал он, в Афинах будут выносить им приговор не те люди, которые, подобно им в Сицилии, видят истинное положение дел и решают не только на основании отзывов третьих лиц. Напротив, афиняне будут прислушиваться к красивым, но клеветническим речам какого-нибудь ловкого оратора. (4) И многие, очень многие воины, которые здесь так громко сетуют на тяжелое положение, возвратившись домой, заговорят совершенно иначе и будут кричать об измене стратегов,[1] которые де ушли из Сицилии, подкупленные деньгами. Он, Никий, по крайней мере достаточно знает афинян[2] и поэтому скорее предпочтет, отважившись на битву, пасть от руки врагов, если уж это неизбежно, чем стать жертвой позорного и несправедливого обвинения. (5) Но вместе с тем, по его мнению, положение сиракузян еще хуже, чем у афинян: ведь сиракузяне израсходовали уже много денег на содержание наемного войска и на укрепления вне города и целый год содержат большой флот, так что уже теперь терпят нужду, которая вскоре станет еще более ощутимой. Две тысячи талантов они уже истратили, и сверх того им придется войти в большие долги. А если сиракузяне сколько-нибудь сократят расходы на содержание флота и войска, то уже будут обречены на поражение. Ведь они воюют преимущественно с помощью навербованных воинов, а не как афиняне, у которых войско набирается из военнообязанных граждан. Поэтому, говорил Никий, следует оставаться и продолжать осаду, а не оставлять, как побежденные, поле битвы врагу, которого афиняне значительно превосходят материальными средствами.

49. В таком смысле высказался Никий, настаивая на своем. Ведь ему точно известно положение дел в Сиракузах — что там не хватает денег и существует сильная партия, желающая передать город афинянам, которая вела с ним переговоры, советуя не снимать осады. Кроме того, сам Никий твердо полагался по крайней мере на свои морские силы, даже после того как однажды уже потерпел поражение на море. (2) Демосфен, напротив, никоим образом не соглашался продолжать осаду. Если и в самом деле, говорил он, нельзя увести войско домой без постановления афинян и придется продолжать войну в Сицилии, то для этого следует отступить, перенеся стоянку в Фапс или Катану. Оттуда афинское войско должно набегами опустошать страну, нанося урон врагам и вместе с тем добывая средства к существованию. Морскую же битву, по словам Демосфена, следует давать не на узком пространстве в выгодных для врага условиях, а в открытом море, где афинянам пригодится их мореходное искусство и афинские корабли смогут свободно маневрировать, нападая и отступая, не стесненные ограниченностью поля действий. (3) В итоге,

Демосфен считал совершенно неразумным стоять на месте, а предлагал немедленно, чем скорее, тем лучше, сняться с якоря. Евримедонт также примкнул к мнению Демосфена. (4) Возражения Никия, однако, вызвали колебания, и совет не принял никакого решения: военачальники предполагали, что Никий больше и лучше их знает положение и поэтому против отступления. Таким образом, афиняне, продолжая колебаться, остались на месте.

50. Между тем Гилипп и Сикан возвратились в Сиракузы.[1] Сикан, правда, потерпел неудачу в Акраганте, так как еще во время его пребывания в Геле сиракузская партия в городе примирилась с противниками. Зато Гилиппу удалось привести с собой из Сицилии значительные подкрепления, и в частности гоплитов, посланных весной из Пелопоннеса на транспортных судах,[2] которые прибыли из Ливии в Селинунт: (2) в плавании их отнесло бурей в Ливию, и киренеяне[3] дали им две триеры и лоцманов. Во время плавания вдоль берегов Ливии они оказали помощь евесперитянам,[4] осажденным ливийцами, одержав над ливийцами победу. Продолжая свой путь вдоль побережья, они прибыли в карфагенский торговый порт Неаполь,[5] откуда до Сицилии кратчайшим путем два дня и одна ночь плавания, а затем переправились в Селинунт. (3) Тотчас же по прибытии гоплитов сиракузяне стали вновь готовить атаку против афинян на суше и на море. Афинские военачальники видели, что к противникам прибыли новые подкрепления, в то время как их собственное положение не улучшалось, а, напротив, со дня на день становилось во всех отношениях хуже; особенно опасным было усиление болезней в войске. Теперь они раскаивались, что не отплыли из Сиракуз раньше. И Никий теперь уже не противился, как ранее, отступлению, но лишь считал нужным не принимать открыто решения об этом.[6] Поэтому военачальники отдали приказ всей эскадре приготовиться, чтобы как можно незаметнее отплыть по данному сигналу. (4) Однако, когда все было уже готово к отплытию, произошло лунное затмение,[7] так как в это время как раз было полнолуние. Большинство афинян потребовало от военачальников отсрочки отплытия. И Никий (который вообще придавал слишком много значения предзнаменованиям и тому подобному) также заявил, что не может быть и речи о том, чтобы двинуться с места, пока не пройдут указанные прорицателями трижды девять дней.[8] Вследствие этого отплытие было отложено, и афиняне остались у Сиракуз.

51. Узнав об этом решении афинян, сиракузяне еще более воспрянули духом, в уверенности использовать их затруднительное положение: афиняне уже сами признали, что не имеют больше превосходства над противником ни на суше, ни на море, иначе они не решились бы на отступление. В то же время сиракузяне не желали позволить афинянам утвердиться в каком-либо другом месте Сицилии, где с ними было бы труднее бороться, но хотели вынудить афинян как можно скорее принять битву как раз здесь, где сиракузяне имели преимущество. (2) Итак, сиракузяне посадили команду на свои корабли и несколько дней, сколько сочли нужным, производили учебные маневры. В подходящий момент они в пер-

вый день атаковали афинские укрепления. Когда небольшой отряд гоплитов и всадников выступил против них из ворот укрепления, сиракузяне отрезали некоторое число гоплитов и, обратив их в бегство, стали преследовать. Вход в укрепление был узок, и афиняне потеряли в схватке 70 лошадей и несколько гоплитов.

52. В этот день сиракузское войско отступило. На следующий же день сиракузская эскадра в составе 76 кораблей вышла в море, и одновременно с ней против афинских укреплений выступило и сухопутное войско. Афиняне с эскадрой в 86 кораблей[1] двинулись навстречу и, сблизившись с неприятелем, начали сражение. На правом крыле афинской[2] эскадры Евримедонт, желая охватить неприятельские корабли, слишком далеко растянул свою боевую линию и приблизился к берегу. Сиракузяне и союзники сначала разбили центр афинян, а затем заперли Евримедонта с его кораблями в глубине гавани.[3] При этом сам Евримедонт был убит, а его корабли уничтожены. Затем враги начали преследовать всю афинскую эскадру и теснить ее к берегу.

53. Когда Гилипп увидел, что вражеские корабли терпят поражение и отходят к берегу за пределы частокола к месту, не занятому афинянами, то двинулся с частью войска к молу, чтобы перебить команду неприятельских кораблей при ее высадке и чтобы сиракузянам было легче стащить свои корабли с берега, если он будет в руках друзей. (2) Однако тирсены,[1] которые прикрывали позицию афинян, заметив, что противники наступают в беспорядке, поспешили на помощь. Они напали на головной отряд неприятеля, обратили в бегство и загнали в так называемое Лисимелийское болото.[2] (3) Затем, когда все более стало прибывать отрядов сиракузян и союзников, афиняне, опасаясь за свои корабли, также двинулись на них и вступили в бой. Афинянам удалось обратить неприятеля в бегство и во время преследования перебить некоторое количество гоплитов. Большинство своих кораблей афиняне сумели спасти и привести к стоянке, но 18 афинских кораблей сиракузяне и союзники захватили и перебили всю их команду. (4) Чтобы поджечь остальные афинские корабли, они соорудили брандер: наполнив старое транспортное судно хворостом и смоляными факелами, подожгли его, пустив по ветру, который дул против афинян. Видя угрожающую кораблям опасность, афиняне применили огнетушительные средства. Им удалось сбить вспыхнувшее пламя и, не допустив приближения брандера, избежать этим опасности.

54. После этого сиракузяне поставили трофей, так как они выиграли морскую битву и наверху у афинских укреплений отрезали отряд афинских гоплитов, причем были захвачены лошади. Афиняне также поставили трофей в честь победы тирсенцев, которые загнали в болото неприятельскую пехоту, после чего и сами афиняне с остальным войском разбили сиракузян.

55. Теперь, после блестящей победы сиракузян и над афинской эскадрой Демосфена, приход которой сначала их устрашил, афиняне пришли в полное уныние. Велико было разочарование, вызванное неожиданным поворотом военного счастья, но еще сильнее раскаяние в предпринятом

походе. (2) Ведь здесь в Сицилии афиняне впервые столкнулись с городами одинаковой культуры и напали на города с демократическим (как и у них) государственным строем,[1] обладавшие в изобилии кораблями, лошадьми и прочими средствами для ведения войны. Эти города они не могли ни ослабить, внеся в них внутренние раздоры, ни подчинить значительным превосходством своей военной мощи. Расчеты афинян в большинстве не оправдались, и если они уже и раньше сознавали опасность своего положения, то теперь после неудачи на море (чего они уже никак не ожидали) оно оказывалось еще более затрудненным.

56. Тотчас после своей победы на море сиракузяне стали безбоязненно крейсировать со своей эскадрой вдоль гаваней и намеревались запереть вход в нее, чтобы афиняне, даже при желании, не смогли тайком выйти оттуда. (2) Теперь сиракузяне уже заботились не только о собственном спасении, но и о том, чтобы отнять возможность спасения у афинян. Они с полным основанием считали свое нынешнее военное положение преобладающим и были убеждены, что если бы им удалось одолеть афинян и их союзников на суше и на море, то это было бы блестящим подвигом в глазах эллинов. Ведь тогда и прочие эллины могли либо немедленно обрести свободу, либо избавиться навсегда от страха перед афинянами: ведь афиняне, располагая лишь остатками своих сил, не смогут оказать сопротивление тому, кто в будущем пойдет против них войной. Им же — сиракузянам — достанется вся слава столь блистательного подвига, и они заслужат этим величайшее удивление современников и потомства. (3) Действительно, для них это была борьба величайшей важности. Ведь дело заключалось не только в победе над афинянами, но и над множеством их союзников, да и сами сиракузяне сражались не одни, но вместе с пришедшими на помощь союзниками, лакедемонянами и коринфянами. Они руководили военными действиями, и их город первым подвергся грозной опасности, причем именно они достигли больших успехов, главным образом в мореходном деле. (4) Ведь у стен этого города столкнулось великое множество народностей, не говоря уже о том, сколько всего людей было вовлечено в эту войну как на стороне афинян, так и на стороне лакедемонян.

57. Вот сколько народностей боролись у Сиракуз с обеих сторон за и против Сицилии. Они собрались туда с разными целями: либо помочь захватить страну, либо для ее защиты. Они воевали на той или другой стороне, не столько по праву или в силу общего происхождения, но как кому пришлось и насколько каждое государство в отдельности считало себя вынужденным так поступить ради собственной выгоды или в силу принуждения извне. (2) Афиняне, сами будучи ионянами, по собственной воле выступили в поход на сиракузян-дорийцев, и вместе с ними лемносцы, имбросцы и тогдашние жители Эгины и афинской колонии Гестиеи [1] на Евбее, которые все говорили с ними на одном языке и имели одинаковое государственное устройство. (3) Другие участвовали в походе как подвластные или как независимые союзники, иные же были просто наемниками. (4) В числе подвластных и данников находились:

Эретрия, Халкида, Стира[2] и Карист[3] на Евбее; а из островов: Кеос,[4] Андрос,[5] Тенос,[6] в Ионии: Милет,[7] Самос и Хиос. Из них Хиос, однако, не платил никаких податей, но зато выставлял для союзного флота корабли. В основном все это были ионяне (кроме каристян, по происхождению дриопов[8]). Хотя и подвластные афинянам и по принуждению, но все же они шли в поход как ионяне против дорийцев. (5) Кроме этих ионян, были также эолийцы: мефимнейцы,[9] правда также подвластные афинянам, хотя и не бывшие данниками, но обязанные выставлять корабли; а также жители Тенедоса[10] и Эна,[11] обложенные податью. Эти эолийцы сражались в силу принуждения против сторонников сиракузян беотийцев, своих ктистов. Напротив, платейцы, будучи беотийцами, воевали против своих земляков беотийцев из ненависти к ним, как это понятно. (6) Родос и Киферы[12] (дорийские острова, а Киферы даже колония лакедемонян) выставили свой отряд против лакедемонянского войска под начальством Гилиппа. Родос — колония Аргоса — был вынужден воевать против дорийских Сиракуз и своей собственной колонии Гелы,[13] которая была на стороне Сиракуз. (7) Из островов на западе около Пелопоннеса жители Кефаллении и Закинфа,[14] хотя и независимые, но из-за своего островного положения более других подверженные нажиму афинян, были вынуждены присоединиться к ним ввиду господства последних на море. Керкира, которая не только была дорийской, но даже являлась колонией Коринфа, вела войну против коринфян, своих ктистов, и сиракузян, своих единоплеменников. Тем не менее Керкира воевала весьма усердно, якобы в силу необходимости, но на деле из вражды к коринфянам. (8) И мессенян (как их еще и теперь называют) из Навпакта и из Пилоса (который тогда был занят афинянами) афиняне также привлекли к походу. Некоторые изгнанники из Мегар[15] вынуждены были в силу несчастных обстоятельств сражаться против своих земляков селинунтцев.[16] (9) Все остальные участвовали в походе скорее добровольно. Аргосцы присоединились к афинянам — ионянам, сами будучи дорийцами, против дорийцев не столько из-за союза с афинянами, сколько из вражды к лакедемонянам и практической выгоды для себя в существующих обстоятельствах. Мантинейцы же и другие аркадцы, привыкшие сражаться как наемники[17] против любого указанного им врага, равным образом из-за денег, сочли своими врагами аркадцев, сражающихся на стороне коринфян. Критяне и этолийцы[18] также согласились воевать за жалованье, и вышло так, что критяне, некогда основавшие вместе с родосцами Гелу,[19] выступили не за свою собственную колонию, а против нее, добровольно, как наемники. (10) Некоторые из акарнанов также пришли на помощь афинянам, отчасти за плату, но еще больше из дружбы к Демосфену и из расположения к союзным с ними афинянам.[20] Все эти народности живут по эту сторону Ионийского залива. (11) Из эллинских городов Италии в войне приняли участие фурийцы и метапонтийцы,[21] вынужденные к этому их тогдашними междоусобными распрями, из сицилийцев присоединились к афинянам жители Наксоса и Катаны, и из варваров — эгестяне,[22] которые призвали на помощь афинян, а также

большинство сикулов;[23] из народностей вне Сицилии на стороне афинян сражались некоторые из тирсенов[24] вследствие их распрей с сиракузянами, а также наемники из Иапигии.[25] Столько народностей воевало на стороне афинян.

58. Сторону сиракузян держали жители соседней Камарины[1] и находящейся за ней Гелы;[2] затем жители Селинунта,[3] расположенного за нейтральным Акрагантом.[4] (2) Эти народности обитают в лежащей против Ливии части сицилийского побережья. На обращенной же к Тирренскому морю стороне Сицилии единственным эллинским городом была Гимера,[5] которая пришла на помощь Сиракузам. (3) Эти эллинские народности Сицилии воевали на стороне Сиракуз. Все это были дорийские независимые города; из варваров держали сторону сиракузян только те сикулы, которые не присоединились к афинянам. Из эллинов вне Сицилии лакедемоняне послали сиракузянам военачальника спартиата и, кроме того, еще неодамодов[6] и илотов. Лишь одни коринфяне прислали на помощь не только корабли, но и сухопутное войско. Жители Левкады и Амбракии[7] держали сторону сиракузян как соплеменники, из Аркадии прибыли наемники, посланные коринфянами, сикионцы же приняли участие в походе по принуждению.[8] Из народностей вне Пелопоннеса на помощь сиракузянам прибыли беотийцы. (4) Относительно к этим боевым силам, прибывшим извне, силы самих сицилийских эллинов по всем видам вооружения составляли значительное большинство. Ведь, живя в больших городах, сицилийцы располагали множеством гоплитов, кораблей, конницы и легковооруженных воинов. С другой стороны, по сравнению со всеми, можно сказать, остальными сицилийцами, сами сиракузяне выставили больше боевых сил и средств, так как их город был велик и могуществен, и также и потому, что им грозила наибольшая опасность.

59. Таковы были боевые силы обеих сторон, которыми они уже тогда перед решительной битвой располагали. Позднее уже ни одна из сторон не получала никаких подкреплений. (2) Итак, сиракузяне и их союзники с полным правом считали теперь, что помимо морской победы они стяжают громкую славу, если им удастся сокрушить всю громадную боевую мощь афинян и не допустить отступления врага ни тем, ни другим путем, то есть ни по суше, ни морем. (3) Поэтому они тотчас же принялись запирать Большую гавань[1] (вход в которую был шириной около 8 стадий), поставив поперек входа на якорь триеры, грузовые суда и лодки. Вместе с тем сиракузяне принимали и другие меры на случай, если афиняне еще раз решатся на морскую битву, и вообще замышляли нечто из ряда вон выходящее во всех отношениях.

60. Когда афиняне увидели, что неприятель занирает гавань, и получили сведения о его дальнейших планах, то сочли необходимым держать совет. (2) На военный совет собрались стратеги и таксиархи.[1] Ввиду настоящего опасного положения и так как у них не было больше съестных припасов (ибо собираясь отплыть, афиняне послали приказ в Катану прекратить подвоз продовольствия) и в будущем они также не могли получить их без победы на море, они решили покинуть часть своих укреп-

лений, удаленных от берега. Затем они решили также укрепить и запять гарнизоном возможно меньшее пространство в непосредственной близости от своих кораблей, достаточное, чтобы вместить снаряжение и больных. Все остальное войско до последнего человека было решено посадить на корабли, как вполне пригодные для плавания, так и менее исправные, и затем дать решительную морскую битву. В случае победы предполагалось плыть в Катану, в противном же случае — сжечь корабли и в боевом порядке отступить с сухопутным войском, двинувшись в том направлении, где скорее всего можно было найти какую-нибудь дружественную опору, будь то варварская или эллинская. (3) Как было решено, так афиняне и поступили. В полной тишине они покинули верхние укрепления и посадили людей на все свои корабли, заставив каждого, хоть сколько-нибудь пригодного по возрасту, взойти на борт. (4) Таким образом они снарядили полностью 110 кораблей.[2] Было посажено на корабли также много лучников и метателей дротиков из числа акарнанских и других наемников и заготовлено все необходимое, чего требовал задуманный план и что допускали столь тяжелые обстоятельства. Когда все было готово, Никий, видя что его воины после такого непривычного жестокого поражения на море[3] пали духом, но, испытывая недостаток в продовольствии, желают как можно скорее дать врагу решительный бой, перед отплытием собрал всех воинов и стал ободрять их такой речью.

61. «Соратники, афиняне и союзники! Мы идем на борьбу, которая будет для всех и для каждого в отдельности в равной мере борьбой за жизнь и родину. Если мы с нашим флотом одержим теперь победу, то иным из нас еще выпадет счастье вновь увидеть свой родной город, где бы у кого он ни был. (2) Поэтому не надо унывать, уподобляясь неопытным новичкам, для которых после первых неудач в бою страх перед ожидаемым сам становится бедствием. (3) Напротив, всем вам здесь необходимо помнить — как афинянам, уже испытанным во многих войнах воинам, так и союзникам, которые постоянно участвуют в наших походах, — что на войне часто бывают не поддающиеся расчету неожиданности. И в надежде, что счастье будет нам благоприятствовать, вы должны снова идти в бой, чтобы сразиться так, как это подобает тому великому войску, которое каждый из вас видит перед собой.

62. После тщательного обсуждения с кормчими мы приняли теперь все меры, которые, по нашему мнению, будут полезны в нынешних условиях, при неизбежном стеснении кораблей в замкнутой гавани, против подавивших нас прежде приспособлений на палубах неприятельских кораблей. (2) Мы возьмем на борт лучников и метателей дротиков. Если бы нам пришлось сражаться в открытом море, то нам, конечно, не нужно было бы брать на борт такое множество людей, так как перегрузка кораблей сокращает их способность маневрировать. Здесь же, когда мы вынуждены сражаться с кораблей, подобно тому как сражались бы на суше, это принесет нам пользу. (3) Мы придумали всяческие приспособления, чтобы улучшить боеспособность наших кораблей; у нас есть теперь такие

абордажные крючья с железными лапами против особенно повредивших нам тяжелых штурмовых брусьев-таранов вражеских судов.[1] Эти крючья помешают неприятелю после столкновения отступить назад, если только наши воины на палубах выполнят свое дело. (4) Поскольку нам придется сражаться на кораблях как на суше, нам, очевидно, будет выгодно и самим не отступать назад и не отпускать назад врага, тем более что побережье, за исключением узкой полосы, занятой нашим войском, находится в руках неприятеля.

63. Помня об этом, вам следует напрячь все силы для борьбы и не дать врагу оттеснить себя к берегу. Сцепившись с неприятельским кораблем, ваш долг крепко держаться, не отпуская врага, пока не сбросите его гоплитов с палубы. (2) И это я вменяю в обязанность гоплитам еще больше, чем гребцам, так как в этом и состоит преимущественно задача воинов, сражающихся на палубе; теперь, когда решение зависит от них, мы можем одержать верх сухопутными силами. Гребцов же я хочу просить в настоящем положении не поддаваться унынию вследствие прошлых неудач. Теперь приспособления на палубах у нас лучше, чем в прежней битве, и кораблей у нас больше. Вы считались до сих пор афинянами,[1] хотя и не были ими. Вы свободно владеете нашим языком и приняли наши обычаи и поэтому вызываете удивление во всей Элладе и полностью разделяете с нами выгоды нашего владычества: внушая страх подвластным нам, вы не подвергаетесь обидам. Подумайте же, сколь важно для вас сохранить все эти преимущества. (3) Ведь вы одни свободные соучастники нашего владычества.[2] Поэтому ваш долг не изменить нам теперь. Итак, не страшась и презирая коринфян, которых вы нередко побеждали, и сикелиотов, которые никогда не осмеливались напасть на нас, пока наш флот был на вершине могущества, дайте отпор врагам и докажите, что ваше боевое искусство даже после потерь и поражений превосходит вражескую силу, дарованную им счастливым случаем.

64. Вам, афиняне, еще раз напоминаю о том, что на верфях у вас уже нет больше кораблей, подобных этим, и вам на смену уже не придут молодые гоплиты. Если выйдет так, что нам не удастся победить, то наши здешние враги тотчас же поплывут на Элладу и наши соотечественники не смогут на родине выдержать двойного натиска своих тамошних противников и новых врагов. Следствием этого будет, что вы немедленно окажетесь в руках сиракузян (а вы сами знаете, с какими намерениями вы шли к ним), а ваши соотечественники на родине попадут под власть лакедемонян. (2) В предстоящей битве должна решиться и ваша и их участь. Поэтому стойте теперь крепко и все и каждый помните,[1] что те из вас, кто сражается на кораблях, представляет собой и флот и войско афинян, и на них теперь покоится все государство и славное имя Афин. И если кто из вас отличается умением или доблестью, пусть он выкажет их теперь: ведь лучшей возможности принести пользу себе и спасти родину ему никогда не представится!»

65. После этого увещания Никий тотчас же приказал сесть на корабли. Гилиппу же и сиракузянам, которые видели происходящие при-

готовления, легко было понять намерение афинян вступить в бой на море. (2) Кроме того, сиракузянам заранее стало известно о задуманном нападении с железными крючьями, и теперь они приняли свои меры против этих, как и других приспособлений противника. Они обтянули шкурами носы и значительную часть стенок своих кораблей, чтобы заброшенный крюк скользил по шкурам и не мог зацепиться за борт корабля. (3) Когда все было готово, Гилипп и другие военачальники[1] стали воодушевлять воинов такими словами.

66. «О наших недавних подвигах и о предстоящей борьбе, которая принесет нам новую славу, вы, сиракузяне и союзники, конечно, знаете (иначе вы не взялись бы за дело усердно). Но если кто из вас это недостаточно уразумел, то мы все объясним вам. (2) Афиняне явились сюда, чтобы сначала поработить Сицилию, затем, если удастся, Пелопоннес и, наконец, всю остальную Элладу.[1] Они достигли уже величайшего могущества из всех эллинских держав и прежних, и нынешних. И им вы первыми из всех эллинов дали отпор на море, где они всецело господствовали, одержав победу над ними во многих сражениях, и победите, конечно, и на этот раз. (3) Ведь когда люди терпят поражение именно в том, в чем они особенно сильны и искусны, то тем скорее они теряют уверенность, словно и вообще никогда не верили в свои силы. И после столь неожиданного для их гордости поражения они теряют мужество и более не считают себя способными совершить то, на что у них еще могло бы хватить силы. Таково, вероятно, теперь состояние афинян.

67. Совершенно иначе дело обстоит у нас. Наша прежняя решимость, которая позволила нам, еще неопытным, отважиться на борьбу, возросла с тех пор, как мы увидели себя могущественными, победив могущественного врага, и теперь мы вдвойне рассчитываем на победу. А великие надежды в большинстве случаев внушают также и великое усердие в свершениях. (2) Что же касается их попытки ответными мероприятиями противодействовать нашим боевым приспособлениям и способам сражения, то это не принесет им пользы: мы хорошо знакомы с такими приспособлениями, и они не представят для нас ничего неожиданного. Однако у афинян, вопреки обыкновению, много гоплитов на палубах и много метателей дротиков из акарнанов и других, так сказать, сухопутных моряков, которые не сумеют даже метать свои дротики сидя.[1] Как же они смогут уберечь свои корабли от опасностей перегрузки и как избегнут замешательства, сражаясь все непривычным для себя способом? (3) Численный перевес кораблей не поможет им, хотя кое-кого из вас и страшит это превосходство неприятелей: ведь на узком пространстве большое число кораблей менее способно маневрировать. Мы же, благодаря приспособлениям на наших кораблях, тем легче сможем нанести вред неприятелю. (4) Узнайте, наконец, истинную причину, по которой мы должны победить (которая нам известна по самым достоверным сообщениям). Под тяжестью многих бедствий в настоящем безвыходном положении афиняне доведены до отчаянного решения: рассчитывая больше на случайность, чем на свою боевую готовность, они намерены либо прорваться

со своим флотом силой, либо отступить по суше. Ведь они знают, что по крайней мере хуже, чем теперь, им не будет.

68. Итак, яростно бросимся в атаку на наших заклятых врагов, повергнутых уже в смятение и преданных нам самой судьбой! Вспомним, что у людей есть полное право отомстить врагам и утолить свою жажду мести обидчикам. И это мщение — самое сладкое, согласно поговорке — мы вскоре осуществим. (2) А то, что афиняне — наши злейшие враги, вы все знаете. Они пришли сюда, чтобы поработить нас и, если бы это им удалось, они обрекли бы мужей на самую горестную участь, жен и детей — на самую постыдную, а на весь наш город наложили бы позорное клеймо рабства. (3) Поэтому никто не должен проявлять снисхождения к врагу или, считая это выгодным для себя, позволить ему безнаказанно уйти. Ведь враги после победы сделали бы то же самое и с нами. Напротив, если мы, как этого с уверенностью можно ожидать, добьемся нашей цели покарать афинян и поможем всей Сицилии сохранить свободу, которой она наслаждалась и раньше, то сколь славной будет награда за победу! Ведь весьма редко выпадает жребий, когда люди, идя навстречу опасности, в случае неудачи несут незначительные потери, а успех приносит им величайшие выгоды».

69. После такого увещания, обращенного к воинам, сиракузские военачальники и Гилипп, видя, что афиняне производят посадку, в свою очередь немедленно посадили своих людей на корабли. (2) В этот момент, когда эскадра была уже почти готова выйти в море, Никий, осознав близость великой опасности, потерял голову: ему казалось, как это бывает с людьми в критических положениях, что у афинян не все еще готово и то, что следовало бы сказать людям, еще не досказано. Он вызвал снова всех триерархов кораблей и обратился к каждому в отдельности, называя по имени и отчеству, с упоминанием его филы. Напоминая каждому, кто уже ранее чем-то отличился, о его прежних заслугах, Никий увещевал его и на этот раз не изменить своей славе, а тех, кто имел знатных предков, — не посрамить отеческой доблести. Он убеждал их также вспомнить об отечестве, где люди наслаждаются свободой и где каждому дана возможность устроить свою частную жизнь независимо. Говорил он и о многом другом, что обычно говорят в подобном положении, не беспокоясь о том, что его слова — о женах и детях и об отеческих богах — покажутся общеизвестными фразами, какие людям в таких случаях назойливо повторяют, считая их полезными в момент замешательства. (3) Высказав воинам все, что считал самым необходимым (хотя и недостаточным), Никий двинулся с сухопутным войском к побережью, растянув свою боевую линию как можно больше, чтобы этим поддержать дух своих людей на кораблях. (4) Демосфен же, Менандр и Евфидем (которые вступили в командование эскадрой) [1] покинули лагерную стоянку и немедленно поплыли к заграждению гавани [2] и к оставленному проходу с намерением прорваться силой.

70. Сиракузяне и их союзники вышли в бой приблизительно с таким же количеством кораблей, как и прежде. Они расставили часть

своих кораблей на страже у выхода из гавани, а часть кругом всей остальной гавани, чтобы напасть на афинян со всех сторон. (2) Одновременно пехота сиракузян заняла позиции для поддержки своих кораблей в тех местах, где эти корабли могли пристать. Во главе сиракузского флота стояли Сикан и Агафарх, причем каждый командовал одним из флангов всей эскадры. Пифен [1] же и коринфяне занимали центр. Приблизившись к заграждению, афиняне пытались первым натиском опрокинуть поставленные поперек прохода корабли и разбить цепи заграждения. Тогда сиракузяне и союзники со всех сторон напали на афинян, и завязалась еще более жестокая чем прежде битва, и не только у заграждения, но и во всей гавани. (3) Велико было с обеих сторон рвение гребцов при каждом приказе нанести удар неприятельскому кораблю. Велико было также соревнование кормчих в искусстве маневрирования и обоюдное соперничество. И корабельные воины при столкновении кораблей также всячески старались в борьбе с палубы показать, что они никому не уступают в своем искусстве и каждый отдельный воин на своем посту спешил превзойти всех остальных. (4) Никогда еще не сражалось на столь узком пространстве такое множество кораблей как здесь: ведь с обеих сторон насчитывалось около двухсот кораблей. Так как в суматохе битвы невозможно было грести назад или подплывать на веслах к неприятелю, то принятый способ нападения [2] на неприятельские корабли приходилось применять лишь изредка. Чаще происходили случайные столкновения, когда один корабль, убегая от преследования, наталкивался на другой, или нападая, сталкивался с третьим. (5) Пока один корабль шел на сближение с другим, стрелки на палубе вражеского судна осыпали его градом дротиков, стрел и камней; когда же корабли подплывали борт о борт, воины на палубе бросались в рукопашную схватку, стараясь взойти на вражеское судно. (6) В иных местах вследствие тесноты случалось, что один корабль, намереваясь напасть на другой, сам подвергался нападению третьего корабля или же два и даже больше кораблей непреднамеренно сцеплялись с одним. Кормчим приходилось тогда думать одновременно и о защите и о ловком маневре для нападения, и это происходило не в отдельных пунктах, а сразу со всех сторон. Страшный треск и шум от столкновения множества судов ошеломлял, заглушая команду келевстов.[3] (7) С обеих сторон раздавались громкие призывные крики келевстов, как этого требовала их должность и собственное рвение в момент сражения. Так, афинянам келевсты кричали, что необходимо силой прорваться сквозь заграждения и ради благополучного возвращения на родину теперь или никогда ревностно взяться за дело. Сиракузянам же и их союзникам они указывали, что дело чести для них не позволить афинянам ускользнуть и победой приумножить славу своего города. (8) Кроме того, и стратеги обеих сторон, заметив, что какой-нибудь корабль без необходимости плывет кормой назад, обращались к триерарху по имени и спрашивали: афиняне — не потому ли они плывут назад, что земля их злейших врагов им дружественнее, чем море, где они уже с давних времен тяжкими трудами обрели господство; сиракузяне же, обращаясь к своим,

задавали вопрос: неужели они, прекрасно зная, что афиняне во что бы то ни стало стараются убежать, теперь сами обращаются в бегство от них, бегущих.

71. Пока результаты морской битвы оставались неопределенными, сухопутное войско обеих сторон в смятении и с напряженным вниманием следило с берега за ее ходом. (2) Местное войско сиракузян жаждало решительной победы, а пришельцы афиняне опасались оказаться в еще худшем положении, чем теперь. Все свои надежды афиняне возлагали на корабли, и потому их страх за будущее был неописуем. В силу неодинакового хода морской битвы на отдельных ее участках, картина битвы, открывшаяся зрителям, выглядела по-разному.[1] (3) Так как ее можно было наблюдать лишь с близкого расстояния и поле зрения было ограничено, то не у всех афинян перед глазами был одновременно один и тот же пункт: одни, видя где-нибудь успех своих, приободрялись и взывали к богам с мольбой о спасении и впредь; другие же, заметив где-нибудь неудачу, испускали скорбные вопли, и зрелище происходящей борьбы удручало их больше, чем самих бойцов действительность. Третьи, наконец, обращали свои взоры туда, где на протяжении долгой борьбы положение оставалось неопределенным. Объятые страхом зрители переживали мучительное состояние и их душевная тревога отражалась в непроизвольных телодвижениях: (4) спасение и поражение для них чередовались с минуты на минуту. И поэтому в войске афинян, пока морское сражение шло без решающего перевеса на той или другой стороне, сливались вместе крики ликования победителей и вопли побежденных, и самые разнообразные возгласы, которые в час грозной опасности постоянно раздаются в большом войске. (5) Почти то же происходило у афинян и на море, пока, наконец, сиракузяне и их союзники после долгой борьбы решительным натиском не одолели афинян и с громкими криками, ободряя друг друга, не бросились преследовать их до берега. (6) Тогда афинские моряки, кто на море еще не попал в руки врагов, устремились кто куда к берегу искать спасения в лагере. Войско же на берегу теперь уже без различия в едином порыве с громкими воплями и стенанием предавалось отчаянию. Одни спешили на помощь кораблям, другие бросались к еще не занятой врагом части укреплений. Третьи — и таких было большинство — думали только о том, как бы им спастись самим. (7) Никогда еще прежде афинян не постигал такой удар, как на этот раз. Здесь афиняне находились в таком же положении, какое они сами создали лакедемонянам в Пилосе. Ведь там, после уничтожения их кораблей, лакедемоняне потеряли также и высаженный на острове отряд,[2] и теперь у афинян не было больше никакой надежды спастись по суше, если не произойдет что-либо неожиданное.

72. После жестокой морской битвы, в которой обе стороны понесли большие потери и людьми и кораблями, сиракузяне и союзники одержали победу. Собрав обломки разбитых кораблей и трупы своих павших воинов, они возвратились в город и поставили трофей. (2) Напротив, афиняне, потрясенные постигшим их страшным несчастьем, даже не пыта-

лись собирать обломки разбитых кораблей и просить о выдаче павших для погребения. Они думали только о том, как бы немедленно отступить ночью. (3) Демосфен предложил Никию немедленно посадить экипажи на уцелевшие корабли и на заре вновь сделать попытку силой пробиться из гавани; он утверждал, что у них — афинян — осталось больше исправных кораблей, чем у неприятелей. Действительно, у афинян было еще около 60 кораблей, а у врагов — меньше 50. (4) Никий согласился с мнением Демосфена. Однако, когда они хотели вновь посадить команду на корабли, люди стали отказываться взойти на борт,[1] так как подавленные неудачей, больше не верили в победу.

73. Тогда все присоединились к решению отступать по суше. Сиракузянин Гермократ, догадавшись о плане афинян, счел опасным допустить, чтобы столь многочисленное войско отступило по суше и утвердилось в каком-нибудь месте в Сицилии, откуда вновь смогло бы начать войну против Сиракуз. Поэтому он обратился к сиракузским властям с предложением воспрепятствовать ночному отступлению афинян. Исходя из своей догадки, он советовал: сиракузянам и союзникам немедленно двинуться со всем войском, загородить широкие дороги засеками и занять гарнизонами узкие проходы. (2) Власти хотя и приняли его предложение, считая целесообразным именно так и поступить, однако опасались, что их люди (которые были рады отдохнуть в первый раз после жестокой морской битвы) вряд ли захотят подчиниться приказу (тем более что этот день был праздничный: в Сиракузах справляли праздник в честь Геракла). Ведь большинство воинов, воодушевленные победой, с великой радостью предавалось в этот день попойке, и при таких обстоятельствах можно было скорее их заставить сделать что угодно, но только не взяться снова за оружие и выступить в поход. (3) Так как это предложение показалось властям невыполнимым и Гермократ больше ничего не смог у них добиться, то он прибегнул к следующей хитрости. Опасаясь, что афиняне успеют ночью в полной тишине уйти и благополучно миновать наиболее опасные места, он с наступлением темноты послал несколько своих друзей в сопровождении всадников к афинскому лагерю. Они подъехали к лагерю настолько, что их можно было расслышать, и вызвали некоторых афинян. Под видом друзей (у Никия тогда были друзья в городе, передававшие ему сведения о тамошнем положении) [1] они велели передать Никию, чтобы тот не уводил ночью войска из лагеря, так как сиракузяне заняли пути, но спокойно и в полном порядке отступили днем. (4) Сообщив это, сиракузяне ускакали назад, афиняне же передали их слова своим военачальникам.

74. Из-за этого известия афиняне, не подозревая обмана, остались на ночь в лагере. И так как они все-таки сразу не выступили, то решили подождать и следующий день, чтобы воины смогли по крайней мере запастись всем необходимым, взяв с собой лишь то, что можно унести на себе, все же остальное оставить и отправиться в путь. (2) Между тем сиракузяне и Гилипп, выступив вперед с пехотой, заградили дороги (где афиняне должны были идти), заняли переправы через реки и ручьи и

выстроились в боевом порядке в местах, подходящих, по их мнению, чтобы дать отпор афинскому войску и преградить ему путь. На своих кораблях сиракузяне подплыли к афинским кораблям и стали оттаскивать их от берега. Сами афиняне, согласно своему плану,[1] сожгли лишь небольшое количество кораблей; остальные, поскольку они были наплаву, сиракузяне, взяв на буксир, без всяких препятствий спокойно увели в город.

75. После этого, когда Никий и Демосфен решили, что приготовились достаточно, на третий день после морской битвы,[1] наконец, войска двинулись из лагеря. (2) Положение афинян было ужасно не только тем, что они теперь отступали, потеряв из своих боевых сил все корабли и вместо великой надежды на победу сами они и государство были в опасности, но и тем, что покидаемый лагерь являл каждому горестное, ранящее душу зрелище. (3) Ведь тела павших не были погребены, и всякого, увидевшего среди трупов родственника, охватывало чувство скорби и страха. Раненые и больные, покидаемые еще живыми, были в глазах оставшихся в живых еще более достойны жалости и несчастнее погибших. (4) Своими мольбами и жалобами они повергали уходящее войско в полное расстройство. Они упрашивали взять их с собой, завидев кого-нибудь из друзей или близких, обращались к каждому, называя его по имени, хватались за одежды своих товарищей по палатке в самый момент отправления и тащились за ними пока хватало сил, и, наконец, со страшными воплями и проклятиями отставали, покинутые всеми. Так все войско в слезах из-за безысходности своего положения насилу тронулось с места, хотя и уходило из неприятельской земли, где оно уже вынесло тяжкие муки, превышавшие меру слез. Но неясное будущее сулило им еще новые страдания. Подавленные афиняне сокрушались, обвиняя в бедствии самих себя. (5) Отступление напоминало бегство жителей из захваченного врагами города после долгой осады, и притом города немалого, так как вся отступающая толпа составляла не менее 40 000 человек.[2] При этом каждый воин нес с собой все необходимое, и даже гоплиты и всадники против обыкновения сами должны были нести кроме оружия еще и съестные припасы, так как у них больше не было слуг либо они им не доверяли; ведь слуги или уже давно, или в большинстве после несчастной битвы перебегали к неприятелю. Однако даже и того запаса съестного, что у них было с собой, не хватало, так как хлеба уже не было в лагере. (6) Хотя некоторым утешением в несчастье обычно служит сознание, что терпишь не один, но вместе со многими, однако в настоящих обстоятельствах бедствие ощущалось не менее тяжко, особенно при мысли о том, какой унизительный конец постиг это в начале столь блистательное и исполненное самонадеянности предприятие. (7) Действительно, это было величайшим крушением воинского счастья, которое эллинскому войску когда-либо пришлось испытать. Если оно явилось в Сицилию, чтобы поработить других, то теперь ему приходилось бежать, опасаясь такой участи для себя. Вместо радостных пожеланий и воинственных гимнов, с которыми они отплывали, при возвращении назад слышались иные возгласы; вместо

того, чтобы плыть по морю, они шли пешком и надеялись больше на гоплитов, чем на корабли. Однако все это казалось еще терпимым в сравнении с нависшей над ними в ближайшем будущем опасностью.

76. Видя в настроении войска такой перелом в сторону полного уныния, Никий стал обходить воинов, ободряя и утешая их, насколько это было возможно в таком положении. Переходя от одной группы к другой, он все более повышал голос как от усердия, так и стараясь, чтобы его слова были слышны и понятны как можно дальше.

77. «Афиняне и союзники! Даже и при теперешних тяжких обстоятельствах не следует нам терять надежды: ведь иным удавалось спастись и из более ужасного положения, нежели наше. Не нужно укорять себя за отдельные неудачи и за незаслуженную беду, которая теперь обрушилась на нас. (2) Вот и я сам не крепче любого из вас — вы видите, до чего довела меня болезнь — и в отношении личного благополучия я, как кажется, не уступал никому как в частной жизни, так и в общественной; а ныне я подвергаюсь опасности наравне с простыми воинами. Между тем я никогда не нарушал своего долга по отношению к богам и всегда честно и безупречно вел себя с людьми.[1] (3) Поэтому и ныне, несмотря ни на что, я твердо надеюсь на будущее, и наши чрезмерные невзгоды не страшат меня так, как могли бы устрашить, ибо им скоро должен наступить конец.[2] Ведь счастье улыбалось нашим врагам достаточно долго, и если походом в Сицилию мы возбудили неприязнь какого-нибудь божества, то уже в достаточной мере искупили нашу вину. (4) Ведь и другие люди совершали вторжение в чужие земли, так как это свойственно человеческой природе, и за это несли умеренное наказание. Поэтому и у нас есть основание надеяться, что божество отныне будет милостивее, так как теперь мы заслуживаем скорее сострадания, нежели зависти богов. Если вы посмотрите на самих себя, когда вы в доспехах идете в боевом строю, то вам не надо будет слишком опасаться за свою участь. Подумайте: где бы вы не остановились лагерем, столь многочисленные и вооруженные, вы там сами тотчас образуете город, и любой другой город в Сицилии не будет в состоянии выдержать вашего нападения или изгнать вас оттуда, где вы поселились. (5) Теперь вам самим придется следить за тем, чтобы ваш поход проходил безопасно и в строгом порядке, и все должны проникнуться сознанием, что всякая пядь земли, где каждому приходится сражаться, в случае победы будет ему отечеством и оплотом. (6) Все же нам нужно продолжать путь день и ночь без остановок ускоренным маршем. Ведь наши запасы съестного скудны. И вы сможете считать себя в безопасности лишь тогда, когда займете какой-нибудь пункт в дружественной нам области сикулов: ведь они еще сохраняют нам верность из страха перед сиракузянами. Мы уже послали им приказ встретить нас и доставить продовольствие. (7) Вообще знайте, воины, что вам необходимо быть доблестными мужами, так как поблизости нет безопасного места, куда бы, утратив воинский дух, вы могли спастись, даже если теперь вы и ускользнете от врага. Если же вам удастся пробиться, то все вы снова увидите все то, к чему стремитесь — родину и близких,

А вы, афиняне, восстановите великое, хотя и потрясенное теперь, могущество вашего города. Ведь город — это люди, а не стены и не порожние корабли».

78. Так Никий старался ободрить свое войско, обходя ряды, и если замечал идущих врассыпную или в беспорядке, то приказывал сомкнуться и вновь выстраивал шеренги. Так же поступал и Демосфен, обращаясь с подобными же речами к своему отряду. (2) Афинское войско образовывало на марше вытянутый четырехугольник: впереди, во главе, шел отряд Никия, а за ним Демосфен. Носильщики поклажи и многочисленный обоз следовали в середине, прикрываемые гоплитами. (3) У моста через реку Анап афиняне застали встроенный в боевом порядке на берегу реки отряд сиракузян и союзников. Отбросив врага, они овладели переправой[1] и продолжали путь. Сиракузяне, однако, не давали покоя афинянам: конница все время теснила их с флангов, а легковооруженные поражали дротиками. (4) В этот день афиняне прошли по правому берегу Анапа около 40 стадий и провели ночь у подошвы какого-то холма. На следующий день они выступили ранним утром и, пройдя стадий 20, спустились на равнину, где и разбили лагерь. Они хотели раздобыть в домах чего-нибудь съестного (место было населенное) и запастись оттуда водой, ибо в местности, куда они направлялись, на протяжении многих стадий воды было недостаточно. (5) Между тем сиракузяне зашли вперед и принялись преграждать дорогу, по которой предстояло идти афинянам. Дорога вела через труднодоступный холм с крутыми обрывами, так называемый Акрейский утес.[2] (6) На следующий день афиняне двинулись дальше. Отряды сиракузян и союзников, состоявшие из многочисленной конницы и метателей дротиков, старались помешать движению, тесня афинян с флангов и поражая дротиками. (7) После длительного сражения афиняне отступили в свой прежний лагерь. Однако съестного у них уже там не было в том количестве, как прежде, так как неприятельская конница не давала им выходить из лагеря для фуражировки.

79. Рано утром афиняне вновь выступили из лагеря, думая силой проложить себе путь через укрепленный холм. Однако они увидели перед собой вражескую пехоту, стоявшую в боевом порядке за укрепленным холмом на узком пространстве во много рядов. (2) Тогда афиняне сделали попытку штурмовать укрепление. Осыпаемые с крутого холма стрелами (с возвышенного места стрелы долетали лучше), они не смогли прорваться силой и поэтому отступили, чтобы отдохнуть. (3) Случайно в этот момент грянуло несколько раскатов грома с ливнем, что обычно бывает под осень. От этого афиняне еще больше приуныли, думая, что и это все по воле богов происходит им на погибель.[1] (4) Пока афиняне отдыхали, Гилипп и сиракузяне послали часть своего войска в тыл афинянам, чтобы отрезать укреплением путь, по которому те пришли. Афиняне также послали со своей стороны отряд и помешали работам. (5) После этого афиняне отступили со всем войском еще дальше на равнину и провели ночь под открытым небом. На следующий день они про-

должали путь. Тогда сиракузяне начали нападать на них, окружив со всех сторон, и многих ранили. Всякий раз, когда афиняне нападали, сиракузяне уклонялись, если же они отходили, то сиракузяне начинали теснить их, причем особенно нападали на арьергард, чтобы, обратив в бегство мелкие отряды, навести страх на все войско. (6) Таким образом, афиняне еще долго оказывали сопротивление; затем, пройдя 5 или 6 стадий, остановились на отдых на равнине. Сиракузяне также оставили их в покое и возвратились в свой лагерь.

80. Положение афинского войска было крайне бедственным, так как съестного в лагере совершенно не хватало, и к тому же в результате постоянных стычек с врагом было много раненых. Поэтому Никий и Демосфен решили зажечь как можно больше огней и увести войско, однако не тем путем, по которому они сначала думали идти, а в противоположном направлении [1] к морю, где сиракузяне их не подстерегали. (2) Этот путь и вообще шел не на Катану, но по другой части Сицилии — на Камарину и Гелу и к другим эллинским и варварским городам в той местности. (3) Итак, зажегши множество огней, афиняне ночью вышли из лагеря. Между тем (как это часто бывает во всех армиях, особенно в очень многочисленных) афинянами внезапно овладело смятение и страх, тем более что они ночью шли по вражеской стране и в непосредственной близости от неприятеля. (4) Отряд Никия, шедший сомкнутым строем в авангарде, продвинулся далеко вперед. Однако около половины отряда Демосфена (и даже больше половины) сильно отстало от остальных и шло в полном беспорядке. (5) Однако на заре оба отряда дошли до моря и, выйдя на так называемую Элорскую дорогу,[2] продолжали путь к реке Какипарису,[3] чтобы затем следовать вверх по ее течению в глубь страны (где Никий надеялся встретить извещенных заранее сикулов).[4] (6) Достигнув реки, афиняне, однако, и тут встретили заставу сиракузян, которые пытались преградить путь укреплением и засеками. Опрокинув неприятеля, афиняне перешли реку и тотчас же двинулись к другой реке — Эринею [5] (избрать такой путь советовали им проводники).

81. Тем временем, сиракузяне и союзники с наступлением дня заметили уход афинян. В сиракузском войске стали подозревать Гилиппа в том, что тот нарочно позволил афинянам уйти. Сиракузяне тотчас же бросились в погоню (ведь узнать, в каком направлении пошел неприятель, было нетрудно) и снова настигли афинян в полуденную пору. (2) Как только они подошли к отряду Демосфена (который шел сзади и после ночных страхов и смятения двигался слишком медленно и в беспорядке), то сразу же бросились на врага и завязали сражение. Сиракузская конница тем легче могла окружить афинян и оттеснить их в одно место, что они отделились от остального войска. (3) Между тем отряд Никия был уже впереди не менее чем стадий на 50. Никий двигался скорее Демосфена, полагая, что в таком положении спасение не в том, чтобы непременно останавливаться для сражения, но как можно скорее отступать, сражаясь лишь в случае крайней необходимости. (4) Напротив, Демосфен, следуя в арьергарде, уже раньше подвергался обычно большей опас-

ности, чем Никий, так как неприятель всегда сначала нападал на его отряд. И теперь также, увидев у себя в тылу сиракузян, Демосфен, вместо того чтобы продолжать путь, считал более правильным выстроить своих людей в боевом порядке. Потеряв на эти маневры много времени, он был окружен сиракузянами и оказался со своими воинами в безвыходном положении. Оттесненные в какой-то огороженный стеной участок с выходом по обеим сторонам, засаженный множеством оливковых деревьев, они очутились под обстрелом со всех сторон. (5) Сиракузяне, естественно, предпочитали сражаться таким способом, нежели грудь с грудью с противником в открытом бою. Ведь в битве не на жизнь, а на смерть с людьми отчаявшимися сиракузянам было труднее рассчитывать на победу, чем их противникам. Кроме того, сиракузяне стремились щадить свои силы (при столь явном превосходстве над врагом), чтобы не нести потерь без необходимости: они рассчитывали и так сломить врагов и заставить их сдаться.

82. Целый день продолжался со всех сторон обстрел афинян и их союзников. Затем Гилипп, сиракузяне и союзники, видя, что враги совершенно обессилены от ран и прочих бед, велели прежде всего объявить через глашатая, что островитяне[1] могут, если пожелают, переходить к ним на условиях сохранения свободы. И действительно, к ним перешли отряды нескольких городов, правда, лишь немногих. (2) Затем позднее сиракузяне заключили соглашение и с остальными воинами, по которому весь отряд Демосфена сложил оружие, при условии, что никто не будет казнен или умерщвлен путем заключения в оковы или лишения необходимой пищи. (3) В общем сложило оружие 6000 человек. Все деньги, которые воины имели при себе, они должны были сдать, бросая на перевернутые щиты. Таким образом было наполнено четыре щита, которые сиракузяне тотчас же отправили в город. Между тем Никий со своим отрядом достиг в этот день реки Эринея и, перейдя реку, велел разбить лагерь на какой-то возвышенности.

83. На следующий день сиракузяне настигли Никия и, сообщив о капитуляции всего отряда Демосфена, потребовали, чтобы и он поступил также. Никий не хотел поверить в это и добился разрешения сначала послать всадника, чтобы убедиться. (2) Всадник быстро уехал и по возвращении подтвердил, что отряд Демосфена действительно капитулировал. Тогда Никий велел передать Гилиппу и сиракузянам, что готов заключить соглашение и от имени афинского народа обязуется возместить сиракузянам военные расходы, если те предоставят ему с войском свободный выход. До уплаты денег он предлагал им выдать афинян заложниками, по одному человеку на талант. (3) Гилипп и сиракузяне, однако, отвергли предложение Никия. Они напали на афинян и, окружив их и здесь со всех сторон, обстреливали до ночи. (4) При нехватке хлеба и вообще всего необходимого положение афинян было тяжелым. Все же они решили, воспользовавшись ночным затишьем, уйти. Однако, лишь только афиняне взялись за оружие, сиракузяне заметили это и запели пеан. (5) Увидев, что их замысел открыт, афиняне снова сложили ору-

жие, кроме отряда человек в 300, который пробился через вражескую стражу и ночью шел наудачу, где попало.

84. С наступлением дня Никий выступил со своим отрядом. Сиракузяне же и союзники по-прежнему теснили афинян, осыпая стрелами и дротиками. (2) Афиняне спешили дойти до реки Ассинара [1] отчасти в надежде, что конница и остальное войско противника будут меньше беспокоить их со всех сторон, если они перейдут реку, отчасти же потому, что были до крайности истомлены, страдая от жажды. (3) Дойдя до реки, они в беспорядке бросались в нее, причем каждый желал первым перейти. Враги же, тесня афинян с тыла, затрудняли переправу. Так как афиняне были вынуждены продвигаться вперед густой толпой, они падали под ноги друг другу и топтали упавших; натыкаясь на дротики и предметы снаряжения, одни тотчас погибали, а другие запутывались в них и, подхваченные течением реки, тонули. (4) Между тем сиракузяне, выстроившись на противоположном обрывистом берегу реки, обстреливали афинян сверху, в то время как большинство их с жадностью пило воду из почти высохшей реки и уже само по себе, помимо вражеских нападений, пришло в беспорядок. (5) Пелопоннесские союзники сиракузян спустились вниз к реке и стали убивать воинов, главным образом находившихся в реке. Вода тотчас же стала негодной для питья. Тем не менее, многие афиняне пили эту смешанную с грязью и кровью воду и даже боролись за нее друг с другом.

85. Наконец, когда груды трупов, нагроможденных друг на друга, уже лежали в реке, и воины были частью перебиты в воде, а частью, если кому удавалось бежать, изрублены конницей, Никий сдался Гилиппу, доверяя ему больше, чем сиракузянам.[1] Никий предоставил Гилиппу и сиракузянам поступать с ним самим как угодно, но просил только прекратить избиение своих воинов. (2) После этого Гилипп приказал брать пленных, сохраняя им жизнь. Все остальные воины, кроме тайно уведенных сиракузянами (а таких было много), живыми попали в плен. За тремястами воинов, ночью пробившимися через сторожевые посты сиракузян, сиракузяне послали погоню и захватили их. (3) Число воинов, захваченных в качестве пленников государства, было, однако, не особенно значительно.[2] Гораздо больше воинов было уведено сиракузянами тайком, и вся Сицилия была полна ими: ведь эти воины попали в плен не по соглашению о капитуляции,[3] как воины Демосфена. (4) Немало воинов было и убито в этой последней битве. Ведь ни одно сражение во всей Сицилийской войне не было столь кровопролитно, как это. Впрочем, и в других многочисленных схватках во время марша погибло немало воинов. Все же многим удалось спастись бегством либо тотчас же, либо впоследствии — из рабского состояния, причем все они нашли убежище в Катане.

86. Сиракузяне и союзники собрались вместе и затем, взяв с собой как можно более пленников и вражеских доспехов, возвратились в город. (2) Всех остальных пленников — афинян и союзников — они отправили в каменоломни [1] — самое надежное, по их мнению, место заключения. Никия

и Демосфена они велели казнить, несмотря на возражения Гилиппа.[2] Ведь Гилипп надеялся, кроме других своих блестящих подвигов, еще стяжать себе громкую славу, приведя в Лакедемон пленных вражеских военачальников. (3) Случайно один из них — Демосфен — оказался его злейшим врагом (из-за неудачи на острове и у Пилоса), другой же — человеком, проявившим самое дружественное расположение в этом деле.[3] Действительно, Никий побудил афинян заключить мир, добивался освобождения пленников с острова. (4) За это лакедемоняне питали к нему дружественные чувства, и потому главным образом Никий доверчиво сдался Гилиппу. Однако некоторые люди в Сиракузах, которые раньше, как было упомянуто, поддерживали сношения с Никием,[4] испугались теперь, что он может при допросе под пыткой показать на них, и это нарушит их нынешнее благополучие. Другие, особенно коринфяне, боялись, что Никий благодаря своему богатству может, подкупив кого-нибудь, бежать и это создаст для них неприятные осложнения. Поэтому все они убедили союзников казнить Никия. (5) Такие и подобные соображения и были причиной казни Никия, меньше всех из эллинов моего времени заслуживавшего столь несчастной участи, ибо он в своем поведении всегда следовал добрым обычаям.[5]

87. Первое время сиракузяне обращались с пленниками в каменоломнях жестоко. Множество их содержалось в глубоком и тесном помещении. Сначала они страдали днем от палящих лучей солнца и от духоты (так как у них не было крыши над головой), тогда как наступившие осенние ночи были холодными, и резкие перемены температуры вызывали опасные болезни. (2) Тем более что скученные на узком пространстве, они были вынуждены тут же совершать все естественные отправления. К тому же трупы умерших от ран и болезней, вызванных температурными перепадами и тому подобным, валялись тут же, нагроможденные друг на друга, и потому стоял нестерпимый смрад. Кроме того, пленники страдали от голода и жажды. В течение 8 месяцев им ежедневно выдавали лишь по 1 котиле воды и по 2 котилы хлеба.[1] Вообще же все возможные бедствия, которые приходится терпеть людям в подобном положении, не миновали пленников. (3) Таким образом они все вместе провели 70 дней; затем сиракузяне всех остальных пленников, кроме афинян и сицилийских и италийских пленных, участвовавших в походе, продали в рабство. (4) Общее количество пленных составляло по меньшей мере 7000 человек[2] (хотя точные данные трудно установить). (5) Это было самое важное военное событие из всех эллинских предприятий не только во время войны, но, как мне кажется, и вообще когда-либо происшедшее в течение всей эллинской истории и самое славное событие для победителей и злополучное для побежденных. (6) Действительно, афиняне были повсюду совершенно разбиты, и их сухопутное войско и флот понесли тягчайшие потери, можно сказать, до последнего человека. Только немногим из многочисленного войска, выступившего в поход, удалось спастись и вернуться домой. Так кончился Сицилийский поход.

КНИГА ВОСЬМАЯ

1. Когда весть об этом пришла в Афины, там долго не хотели верить даже надежным сообщениям самых уважаемых воинов, которым с трудом удалось спастись после разгрома,[1] что все их военные силы в Сицилии окончательно уничтожены. Наконец, афиняне узнали правду и тогда яростно набросились на тех ораторов, которые рьяно поддерживали план морской экспедиции, словно бы не они сами вынесли решение о походе. Они были раздражены также против прорицателей, толкователей знамений и вообще на всех, кто, ссылаясь на внушение божества, вселял в них перед отплытием надежду овладеть Сицилией. (2) Вся обстановка складывалась удручающим образом для афинян, и под влиянием страшного несчастья ими овладели страх и растерянность. Ведь не только каждый гражданин глубоко скорбел, переживая гибель близких и друзей, но и весь город был удручен невосполнимой потерей гоплитов, всадников и молодежи. Кроме того, афиняне видели, что кораблей на верфях недостаточно, государственная казна пуста и гребцов для кораблей не хватает. При всех этих обстоятельствах они стали терять надежду на спасение и не сомневались уже, что сиракузяне после столь великой победы тотчас же со своим флотом из Сицилии нападут на Пирей, враги же афинян в Элладе начнут теперь всеми силами теснить их на суше и на море с помощью восставших союзников. (3) Все же афиняне решили, что нельзя уступать врагу, но следует, насколько позволяют обстоятельства, снарядить новое войско и флот, изыскав пути добыть корабельного леса и денег, чтобы крепко держать в руках союзников и особенно Евбею. Было решено сократить в меру благоразумия государственные расходы и избрать совет из старейшин, граждан,[2] который должен был в соответствии с требованиями момента обсуждать необходимые мероприятия. (4) Под влиянием страха в настоящий момент афиняне (как это обычно бывает в демократиях) были готовы во всем соблюдать строгий порядок. И действительно, они выполнили это свое решение. Так окончилось лето.

2. На следующую зиму после великого поражения афинян в Сицилии все эллины пришли в волнение. Одни города, до сих пор не состоявшие в союзе ни с той ни с другой стороной, теперь считали, что им даже без особого вызова самим следует выступить против Афин, так как все

они были убеждены, что афиняне, одержав победу в Сицилии, непременно напали бы на них, а кроме того, понимали, что война теперь продлится недолго и участие в ней принесет им выгоду и почет. Союзники лакедемонян теперь еще больше, чем прежде, стремились поскорее избавиться от постоянных трудов и лишений. (2) Особенно же были склонны к возмущению подвластные афинянам города, даже если у них на это и не было достаточно сил. Пристрастно оценивая политическую обстановку, они полагали, что афиняне во всяком случае не продержатся в течение следующего лета. (3) Все эти обстоятельства придали уверенность политике лакедемонян. К тому же они могли рассчитывать, что сицилийские союзники присоединятся к ним с большими силами в начале весны, приобретая в силу необходимости морской флот. (4) Преисполненные таких надежд, лакедемоняне намеревались со всей решимостью вести войну, при счастливом исходе которой они твердо рассчитывали избавиться от таких опасностей, какие им угрожали бы в случае захвата афинянами Сицилии, а после сокрушения мощи афинян — самим добиться непоколебимого владычества над всей Элладой.

3. Поэтому тотчас в начале этой зимы их царь Агис, выступив из Декелеи с воинским отрядом, собрал с союзников[1] деньги на постройку флота. Затем он прошел к Малийскому заливу, отнял у этейцев[2] (давних врагов Спарты) большую часть награбленной ими добычи и заставил уплатить денежную контрибуцию. Ахейцев во Фтии[3] и прочие племена этой области[4] он также принудил выдать заложников и уплатить деньги, несмотря на недовольство и возражения фессалийцев, которым эта страна была подвластна. Заложников он отправил для содержания в Коринф и пытался заставить эти племена присоединиться к лакедемонскому союзу. (2) Лакедемоняне приказали союзным городам построить 100 кораблей; сами они и беотийцы должны были снарядить по 25 кораблей, фокидяне и локры — 15, аркадцы, пелленцы и сикионцы — по 10, мегарцы, трезенцы, эпидаврийцы и гермионцы — по 10. Вообще были сделаны всевозможные приготовления, так как лакедемоняне решили открыть военные действия тотчас же с наступлением весны.

4. Афиняне в эту зиму также стали готовиться к войне согласно своему плану. Они заготовили лесной материал, строили корабли и укрепили Суний,[1] чтобы транспорты с хлебом могли безопасно обходить мыс. Они покинули также укрепление на лаконском побережье (сооруженное по пути в Сицилию)[2] и вообще по возможности сократили другие излишние расходы. Но особенно внимательно афиняне следили за союзниками, опасаясь восстаний.

5. В то время как обе стороны вели военные приготовления, действуя так, как будто война еще только началась, евбейцы первыми этой зимой отправили послов к Агису для переговоров об отпадении от афинян. Агис принял предложение евбейцев и вызвал из Лакедемона Алкамена, сына Сфенелаида, и Меланфа,[1] приказав им принять командование на Евбее. Они прибыли во главе 300 неодамодов.[2] (2) В то время как Агис стал готовиться к переправе на остров, к нему явились и послы лесбосцев, также

желавших поднять восстание. При поддержке беотийцев они убедили Агиса отложить поход на Евбею, и царь стал готовиться идти на помощь лесбосцам. Он назначил им гармостом[3] Алкамена, который должен был отплыть на Евбею; беотийцы же и сам Агис обещали послать им на помощь 10 кораблей. (3) При этом Агис действовал без ведома властей в Лакедемоне. Ведь пока царь стоял с войском в Декелее, он имел право посылать куда ему угодно отдельные отряды, собирать налоги и взыскивать деньги. Поэтому в это время Агис пользовался, можно сказать, гораздо большим влиянием на союзников, чем власти в Лакедемоне:[4] ведь со своим войском он всюду внушал страх. (4) Во время переговоров царя с лесбосцами хиосцы и эритрейцы,[5] которые также были готовы восстать, обратились не к нему, а в Лакедемон. Вместе с ними прибыл и посол от Тиссаферна, сатрапа царя Дария, сына Артаксеркса, в приморских провинциях Азии. (5) Тиссаферн[6] также старался привлечь на свою сторону пелопоннесцев и обещал им поставки продовольствия: царь недавно потребовал дань с его сатрапии, которую он, Тиссаферн, был еще должен царю,[7] но не мог собрать с эллинских городов из-за противодействия афинян. Сатрап рассчитывал, что, ослабив афинян, ему скорее удастся собрать эту дань.[8] Вместе с тем он надеялся привлечь лакедемонян к союзу с царем и доставить по царскому приказу живым или мертвым Аморга,[9] незаконного сына Писсуфна, поднявшего восстание в Карии.

6. Итак, хиосцы и Тиссаферн совместно хлопотали в общих интересах. В это же время прибыли в Лакедемон мегарец Каллигит, сын Лаофонта,[1] и кизикенец Тимагор, сын Афинагора,[2] — оба изгнанники из своих городов, жившие у Фарнабаза, сына Фарнака.[3] Их послал Фарнабаз с просьбой направить корабли в Геллеспонт. Подобно Тиссаферну, и Фарнабаз желал склонить эллинские города своей провинции[4] к восстанию против афинян, чтобы самому получать с городов дань, и своими стараниями привлечь лакедемонян к союзу с царем. (2) Послы Фарнабаза и Тиссаферна хлопотали независимо друг от друга. Поэтому дело дошло в Лакедемоне до бурных споров между ними: одни настаивали, чтобы лакедемоняне сперва послали эскадру и войско на Хиос и в Ионию, другие же — в Геллеспонт. (3) Сами лакедемоняне, однако, склонялись скорее к предложению хиосцев и Тиссаферна. На их стороне был и Алкивиад, тесно связанный унаследованной от отца дружбой гостеприимства с эфором Эндием (из-за этой дружбы лаконское имя Алкивиада было принято в их семье: ведь Алкивиадом звали отца Эндия.)[5] (4) Тем не менее, прежде чем дать окончательный ответ, лакедемоняне отправили на Хиос периэка Фриниса[6] с поручением проверить, есть ли у хиосцев действительно столько кораблей, как они утверждают, и насколько вообще могущество города соответствует ходячей молве о нем. Когда Фринис по возвращении сообщил, что слухи подтвердились, лакедемоняне тотчас же приняли хиосцев и эритрейцев в свой союз и решили послать им на помощь 40 кораблей (так как, по уверениям хиосцев, у них самих было не менее 60 кораблей). (5) Сначала они хотели послать из этого числа 10 кораблей под командой наварха Меланхрида,[7] но вследствие происшедшего

землетрясения,[8] взамен Меланхрида послали Халкидея[9] и вместо 10 кораблей снарядили в Лаконике только 5. Так окончилась эта зима и 19-й год войны, которую описал Фукидид.

7. С наступлением весны хиосцы настоятельно просили лакедемонян немедленно послать им на помощь эскадру, опасаясь, как бы афиняне не узнали об их тайных переговорах с лакедемонянами. Поэтому лакедемоняне отправили в Коринф трех спартиатов с приказом как можно скорее перетащить корабли[1] из Коринфского залива через перешеек к побережью на другой стороне, обращенной к Афинам. Все эти корабли (вместе с предназначенным Агисом для Лесбоса и прочими) тотчас должны были отплыть на Хиос. Всего в союзной эскадре насчитывалось 39 кораблей.

8. Каллигит и Тимагор, представители Фарнабаза,[1] не приняли участия в походе на Хиос и не дали денег на снаряжение кораблей, тех 25 талантов, которые они привезли с собой. Они думали отплыть позднее с собственной экспедицией. Агис[2] в конце концов не возражал, видя, что лакедемоняне желают сначала идти в поход на Хиос. (2) Союзники собрались в Коринфе на военный совет и решили сперва плыть на Хиос под начальством Халкидея, снарядившего в Лаконии 5 кораблей, затем на Лесбос во главе с Алкаменом, которого Агис ранее назначил начальником и, наконец, в Геллеспонт под командой Клеарха,[3] сына Рамфия. (3) Сначала решили перетащить через Истм лишь половину кораблей и немедленно выйти в море, чтобы спускаемые на воду теперь корабли не привлекли больше внимания афинян, чем те, которые переправлялись вслед за ними. (4) Выйти в море союзники намеревались открыто: теперь они пренебрежительно относились к афинянам из-за их слабости на море: ведь сколько-нибудь значительные афинские морские силы все еще не выходили в море. Итак, согласно своему плану пелопоннесцы перетащили через Истм 21 корабль.

9. Союзники торопились с отправлением, но коринфяне не желали выходить в море до окончания справлявшихся тогда Истмийских игр.[1] Агис же не хотел принуждать коринфян к нарушению истмийского мира[2] и объявил, что готов совершить поход под собственной ответственностью. (2) Коринфяне не согласились с предложением царя, и отплытие задержалось. Между тем афиняне начали мало-помалу проникать в замыслы хиосцев. Они отправили на Хиос одного из стратегов — Аристократа — и обвинили их в измене. Хиосцы отвергли эти обвинения. Тогда афиняне потребовали от хиосцев послать в залог верности эскадру кораблей для союзного флота. (3) Хиосцы отправили 7 кораблей. Народ хиосский, однако, вообще ничего не знал о переговорах с лакедемонянами, и отправили корабли ведшие переговоры олигархи, так как не были уверены в успехе своих замыслов и потому не желали навлекать на себя вражду народа. К тому же пелопоннесские корабли так долго не прибывали, что их уже перестали ждать.

10. Тем временем справлялись Истмийские игры, и афиняне, оповещенные об этом, также послали на праздник торжественное посольство. При этом афиняне смогли совершенно ясно убедиться в происках хиос-

ских олигархов. Возвратившись домой, афиняне тотчас же приняли меры к тому, чтобы помешать неприятельской эскадре незаметно выйти из Кенхрей.[1] (2) Между тем по окончании празднества пелопоннесская эскадра в числе 21 корабля вышла в море под начальством Алкамена, держа курс на Хиос. Афиняне же сначала поплыли вслед за ними с равным числом кораблей, стараясь завлечь неприятеля в открытое море. Пелопоннесцы, однако, не долго шли этим курсом, но вскоре повернули назад. Тогда и афиняне возвратились назад. (3) Афиняне не доверяли семи хиосским кораблям, и поэтому позднее снарядили еще 7 других, доведя число кораблей до 37, и затем начали преследовать шедшую вдоль берега неприятельскую эскадру вплоть до коринфского Спирея (Спирей — это отдаленная заброшенная гавань у границ Эпидаврии).[2] Пелопоннесцы потеряли в открытом море один корабль, остальным же удалось благополучно укрыться в гавани. (4) Здесь во время атаки афинян с моря и десанта с суши пелопоннесские силы пришли в замешательство. Афиняне повредили на берегу большинство неприятельских кораблей и убили военачальника Алкамена, сами потеряв при этом несколько своих людей.

11. По окончании битвы афиняне оставили на месте достаточное число кораблей для наблюдения за неприятелем. Остальные корабли бросили якорь близ лежащего островка.[1] Неподалеку они разбили лагерь и послали за помощью в Афины. (2) Ведь на следующий день на помощь пелопоннесцам для охраны кораблей с суши прибыли коринфяне, а вскоре и другие подкрепления из соседней области. Увидев, что в такой пустынной местности трудно охранять корабли, пелопоннесцы недоумевали, что предпринять. Сначала они хотели сжечь корабли, а затем решили вытащить их на сушу и охранять расположенным поблизости отрядом сухопутного войска, пока не представится случай спастись бегством. Узнав о их затруднительном положении, Агис послал на помощь спартиата Фермона.[2] (3) Между тем лакедемоняне получили известие об отплытии эскадры из Истма. Ведь эфоры приказали Алкамену сразу же по выходе в море послать им всадника с вестью и хотели тотчас отправить пять кораблей под начальством Халкидея, которого должен был сопровождать Алкивиад. Затем уже во время сборов к отплытию пришла вторая весть о бегстве кораблей в Спирей. Тогда лакедемоняне в унынии от неудачи их первого предприятия в Ионийской войне[3] решили больше не посылать кораблей из Лаконики и даже отозвать уже посланные.

12. Узнав об этом, Алкивиад снова стал советовать Эндию и другим эфорам немедленно выступить в поход. Экспедиция успеет прибыть на остров, говорил он, прежде чем хиосцы узнают о поражении лакедемонской эскадры, и сам он высадится в Ионии и легко склонит города к восстанию, изобразив им слабость афинян и энергию лакедемонян: ведь ионийцы скорее поверят ему, Алкивиаду, чем кому-либо другому. (2) Самому же Эндию Алкивиад с глазу на глаз внушал, как славно будет ему, Эндию, с помощью его, Алкивиада, поднять восстание в Ионии, привлечь царя к союзу с лакедемонянами, не уступив Агису славы этого подвига: с Агисом Алкивиад был в ссоре.[1] (3) Итак, склонив Эндия и остальных

эфоров к своему мнению, Алкивиад вместе с лакедемонянином Халкидеем со всей поспешностью вышел в море на пяти кораблях.

13. Приблизительно в это же время должны были возвратиться из Сицилии 16 пелопоннесских кораблей, которые сражались там под начальством Гилиппа.[1] У Левкады их перехватили и повредили 27 аттических кораблей, во главе с Гиппоклом, сыном Менинна, которые подстерегали идущую из Сицилии эскадру. Однако всем пелопоннесским кораблям, кроме одного, удалось уйти от неприятеля и благополучно вернуться в Коринф.

14. Халкидей и Алкивиад по пути захватывали все встречные суда, чтобы никто не мог сообщить об их прибытии. Сначала они высадились на материке у Корика[1] и освободили пленников. Здесь они встретились с несколькими своими хиосскими сторонниками, которые настоятельно советовали им, не разглашая своих планов, сразу же плыть к городу. Так они появились перед городом совершенно неожиданно, к величайшему изумлению и страху большинства хиосцев. (2) Между тем хиосские олигархи заранее все подготовили так, что совет собрался как раз в это время. В своих речах в совете Халкидей и Алкивиад объявили, что еще много других лакедемонских кораблей в пути к острову, но ничего не сказали о запертой в Спирее лакедемонской эскадре. Так сначала хиосцы, а затем вскоре и эритрейцы отложились от Афин. (3) Затем Алкивиад и Халкидей на трех кораблях отплыли в Клазомены[2] и побудили город к восстанию. Клазоменцы тотчас же переправились на материк и принялись укреплять Полихну[3] (чтобы в случае необходимости обеспечить себе отступление с островка, где они живут). Все восставшие города[4] занялись строительством укреплений и подготовкой к войне.

15. Весть о событиях на Хиосе быстро пришла в Афины, и афиняне поняли, какая великая опасность грозит им: ведь после перехода на сторону неприятеля самого большого союзного города и все остальные союзники вряд ли сохранят верность. Поэтому афиняне в первый же момент смятения отменили определенные законом кары всякому гражданину, кто внесет или поставит на голосование предложение использовать на военные нужды те 1000 талантов[1] в государственной казне, которые они с начала войны и до сих пор всячески старались сохранить в неприкосновенности. Теперь афиняне постановили затронуть эти деньги и снарядить большой флот. Затем немедленно отправили на Хиос восемь кораблей из эскадры, блокировавшей Спирей. (Эти корабли под начальством Стромбихида, сына Диотима, ушли преследовать эскадру Халкидея, но, не настигнув ее, вернулись назад). Кроме того, афиняне вскоре послали еще 12 кораблей во главе с Фрасиклом[2] (также из числа боевых сил у Спирея). (2) Семь хиосских кораблей,[3] которые помогали блокировать Спирей, они отозвали, рабов на них освободили, а свободных бросили в оковы. Другие десять кораблей были быстро укомплектованы экипажами и посланы взамен всех тех, которые были изъяты из эскадры, блокировавшей пелопоннесцев. Кроме того, предполагалось снарядить еще 40 кораблей. Афиняне были полны решимости и не щадили сил и средств для похода против восставшего Хиоса.

16. Тем временем Стромбихид с 8 кораблями прибыл на Самос. Взяв с собой один самосский корабль, он отплыл оттуда на Теос и там призывал жителей к спокойствию. Туда же отплыл с Хиоса с 23 кораблями Халкидей,[1] и одновременно вдоль побережья приближалось сухопутное войско клазоменцев и эритрейцев. (2) Заметив вовремя противников, Стромбихид покинул гавань до их прибытия. Уже в открытом море он увидел, как много неприятельских кораблей идет с Хиоса и, преследуемый неприятелем, бежал к Самосу. (3) Сухопутное войско теосцы сначала не приняли, но после бегства афинян впустили его. Некоторое время сухопутное войско ожидало возвращения Халкидея из погони, но так как тот задерживался, то воины сами принялись разрушать укрепление, построенное афинянами для защиты Теоса с суши. Небольшой отряд варваров во главе со Стагом, одним из подчиненных Тиссаферна, помогал разрушить укрепление.[2]

17. Закончив преследование Стромбихида до Самоса Халкидей и Алкивиад вооружили тяжелым вооружением гребцов пелопоннесских кораблей [1] и оставили их на Хиосе. Вместо них они набрали экипажи (для своих кораблей и двадцати других) из хиосцев и отплыли к Милету, чтобы склонить город к восстанию. (2) Ведь Алкивиад, который был в дружественных отношениях с главарями олигархов в Милете,[2] желал привлечь Милет на свою сторону еще до прибытия пелопоннесской эскадры и только с помощью боевых сил хиосцев и Халкидея привлечь к восстанию как можно больше ионийских городов. Таким образом Алкивиад хотел доставить славу успеха экспедиции хиосцам, себе самому, Халкидею и (во исполнение своего обещания) Эндию, который его и послал. (3) Бóльшую часть пути Алкивиаду и Халкидею удалось пройти незаметно и затем, лишь немного опередив Стромбихида и Фрасикла (который только что присоединился к нему, прибыв из Афин с 12 кораблями, и теперь участвовал в преследовании неприятеля), склонить Милет к восстанию. Преследуя врагов по пятам, афинская эскадра в составе 19 кораблей прибыла к Милету. Милетяне, однако, не приняли афинские корабли, и те бросили якорь против города у острова Лады.[3] (4) Сразу же после восстания Милета лакедемоняне заключили свой первый договор [4] с царем при посредстве Тиссаферна и Халкидея. Договор гласил так.

18. «Лакедемоняне и союзники заключили союз с царем и Тиссаферном на нижеследующих условиях. Все земли и города, которыми царь владеет или владели его предки, должны принадлежать царю. Сколько бы денег и других доходов ни поступало до сих пор к афинянам от этих городов, пусть царь и лакедемоняне с союзниками отныне не допускают афинян получать эти деньги и другие доходы.[1] (2) И пусть царь и лакедемоняне с союзниками сообща ведут войну против афинян. Мира же с афинянами не заключать без взаимного согласия царя, с одной стороны, и лакедемонян с союзниками — с другой. (3) Если кто-либо восстанет против царя, то пусть будет врагом лакедемонян и их союзников. А если кто поднимет восстание против лакедемонян и их союзников, то равным образом да будет врагом царя». Таковы были условия союза.

19. Вскоре после этого хиосцы, снарядив еще 10 кораблей, отплыли в Анеи,[1] чтобы разведать о положении в Милете и вместе с тем чтобы склонить к восстанию против афинян города на побережье. (2) Однако они получили приказ Халкидея возвратиться ввиду приближения войска Аморга.[2] Тогда хиосцы отплыли к святилищу Зевса,[3] где заметили афинскую эскадру в составе 16 кораблей, с которыми Диомедонт[4] прибыл из Афин вслед за Фрасиклом. (3) При виде афинской эскадры хиосцы немедленно бежали: один корабль — в Эфес,[5] а остальные — к Теосу. Афиняне захватили 4 корабля без людей (экипажи их уже раньше бежали на берег). Остальные корабли бежали в город теосцев. (3) Затем афиняне отплыли на Самос, хиосцы же на оставшихся кораблях снова вышли в море и с помощью сухопутного войска[6] побудили Лебедос,[7] а потом и Эры[8] отложиться от афинян. После этого сухопутное войско и корабли возвратились домой.

20. Около этого времени 20 пелопоннесских кораблей (которые афиняне во время преследования оттеснили в Спирей и затем блокировали равным числом своих кораблей)[1] сделали неожиданную вылазку. В сражении они одержали победу, захватив 4 афинских корабля. Вернувшись в Кенхреи,[2] они стали готовиться там к новому походу на Хиос и в Ионию. Прибыл в Кенхреи из Лакедемона и наварх[3] Астиох, который командовал теперь всем пелопоннесским флотом. (2) Тем временем сухопутное войско клазоменцев и эритрейцев возвратилось из Теоса. Вернулся также и Тиссаферн с войском, разрушив остатки афинского укрепления в Теосе. Немного спустя после ухода Тиссаферна в Теос прибыл Диомедонт с 10 афинскими кораблями и заключил с жителями соглашение, по которому они обязались принимать к себе афинян, так же как и пелопоннесцев. Затем Диомедонт отплыл вдоль побережья на Эры, но после безуспешного нападения на город возвратился назад.

21. В это же время произошло восстание на Самосе. С помощью экипажа стоявших там трех афинских кораблей народ на острове поднялся против господства аристократов.[1] Восставшие перебили в общем около 200 сторонников аристократической партии и 400 человек отправили в изгнание. Затем победители распределили между собой земли и дома противников. Афинский народ, уверенный теперь в их надежности, даровал самосцам независимость. С тех пор город был во власти демократов. Своих противников, прежних землевладельцев, демократы лишили гражданских прав и даже эпигамии с семьями из народа.

22. После этого в течение всей летней кампании[1] хиосцы не ослабляли своей усердной деятельности. Они и без пелопоннесцев повсюду поднимали восстание, так как было весьма важно склонить как можно больше городов разделить общую опасность. Еще тем же летом хиосцы отплыли с эскадрой в 15 кораблей на Лесбос (согласно решению лакедемонян идти туда после Хиоса, а затем в Геллеспонт).[2] Между тем сухопутное войско подошедших пелопоннесцев и их местных союзников[3] двинулось вдоль побережья на Клазомены и Киму.[4] Во главе пехоты стоял спартиат Евал, а командиром эскадры был периэк Дориад.

(2) Эскадра отплыла на Лесбос и сначала склонила к восстанию Мефимну.[5] Здесь пелопоннесцы оставили 4 корабля, остальные же корабли подняли восстание в Митилене.

23. Между тем лакедемонский наварх Астиох вышел в море с 4 кораблями из Кенхрей (как он и предполагал) [1] и прибыл на Хиос. На третий день после его прибытия туда афинская эскадра в составе 25 кораблей во главе с Леонтом и Диомедонтом взяла курс на Лесбос (Леонт прибыл из Афин с 10 кораблями позднее Диомедонта). (2) К вечеру того же дня Астиох, присоединив к своей эскадре один хиосский корабль, вышел в море, держа курс также на Лесбос, чтобы, если возможно, оказать помощь хиосскому флоту. Он прибыл в Пирру,[2] а оттуда на следующий день в Эрес.[3] (3) Там Астиох узнал, что Митилена взята штурмом афинянами. Действительно, афинские корабли, как были в походном строю, сразу вошли в гавань, где их совершенно не ожидали, разбили хиосскую эскадру и, после высадки, преодолев сопротивление горожан, захватили город. (4) Это известие Астиох получил от жителей Эреса с хиосских кораблей, оставленных Евбулом в Мефимне.[4] Эти корабли бежали тотчас же после взятия Митилены и теперь встретились с Астиохом, но только три из четырех, так как один был захвачен афинянами. Поэтому Астиох не пошел на Митилену, а поднял восстание в Эресе и вооружил ее жителей. Затем, высадив своих гоплитов с кораблей, он отправил их во главе с Этеоником в Антиссу[5] и Мефимну. Сам же со своими кораблями и тремя хиосскими отплыл туда вдоль побережья в надежде, что мефимнейцы при виде их соберутся с духом и сохранят верность восстанию. (5) Однако на Лесбосе он всюду встречал сопротивление, и поэтому ему пришлось снова посадить своих гоплитов на корабли и отплыть на Хиос. Сухопутное войско с кораблей, которое должно было отправиться в Геллеспонт, также вернулось, ничего не добившись по своим городам. Немного спустя на Хиос прибыло шесть союзнических пелопоннесских кораблей, находившихся в Кенхреях. (6) Афиняне же, восстановив свое господство на Лесбосе, вышли в море и затем захватили на материке укрепленную клазоменцами Полихну. Жителей ее они перевели (кроме бежавших в Дафнунт[6] зачинщиков восстания) назад в город на острове. Так Клазомены снова присоединились к афинскому союзу.

24. В то же лето стоявшая на якоре против Милета у Лады афинская эскадра из 20 кораблей высадила десант у Панорма [1] в Милетской области. В сражении афиняне убили лакедемонского военачальника Халкидея, который вышел против них с небольшим отрядом. Три дня спустя афиняне еще раз высадились на материке и поставили трофей, который милетяне, однако, разрушили как воздвигнутый на не принадлежащей афинянам земле. (2) Между тем Леонт и Диомедонт во главе афинской эскадры с Лесбоса продолжали военные действия на море против Хиоса, причем опорными пунктами служили им лежащие против Хиоса Энусские острова,[2] занятые ими в Эритрейской области укрепленные места Сидусса и Птелей[3] и сам Лесбос. К несению мореходной службы они принудительно привлекли внесенных в списки военнообязанных гопли-

тов.[4] (3) Афиняне высадились у Кардамил и одержали победу при Болиске над вышедшими им навстречу хиосцами, нанесли противнику тяжелые потери и опустошили окрестности. Затем они одержали победу во втором сражении при Фанах и в третьем — при Левконии.[5] После этого хиосцы уже больше не выходили в море, и афиняне опустошили их прекрасно возделанные поля, со времени мидийских войн не страдавшие от вражеского нашествия. (4) Ведь хиосцы, насколько я знаю, единственные, наряду с лакедемонянами,[6] кто сохранил даже во время процветания благоразумную умеренность и у которых вместе с усилением могущества государства упрочивался также законный порядок. (5) И хотя хиосцы при восстании, видимо, проявили меньше осмотрительности и благоразумия, все же они отважились только в расчете на помощь множества доблестных союзников, будучи уверены, что сами афиняне после сицилийского несчастья не выступят, понимая безнадежность своего положения. Если они все же обманулись в этом из-за неподдающихся расчету превратностей судьбы, то это заблуждение они разделили со многими другими, которые, подобно им, полагали, что мощь Афин вскоре будет сломлена. (6) Теперь же некоторые сторонники демократии, видя, что они блокированы с моря и неприятель разоряет страну, задумали склонить город к возобновлению союза с афинянами. Власти проведали об их замысле, но не подавали вида, что им все известно. Тем не менее, они вызвали из Эрифр наварха Астиоха с четырьмя кораблями и вместе с ним стали обдумывать, как бы подавить заговор, применив сколь возможно мягкие меры: взять ли им заложников или поступить как-нибудь иначе. Так обстояли дела на Хиосе.

25. В конце того же лета прибыли на Самос 1000 афинских гоплитов, 1500 аргосцев (из них 500 первоначально были легковооруженными, но афиняне дали им тяжелое вооружение), а также 1000 союзников. Эти подкрепления были переправлены на 48 кораблях (из них несколько транспортных) под начальством Фриниха,[1] Ономакла и Скиронида. Переправившись к Милету, эскадра заняла там позицию, разбив лагерь около города. (2) Милетяне в числе 800 своих гоплитов, пелопоннесцы, прибывшие с Халкидеем[2] и некоторое число наемников Тиссаферна (который прибыл сам со своей конницей) вышли из города и завязали сражение с афинянами и их союзниками. (3) Аргосцы пренебрежительно относясь к стоявшим против них ионийцам, как неспособным выдержать их натиск, слишком быстро устремились вперед своим крылом, уже во время атаки потеряли боевой порядок и потерпели поражение от милетян (оставив на поле битвы 300 павших). (4) Напротив, афиняне своим крылом сначала одолели пелопоннесцев, а затем заставили отступить варваров и остальное войско. С милетянами же афинянам не пришлось вступить в бой, так как те после поражения аргосцев, видя отступление остального своего войска, отступили в город, но как победители расположились лагерем под самыми стенами города. (5) Получилось так, что в этой битве ионийцы на обоих флангах одолели дорийцев. Действительно, афиняне победили стоявших против них пелопоннесцев, а миле-

тяне — аргосцев. Афиняне поставили трофей и решили окружить осадной стеной лежащий на мысе город, полагая, что если они захватят Милет, то все остальные города легко будет подчинить.

26. Между тем уже поздно вечером афиняне получили известие об ожидаемом вскоре прибытии из Пелопоннеса и Сицилии эскадры в составе 55 кораблей. Действительно, сиракузянин Гермократ настоятельно советовал окончательно сокрушить общими силами могущество афинян. И вот из Сиракуз пришло 20 кораблей,[1] 2 — из Селинунта и с ними все снаряжавшиеся в Пелопоннесе и теперь уже готовые корабли.[2] Во главе обеих эскадр стоял лакедемонянин Ферименид, который должен был привести корабли наварху Астиоху. Эскадры сначала взяли курс на Лерос (остров, лежащий перед Милетом). (2) Услышав, что афиняне у Милета, они направились отсюда сперва в Иасский[3] залив, чтобы узнать об участи города. (3) Алкивиад приехал верхом в Тихиуссу,[4] что в Милетской области (у той части залива, где эскадра провела ночь), и от него они узнали все подробности о битве: ведь Алкивиад сам участвовал в ней,[5] сражаясь на стороне милетян и Тиссаферна. Алкивиад дал пелопоннесцам совет: если они не желают потерять Ионию и погубить все дело, то должны немедленно оказать помощь Милету, не допустив блокады города.

27. Итак, пелопоннесцы намеревались на заре выступить на помощь Милету. Между тем афинский стратег Фриних получил из Лероса[1] точные сведения о походе неприятельской эскадры. Хотя его товарищи по командованию[2] желали остаться у Милета и дать морской бой, Фриних наотрез отказался, объявив, что ни сам не будет сражаться и, насколько это от него зависит, ни им, ни кому-либо другому не позволит. (2) Так как теперь есть возможность, говорил Фриних, точно установить как число вражеских кораблей, так и соотношение наших сил с неприятельскими, то следует дать бой позднее, где желательно нам, сделав заблаговременно соответствующие приготовления. Он, Фриних, никогда не пойдет на безрассудный риск, уступая ложному стыду. (3) Ведь отступать перед вражеским флотом, если к этому вынуждают обстоятельства, для афинян вовсе не позор, а вот потерпеть поражение при любых обстоятельствах им будет куда позорнее. И поражение для нашего города чревато не только позором, но и величайшей опасностью. Ведь после недавней катастрофы афинянам вряд ли следует нападать первыми, даже с достаточными силами, во всяком случае без крайней нужды, а тем более теперь без всякого повода самим добровольно подвергать город опасностям. (4) Фриних настоятельно советовал далее немедленно принять на борт раненых, пехоту и весь багаж и корабельное снаряжение, бывшее с ними. Добычу же, взятую на вражеской земле, напротив, оставить, чтобы облегчить корабли, и затем отплыть на Самос. Оттуда, собрав все исправные корабли, афиняне при удобном случае могут предпринимать дальнейшие действия. (5) Убедив остальных, Фриних так и поступил. Впрочем, не только в этом случае, но также и впоследствии, при других обстоятельствах, Фриних выказал себя проницательным и благоразум-

ным деятелем.[3] (6) Таким-то образом афиняне в тот же вечер покинули Милет, не завершив своей победы; также и аргосцы, в досаде на свою неудачу, спешно отплыли[4] из Самоса домой.

28. Между тем пелопоннесцы на заре отплыли из Тихиуссы и по прибытии в Милет не нашли уже там афинян. В Милете они оставались один день, на следующее же утро, присоединив к себе хиосскую эскадру Халкидея (которую прежде преследовали афиняне),[1] пелопоннесцы отправились в Тихиуссу, чтобы забрать оставленное там корабельное снаряжение. (2) Туда же к ним прибыл Тиссаферн со своим войском. Он убедил пелопоннесцев плыть к Иасу,[2] где еще держался его враг Аморг. (3) Пелопоннесцы внезапно напали на Иас и взяли его приступом (ведь жителям не могло даже прийти в голову, что перед ними не аттический флот); при этом особенно отличились сиракузяне. Незаконный сын Писсуфна Аморг,[3] поднявший восстание против царя, живым попал в руки пелопоннесцев, а те передали его Тиссаферну с тем, чтобы тот, если пожелает, доставил его, согласно приказу, к царю. Иас пелопоннесцы совершенно разрушили, и войско захватило там богатую добычу. Ведь Иас с давних пор был богатым городом. (4) Наемникам же Аморга они не причинили вреда и присоединили к своему войску, так как они большей частью были пелопоннесцами.[4] Город же и всех пленников (свободных и рабов) они уступили Тиссаферну, причем получили по уговору за каждого пленника по дарику. Затем пелопоннесцы возвратились в Милет. (5) Педарита, сына Леонта (которого лакедемоняне хотели послать военачальником на Хиос), они отправили по суше до Эритр с наемниками Аморга. В Милет же правителем был назначен Филипп.[5] Так окончилось лето.

29. На следующую зиму[1] Тиссаферн, укрепив Иас и оставив там гарнизон, прибыл в Милет. Здесь он, как и обещал в Лакедемоне,[2] уплатил месячное жалование экипажам всех кораблей по 1 аттической драхме на человека в день. Впредь, однако, он предложил платить только 3 обола,[3] пока не получит согласия царя, и только если тот разрешит, обещал заплатить по полной драхме. (2) Однако Гермократ, сиракузский военачальник, возражал против этого, тогда как Фернмен был готов уступить (сам он не был навархом эскадры, но лишь сопровождал ее, чтобы затем передать командование Астиоху). Тогда Тиссаферн обещал (на том они и сошлись) все же платить каждому гребцу несколько больше трех оболов, из расчета общей суммы на пять кораблей лишних. Он предложил ежемесячно выдавать на 55 кораблей по 30 талантов в месяц, а экипажам всех остальных кораблей сверх этого числа платить так же, исходя из этого расчета.

30. Той же зимой на Самос прибыло еще 35 кораблей из Афин во главе со стратегами Хармином, Стромбихидом и Евктемоном. После этого стратеги собрали весь свой флот, включая корабли с Хиоса,[1] и решили бросить жребий: кому с эскадрой блокировать Милет,[2] кого послать на Хиос с кораблями и войском. Так они и поступили. Стромбихид, Онамакл[3] и Евктемон с 30 кораблями (помимо транспортных судов с частью

гоплитов из тысячи, ранее присоединившейся к войску у Милета),[4] по жребию, отплыли на Хиос. Остальные стратеги с эскадрой из 74 кораблей оставались у Самоса и, господствуя на море, делали набеги на Милет.

31. Между тем Астиох, опасаясь измены на Хиосе, набирал заложников.[1] Однако, узнав о подходе эскадры Феримена и о том, что дела союзников улучшились,[2] прекратил набор и с 10 пелопоннесскими и 10 хиосскими кораблями вышел в море. (2) После неудачной попытки взять Птелей,[3] плывя вдоль берега, он прибыл в Клазомены. Сторонникам афинян в Клазоменах он велел переселиться в Дафнунт[4] на материке. То же самое приказывал им и Тамос,[5] один из наместников царя в Ионии.[6] (3) Однако клазоменцы не подчинились этому. Тогда Астиох штурмовал город (не защищенный стенами). Не будучи, однако, в состоянии взять город, сам Астиох отплыл при сильном ветре, держа курс на Фокею[7] и Киму, между тем как остальная эскадра бросила якорь у островов Марафуссы, Пелы и Дримуссы,[8] лежащих напротив Клазомен. (4) Задержавшись здесь на 8 дней из-за непогоды, пелопоннесцы частью разграбили и истребили все имущество клазоменцев (которое те свезли сюда как в безопасное место), а частью поспешно погрузили на свои корабли и затем отплыли на Фокею и Киму, где и соединились с Астиохом.

32. Во время пребывания там Астиоха к нему явилось посольство лесбосцев с предложением вновь поднять восстание против афинян.[1] Астиох был готов помочь лесбосцам, но коринфяне и прочие союзники после первой неудачи возражали против этого. Тогда Астиох снялся с якоря и сам взял курс на Хиос. Однако его корабли разбросало бурей, и они, сбившись с курса, позднее подошли к Хиосу с разных сторон. (2) Вскоре после этого сухим путем из Милета[2] в Эритры прибыл также с войском Педарит[3] и оттуда переправился на Хиос. Здесь он нашел около 500 вооруженных воинов, оставленных Халкидеем из экипажей его пяти кораблей. (3) Так как некоторые лесбосцы вызвались вновь поднять восстание, то Астиох заявил Педариту и хиосцам, что следует идти морем в поход на Лесбос на помощь восстанию. В этом случае, говорил он, они либо приобретут новых союзников, либо, на худой конец, хоть нанесут ущерб афинянам. Однако хиосцы не послушались его, и Педарит отказался уступить ему хиосский флот.[4]

33. Тогда Астиох, присоединив к своим лаконским кораблям пять коринфских, шестой из Мегар и один гермионский,[1] отплыл в Милет, чтобы принять командование флотом. Против хиосцев он разразился угрозами, заявив, что после этого ни в коем случае не придет к ним на помощь в трудную минуту. (2) Бросив якорь у Корика[2] в Эритрейской области, он провел там ночь. Между тем афинская эскадра с войском, направлявшаяся из Самоса на Хиос,[3] также бросила якорь по другую сторону разделявшего их холма на мысе Корика, и обе эскадры не заметили, что находятся так близко друг от друга. (3) Между тем ночью Астиох получил письменное сообщение от Педарита о том, что несколько эритрейских пленников отпущено афинянами с Самоса, с тем чтобы за-

теять в Эритрах измену.[4] После этого Астиох немедленно отплыл назад в Эритры и при этом чуть было не попал в руки афинян. (4) Педарит также переправился к нему, и они начали допрашивать людей, подозреваемых в измене. Оказалось, однако, что все эти толки об измене лишь хитрая выдумка этих людей, чтобы бежать из Самоса, и Астиох и Педарит оправдали их. Тогда Педарит возвратился на Хиос, а Астиох продолжал путь в Милет, как он и намеревался.

34. Тем временем афинская эскадра, огибая мыс Корик по направлению на Аргин,[1] встретила три хиосских военных корабля, и, увидев их, пустилась в погоню. Поднялась сильная буря, и хиосским кораблям с трудом удалось укрыться в гавани. Что касается афинских кораблей, то три из них, дальше всех зашедшие вперед, были сильно повреждены и выброшены на берег у Хиоса, причем экипажи их частью погибли, а частью попали в плен. Остальным кораблям удалось найти безопасное убежище в гавани под названием Феникунт под горой Мимантом.[2] Оттуда они затем переправились на Лесбос и стали готовиться к постройке укрепления Дельфиния.

35. Той же зимой отплыл в Книд[1] из Пелопоннеса лакедемонянин Гиппократ с одним лаконским, одним сиракузским и десятью фурийскими кораблями[2] под начальством Дориея, сына Диагора, и других (Книд под влиянием Тиссаферна в это время уже отпал от Афин). (2) Когда пелопоннесские военачальники[3] в Милете услышали об их прибытии, они приказали одной половине кораблей охранять Книд, а другой — у Триопия[4] наблюдать за идущими из Египта транспортами с хлебом и захватывать их. (3) (Триопий — это выдающийся в море мыс на побережье Книда со святилищем Аполлона). Узнав об их намерении, афиняне вышли в море из Самоса и захватили шесть сторожевых кораблей у Триопия. Экипажи их успели бежать. Затем афиняне отплыли к Книду, атаковали неукрепленный стенами город и едва не захватили его. (4) На следующий день они возобновили штурм, но жители за ночь успели укрепить свою оборону и, кроме того, в город проникла некоторая часть воинов с кораблей, захваченных афинянами у Триопия. Поэтому афиняне уже не могли нанести врагам такого урона, как прежде, и, опустошив Книдскую область, отплыли на Самос.

36. К тому времени, когда Астиох прибыл в Милет и принял командование флотом,[1] в лагере пелопоннесцев запасы съестного были еще в изобилии. Жалованья гребцам выдавалось достаточно[2] (к тому же в руки воинов попала большая добыча, взятая в Иасе).[3] Милетяне же с готовностью переносили тяготы войны. (2) Однако пелопоннесцы считали прежний договор с Тиссаферном (заключенный Халкидеем)[4] недостаточно для себя выгодным. Поэтому теперь (еще в присутствии Ферименa) они заключили новый договор следующего содержания.

37. «Лакедемоняне и союзники заключают договор о дружбе и союзе с царем, с сыновьями царя[1] и с Тиссаферном на следующих условиях. (2) Против всех земель и всех городов, принадлежащих царю Дарию или принадлежавших его отцу и предкам, ни лакедемоняне, ни их

союзники не должны воевать или причинять им какой-либо ущерб. Лакедемоняне и их союзники не должны собирать дань с этих городов. Царь же Дарий и его подданные не должны воевать против лакедемонян и их союзников и причинять им какой-либо ущерб. (3) Если лакедемоняне или их союзники будут иметь какие-либо притязания к царю или царь будет иметь какие-либо притязания к лакедемонянам и их союзникам, то все, что они решат по взаимному согласию, должно считаться правильным. (4) Войну же с афинянами и их союзниками царь и лакедемоняне должны вести сообща и, если будут заключать мир, то действовать также сообща. Царь обязан оплачивать расходы на содержание всех войск, находящихся в его стране по его просьбе. (5) Если какой-нибудь город, участник этого договора, нападет на царские земли, то остальные города должны вступиться и помогать царю, насколько это в их силах. И если кто-либо из жителей царской земли[2] или земли ему подвластной[3] нападет на землю лакедемонян или их союзников, то царь должен вступиться и помогать лакедемонянам или их союзникам по мере возможности».

38. После заключения этого договора Фернмен передал командование флотом Астиоху и отплыл на челне и с тех пор исчез. (2) Между тем афиняне, переправившись с войском с Лесбоса на Хиос[1] и господствуя отныне на море и на суше, стали укреплять Дельфиний[2] — место невдалеке от города Хиоса (уже укрепленное от природы со стороны суши и имеющее гавани). (3) Хиосцы тем временем бездействовали: они уже несколько раз терпели неудачи в сражениях, и к тому же внутреннее положение в городе было далеко не благополучно. Ведь Педарит казнил уже Тидея,[3] сына Иона, и его сторонников за сочувствие афинянам, и в городе было насильственно введено олигархическое правление. Поэтому граждане относились друг к другу с подозрением. При таких обстоятельствах и сами хиосцы, и наемники Педарита, видимо, считали, что им не под силу вступить в бой с афинянами. (4) Тем не менее они послали в Милет к Астиоху просьбу о помощи, но тот отказал. Тогда Педарит отправил в Лакедемон письмо с жалобой на Астиоха, обвиняя последнего в нарушении своего долга. (5) Таким образом, на Хиосе дела складывались благоприятно для афинян. Афинская эскадра у Самоса время от времени совершала нападения на вражеские корабли в Милете, но так как неприятель не выходил, то афиняне возвращались на Самос и держались спокойно.

39. Той же зимой в пору солнцеворота из Пелопоннеса в Ионию отплыла эскадра в составе 27 кораблей под начальством спартиата Антисфена (снаряженная лакедемонянами для Фарнабаза по настоянию Каллигита из Мегары и Тимагора из Кизика). (2) Вместе с ним лакедемоняне послали советниками Астиоху[1] одиннадцать спартиатов (среди них был и Лихас,[2] сын Аркесилая). Они были уполномочены по прибытию в Милет озаботиться и другими делами, в чем они найдут это уместным. Корабли же по своему усмотрению или эти самые или другие в большем или меньшем числе они должны были отослать Фарнабазу в Геллеспонт под начальством Клеарха,[3] сына Рамфия (который плыл вместе с ними).

Если советники сочтут необходимым, то могут отрешить Астиоха от командования флотом, заменив его Антисфеном. Ведь после доноса Педарита лакедемонские власти взяли Астиоха под подозрение. (3) Итак, плывя от Малеи [4] в открытое море, эти корабли пришли к Мелосу,[5] где застали 10 афинских кораблей, причем 3 корабля без экипажей захватили и сожгли. Затем, опасаясь, как бы остальные, спасшиеся из Мелоса, афинские корабли не сообщили о них на Самос (что действительно и случилось), они из осторожности пошли более долгим путем: взяв курс на Крит, они бросили якорь в Кавне в Азии.[6] (4) Отсюда, считая себя уже в безопасности, они послали вестника к милетской эскадре с требованием послать корабли для их сопровождения к Милету.

40. Между тем хиосцы и Педарит продолжали посылать вестников к Астиоху, невзирая на его упорный отказ. Они настоятельно требовали выступления к ним, осажденным, на помощь со всей эскадрой, чтобы не допустить блокады с моря и разорения и грабежа с суши самого важного из ионийских союзных городов. (2) Ведь на Хиосе было гораздо больше рабов, чем где-либо в другом городе (кроме Лакедемона), и эти рабы, именно из-за их многочисленности, подвергались там за свои провинности слишком суровым карам. Поэтому, поскольку афиняне, казалось, прочно и надолго утвердились в своих укреплениях, большинство рабов тотчас перебежали к ним и, благодаря знанию местности, нанесли огромный вред хиосцам. (3) Поэтому хиосцы велели сказать Астиоху, что помощь необходима немедленно, пока есть еще надежда и возможность вмешаться. Хотя строительство укреплений Дельфиния еще не завершено, но афиняне продолжают возводить осадные укрепления, намереваясь окружить лагерь и корабли большим валом. Ввиду такой настойчивости союзников Астиох теперь все-таки решил помочь хиосцам (хотя из-за упомянутой выше угрозы [1] вовсе не был склонен к этому).

41. Тем временем из Кавна пришло известие о приходе эскадры в составе 27 кораблей с лакедемонскими советниками на борту. Тогда Астиох решил, что теперь важнее всего как можно скорее установить господство на море, чтобы эскортировать столько кораблей и безопасно переправить в Милет лакедемонских советников, прибывших, чтобы вести там наблюдение. Поэтому он тотчас изменил свой план идти на Хиос и взял курс на Кавн. (2) Идя вдоль побережья, он высадился на острове Косе меропийском.[1] Город не был защищен стенами и лежал в развалинах, разрушенный самым сильным землетрясением на нашей памяти. Жители его бежали в горы. Астиох разграбил город, разорил страну и увез с собой как добычу все, что попалось ему в руки, кроме свободных жителей, которых он отпустил. (3) Из Коса он прибыл ночью к Книду, но по настоянию жителей не высадился на берег, а тотчас же отплыл против афинской эскадры из 20 кораблей под начальством Хармина.[2] (Это был один из самосских стратегов, подстерегавший пелопоннесскую эскадру из 27 кораблей, навстречу которым плыл и Астиох.) (4) Афиняне у Самоса получили донесение об их прибытии из Мелоса,[3] и поэтому Хармин подстерегал их у Симы,[4] Халки [5] и Родоса и в Ликийских

водах. Ведь Хармин уже знал, что вражеские корабли находятся у Кавна.

42. Астиох тотчас же взял курс на Симу, пока неприятелю не стало известно о его прибытии, в надежде, если возможно, перехватить вражескую эскадру где-нибудь в открытом море. Однако его корабли от дождя и густого тумана на море ночью потеряли строй и связь друг с другом, плывя вслепую. (2) На рассвете эскадра Астиоха была рассеяна, и только одно ее левое крыло открылось афинянам, тогда как другие корабли все еще блуждали около острова. Афиняне во главе с Харминым быстро вышли в море (хотя не все из 20 кораблей были налицо), полагая, что это была только та эскадра из Кавна, которую они подстерегали. (3) Они тотчас же атаковали неприятеля; потопив три корабля, они вывели из строя другие и уже одерживали верх, когда неожиданно обнаружили большую часть лакедемонского флота, угрожающую окружить их. (4) Тогда афиняне обратились в бегство, потеряв при этом шесть кораблей. Остальным кораблям удалось найти убежище на острове Тевтлуссе [1] (оттуда они потом пришли в Галикарнасс).[2] (5) После этого пелопоннесцы бросили якорь в Книде и там, соединившись с эскадрой в составе 27 кораблей из Кавна, отплыли в Симу и поставили трофей. Затем они возвратились в Книд и стали там на якорь.

43. Узнав об исходе морской битвы, афиняне немедленно со всей эскадрой отплыли из Самоса, держа курс на Симу. Они не атаковали корабли пелопоннесцев у Книда, так как и те не нападали на них. В Симе афиняне захватили оставленное пелопоннесцами корабельное снаряжение, затем напали на Лоримы [1] (место на материке) и возвратились на Самос. (2) Все пелопоннесские корабли теперь собрались в Книде [2] и производили необходимый после сражения ремонт. Между тем одиннадцать лакедемонян [3] вели переговоры с прибывшим туда Тиссаферном о предметах договоренности в тех ее частях, которые вызывают у них возражения, а также о том, как следует в общих интересах отныне вести войну. (3) Особенно резкой критике подверг прежние договоры Лихас. Он заявил, что оба договора — Халкидея и Ферименa [4] — неправильны. Недопустимо, чтобы царь претендовал на все земли, которыми он сам или его предки некогда владели. Действительно, если бы лакедемоняне приняли такие условия, то все острова и даже Фессалия, и вся Эллада вплоть до Беотии вновь попали бы под иго мидян, и тогда вместо свободы лакедемоняне навязали бы эллинам мидийское владычество. (4) Поэтому Лихас потребовал заключения другого, лучшего договора или по крайней мере отмены прежнего. На таких условиях, объявил он, лакедемонянам вовсе не нужно оплаты для флота и войска. Возмущенный такими словами Тиссаферн, ни о чем не договорившись, в раздражении уехал.

44. Между тем пелопоннесцы получили предложения от самых влиятельных олигархов на Родосе. Они решили плыть на Родос, чтобы привлечь на свою сторону этот могущественный остров, обладавший многочисленными морскими и сухопутными силами: по их расчетам, при таких

союзниках они будут в состоянии впредь содержать флот, не обращаясь к Тиссаферну за денежной помощью на содержание флота. (2) Итак, той же зимой пелопоннесцы отплыли из Книда с эскадрой из 94 кораблей и сначала напали на Камир[1] в родосской области. Большинство жителей его, не зная о предшествовавших переговорах, в страхе бежало (тем более, что город не был укреплен стенами). Тогда лакедемоняне собрали жителей этого города, а также двух других городов — Линда[2] и Иелиса,[3] и убедили их отложиться от афинян. Так Родос перешел на сторону пелопоннесцев. (3) Когда афиняне на Самосе узнали о намерении пелопоннесцев, то немедленно отплыли к острову в надежде предупредить их и появились на взморье перед островом. Однако они прибыли слишком поздно, и поэтому тотчас же взяли курс сперва на Халку, а оттуда назад на Самос. Впоследствии они вели войну против Родоса, совершая набеги на остров из Халки и Коса. (4) Пелопоннесцы же наложили на Родос контрибуцию в 32 таланта. Затем они вытащили свои корабли на сушу и бездействовали в течение 80 дней.

45. В это время и еще ранее, именно еще до похода на Родос, происходило следующее. После смерти Халкидея и битвы при Милете[1] Алкивиад возбудил против себя подозрение пелопоннесцев, и Астиох даже получил из Лакедемона письмо с предложением убить его (Алкивиад был личным врагом Агиса[2] и вообще казался человеком ненадежным). Поэтому сначала, опасаясь за свою жизнь, он бежал к Тиссаферну и начал как мог вредить пелопоннесцам, настраивая сатрапа против них. Тиссаферн следовал теперь во всем советам Алкивиада. (2) Так Алкивиад побудил Тиссаферна урезать жалование пелопоннесским гребцам до 3 оболов (вместо аттической драхмы), да и эти деньги сатрап выдавал нерегулярно. При этом Алкивиад советовал Тиссаферну сказать пелопоннесцам, что и афиняне, имея долгий опыт в морском деле, также платят своим морякам только 3 обола, и не из-за недостатка в деньгах, а для того, чтобы моряки, предаваясь излишествам, не стали тратить слишком много денег на вредные для здоровья удовольствия и тем ослаблять свои силы, а также чтобы они не дезертировали с кораблей, если с них не будут удерживать в виде залога часть жалования.[3] (3) Алкивиад также научил Тиссаферна подкупом склонить триархов и стратегов союзных городов согласиться на эту меру (все они уступили, за исключением сиракузян). Сиракузский стратег Гермократ от имени всех союзников возражал против этого. (4) Когда все восставшие союзные города начинали просить денег, Алкивиад грубо выпроваживал их представителей. От имени Тиссаферна он объявлял, что это наглое бесстыдство со стороны хиосцев, самых богатых в Элладе,[4] обязанных своим спасением чужой помощи, требовать теперь, чтобы другие не только рисковали ради их свободы своей жизнью, но еще и тратили на них свои деньги, да и (5) другие города, уплачивавшие до своего отпадения огромные деньги афинянам, поступают несправедливо, не желая тратить столько же и даже больше ради собственного блага. (6) Вместе с тем Алкивиад указывал, что Тиссаферн, естественно, теперь бережлив, так как должен

воевать на собственные средства, если же в дальнейшем будут получать деньги на их содержание от царя, то он, конечно, выплатит жалование морякам полностью и удовлетворит претензии городов.

46. Алкивиад также советовал Тиссаферну не слишком торопиться с окончанием войны и не вводить (как тот предполагал) в дело финикийский флот, не принимать на жалование одних и тех же эллинов, чтобы не доставить этим перевеса какой-нибудь одной державе на суше и на море. Следует, говорил он, поддерживать равновесие между двумя эллинскими державами, чтобы царь мог использовать одну из них против другой, ему неприязненной. (2) Напротив, если господство на суше и на море будет в одних руках, тогда кто поможет царю сокрушить победителя? И в конце концов царю придется самому начать войну с большими затратами на свой риск. Гораздо выгоднее при меньших затратах и с большей безопасностью для себя предоставить эллинам взаимно истощать друг друга. (3) Кроме того, Алкивиад указал на то, что с афинянами удобнее делить господство, так как они, в отличие от лакедемонян, меньше стремятся к завоеваниям на суше, и цели, преследуемые ими, и сами способы ведения войны наиболее соответствуют интересам Тиссаферна. Ведь афиняне будут одновременно покорять себе острова, а Тиссаферну — всех эллинов на подвластном царю азиатском побережье. Лакедемоняне же, напротив, пришли, чтобы освободить их. Поэтому весьма невероятно, чтобы лакедемоняне, желающие теперь освободить эллинов от афинского господства, не освободили их и от господства варваров, если только сами не будут в конце концов покорены. (4) Поэтому Алкивиад советовал сперва ослабить и тех и других: насколько возможно истощить афинян, а затем и пелопоннесцев изгнать из Азии. (5) Тиссаферн в основном принял этот план, по крайней мере насколько можно судить по его действиям. Вполне одобрив советы Алкивиада, Тиссаферн совершенно доверился ему. Поэтому он стал неисправно выплачивать пелопоннесцам денежное содержание и в то же время не советовал им давать морской бой афинянам, предлагая подождать до подхода финикийского флота, чтобы сражаться, имея на своей стороне превосходящие силы. Такие меры Тиссаферна расстраивали планы лакедемонян и подорвали силу их флота, который тогда находился в расцвете своего могущества. И вообще было очевидно, что Тиссаферн не усердствует в поддержании на войне своих союзников.

47. Будучи гостем царя и Тиссаферна, Алкивиад действительно считал такие советы полезными для них. Однако у него были другие соображения: он прилагал теперь все усилия для того, чтобы возвратиться на родину. Алкивиад знал, что если окончательно не погубит отечества, то рано или поздно сможет убедить сограждан вернуть его из изгнания. Убедить же их в этом, как он рассчитывал, будет легче, если в Афинах узнают о его дружеских отношениях с Тиссаферном. Так на самом деле и случилось. (2) Афинские воины у Самоса скоро узнали, что Алкивиад пользуется большим влиянием у Тиссаферна. Сам Алкивиад велел передать наиболее влиятельным людям в войске его просьбу напомнить о нем

главарям олигархической партии в Афинах и дать им понять, что он готов вернуться на родину, предоставляя им дружбу с Тиссаферном, и вместе с ними управлять государством на основе олигархии, а не охлократии, которая его изгнала. Вместе с тем и независимо от Алкивиада триерархи [1] и наиболее влиятельные афиняне у Самоса стремились ниспровергнуть демократию.

48. Антидемократическое брожение началось первоначально в войске под Самосом и лишь позднее оттуда перекинулось в город. Несколько человек с Самоса переправились к Алкивиаду и вступили с ним в переговоры. Алкивиад обещал им устроить дружбу сначала с Тиссаферном, а затем даже с самим царем при условии упразднения демократии (тогда царь будет больше им доверять). Поэтому знатнейшие граждане, которые особенно страдали от тягот войны, сильно надеялись отныне не только одолеть внешнего врага, но и захватить власть в свои руки. (2) Возвратившись на Самос, эти люди привлекли своих единомышленников к заговору и объявили воинам, что царь станет другом афинян и предоставит деньги, если они возвратят Алкивиада из изгнания и уничтожат демократию. (3) Простые воины сначала были недовольны тайными переговорами, но затем, однако, успокоились в приятной надежде получать жалованье от царя. Заговорщики же, объявив свой план воинам, еще раз в более широком кругу своих сторонников обсудили предложения Алкивиада. (4) В то же время как всем остальным этот план казался легко выполнимым и верным, только у Фриниха [1] (который тогда еще был стратегом) он не встретил сочувствия. Фриних считал (и правильно), что Алкивиаду в сущности нет дела ни до олигархии, ни до демократии: ему важно лишь изменить форму правления и с помощью своих друзей вернуться на родину. Им же здесь на Самосе прежде всего нужно стараться избежать междоусобных распрей. И царь теперь, когда пелопоннесцы не менее афинян сильны на море и в их руках несколько самых важных городов его царства, также будет менее склонен хлопотать ради все еще подозрительных для него афинян. Царю было бы гораздо легче вступить в дружбу с пелопоннесцами, которые никогда не причиняли ему зла. (5) Что же до союзных городов, в которых афиняне пообещают ввести олигархию (ведь у них самих уже не будет демократии), то ему — Фриниху — хорошо известно, что ни восставшие города не вернутся к ним, ни верные еще им союзники не станут от этого надежнее. Ведь рабство — при демократии ли или при олигархии — все равно всегда будет тяжелее свободы при любом государственном строе. (6) Что же касается так называемых «лучших людей»,[2] то союзники уверены, что те доставят им не меньше неприятностей, чем демократы: ведь они зачинщики, соблазняющие народ на злые дела [3] ради собственной выгоды. Быть под властью таких людей означало бы для союзников подвергаться казням и насилиям без суда, тогда как демократия является прибежищем для них и держит олигархов в узде. (7) Опыт научил этому союзные города, и он, Фриних, это прекрасно знает. Поэтому он совершенно не одобряет того, чего теперь добивается Алкивиад.

49. Однако присутствовавшие на собрании заговорщики все же приняли предложение Алкивиада, как это было уже решено с самого начала, и стали готовиться отправить в Афины послами Писандра и других хлопотать о возвращении Алкивиада, уничтожить демократию и установить дружественные отношения с Тиссаферном.

50. Фриних, зная, что теперь в Афинах начнут обсуждать вопрос о возвращении Алкивиада [1] и что афиняне, конечно, одобрят это предложение, и опасаясь, как бы Алкивиад, возвратившись, не стал мстить ему как своему противнику из-за его возражений, прибегнул к следующей уловке. (2) Он тайно отправил Астиоху, лакедемонскому наварху, находившемуся тогда в Милете, письмо, в котором с указанием всех подробностей сообщал, что Алкивиад склоняет Тиссаферна на сторону афинян во вред интересам пелопоннесцев. При этом он добавил, что его не следует винить за то, что он задумал отомстить врагу даже ценой ущерба родному городу. (3) Однако Астиох и не думал покарать Алкивиада (тем более что тот уже не был как прежде в его власти). Напротив, он прибыл к нему и к Тиссаферну в Магнесию [2] и сообщил им содержание письма, полученного из Самоса, сам став доносчиком. Как говорили, Астиох, будучи подкуплен, даже начал с Тиссаферном тайные переговоры, предлагая ему свои услуги как в этом деле, так и во всем остальном. Поэтому-то он и слишком вяло возражал против уплаты жалования воинам неполностью.[3] (4) Алкивиад тотчас же отправил военачальникам на Самос письменное сообщение об измене Фриниха, требуя его казни. (5) Сильно встревоженный Фриних, которому действительно грозила величайшая опасность в обличениях Алкивиада, отправил второе письмо Астиоху с упреками в том, что тот не сохранил в тайне, как должен был сделать, его прежнее сообщение. Вместе с тем Фриних предложил доставить пелопоннесцам случай уничтожить все афинское войско на Самосе. При этом он подробно описал, как лучше всего можно атаковать неукрепленный Самос. Теперь, говорил он, когда его жизни угрожает опасность, лакедемоняне, в интересах которых он действует, не должны ставить ему в вину, что он этим или другими средствами делает все возможное, лишь бы спастись от своих злейших врагов. Астиох, тем не менее, и об этом письме сообщил Алкивиаду.

51. Фриних, однако, предвидел вероломство Астиоха и ожидал скорого прибытия нового письма Алкивиада с дальнейшими сведениями. Чтобы предупредить опасность, он сам сообщил войску о намерении врагов напасть на эскадру. (Самос был не укреплен, и некоторые корабли стояли вне гавани.) Об этом у него, Фриниха, есть достоверные сведения. Поэтому афинянам нужно как можно скорее укрепить Самос и вообще принять все меры предосторожности. Фриних был стратегом и мог самостоятельно брать на себя ответственность за выполнение подобных мероприятий. (2) Афиняне немедленно начали строить укрепления на Самосе (который и без того предполагалось укрепить, и поэтому работы были закончены весьма скоро). Вскоре за тем пришло ожидаемое письмо Алкивиада о том, что войско предано Фринихом и враги соби-

раются напасть на Самос. Однако Алкивиаду не поверили, решив, что тот, посвященный во все вражеские планы, только из личной неприязни к Фринниху, обвиняет его в предательстве. Поэтому Алкивиад вовсе не повредил Фринниху, но скорее укрепил его положение, подтвердив своим письмом его слова.

52. С того времени Алкивиад всячески старался повлиять на Тиссаферна и убедить его стать другом афинян. Правда, Тиссаферн опасался пелопоннесцев, флот которых был сильнее афинского, но все же хотел по возможности пойти навстречу Алкивиаду, особенно когда узнал о разногласиях пелопоннесцев у Книда из-за договора Феримена.[1] Все эти пререкания происходили как раз в то время, когда пелопоннесцы уже были на Родосе.[2] Слова Алкивиада, уже ранее предупреждавшего Тиссаферна, что лакедемоняне освобождают все эллинские города (2), подтвердил Лихас во время прений по договору (он заявил, что нельзя допустить соглашение, отдающее под власть царя все города, некогда принадлежавшие ему или его предкам).[3] Алкивиад же теперь, стремясь к своей главной цели возвращения на родину, всеми средствами старался расположить к себе Тиссаферна.

53. Между тем Писандр[1] и афинские послы из Самоса по прибытии в Афины дали отчет о происшедших событиях народному собранию в общих чертах, говоря лишь о главном, и прежде всего о том, что есть возможность заключить союз с царем и одолеть пелопоннесцев, возвратив Алкивиада из изгнания и покончив с радикальной демократией.[2] (2) Что касается демократии, то многие выступали с возражениями, а недруги Алкивиада кричали, что возвращение человека, поправшего законы, было бы возмутительным нечестием. Евмолпиды и керики[3] торжественно призывали богов в свидетели, заклинали не возвращать человека, изгнанного за осквернение мистерий. В ответ на эти бурные протесты и громкие жалобы выступил Писандр. Он вызывал каждого возражавшего и спрашивал: есть ли хоть какая-нибудь надежда на спасение города, когда у пелопоннесцев столько же боеспособных кораблей, как и у самих афинян. Кроме того, у врагов больше союзников, и они получают денежную помощь от царя и Тиссаферна, в то время как афинская казна пуста и пополнить ее можно только склонив царя перейти на сторону афинян. (3) Когда все ответили на его вопрос: «нет!», Писандр прямо заявил им: «Этот союз с царем, конечно, невозможен, если мы не примем более разумный государственный строй, приближающийся к олигархии, чтобы царь проникся к нам доверием. Впрочем, в настоящих обстоятельствах нам следует решать вопрос не о форме правления (которую мы можем, если угодно, впоследствии изменить), но скорее о спасении города. Поэтому-то мы и должны возвратить из изгнания Алкивиада, который один из всех людей только и может сделать то, что ныне необходимо».

54. Раздраженный народ вначале, однако, и слышать не хотел об олигархии. Когда же Писандр дал ясно понять, что нет другого пути спасения, то народ уступил, и устрашенный и вместе с тем обнадеженный возможностью будущих перемен. (2) Было решено отправить Писандра

и с ним еще десять человек к Тиссаферну и Алкивиаду, чтобы тот договорился с ними по собственному усмотрению о наиболее выгодных условиях. (3) По доносу Писандра народ отрешил Фриниха и его сотоварища Скиронида[1] от должности стратегов и вместо них поставил во главе флота Диомедонта и Леонта.[2] Писандр полагал, что Фриних будет препятствовать переговорам с Алкивиадом и потому обвинил его в том, что тот изменнически выдал неприятелю Иас и Аморг.[3] (4) Затем Писандр обошел одно за другим все тайные политические общества[4] (и раньше в Афинах служившие средством для давления на суды и выборы должностных лиц) и убедил их объединиться и общими силами выступить против демократии. Затем, закончив все необходимые в данных обстоятельствах приготовления, Писандр, не теряя времени, отплыл с десятью товарищами к Тиссаферну.

55. Между тем Леонт и Диомедонт, приняв командование афинским флотом на Самосе, еще той же зимой совершили нападение на Родос. Там они обнаружили пелопоннесские корабли, которые были вытащены на берег.[1] Высадив небольшой десант, афиняне разбили в сражении встретивших их родосцев. С Родоса афиняне возвратились на Халку, откуда им было легче вести военные действия, чем из Коса. Действительно, отсюда было удобнее наблюдать за любыми маневрами пелопоннесской эскадры в открытом море. (2) В это же время на Родос прибыл лакедемонянин Ксенофантид[2] с известием из Хиоса от Педарита, что возведение афинских укреплений уже закончено и если вся пелопоннесская эскадра сразу не придет на помощь, Хиос будет потерян. (3) Поэтому в Лакедемоне было решено идти на помощь. Между тем на Хиосе Педарит во главе наемников и все ополчение хиосцев атаковали линию афинских укреплений, прикрывавшую корабли. Сначала им удалось захватить часть стены и несколько афинских кораблей, вытащенных на берег. Однако подоспевшие на помощь афиняне обратили хиосцев в бегство, а затем разбили и остальное войско. Сам Педарит пал, и с ним множество хиосцев, причем в руки афинян попало большое количество неприятельского оружия. Теперь хиосцы были еще крепче, чем раньше, блокированы с суши и с моря и в городе начался сильный голод.

56. Между тем афинские послы — Писандр с товарищами — прибыли к Тиссаферну для переговоров о соглашении.[1] (2) Однако Алкивиад до сих пор не был полностью уверен в Тиссаферне: ведь тот теперь более опасался пелопоннесцев, чем афинян, и все еще желал (согласно наставлениям, которые сам Алкивиад прежде ему внушал)[2] ослаблять обе стороны. Тогда Алкивиад прибегнул к такой хитрости. Он побудил Тиссаферна предъявлять афинянам чрезмерные требования, с тем чтобы соглашение не состоялось. (3) Впрочем, мне кажется, что и сам Тиссаферн желал провала переговоров из страха перед лакедемонянами. Алкивиад же видел, что Тиссаферн ни в коем случае не пойдет на соглашение. Не желая, чтобы у афинян создалось впечатление, будто он не в состоянии убедить Тиссаферна, Алкивиад хотел представить дело так, будто Тиссаферн уже убежден и желает заключить договор с афинянами, но не мо-

жет потому лишь, что сами афиняне не идут на уступки. (4) Выступая от имени присутствовавшего Тиссаферна, Алкивиад предъявил столь непомерные требования, что несмотря на далеко идущие уступки афинян, на них в конце концов ложилась ответственность за срыв переговоров. Так, Алкивиад с Тиссаферном сначала потребовали отдать царю всю Ионию, все соседние острова, а затем и многое другое. Когда же афиняне не стали возражать и на это, то Алкивиад из опасения, что тут уж безусловно обнаружится его полное бессилие повлиять на Тиссаферна, на третьей встрече с послами потребовал, наконец, разрешения царю строить флот и плавать в своих водах вдоль побережья где угодно и с любым числом кораблей. (5) Поняв, что тут ничего не добьешься и что Алкивиад их обманул, послы в гневе прервали переговоры и отплыли назад на Самос.

57. Сразу же после этого (еще той же зимой) Тиссаферн прибыл в Кавн [1] с целью побудить пелопоннесцев возвратиться в Милет, чтобы заключить с ними новый договор на приемлемых для себя условиях. Не желая окончательного разрыва с пелопоннесцами, Тиссаферн предпочитал выплачивать им содержание, так как опасался, что пелопоннесцы не будут в состоянии платить достаточное жалованье экипажам кораблей и, случись им принять бой с афинянами, потерпят поражение или же экипажи их кораблей дезертируют, не получая жалования. В том и другом случае афиняне, без него, Тиссаферна, достигнут своей цели. Особенно же он опасался, что пелопоннесцы в поисках съестного займутся грабежом близлежащих областей материка. (2) Учитывая все это, верный своей политике поддерживать равновесие между двумя враждующими сторонами,[2] Тиссаферн послал за пелопоннесцами,[3] выдал им денежное содержание [4] и заключил третий договор,[5] гласивший так.

58. «В тринадцатом году царствования Дария,[1] когда в Лакедемоне эфором был Алексиппид, на равнине Меандра [2] заключен следующий договор между лакедемонянами и их союзниками, с одной стороны, и Тиссаферном, Гиераменом [3] и сыновьями Фарнака [4] — с другой, — о делах царя и лакедемонян и их союзников. (2) Все царские владения в Азии остаются за царем, а царь может распоряжаться этими своими владениями как ему угодно. (3) Лакедемоняне и их союзники не должны нападать на царские владения и причинять им какой-либо вред, и царь также не должен нападать на землю лакедемонян и их союзников и причинять ей вред. (4) Если же кто-либо из лакедемонян и их союзников нападет на царскую землю и причинит ей вред, то лакедемоняне и союзники должны воспрепятствовать этому. И если со стороны царя кто-либо нападет и причинит вред лакедемонянам и их союзникам, то царь должен воспрепятствовать этому. (5) Тиссаферн должен доставлять содержание для имеющихся в наличии кораблей лакедемонян согласно договору,[5] вплоть до прибытия царского флота. (6) По прибытии царского флота [6] лакедемоняне и их союзники могут либо сами содержать свои корабли, либо получать деньги на это от Тиссаферна. Если они захотят получать содержание от Тиссаферна, то по окончании войны лакедемо-

няне и союзники обязаны возвратить все полученные ими деньги. (7) По прибытии царского флота корабли лакедемонян и их союзников должны совместно с ним вести войну, сообразно с тем, как признают нужным Тиссаферн, лакедемоняне и их союзники. Если же они захотят установить мир с афинянами, то должны заключить его на одинаковых условиях».

59. Так гласил договор. После того Тиссаферн (как он и обещал) [1] стал готовиться к тому, чтобы привести финикийский флот и выполнить все остальные обязательства. Он хотел по крайней мере сделать вид, что принимает меры.

60. В конце этой зимы Оропп, занятый афинским гарнизоном, был захвачен беотийцами. Содействовали этому несколько эретрийцев [1] и сами жители Оропа, задумавшие поднять восстание на Евбее. Ведь Оропп лежит напротив Эретрии, и пока он находился в руках афинян, представлял большую опасность как для Эретрии, так и для остальной Евбеи. (2) Овладев теперь Оропом, эретрийцы прибыли на Родос и просили пелопоннесцев помочь Евбее. Пелопоннесцы, однако, скорее склонялись к тому, чтобы помочь Хиосу в момент опасности, и поэтому вышли в море из Родоса,[2] держа курс на Хиос. (3) У Триопия [3] в открытом море они заметили афинские корабли, плывшие из Халки.[4] Ни одна из эскадр, однако, не решились напасть на другую: афиняне взяли курс на Самос, а пелопоннесцы — на Милет. Теперь пелопоннесцы воочию убедились, что без морской битвы им не освободить Хиоса. Так окончилась эта зима и с ней 20-й год войны, которую описал Фукидид.

61. С наступлением следующей весны и лета [1] спартиат Деркилид был послан [2] с малым отрядом вдоль побережья Геллеспонта с целью поднять восстание в Абидосе,[3] колонии милетян. Между тем хиосцы (пока Астиох все еще не решался помочь им) [4] из-за тягот блокады были вынуждены дать морскую битву. (2) В то время, когда Астиох был еще у Родоса, после смерти Педарита к ним был послан военачальником Леонт (бывший помощником Антисфена [5] в морском походе). Он командовал эскадрой из 12 кораблей, стоявших у Милета (из них 5 было фурийских, 4 сиракузских, 1 анейский,[6] 1 милетский и 1 — самого Леонта). (3) Хиосцы совершили вылазку со всем своим ополчением и захватили сильно укрепленную позицию афинян. В то же время их эскадра в составе 36 кораблей вышла в море и вступила в бой с 32 афинскими кораблями. Битва была жестокой. Хиосцы с союзниками, не потерпев поражения, отступили в город (уже поздно вечером).

62. Немного спустя после прибытия Деркилида по суше из Милета в Геллеспонт Абидос перешел на сторону Деркилида и Фарнабаза, а спустя два дня восстал также и Лампсак [1] (на Геллеспонте). (2) При известии об этом Стромбихид [2] немедленно выступил на помощь из Хиоса с афинской эскадрой из 27 кораблей (в том числе несколько транспортов с гоплитами на борту). Разбив в сражении выступивших против него лампсакийцев, Стромбихид взял штурмом город, не защищенный стенами. Затем он захватил движимое имущество и рабов, свободных же граждан

вернул в город и потом пошел на Абидос. (3) Так как город не сдавался, а взять его штурмом не удалось, то Стромбихид переправился в Сест[3] (город против Абидоса на Херсонесе), которым когда-то владели мидяне. Там он оставил гарнизон для наблюдения за всем Геллеспонтом.

63. Между тем и хиосцы и пелопоннесцы в Милете получили больше свободы действий на море, и Астиох приободрился, узнав об исходе морской битвы и об отплытии эскадры Стромбихида. (2) С двумя кораблями он направился вдоль побережья на Хиос, чтобы присоединить находившиеся там корабли, и затем объединенными силами направился на Самос. Но так как афиняне, не доверяя друг другу, не вышли ему навстречу в море, то Астиох возвратился в Милет. (3) Ведь около этого времени (или даже раньше) демократия в Афинах была уничтожена. После возвращения Писандра и остальных послов[1] от Тиссаферна на Самос они не только еще более прочно заручились поддержкой в войске, но и побудили наиболее влиятельных самосцев[2] сделать попытку ввести на Самосе с помощью их, афинян, олигархию (хотя самосцы только недавно подняли восстание и уничтожили олигархию). (4) Одновременно афинские заговорщики[3] на Самосе, договорившись между собой, решили оставить Алкивиада в стороне, так как тот не желал присоединиться к ним (да и вообще был не из числа людей, подходящих для олигархии). Теперь, когда они зашли слишком далеко в своей опасной затее, им было важно самостоятельно найти способ довести дело до конца. Вместе с тем они решили энергично продолжать войну и в случае необходимости вносить деньги на общественные нужды из собственных средств, так как теперь они несут тяготы войны для самих себя, а не в интересах других.

64. Итак, ободрив друг друга, заговорщики немедленно отправили в Афины Писандра и половину послов с поручением устанавливать на пути в зависимых городах олигархическое правление. Другую половину послов они направили в разные стороны к остальным зависимым городам. (2) Диитрефа, находившегося тогда на Хиосе, избранного теперь начальником на Фракийском побережье, они отправили во Фракию для принятия должности. Прибыв на Фасос,[1] Диитреф уничтожил там демократическое правление. (3) Однако уже приблизительно на втором месяце после его отъезда фасосцы начали укреплять свой город.[2] Они не желали больше аристократического правительства, зависимого от Афин, так как со дня на день ожидали, что их освободят лакедемоняне. (4) Действительно, изгнанные афинянами фасосские аристократы, жившие в Пелопоннесе, прилагали все усилия, чтобы с помощью единомышленников на острове поднять там восстание, добившись посылки кораблей. И вот произошло как раз то, чего они так желали: сами афиняне без всякого риска для них восстановили олигархическое правление на острове, уничтожив демократическую партию, которая могла бы им противодействовать. (5) Таким образом, дела на Фассосе, а также, думается, и во многих других городах, подвластных афинянам, приняли оборот как раз противоположный замыслам афинских заговорщиков. Ведь эти города, установив у себя умеренное правительство и не опасаясь, что у них по-

требуют отчета за их поступки, стремились к подлинной свободе, предпочитая ее показной свободе по милости афинян.

65. Между тем Писандр и его спутники продолжали плавание и по пути, как было условлено,[1] уничтожали во всех городах демократические правительства. Из нескольких городов они взяли себе в помощь гоплитов, с которыми и возвратились в Афины. (2) По прибытии они узнали, что их сторонники в тайных обществах почти уже завершили задуманный переворот. Действительно, несколько молодых заговорщиков тайно убили некоего Андрокла,[2] одного из главарей народной партии, главного виновника изгнания Алкивиада. Они покончили с Андроклом как с влиятельным народным вождем, но особенно потому, что надеялись этим угодить Алкивиаду, который, как они ждали, по возвращении обеспечит им союз с Тиссаферном. Они покончили также тайком и с некоторыми другими опасными для них лицами. (3) После этих злодеяний заговорщики внесли в народное собрание предложение, чтобы впредь получали жалованье из государственной казны[3] только граждане, несущие военную службу, и чтобы в государственных делах участвовало не более 5000 граждан, именно тех, кто лучше всего может служить городу в силу своих личных качеств или своим имуществом.

66. На деле, однако, эти предложения были лишь благовидным предлогом, предназначенным ввести в заблуждение большинство граждан,[1] не принадлежавших к тайным обществам, так как заговорщики, естественно, желали полностью взять власть в свои руки. Народное собрание и совет пятисот, избранный по жребию, тем не менее все еще собирались, но обсуждали лишь предложения, заранее одобренные заговорщиками. Выступавшие ораторы были людьми из их среды и к тому же предварительно наученные тому, что им следует говорить. (2) Никто из прочих граждан не осмеливался им возражать из страха перед многочисленностью заговорщиков. А вздумай кто на самом деле противоречить им, тот мог быть уверен, что при первой возможности заговорщики найдут способ устранить его. Убийц не разыскивали, и подозреваемых не привлекали к суду. Народ хранил молчание, и люди были так запуганы, что каждый считал уже за счастье, если избежал насилия (хотя и соблюдал молчание). (3) Сильно преувеличивая действительную численность заговорщиков, афиняне стали падать духом. Точно выяснить истинное положение граждане не могли, потому что жили в большом городе и недостаточно знали друг друга. (4) По этой же причине человек не мог найти ни у кого защиты от заговорщиков, так как не мог поверить свое горе или возмущение другому. Ведь при этом пришлось бы довериться человеку неизвестному, или, хотя и известному, но ненадежному. (5) Сторонники демократической партии при встрече не доверяли друг другу: всякий подозревал другого в том, что тот участвует в творимых бесчинствах. Действительно, были среди демократов и такие, о ком никто бы и не подумал, что они могут примкнуть к олигархам. Эти-то люди главным образом и возбуждали недоверие и подозрительность народа, что было на руку олигархам.

67. Таково было положение дел в Афинах, когда прибыли Писандр с товарищами и немедленно принялись завершать переворот, начатый их сторонниками. Прежде всего созвали народное собрание и предложили выбрать комиссию из 10 человек с неограниченными полномочиями. Эта комиссия должна была к определенному дню представить собранию писаный проект наилучшего устройства для города. (2) Когда этот день наступил, они созвали народное собрание в Колоне[1] (на замкнутом священном участке Посейдона, стадиях в 10 от города). Комиссия поставила на голосование только одно положение — о том, что впредь каждый гражданин может безнаказанно вносить любые предложения. Вместе с тем члены комиссии угрожали суровыми карами всем, кто обвинит автора такого предложения в противозаконном нарушении[2] или иным способом повредит ему. (3) Только после этого было открыто внесено предложение: отменить впредь все существующие государственные должности и жалованье за них из государственной казны; выбрать коллегию из пяти человек,[3] а этим последним избрать еще сто человек, которые должны выбрать себе еще по три человека. Эти «Четыреста» должны заседать в здании совета[4] и управлять городом по своему усмотрению с неограниченной властью,[5] а также собирать (когда найдут это своевременным) 5000 граждан.

68. Автором этого предложения был Писандр, который, по-видимому, и раньше был рьяным и откровенным противником демократии. Однако вдохновителем всего этого переворота, разработавшим план его осуществления уже с давних пор, был афинянин Антифонт.[1] Это был человек, талантом и нравственными качествами не уступавший никому из своих современников, человек глубокого ума и выдающийся оратор. В народном собрании и в суде он выступал неохотно, ибо в народе его репутация красноречивого оратора возбуждала подозрение. Тем же, кому приходилось вести дело в суде или в народном собрании, прибегая к его советам, он мог лучше всякого другого оказать помощь.[2] (2) Позднее, после свержения олигархии (когда правительство «Четырехсот» оказалось в опасности и его сторонники подверглись народному мщению) Антифонт должен был защищаться по обвинению в государственной измене как участник заговора, и его защитительная речь на процессе, угрожавшем ему казнью, представляется мне лучшей из всех вплоть до нашего времени.[3] (3) Величайшее рвение во время олигархического переворота выказал также Фриних. Он опасался Алкивиада, зная, что тому известны его сношения на Самосе с Астиохом,[4] и полагая, что Алкивиад при олигархическом правлении, вероятно, никогда не вернется на родину. Присоединившись к олигархической партии, Фриних оказался весьма стойким в час опасности. (4) Далее, одним из главных участников олигархического переворота был Ферамен,[5] сын Гагнона, человек выдающегося ума и ораторского дарования. Именно потому, что среди руководителей этой партии было много разумных и талантливых людей, переворот этот удался, хотя и не без труда. Ведь нелегко было лишить свободы афинский народ, который уже около ста лет[6] после низвержения тирании не только сам был

свободен, но и привык свыше половины этого времени[7] сам властвовать над другими.

69. Как только народное собрание без возражений утвердило эти предложения,[1] оно было распущено. Сразу же после этого «Четыреста» были введены в помещение совета следующим образом. В то время всему населению города приходилось постоянно нести либо караульную службу на стене, либо стоять под оружием на сборных пунктах, так как враги находились в Декелее. (2) В день народного собрания граждан, не посвященных в заговор, отпустили, как обычно, по домам; участники же заговора получили приказ тихо ожидать (но не на своих обычных постах)[2] с оружием в руках, чтобы воспрепятствовать возможной попытке расстроить предпринимаемые действия. (3) Такой приказ получили также 300 андросцев, тенийцев и каристян[3] и некоторое число афинских колонистов с Эгины, заранее вызванные и вооруженные. (4) Расставив своих людей в ключевых местах города, «Четыреста» прибыли каждый с кинжалом под одеждой. С ними было также 120 молодых воинов[4] на случай рукопашной схватки с противниками. Заговорщики проникли в помещение совета, когда там заседали избранные по жребию[5] советники, и велели им, получив свое жалование,[6] убираться: они принесли с собой жалованье советникам за остающееся время их годичной службы и выдавали деньги при выходе советников из помещения совета.

70. Таким образом, совет пятисот, уступая силе без всяких возражений, покинул помещение. Остальные граждане также не оказывали сопротивления и хранили полное спокойствие. Затем «Четыреста» разместились в здании совета и тотчас же выбрали из своей среды пританов[1] по жребию; потом совершили обычные при вступлении в должность молебствия и жертвоприношения богам. Вскоре они отменили большую часть мероприятий демократического правительства (только изгнанников они не возвратили,[2] так как в числе их был Алкивиад) и вообще стали самовластно управлять городом. (2) Некоторых из своих противников они предпочли устранить и казнили, других бросили в темницу, третьих, наконец, отправили в изгнание. «Четыреста» послали также глашатая в Декелею к Агису, царю лакедемонян, с заявлением что «Четыреста» желают мира, полагая, что и для царя было разумнее всего вступить в переговоры с ними, чем с вероломной демократией.

71. Агис, однако, не верил, что город останется спокойным и что народ афинский так скоро откажется от стародавней свободы. Убежденный, что появление у Афин сильного вражеского войска вызовет гражданские волнения, царь не дал положительного ответа на сделанное предложение, а послал в Пелопоннес за подкреплениями и вскоре за тем во главе вновь прибывшего отряда и гарнизона Декелеи подошел к самым стенам Афин. Царь ожидал, что афиняне, занятые гражданскими смутами, либо согласятся на уступки и окажутся всецело в его власти, либо при общем смятении, вызванном врагами внутри и вне стен города, ему удастся с первого приступа овладеть слабо охраняемыми Длинными стенами.[1] (2) Однако, подойдя близко к стенам, царь не заметил никаких признаков бес-

порядков и волнений в городе. Афиняне выслали из города конницу и перебили часть его гоплитов, легковооруженных и лучников, слишком близко подошедших к стенам, причем захватили доспехи и несколько трупов павших воинов. Поэтому Агис, поняв свою ошибку, отвел свое войско назад в Декелею. (3) Там он оставался на своем посту во главе гарнизона, прибывший же на помощь из Пелопоннеса отряд после нескольких дней пребывания в Аттике был отослан домой. Тем не менее и после этого «Четыреста» возобновили переговоры, и Агис теперь был более склонен выслушать их. По его совету они отправили послов в Лакедемон, надеясь заключить мир.

72. «Четыреста» отправили также десять уполномоченных на Самос, чтобы успокоить войско, объяснив ему, что олигархическое правление установлено вовсе не для угнетения города или граждан, а для того, чтобы спасти Афины от гибели. Участников переворота, которые управляют городом, как они утверждали, было 5000, а не только 400. (Хотя прежде никогда афиняне, занятые войной и торговыми делами вне города, не собирались в народное собрание для решения самого важного дела в числе 5000 человек).[1] «Четыреста» отправили уполномоченных сразу после установления олигархии с поручением сообщить войску и о некоторых других мерах, принятых ими в настоящий момент. Ведь они не без основания опасались — как это и случилось — что масса моряков на Самосе не потерпит олигархического режима и, возмутившись, покончит с их властью.

73. Действительно, именно в то время, когда в Афинах «Четыреста» подготовляли переворот, на Самосе уже началось движение против олигархии. (2) Некоторые самосские демократы, сначала восставшие против господства знати,[1] под влиянием Писандра и его сторонников, после его возвращения на Самос изменили свой образ действий. Собрав около 300 сторонников, они составили заговор и намеревались напасть на своих сограждан, приверженцев народной партии. (3) Был в Афинах некто Гипербол,[2] человек недостойный, которого афиняне изгнали остракизмом не из страха перед его могуществом или влиянием,[3] но из-за его порочности, так как его поведение позорило город. Этого-то человека самосцы убили с помощью одного из стратегов, Хармина,[4] и нескольких других афинян на Самосе, чтобы дать афинянам залог верности. Вместе с этими афинянами они совершили и другие подобные насилия, стремясь расправиться с самосскими демократами. (4) Узнав об их намерении, демократы предупредили о заговоре стратегов Леонта и Диомедонта,[5] (которые пользовались большим уважением в народе и неохотно терпели олигархический режим) Фрасибула и Фрасила (один был триерархом,[6] а другой — гоплитом) и некоторых других, проявлявших враждебность к заговорщикам. Демократы просили их не допускать гибели народной партии на острове и не отдавать врагам Самоса, с помощью которого афинская держава до сих пор только и сохранилась. (5) Тогда они стали обращаться в отдельности к каждому воину с просьбой вступиться за народ (особенно же к экипажу корабля «Парал», состоявшему полностью из свободнорожденных афинян,[7] которые всегда, даже до переворота, были

противниками олигархии). Леонт и Деомедонт всякий раз, когда эскадра выходила в море, оставляли самосцам несколько кораблей для охраны.[8] (6) Поэтому, когда «триста» сторонников олигархии на Самосе действительно напали на демократов, экипажи всех кораблей (особенно же команда «Парала») поспешили на помощь демократам. Таким образом, народная партия на Самосе с помощью афинян одолела своих противников, причем было убито около 30 человек из 300 олигархов. Трех наиболее виновных мятежников демократы отправили в изгнание, остальные получили прощение и впоследствии под властью демократов сохранили гражданские права.

74. Самосцы и афинское войско тотчас же отправили в Афины корабль «Парал» с сообщением о происшедшем перевороте. На корабле находился афинянин Херей, сын Архестрата, ревностный участник свержения олигархии (на Самосе не знали еще, что в Афинах власть уже перешла в руки «Четырехсот»). (2) Едва только «Парал» вошел в Пирейскую гавань, как по приказу «Четырехсот» двое или трое из экипажа были схвачены и брошены в оковы. Затем корабль был захвачен и остальная команда переведена на другой военный транспортный корабль, который должен был нести сторожевую службу в евбейских водах.[1] (3) Между тем Херей, увидев, что происходит, каким-то образом незаметно скрылся, и возвратившись на Самос, сообщил войску новости из Афин, расписав события в преувеличенно мрачных красках: будто бы там подвергают граждан телесным наказаниям, никто не смеет сказать и слова против правительства; жен и детей граждан насилуют, у властей будто бы есть план схватить и бросить в оковы всех родственников воинов на Самосе, не сочувствующих их партии, и казнить их, если воины откажут в подчинении. Ко всему этому Херей прибавил еще множество других выдумок.

75. При этом известии воины двинулись было на главарей олигархов и их сторонников, чтобы расправиться с ними. Но, однако, успокоились после вмешательства умеренных, которые вразумили их, уговаривая не губить всего дела в то время, когда вражеская эскадра, готовая к бою, стоит на якоре против их кораблей. (2) После этого Фрасибул, сын Лика, и Фрасил (главные вожди движения) открыто провозгласили демократию на Самосе. Они обязали торжественной клятвой все войско и особенно самих сторонников олигархии [1] единодушно отстаивать демократию, энергично продолжать войну с пелопоннесцами, быть врагами «Четырехсот» и не вступать с ними ни в какие переговоры через глашатая. (3) Все взрослые самосцы, способные носить оружие, принесли такую же клятву, и афинские воины объединились с самосцами для общего дела, чтобы отныне делить между собой все предстоящие опасности: воины действительно были убеждены, что им нет спасения и они погибнут вместе, если «Четыреста» или враги в Милете возьмут верх.[2]

76. Так в это время началась борьба двух партий: одна старалась восстановить в городе демократию, другая — подчинить войско и флот господству олигархов. (2) Воины тотчас же устроили сходку и сместили своих прежних стратегов и некоторых подозреваемых в сочувствии про-

тивной партии триархов и выбрали на их место других (среди них Фрасибула и Фрасила). (3) Один за другим воины поднимались на трибуну, ободряя товарищей. Различными доводами они старались успокоить войско, советуя не унывать оттого, что город отпал от них. Ведь лишь меньшинство изменило большинству, и у войска гораздо больше возможностей и средств. (4) Обладая всеми морскими силами на Самосе, они так же успешно заставят подвластные города отсюда платить подати, как если бы требования исходили из Афин. Ведь теперь в их власти могущественный остров Самос, который во время войны едва не лишил афинян морского господства,[1] оттуда они смогут столь же успешно, как и прежде, давать отпор врагу. Затем, обладая флотом, у них больше возможности снабжать себя продовольствием, чем у афинян. (5) Действительно, еще раньше, только потому, что флот успел занять сильную позицию у Самоса, афиняне могли сохранить господство над входом в Пирей. И теперь, если горожане не захотят восстановить прежнюю демократию, то воинам будет легче блокировать город, чем афинянам их. (6) Ведь помощь города войску в борьбе с врагом была незначительной и ничего не стоящей. Войско ничего не потеряло, так как в городе уже не было денег на уплату жалованья, и воины должны были сами добывать деньги. Горожане даже не могли помочь войску благоразумными решениями, а ведь только на этом основании государство и управляет войском. Напротив, в этом отношении горожане также не приносят пользы: они совершили жестокую ошибку, поправ отеческие законы. Войско желает восстановить отеческий государственный строй и постарается принудить олигархов уважать его. Поэтому люди здесь в войске, которые могут подать благой совет, вовсе не уступают государственным деятелям и ораторам в городе. (7) Алкивиад же, если ему дадут возможность безнаказанно вернуться, с радостью устроит им союз с царем. В худшем же случае даже при полной неудаче, с таким большим флотом (и это самое важное) им открыты широкие возможности к отступлению, чтобы найти себе и земли и город.

77. Обменявшись на сходке такими речами и одобрив друг друга, воины принялись еще с большей энергией готовиться к войне. Что же касается десяти послов, отправленных на Самос [1] от «Четырехсот», то они, узнав на Делосе о положении дел, там и остановились.[2]

78. Тем временем среди экипажей пелопоннесской эскадры в Милете возникло недовольство.[1] Матросы громко жаловались на сходках, что Астиох и Тиссаферн губят все дело. Астиох и раньше,[2] пока пелопоннесский флот был сильнее, а у афинян было мало кораблей, отказывался дать бой врагу и даже теперь, когда у врагов, по слухам, начались междоусобные распри и их флот не сосредоточен в одном месте,[3] он не желает сражаться. Вместо этого они ожидают прибытия финикийской эскадры Тиссаферна,[4] но все это — только пустые слова и ничего больше, и поэтому им угрожает гибель. (2) А Тиссаферн не только не доставляет обещанных кораблей, но даже ослабляет их флот, выплачивая жалованье нерегулярно и не полностью. Поэтому, говорили они, пришло

время дать бой врагу. Особенно настаивали на решительных действиях сиракузяне.[5]

79. Слыша такие толки и ропот войска, союзники и Астиох постановили на военном совете дать решительное сражение. К тому же пришло известие о волнениях на Самосе. Тогда вся пелопоннесская эскадра в составе 112 кораблей вышла в море, держа курс на Микалу,[1] в то время как милетяне получили приказ идти туда по суше. (2) Афинская эскадра в составе 82 кораблей в это время стояла на якоре у Главки[2] на мысе Микале (где Самос напротив Микалы близко подходит к материку). При виде идущей на них пелопоннесской эскадры, афиняне отступили к Самосу, считая себя слишком слабыми, чтобы дать бой противнику при таком неравенстве сил. (3) Кроме того (получив уже раньше сведения из Милета о желании врагов дать бой), афиняне хотели подождать подхода прибывшей из Хиоса к Абидосу эскадры Стромбихида[3] (к которому заранее послали вестников). (4) При таких обстоятельствах афиняне возвратились на Самос, пелопоннесцы же пристали к Микеле и там расположились лагерем вместе с сухопутным войском из Милета и окрестностей. (5) На следующий день пелопоннесцы намеревались уже напасть на Самос, но, узнав о прибытии эскадры Стромбихида из Геллеспонта, немедленно отплыли в Милет. (6) Тогда афиняне, получив подкрепление кораблями Стромбихида, сами с эскадрой в составе 108 кораблей отплыли в Милет, чтобы дать врагу решительный бой. Однако ни один неприятельский корабль не появился в море, и афиняне возвратились на Самос.

80. После этого пелопоннесцы не вышли в море, считая, что даже с объединенными силами не могут рискнуть дать сражение. Они не знали, откуда достать денег на жалованье экипажам стольких кораблей (тем более, что Тиссаферн нерегулярно выплачивал деньги) и поэтому тем же летом послали к Фарнабазу Клеарха, сына Рамфия, с эскадрой из 40 кораблей. (2) Фарнабаз приглашал к себе пелопоннесцев, обещая платить жалованье их матросам. В это время византийцы завели с ними через глашатаев переговоры о восстании против афинян. (3) Чтобы ускользнуть от афинян, пелопоннесская эскадра вышла в открытое море, но там была застигнута бурей. Клеарх с большинством кораблей нашел убежище на Делосе, откуда позднее возвратились в Милет (сам Клеарх потом по суше добрался до Геллеспонта и там принял командование флотом). Остальные десять кораблей во главе с мегарцем Геликсом[1] спаслись в Геллеспонт, где они побудили византийцев отпасть от афинян. Узнав об этом, афиняне на Самосе также послали в Геллеспонт корабли и войско. У Византии произошло небольшое морское сражение восьми кораблей против восьми.[2]

81. На Самосе[1] вновь избранные военачальники, особенно Фрасибул, всегда придерживавшийся такого мнения, считали необходимым возвратить Алкивиада из изгнания.[2] Наконец, Фрасибулу удалось склонить большинство народного собрания к возвращению Алкивиада, даровав ему специальным постановлением полное прощение. После этого Фрасибул переправился на материк к Тиссаферну и проводил Алкивиада на

Самос. Он видел единственный путь спасения в том, чтобы склонить Тиссаферна перейти от пелопоннесцев на сторону афинян. (2) На созванном затем народном собрании выступил Алкивиад. Он сначала горько жаловался на свою жестокую участь изгнанника; затем в пространной речи изложил положение дел, стараясь внушить воинам немалые надежды на будущее. При этом Алкивиад сильно преувеличивал свое влияние на Тиссаферна. Прежде всего он старался внушить страх олигархам в Афинах и добиться скорейшего роспуска тайных обществ.[3] Затем он хотел возвыситься в глазах войска на Самосе, поднять его дух и внушить доверие к себе и, наконец, насколько возможно, испортить у пелопоннесцев отношения с Тиссаферном и таким образом расстроить вражеские планы. В своей похвальбе Алкивиад уверял, что Тиссаферн обещал ему (если афиняне заслужат доверие) всегда содержать афинское войско, пока у него самого останутся хоть какие-то средства; готов якобы, если до того дойдет, продать ради афинян даже свою собственную постель; приведет финикийскую эскадру (которая стоит у Аспенда) [4] на помощь афинянам, а не пелопоннесцам. Однако полностью довериться афинянам Тиссаферн может только тогда, когда Алкивиад, здравым и невредимым вернувшийся на родину, послужит за них порукой.

82. Слушая подобные посулы, афиняне тотчас же избрали Алкивиада стратегом в товарищи к избранным прежде стратегам и поручили ему руководство всеми государственными делами. Теперь никто из них ни за что на свете не отдал бы неожиданно блеснувший им луч надежды на спасение и возможность отомстить «Четыремстам». Под влиянием речи Алкивиада воины были уже готовы, невзирая на близость врагов, тотчас плыть со всем флотом на Пирей. (2) Однако Алкивиад, несмотря на настоятельные требования со всех сторон, наотрез отказался плыть в Пирей, чтобы не оставлять ближайших врагов в тылу. Избранный теперь стратегом, говорил он, он должен прежде всего отправиться к Тиссаферну для переговоров о ведении войны. Сразу же после этого собрания Алкивиад уехал, желая создать у воинов на Самосе впечатление, что он во всем действует заодно с Тиссаферном, а тому дать понять, что теперь как стратег он может оказать ему услугу или причинить вред. Так Алкивиад сумел устрашить Тиссаферна афинянами, а афинян — Тиссаферном.

83. Между тем у пелопоннесцев в Милете, узнавших о возвращении Алкивиада, еще усилилась неприязнь к Тиссаферну, которому они уже давно не доверяли. (2) Ведь со времени нападения афинян на Милет Тиссаферн, видя, что пелопоннесцы не решаются дать бой афинской эскадре,[1] стал гораздо более скудно платить жалованье экипажам их кораблей. А теперь эта старая вражда превратилась в ненависть. (3) Как и прежде,[2] воины собирались на сходки и выражали свое недовольство. Причем не только рядовые воины и гребцы, но и некоторые люди более высокого положения жаловались, что никогда не получают содержание полностью, да и платят-то очень мало и нерегулярно. И если не будет решающей битвы или их не переведут в другое место с обеспеченным пропитанием,[3] то воины дезертируют с кораблей. Виноват же во всем

этом, по их словам, Астиох, который из личной корысти угождает Тиссаферну.

84. Между тем, пока воины выражали так свое недовольство, поведение Астиоха подало повод к бурному возмущению. (2) Сиракузские и фурийские матросы, в большинстве люди свободные, более дерзко и настойчиво стали требовать уплаты жалованья. Астиох отвечал им довольно надменно, с угрозами и даже поднял палку на Дориея,[1] который вступился за своих людей. (3) При виде этого воины, как настоящие моряки, бросились на Астиоха, чтобы избить его. Однако Астиох, вовремя заметив угрожающую опасность, успел бежать к какому-то алтарю, где и нашел защиту. Так ему удалось спастись, а мятежники разошлись. (4) Милетяне, также недовольные Тиссаферном, внезапно напали на укрепление, построенное им в Милете,[2] захватили его и изгнали оттуда гарнизон. Этот поступок одобрили и остальные союзники, особенно же сиракузцы. Однако Лихас[3] был недоволен этим и заявил, что милетянам, как и всем остальным подданным царя, следует безропотно подчиняться умеренным требованиям Тиссаферна и всячески угождать ему, вплоть до благополучного окончания войны. Поведение Лихаса как в этом, так и в других подобных случаях вызвало раздражение милетян и впоследствии, когда он заболел и умер, они не позволили похоронить его в Милете там, где хотели лакедемоняне.

85. В то время как у пелопоннесцев и милетян начались такие раздоры с Астиохом и Тиссаферном, из Лакедемона прибыл Миндар, назначенный в качестве наварха преемником Астиоху. Астиох сдал командование Миндару и отплыл в Лакедемон. (2) Тиссаферн отправил с ним посланцем одного из своих приближенных, карийца Гавлита, владевшего двумя языками,[1] с поручением принести жалобу на захват укрепления милетянами, а также защищать его, Тиссаферна, от возможных обвинений: он знал, что послы милетян отправились в Лакедемон вместе с Гермократом, главным образом чтобы обвинить его, Тиссаферна. Гермократ должен был разъяснить лакедемонянам, как Тиссаферн, ведя с помощью Алкивиада двойную игру, вредил пелопоннесцам. (3) С Гермократом Тиссаферн постоянно враждовал из-за уплаты жалованья матросам. Когда же Гермократ был изгнан из Сиракуз[2] и другие военачальники — Потамид, Миском и Демарх — прибыли, чтобы принять командование сиракузской эскадрой у Милета, Тиссаферн напал на него еще более яростно, обвиняя его главным образом в том, что тот просил у него, Тиссаферна, денег, но получил отказ, и в этом и есть якобы причина вражды Гермократа к нему, Тиссаферну. (4) Итак, Астиох, милетяне и Гермократ отплыли в Лакедемон. Алкивиад же тем временем возвратился от Тиссаферна на Самос.[3]

86. Послы «Четырехсот», отправленные с Делоса, чтобы успокоить самосских афинян и объяснить обстоятельства переворота,[1] прибыли на Самос уже после возвращения Алкивиада. На острове они пытались выступить в народном собрании. (2) Сначала воины не желали слушать послов и кричали: «Смерть уничтожившим демократию!» Наконец, хотя и с трудом, спокойствие установилось, и их выслушали. (3) Послы под-

робно объяснили, что переворот совершен не для того, чтобы угнетать граждан, а ради спасения города: новые правители вовсе не хотят предать родину врагам (ведь они могли бы это сделать во время недавнего вторжения врага).[2] Послы объявили затем, что новый порядок предусматривает участие всех граждан поочередно в правлении 5000. Родственники воинов и матросов вовсе не подвергаются насилиям (как об этом клеветнически сообщил Херей)[3] и им не причиняют никакого вреда: все они спокойно живут у себя дома, владея своим имуществом. (4) Послы стали распространяться и о многом другом, но воины, негодуя, больше не желали слушать. Они выступали с различными предложениями и прежде всего требовали немедленного отплытия в Пирей. Тогда, кажется, впервые Алкивиад оказал выдающуюся услугу городу, склонив афинян на Самосе отказаться от своего решения идти в поход на родной город (ведь тогда враги без сомнения тотчас же овладели бы Ионией и Геллеспонтом). (5) В тот момент никто, кроме него, не смог бы сдержать массу воинов. Он сумел, однако, не только отговорить воинов от похода, но и удержать их, с суровыми упреками, от расправы с послами, хотя воины были сильно озлоблены против них. (6) Затем Алкивиад отпустил послов, дав такой ответ: он не против правления «Пяти тысяч», однако «Четыреста» следует устранить, восстановив прежний Совет Пятисот. Если же в городе произведены сокращения расходов для того, чтобы лучше снабжать воинов продовольствием,[4] то эту меру можно только одобрить. (7) Вообще Алкивиад призывал стойко держаться, ни в чем не уступая врагу: если город счастливо избегнет опасности от внешнего врага, то надо надеяться на примирение партий, но в случае неудачи — здесь, на Самосе, или в Афинах — уже больше не останется никого, с кем можно будет мириться. (8) В это время прибыли послы из Аргоса с предложением помочь афинским демократам на Самосе. Алкивиад учтиво благодарил послов за добрые намерения, просил прибыть, когда понадобится их помощь, и с тем отпустил. (9) Аргосцы прибыли вместе с экипажем «Парала», который (как сказано выше),[5] был по приказу «Четырехсот» пересажен на военный корабль, направляемый в евбейские воды. Затем этот корабль должен был переправить в Лакедемон афинских послов от «Четырехсот» — Лесподия, Аристофонта и Мелесия.[6] В пути у берегов Аргоса экипаж схватил послов и передал их (как главных виновников свержения демократии) аргосцам. Сами же матросы не вернулись в Афины, но из Аргоса вместе с упомянутыми аргосскими послами прибыли на Самос на своей триере.

87. Тем же летом пелопоннесцы стали особенно враждебно относиться к Тиссаферну, раздраженные его поведением по разным причинам, и прежде всего — по поводу возвращения Алкивиада (в чем они усматривали явное доказательство склонности Тиссаферна к Афинам). Желая, как он рассчитывал, очиститься от этих подозрений, Тиссаферн начал приготовления к отплытию в Аспенд, чтобы вызвать оттуда финикийскую эскадру, и просил Лихаса сопровождать его. На время своего отсутствия он обещал поручить заботу о выплате жалованья войску Тамосу,[1] одному

из подчиненных ему правителей. (2) Не совсем понятно, впрочем, и по-разному объясняют, почему Тиссаферн, отправившись в Аспенд, все же не привел с собой финикийских кораблей. (3) Несомненно, что финикийская эскадра в составе 147 кораблей дошла до Аспенда,[2] но почему она не пошла дальше — об этом высказывалось много различных догадок. Одни думают, что Тиссаферн, отправившись в Аспенд, продолжал свою политику ослабления пелопоннесцев.[3] Во всяком случае Тамос, которому он приказал выдавать содержание войску, платил пелопоннесцам не лучше, а, скорее, еще хуже, чем раньше. По мнению других, Тиссаферн привел финикийскую эскадру в Аспенд только ради того, чтобы вымогать у экипажей деньги за отпуск домой (так как он, конечно, не собирался пускать эскадру в дело). Третьи, наконец, полагают, что он отправился туда из-за дошедших до Лакедемона жалоб на него,[4] желая доказать свою честность: то есть теперь он отправился, чтобы привести эскадру, и она действительно укомплектована экипажами. (4) По-моему, впрочем, вернее всего, Тиссаферн не привел финикийской эскадры, чтобы затяжками и помехами обессилить эллинов. Его цель была — нанести вред обеим сторонам, отправившись в Аспенд и тратя время там, чтобы привести к бездействию, а вовсе не усиливать одного из противников, вступив с ним в союз. Действительно, Тиссаферн мог бы при желании окончить войну, если бы он решительно пришел на помощь одной из сторон. Ведь, приведя лакедемонянам финикийскую эскадру, Тиссаферн, конечно, обеспечил бы им победу, так как в тот момент лакедемоняне во всяком случае и не уступали, но по крайней мере были равны по силам афинянам.[5] (5) Впрочем, выставленный Тиссаферном в свое оправдание повод, по которому он не привел финикийской эскадры, служит самой убедительной уликой против него. Тиссаферн уверял, будто там было собрано меньше кораблей, чем приказал царь. Но если бы это было так, то царь, конечно, был бы еще более доволен, что Тиссаферн с меньшими затратами достиг того же результата. (6) Итак, Тиссаферн с какой бы то ни было целью прибыл в Аспенд и встретился там с финикийцами. Пелопоннесцы же по его предложению послали за этой финикийской эскадрой лакедемонянина Филиппа[6] с двумя триерами.

88. Между тем Алкивиад, узнав, что Тиссаферн уже на пути в Аспенд, отплыл туда сам с 13 кораблями. Войску на Самосе Алкивиад обещал непременно оказать великую услугу: либо он сам приведет на помощь афинянам финикийские корабли, либо по крайней мере помешает им присоединиться к пелопоннесцам. По всей вероятности, Алкивиаду уже с самого начала было известно намерение Тиссаферна не приводить с собой финикийскую эскадру, и он старался, насколько возможно, сеять взаимное недоверие между Тиссаферном и пелопоннесцами, показывая, как дружественно Тиссаферн относится к нему и к афинянам, чтобы этим побудить Тиссаферна перейти на сторону афинян. Итак, Алкивиад снялся с якоря и отплыл на восток, прямо к Кавну[1] и Фаселиде.[2]

89. Возвратившись с Самоса в Афины, послы «Четырехсот» сообщили слова Алкивиада и его совет стойко держаться и ни в чем не уступать

врагу. Они рассказали также, что Алкивиад весьма надеется на примирение войска с гражданами и на окончательную победу над врагом.[1] Вследствие этого большинство граждан воспрянуло духом; ведь эти люди против воли примкнули к олигархам и с радостью воспользовались бы возможностью отделаться от них, не подвергая себя опасности. (2) Поэтому недовольные начали собираться на сходки и резко критиковать правительство. Вождями недовольных были даже некоторые стратеги и лица, занимавшие высокие посты в правительстве олигархов, такие, как Ферамен, сын Гагнона, Аристократ,[2] сын Скеллия, и другие. Несмотря на важную роль, которую они играли в олигархическом перевороте, теперь, по их словам, они, с одной стороны, весьма опасались самосского войска и Алкивиада, а с другой — их тревожило и то, как бы отправленное за спиной большинства граждан посольство в Лакедемон не предало интересов города. Правда, они не возражали против господства олигархов, но настаивали на том, что следует на деле, а не только на словах установить правление «Пяти тысяч» и более соблюдать исономию. (3) Это были, однако, лишь пустые слова, когда они так ревностно хлопотали о правах граждан, на деле же большинство этих людей руководствовались личным честолюбием и корыстными побуждениями, отчего обычно и гибнет олигархический режим, вышедший из демократии. Все подобные люди с первого же дня установления олигархии не только не желают равенства с прочими, но каждый сам хочет безусловно первенствовать. Напротив, при демократическом строе человек легче переносит неудачу на выборах, потому что не испытывает умаления от равных себе. (4) Решающим мотивом их действий, однако, было могущественное положение Алкивиада на Самосе и уверенность, что олигархия не будет прочной. Таким образом, каждый из них стремился после восстановления демократии стать первым представителем[3] народа в городе.

90. С другой стороны, из вождей «Четырехсот» особенно ярыми противниками восстановления демократии были: Фриних[1] (ранее бывший стратегом на Самосе и там поссорившийся с Алкивиадом), Аристарх[2] — с давних пор самый отъявленный враг демократии; затем Писандр и Антифонт. Эти и другие, наиболее влиятельные лица, сразу же после захвата власти (и позднее, когда войско на Самосе перешло на сторону демократии) отправили от себя послов в Лакедемон и стремились заключить мир. Тем временем они продолжали возводить укрепление на так называемой Этионии.[3] После возвращения послов с Самоса они стали действовать еще более энергично. Олигархи видели теперь, что не только народ, но и те, которые раньше считались наиболее преданными их партии, изменили свои убеждения. (2) В страхе перед грозной опасностью из Афин и с Самоса олигархи поспешно отправили в Лакедемон Антифонта и Фриниха с десятью другими уполномоченными для заключения мира с лакедемонянами на любых сколько-нибудь приемлемых условиях. (3) В то же время они приказали еще усерднее строить укрепление на Этионии. Оно было предназначено, по словам Феромена[4] и его сторонников, не для того, чтобы преграждать вход в Пирей

в случае нападения самосской эскадры, но скорее для того, чтобы во всякое время можно было впустить вражеские корабли и войско. (4) Эетиония — это выступающий в море мол Пирея, образующий одну сторону входа в гавань (вдоль этого мола идет фарватер). Новое укрепление должно было соединяться с уже имеющейся стеной так, чтобы незначительное количество воинов, занимающих позицию между двумя стенами, могло господствовать над входом в гавань. Ведь старая стена, обращенная к материку, и вновь сооружаемая внутренняя стена, выходившая к морю, смыкались у одной из двух башен,[5] защищавших узкое устье гавани. (5) Олигархи велели оградить также поперечной стеной портик,[6] где помещался самый большой продовольственный склад в Пирее (непосредственно примыкавший к новой стене). Склад находился в их ведении, и правители заставляли всех граждан хранить там не только наличные запасы зерна, но и все, доставляемые морем, и оттуда брать зерно для продажи.

91. Уже давно Ферамен распускал слухи об этих планах олигархов. И после возвращения послов из Лакедемона (когда те не добились никакого приемлемого для народа соглашения) Ферамен объявил, что это укрепление на Эетионии таит в себе опасность когда-нибудь погубить город. (2) Случилось так, что согласно обращению евбейцев, которые просили пелопоннесцев о посылке на помощь кораблей, как раз в это время эскадра из 42 кораблей (в том числе италийские из Таранта[1] и Локров[2] и несколько сицилийских) бросили якорь у Ласа[3] в Лаконике, готовясь отплыть на Евбею под командой спартиата Агесандрида,[4] сына Агесандра. Ферамен настойчиво утверждал, что эти корабли предназначались вовсе не для похода на Евбею, а скорее для поддержки тех олигархов, которые укрепляли Эетионию. Если народ, по его словам, заранее не примет мер предосторожности, то афиняне не успеют и опомниться, как их город погибнет. (3) Действительно, подобное обвинение не было только злословием, а имело некоторые основания в намерениях и характере поведения правящей партии «Четырехсот». Ведь «Четыреста» желали во что бы то ни стало утвердить свое господство также и над союзниками; в худшем же случае по крайней мере — сохранить свою независимость, держа в руках флот и укрепления города. Если даже и это окажется невозможным, то они во всяком случае не желали пасть первыми жертвами в результате восстановления демократии, а, скорее, принять врагов (отдав даже флот и укрепления города) и заключить с ними соглашение лишь бы только самим остаться в живых и так или иначе сохранить власть над городом.

92. Поэтому олигархи велели энергично строить это укрепление (с калитками, входами и лазейками, по которым можно было провести врагов), для того чтобы своевременно его окончить. (2) Разговоры об этом сначала велись втайне и в узком кругу недовольных. В это время на рынке в Афинах, при полном скоплении народа,[1] в нескольких шагах от здания совета внезапно был убит Фриних (вернувшийся из посольства в Лакедемон). Человек, нанесший удар, неизвестный перипол,[2] ус-

пел скрыться. Его сообщник, аргосец, был схвачен и по приказу «Четырехсот» подвергнут пытке. Однако имени подстрекателя он не открыл, но сказал только, что знает многих людей, которые собираются в доме начальника периполов и в других домах. Никаких последствий, однако, это дело не вызвало. Между тем Ферамен, Аристократ и другие их единомышленники стали действовать более решительно. (3) Тем временем корабли из Ласа, обогнув вдоль побережья мыс Малею, бросили якорь в Эпидавре[3] и оттуда по пути совершили набег на Эгину. Ферамен утверждал, что эти корабли, вероятно, никогда по пути на Евбею не зашли бы на Эгину и затем по возвращении оттуда не бросили бы якорь в Эпидавре, если бы их не вызвали с той целью, на которую он всегда указывал. Поэтому, повторял он, бездействовать далее невозможно. (4) Всеобщее недовольство и подозрительность выразились во множестве мятежных речей и, наконец, народ перешел к действиям. Гоплиты, строившие укрепление Эетионии в Пирее (среди них был и таксиарх Аристократ[4] со своим отрядом), схватили Алексикла (стратега, назначенного олигархами, который был особенно связан с тайными обществами) и заперли его в одном из домов. (5) Гоплитам помогали в этом и другие, между прочим, Гермон, начальник периполов, стоявших в Мунихии.[5] Важнее всего, однако, было то, что поступок этот одобряла вся масса гоплитов. (6) «Четыреста», когда им во время заседания совета сообщили о происшествии, хотели тотчас же идти на сборные пункты и призвать граждан к оружию. Они стали угрожать Ферамену и его сторонникам. Ферамен же начал оправдываться и заявил, что готов идти вместе с ними освободить Алексикла. Затем, взяв с собой одного из военачальников из своей партии, Ферамен спустился в Пирей. С ним вместе отправились Аристарх и несколько молодых всадников.[6] (7) В городе началось страшное смятение; граждане уже думали, что Пирей в руках мятежников и что пленник Алексикл убит, а жители Пирея ожидали, что горожане вот-вот нападут на них. (8) Старшие граждане с трудом удерживали молодых людей, хватавшихся за оружие и метавшихся в разные стороны. Присутствовавший при этом Фукидид, афинский проксен из Фарсала,[7] смело старался преградить дорогу толпе и громко призывал не губить отечества, когда враг у ворот. Наконец, граждане успокоились и прекратили свалку. (9) Когда Ферамен прибыл в Пирей (сам он был также стратегом), то только для вида стал бранить гоплитов. (10) Аристарх же и сторонники противной партии действительно распалились гневом на них. Однако эта брань не вызвала у гоплитов никакого раскаяния и большинство из них направились разрушать укрепление. Гоплиты спрашивали Ферамена, считает ли он, что укрепление строится на благо государства и не лучше ли его разрушить. Ферамен отвечал: если они хотят разрушить укрепление, то он, со своей стороны, также не против этого. Тогда гоплиты и множество жителей Пирея взошли на укрепление и принялись срывать его. (11) Гоплиты обратились к толпе с призывом: «всякий желающий правления «Пяти тысяч» вместо «Четырехсот» пусть идет и помогает нам разрушать укрепление».

Ибо они все еще скрывали свои истинные взгляды под именем «Пяти тысяч» и не рисковали открыто заявить, что всякий из них желает демократического правления. Они опасались также, что «Пять тысяч» действительно могут избрать и как бы кто-нибудь, сказав соседу что-либо по неведению о демократии, не попал в беду. Поэтому и «Четыреста» вообще не желали выбирать «Пять тысяч» и вместе с тем показывать, что выборов не будет. Ведь участие столь многочисленного собрания в управлении государством в их глазах было бы, конечно, не чем иным, как настоящей демократией, тогда как неопределенность и тайна заставляла людей опасаться друг друга.

93. На следующий день «Четыреста», хотя и сильно встревоженные, собрались в здании совета. Гоплиты же в Пирее отпустили схваченного ими Алексикла и, разрушив укрепление, отправились в театр Диониса[1] близ Мунихии. Там они с оружием в руках устроили народное собрание. Затем, приняв решение, немедленно выступили в город, где выстроились у храма Диоскуров,[2] готовые к бою. (2) Здесь к ним явилось несколько уполномоченных от «Четырехсот». Они стали заговаривать с каждым гоплитом в отдельности, пытаясь убеждать казавшихся более благоразумными сохранять спокойствие и сдерживать остальных. Они уверяли также, что «Пять тысяч» в скором времени будут непременно назначены и имена их обнародованы и затем из их среды будут по очереди избираться (по усмотрению самих «Пяти тысяч») «Четыреста». До этих пор уполномоченные призывали их не губить города и не предавать его врагам. (3) Между тем вся масса гоплитов,[3] когда многие граждане начали их уговаривать, стала спокойнее, чем раньше, и обратила свои мысли главным образом на опасное положение города. Сошлись, наконец, на том, чтобы созвать народное собрание в театре Диониса в определенный срок и уладить споры.

94. Когда наступил день созыва народного собрания и уже все собрались, пришло известие, что 42 корабля под командой Агесандрида плывут из Мегар вдоль побережья Саламина.[1] Каждый думал теперь, что это и есть именно та опасность, о чем их так часто предупреждал Ферамен и его сторонники, а именно, что корабли плывут к укреплению (которое теперь разрушено). (2) Возможно, что Агесандрид действительно крейсировал у Эпидавра и в тамошних водах, по предварительному уговору.[2] Впрочем, возможно, что он задержался здесь по собственному почину ввиду междоусобных волнений в Афинах, надеясь в нужный момент оказаться на месте.[3] Тотчас же при этой вести весь город устремился вниз в Пирей: граждане полагали, что угрожающие им теперь военные действия непосредственно у самого входа в Пирейскую гавань гораздо опаснее войны с внешним врагом вдали от города. Одни садились на стоявшие в гавани корабли, другие спускали на воду корабли, остававшиеся на суше, третьи, наконец, охраняли стены и вход в Пирей.

95. Однако пелопоннесские корабли проплыли дальше и, обогнув мыс Суний, бросили якорь между Фориком и Прасиями,[1] а затем подошли

к Оропу.[2] (2) Афиняне тотчас же послали в Эретрию[3] эскадру под начальством стратега Фимохара.[4] Они были вынуждены пустить в дело необученные еще экипажи, так как стремились как можно быстрее подать любой ценой помощь самой важной части своих владений (ведь для них при блокаде Аттики Евбея была всё). (3) По прибытии туда афинская эскадра, вместе с бывшими уже на Евбее кораблями насчитывавшая 36 судов, сразу же была вынуждена принять бой. Агесандрид в полуденное время после завтрака вышел с эскадрой из Оропа в море (Ороп находится от города Эретрии на расстоянии приблизительно 60 стадий).[5] Когда Агесандрид подошел со своей эскадрой, афинские военачальники стали также сажать команду на свои корабли, думая, что их люди находятся поблизости. Но афинские воины запасались съестным не на рынке, а в домах на окраине города, так как эретрийцы нарочно ничего им на рынке не продавали, чтобы посадка афинян на корабли замедлилась и неприятель успел напасть на них и вынудить выйти в море неподготовленными. При этом кто-то даже дал сигнал из Эретрии в Ороп, извещая, когда следует выйти в море и начинать атаку. (5) При столь недостаточных приготовлениях афиняне вышли в море и приняли битву перед гаванью Эретрии. Некоторое время афиняне держались, но затем обратились в бегство, и враги преследовали их до берега. (6) Всех афинян, кто, рассчитывая на дружбу, искал убежища в городе эретрийцев, постигла самая жестокая участь: они были перебиты жителями. Те же, кому удалось добраться до занятого афинянами укрепления в Эретрии,[6] спаслись, а также и экипажи кораблей, пришедших в Халкиду.[7] (7) Пелопоннесцы захватили 22 афинских корабля, экипажи которых были частью перебиты, частью взяты в плен, и затем поставили трофей. Немного спустя пелопоннесцы подняли восстание против афинян на всей Евбее, кроме Орея[8] (которым еще владели афиняне). Вслед за этим пелопоннесцы установили угодные им порядки на острове.

96. Когда известие о неудачной битве и восстании на Евбее пришло в Афины, там началось сильнейшее смятение, какого никогда прежде не бывало. Ни сицилийская катастрофа (сколь ужасной она ни казалась), ни другое несчастье так не устрашило афинян. (2) Ведь войско на Самосе открыто восстало; других кораблей и экипажей для них у афинян больше не было; сам город был охвачен волнениями, причем никто не знал, когда вспыхнет мятеж. К тому же новое страшное несчастье повлекло за собой не только потерю флота, но (что было страшнее всего) также и Евбеи, от которой зависело снабжение Афин в большей степени, чем от Аттики. Как же афинянам было не прийти в отчаяние? (3) Однако самой важной и ближайшей заботой афинян стало наблюдение за тем, как бы победоносные враги сразу не атаковали Пирей, где кораблей уже не было. И действительно, афиняне ждали с минуты на минуту нападения врага. (4) Будь пелопоннесцы смелее, им легко было бы это сделать. Если бы неприятель оставался поблизости от Пирея на якоре, то, несомненно, усилилась бы междоусобная борьба

в городе. Или же, оставаясь в афинских водах и продолжая блокаду, пелопоннесцы могли бы заставить афинскую эскадру в Ионии (хотя и враждебную олигархии) прийти на помощь своим близким и родному городу. Тогда Геллеспонт, Ионня и все острова между Ионией и Евбеей, одним словом вся афинская держава попала бы в руки пелопоннесцев. (5) Однако не только в одном этом случае, но также и во многих других лакедемоняне оказались для афинян наиболее удобными противниками из всех возможных. Ведь эти два народа весьма различны по характеру: одни быстры в принятии решений и предприимчивы, другие медлительные и нерешительны[1] (что было особенно на руку афинянам при их господстве на море). Этот взгляд подтверждается на примере сиракузян,[2] которые, будучи по характеру наиболее похожи на афинян, лучше всего сражались против них.

97. Итак, получив это печальное известие, афиняне все же укомплектовали экипажами 20 кораблей. Затем они тотчас же созвали народное собрание — впервые тогда на прежнем месте,[1] на так называемом Пниксе.[2] На этом собрании они отстранили «Четырехсот» от власти и решили передать управление государством «Пяти тысячам» граждан. К числу последних, однако, должны были принадлежать только те граждане, кто мог на свои средства доставать себе тяжелое вооружение.[3] Никто не должен был получать жалованье за исполнение каких-либо государственных должностей под страхом проклятия. (2) Впоследствии на многих других народных собраниях афиняне учредили законодательные комиссии[4] и выносили дальнейшие постановления о будущем государственном устройстве. Этот государственный строй (по крайней мере в ранний период) представляется самым лучшим у афинян (во всяком случае на моей памяти). Действительно, это было благоразумное смешение олигархии и демократии. Таким образом, это государственное устройство впервые вывело афинское государство из того тяжелого состояния, в котором оно находилось. (3) Затем было решено возвратить из изгнания Алкивиада и некоторых других изгнанников. Отправили послов к Алкивиаду, а также к войску на Самосе, которому было приказано приняться за дело продолжения войны.

98. Когда дело в собрании приняло такой оборот, Писандр, Алексикл и все остальные главари олигархов[1] тотчас же бежали в Декелею. Только один Аристарх, бывший тогда стратегом, быстро собрал некоторое число стрелков[2] (самых диких варваров) и отправился в Эною.[3] (2) Это было афинское укрепление на границе с Беотией, которое в это время по собственному почину[4] осаждали коринфяне, призвав на помощь беотийцев (коринфяне желали отомстить за то, что некоторое число их людей при возвращении из Декелеи[5] было атаковано и перебито гарнизоном Эноп). (3) По уговору с коринфянами Аристарх обманул защитников Эноп, объявив, будто в Афинах заключен мир с лакедемонянами, поэтому нужно передать укрепление беотийцам. Защитники поверили ему как стратегу, так как, находясь в осаде, они ничего не знали о положении в городе и, заключив соглашение о свободном вы-

ходе, покинули Эною. (4) Таким образом беотийцы захватили покинутую Эною, а в Афинах окончилось олигархическое правление и гражданская смута.

99. Этим летом приблизительно в ту же пору Миндар перевел пелопоннесскую эскадру из Милета в Геллеспонт при следующих обстоятельствах. Ни один из уполномоченных Тиссаферна после его отъезда в Аспенд не доставлял жалованья эскадре, а также ни финикийский флот, ни сам Тиссаферн не появлялись. Филипп,[1] отправившийся вместе с Тиссаферном, и бывший тогда в Фаселиде[2] спартиат Гиппократ[3] сообщили наварху Миндару, что финикийская эскадра едва ли придет и что Тиссаферн коварно обманывает их. В это время Фарнабаз пригласил пелопоннесцев к себе, надеясь с помощью их эскадры призвать к восстанию еще верные афинянам города своей сатрапии и, подобно Тиссаферну, извлечь из этого выгоду. (2) Итак, Миндар в строгом боевом порядке вышел из Милета с эскадрой в 73 корабля и взял курс на Геллеспонт по неожиданно поданному сигналу, чтобы афиняне на Самосе ничего не знали. Еще ранее, тем же летом, в Геллеспонт отплыли 16 кораблей и опустошили часть Херсонеса. Между тем застигнутый бурей Миндар был отнесен к Икару[4] (где и задержался на 5 или 6 дней из-за непогоды) и оттуда прибыл на Хиос.

100. При известии об уходе эскадры Миндара из Милета, Фрасил тотчас же отплыл из Самоса[1] со своими 55 кораблями, спеша преградить неприятелю путь к Геллеспонту. (2) Услышав, что Миндар на Хиосе и полагая, что неприятель может там задержаться, Фрасил поставил сторожевые посты на Лесбосе и на материке[2] против острова, чтобы наблюдать за движением вражеской эскадры, куда бы она ни направилась. Сам же Фрасил взял курс вдоль побережья острова на Мефимну, приказав жителям заготовить муку и прочие съестные припасы,[3] чтобы делать с Лесбоса набеги на Хиос, на случай, если Миндар задержится там дольше. (3) Вместе с тем Фрасил хотел напасть на Эрес на Лесбосе (так как этот город восстал) и, если возможно, захватить его. Несколько весьма влиятельных изгнанников из Мефимны переправились из Кимы по суше приблизительно с 50 гоплитами-добровольцами[4] и набранными на материке наемниками (всего около 300 человек). Во главе с финансом Анаксандром[5] (избранным из-за его племенного родства с лесбосцами)[6] они сначала атаковали Мефимну. Нападение, однако, было отбито подоспевшим афинским гарнизоном из Митилены. После того как афиняне отбросили их, они перешли гору[7] и подняли восстание в Эресе. (4) Итак, Фрасил взял курс на Эрес, решив всеми своими силами атаковать город. У Эреса он застал Фрасибула с 5 кораблями с Самоса, прибывшего к городу при известии о высадке там изгнанников из Мефимны. Однако Фрасибул прибыл слишком поздно и не мог уже предупредить восстание; поэтому он бросил якорь у Эреса с целью блокировать город. (5) Здесь к Фрасилу присоединилось еще 2 корабля, возвращавшихся из Геллеспонта, и отряд кораблей из Мефимны. Вся афинская эскадра насчитывала теперь 67 кораблей, из экипажа которых военa-

чальники сформировали войско и с помощью осадных машин и другими всевозможными средствами намеревались взять Эрес.

101. Между тем Миндар и пелопоннесская эскадра у Хиоса приняла на борт запас продовольствия на 2 дня и, получив от хиосцев по три хиосские сороковины [1] на каждого воина, на третий день поспешно вышла с Хиоса, держа курс, однако, не в открытое море (во избежание встречи с неприятелем у Эреса), а вдоль материкового побережья, вправо от Лесбоса. (2) В гаванп острова Картериев,[2] в Фокейской области, пелопоннесцы бросили якорь и в полдень позавтракали, а на пути вдоль кимейского побережья — пообедали у материковых Аргинусских островов,[3] против Митилены. (3) Оттуда глубокой ночью они продолжали путь вдоль побережья и прибыли к Гарматунту (на материке, против Мефимны), где вновь в полдень позавтракали. Затем быстро двинулись дальше вдоль побережья, держа курс на Лект,[4] Ларису, Гамаксит [5] и соседние места, и незадолго до полуночи прибыли в Ретий,[6] находящийся уже в Геллеспонте. Некоторые корабли, впрочем, бросили якорь у Сигея [7] и других соседних пунктов.

102. Между тем афинская эскадра из 16 кораблей, стоявшая на якоре у Сеста,[1] получила сообщение от сигнальщиков, заметивших множество огней у неприятеля на берегу, о том, что пелопоннесцы входят в пролив. В ту же ночь афиняне со всей поспешностью приблизились к Херсонесу, держа курс на Элеунт [2] с намерением выйти в открытое море до подхода неприятеля. (2) Афинянам удалось незаметно пройти мимо неприятельской эскадры из 16 кораблей у Абидоса, хотя подплывающие корабли Миндара заранее предупреждали о том, что следует бдительно следить за намеревающимися ускользнуть афинянами. На рассвете афиняне увидели эскадру Миндара, который тотчас же бросился их преследовать. Большинство афинских кораблей, хотя и не все, успели все же спастись бегством к Имбросу и Лемносу, но четыре корабля в арьергарде попали в руки врагов у Элеунта. (3) Один корабль, севший на мель у святилища Протесилая,[3] был захвачен вместе с экипажем, два других — без экипажа, а один — порожний — сожжен у Имброса.

103. После этого в тот же день пелопоннесцы присоединили к своим кораблп [1] из Абидоса и остальные (всего у них было теперь 86 кораблей) и начали блокаду Элеунта; но так как город не сдавался, то они отплыли назад к Абидосу. (2) Между тем афиняне у Эреса, обманувшись в своих расчетах на разведчиков [2] и полагая, что неприятель не сможет незаметно пройти мимо, продолжали спокойно осаждать город. Затем, поняв свою ошибку, афиняне, тотчас же снявшись с якоря, взяли курс на Геллеспонт. Встретив на пути два пелопоннесских корабля (которые, увлекшись преследованием,[3] слишком смело зашли в открытое море), афиняне захватили их. На следующий день афиняне прибыли в Элеунт и бросили там якорь; здесь корабли, нашедшие убежище на Имбросе, соединились с ними. В течение следующих пяти дней афиняне готовились к предстоящему морскому сражению.

104. После этого началась морская битва, и ход ее был следующим: афиняне выстроились в одну линию и поплыли вдоль побережья к Сесту. Пелопоннесцы же, заметив движение неприятеля, также вышли из Абидоса. (2) Как только противники увидели, что пора начинать бой, афиняне со своими 76 кораблями растянули боевую линию на обоих флангах вдоль Херсонеса от Идака до Аррпан.[1] Пелопоннесцы же (у них было 86 кораблей) растянулись от Абидоса до Дардана.[2] (3) На правом фланге у пелопоннесцев стояли сиракузские корабли, а на левом — сам Миндар со своими самыми быстроходными судами. У афинян на левом фланге командовал Фрасил, а на правом — Фрасибул (другие военачальники стояли каждый в определенном месте). (4) Пелопоннесцы спешили первыми начать битву. Их план был таков: охватить левым крылом правое крыло афинян и таким образом отрезать неприятелю выход из пролива; одновременно же в центре оттеснить врагов к ближайшему берегу. Афиняне, разгадав план противника, вытянули линию своих кораблей на той стороне, где он хотел преградить им путь (здесь афинские корабли превосходили неприятельские скоростью хода). Левое крыло афинян между тем уже миновало мыс под названием Киноссема.[3] При этом центр афинской боевой линии поредел и ослабел, корабли стояли далеко друг от друга (тем более, что и число их было меньше, чем у противника) и из-за острого выступа берега около Киноссемы нельзя было видеть того, что происходило по ту его сторону.

105. Итак, пелопоннесцы атаковали центр афинян, оттеснили их к берегу и, одержав решительную победу, преследовали неприятеля на суше. (2) Помочь центру не могли ни Фрасибул с правого фланга (из-за множества теснивших его вражеских кораблей), ни Фрасил с левого фланга, так как здесь из-за выступа мыса Киноссема нельзя было видеть, что происходит в центре.[1] К тому же афинянам приходилось иметь дело с равной им по числу кораблей эскадрой сиракузян[2] и прочих неприятелей, и это препятствовало их свободному маневрированию. Но когда победоносные пелопоннесцы уже безбоязненно пустились преследовать отдельные вражеские корабли, часть их, потеряв боевой порядок, пришла в расстройство. (3) Фрасибул и его корабли, заметив это, прекратили вытягивание своего фланга и затем повернули на корабли противника, отбили их натиск и обратили в бегство. Потом они обратились против победоносной части кораблей пелопоннесской эскадры в центре, шедших вразброд, и ударили по ним так, что те без боя обратились в бегство. Сиракузяне также не устояли под натиском кораблей Фрасибула и бежали тем скорее, что увидели бегство остальных.

106. После разгрома большинство пелопоннесцев бежало сначала к реке Мидию,[1] а потом в Абидос. Афиняне захватили лишь небольшое количество кораблей противника, так как при узости Геллеспонта у врагов всегда была возможность найти где-нибудь поблизости убежище для своих кораблей. Тем не менее эта морская победа пришла к афинянам в самый нужный момент. (2) Действительно, до этой своей победы афиняне из-за множества мелких неудач[2] и катастрофы в Сицилии страши-

лись пелопоннесского флота. Теперь же они перестали упрекать себя и уже больше не считали пелопоннесцев равными себе соперниками на море. (3) Все же афиняне захватили некоторое число неприятельских кораблей: 8 хиосских, 5 коринфских, 2 ампракийских, 2 беотийских и по одному левкадскому, лакедемонскому, сиракузскому и пелленскому. Сами афиняне потеряли 15 кораблей. (4) На мысе Киноссемы они поставили трофей, собрали обломки своих кораблей и выдали неприятелям по договору о перемирии тела их погибших. Затем они отправили в Афины триеру с известием о победе. По прибытии триеры в Афины, граждане едва верили своему счастью после недавних бедствий на Евбее и во время смуты в городе: теперь положение не казалось им безнадежным, и они надеялись, что, действуя энергично, еще смогут выиграть войну.

107. На четвертый день после битвы афиняне, спешно починив свои корабли, вышли из Сеста, держа курс на восставший Кизик.[1] У Гарпагия и Приапа[2] они заметили стоявшие на якоре 8 пелопоннесских кораблей из Византии[3] и немедленно атаковали их. После схватки на суше они разбили сухопутный отряд пелопоннесцев и захватили корабли. Затем афиняне подошли к Кизику, не имевшему стен, и подчинив своей власти город, заставили уплатить контрибуцию. (2) Тем временем пелопоннесцы вышли из Абидоса в Элеунт и увели оттуда захваченные у них афинянами корабли (которые еще держались наплаву; остальные сожгли жители Элеунта). Затем они отправили Гиппократа[4] и Эпикла на Евбею за находившимися там кораблями.[5]

108. Приблизительно в это время прибыл на Самос Алкивиад с 13 кораблями из Кавна и Фаселиды с известием, что ему удалось помешать соединению финикийского флота с пелопоннесцами и что Тиссаферн относится более благосклонно к афинянам, чем раньше.[1] (2) Вдобавок к своим прежним кораблям Алкивиад укомплектовал экипажем 9 кораблей, взыскал большую контрибуцию с галикарнасцев и укрепил Кос. После этого он поставил правителя на Косе и под осень возвратился на Самос. (3) Между тем Тиссаферн,[2] услышав, что пелопоннесская эскадра отплыла из Милета в Геллеспонт, выступил из Аспенда и отправился в Ионию. (4) Во время пребывания пелопоннесцев в Геллеспонте жители Антандра[3] (по происхождению эолийцы) получили от них из Абидоса отряд гоплитов (который они провели через гору Иду и приняли в свой город), потому что перс Арсак, подчиненный Тиссаферну правитель, коварно поступил с ними. Этот Арсак, после того как афиняне из-за очищения Делоса изгнали его жителей[4] (и те поселились в Атрамиттии), скрывал свою вражду к ним, призвал их в поход якобы против какого-то тайного врага. Он вывел затем из города самых лучших из воинов как друзей и союзников и, в то время как они ничего не подозревая завтракали, велел окружить своими воинами и перебить дротиками. (5) Этот гнусный поступок внушил остальным жителям Атрамиттия[5] опасение, как бы Арсак и им не причинил теперь чего-либо подобного. И так как он возложил на них еще и другие тяготы, уже со-

вершенно невыносимые, то атрамиттяне изгнали его гарнизон из своего акрополя.

109. После происшествий в Милете[1] и Книде (где гарнизоны Тиссаферна также были изгнаны), Тиссаферн, получив сообщение о новом поступке пелопоннесцев, решил, что теперь у него отношения с ними совершенно испорчены, и опасался дальнейших неприятностей с их стороны. К тому же он был сильно раздражен, обнаружив, что Фарнабазу удалось гораздо скорее с меньшими издержками привлечь на свою сторону[2] пелопоннесцев и тот удачнее действовал, воюя с афинянами, чем он, Тиссаферн. Поэтому Тиссаферн решил отправиться к ним в Геллеспонт, чтобы пожаловаться на их поступок у Антандра и под самым благовидным предлогом отвести от себя упреки по поводу задержки финикийской эскадры и прочего. Прибыв сначала в Эфес, Тиссаферн принес жертву Артемиде. С окончанием следующей за этим летом зимы окончился двадцать первый год войны.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Текст «Истории» Фукидида дошел до нас в рукописях византийского времени (древнейшая флорентийская рукопись относится к X в. н. э., остальные — к XI—XII вв.) и в скудных папирусных отрывках.

Первое печатное издание труда Фукидида появилось у Альда в Венеции в 1502 г. В 1452 г. по приказу папы Николая V был сделан латинский перевод знаменитым гуманистом Лоренцо Валлой (не утративший значения и до сих пор).

Наш перевод с греческого языка сделан в основном по изданию H. S. Jones'a. Thucydidis. Historiae. Oxford. 1908—1912. 2 v.

Переводчик использовал следующие переводы: 1) Фукидид. История. Перевод С. А. Жебелева—Ф. Мищенко. М., 1915. 2 т. 2) Thukydides Geschichte des Peloponnessischen Krieges, übertragen v. Th. Braun (Insel—Verlag, 1961). 3) The Greek Historians. Thucydides. Translated by B. Jowett. N. Y., 1942. 4) Jacqueline de Romilly. Thucidide. Histoire (Paris, 1961. 6 v.).

Нами использованы следующие комментарии: 1) Thukydides, erklärt v. Klassen—J. Steup (Berlin, 1892—1912, 8 v.). 2) Thucydidis de bello Pelloponnensiaco libri octo. Explanavit E. F. Poppo—J. M. Stahl (Lpz., 1883—1886). 3) Θωυκιδίδου συγγραφή mit erklärenden Anmerkungen v. K. W. Krüger (Berlin, 1860—1865). 4) A Historical commentary on Thucydides, v. I—IV, by A. W. Gomme, A. Andrews and K. Y. Dover (Oxford, 1956—1966).

Фукидид — основоположник научно-исторического метода в античности. Однако у него нет еще (как и у других античных авторов) аппарата подстрочных примечаний, указаний на источники и перекрестных ссылок типа: «см. выше», «как мы сказали ранее». В связи с принятым им способом изложения событий войны по летним кампаниям Фукидид часто прерывает связную последовательность изложения и затем вновь возвращается к начатому рассказу.

В своем труде Фукидид употребляет необычную лексику и свободный синтаксис. Зачастую у него встречаются так называемые «анаколуфы»

(внезапные изменения синтаксической конструкции предложения) и длинные фразы. Все это делает Фукидида одним из самых трудных для понимания античных авторов. Поэтому в нашем издании кроме реального комментария даются перекрестные ссылки, помогающие следить за нитью изложения.

Произведения античных авторов писались на папирусе или коже (папирусные отрывки труда Фукидида найдены в песках Египта). Куски папируса или кожи склеивались или сшивались в свитки или книги βιβλία приблизительно одинакового объема. Позднейшие переписчики и ученые разделили каждую книгу Фукидида (для удобства цитации) на главы, а главы — на параграфы.

В тексте нашего перевода арабские цифры перед абзацем означают главы, а арабские цифры в скобках — параграфы.

В примечаниях к переводу и к статье ссылки на труд Фукидида имеют такой вид: например, II 7, 1, что означает: Фукидид. История, книга II, глава 7, § 1.

Годы новой эры обозначаются так: например, 645 г. н. э. (новой эры); годы до новой эры так: например, 431 г. до н. э. или просто: 431 г.

Афинский (лунный) год начинался после летнего солнцестояния (22 июня). Поэтому, например, обозначение 424/23 г. (через косую черту) показывает, что какое-нибудь событие имело место после 22 июня 424 г. и продолжалось после 1 января 423 г. Цифры же годов «от такого-то до такого-то года» даются через тире, например: 424—422 гг.= =от 424 г. до 422 г. до н. э.

Г. А. Стратановский

ФУКИДИД И ЕГО «ИСТОРИЯ»

I. ЖИЗНЬ ФУКИДИДА

О жизни Фукидида мы знаем очень мало. Сохранившиеся сведения в позднем жизнеописании некоего Маркеллина,[1] словаре Суды и других античных источниках комбинированы из высказываний самого Фукидида в его труде и составлены по риторической схеме. Даже годы рождения и смерти историка точно неизвестны.[2] Отец Фукидида Олор (из знатного рода Филандов) был прямым потомком фракийского царя Олора и происходил из афинского округа (дема) Галимунта. По отцу Фукидид был родственником Фукидида из Алопеки, зятя Кимона и знаменитого противника Перикла. Мать Фукидида Гегесипила и его бабка принадлежали к

---

[1] Довольно подробная биография, сочиненная Маркеллином (по-видимому, риторм или школьным учителем в V—VI в. н. э.), содержит в сильно искаженном (для целей школьного преподавания) виде отрывки древних сведений о жизни Фукидида, заимствованных у историков Кратиппа и Тимея. Научная ценность древних биографий Фукидида очень невелика, и они скорее затрудняют воссоздание истинной картины жизни Фукидида (ср.: Жебелев С. А. Предисловие к переводу Фукидида. М., 1915, т. I, с. XXXIII). Эта биография составлена в духе александрийских биографов по риторической схеме: 1. Происхождение. 2. Брак и богатство. 3. Учителя. 4. Политическая деятельность. Ссылка. 5. Нрав и образ мыслей (из труда Фукидида). 6. Тезки Фукидида. 7. Современники его. 8. Смерть, могила, род смерти. 9. Наружность. 10. Возраст. 11. Характер и стиль труда Фукидида (Leo F. Die griechisch-römische Biographie nach ihrer litterarischen Form Lpz., 1901, c. 29).

[2] Как сообщает сам Фукидид (IV 104, 4), он занимал должность стратега в 424/23 г. до н. э., а для занятия этой должности следовало достичь минимум 30-ти лет. Поэтому ученые предположительно относят дату его рождения к 456—451 гг. или даже «около 460 г.» (ср.: RE, 1092). В начале Пелопоннесской войны (431 г.) Фукидид был еще молодым человеком и «умер раньше 396 г.; он не дожил до восстановления Длинных Стен в Афинах и не знает извержения Этны 396 г.» (ср.: Бузескул В. П. Введение в историю Греции. Пгр., 1915, с. 86).

знатному фракийскому роду.[3] Как можно заключить из труда Фукидида, он получил модное тогда риторическое философское и софистическое образование; на него оказали влияние знаменитые современники — оратор Антифонт, философ Анаксагор и софисты Протагор и Горгий из Леонтин.[4]

Принадлежа по рождению к «кимоновскому клану», стоявшему в резкой оппозиции к вождю радикальной демократии Периклу, юный Фукидид сознательно перешел на сторону Перикла, подпав под обаяние личности этого знаменитого государственного деятеля.[5]

В 430/29 г., как он сам сообщает,[6] Фукидид перенес так называемую «чуму» (или «моровую язву»). Следовательно, он находился в это время в Афинах, а не в лагере под Потидеей.

Семья Фукидида была издавна по своему происхождению связана с Фракией, а сам он вместе с вождями фракийцев арендовал там золотые прииски[7] и пользовался большим влиянием на фракийском побережье.

Об обстоятельствах жизни Фукидида до 424 г. нам ничего неизвестно. В этом году Фукидид был избран в коллегию десяти стратегов (т. е. членом афинского правительства) и получил под свое командование афинские силы во Фракии, в центре афинских владений — Амфиполе. Выбор Фукидида в стратеги и посылка во Фракию, конечно, объяснялись его связями в этой стране.[8]

Спартанцы в это время под предводительством талантливого полководца Брасида совершили смелый поход через среднюю и северную Элладу в Халкидику и побудили ряд союзных с Афинами городов — Акант, Стагиру и других — восстать против афинян. Фракийский царь Севф и македонский Пердикка также перешли на сторону Спарты.[9]

Фукидид с эскадрой афинских кораблей по неизвестной причине находился у острова Фасоса в 25 км от Амфиполя (вместо того, чтобы ожидать врага). Товарищ Фукидида по стратегии Евкл командовал афинским гарнизоном в Амфиполе и мог опираться на большинство граждан, сохранявших верность Афинам. Евкл послал Фукидиду просьбу о помощи, но Фукидид опоздал. В начале зимы, ночью, Брасид подошел к Амфиполю, и заговорщики предали ему город.[10] Фукидиду удалось спасти лишь Эйон (соседний город на фракийском побережье).[11] В Афинах Фукидид был

---

[3] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 296.

[4] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 297.

[5] Некоторые ученые говорят даже об «обращении Фукидида» (ср.: RE, 1092).

[6] II 48, 3.

[7] Среди влиятельных фракийцев Фукидид упоминает царя эдонов Питтака (о нем см. IV 107, 3; ср.: RE, 1096).

[8] IV 104, 4. Ср.: RE, 1096.

[9] См.: Лурье С. Я. История, с. 152.

[10] Ср.: RE, 1099. Брасид взял Амфиполь, боясь нападения афинской эскадры с Фасоса и опасаясь влияния Фукидида среди фракийской знати. Силы Фукидида были незначительны, так как главные силы афинян в это время были заняты в Беотии.

[11] Новейшие историки склонны обвинять Фукидида в нераспорядительности и халатности (K. I. Beloch, H. Berve, A. W. Comme), а С. Я. Лурье говорит, что

осужден за измену и приговорен к пожизненному изгнанию (январь 423 г.). Даже амнистия 403 г. не коснулась Фукидида, и он получил разрешение вернуться на родину лишь по особому предложению некоего Энобия около 400 г. (после 20-летнего изгнания).[12]

Фукидид, в соответствии со своей тенденцией воздерживаться от всего личного, и не оправдывает себя. Он лишь превозносит талант Брасида как полководца, удачу его в сношениях с изменниками и психологическую проницательность. Все это должно служить оправданием его и Евкла неудачи.[13]

Во время изгнания Фукидид, быть может, посетил Спарту, Италию, Сиракузы и Македонию.[14] Скорее всего он жил все это время во Фракии и посвятил весь свой досуг написанию своего труда.[15]

Обстоятельства смерти Фукидида неизвестны. Останки его, по сообщению Плутарха, «перевевены в Аттику и покоятся у Мелитидских ворот, в Кимоновой усыпальнице рядом с могилой сестры Кимона Эльпиники».[16]

II. ГЛАВНЕЙШИЕ ИСТОРИКИ — ПРЕДШЕСТВЕННИКИ ФУКИДИДА

Историческая наука в Греции зародилась в VI в. до н. э. в малоазийской Ионии.

Великие ионийские натурфилософы изучали природу «такой как она есть»,[1] рассматривая мир природы (космос) как единое целое,[2] а человеческое общество как часть космоса. Свои труды, продолжая эпическую традицию, они писали первоначально в поэтической форме (создавая «поэмы о природе»).

Это умение видеть природу «такой как она есть» было величайшим достижением философской мысли ионийцев. Для своего выражения оно вскоре потребовало и новой литературной формы: ионийцы создали новый литературный жанр — научную прозу.[3]

Одним из создателей научной прозы был философ Анаксимандр (около 611—545 гг. до н. э.). Он старался объяснить космос из единооб-

---

поступок Фукидида «мог быть даже государственной изменой» (Лурье С. Я. Очерки, с. 297); «Фукидид мог через 24 часа прибыть в Амфиполь» (Gomme A. W. III, с. 586). Общественное мнение в Афинах, по-видимому, также считало Фукидида виновным в измене (ср.: Аристофан. Осы, ст. 287—288).

[12] Ср.: Paus., I, 23, 9.

[13] IV 106—108. Фукидид ничего не говорит в свое оправдание: он замечает лишь, что «поспешно выступил с семью кораблями» (IV 104, 5) и «вечером того же дня прибыл в Эйон» (IV 106, 3).

[14] II 100; ср.: Бузескул В. П. Указ. соч., с. 105.

[15] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 299.

[16] Плутарх. Кимон, IV.

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, 1961, с. 20.

[2] Там же, с. 369.

[3] Своим возникновением проза была обязана росту критической и научной мысли, разрушавшей мифологическую систему (ср.: Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1951, с. 101).

разных естественных и геометрических принципов и создал первую географическую карту обитаемой земли.[4]

Гекатей, сын Гегесандра из Милета (около 540 г. до н. э.), первым перенес исследование природы (φύσις)[5] как целого на область обитаемой земли (οἰκουμένη), рассматриваемой как часть космоса. В своих прозаических сочинениях «Описание земли» и «Родословные» (генеалогии) Гекатей, опираясь на теоретические воззрения Анаксимандра и опыт ионийских путешественников, стремился уточнить карту Анаксимандра и дополнить его теорию возникновения космоса и живых существ сведениями из географии, истории и этнологии.[6] Природу и человеческое общество Гекатей рассматривал, исходя из общефилософских предпосылок.

Гекатей привлек в своих трудах обширный материал народного эпоса, преданий, бытовой новеллы, генеалогических и мифологических рассказов, описаний путешествий и местных хроник. Пользуясь методом рационалистической научной критики, он старался всюду, по возможности, устранить элемент сверхъестественного и сделать мифы и сказания «правдоподобными». Однако при отсутствии каких бы то ни было данных для контроля истинности преданий и мифов критика Гекатея сводилась к рационалистической и психологической интерпретации мифов и к исправлению и сокращению их.[7]

Труды Гекатея — удивительная смесь теоретических построений и эмпирики — послужили существенной предпосылкой для возникновения историографии, которая, исходя из тех же принципов ионийской научной критики (что и Гекатей), собирала предания о народах известной грекам части земли.

Гекатей был одним из древнейших представителей ионийской историографии, так называемых «логографов», т. е. писателей «логоса».[8] Это название утвердилось за ними лишь в новое время: сами они называли себя «составителями письменных сочинений» (συγγραφεῖς).[9]

Наряду с Гекатеем наиболее выдающимися логографами являлись Харон из Лампсака и Гелланик Митиленский.

Харон из Лампсака — автор древнейшей местной хроники, так называемой «Лампсакской хроники» (Ὧροι Λαμψακηνῶν). Судя по дошедшим до нас отрывкам, в ней излагались события из истории Лампсака с древних времен вплоть до эпохи греко-персидских войн. Значительное место в хронике занимало изложение мифов и легенд фольклорного характера.[10]

---

[4] Ср.: Jäger W. Paideia, c. 479.

[5] Исследование природы всегда было у греков содержанием «истории».

[6] Ср.: Jäger W. Paideia, c. 479.

[7] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 57. Для Гекатея мифологические рассказы были уже «смешными» (как он сам говорит, фрг. 332) и он хочет рассказывать «их по-новому» — «наукообразно» (ср.: Тронский И. М. Указ. соч., с. 103).

[8] Термином «логос» греки называли повествовательную прозу, в том числе и историческую (λόγος по-гречески «речь»), противопоставляя ее стихотворному эпосу (ср.: Тронский И. М. Указ. соч., с. 105).

[9] Сочинения Гекатея сохранились лишь в незначительных отрывках.

[10] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 58.

Гелланик из Митилены был старшим современником Геродота и Фукидида.[11] Он написал много поэтических и прозаических произведений мифологического, этнографического содержания и в жанре хроник. Его мифографические сочинения считались впоследствии основным источником для истории героической эпохи.[12] Критический метод Гелланика заключался в том, что с помощью плоской рационализации он «очищал» мифы и вытравлял из них всю поэзию, превращая в скучное подобие исторического рассказа.[13]

Главной заслугой Гелланика было перенесение на почву материковой Греции малоазийских исторических жанров (например, городских хроник). К описаниям нравов «варварских» племен своих предшественников Гелланик присоединил географические и этнографические рассказы и исторические сведения о европейских греческих племенах (фессалийцах, беотийцах, аркадцах, аргосцах и др.). Так, в своем труде «История Аттики» (Атфида) Гелланик излагал историю, предания и обычаи Аттики. Он первым, по-видимому, ввел новый метод хронологии, пользуясь списками жриц Геры в Аргосе и победителей на Карнейских играх в Спарте. В своей «Атфиде» Гелланик применял также счет по афинским архонтам.[14]

Стиль Гелланика — сухой; сжатый «научный стиль», лишенный всяких риторических украшений — прямая противоположность «наивному» эпическому стилю Геродота.[15]

Следующий шаг в ионийской историографии был сделан Геродотом из Галикарнасса (род. около 484 г. до н. э.): Геродот выдвинул в центр своих исследований человека, и в этом его главная заслуга.[16] Труд Геродота представляет уже решительный переход от «Описания земель» (περιήγησις) к истории в собственном смысле.

Геродот посетил все страны тогдашнего культурного мира, всюду изучал путем расспросов образ жизни, быт, нравы, историю и религиозные обычаи древних народов.

В Афинах (где Геродот нашел свою вторую родину) он сблизился с кружком знаменитого афинского государственного деятеля Перикла (в который входили жена Перикла Аспасия, философ Анаксагор, художник Фидий, трагик Софокл и др.). Под влиянием личного обаяния Перикла и его окружения Геродот проникся симпатией к Афинам. Отсюда афинофильская тенденция его труда: прославление афинян «спасителей

---

[11] Фукидид ссылается на Гелланика (I 97, 2).

[12] См.: Лурье С. Я. Очерки, с. 60.

[13] См.: там же. Для всех логографов характерно наивное представление о том, что исторические предания и мифы (которые также считались «историей») воспроизводят подлинную действительность, лишь несколько приукрашенную вымыслом и преувеличенную. Поэтому логографы считали, что для установления истины достаточно лишь механически устранить все сверхъестественное и неправдоподобное.

[14] Ср.: Бузескул В. П. Введение, с. 56.

[15] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 61.

[16] Ср.: Jäger W. Paideia, с. 480.

Эллады» (VII 139) и умаление заслуг противников афинян коринфян и беотийцев.

Собранные им в результате исследований (ἱστορίη) сведения Геродот изложил в дошедшем до нас труде, впоследствии получившем название «Музы».

В отличие от логографов (которые обычно давали разрозненное описание отдельных местностей и народностей), пестрый, архаически разнородный материал труда Геродота объединен великой темой борьбы Востока и Запада.

Не зная местных языков, Геродот был вынужден пользоваться рассказами посредников-переводчиков, проводников, жрецов и др.[17] Поэтому его сообщения часто относятся к области фольклора и иногда передают исторические факты в искаженном виде.[18] В основном, однако, эти факты подтверждаются археологическими раскопками и сведениями из других источников.[19]

Геродот был прямым продолжателем Гекатея Милетского и многое заимствовал у него.[20] Так, он взял у Гекатея его универсальную картину мира, его рационализм и этнографические экскурсы (в географических частях своего труда Геродот следует даже стилю Гекатея).[21] В подражание своим ионийским предшественникам Геродот сам, будучи дорийцем, пишет на ионийском диалекте.

Наряду с законченным рассказом (ионийский «логос») Геродот ввел в свое повествование целый ряд фольклорных рассказов (новелл), персонажами которых являются бытовые или исторические лица.[22]

Так, первая половина труда Геродота (кн. I—IV) представляет обрамляющий рассказ (логос), в который вставлены отдельные эпизоды-новеллы.[23]

Во второй части своей «Истории» (кн. V—IX) Геродот дал описание греко-персидских войн, в которое вставлены ряд новелл и несколько больших отступлений (история Спарты, Писистратидов, Клисфена, Алкмеонидов и пр.). Борьба эллинов с персами для Геродота — это борьба свободы против рабства, эллинской скромности и простоты против варварской роскоши, сознательной индивидуальной доблести против безличной массы рабов, гонимых бичами надсмотрщиков.

---

[17] Древневосточные надписи и памятники искусства остались для Геродота непонятными.

[18] «Исследования» Геродота слагались из: а) собственных наблюдений (αὐτοψία), б) сведений, полученных через посредников (ἀκοή 'по слухам'), в) собственных исследований и домыслов (ἱστορίη и γνώμη 'правильное суждение').

[19] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 101. Геродот посетил Персию, Египет и Скифию (южная часть СССР). Неясно, путешествовал ли Геродот из простого любопытства или с определенной целью под влиянием своих афинских симпатий.

[20] Геродот часто полемизирует с Гекатеем, не называя его, впрочем, по имени.

[21] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 111.

[22] Ср.: Тронский И. М. История античной литературы, с. 103.

[23] Такая структура характерна для древневосточной литературы, где эти эпизоды и представляют главный интерес (ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 109).

Своим рассказом о деяниях эллинов и варваров Геродот (следуя эпической традиции) стремится доставить слушателям и читателям наслаждение. Однако его главная цель в том, «чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности» (I, 1).

Под влиянием рационализма «эпохи эллинского просвещения» Геродот иногда высказывает сомнение в некоторых чудесных рассказах (например, V, 86), но факт божественного вмешательства в человеческую жизнь для него очевиден.

В новеллах Геродота, как это и естественно, часто имеют место сказочные явления и чудеса. Он верит в вещие сны и гадания. Вместе с тем в речах персонажей (например, египтян и персов) встречаются смелые рассуждения на темы, модные среди софистов «эпохи просвещения».[24]

В мире, по мнению Геродота, царит неодолимая божественная сила (τὸ θεῖον). Божество, с одной стороны, — хранитель нравственного миропорядка; оно карает людей за неправду и «чрезмерность», а с другой стороны, завидует человеческому счастью. Кара и зависть божества — реальные факторы исторического процесса.

Так, например, боги отдали Азию во владение варварам, а Европу — эллинам. Ксеркс, напав на Элладу, проявил высокомерие, заносчивость (ὕβρις) и стремление захватить больше (πλεονεξία) (т. е. подняться выше положенного ему непостижимой судьбой уровня). Он совершил преступление, за что и понес возмездие от божества.[25]

Геродот ставит себе задачу установить истину (ἀλήθεια) (VI, 82). Когда это невозможно ввиду противоречивости известий, он оставляет за собой право верить или не верить сообщениям. Однако он считает необходимым передавать «все, что рассказывают» (VII, 152). Других методов отбора материала и исторической критики Геродот еще не знает.

Геродот чужд всякой заносчивости и враждебности к «варварам». Он бесстрастно и спокойно повествует о странных для грека варварских обычаях и в отдельных случаях признает даже превосходство варваров над эллинами. Особенно сильное впечатление произвела на Геродота древность памятников египетской культуры, и он склонен признать даже зависимость эллинской культуры и религии от египтян.[26]

Геродот писал свою историю, наблюдая бурную политическую жизнь Афин после персидских войн как бы «над схваткой», так как в своем родном Галикарнассе не знал жизни полиса.

Стиль Геродота, композиция, лексика и антитетическая форма речей его персонажей (за и против), обрисовка положений и действия показывают влияние эпоса, аттической трагедии и софистов. С другой стороны,

---

[24] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 114.

[25] «Иногда люди терпят кару божества, искупая преступления предков» (Herod., I, 91).

[26] Ср.: Lex. d. Antike, IV, 224.

видно традиционное искусство фольклорной греко-восточной новеллы. Рассказ Геродота нетороплив, эпически спокоен. Для него характерны короткие паратактические предложения, простота лексического отбора, любовь к метким выражениям и пословицам.[27]

III. НАЗВАНИЕ, ТЕМА, ВРЕМЯ ИЗДАНИЯ ТРУДА ФУКИДИДА

В противоположность Геродоту предмет исследования Фукидида ограничен и не выходит за пределы влияния эллинского полиса. Труд Фукидида — это современная ему история, историческая монография о Пелопоннесской войне. Названия сочинение, по-видимому, не имело.[1] Вместо него автор в первом абзаце (I 1) дает тему: «Фукидид афинянин описал войну пелопоннесцев с афинянами, как они воевали между собой».

Весь труд Фукидида сохраняет свойственный всей античности характер художественного повествования, за исключением так называемой «археологии», которая построена как исследование с приведением аргументов.[2]

Изложение военных событий начинается со II книги (глава I) (конец марта 431 г. до н. э.) и обрывается на 411—410 гг. до н. э. (конец VIII книги, 21-й год войны).[3] Конец войны — капитуляция Афин в 404 г. — указан в так называемом «втором введении» (V 26, 1). Сам Фукидид, однако, определенно говорит, что закончил свой труд.

Характерной особенностью труда Фукидида является наличие во всех книгах (кроме VIII) прямых речей персонажей. Отсутствие речей в VIII книге, а также внезапный обрыв рассказа привели античных критиков к домыслам о неподлинности VIII книги.[4]

При господстве так называемых «Тридцати тиранов» Фукидид якобы покинул Афины и отдал свой труд на хранение отцу Ксенофонта. Сам Фукидид якобы не успел отредактировать VIII книгу или не мог это сделать по болезни.

---

[27] Ср.: Доватур А. И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957 (passim 'повсюду').

[1] Косвенным подтверждением отсутствия заглавия является то, что Фукидид в конце каждого года войны не называет заглавия (ср.: RE 1110). Новые издатели дают разные заглавия от себя, например Крюгер: Θουκυδίδου ξυγγραφή (История Фукидида), Джоунс и Пауэл: Thucydidis Historiae. Однако термины ἱστορία 'исследование, разыскание' и ἱστορεῖν ('исследовать, разыскивать') у Фукидида не встречаются. В папирусных свитках заглавие обычно дается в конце (ср.: RE, 1111).

[2] Ср.: Тронский И. М. История античной литературы, с. 182.

[3] Разделение на книги (главы) труда Фукидида было произведено лишь впоследствии, в эллинистическое время.

[4] Так, Маркеллин в сохранившейся биографии Фукидида заявляет: «Некоторые говорят, что VIII книга не принадлежит Фукидиду; ее написала дочь Фукидида, другие — что Ксенофонт. А то, что автор VIII книги не Ксенофонт, об этом ясно свидетельствует ее стиль. Автором VIII книги не является также и Феопомп, как думают иные» (Marcell., 43—44).

Диоген Лаэрций сообщает, что издал труд Фукидида Ксенофонт.[5] Издание труда акад. С. А. Жебелев относит ко времени 394/93 и 391/90 гг. до н. э.[6]

IV. СОДЕРЖАНИЕ И КОМПОЗИЦИЯ ТРУДА ФУКИДИДА

Уже античные критики находили, что в разных частях труда Фукидида материал обработан неравноценно, приписывая это болезни историка в период работы над VIII книгой.[1] Дионисий Галикарнасский даже считал VIII книгу вообще не принадлежащей перу Фукидида; авторы I и VIII книг, по его мнению, — разные люди, они отличаются друг от друга художественными взглядами (ὑπόθεσις) и талантом (δύναμις).[2]

Современные ученые, не сомневаясь в подлинности, отмечают в VIII книге (и отчасти в V книге) «бесспорное мастерство рассказа, но некоторую обрывистость в соединении частей»,[3] «отсутствие окончательной редакции и краткость изложения».[4] Источники в IV, V и VIII книгах частично приведены в виде сырого материала, и потому рассказ неравноценен.[5]

Содержание труда Фукидида делят хронологически в зависимости от степени подробности изложения на пять частей.[6]

A. Большое введение (I).
B. Архидамова (десятилетняя) война (II 1—V 27).
C. «Гнилой», или Никиев мир (V 27—VI 7).
D. Сицилийский поход (VI 8—VIII 6).
E. Декелейская и Ионийская войны (VIII 7—109).

Часть A содержит: большое введение и так называемую «археологию». Это — не исторический рассказ, а введение, иллюстрирующее важность и значение рассматриваемой историком темы. События прошлого, по сравнению с грандиозными событиями этой войны, совершенно незначительны, да и вообще о прошлом мало что можно сказать, поскольку о нем в сущности ничего не известно.[7] «Большое введение» (так называемый «первый проэмий») описывает также предысторию войны (дипломатическая борьба 433/432 г.; см. I 126—146) и историю так называемого «Пятидесятилетия» (I 89—118) (или «Пентеконтаэтии» 480/79—440/39 гг.).

---

[5] Vita Xenophontis (Жизнь Ксенофонта), II, 27. Однако это известие также может быть ученой комбинацией, основанной на том, что «История» Ксенофонта как непосредственное продолжение истории Фукидида начинается без всякого предисловия (проэмия).

[6] Ср.: Жебелев С. А. Когда и кем была издана «История» Фукидида. Харьков, 1914, с. 7.

[1] Ср.: RE, 1115.

[2] Dion. Halic. De Thucyd. 16 (цит. по RE, 1115).

[3] Ср.: Шварц Эд. (RE, 1115).

[4] Шмидт В. (RE, 1115).

[5] Ср.: RE, 1115.

[6] Ср.: Oxf., 1067; RE, 1115.

[7] Ср.: Jäger W. Paideia, с. 485.

Цель этого введения: отчасти пояснить точку зрения Фукидида на неизбежность войны в результате более глубокой причины (ἀληθεστάτη πρόφασις) страха Спарты перед ростом афинской мощи после персидских войн, отчасти же для связи с концом «Истории» Геродота.[8] Объяснение динамики, приведшей к войне, дано в речах в Спарте (I 66—88; I 119—125) и в первой речи Перикла (I 140—144) и изложены перспективы войны: оборонительный план Перикла и доводы в его пользу (II 11 сл.; 83 сл.). События на Керкире (I 24—55) и в Потидее (I 56—65).

Часть B изложена более кратко и неравномерно. Так, рассказ об Архидамовой войне (431/30—422/21 гг.) занимает лишь немногим больше половины среднего числа страниц рассказа о Сицилийском походе (D) и только половину рассказа о 17-м и 19-м годах войны (415/14 и 413 гг.). События самой Архидамовой войны описаны также неравномерно: так, рассказ о 5-м годе войны (427 г.) вдвое короче 2-го (430 г.) и в три раза подробнее 9-го года (423 г.).[9] В надгробной речи Перикла во вневременном плане дана идеальная картина афинской демократии и афинского образа мыслей в виде контраста с непосредственно следующим описанием «чумы» (II 47—53). Последняя речь — завещание государственного деятеля своему потрясенному страстями народу (γνώμη 'благоразумие' Перикла и ὀργή 'запальчивость' народа) с пророчеством о падении Афин в случае отказа от его плана. «Чума» в Афинах. Новая тематика (II 71—72). Блокада Платей. Сила и право. Митилена и Платеи. Перенесение проблемы силы во внутреннеполитические отношения; «патология» войны: смуты и ужасы междоусобной войны на Керкире. Нравственное разложение (вырождение) в Афинах как последствие войны и эпидемии. Клеон и Брасид. Замкнутое в себе изображение трехлетия 425/24—422 гг. Успех под Пилосом. Потери во Фракии и поражение при Делии (IV 89). Смерть Клеона и Брасида под Амфиполем (V 10). Время для заключения почетного мира в 425 г. упущено. Поворотный пункт войны (IV 59): сицилийские города прекращают войну между собой из страха перед экспансией афинян и их высокомерием (ὕβρις, IV 65, 3). В некоторых пассажах находим явные следы авторской (или редакторской) недоработки.[10]

Часть C охватывает $5^1/_2$-годичный период так называемого «гнилого» мира. Во «втором введении» (V 26) Фукидид объясняет, почему он продолжает свое повествование, хотя война со Спартой прекратилась (до осени 414 г.; VI 105, 1). События «гнилого» мира описаны очень кратко. Подробнее рассказывается о мантинейском походе и о неудаче при Мантинее. Особо подчеркнуто первое выступление Алкивиада (V 43—48). Его неудачная союзническая политика и честолюбивое стремление играть

---

[8] Этот последний мотив, быть может, объясняет вставку длинного вступления о Кимоне, Павсании и Фемистокле (I 126—138), внутренне связанных с политикой Перикла (ср.: Lex. d. Antike, IV, 278).

[9] Ср.: RE, 1116.

[10] Например, два рассказа о событиях в Потидее не согласованы (III 17 и I 50), а в I 118, 2 последняя сентенция внезапно перескакивает с событий 508 г. на 432 г. (Oxf., 1167).

первую роль в союзе вместе с бессмысленными мечтаниями афинского демоса о гегемонии привели к возобновлению войны (VI кн.). Кульминации рассказ достигает в так называемом «мелосском диалоге» (V, 85—113). Это — важнейший эпизод для общей темы труда и намечающегося драматического стиля в части D. Маленький островок, желающий остаться нейтральным, не может спастись, а большой остров — Сицилия — способен прекрасно защищаться [11] (контраст: Мелос—Сицилия).

Часть D — наиболее законченная. В ней идет речь о событиях всей войны (VI 7, 4; 93, 4; VII 18, 4; ср. VII 9; 44, 1; 85, 5) и дважды о событиях 404 г. и более поздних (VII 57, 2; VI 15, 3—4). Возможно, что здесь налицо недосмотр самого автора или редактора.[12] Сицилийский поход (415/14—413/12 гг., кн. VI—VIII 1) изложен в 5 раз подробнее, чем время «гнилого» мира.[13] Даже в прекрасно обработанном рассказе о Сицилийском походе описание событий дано неравномерно и речи распределены беспорядочно.[14] Конец афинского преобладания (на границе VI и VII книг): речь Алкивиада в Спарте (VI 89—92) и прибытие Гилиппа в Сиракузы (VII 1—2). Трагический образ Никия: против воли ему предназначено руководить походом до его горького конца. Трагической фигурой, однако, является не отдельная личность — Никий или Демосфен — а город Афины и его войско.[15] Рассказ о Сицилийском походе — совершенно изолированная часть, хотя и не отделимая от истории Пелопоннесской войны. Вначале: этнографический экскурс (эквивалент к «Археологии» I книги, VIII 6, 1—6) и три речи в Афинах и две в Сиракузах в ожидании нападения (VI 9—23; 33—40). В конце (VII 57—59) список народностей вроде перечня боевых сил Ксеркса у Геродота (VII 59—100); три речи военачальников перед началом последней морской битвы (VII 61—68; 69, 2); патетическое изображение битвы; речь Никия перед безнадежным маршем внутрь страны (VII 77). Эпилог: воздействие катастрофы на афинян (VIII 1).

Часть E (Декелейско-Ионийская война) характеризуется отсутствием речей, и в ней те же признаки незавершенности, как и в C, тем более что она резко обрывается на 411 г. и содержит рассказ о двух годах только в 109 главе VIII кн.[16] «Введение» (VIII 2—6) явно выделено. Рассказ о морской войне производит впечатление нарастания и спада событий на политической сцене. Главная фигура — Алкивиад, который по очереди вступает в соглашения со Спартой, Персией и Афинами. Четыре кульми-

[11] Ср.: Lex. d. Antike, IV, 279.
[12] Ср.: Oxf., 1067.
[13] Ср.: RE, 1117.
[14] Быть может, Фукидид вовсе и не стремился к этому, так же как и к единообразию подробностей рассказа. Напротив, заметно стремление к однородности речей (RE, 1118—1119).
[15] Ср.: Lex. d. Antike, IV, 280.
[16] Отсутствие речей, по мнению современных ученых, признак незавершенности. Однако VIII книга может быть также экспериментальной вставкой в новом стиле (ср.: Oxf., 1068; RE, 1134). Примечательно, что в частях, лишенных речей, имеет место описание документов (таковы E и отчасти C и B).

национных пункта: 1) победа Спарты в борьбе за персидскую помощь [три договора с Персией (VIII 18; 33; 58), по которым Иония (побережье) признается «царской землей»]. 2) Олигархический переворот в Афинах (VIII 67—69). 3) Афинский флот у Самоса отказывается признать олигархическое правительство и призывает Алкивиада (VIII 72—82). 4) Восстановление демократии в Афинах (VIII 89—98) и начало новых военных действий.

Драматизм рассказа Фукидида проявляется в композиции: в драматической резко контрастной группировке событий и в разработке отдельных эпизодов (надгробная речь Перикла и описание «чумы», сицилийская катастрофа; последние два эпизода — шедевры мировой литературы).[17]

В основном композиция труда Фукидида тесно связана с его способом изложения военных событий по летним кампаниям.

Фукидид писал современную историю и, живя в Афинах, до своего изгнания (424 г.) мог как очевидец наблюдать происходящее. Во время 20-летнего изгнания он собирал сведения от непосредственных участников или лиц, стоявших близко к событиям. Он приводит подлинные тексты договоров (IV 118; V 18, 47; VIII 18, 37, 58), надписи и пр.; ссылается на поэтов и логографов [называет по именам Гелланика (I 97)]; несколько раз полемизирует с Геродотом (например, II 67), правда, не называя его. Для исторического экскурса о Сицилии он использовал труд Антиоха Сиракузского.[18]

V. «ФУКИДИДОВСКИЙ ВОПРОС». ПРОБЛЕМА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ТРУДА ФУКИДИДА

Фукидид начал свой труд, по его собственным словам (I 1), сразу же после начала войны, убедившись в ее исключительном значении, и продолжал собирать материалы на протяжении всей войны.[1]

Война сделала Фукидида историком. За время своего 20-летнего изгнания Фукидид вырос духовно и интеллектуально, но оставался до конца под обаянием великой личности Перикла. Катастрофа 404 г. (так называемый «порог») и ужасы войны, которые он наблюдал au-dessus de la mêlée, должны были потрясти его психику. Старик, вернувшийся из изгнания на развалины родного города, и зрелый человек, покинувший родину в расцвете ее могущества, — это, конечно, разные люди с различным миросозерцанием.

Фукидид не просто описывает войну, события которой ему довелось наблюдать самому или получать о ней сведения от информаторов, но он

---

[17] Ср.: Тронский И. М. История античной литературы, с. 182.

[18] См.: Буассекул В. П. Введение, с. 88.

[1] Очевидно, он не ждал 27 лет окончания войны и начал использовать материалы по мере их накопления.

проецирует на свою историю весь свой опыт и результаты своих раздумий, вылившихся в определенную систему взглядов к моменту окончания войны.

Уже около полутораста лет ученые изучают так называемый «Фукидидовский вопрос». С тех пор изменилась сама постановка вопроса: как методы исследования, так и выводы, сделанные на его основе.

Изучение «Истории» Фукидида («Фукидидовский вопрос») сводится к следующим проблемам: 1) Как возник труд Фукидида? 2) Следует ли допустить развитие исторической мысли у Фукидида и если да, то как она развивалась? 3) Как возникли отдельные части? 4) Как работал Фукидид: как он собирал свой материал, как и когда составлял план (т. е. как изменялась форма текста его труда)? 5) Как менялись точки зрения Фукидида в процессе его работы (так называемое «биографическое» направление исследования Фукидида)?[2] 6) Повлияло ли падение Афин на суждение Фукидида об афинском «империализме» и о самом Перикле? 7) Ввиду незаконченности труда Фукидида можно ли предполагать отсутствие окончательной его редакции?

Усилия многих ученых привели к решению некоторых частных проблем «Фукидидовского вопроса». Так, например, безусловно установлено, что сам Фукидид не только начал собирать материал для своей истории, но и принялся за него (I 1, 1: ξυνέγραφε) в начале войны. «История» Фукидида содержит один намек на падение Афин (II 65, 12) и несколько намеков на события, происшедшие через 27 лет после начала войны. Это, безусловно, вставки, сделанные в уже готовый рассказ, так как один пассаж (II 23, 3) не мог быть написан позднее последней декады столетия. Существует много доказательств незаконченности VIII книги и других частей труда. С другой стороны, «История» содержит совершенно законченные части (например, VII книга — Сицилийский поход) рядом с неполными и написанными эскизно частями.

Ученые аналитики, признающие изменение взглядов и методов Фукидида в процессе его работы, стремятся установить, с какой точки зрения написана та или иная часть его труда. Для своих выводов они ищут «косвенные доказательства» и «противоречия» в самом труде Фукидида (как это делали гомеровские критики в XIX в.) и стараются выделить «ранние» и «поздние» слои историка. Критериями (методами) для установления «раннего» или «позднего» Фукидида являются: 1) ссылки или незнание Фукидидом событий (которые могут быть датированы другими источниками); 2) стадия развития взглядов самого Фукидида, которую раскрывает данный пассаж.[3] Незнание поздних событий Фукидидом установить гораздо труднее.[4]

---

[2] Ср.: RE, 1183.

[3] Ср.: Oxf., 1068.

[4] Так, считая часть D ранним слоем труда, можно подозревать незнание Фукидидом тирании Дионисия в Сиракузах (V 41, 3) или даже истории Геродота (VI 54, 1).

Первый метод дает малонадежные (и скромные) результаты:[5] ссылка на поздние события (в раннем контексте), конечно, не может быть написана рано, но может быть поздней вставкой.[6]

Второй метод исходит из предположения, что Фукидид долго писал свой труд; материал рос на его глазах, и сам он рос вместе с материалом. Этот метод в искусных руках может приводить к различным и даже противоречивым результатам.[7]

Уже около 150 лет тому назад Ульрих предположил, что Фукидид, убедившись в 421 г., что война не кончилась, изменил точку зрения (и внес соответственные изменения в свой труд).[8]

В одной из последних работ Эндруз приходит к выводу, что полное единство взглядов невероятно: Фукидид молодым человеком порвал со своими «кимоновскими» связями и поддался очарованию Перикла. Первая редакция Фукидида — это защита Периклова позиции. Позднее Фукидид подверг критике эту позицию Перикла и пришел к выводу о «наиболее достоверной причине» (ἀληθεστάτη πρόφασις) — именно опасение Спарты экспансии Афин. Эта новая точка зрения не направлена против Перикла, а скорее против своего прежнего мнения.[9]

Шадевальд признает даже полную перемену взглядов Фукидида; ему возражает Эндруз.[10]

Выдающиеся представители второго метода Эд. Шварц и Поленц предполагают у Фукидида две редакции и (путем отыскания «противоречий») выделяют «ранний» и «поздний» слои.[11] Мотивом для переработки Фукидидом своего труда (после 404 г.) было его стремление защитить Перикла и афинскую «архэ» от нападок олигархов (т. е. апологетическая тенденция).[12] Наличие такой тенденции в тексте указывает, по мнению Шварца, на то, что данный пассаж переработан после «катастрофы 404 г.», т. е. указывает на более поздний слой.[13] Но каким же был план Фукидида до этой тенденции?

---

[5] Например, I 10, 2, не было написано после катастрофы 404 г. Поэтому война, с которой сравниваются прежние войны, не 27-летняя война, а окончившаяся (I 13, 3—4 и I 18, 1) в 421 г. (ср.: Oxf., 1069).

[6] Ср.: Oxf., 1068. Например, признав D ранним слоем, приходится рассматривать VI 15, 34 и VII 57, 2 как вставку.

[7] Ullrich F. W. Beiträge zur Erklärungen des Thukydides, T. I—II. 1845—1846.

[8] Ср. так называемый II прозимй (V 26). Позднейшие ученые, стараясь поколебать гипотезу Ульриха, считают, что его доказательства относятся не к исправлению труда после «катастрофы 404 г.», а после 421 г. (так называемого «Никиева мира», ср.: RE, 1207).

[9] Andrews A. Thukydides on the causes of the War. Classical Quartely, 1959, IX, c. 238.

[10] Ср.: RE, 1214.

[11] Ср.: Schwarz E. Geschichtsschreibung, c. 133 (цит. по RE, 1187).

[12] Два события якобы повлияли на Фукидида: «катастрофа 404 г.» (падение Афин) и последующие нападки лаконофилов на Перикла (ср.: RE, 1187), и он решил тогда переделать свой труд.

[13] Ср.: RE, 1185.

Для обоснования теории двух слоев (редакций) Эд. Шварц выдвигает два постулата. 1) Представление о «наиболее достоверном поводе» (или: причине) к войне (ἀληθεστάτη πρόφασις, I 23) составилось у Фукидида будто бы еще до катастрофы 404 г. Вероятнее, что Фукидид убедился лишь после падения Афин[14] в том, что афинская экспансия — «наиболее достоверная причина войны». Перикл всегда считал Афины и Спарту естественными врагами (Эллада, по его мнению, слишком мала для обеих держав) и поэтому в 433 г. сознательно шел на разрыв с пелопоннесским союзом. Как верный сторонник Перикла, Фукидид до катастрофы считал план и расчеты Перикла безусловно правильными, полагая, что исторические события развертывались по срокам, предусмотренным Периклом, и надеялся на победу.[15] 2) В I—II книгах Фукидид придает Периклу значение, которое ему стали приписывать лишь после «катастрофы 404 г.», когда Фукидид начал исправлять свой труд в целях апологии Перикла. Второй постулат Шварца рушится вместе с падением первого.

Аналитики, таким образом, пытаются установить изменение во взглядах Фукидида и в свете его труда проникнуть в личность историка. Однако они не согласны между собою в отношении «ранних» и «поздних» слоев в труде Фукидида и о роли издателя (редактора). Один из последних исследователей (автор статьи о Фукидиде в Realenzyklopädie) заявляет: «... в труде Фукидида существуют разные слои, но определить их хотя бы с приблизительной точностью невозможно. Мы знаем немногим больше того, что уже знал около полутораста лет назад Ульрих. У нас есть только ряд более или менее надежных ранних косвенных доказательств. Однако развитие взглядов историка и теперь, как и раньше, от нас скрыто».[16]

Унитарии считают результаты аналитиков ненадежными. Единство труда Фукидида они видят в системе и методе его работы и в единстве содержания. Так, Финли пришел к выводу о единообразии Фукидида, который, по его мнению, никогда не менял своих взглядов,[17] а Патцер предлагает даже вообще снять «Фукидидовский вопрос», подчеркивая отсутствие всяких следов позднего слоя.[18]

Большинство современных ученых склоняются теперь к средней линии между унитариями и аналитиками.

Стоящая на позиции «умеренных» унитариев исследовательница Фукидида Ж. де Ромийи устанавливает: 1) отсутствие надежного критерия для «поздних» взглядов Фукидида; 2) невозможность точной датировки

[14] Поэтому, например, такие пассажи, как I 23, 6 и I 88 — поздние вставки (ср.: Oxf., 1069).

[15] II 65. Ср.: Oxf., 1069; RE, 1219. Например, попытка Шадевальда (Die Geschichtsschreibung d. Thukydides. Berlin, 1929, с. 5 сл.) показать духовное развитие Фукидида от ученика софистов до «разумного» историка не удалась, так же как и попытка показать эволюцию взгляда Фукидида на Алкивиада (Эндруз) не основана на надежных критериях (ср.: RE, 1229).

[16] Ср.: RE, 1219.

[17] Finley A. The unity of Thucydides. London, 1940, с. 225—297.

[18] Ср.: RE, 1213.

«раннего» слоя. Цель Фукидида, по Ж. де Ромийи,[19] — оправдание афинского «империалистического» идеала против лаконофилов. Фукидид хочет внушить читателю мнение о единой войне (но говорит об этом лишь в V книге). Сначала Фукидид будто бы хотел рассказать только о десятилетней войне. Согласно де Ромийи, путем выбора отдельных мест — «ранних признаков» составления труда — нельзя решить вопрос о позднем составлении всего труда.[20] Де Ромийи полностью отвергает гипотезу «слоев» и связывает вопрос о происхождении труда Фукидида с главной темой — отношением Фукидида к афинскому «империализму»:[21] изменилось ли отношение Фукидида (за время написания труда) к афинскому «империализму»? Фукидид исключает (или замалчивает) политику Перикла, приведшую к войне:[22] он подчиняет все причины наиболее глубокой и «самой достоверной причине» (ἀληθεστάτη πρόφασις). Эта «наиболее достоверная причина» возникла уже 50 лет назад и сделала войну неизбежной.[23] С точки зрения Ж. де Ромийи, эта причина (ἀληθεστάτη πρόφασις) существовала сначала,[24] но тема афинского «империализма» обработана яснее в независимых частях (например, в экскурсе о «Пятидесятилетии»), а после катастрофы 404 г. стала собственной темой Фукидида.[25] Сравнение отдельных пассажей, где аналитики находят противоречия, по мнению де Ромийи, показывает лишь легкое изменение ориентации или тона.[26]

Книга Ж. де Ромийи сильно подрывает позиции аналитиков и пока является последним словом умеренных унитариев.[27]

«Фукидидовский вопрос», однако, все еще продолжает оставаться нерешенным в современной науке.

VI. РЕЧИ У ФУКИДИДА

Характерной особенностью «Истории» Фукидида являются вставленные в историческое повествование о событиях (ἔργα) прямые речи (λόγοι).[1] Речи входят в стилистическую ткань труда Фукидида как

[19] L'impérialisme athénien, Paris, p. 286.
[20] Ср.: RE, 1207 (Romilly, op. cit., 288).
[21] De Romilly, op. cit., 288.
[22] Во время Архидамовой войны (как показывает комедия, например, «Ахарняне» Аристофана) в Афинах всюду говорили, что причина войны — Перикл и его мегарская псефисма (декрет о Мегарах). Фукидид искусно отодвигает мегарскую псефисму на задний план и затушевывает роль Перикла в ее осуществлении, выдвигая глубокую вражду Афин и Спарты (RE, 1210).
[23] Ср.: RE, 1208.
[24] Усиленное подчеркивание «наиболее достоверной причины» — позднее явление: I книга поэтому, как думает де Ромийи, возникла постепенно и «полностью переработана» (ср.: RE, 1210).
[25] Ср.: RE, 1211.
[26] Ср.: RE, 1212.
[27] Там же.
[1] Речи обычны уже у Гомера, в понийской новелле, у Геродота (тон речей Геродота скорее разговорный, чем риторический) и в аттической драме. Из этих

органический составной элемент. События (ἔργα) Фукидид старается изображать «объективно», в речах же содержится часто субъективная оценка. «Что до речей, — говорит сам Фукидид, — ... то в точности запомнить и воспроизвести их смысл было невозможно... Но то, что, по-моему, каждый оратор мог бы сказать [в определенной ситуации] существенно важного [τὰ δέοντα] по данному вопросу (причем я, насколько возможно ближе, придерживаюсь общего смысла[2] [ξυμπάσα γνώμη] действительно произнесенных речей), это я и заставил их говорить в моей истории».[3]

Речи — средство исторического осмысления событий, как бы «психологический комментарий к ним».[4] Лишенная речей «История» Фукидида оставалась бы сухой хроникой, по стилю похожей на сочинения Геллаиика: без речей пропала бы живая игра чувств и мыслей, которая очаровывает нас в повествовании Фукидида.

Иногда в речах излагается собственная концепция автора, выбранная из того, что «должно было быть сказано (τὰ δέοντα) персонажами в данной ситуации существенно важного»,[5] причем и здесь он верен своему принципу максимального самоустранения, излагая мнение от лица разных персонажей. Нередко Фукидид объединяет речи попарно (по схеме: речь и возражение) в антитетические группы наподобие протагоровых антилогий (опровержений),[6] чтобы осветить вопрос с противоположных

источников они попали к Фукидиду. В труде Фукидида 41 речь (большинство — «совещательные»), один эпитафий и две судебные речи, что составляет около $^1/_5$ объема всего сочинения.

[2] Действительно ли Фукидид придерживается в речах «общего смысла» сказанного? В некоторых случаях определенно — нет (ср.: RE, 1175). Этот «общий смысл» (ξυμπάσα γνώμη) и есть тема, которую нужно развить оратору (RE, 1173).

[3] I 22: ὡς ἂν ἐδόκουν μοι ἕκαστα. Речи не отражают (фотографически) действительность, а стремятся к идеальной (художественной) правде. «Фукидид мог превратить множество речей (например, Перикла) в идеальное художественное единство» (Meyer E. Forschungen, II, с. 385). Речи — результат метода изображения (εἰκάζειν Фукидида (ср. Schmid, 162—163). Метод изображения событий у Фукидида (ἔργα) и прямых речей (λόγοι) совершенно различен (ср.: Schmid, 164). В речах точность передачи невозможна (и Фукидид это прекрасно понимает), и поэтому там всегда наличен субъективный элемент, который при передаче фактов (ἔργα) запрещен. Подлинный текст речи в античности установить было нельзя. Все речи аттических ораторов переработаны для публикации (ср.: Schmid, 162), у историков же ни одна речь не сочинена самим оратором. Семь речей, приведенных Фукидидом до его изгнания в 424 г., историк мог бы сам слышать либо получить сведения об их содержании от очевидцев. В остальных случаях Фукидид должен был довольствоваться более или менее достоверной передачей «общего смысла» от своих осведомителей. Поэтому аутентичность речей Перикла, Никия, Алкивиада и др. весьма сомнительна.

[4] В. Егер сравнивает речи у Фукидида «с хором аттической трагедии, рефлектирующим события и доводящим до сознания слушателей их глубокий смысл» (Jäger W. Paideia, с. 497).

[5] Фукидид считает истинным (τὰ ἀληθῶς λεχθέντα) лишь то, что соответствует ситуации (τὰ δέοντα). Поэтому в речах содержится большое количество самоанализа и мотивировок.

[6] Ср.: Schmid, 168. Например, речи Алкивиада и Никия перед Сицилийским походом, диалог афинян с мелосцами, речи полководцев перед битвой и др.

точек зрения. В таких антилогиях авторская позиция Фукидида скрыта.[7] Стилистически речи действуют как высказывания персонажей, а не Фукидида, цель которого — лишь показать, что́ они могли или должны были сказать.

Выступая перед читателем то как афинянин или спартанец, то как Перикл, Клеон, Алкивиад или Никий, Фукидид, вероятно, придумал как речи, так и ситуации в духе исторической правды, а не точно передал выраженные в действительно произнесенных речах взгляды ораторов.[8]

Функции речей у Фукидида, таким образом, можно свести к следующему: 1) Вставленные в определенные ситуации, речи подготовляют и обусловливают дальнейшие события. 2) Обнаруживая планы ораторов, они раскрывают характеры политических деятелей и делают понятной связь между мышлением (решением) и действием (внешние факты сводятся к психологическим, духовным мотивам). 3) Воздействие речей обнаруживается в политических мероприятиях (драматическая функция).[9] 4) Речи осмысляют вопрос с противоположных точек зрения (типическо-дидактическая функция).[10]

В речах своих персонажей Фукидид дает блестящие образцы политического красноречия: здесь он делает именно то, что сам порицает у Геродота, «создавая приятное для слуха».[11]

Однако Фукидид мало дифференцирует стиль речей своих персонажей. Обычно ораторы говорят языком Фукидида. Исключение составляют речи Перикла. Страстный поклонник Перикла, Фукидид пытается воспроизвести смелую образность речи великого государственного деятеля. Особенно в эпитафии сохранен величавый ритм в соединении с прерывистостью движения и строгой ораторской логикой, покорявшей сердца и мысли слушателей. Иногда сама форма речей характеризует ораторов: например, краткая грубость Сфенелаида (I 85) и дерзкая пылкость Алкивиада (например, VI 16 сл.). Однако драматическая правда речей обычно присуща содержанию, а не форме. Стиль речей Фукидида

---

[7] Фукидид пользуется здесь методом сократического диалога, применяя сопоставление и борьбу (агон) идеологических точек зрения (голосов), причем каждая точка зрения (голос) имеет свою незыблемую логику. Считая, что в каждом случае необходимо говорить требуемое обстоятельствами (τὰ δέοντα), Фукидид определяет характер речей сюжетной ситуацией и сознательно вводит в речах полифонию (иногда как бы устраняя свой авторский голос). В таком случае (при устранении авторского голоса) «проблема образа автора выражается в скрытых внутренних композиционных и стилистических элементах произведения, в комбинации и группировках сцен и лиц, в отношениях сопоставления и противопоставления» (см.: Виноградов В. В. Теория поэтической речи. М., 1963, с. 97; ср.: Jäger W. Paideia, с. 490; Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963, с. 146—149).

[8] Ср.: RE, 1177—78.

[9] Речи вносят строго драматический элемент, являясь вспомогательным средством для изображения действия: они живо воспроизводят идеи и аргументы (ораторов отдельных партий), бывшие в то время в ходу.

[10] Ср.: Schmid, 167—168.

[11] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 303.

весьма своеобразен: он характеризуется богатством мыслей, соединенным с сжатостью изложения, что создает трудности и для их понимания читателем.[12]

VII. МИРОВОЗЗРЕНИЕ ФУКИДИДА

О мировоззрении и взглядах Фукидида, о его симпатиях и антипатиях можно заключить, исходя из содержания его труда, высказываний персонажей в речах и в редких случаях из прямых заявлений самого автора.

Предпосылками исторических взглядов Фукидида являются: ионийская натурфилософия; современная ему медицинская литература V века; софистическо-риторические теории Протагора и «наука освоения жизни» (τέχνη τοῦ βίου);[1] аттическая трагедия и Сократ.[2]

Фукидид противопоставляет свою историю, метод и тему трудам, темам и методу своих предшественников: Гомеру, логографам и Геродоту.

Свой метод Фукидид определяет словом ξυγγράφειν ('описывать'), а метод логографов и Геродота — словом ξυντιθέναι ('слагать') (I 1). Он подчеркивает этим, что логографы чисто механически, без критической проверки лишь «составляют вместе» добытые ими сведения, заботясь лишь о популярности и занимательности сведений, а не о их надежности. Фукидид заявляет, что не будет приукрашивать и преувеличивать события и исключает из своего труда все мифическое (сказочное) и анекдотическое (I 20—22).

Ограничивая свою тему только историей Пелопоннесской войны (современником и участником которой он был), Фукидид отказывается от описания далекого прошлого и истории и этнографии варварских племен, чему посвящают свои труды Геродот и логографы (I 1).[3]

Фукидид стремится выявить политические силы и сделать понятным ход исторических событий путем углубления отдельных ситуаций и с помощью композиционных средств. Он отказывается от биографических, технических и политических подробностей. Психологические факторы, заложенные в человеческой натуре, ее моральные и социальные качества являются для Фукидида последними причинами событий.

Несмотря на односторонний подбор событий (и даже намеренное умолчание о некоторых фактах), при полном игнорировании культурно-исторической точки зрения,[4] Фукидид все-таки достигает глубокого понима-

---

[12] Ср. Тронский И. М. История античной литературы, с. 183.

[1] Ср.: RE, 1230.

[2] Ср.: RE, 1251.

[3] Фукидид выбрал историю современности потому, что, по его мнению: 1) современность превзошла деяниями деяния прошлого; 2) при изображении событий современности возможно достичь цели научной историографии — рассказать о них правду.

[4] Так, Фукидид нигде не упоминает своих великих современников: Сократа, Софокла, Еврипида, Аристофана (как, впрочем, и софистов, и Гиппократа; ср.: Kl. Pauli, 795).

ния имманентных факторов исторического процесса «в соответствии с природой человека» (κατὰ τὸ ἀνθρώπινον).

Уже Геродот начинает свою «Историю» с установления причин конфликта между Азией и Европой, отыскивая виновников войны (кто первый вступил в ссору).[5]

Враждующие «партии» в Элладе естественно в целях борьбы с противником взваливали ответственность за начало войны друг на друга.

Фукидид заявляет, что его цель — «отыскание истины» (ζήτησις τῆς ἀληθείας, I 20—21)[6] и польза в будущем (I 24, 4; II 42).

Он отказывается от сенсации и утрировки в противоположность поэтам и логографам (как Геродот), которые сочиняют истории (более изящно, чем правдиво), в большинстве ставшие баснословными и за древностью лет не поддающиеся проверке (I 21, 1).

Вопрос ставится Фукидидом совершенно по-иному (I 23, 6): естественнонаучный метод он переносит в сферу политической истории для изучения проблемы возникновения войны. Устраняя причину возникновения войны из морально-правовой сферы — виновности, Фукидид придает отысканию истины новый смысл. В духе ионийской натурфилософии он толкует политическую историю как часть истории космоса.[7]

Устанавливая как врач по симптомам диагноз и причины болезни, Фукидид различает «коренные» причины и «непосредственные поводы», из-за которых разразилась война.[8]

«Объективная» причина войны — это тайная борьба противоположных сил, приведших политическую жизнь Эллады к болезненному кризису. Познание этой «объективной» причины войны поднимает историка над борьбой партий и снимает вопрос о «виновниках войны».[9] Отсюда возникает требование наибольшей точности (ἀκρίβεια. I 22, 2; V 26, 5) в исследовании прошлого и при установлении событий современности и критической оценки показаний свидетелей. Свидетелей нужно выбирать не случайно, но принимая во внимание их предубеждения и силу памяти во избежание ошибок (I 22, 3) и воздерживаясь от собственного мнения (οὐδ' ὡς ἐμοὶ δοκει). Однако (что весьма странно для нас) Фукидид умалчивает об источниках своей информации.

Все же, несмотря на провозглашаемое Фукидидом стремление к отыс-

---

[5] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 116.

[6] Слово «истина» (ἀλήθεια) употреблено Фукидидом в протагоровском смысле — «соответствие действительности». К понятию «истина» принадлежит «точность» (I 22, 2) и «ясность» (I 22, 4) (τὸ σαφὲς σκοπεῖν).

[7] Так, современник Фукидида Еврипид говорит, что «настоящей историей может быть только естественная история нестареющего космоса» (Frg. 910 N).

[8] Понятие «причины» (πρόφασις) — это terminus technicus современной Фукидиду медицины, которая различала «истинную причину» болезни и «внешнюю возбуждающую ее причину» и ее простые симптомы (ср.: Jäger W. Paideia, с. 494).

[9] Ср.: Jäger W. Paideia, с. 492.

канию истины и точности в передаче фактов, мы находим у него явные элементы субъективизма и даже пристрастия. Субъективизм проявляется главным образом в его оценках и в отборе фактов (умолчании об одних событиях и подчеркивании других, иной раз вовсе незначительных).[10]

Фукидид устанавливает аксиому повторяемости судеб отдельных людей и народов, ссылаясь на неизменность свойств человеческой натуры (φύσις). На этой аксиоме основано и ожидание им пользы от своего труда и предпосылка цели написания «Истории»: ведь в силу неизменности причины — психологического фактора — факты «по свойству человеческой натуры» (I 22, 4) могут когда-нибудь вновь повториться.[11]

Фукидид ставит себе новую в морально-политическом смысле практическую задачу (I 22 4; II 48, 3): сообщить государственным деятелям необходимые знания о типических изменениях в жизни людей для целесообразного руководства государством.

Как ученик Гиппократа, Фукидид устанавливает диагноз явления и дает точную картину комплекса патологических симптомов болезни полиса, имеющего свойства повторяться, так же как он устанавливает подобно врачу комплекс симптомов эпидемии «чумы» (II 48) ввиду возможности ее вспышки в будущем.[12] Врач изучает типическое клиническое поведение больного, а историк — Фукидид — также его типическое политическое поведение: эта хорошо выполненная задача, по Фукидиду, и есть «достояние навеки».[13]

Психологический принцип — «свойство человеческой натуры» (ἀνθρωπεία φύσις) угнетать окружающих (сильный всегда господствует над слабым) — и есть общий закон исторического развития, устанавливаемый Фукидидом (взамен принципа классовой борьбы).[14] Наряду с психологией отдельных личностей Фукидид говорит и о психологии коллектива (но это не классы, а олицетворение государства).[15]

Человеческая натура (φύσις), независимо от племени, рода, пола и возраста ее носителей, имеет некоторые общие черты. Эти черты — стремле-

---

[10] Так, Фукидид (конечно, не случайно) не упоминает оба договора афинян с персами (447 г. и 423 г.), а также поражение спартанцев при Эное (ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 316).

[11] Основные точки зрения, высказанные Фукидидом где-либо в одном месте, связывают события, нередко весьма отдаленные друг от друга. Эти события, объединенные только единой точкой зрения (иногда данные Фукидидом лишь в виде краткого заголовка), зачастую упоминаются только в речах, вставленных в решающих ситуациях. Они принимают типический характер не только в его «Истории»: Фукидид полагает, что эта типика имеет дидактический характер и может быть перенесена в позднейшие времена на подобные же ситуации и события. Он не формулирует ее в общем виде, но связывает с рассказом о ходе событий (ср.: Lex. d. Antike, IV, 281).

[12] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 309.

[13] I 22, 4; ср.: Oxf., 1069.

[14] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 307.

[15] Например, о темпераменте афинян и спартанцев, о ненависти коринфян, о страхе спартанцев и т. п. (ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 309).

ние к свободе (ἐλευθερία), эгоизм, желание властвовать над другими (τῶν ἄλλων ἀρχή) и воля «захватить побольше» (πλεονεξία).[16]

Человеческий характер (τρόποι) изменяется в зависимости от индивидуальных особенностей натуры (φύσις), которая остается неизменно эгоистической. Под давлением обстоятельств (τύχη) натура либо изменяется в направлении к «зверству» (III 81, 5; ὠμότης как на Керкире) и к вырождению (III 83, 1: κακοτροπία), или к облагораживанию, как в Периклювых Афинах (под влиянием стремления к свободе — ἐλευθερία).

Группам людей (например, народному собранию или войску) свойственны явления массового психоза, такие как панический страх, потеря мужества при неудаче, ужас перед внезапной опасностью (в войске), причуды и капризы политически активной народной массы.[17] Эти антисоциальные черты человеческой натуры противоположны «закону» (νόμος) как человеческому установлению. Человеческая натура [за исключением ее неизменного эгоистического характера (τρόποι)] стихийно развивается с возрастом и в племени и незаметно приспособляется к событиям, действиям и к изменениям политических учреждений.[18]

В политической истории (так же как и в космосе) господствуют слепые стихийные силы (непредвиденное стечение обстоятельств, стихийные явления, землетрясения, эпидемии и пр.), которые нарушают причинный ход исторических событий. Все эти силы объединяются понятием τύχη ('слепой случай'). О том, что входит в сферу τύχη, историк может только сообщать. Сфера τύχη иррациональна и не подчинена этическим нормам. Эта иррациональность[19] проявляется не только во внезапных ударах судьбы, но и в человеческом поведении. Влияние τύχη всегда пассивно; эта безличная сила оказывает решающее влияние на успех человеческих замыслов, она может вредить или помогать людям.[20]

[16] Ср.: Schmid, 33. Кроме того, человеческой натуре свойственна зависть (II 35, 2), мстительность (II 42, 4), жестокость (III 81, 5; 82, 2), безрассудные надежды и стремления (III 45, 5; VI 24, 3).

[17] ὄμιλος ὄχλος, πλῆθος 'толпа' 'чернь' 'масса' (ср. II 65, ὅπερ φιλεῖ ὄμιλος ποιεῖν 'как обычно поступает толпа') ср. V 70, 1.

[18] τρόποι 'направления' 'перемены', 'характер' могут изменяться в зависимости от особенности индивидуальной натуры, под давлением τύχη 'непредвиденного стечения обстоятельств', например «чумы» (II 52, 3 сл.), войны и гражданских междоусобиц (στάσις, III 82—84). «Человеческая натура» (φύσις) господствует над человеком и направляет его поступки.

[19] παράλογον и παράδοξον — неразрешимый рационально «остаток» ('случай' 'человеческий произвол' и 'страсть'). Основание для «паралогического» хода событий: 1) ошибочное поведение людей, 2) случайные факторы (τύχη παράλογον) Вообще исторические события представляются Фукидиду как иррациональные и непредвиденные (παρὰ δόξαν и παρὰ λόγον); они возникают в большинстве случаев случайно, вопреки всякому разумному расчету (λόγος, ср. RE, 1254), что затрудняет формулирование абстрактных законов. За всем этим стоит трагическое понимание истории. По мнению С. Я. Лурье (Очерки, с. 306), «самое представление об общих законах исторического развития Фукидиду совершенно чуждо».

[20] Так, Никий сначала — любимец τύχη, а потом становится ее жертвой. Ввиду превосходства τύχη (и ее изменчивости) государственные люди не должны рассчитывать на помощь или вражду τύχη (II 42, 5).

Напротив, все то, что в истории восходит к человеческим замыслам, решениям, планам (γνῶμαι), историк выводит из законов человеческого мышления, расчетов и воли.[21]

С помощью возможно более объективного изложения материала и своего искусства Фукидид выявляет в исторических событиях духовные и политические силы (которые подчинены непредвиденной случайности и неизбежности). Эти события, представлявшиеся современникам трагическими несчастьями (παθήματα), он с художественной правдой раскрывает как необходимые и неизбежные и вызывает чувства трагического потрясения, сострадания и жалости к людям. Но вместе с трагическим восприятием читателем таких незабываемых эпизодов, как описание «чумы» (II 47—54), осады и падения Платей (II 71—78; III 20—24; 52—68), последней битвы у Сиракуз и событий у Микалесса (VII 29—30), он (читатель) постигает философию истории.[22]

Хотя Фукидид и не верит в абсолютное могущество разума, но все же сохраняет веру в возможность человека влиять на ход исторических событий; он допускает (правда, весьма ограниченную) свободу воли и только для великих исторических личностей, которых он признает до некоторой степени самостоятельным фактором исторического развития[23] (например, Фемистокла и Перикла). Великие люди (как Фемистокл) могут предвидеть ход исторических событий. Их задача — правильно руководить, сдерживая дурные природные качества народной массы (ὀρτή 'раздражение', ὕβρις 'заносчивость', πλεονεξία 'стремление захватить побольше').[24] Они сознательно намечают ход исторических событий, борясь с исторической неизбежностью (κατὰ τὸ ἀνθρώπινον)[25] с помощью своей способности предвидения (πρόνοια, например, Фемистокл и Перикл)[26] и ясности суждения (τὸ σαφές). Отсюда возникает трагическое противоречие между возможным правильным решением (например, продолжением политики Перикла) и ложными решениями его преемников. Люди ординарных способностей (как, например, Клеон) часто действуют так, будто им всегда будет сопутствовать удача (εὐπορία τῆς τύχης) в уверенности, что всегда справятся с обстоятельствами. Однако это иллюзия.

---

[21] Ср.: Schmid, 162.

[22] Как тенденциозного художника и мыслителя Фукидида можно сравнить с аттическими трагиками (ср.: Lex. d. Antike. IV, 281).

[23] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 310; RE, 1257.

[24] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 310. Из всех необходимых качеств прирожденного вождя — проницательности, ясности суждения и способности обуздывать народную массу и вести ее за собой, последнее качество — самое важное. Так, например, Алкивиад далеко превосходит Никия как вождя (хотя и соблазнил народ вступить на опасный путь), так как он может «держать народ в руках» (VIII 86, 5: κατασχεῖν τὸν ὄχλον).

[25] τὸ ἀνθρώπινον (I 22, 4) охватывает ἀνάγκη (историческую неизбежность) и τὰ μέγιστα, т. е. реальные условия человеческой жизни, средства и пределы влияния физической и моральной основы и даже общее положение человека в мире (ср. RE, 1234).

[26] Ср.: RE, 1248; II 65, 6.

Трагическая ὕβρις афинского демоса — это его стремление к фактически необоснованному иллюзорному прожектерству.[27] Если великим государственным деятелям удается на некоторое время обуздать «заносчивость» (ὕβρις) народа, то в государстве наступает краткий период процветания.[28] Однако в конце концов ὕβρις все-таки прорывается и достигает кульминационного пункта во время войны и междоусобицы. Затем неизбежно следуют возмездие и катастрофа.[29] Фукидид довольствуется лишь психологическими характеристиками обеих сторон и прямо не говорит, что сицилийская катастрофа является небесной карой за ὕβρις афинян — это лишь расплата за целый ряд политических ошибок и просчетов. Однако он незаметно подводит читателя к такому выводу, «искусно оттеняя структурный план своего труда и приближая его к патетической трагедии».[30] Он создает патетическую атмосферу развертывающейся трагедии: читатель воспринимает величайшую катастрофу афинского государства, которое потрясено гибелью флота, войска и военачальников, как роковую трагическую перипетию.[31] Фукидид, исключающий всякое вмешательство сверхъестественных сил в историю, не говорит о возмездии, но у читателя неизбежно возникает мысль, что тут действует некое высшее всемогущее существо, карающее за ὕβρις и пекущееся о справедливости.[32] Поэтому обвинение в безбожии, брошенное Фукидиду Маркеллином, по-видимому, неосновательно.[33]

Величайшей заслугой Фукидида как историка является привлечение им в своем труде документальных источников (текстов договоров, официальных постановлений и других документов), установление хронологии (по афинским архонтам, спартанским эфорам и жрицам Геры в Аргосе),[34] а также применение открытого им гениального метода рекон-

---

[27] Ср.: Jäger W. Paideia, c. 505.

[28] Например, знаменитый период «Пятидесятилетия» в Афинах до начала Пелопоннесской войны.

[29] Воплощением ὕβρις, погубившей Афины, были для Фукидида Клеон, Гипербол (демагоги) и отчасти Алкивиад. Понятие ὕβρις играет важную композиционную роль в «Истории» Фукидида. Так, после «золотого века» Афин (нарисованного в эпитафии Перикла), когда ὕβρις демоса обуздана «первым человеком», следует трагическая перипетия — картина «чумы» в Афинах и новый взрыв ὕβρις (моральное разложение под влиянием войны и эпидемии). Затем развитие ὕβρις то замедляется, то ускоряется, пока не достигает кульминационного пункта (эпизод с Мелосом и Сицилийский поход), после чего следует страшная катастрофа и расплата.

[30] Так думает (вслед за Корнфордом) С. Я. Лурье (ср.: Очерки, с. 311).

[31] Ср.: Jäger W. Paideia, c. 504.

[32] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 311. Фукидид здесь принимает древнюю схему воздаяния божества за человеческую ὕβρις, которую встречаем у Геродота и трагиков. Однако у Геродота причиной кары за ὕβρις является «зависть» богов.

[33] Маркеллин называет Фукидида «тайным атеистом» (Marcell., 22).

[34] Рассказ о событиях Фукидид делит на зиму и лето. Конец зимы — это конец года. Лето включает весну и осень и продолжается с марта (или начала апреля) до конца октября. Зима продолжается с ноября до февраля включительно, когда не было навигации.

струкции прошлого путем обратного заключения на основании рудиментов («культурных пережитков»).[35]

«Метод этот состоит в том, чтобы по пережиткам, сохранившимся в жизни общества..., умозаключать о тех временах, когда соответствующие установления были нужными и уместными».[36] Свои соображения о культурном состоянии древней Эллады Фукидид подтверждает ссылками: на 1) обычаи более отсталых эллинских племен, 2) на могильные находки, 3) на местоположение эллинских городов.

Фукидид отбрасывает все обычные представления о древности (почерпнутые главным образом из эпоса) и смело ставит на их место собственные обратные заключения, оценивая древнюю историю Эллады на основании современного «принципа силы».[37] Афины впервые выступили как фактор силы в Элладе в эпоху персидских войн, образовав противовес гегемонии Спарты.

Далее, в экскурсе «Пятидесятилетие» (I 89—110) Фукидид излагает историю соперничества Афин и Спарты и показывает, как обусловленный высшей необходимостью многолетний процесс роста афинского могущества привел к роковому конфликту двух держав.[38] Корни могущества афинян в их исторической заслуге спасения Эллады при Марафоне и Саламине.

В знаменитой надгробной речи (эпитафии) Перикла Фукидид рисует картину «золотого века» афинской демократии под руководством ее великого вождя. Эпитафий помещен Фукидидом на самом видном месте. Это — вершина духовной мощи Афин, с которой Фукидид обозревает весь ход войны, взгляд на светлое прошлое перед лицом грядущих трагических событий.

Государственный строй Периклювых Афин для Фукидида — идеальная «полития»[39] — образец для подражания. Сам Перикл является как бы воплощением этой идеальной политии, где каждый гражданин равен перед законом, а в политической жизни господствует «аристократия духа»; Перикл стоит над всеми ударами τύχη, и за такого вождя и такой город стоит сражаться и умереть. Афины — духовный центр и высшая школа эллинского образования.[40] Однако эта идеальная демократия — демократия только по имени: на деле же правление первого человека в государстве (II 65, 9), который вел народ за собой.[41] Духовное превосходство

---

[35] Этот метод блестяще применен Фукидидом в так называемой «Археологии» (кн. I) — историческом введении к истории Пелопоннесской войны.

[36] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 301; Бузескул В. П. Введение, с. 90.

[37] Ср.: Jäger W. Paideia, с. 484. Так, например, держава Агамемнона — первое основанное на силе политическое образование в Элладе.

[38] В этом экскурсе о «Пятидесятилетии» обосновывается учение о «наиболее достоверной» причине войны (ἀληθεστάτη πρόφασις).

[39] Понятие «полития» охватывает не только государственный строй (конституцию), но и всю жизнь полиса.

[40] II 41, 1: τῆς Ἑλλάδος παίδευσις.

[41] Таким образом, истинная демократия, по Фукидиду, требует вождя, которому народ верит.

Афин и дает им право на гегемонию в Элладе — таково убеждение Фукидида, которое он хочет внушить читателю.

Преемники Перикла[42] в погоне за первенством лишь потакали заносчивости (ὕβρις) демоса, и последующие события показали, что реальная афинская демократия — это лишь общепризнанная глупость (VI 89).[43]

Исходя из своего идеала Перикловой политики, Фукидид подвергает критике афинскую демократию и ее вождей. Каких же политических взглядов придерживался Фукидид и какой политической группе в Афинах он сочувствовал? По этому вопросу мнения ученых расходятся.

Политических партий в современном смысле в Афинах (да и вообще в древнем мире) не существовало.[44] Обычно «партиями» в древнем мире называют организованные группы (течения) внутри рабовладельческого класса античного полиса.

В последние годы жизни и после смерти Перикла в Афинах в основном боролись две такие «партии». «Партия» Пирея (или радикально-демократическая «партия» Клеона и его преемников), защищавшая интересы городской бедноты. Ее целью было обеспечить путем так называемых «диэт» каждому гражданину прожиточный минимум и политические права. За это каждый гражданин обязан выполнять государственные обязанности (оплачиваемые государством). Расходы на содержание городского демоса возлагались на союзников и состоятельных граждан (которых облагали налогами, общественными повинностями и подвергали штрафам).[45]

Второй «партией» была городская партия, опиравшаяся на крестьянство и зажиточных горожан. Эта «партия» не была заинтересована ни в обложении союзников, ни в системе диэт.[46] Будучи в основном также сторонницей существовавшего демократического строя, она требовала, однако, облегчения тягот, падавших на богатых афинян и союзников.[47] Обе «партии» стремились к эксплуатации союзников (но разными методами) и стояли за войну со Спартой до полной победы.

Политический идеал Фукидида в равной мере возвышался как над крайней демократией, так и над крайней олигархией. Фукидид, аристократ по рождению и член «кимоновского клана», не мог, конечно, сочув-

---

[42] Клеон и другие.

[43] Слова Алкивиада в Спарте.

[44] Ср.: Утченко С. Л. Классы в античном рабовладельческом обществе. ВДИ, 1951, № 4, с. 9.

[45] Ср.: Лурье С. Я. История, 1948, II, с. 140. Лидерами этой «партии» были канатчик Евкрат, торговец овощами Лисикл, кожевенник Клеон, ламповщик Гиперболл, торговец музыкальными инструментами Клеофонт и др.

[46] «Первичными» организациями (ячейками) этой «партии» были так называемые «гетерии» (аристократические клубы), сыгравшие важную роль в олигархическом перевороте 411 г.

[47] Ср.: Лурье С. Я. История, II, с. 141. Вождями этой «партии» были крупные землевладельцы-аристократы и финансисты-ростовщики, например, родственник историка Фукидида, знаменитый противник Перикла Фукидид из Алопеки, богач и полководец Никий и др. Характерно, что из рядов этой «партии» вышли организаторы и вдохновители олигархического переворота 411 г., такие как Писандр, Антифонт, Фрних, Ферамен.

ствовать «реальной» демократии, политике Клеона, Гипербола и других популярных демагогов. Имея перед глазами образ великого Перикла, Фукидид не щадит мрачных красок в отзывах о его преемниках.[48] С другой стороны, он весьма иронически отзывается о спартанцах,[49] но хвалит Брасида,[50] всецело одобряет политику Фемистокла и Перикла (II 65; I 138). Особенно примечательны его благоприятные отзывы о вождях крайних олигархов Антифонте и Ферамене (V 65, 2). Олигархическую конституцию 411 г. Фукидид считает лучшим государственным строем, в ранний его период, на его, по крайней мере, памяти (см. VIII 97).

Следует полагать поэтому, что Фукидид не был однобоким сторонником ни одной из «партий»[51] и скорее всего сочувствовал взглядам «умеренных».[52]

Как относился Фукидид к войне? Верил ли он в победу афинян? Оправдывал ли «политику силы»?

Описание войны Фукидид делит на три периода (поняв, что война, после 10 лет так называемой Архидамовой войны, продолжается): 1) Архидамова война (431—421 гг.), 2) временное соглашение, война коалиции против Спарты на суше и «гнилой» (Никиев) мир (421—415 г.), 3) Декелейская война, сицилийский поход и Ионийская война.

Архидамова война велась по плану Перикла (который Г. Дельбрюк назвал гениальным):[53] афиняне избегали решительных сражений на суше, а пелопоннесцы — на море.

Перикл понимал, что при бесспорном превосходстве афинян на море они все-таки не могут соперничать с противником на суше. Отсюда следовал вывод о необходимости держаться стратегии «измора», т. е. рассчитывать на длительную войну на истощение. Практически приходилось, позволив врагу разорить всю Аттику, довольствоваться блокадой побережья Пелопоннеса, опустошением прибрежных местностей и попытаться поднять восстание илотов в самой Спарте, но ни в коем случае не вступать в сражение на суше с превосходящими силами противника. Величайшая заслуга Перикла как государственного мужа и полководца в том, что он сумел убедить народ в необходимости отдать свою землю, дома и имущество врагу (укрывшись за городскими стенами) и заставил народное собрание принять такое решение. Афины были слишком слабы, чтобы выиграть крупные сражения на суше. Однако стратегия «измора»

---

[48] Поведение и манеры Клеона шокировали Фукидида. Клеон для него «самый неистовый из граждан» (III 36, 6), невежественный и малодушный (V 7, 2); Гипербол — гнусный человек, изгнанный за то, что позорил город (VIII 73, 3).

[49] I 141, 6—7; II 29—39; VIII 96, 5.

[50] IV 81, 2; IV 108, 2; IV 86.

[51] Ср.: Steup J. Thukydides, erklärt von J. Classen u. J. Steup. Berlin, 1892, II, c. LXIII.

[52] τὰ μέσα τῶν πολιτῶν (VII 82, 8) и οἱ διὰ μέσου. Фукидид превозносит «идеальную» политию и «идеальный» демос эпохи Перикла, но ему вовсе не нравится реальный демос Клеона и других.

[53] Дельбрюк Г. История военного искусства. I. Античный мир. М., 1936, с. 127.

привела к тому, что афинские полководцы стали слишком осторожны и нерешительны. Цель афинян была неясна: Фукидид не определяет, как надо понимать слова «сокрушить пелопоннесцев»,[54] и что же должно произойти после их «сокрушения»: возобновление ли политики экспансии или «сосуществование» с прежним врагом?

Политика Перикла сводилась к тому, чтобы усиливать флот, не пускаться в рискованные предприятия, не стремиться во время войны ни к каким завоеваниям, ожидая, что финансы (нерв войны) и экономика противника истощатся и он не выдержит военных тягот.

Все расчеты (γνῶμαι) Перикла, однако, были сокрушены вмешательством τύχη (непредвиденных обстоятельств). Но все же один Перикл, по мнению Фукидида, правильно понимал задачи ведения войны против Спарты и смог бы победоносно ее закончить. Исход войны зависит от политического руководства, духовного превосходства, экономики и финансов.[55] Перикл превосходил Алкивиада и других вождей своим бескорыстием: это усиливало его авторитет и позволяло говорить народу подчас горькую правду, а не льстить ему.

Несмотря на отказ преемников Перикла от его гениального плана, войну все-таки, по мнению Фукидида, можно было бы еще выиграть, останься Алкивиад во главе Сицилийского похода (II, 65, 1). Алкивиад для Фукидида был гениальным воплощением афинского духа экспансии и предприимчивости. Однако Алкивиад все же переоценивал возможности афинян: даже одержав победу, афиняне едва ли смогли бы удержать господство в Сицилии надолго (VI 11, 2).[56]

Почему же все-таки война была проиграна?

Ход войны нельзя понять чисто рационально: случайности, непредвиденные обстоятельства (например, «чума», смерть Перикла, победа под Пилосом и др.) длительно не влияют на ход войны, которая ведется на истощение. Конечная сицилийская катастрофа, окончательно подорвавшая афинскую мощь, вовсе не являлась следствием отдельных непредвиденных обстоятельств, а лишь цепью множества роковых просчетов и ошибок (которые, вероятно, ни Перикл, ни Алкивиад не допустили бы): преемники же Перикла не справились с задачами, поставленными перед ними ходом войны.[57]

Война — это нормальное состояние (ὀρθά), так как в природе как отдельных людей, так и человеческого общества вообще заложена

---

[54] II 65, 13: περιγένεσθαι τῶν πελοποννησίων. Пелопоннесцы вторглись в Аттику с 27 000 гоплитов. Афиняне могли выставить (при напряжении всех сил) до 25 000 гоплитов. Это войско — все гражданское ополчение — могло оставаться в строю всего лишь несколько недель, так как граждане должны были вернуться к обычным занятиям (ср.: Дельбрюк Г., ук. соч., с. 129).

[55] Это ясно видно из речи Перикла (II 65; I 83, 2: δαπάνη); ср.: Jäger W. Paideia, c. 507.

[56] Алкивиад предложил план завоевания Сицилии и установления гегемонии над всей Элладой, так как сохранение афинской мощи возможно лишь путем дальнейшей экспансии (VI 18, 3; ср.: Jäger W. Paideia, c. 503).

[57] Ср.: Jäger W. Paideia, c. 505.

πλεονεξία — стремление захватить побольше. Мир — это неустойчивое положение: как только образуется преобладание сил (какое-нибудь сильное государство), мир нарушается, так как человеческая натура стремится к превосходству.

В мире царит грубая сила, война и справедливость несовместимы.[58] Сильные державы без церемоний нарушают нейтралитет малых городов, и те становятся их жертвой.[59]

Однако последствия войны, особенно междоусобной, ужасны.

Сдвиг соотношения сил борющихся сторон, моральное разложение, переоценка всех социальных ценностей, — все это как результат длительной войны привело к изменению человеческой натуры,[60] к ее «вырождению» (III 83: κακοτροπία).[61] Положительные моральные качества человеческой натуры — доблесть, гуманность и прочие — в исключительных обстоятельствах при столкновении с аморальной исторической действительностью исчезают — вырождаются. Сначала «вырождение» охватывает нравы отдельных людей в частной сфере, а затем звериная сущность человеческой натуры начинает бесстыдно проявляться и в политике.[62] Честолюбие, жадность, корыстолюбие наследников Перикла перешло и на политическую систему и руководство союзникам и сделало Афины самым ненавистным из государств Эллады: теперь вся Эллада единодушно желала уничтожения мощи афинской державы.[63]

Некоторые новейшие исследователи (у нас, например, В. П. Бузескул) [64] указывают на то, что Фукидид обращает внимание на материально-экономические факторы, и приписывают ему даже «что-то вроде экономического материализма».[65] Так, например, Фукидид указывает на важность

[58] См. речи платейцев и фиванцев (III 52—59 и III 60—67).

[59] См. диалог афинян с мелосцами (V 86—113): кулачное право объявляется всеобщим естественным законом. В речи Клеона (III 37 сл.) ярко выражена грубая жестокость по отношению к союзникам. Хотя Фукидид и не высказывается прямо за политику силы, но, по-видимому, все-таки одобряет ее у Перикла, проводимую с помощью умеренных средств и без риска для государства (μετρίως—ἀσφαλῶς; II 65, 5); ср.: RE, 1242.

[60] Ужасы междоусобной войны на Керкире Фукидид дает параллельно с картиной «чумы» в Афинах и ставит им как бы «врачебный диагноз» (ср.: Jäger W. Paideia, c. 499).

[61] Фукидид прямо не осуждает «вырождение», но сама его манера изображения насилий при Платее, на Керкире, в Митилене, Мелосе и Микалессе ясно показывает, на чьей он стороне. Особенно яркий пример «вырождения» представляет Алкивиад. На него Фукидид отчасти возлагает вину за катастрофу Афин. Необузданность в частной жизни вызвала недоверие к нему народа, который видел его тиранические наклонности. Но если бы народ не отнял у него командование, то он, как думает Фукидид, по крайней мере впоследствии не привел бы государство к катастрофе (VI 15, 3).

[62] Человеческая психика была потрясена лишениями и ужасами войны; человеческий тип, изображенный в III 82 сл., резко противоречит идеальному благородству афинян в «эпитафии» (ср.: Schmid, 206).

[63] Уже Перикл ясно понимал, что владычество Афин — это тирания (II 64, 5; ср. V 95).

[64] Бузескул В. П. Введение, с. 91.

[65] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 306.

обладания Керкирой как стратегическим пунктом и плацдармом для переправы в Сицилию (I 36, 2). Однако из этого важного замечания Фукидид не делает никаких выводов (хотя оно дает в сущности ключ для выяснения основной причины войны).[66] Вообще подобные замечания у него редки. На первое место он выдвигает политические и военные факторы, обнаруживая при этом глубокое понимание политики и стратегии.[67] Фукидид уверен, что сицилийской катастрофы можно было бы избежать при другом вожде (например, при Перикле или даже Алкивиаде), а самое главное — при отсутствии партийных раздоров в городе, так как афинской мощи (духовной и материальной) было еще вполне достаточно, чтобы сокрушить военные силы сиракузян.[68]

Фукидид — ученик софистов (Протагора, Продика, Горгия), которые подвергали критике дофилософскую вульгарную этику (δόξα τῶν πολλῶν). Принимал ли Фукидид какой-нибудь модный тогда софистический нравственный идеал (τέλος), например εὐθυμία 'душевное благополучие' Демокрита, εὐβουλία 'благоразумие' Протагора или εὐκοσμία 'порядок, дисциплина' Дамона — неизвестно. Можно думать, однако, что он признавал идеалом (τέλος) нечто противоположное дурным качествам человеческой натуры (ὀργή 'раздражение', ὕβρις 'заносчивость', πλεονεξία 'стремление захватить побольше').

Несмотря на явное подавление авторских эмоций («самоустранение» Фукидида) и полный отказ от всего сверхъестественного и мифического, он вводит в свою историю элемент моральной оценки, некоторую «гуманистическую» и трагическую ноту. Там, где у Геродота чудесные знамения и кара божества (например, VI 27: участь хиосцев), у Фукидида — гуманное сочувствие к человеческим несчастьям (VII 29 сл.: участь Микалесса). Рассказ Фукидида об ужасах войны, бессмысленных страданиях неповинных людей (παθήματα, особенно рассказ о Микалессе) рассчитан на то, чтобы вызвать глубокое сочувствие читателей[69] к невинным жертвам (момент жалости и сострадания заключается в выражении ὀλοφύρεσθαι ἄξιον — VII 30).[70] Таким образом, по мнению некоторых ученых, у Фукидида мы можем наблюдать «процесс гуманизации политического мышления».[71]

Фукидид очень сдержан в вопросах религии. Так, например, в «эпигафии» нет речи о религии, а только о внешней стороне культа (о праздниках и храмах). В диалоге с мелосцами (как думают, от лица Алкивиада) религия изображается как человеческое установление, с которым

---

[66] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 306.

[67] Так, поход Лахета в Сицилию с незначительными силами (III 86, 1; 90, 2; 103, 3) только заставил сицилийцев на конференции в Геле объединиться против афинян (IV 58—65).

[68] Ср.: Jäger W. Paideia, с. 507.

[69] Особенно ясен трагический акцент в эпизодах с Микалессом, с катастрофой Платей, Митилены, Мелоса и сицилийского похода.

[70] Перевод: «Такова была участь Микалесса, испытавшего бедствие... самое тяжкое и прискорбное среди бедствий, постигших Элладу в течение этой войны».

[71] Ср.: RE, 1257.

афинская политика не может и не должна вступать в противоречие (V 105). Однако благочестие и страх перед богами полезны и ценны в государственных (политических) интересах как факторы, воздействующие на поведение людей: ведь исчезновение благочестия и сомнение в справедливости богов, воздающих за зло, влекут за собой всеобщее моральное разложение (III 82, 8). Следует сохранять народную веру предков. Об этом Фукидид говорит устами Перикла: «Испытания, ниспосланные богами, следует переносить покорно, как неизбежное... Так и прежде было заведено в Афинах, и ныне этот обычай не следует изменять» (II 64, 2).[72]

Склоняясь к рационализму в философии, сам Фукидид, конечно, не разделяет народной веры в антропоморфных богов, скептически относится к оракулам, отвергает «зависть» богов. Но все же (хотя в сфере τύχη нельзя обнаружить ни олицетворенных, ни безличных сил) у него историческим процессом руководят некие высшие силы, более справедливые и гуманные.[73]

Свобода воли в мире для Фукидида — иллюзия: даже вожди народа (такие как Фемистокл, Перикл, Алкивиад) — жертвы слепых иррациональных сил (τύχη); иррациональны не только вызванные стихийными силами события, но и само человеческое поведение. Обычно люди, однако, действуют так, как будто им всегда должна сопутствовать удача (III 45, 5: εὐπορία τῆς τύχης).

VIII. ЯЗЫК И СТИЛЬ ФУКИДИДА

Стиль Фукидида определяется целью написания «Истории», именно тем, что его труд предназначен для государственных деятелей, которым необходимо понимать мотивы человеческих действий в историческом процессе и более глубокие связи между событиями. Поэтому Фукидид старается при возможно более сжатом изложении (συντομία) быть понятным.[1] Его изложение увлекательно и захватывает своим реализмом.[2] Этой задаче соответствует и стремление к научной объективности, и сознательное отталкивание от стиля ионийской новеллы Геродота, исключение всего

[72] Среди афинских политиков Никий, по-видимому, являлся в отношении религии исключением. Известна его вера в прорицания, божественную кару, зависть богов, божественные знамения. Фукидид слегка порицает Никия за его суеверное отношение к затмению, причинившее страшный вред афинянам в Сицилии (VII 86, 5), но не отказывает ему в уважении (ср.: Schmid, 113).

[73] Ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 311.

[1] Эта сжатость часто приводит, напротив, к трудности понимания, и Фукидид справедливо считается одним из самых «трудных» (особенно в речах) греческих авторов.

[2] Таковы, например, описания: осады Платей (III 20 сл.), битвы при Делии, под Пилосом, этолийского похода (III 97), битвы при Мантинее (V 66 сл.), ночной битвы в Большой гавани Сиракуз, «чумы» в Афинах, трагической участи афинских пленников в сиракузских каменоломнях и т. д.

анекдотического и стремление к «реалистическому» изображению событий. Фукидид блестяще справился с этой задачей и создал научную аттическую прозу.

Компонентами стиля Фукидида являются: несколько архаизированная разговорная аттическая речь:[3] поэтическая философская речь и эпос; софистика; логографы; стиль медиков (Гиппократ), гномы (сентенции) Демокрита; стиль юридических формул.

Фукидид пишет на так называемом староаттическом разговорном языке с известной примесью архаизмов.[4] Структура предложений приспособлена у него к быстрому развитию мысли. Стиль варьируется соответственно содержанию и замыслу писателя в отдельных частях труда. Однако во всей его «Истории» можно заметить одну постоянную особенность: пристрастие к параллельному членению, к антитезам[5] и к непоследовательности и «нескладности» (inconcinnitas) и к нарушению конструкции (называемый анаколуфом вследствие «обилия мыслей»):[6] точнее — отличительная черта стиля Фукидида — это удивительное соединение параллелизма и «отсутствия связи».

В этой особенности стиля Фукидида можно видеть не «влияние» Горгия,[7] а «отталкивание» от него. В противоположность Горгию и, с другой стороны, новеллистическому стилю Геродота Фукидид и создал свой стиль научной прозы, который казался позднейшим последователям Исократа «некрасивым» и «неправильным»,[8] но все же патетическим.[9] «Некрасивость» и «неправильность» Фукидид возвел в норму.

Риторика имела для Фукидида значение лишь «техники мышления» и диалектики. Особенно заметно влияние софистики (в частности, Горгия)

---

[3] Впервые юридическая и политическая проза возникла в Сицилии (в основу ее была положена обиходная разговорная речь). В нее проникли элементы «формульного» юридического языка и поэзии. Философы также (отбросив поэзию) прибегли к разговорному языку как к наиболее удобному средству для систематизации мыслей и абстрактных рассуждений.

[4] Архаизмы Фукидида отчасти объясняются тем, что будучи 20 лет в изгнании, он отстал от современного развития языка на родине. Этим же можно объяснить и его новые словообразования и употребление новых слов, точно соответствующих предмету (ср.: Lex. d. Antike, IV, 282).

[5] Фукидид менее назойливо, чем Горгий, применяет антитезы и так называемые constructio ad sententiam во всевозможных формах: изменения рода, числа и падежей при именах, времени и наклонения при глаголах, порядок слов ἀπὸ κοινοῦ и гипербат (ср.: RE, 1265). Краткие «члены» Горгия Фукидиду чужды.

[6] «Нескладность» и склонность к анаколуфам приводит, как заметил уже Дионисий Галикарнасский (Dion. Halic. ad Pomp. 3, 13, p. 237), к неясности и малопонятности (ἀσαφές).

[7] Горгий не сам «изобрел» свои фигуры: они существовали уже давно в стилизованной речи (например, в языке формул и у Гераклита). Горгий лишь систематизировал их и применил в своих большей частью кратких предложениях и кóлонах. Затем он применил также метафоры и поэтические слова (RE, 1260).

[8] Так, Дионисий Галикарнасский (Dion. Halic. ad Pomp. 3, 13, p. 237) говорит, что стиль Фукидида производит впечатление: мрачного (στρυφνόν), резкого, тяжелого (πικρόν, αὐστηρόν), затрудненного (ἐμβρυθές), мощного (δεινόν, φοβερόν).

[9] Dion. Halic., там же.

при употреблении антитез и антилогий (т. е. противопоставления целых речей за и против).[10]

Внимательное чтение Фукидида показывает его основательное знакомство с поэзией и аттической драмой,[11] и, по всей вероятности, с Парменидом,[12] Демокритом, Анаксагором, Сократом и медицинской школой Гиппократа.

Из прозы Демокрита Фукидид, по-видимому, взял антитезы и гномы (возможно, также и от Гераклита, Эмпедокла и Софокла с его большим запасом традиционных антитез и сентенций).[13]

Многим Фукидид обязан, как сказано выше, и сочинениям медиков школы Гиппократа. В частях «Истории», где ведется рассказ о событиях (ἔργα) от автора, заметна трезвая правдивость, острая наблюдательность (свойственная медикам при установлении диагноза), богатство лексики и отчетливо построенные предложения и периоды.[14]

Богатство сентенций Фукидида отмечалось еще в древности[15] (особенно много сентенций в речах). Число метафор (например, по сравнению с Геродотом) невелико. Вопрос о единстве стиля Фукидида спорен: неясно, переделал ли Фукидид при завершении своего труда материалы, приведенные дословно, данные в IV, V и VIII книгах в пересказе. Заставляя говорить своих персонажей, Фукидид делает это в разных формах (прямой и косвенной речи, разговора, совета, письма, диалога и пр.), которые явно не нарушают единства стиля.[16] Иногда вставлены подлинные материалы и документы, которые чередуются с речами и рассуждениями автора.[17]

IX. ОЦЕНКА ФУКИДИДА В ДРЕВНОСТИ И В НОВОЕ ВРЕМЯ

Труд Фукидида, доведенный до 411 г. до н. э., продолжали Ксенофонт, Феопомп и Кратипп. До нас дошла только «Греческая история» Ксено-

[10] Дух нового времени и софистики проявляется в любви к антитезам. Фукидид освещает вопрос с противоположных сторон (диалогически), антитезами и заостряет его в оксиморонах (например, III 38, 4: θεαταὶ μὲν τῶν λόγων ἀκροαταὶ δὲ τῶν ἔργων 'зрители речей и слушатели государственных дел'), украшает аллитерациями (I, 37, 5), игрой слов (в речи Гермократа VI 79 сл.) и анафорами (I 85, 2; 126, 12).

[11] Но все же степень этого влияния указать трудно (так как ни ссылок, ни цитат из трагиков у Фукидида нет).

[12] «Возвышенность» и «серьезность» стиля Фукидида идет от философской поэзии Парменида с ее формульным и гномическим стилем (ср.: RE, 1260).

[13] В этических гномах Демокрита заметны связи с гномическим стилем, но в длинных пассажах ясно видны антитетическое расположение и большая точность в выборе слов (ср.: RE, 1260).

[14] Ср.: RE, 1260. Иногда, как мы видели выше, Фукидид употребляет даже медицинские термины (например, πρόφασις).

[15] См.: Marcell., 51. В «Археологии» сентенции методологического содержания (I 20, 1; 21, 1).

[16] Ср.: Lex. d. Antike, IV, 281.

[17] Например, материалы IV 118 сл. состоят из одних обширных речей; в V 27 собственные рассуждения автора связаны с речью.

фонта; от трудов же Феопомпа и Кратиппа сохранились лишь незначительные фрагменты. Подражал Фукидиду также историк Филист в своей «Истории Сицилии», но сочинение его также не сохранилось и мы не можем судить о его научных и художественных достоинствах. Однако, по отзывам древних, ни один из этих продолжателей Фукидида не мог сравниться с ним ни по силе критической мысли, ни глубиной политического анализа.

В IV в. до н. э. риторическое направление школы Исократа (господствовавшее тогда) относилось к Фукидиду отрицательно. Писатели IV в не упоминают Фукидида, хотя иногда и полемизируют с ним (Аристотель, Эней Тактик).[1]

Только со второй половины II в. до н. э., когда в греческой литературе стали укрепляться архаизирующие тенденции, Фукидид находит всеобщее признание и становится на долгое время образцом для историков и риторов. Историк и ритор I в. до н. э. Дионисий Галикарнасский дал развернутую критику стиля Фукидида.[2]

В римское время «История» Фукидида нашла себе блестящих подражателей в лице Саллюстия и Тацита, а также Иосифа Флавия и Диона Кассия.

В византийскую эпоху самым выдающимся подражателем Фукидида был Прокопий Кесарийский (VI в. н. э.)

В Новое время высоко оценивали Фукидида такие выдающиеся историки, как Нибур, Ранке, Маколей, Эд. Шварц и др. У нас в России знаменитый историк С. М. Соловьев (по свидетельству его внука С. М. Соловьева) «хотел быть русским Фукидидом». По отзыву известного советского историка акад. С А. Жебелева, «сочинение Фукидида является одним из характерных образцов... художественных произведений, в которых содержание соответствует форме, а форма — содержанию».[3]

[1] См.: История греческой литературы, т. II. М., 1955, с. 97 сл.
[2] Там же, с. 98.
[3] См.: Фукидид. История, т. I. М., 1915, с. VI сл.

ПРИМЕЧАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

К главе 1.

[1] Фукидид (как и большинство греческих историков) писал вообще для всех греков, а не только для афинян. Поэтому он дает имя своего города (подобно тому как Геродот из Галикарнасса и Гекатей Милетец стоят в начале их сочинений). [2] Вся Эллада раньше или позже была вовлечена в войну, а также много неэллинских народностей (например, эпироты, македоняне, фракийцы, сицилийцы). [3] Т. е. за весь период истории до Пелопоннесской войны или непосредственно перед 431 г. [4] Т. е. выводов на основании свидетельств.

К главе 2.

[1] В этнографическом смысле: страна, населенная эллинами. [2] Т. е. не было еще накопления богатства в руках немногих лиц. Фукидид имеет в виду времена до Троянской войны. [3] Беотия и Пелопоннес — сравнительно новые названия. Беотийцы и Пелопс — пришельцы в Грецию. [4] Хотя Евмолп из Элевсина воевал с Эрехфеем (ср. II 15, 1), но это были войны за единство Аттики. В эпоху до и во время Троянской войны Гомер рассматривал Аттику как сравнительно незначительную область.

К главе 3.

[1] Гомер знает эллинов только во Фтиотиде. [2] Пеласги — у Фукидида — догреческое население. Ионийцы, по Фукидиду, первоначально до их эллинизации были пеласгами. Полагают, что первые эллины, пришедшие в Грецию около 2000 г. до н. э., были ионийцами (ср.: Gomme A. W., I, 97) (ионийский диалект самый древний из греческих диалектов). Затем последовали вторжения ахейцев (около 1500 г.) и дорийцев (около 1100 г. до н. э.). Откуда они пришли и как долго смешивались с коренным населением — неизвестно (по-видимому, все же пришли по суше откуда-то с севера). [3] Так обычно думали греки (ср.: Herod. II 53).

К главе 4.

[1] Минос — легендарный царь Крита, создатель критского могущества и культуры (3000—1260 гг. до н. э.). Его имя, по-видимому, нарицательное имя критских владык. О высоком уровне мореходства на Крите говорит тот факт, что критские корабли (парусные и весельные) строились из привозного леса. Население Крита было родственно догреческому населению Балканского полуострова и не принадлежало к индоевропейской расе. [2] Карийцы — народ индоевропейского

племени — говорили на языке хетто-лувийской языковой группы. Первоначально жили на Крите (а также на материке в Арголиде и Мегариде), но потом частично выселились в Малую Азию (после вторжения ионян и дорийцев).

К главе 5.
[1] Ср.: Od. III 71 сл.; IX 252.

К главе 6.
[1] Такую прическу греков архаической эпохи (кробил) можно видеть на вазах (см.: Buschor E. Greek Vase-Painting, München, 1956, fig. 96, 106, 107). [2] По-видимому, наоборот, эта мода пришла в VI в. в Афины из Ионии. [3] Олимпийские игры — общеэллинский праздник — справлялись каждые четыре года (в августе—сентябре) в Элиде в Пелопоннесе.

К главе 7.
[1] Фукидид имеет в виду греческие колонии: например, Милет, Фасос, Самос, Сиракузы. [2] Например, Аргос, Афины, Кносс (на Крите).

К главе 8.
[1] Период наиболее активной торговой деятельности финикиян в Эгейской области (но не господство на море) падает на 1000—900 гг. до н. э. (незадолго до Гомера). Пиратство распространилось весьма сильно после дорийского вторжения и падения цивилизации бронзового века (микенская культура). — Карийцы плавали до Атлантического океана (как показывает топонимика некоторых мест в Марокко). [2] Обряд очищения от скверны о. Делоса, национальной святыни ионийского племени, афиняне произвели, чтобы снискать милость дельфийского бога Аполлона. [3] Имеются в виду карийцы. Напротив, по Геродоту, карийцы были покорными подданными Миноса (ср.: Herod. III 122, 2).

К главе 9.
[1] Агамемнон (собств. Ἀγαμέμνων «могучий владыка»), сын Атрея, — мифический царь Микен и Аргоса. Царь Тиндарей обязал клятвой женихов Елены защищать ее будущего мужа. Елена вышла замуж за Менелая, царя Спарты, брата Агамемнона. Агамемнон предпринял поход против Трои, чтобы отомстить Парису, соблазнителю Елены, и вернуть ее мужу. [2] Пелопс — сын малоазийского царя Тантала, царь Сипила, герой-эпоним Пелопоннеса. Его сыновья: Атрей, Фиест, Алкотой и Хрисипп. [3] Еврисфей, сын Сфенела, внук Персея, владыка Тиринфа, Микен и Мидеи. По его повелению Геракл совершил свои знаменитые 12 подвигов. [4] Гераклиды — потомки Геракла, по преданию, вторглись в Пелопоннес (предание отражает историческое событие — дорийское завоевание Пелопоннеса). [5] Пелопиды — потомки Пелопса. [6] Персей — мифический сын Зевса и Данаи, спаситель и муж Андромеды. По одному преданию — владыка Тиринфа и основатель Микен. [7] По современным археологическим данным Троянский поход ахейцев относится к XII в. до н. э. Гомеровская Троя (город VII A) была уничтожена пожаром в XII в. до н. э. (ср.: Gomme A. W., I, 110). [8] Iliad. II 101.

К главе 10.
[1] В историческое время Микены были маленьким городком: они прислали во время Персидской войны для защиты Фермопил всего 80 гоплитов (Herod. VII 202), а при Платеях сражалось 400 микенцев и тиринфян (Herod. IX 28). В 468/67 г. до н. э. Микены были разрушены аргосцами. Огромные стены и Львиные ворота Микен видел еще во II в. н. э. Павсаний (II 16, 5—6). В XIX в. Микены были раскопаны Г. Шлиманом. [2] Обычно Пелопоннес делился на 6 частей: Арголида, Ахея, Элида, Аркадия, Лакония и Мессения. Но Фукидид считает Лаконию и Мессению (после покорения последней спартанцами) за одну часть. [3] Это преувеличение: Аргос и Ахея не участвовали в Пелопоннесском союзе. Обычно Спарту и ее союзников Фукидид называет словом «пелопоннесцы».

Вне Пелопоннеса союзниками Спарты были беотийцы, амбракиоты, коринфяне. [4] Имеются в виду, очевидно, Афины эпохи Перикла. [5] Филоктет — предводитель стрелков из фессалийской Магнесии (ср.: Iliad. II 510, 719). [6] Iliad. II 484—785.

К главе 11.

[1] Ср.: Iliad. II 698. [2] На Херсонесе фракийском между Пропонтидой, Геллеспонтом и Мелесским заливом. Ср.: Iliad. I 366; X 328. И в историческое время греческие армии питались за счет местных средств во время походов.

К главе 12.

[1] Среди основателей городов схолиаст называет: Тевкра, Филоктета, Диомеда и Менесфея. Гелланик говорит об основании Энеем Рима (frg. 31). [2] Многие греки полагали (быть может, также и Фукидид), что Троянскую войну можно совершенно точно датировать от 1192 г. до 1183 г. до н. э., а фессалийское и дорийское переселение происходило будто бы между 1124 и 1104 гг. до н. э. (так полагали Эратосфен и, быть может, Гелланик). Так называемый «Marmor Parium» дает другую дату для взятия Трои: именно 1209—1208 гг. до н. э. (ср.: Gomme A. W., I 117). Археологические данные о микенской эпохе в общем подтверждают правильность этих дат. [3] По греческому преданию (ср. Herod. VII 176, 4), фессалийцы пришли из Феспротии в Эпире, Фессалия оставалась еще в неолите до 1400 г. до н. э. Новые пришельцы (ахейцы) принесли в Фессалию культуру бронзового века. Они в свою очередь были вытеснены фессалийцами около 1100 г. до н. э. (ср.: Karo, RE, Supplbd. VI). [4] Ср.: Herod. II 56; VII 176; VIII 47. [5] Дорийское переселение (завоевание) принесло с собой не только разрушение городов, но и всей микенской цивилизации (изменение стиля керамики, кремация и пр.). Дорийцы пришли, по-видимому, из Эпира и западной Македонии. [6] Об аттическом происхождении ионян на Кикладах и в Малой Азии см.: Herod. I 146; VIII 46, 2—3; Thuc. VII 57, 4. [7] Антиох Сиракузский (V в. до н. э.) — первый историк Великой Греции, определял Италию как страну к югу от реки Ла́оса, простирающуюся к востоку от Метапонта (frg. 8). Тарант он включал в Иапигию. [8] Керкиру, Левкаду, Амбракию и другие коринфские колонии на западе. Афиняне не принимали участия в колонизации VIII—VII вв. до н. э. Главная колонизация происходила в XIV и XIII вв. до н. э. Фукидид не упоминает о дорийской и эолийской колонизации Малой Азии. Главной причиной колонизации современные ученые (в согласии с Фукидидом) считают перенаселенность.

К главе 13.

[1] Тирании возникли в Греции преимущество в VII—VI вв. до н. э. Фукидид переходит прямо от дорийского вторжения к эпохе тиранов, пропуская период в несколько столетий. [2] Цари в героическую эпоху были жрецами, судьями и военачальниками. [3] Преимущество триер (кораблей с тремя рядами весел) над пентеконтерами (50-весельными судами) состояло в большем числе гребцов, что делало корабли более мощными и быстроходными при сохранении той же длины; на них были палубы и мостики для защиты гребцов и матросов. [4] Об этой битве ничего неизвестно. [5] Т. е. до окончания этой войны. Таким образом, Фукидид датирует эту битву 660 г. или 680 г. до н. э. [6] Т. е. ярмаркой. [7] Ср.: Iliad. II 570; Pind. Olimp. XIII 4. [8] Главным образом у фокейцев, милетян, самосцев и хиосцев. [9] Ср.: Herod. III 39—47; 54—57; 120—125. [10] Массалия была основана фокейцами около 600 г. до н. э. [11] Геродот и Антиох Сиракузский упоминают об этих битвах, ср.: Herod. I 166; Antioch, frg. 9 (Strab. p. 252).

К главе 14.

[1] «Длинные» — транспортные, грузовые военные суда. Купеческие корабли «круглые» (στρογγύλα πλοία). [2] Ср.: Herod. VII 144 (в 483/84 г. до н. э.). Война афинян с эгинцами происходила с 506 г. до 481 г. до н. э. (ср.: Herod. VI 49—50; 85—93). [3] Т. е. во всю длину корабля от носа к корме.

К главе 15.
[1] Имеются в виду, по-видимому, Самос, Коринф, Милет, Фокея и, быть может, Афины и Мегары. [2] Быть может, Эгину. [3] Милет был союзником эретрийцев, а Самос и фессалийская конница помогали халкидянам (на о. Эгине). Ср.: Herod. V 99. События этой войны происходили около 700 г. до н. э.

К главе 16.
[1] Это сообщение Фукидида контрастирует с известием Геродота о слабости эллинов в Малой Азии (ср.: Herod. I 143). [2] Именно Хиос, Лесбос, Самос.

К главе 17.
[1] Именно не предпринималось никаких больших военных походов. [2] Эту фразу некоторые ученые считают позднейшей вставкой.

К главе 18.
[1] Однако не все тираны были изгнаны (например, коринфские остались). [2] Ср.: Herod. I 65—66. В подлиннике εὐνομήθη. Εὐνομία — состояние государства, в котором граждане повинуются законам, но не обязательно «хорошим законам» (ср.: Gomme A. W. I 128) Тогда перевод будет: «подчинялся законам», т. е. законам Ликурга. [3] И благодаря военному могуществу. [5] От архонтства Феннипа в Афинах (490—489 гг. до н. э.) до архонтства Гипсихида (481—480 гг.), когда начался поход Ксеркса на Элладу. [5] Они воевали друг с другом между 459 г. и 30-летним миром 445 г. (ср. I 103—115, 1).

К главе 19.
[1] Ср.: Aristot. Polit. IV 5.

К главе 20.
[1] Т. е. все, что слышали или читали. [2] Подробный рассказ Фукидида о заговоре Гармодия и Аристогитона см. ниже (VI 54—59). [3] Леокорий — афинское святилище в честь дочерей афинского царя Лео, пожертвовавших жизнью для спасения города от голода. [4] Панафинейское шествие — главная часть афинского праздника Великих Панафиней, в которой для статуи богини Афины приносилась новая роскошная одежда, вытканная знатнейшими гражданками. В шествии участвовал весь народ. [5] Отряд из города Питаны в Лаконии [Фукидид здесь полемизирует с Геродотом (VI 57; IX 53)].

К главе 21.
[1] Слово «логографы» здесь означает «ненадежные рассказчики историй». Имеются в виду такие, как Гекатей и Геродот.

К главе 22.
[1] Эти слова — косвенный упрек Геродоту за недостаточный критицизм его сообщений. [2] Здесь упрек историкам софистической школы, склонным описывать события предвзято, по заранее обдуманному плану (как это впоследствии делал Эфор, ученик Исократа).

К главе 23.
[1] Так, Геродот доказывал, что греко-персидская война была значительнее Троянской войны (Herod. VII 20, 2). [2] Вероятно, битвы при Артемисии и Саламине, Фермопилах и Платеях. [3] Фукидид упоминает два солнечных затмения: 431 г. до н. э. (V 28) и 424 г. (IV 52, 1). Примечательно, что он ничего не говорит здесь о лунном затмении 413 г., которое сыграло столь важную роль в судьбе афинян в Сицилии. [4] Фукидид не приводит примеров засухи и голода в своей истории. [5] См. I 115. [6] Т. е. неосознанный психологический мотив. [7] Т. е. осознанные, открытые поводы (мелкие конфликты, приведшие к войне, то, что мы называем «поводами»; ср.: Лурье С. Я. Очерки, с. 302).

К главе 24.

[1] Ср. начало рассказа Геродота после введения (I 6). Ионический залив — Адриатическое море. [2] Иллирийцы — собирательное название родственных по языку индоевропейских народностей на берегу Адриатики. [3] Из знаменитой семьи Бакхиадов — потомков Бакхида, властвовавших в Коринфе с 748 по 657 г. до н. э. [4] Святилище и священный участок Геры в стенах города (ср. III 79). Все лица, прибегавшие к алтарю с мольбой о защите, считались неприкосновенными.

К главе 25.

[1] В торговле с западом коринфяне были значительно экономически заинтересованы и потому противились проникновению афинян на запад в Италию и в другие страны. Коринфская денежная единица была стандартом для обмена в странах у Коринфского залива, в Италии и Сицилии. После союза афинян с Акарнанией отношения Афин с Коринфом обострились. [2] Почетное право получать клок шерсти жертвенного животного, который бросали в огонь как знак обречения животного на жертву [3] Т. е. «лучше Коринфа» или «лучше, чем когда-либо в другое время». [4] По преданию Керкира — это гомеровский остров. Схерия, где жили мифические мореходы — феаки. Гробницу царя их Алкиноя показывали на острове (ср. III 70, 4).

К главе 26.

[1] Аполлония — город на иллирийском берегу; основана коринфянами и керкирянами в 588 г. до н. э. [2] Расстояние между Керкирой и Эпидамном около 200 км.

К главе 27.

[1] Коринфяне могли получить помощь от Мегар, Эпидамна, Трезена, Флиунта и Элиды. [2] Коринфская драхма (=130 г, $^1/_3$ аттической). [3] Экипажами кораблей должны были укомплектовать сами коринфяне.

К главе 28.

[1] Вероятно, это не были формально аккредитованные послы, так как лакедемоняне не могли стать на сторону керкирян против своих союзников коринфян и объявить, что керкиряне правы. [2] Т. е. иллирийцев.

К главе 29.

[1] Выше (гл. 27, 3) указана цифра в 3000 гоплитов. [2] Это было место встречи боевых сил из Кефаллении, Левкады, Ампракии и, быть может, из Элиды. [3] Под словом «чужеземцы» имеются в виду «поселенцы» (гл. 26, 1—3 и 28, 1).

К главе 30.

[1] Южный мыс на о. Керкира. [2] Нарушив условия капитуляции (см. I 29, 5). [3] База для военных операций пелопоннесцев на западе и северо-западе (ср. II 84, 5; III 69, 1).

К главе 31.

[1] Не с делосским морским союзом государств, а с афинским союзом, включавшим тогда Трезен, Ахею, Акарнанию и Закинф.

К главе 33.

[1] В действительности Керкира, ослабленная смутой 427 и 425 гг., очень мало помогала афинянам на войне. Правда, остров служил базой для Сицилийского похода. [2] Это было, по мнению Фукидида, причиной войны (ср. 23, 6).

К главе 34.

[1] Или: «явным предупреждением».

К главе 35.

[1] Т. е. договора 445 г. до н. э. (ср. 115, 1).

К главе 36.
[1] Это, несомненно, взгляд самого Фукидида: война уже вот-вот начнется. [2] Ср. речь Алкивиада в 415 г. (VI 16—18, 1). Из этих слов, дающих ключ к основной причине войны, Фукидид не делает никаких выводов.

К главе 37.
[1] Т. е. «мы действительно являемся агрессорами, а они невинными жертвами». [2] Не связанные никакими договорами с другими государствами, керкиряне являются пристрастными судьями в своих тяжбах с иностранцами на своей собственной территории. Географически и экономически Керкира была независима. Керкирские купцы вели торговлю с «варварами» Адриатики, и Керкира была для них торговым портом (ярмаркой).

К главе 40.
[1] В 440—439 гг. до н. э.; ср. I 115—117.

К главе 41.
[1] Или «обычаям», т. е. «по естественному праву» самозащиты (ср. III 56, 2). [2] Ср.: Herod. VI 89, 92. Мидийская война — только 480—479 гг. до н. э.

К главе 42.
[1] Это обычное риторическое «общее место» — контраст неопытной юности с мудрой старостью (ср. VI 13, 1). [2] Ср. I 103, 4; 105, 4—106.

К главе 44.
[1] Скорее, собрание было отложено на следующий день (ср.: Gomme A. W., I, 176). [2] Афиняне боялись стать агрессорами в предстоящей общей войне, даже если их общее поведение было вызывающим по отношению к пелопоннесцам. [3] Ср. выше, I 36. Интересы афинян на западе и в Сицилии были значительны, и они не желали отдать Керкиру в руки коринфян. Владея Керкирой, афиняне могли контролировать торговлю с западом и отрезать пелопоннесцев от Италии и Сицилии.

К главе 45.
[1] Это было после 13-го дня первой притании 433/32 г. до н. э. (согласно сохранившейся надписи IG I², 295). По-видимому, столь незначительная эскадра была послана Периклом ввиду оппозиции в Афинах против союза с Керкирой.

К главе 46.
[1] Отсутствовали корабли из Эпидавра, Гермионы, Трезена и Кефаллении, чтобы избежать войны с афинянами. [2] У коринфян (как и в Афинах) военное командование было коллегиальным. Ксеноклид был назначен начальником коринфского гарнизона в Ампракии после афинских побед 426/25 г. (III 114, 4). [3] Тщательное описание незначительной местности указывает на аутопсию или на информацию из специального источника.

К главе 47.
[1] Имена керкирских военачальников в первой битве при Левкимме даны, видимо, потому, что Фукидид пользовался здесь только коринфскими источниками, а для второй кампании — афинскими и коринфскими. [2] Фукидид не говорит, почему закинфяне прислали на помощь керкирянам столь значительный отряд. Они были, правда, союзниками афинян, когда началась война (II 7, 3; 9, 4).

К главе 48.
[1] Коринфяне прошли 25—30 км со скоростью 6—7 км в час.

К главе 49.
[1] Неизвестно, были ли это сигналы флажные или трубные звуки. [2] Наилучший комментарий старомодной тактики этого сражения — это описание победы Формиона над пелопоннесской эскадрой в Коринфском заливе (II 83—84). [3] Ср. I 45, 3. [4] Лагерь, как надо думать из I 46, 3—5, находился в Гимерии (часах в 4 плавания от Сибот).

К главе 50.
[1] Вероятно, на старых кораблях, не участвовавших в битве. [2] Первоначально — хоровой гимн в честь Аполлона. Впоследствии — боевая песнь, которой воины воодушевляли себя перед боем.

К главе 51.
[1] Главная битва произошла, по-видимому, недалеко от берега. В надписи (CIA, I 179) вместо рукописного чтения «Андокида сын Леогора» стоит «Драконтид...» (Δρακοντιδ...). Это чтение принял Шталь. Драконтид был одним из противников Перикла в 430 г. (Plut. Per. 32).

К главе 52.
[1] Гавань у Сибот (на материке) в противоположность гавани на Сиботских островах. [2] Корабли были менее быстроходны и воины на борту менее опытны.

К главе 53.
[1] Жезл глашатая (знак перемирия) означал бы, что мир между афинянами и Коринфом нарушен. Жезл глашатая — палка, обвитая двумя змеями, смотрящими друг на друга (как жезл Гермеса-Меркурия, еще и теперь служащий символом торговли).

К главе 54.
[1] Керкиряне не смогли накануне собрать тела своих павших, непосредственно после битвы. Собирание без разрешения противника трупов павших считалось знаком победы. [2] Трофей — знак победы: победители обычно собирали в одно место оружие побежденных и вешали его на каменную или металлическую подставку с надписью, какому божеству посвящен трофей и кто победитель и побежденные. [3] Число кораблей, участвовавших в битве, и потери обеих сторон, по-видимому, преувеличены. Топография местности в рассказе Фукидида о битве неясна.

К главе 55.
[1] В 40 стадиях (около 7 км) (ср.: Strab. p. 451) к юго-востоку от Актия. [2] Фукидид не сообщает, как поступили керкиряне с коринфскими пленниками. [3] Фактически керкиряне выиграли кампанию. Коринф не смог обеспечить свободу Эпидамну и подчинить Керкиру.

К главе 56.
[1] Потидея — коринфская колония на перешейке полуострова во Фракии; после Саламинской битвы (480 г. до н. э.) вступила в афинский морской союз. [2] Собственно: «города на фракийском побережье».

К главе 57.
[1] Александр I — отец Пердикки. [2] Дерда — племянник Александра I, двоюродный брат Пердикки. [3] По-видимому, имеются в виду халкидские города, образовавшие федерацию во главе с Олинфом. [4] Боттиеи жили в северо-западной части Халкидики. По Страбону (VII, 11), они были критского происхождения. [5] Большинство издателей принимают исправление Крюгера: «четырех».

К главе 58.
[1] Оба посольства были отправлены одновременно. [2] Обещание свое лакедемонские власти не выполнили. Переговоры с лакедемонянами, по-видимому, заняли всю зиму 433/32 г. и восстание Потидеи произошло весной 431 г.

К главе 59.
[1] Возможно, что Дерда уже умер. [2] С целью окружить Пердикку.

К главе 60.
[1] Адимант — коринфский военачальник, которого, по Геродоту (VIII 5, 59—64, 94), Фемистокл привлек на свою сторону взяткой в 3 таланта. [2] Неизвестно: по суше или морем.

К главе 61.
[1] По-видимому, это Каллий — автор финансового декрета 434/33 г., предложивший в 433 г. возобновить союз с Регием и Леонтинами (ср. IG I² 92 и I² 51—58). [2] Ферма (как и Дион, Пидна и Мефона) не принадлежала к афинскому морскому союзу. [3] По Классену, Аристей прибыл из Диона, проделав последнюю часть пути морем (см.: Komm. ad loc.), чтобы избежать встречи с афинянами. Однако у Аристея не было боевых кораблей. [4] Конъектура Плюйгерса. Положение Стрепсы неизвестно (вероятно, к югу от Фермы). [5] По схолиасту Павсаний — сын или брат Дерды. [6] Маленькое местечко близ Потидеи.

К главе 62.
[1] Т. е. перед Потидеей. [2] Один из членов царского дома Македонии. [3] По-видимому, левое крыло вблизи западного берега перешейка.

К главе 63.
[1] Направившись в Олинф, он подвергся бы атакам македонской конницы. [2] Потидейцы, таким образом, признали себя побежденными. [3] По Диодору (XII 34. 4), больше трехсот. [4] Могильный камень с именами погибших находится теперь в Британском музее (IG I², 945).

К главе 64.
[1] Город на восточной стороне полуострова (Herod. VII 123).

К главе 65.
[1] Город между Мекиберной и Галепсом (Herod. VII 122) в 10 км к востоку от Мекиберны. Восстал против Афин в 432 г. [2] Халкидика — здесь халкидская федерация с центром в Олинфе (ср. выше, I 57).

К главе 66.
[1] Т. е. без согласия остальных союзных государств.

К главе 67.
[1] Юридически это собрание (апелла) являлось верховной властью в Спарте, но фактически могло лишь принимать или отвергать решение правительства. Правильного голосования не было, народ выражал свою волю криком. Членами собрания были все граждане, достигшие 30 лет. [2] Мегарцы особенно страдали от так называемой «мегарской псефисмы» (декрета) Перикла, запрещавшей мегарцам торговать на всех рынках афинского союза (434 и 432 гг.).

К главе 68.
[1] Кроме Мегар и эллинских государств на северо-западе, быть может, также Эгина.

К главе 69.
[1] Не только от персов, но и от тиранов. [2] В узком Саламинском проливе. [3] Имеется в виду битва при Коронее (447 г.) и египетский поход афинян. [4] Как например, Фасос (I 101, 1—2), Евбея (I 114) и Потидея (I 58, 1).

К главе 70.
[1] В подлиннике εὐέλπιδες («оптимисты»). Один из двух героев комедии Аристофана «Птицы», типичный афинянин, носит имя Эвелпид («Неунывающий»). [2] Ср. высказывание Никия, предупреждавшего афинян против Сицилийского похода (VI 9, 3). [3] Т. е. интеллект и волю. [4] Как собственность государства. [5] Ср. «эпитафий» Перикла (II 38—39). Враги афинян коринфяне указывают на неприятный аспект афинского национального характера. [6] В этих словах дается точное определение беспокойного характера афинян (πολυπράγμων «суетливый»).

К главе 71.
[1] Ср. I 58, 1. [2] Т. е. обратиться к союзу с Аргосом.

К главе 73.
[1] Платейцы здесь не упомянуты (как и в речи афинян у Геродота IX 27, 5), но и платейцы в свою очередь не упоминают в своей апологии о Марафоне (III 54, 3—4). [2] Намек на опасность, что греческий флот, отступив от Саламина, рассеялся бы по своим городам и тогда персы поодиночке захватили бы пелопоннесские города.

К главе 74.
[1] 378 кораблей, из них 200 аттических (Herod. VIII 48). [2] Лакедемоняне наградили Фемистокла оливковым венком и колесницей. При отъезде ему устроили торжественные проводы (Herod. VIII 124). [3] Намек главным образом на фиванцев.

К главе 76.
[1] См. I 19.

К главе 77.
[1] Тяжбы разбирались или в Афинах, или в других государствах, где был заключен договор. Афиняне указывают здесь на беспристрастие афинских судов. [2] Имеются в виду персы, скифы, карфагеняне. [3] В суде во время тяжбы.

К главе 78.
[1] Общее место у Фукидида: ход войны не поддается расчету (ср. I 84, 3; IV 18; VII 61, 3).

К главе 80.
[1] Архидам вступил на престол в 469 г. и до этого участвовал в персидских войнах.

К главе 82.
[1] Именно Коринфа (вдобавок еще на-за Мегар и Эгины).

К главе 84.
[1] Это относится не к афинянам, а к речи коринфян. [2] Ср. слова Клеона (III 37, 3—5).

К главе 85.
[1] Незатейливая прямота речи Архидама представляет разительный контраст с изысканно обработанными речами коринфян и афинян.

К главе 86.
[1] Сфенеланд упоминает не о несправедливостях афинян по отношению к их союзникам и об освобождении Эллады, а только о пелопоннесских союзниках.

К главе 89.
[1] Ср.: Herod. IX 100—105. Микала — отвесный горный хребет в северной части Милетской бухты. [2] Геродот дает более подробный рассказ (IX 106, 4; 114, 2): пелопоннесцы поплыли с афинянами и ионянами в Геллеспонт, но, обнаружив мост разрушенным, отплыли домой. Афиняне же и ионяне остались осаждать Сест (479—478 гг. до н. э.). [3] Ср.: Herod. IX 114—118; Diod. XI 37, 5. Фукидид почти дословно цитирует здесь Геродота (IX 114, 2). [4] Опять цитата из Геродота (IX 117). [5] По Геродоту (VIII 41, 1), это были: Трезен, Эгина и Саламин. [6] Ср.: Plut. Them. 19; Diod. XI 39—40. Восстановление стен происходило в 478—477 гг. до н. э.

К главе 90.
[1] Диодор (XI 39, 4—5) сообщает, что Фемистокл советовал афинянам сохранять спокойствие и не провоцировать Спарту, а затем сообщил свой план в секретном заседании совета.

К главе 91.
[1] Принимаем чтение Шиллето-Гомма: αὐτοῦ, αὐτοπτῶν. [2] Он осуществлял связь эллинской армии у Фермопил с флотом, стоявшим у Артемисия (ср.: Herod. VIII 21). [3] Знаменитый соперник Фемистокла.

К главе 92.
[1] По Диодору (XI 39), спартанцы заключили Фемистокла с товарищами под стражу, а афиняне в ответ арестовали спартанских послов в Афинах. По Феопомпу (Plut. Them. 191), Фемистокл подкупил спартанских противников восстановления стен крупной взяткой.

К главе 93.
[1] Новейшие раскопки подтверждают этот рассказ Фукидида (см.: G o m m e A. W., I 260). «Теперь» — т. е. во время написания истории. [2] Так называемой Писистратовой стеной. [3] Ср.: Diod. XI 41—43. Укрепление Пирея (афинской гавани) происходило в 477—476 гг. до н. э. Оставалась неукрепленной еще часть от Мунихии до Эетионии. [4] Пирей состоял из трех естественных гаваней: Мунихии, Зея и собственно Пирея (торговая гавань). Цель Фемистокла была убедить афинян сосредоточить усилия на укреплении Пирея. [5] A. W. Gomme (I 263) предлагает иной перевод: «План укрепления Афин, предложенный Фемистоклом, помог основанию афинской державы». [6] Т. е. после разрушения Длинных Стен после капитуляции 404 г. до н. э. Стены были восстановлены в 395—391 гг. до н. э. Некоторые ученые, однако, считают эти слова позднейшей вставкой, не принадлежащей Фукидиду.

К главе 94.
[1] По Диодору (XI 44, 2) — 50. [2] Под командой Аристида (по Диодору) или Аристида и Кимона (Plut. Cim. 6, 1). [3] Рассказ об экспедиции на Кипр и к Византию (477—476 гг. до н. э.) дает также Диодор (XI 44, 1—3). Кипр был важной операционной базой персидского флота. [4] Византий не только контролировал одну из двух переправ из Малой Азии в Европу (другой пункт переправы — Сест — был уже взят), но и морские коммуникации с Евксинским понтом.

К главе 95.
[1] Единоплеменниками афинян среди союзников были только ионяне. По Плутарху (Arist. 23), это были хиосцы, самосцы и лесбосцы. [2] Вероятно, весной следующего 477 г. до н. э. [3] Двадцать кораблей (94, 1), вероятно, вернулись вместе с Павсанием.

К главе 96.

[1] Фукидид хочет показать, как первоначально основанный на добровольных началах союз свободных государств превратился в афинскую морскую державу. [2] Т. е. персидским царем, которого Фукидид называет также «Мидянином». [3] Сколько городов должны были выставлять корабли — неизвестно. Вероятно, Наксос и Фасос (кроме Лесбоса, Хиоса и Самоса); быть может, и другие, как Халкида и Эретрия, также выставляли корабли. Города же на азиатском материке (флот которых был уничтожен при Ладе) выплачивали «форос». [4] Этих казначеев (ἑλληνοταμίαι) было 10. Первоначально они заведовали находившейся на Делосе союзной казной. С перенесением в 454 г. казны в Афины эти казначеи стали важными финансовыми чиновниками. [5] Впоследствии сумма «фороса» менялась. Так, в 431 г. до н. э. она была повышена до 600 талантов (II 13, 3). Сумму первого «фороса» (460 талантов) некоторые ученые считают слишком высокой. Аристид, определивший обложение «форосом» отдельные государства, заимствовал способ обложения данью, принятый персом Артаферном в 493 г. после Ионийского восстания (ср. Herod. VI 42; Plut. Arist. 24, 1). Аристотель (Athen. Polit. 23) называет сумму «фороса» Аристида 478—477 талантов. [6] Делос избран был, очевидно, потому, что и раньше служил центром религиозного союза ионийских государств под покровительством святилища Аполлона на острове (ср. III 104, 3).

К главе 97.

[1] Скорее, сами афиняне вмешивались в дела союзников. [2] Фукидид нарочно начинает там, где кончил свою «Историю» Геродот. [3] См. о нем выше, с. 409.

К главе 98.

[1] Город, служивший впоследствии гаванью Амфиполя, был спасен Фукидидом от Брасида (ср. IV 102, 4; 106, 4). Историю героической защиты Эйона персидским военачальником Богом против войск Кимона см. у Геродота (VII 107). [2] Плутарх (Cim. 8, 3—6) говорит, что долопы занимались морским разбоем; он сообщает также, что Кимон нашел на острове кости Фесея и торжественно доставил их в Афины (476—475 гг. до н. э.). [3] Остров стал колонией афинян и не платил фороса в союз. [4] Афиняне силой заставили Карист присоединиться к союзу. [5] Наксос выплатил умеренную сумму контрибуции в $6^2/_3$ таланта, был лишен политической самостоятельности (ἐδουλώθη). [6] Фукидид не говорит, сколько государств-городов были таким образом «лишены свободы». Такое «лишение свободы» не всегда следовало за попыткой восстания (как в случае Наксоса и Фасоса).

К главе 99.

[1] Вначале, когда еще афиняне предоставляли выбор, они могли вносить суммы, равные стоимости постройки корабля. [2] Хотя в афинском флоте много гребцов было из числа граждан союзных городов, но начальники все были афиняне.

К главе 100.

[1] После поражения на море персы высадились на берег и укрепились, но Кимон высадил десант вслед за ними и разбил персов на суше. Памфилия — береговая полоса в Малой Азии между Ликией и Киликией. [2] Фасос, остров у Фракийского побережья, в 492—479 гг. принадлежал персам; с 479—466 гг. был во власти афинян [см.: Diod. XI 70, 1; Plut. Cim. 14, 2 (464—463 гг. до н. э.)]. По Геродоту (VI 45—47), копи находились как на материке, так и на самом острове. [3] Под предводительством Кимона. [4] По-гречески Ἐννέα ὁδοί. [5] Под предводительством Софана, сына Евтихида, и Леагра, сына Главкона (Herod. IX 75).

К главе 101.

[1] Илоты — государственные рабы в Спарте, потомки порабощенных мессенян. Это восстание известно под именем третьей мессенской войны [см.: Diod. XI 63—64 (469—468 гг. до н. э.); Plut. Cim. 16—17, 3]. Фурии и Эфея — поселки периэков в Мессении. Периэки — свободные жители Лаконии, обладавшие гражданским,

но не политическим полноправием. [2] Ифома стала центром восставших. Геродот (IX 64, 2) упоминает о поражении спартанцев в этой войне, когда погибло 300 воинов во главе с Аримнестом. [3] С 454—453 по 447—446 гг. до н. э. они платили 3 таланта ежегодно, а потом 30 талантов.

К главе 102.

[1] Отряд афинян по Аристофану (Lys. 1138—1144) насчитывал 400 гоплитов (ср.: Plut. Cim. 16, 8—17, 4; Diod. XI 64, 2—3). [2] Союз с Аргосом, заклятым врагом Спарты, и Фессалией, однако, не привел к поддержке восстания илотов и периэков (что кажется странным новейшим ученым).

К главе 103.

[1] Условия соглашения были очень мягкими (принимая во внимание сильное сопротивление илотов). Фукидид (и другие историки) не приводит никаких данных о том, сколько илотов получило свободу и сколько их еще осталось в Спарте. [2] Поселение мессенцев в Навпакте последовало вскоре после расторжения союза со Спартой. [3] Т. е. от пелопоннесского союза.

К главе 104.

[1] Инар — потомок Саисской династии. Египет был завоеван персами в 525 г. до н. э. и восстал в 485 г. после смерти Дария. Новое восстание произошло по восшествии на престол сына Ксеркса Артаксеркса (Ксеркс был убит в 465 г.). [2] Только Нижний Египет, Мемфис удерживали персы. [3] Целью похода афинян на Кипр была, как думают, просто демонстрация морского могущества. Плутарх не упоминает о походе, который произошел после остракизма Кимона в 461 г. до н. э. [4] После битвы при Папремисе (Herod. III 12) в 459 г. до н. э. Инициатива египетского похода афинян принадлежала Кимону.

К главе 105.

[1] Война коринфян, эпидаврийцев и эгинцев с афинянами разразилась из-за ссоры Мегар с Коринфом (афиняне держали сторону Мегар). [2] Ср.: Plut. Per. 16, 3 и Plut. Comp. Per. et Fab. 1, 2. [3] Леократ был одним из афинских стратегов при Платеях 20 лет назад. [4] Пелопоннесцы отрезали коммуникации между Мегарами и Пегами (портом в Коринфском заливе). [5] Т. е. из людей от 50 до 59 лет и юношей 18—19 лет. [6] Миронид — один из наиболее славных афинских военачальников, участник Платейской битвы. [7] Ср.: Diod. XI 79, 1—4 (458—457 гг. до н. э.). [8] Битва при Кимолии.

К главе 106.

[1] Как думают, в этой кампании афинянам помогали аргосцы. Plut. Per. 13, 6—7; ср.: Plut. Cim. 17; Per. 17.

К главе 107.

[1] Ср.: Plut. Per. 13, 6—7. Стены были сооружены в 461—456 гг. до н. э. Раскопками, однако, не обнаружено следов стен в фалерской гавани. Позднее (в 444—442 гг. до н. э.) была построена «южная стена» параллельно пирейской. Фалерская стена не была восстановлена после разрушения в 404 г. [2] Ср.: Diod. XI 79, 4—80 (458—457 гг. до н. э.); Plut. Cim. 17, 4—9. Фокидяне относились дружественно к афинянам (ср. III 95, 1). [3] Эти города относились к так называемому дорийскому «Четырехградью» (Strab. p. 427, 476). [4] Это был бы самый прямой путь. Крисейский залив — т. е. Коринфский залив (ср. II 69, 1). [5] По Диодору (XI 80, 1), 50 кораблей сторожили проходы у Герании. [6] Некоторые олигархи, которые были против сооружения Длинных Стен, что означало бы полное господство демократии и ориентации афинской политики на море. [7] Ср. 102, 4. Договор был возобновлен (после измены фессалийцев) позднее (см. III 1; II 22, 3).

К главе 108.

[1] Победа пелопоннесцев была нерешительной: им удалось только пробиться на родину, но олигархический заговор в Афинах не удался. [2] Ср.: Diod. XI 81—83 (457—456 гг. до н. э.). Местоположение Энофит (селение на юго-востоке Беотии около Танагры) неизвестно. [3] Кроме Фив (при поддержке антифиванской «партии»). Фокида (как враг Спарты) была дружественно настроена к афинянам. Однако ни Фокида, ни Беотия не вступили в афинский морской союз, как Эгина. [4] Опунтские локры были врагами Фокиды. [5] По Диодору (XI 78, 4), в 459—458 гг. «после 9-месячной осады». [6] Они платили регулярно 30 талантов. [7] Ср.: Diod. XI 84 (456—455 гг. до н. э.). Эскадра состояла из 50 триер. [8] В Гитии в Лаконском заливе. [9] Халкида — город в южной Этолии к западу от Навпакта.

К главе 109.

[1] Артаксеркс. [2] Это предложение персов было сделано на следующий год после битвы при Танагре. [3] Мегабиз (перс. Багабухша); точнее по-гречески это имя звучало бы Μεγαβύζος, как и стоит в Геродотовых рукописях. [4] По Диодору, 300 триер и 300 000 пехотинцев; 500 000 воинов по Ктесию (невероятная цифра!). [5] Т. е. ливийцев. Ктесий (frg. 33) сообщает, что при этом пало много афинян во главе с военачальником Харитимидом. [6] Просопитида — остров ниже Мемфиса, образованный каналом, соединяющим два нильских рукава (ср.: Herod. II 41). [7] По-видимому, это было в июне, когда уровень воды в Ниле ниже всего.

К главе 110.

[1] Диодор дает позднейшую версию, что Мегабиз согласился на перемирие и афиняне спаслись через Ливию в Кирену. Но Ктесий сообщает, что 40 кораблей и более 6000 греков капитулировали и получили разрешение вернуться домой. Исократ же говорит, что 200 кораблей с их экипажами все погибли (Isocr. VIII, 86). [2] По Геродоту (II 140; III 15), сыновья Инара и Амиртея остались царями (зависимыми от персов). [3] Он был казнен лишь спустя 10 лет, в нарушение условия капитуляции, подписанной Мегабизом. [4] Одно из восточных устьев Нила (Herod. II 17). [5] Неудачный исход египетской экспедиции не отразился на мощи афинского морского союза.

К главе 111.

[1] Быть может, он упоминается в надписи V в. из Фетонии (18 км от Фарсала) (IG XI, 2, 257). [2] Официальный титул фессалийского царя был ταγός (таг) — выборная (пожизненно), а не наследственная должность. Дионисий Галикарнасский сравнивает эту должность с должностью римского диктатора, выбираемого в исключительные моменты жизни государства. [3] Во главе с Миронидом. Афинская армия состояла из гоплитов. [4] Через некоторое время, однако, союз с Фессалией был возобновлен. [5] По Плутарху, эскадра состояла из 100 триер, по Диодору, из 50. [6] Согласно Плутарху, при Немее (река Немея?). Плутарх добавляет, что попытка Перикла захватить Сикион окончилась неудачей.

К главе 112.

[1] Поход на Кипр произошел в 450—448 гг. до н. э. (ср.: Diod. XII 3—4; Plut. Cim. 18—19, 1). [2] См. выше, гл. 110, 2. [3] Китий — самый значительный финикийский город на Кипре. [4] Кимон умер, согласно Плутарху, от болезни или от ран. [5] Фокийцы старались включить Дельфы в свою территорию; дельфийцы стремились сохранить «независимость» святилища как религиозного центра всей Эллады и возможность влиять на политику всех греческих государств. Под властью дельфийцев дельфийский оракул придерживался спартанской ориентации.

К главе 113.

[1] Об этом сообщает также Гелланик (frg. 81) и Феопомп (frg. 407). [2] На пути домой, по дороге, идущей по южной стороне Копаидского озера. По Плутарху, битва произошла у святилища Афины Итонии (Plut. Ages. 19, 2). [3] Под командой

Спартона. [4] Включая самого Толмида и Клиния, отца Алкивиада (Plat. Alc. I 112 C). [5] За исключением Платей. [6] Независимость в пределах беотийской федерации.

К главе 114.

[1] Непосредственный повод к восстанию неизвестен. Все евбейские города платили дань еще весной 446 г., так что восстание произошло после этого. [2] Три афинских отряда под командой Андокида (деда оратора) проделали трудный марш, отступая из Пег (в Мегариде) через Беотию в Афины (ср.: IG I², 1685). [3] Главная дорога на Афины. [4] Как думали в Спарте, Плистоанакт и его главный советник Клеандрид (отец Гилиппа) были подкуплены афинянами (по Эфору, за 20 талантов). Царя подвергли штрафу и выслали в Аркадию (он вернулся лишь после 425 г.; см. II 21, 6; Эфор, frg. 193). Клеандрид бежал в Фурии, в южной Италии, и был заочно приговорен к смерти (Strab., p. 264). Плутарх (Plut. Per. 23) рассказывает, что Перикл в своем отчете о расходах на должности стратега поставил сумму в 10 талантов, «надержанных на необходимое», и народ принял эту статью расхода без всяких расспросов. По Феофрасту (Plut. ibid.), Перикл каждый год посылал в Спарту по 10 талантов, чтобы задобрить правительство и отсрочить войну и успеть таким образом спокойно подготовиться. [5] Перикл высадился на Евбее с 5000 гоплитов на 50 триерах (Plut. ibid.). [6] Евбейские города, кроме Гестиеи, сохранили «автономию» и остались членами афинского морского союза. [7] В Гестиею были посланы афинские колонисты (клерухи).

К главе 115.

[1] В Спарту было отправлено 10 послов (среди них дед оратора Андокида; ср.: Andoc. III 6). [2] Эгинские города по договору получали «автономию» с условием уплаты афинянам определенной дани. Спарта признала главенствующее положение афинян в морском союзе. Мегары присоединились к Пелопоннесскому союзу. Афины удержали свой контроль над торговлей с Евксинским понтом. [3] Милетяне хотели захватить Приену. [4] По Плутарху (Per. 24, 1; 25, 1), афиняне предложили самосцам прекратить войну с Милетом. Когда самосцы отвергли это требование, Перикл объявил им войну. [5] По Diod. 27, 2, Перикл наложил на самосцев контрибуцию в 80 талантов. Лемнос был населен афинскими колонистами, но оставался членом афинского морского союза. [6] Его незаконный сын Аморг впоследствии поднял восстание против персидского царя в Карии (VIII 5, 5). [7] Это были так называемые ἐπίσκοποι («надиратели»), посланные для установления новой конституции на острове. [8] О восстании Византия другие источники умалчивают. В 441—440 гг. Византий еще платил подать в союзную казну 15 талантов.

К главе 116.

[1] Из-за вмешательства Писсуфна афиняне опасались нападения финикийской (персидской) эскадры. [2] Одним из этих стратегов был дед Андокида, а другим — знаменитый драматург Софокл (см. Plut. Per. 8, 8). [3] К юго-востоку от Самоса, близ Лады (базы афинской эскадры). [4] Plut. 26, 2 и Diod. XII 26, 2 сообщают, что Персия выслала свой флот на помощь Самосу. [5] Стесагор — самосский военачальник.

К главе 117.

[1] Под предводительством Мелисса (Plut. Per. 26, 3—4). [2] Не историка. Этот Фукидид происходил, вероятно, из дема Ахердунта или Гаргетта. [3] Отец известного Ферамена. Он был «основателем» (экистом) Амфиполя в 437 г. до н. э. [4] Diod. (XII 28, 3) и Plut. (27, 3—4) рассказывают, что афиняне применили при осаде вновь изобретенные осадные машины (так называемые «бараны» и «черепахи»). Современные ученые сомневаются в правдивости этого рассказа. [5] О восстании византийцев ничего неизвестно.

К главе 118.

[1] См. выше, гл. 24 сл. [2] Такие как «мегарский декрет» (псефисма) и афинская политика на Эгине. [3] Увеличилась численность населения, выросло богатство (благодаря росту торговли), укрепились армия и флот. [4] Проблема населения остро ощущалась в Спарте, так как численность илотов во много раз превосходила численность свободных граждан (спартиатов и периэков). Число свободных граждан особенно уменьшилось после катастрофического землетрясения 465—466 гг. [5] Здесь Фукидид выдвигает опять «самую достоверную причину войны». [6] Слова оракула точно неизвестны. Фукидид дает версию спартанской военной партии.

К главе 119.

[1] Спарта не могла вовлечь союзников в войну без их согласия.

К главе 120.

[1] Например Тегея, Мантинея и другие аркадские города, а также Элида. [2] В этой речи заметно сходство риторической формы Фукидида и Еврипида (именно с речами: IT.729—30; Alc. 671—72; Ion. 585—86; Suppl. 306—19). Пользуясь современными ему риторическими приемами, Фукидид необязательно должен был ждать конца войны (404 г.), чтобы сочинять эти речи.

К главе 122.

[1] На укрепление Декелеи, предпринятое впоследствии по совету Алкивиада. [2] Ср. I 124, 3: «город тиран». Это выражение отчасти принял Перикл (II 63, 2) и всецело — Клеон (III 37, 2).

К главе 124.

[1] Т. е. в «общих интересах». [2] «Общее место» для дорийцев; ср. V 9, 1; VI 77, 1; VII 5, 4. Некоторые исследователи полагают, что эта речь сочинена Фукидидом после 413 г. до н. э. (и даже после катастрофы 404 г.), потому что в ней высказаны «предсказания» о ходе войны (например, восстание афинских союзников, дезертирство афинских гребцов и пр.). Однако в речах Архидама, коринфян и Перикла содержатся неточные предсказания. Кроме того, две речи коринфян (I 68—71 и I 120—124) совершенно различны по тону (ср.: Gomme A. W., I 418 сл.).

К главе 125.

[1] Это решение последовало на собрании в августе. [2] С августа 432 г. до н. э. до начала вторжения в Аттику (20 мая 431 г. до н. э.) прошло $9^1/_2$ лунных месяцев.

К главе 126.

[1] Или: «основание», «мотив». [2] «Скверна» (μίασμα) (кровавый «грех», лежащий на убийце) мыслилась в виде живого существа. Она поражала прежде всего родичей, а потом распространялась на весь город (ср. Лурье С. Я. История, ч. I. Л., 1940, с. 89). [3] Заговор Килона произошел в 636 или в 632 г. до н. э. (ср.: Herod. V 71, 2). Рассказ о Килоне Фукидид мог взять из «Аттиды» Гелланика. [4] Килон победил на 35 Олимпиаде в 640 г. до н. э. [5] Диасии — праздник в честь Зевса, справлявшийся в начале марта. Зевс Милостивый — бог «искупитель» скверны. Фукидид (как показывает это место) писал не только для афинян. [6] В эпоху Фукидида архонты выполняли главным образом судебные функции. Во главе десяти архонтов стоял тогда знаменитый Алкмеонид Мегакл — предок Перикла. [7] «Милостивые» богини (Евмениды) — первоначально догреческие (минойские) демоны, затем богини мщения и проклятия, карающие за убийство. Святилище их находилось у входа на акрополь. [8] Клеомен, сын Анаксандрида, царь Спарты (520—489/88 гг. до н. э.). [9] Прежде всего знатный афинский род Алкмеонидов. Алкмеониды были изгнаны из Афин три раза: в первый раз еще при Солоне [вскоре после «очищения» Афин критянином Эпименидом (Diog. Laert. I 110)]

в 596—593 гг. до н. э.; во второй раз Писистратом (по политическим причинам, см. Herod. V 62, 2) и, наконец, в третий раз (ненадолго) Клеоменом и Исагором.

К главе 127.
[1] Мать Перикла, Агариста, была племянницей Алкмеонида Клисфена, знаменитого реформатора. [2] Комик Телеклеид (frg. 1) говорит о Перикле:

В руках его все: и союзы, и власть, и сила, и мир, и богатство.

К главе 128.
[1] Эпитет богини Афины по ее храму, крыша и стены которого были обшиты медными (бронзовыми) листами. Остатки его раскопаны в 1907 г. [2] См. I 95, 3. [3] См. I 95, 5. [4] Из приморского города Гермионы (в Арголиде). [5] В подлиннике: необычное выражение «эллинская война» (ἑλλὰς πόλεμον). [6] См. I 95, 2. [7] См.: Xen. Hell. III 1, 6. [8] Поэтическое выражение. [9] По Herod. (V 32), Павсаний был действительно помолвлен с двоюродной сестрой Дария, дочерью Мегабата (отставленного от управления Даскелийской сатрапией).

К главе 129.
[1] Ср. Herod. VII 66; VIII 126—129 и др. Артабаз — полководец Ксеркса, после Платейской битвы возвратился в Византий. [2] Названа так по имени г. Даскилия в северной части Малой Азии. [3] Восточное выражение (ср.: Herod. V 23, 2).

К главе 130.
[1] Павсаний окружил себя двором как восточный монарх. [2] Ср. 95, 96.

К главе 131.
[1] В приморской области северо-западной части Малой Азии. [2] Скитала — шифрованное послание на обернутом вокруг палки ремне; для прочтения нужно было вновь обернуть его вокруг палки той же длины и толщины.

К главе 132.
[1] Знаменитый треножник (перенесенный Константином Великим в Константинополь) находится теперь на ипподроме. Надпись на треножнике содержит посвящение и названия 31 греческого города, сражавшегося против персов. Двустишие, сочиненное Симонидом Кеосским, находилось, вероятно, на базе памятника. [2] Аргил — город близ Амфиполя на Халкидике.

К главе 134.
[1] Суда над Павсанием, по-видимому, не было. Диодор (XI 45, 6) сообщает анекдот, будто собственная мать Павсания осудила его за измену, а эфоры только исполнили (немедленно) приговор матери. [2] Кайядская пропасть за Спартой, куда бросали тела пленников и преступников (ср.: Paus. IV 18, 4—7). [3] После землетрясения и восстания илотов. [4] Нарушение священного права убежища преступника, бежавшего к алтарю или во храм божества. [5] Или: «в отмщение». [6] Павсаний (III 17, 7) еще видел эти статуи вблизи алтаря Меднодомной богини.

К главе 135.
[1] Изгнание путем подачи голосов черепками. Черепок с именем Фемистокла сохранился до нашего времени.

К главе 136.
[1] Официальный почетный титул. Неизвестно, какие услуги Фемистокл оказал керкирянам. [2] Рассказ о Фемистокле в роли «гикета» («молящего о защите») некоторые исследователи считают анекдотом, а мотив заимствованным из популярной трагедии Еврипида «Телеф» (ср.: Arist. Ach. 329—330; Thesm. 689 сл.; Plut. Them. 25). [3] Неизвестно, в чем состояла просьба Адмета.

К главе 137.
[1] Ребенок не был взят как заложник с угрозой убить его (как это, видимо, было в Еврипидовом «Телефе»). [2] Фермейского залива. [3] Царь Александр I (Филэллин) правил приблизительно до 445 г. до н. э. (ср. I 57, 2). [4] Ср. I 98, 4 и Plut. Them. 25, 2. [5] Друзья успели спасти только часть огромного богатства Фемистокла. [По Plut. (Them. 25, 3), было конфисковано 100 или 80 талантов]. [6] Артаксеркс вступил на престол в 465—464 гг. до н. э. [7] Позднейшие писатели содержание этого послания превратили в речь, произнесенную Фемистоклом перед самим Ксерксом (ср.: Plut. Them. 28, 1—2; Diod. XI 56, 8).

К главе 138.
[1] Ср. у Ломоносова: «быстрых разумом Невтонов». [2] Примечательно, что Фукидид умалчивает о моральных качествах Фемистокла: о его сомнительном патриотизме и «слабости» в денежных делах. [3] Т. е. естественной смертью. Скончался Фемистокл в 468—467 гг. до н. э. или в 469—468 гг. [4] Ср.: Arist. Equ. 83—84; Diod. XI 58, 3; Plut. Them. 31, 6. [5] Магнесия на Меандре в Ионии (член афинского союза). [6] Лампсак — город в Троадской области. [7] Миунт — город в Карии. «Приправа» — здесь главным образом рыба.

К главе 139.
[1] В афинском народе твердо держалось убеждение, что именно мегарская «псефисма» (постановление) и была главной причиной войны (ср.: Arist. Ach. 515—539; Pax 609). [2] Пародируется Аристофаном (Ach. 532—534). [3] Среди афинских обывателей ходили сплетни, что Аспасия (жена Перикла) оказывала на него давление и была также виновницей войны (так как у нее были якобы похищены рабыни-гетеры, которых укрыли у себя мегарцы). Ср.: Arist. Acharn. 520 сл. [4] Рамфий — отец Клеарха (ср. V 12—14; VIII 8, 2). Мелесипп — второй раз был послом в Афинах (II 12, 1—2). Агесандр — отец Агесандрида (VIII 91, 2). [5] Опять обывательское мнение, будто отменой мегарской псефисмы можно было избежать войны. [6] Пассаж написан, следовательно, после 432 г. до н. э.

К главе 140.
[1] Это — главный довод: лакедемоняне предъявляют ультиматум, который уважающее себя государство не может принять (ср. I 140, 5; 141, 1; 144, 2; 145). [2] Это как раз то, что утверждали враги Перикла (ср.: Plut. Nic 9, 9; Plut. Per. 31, 1—2).

К главе 141.
[1] Ср. подобное же утверждение коринфян (I 121, 2). [2] В соответствии с Периклову стратегией «измора».

К главе 142.
[1] По мощи своих укреплений. [2] Как Пилос, Метана (IV 45, 2), Кифера (IV 54). [3] То, что как раз и произошло после взятия и укрепления Декелеи. Можно думать, что эта речь Перикла написана уже после 413 г. (дата укрепления Декелеи).

К главе 143.
[1] Здесь Перикл ясно излагает свою стратегию «измора» и даны, вероятно, подлинные его слова (ср.: G o m m e A. W., I, 461).

К главе 144.
[1] Ср. II 13.

КНИГА ВТОРАЯ

К главе 1.
[1] Фукидид не объясняет, почему он принял этот метод счета времени, и не определяет продолжительность «зимы» и «лета».

К главе 2.

[1] Гелланик дает хронологическую таблицу жриц Геры в Аргосе (FHG 4, frg. 74 сл.). [2] Один из 5 эфоров (высших должностных лиц), так же как один из архонтов в Афинах был эпонимом (т. е. его именем назывался год). [3] Афинские архонты вступали в должность в начале месяца гекатомбеона (в начале второй половины июля). [4] По Геродоту, 400 человек. [5] Беотархи — высшие должностные лица беотийского союза, командовавшие союзным ополчением (тогда их было 11 человек). [6] Т. е. поздно вечером, в первую половину ночи. О союзе с афинянами см. III 55; I 68, 5. [7] Леонтиад, фиванский аристократ, главный виновник перехода Фив на сторону персов (Herod. VII 233).

К главе 5.

[1] Около 12½ км от стен Платей и 58 стадий (около 10 км) от реки Асопа, границы Платейской области.

К главе 7.

[1] Вероятно, ошибка. [2] Обычная формула нейтралитета в военное время. [3] Керкира, бо́льшая часть Акарнании и Закинф уже в начале войны принадлежали к афинскому союзу. Кефалления присоединилась позднее летом (ср. II 30, 2).

К главе 8.

[1] Предсказания (λόγια), необязательно прозаические, были «у всех на устах». Прорицатели были, видимо, и продавцами оракулов. [2] Геродот (VI 98, 1—3) сообщает о другом землетрясении на Делосе, незадолго до Марафонской битвы; оно предвещало бедствия, испытанные эллинами при Дарии, Ксерксе и Артаксерксе. [3] Фукидид, по-видимому, не разделяет подобное мнение. [4] Ср. II 2; III 32; IV 85, 1.

К главе 9.

[1] Прежде ахейцы были на стороне афинян (ср. I 111, 3; 115, 1). [2] Пеллена — самый восточный из двенадцати ахейских городов, соседний с Сикионом. Он действовал отдельно от других ахейских городов (ср. II 58, 4; 60, 3; VIII 3, 2). [3] Только северные локры — опунтские и эпикнемидские; озольские локры были в дружбе с афинянами (ср. III 95, 3; 101, 1). Обычно под «локрами» Фукидид имеет в виду северных локров (ср. II 26, 1). Фокидян афиняне некогда поддержали против Спарты (ср. I 107, 2; 108, 3). [4] Единственные из западных островитян, которые стояли на стороне Спарты (ср. III 94, 2). [5] Получили помощь от Коринфа в 433 г. до н. э. (ср. I 55). [6] Кроме Эниад (ср. I 111, 3; II 102, 2—6). [7] См. VII 3. [8] Ср. I 47. [9] Мелос платил дань в 15 талантов, но не был покорен до 416 г. (ср. III 91, 1—2). Фера платила в 425 г. 5 талантов.

К главе 10.

[1] Запас самое большее на 40 дней (ср. 57, 2). [2] Обычные силы для зарубежного похода (ср. II 47, 2). Фукидид не дает цифры сил пелопоннесцев. Плутарх (Per. 33, 5) приводит цифру 60 000 человек.

К главе 11.

[1] См. VIII 1, 4—5. [2] Взгляд, довольно часто встречающийся в речах Фукидида (например, I 84, 3; IV 20, 2; I 78, 1).

К главе 12.

[1] Он был одним из трех членов посольства в Афины в прошлом году (I 139, 3). [2] Или «в совет» или, скорее, «в пританей к стратегам». [3] Ср. воспоминание о словах Мелесиппа у Аристофана (Aristoph. Pac. 435—436). [4] Т. е. ⅔ своих сил гоплитов, как и пелопоннесские государства.

К главе 13.

[1] Гостеприимец — связанный узами гостеприимства. Всякий, кто принимал гостя, оказывал ему всяческую помощь и поддержку и охранял гостя в своем

государстве от каких-либо обид. Гость оказывал гостеприимцу ответные услуги у себя на родине. [2] О «скверне» Перикла см. выше, I 127. [3] Размер дани, установленной Аристидом при основании Делосского морского союза, составлял 460 талантов (ср. I 96, 2; Plut. Arist. 23, 4). Впоследствии, с присоединением новых союзников, Перикл довел сумму дани до 600 талантов. Под «прочими доходами» следует понимать пошлины, налоги, подать на метеков, арендную плату за Лаврийские рудники, за государственные земли и имущества и пр. По Ксенофонту (Anab. VII 1, 27), сумма постоянных доходов доходила до 1000 талантов в год. [4] Т. е. в «сокровищнице богини Афины» 5200 талантов и в «сокровищнице других богов» около 800 талантов, в сокровищнице богини Ники (Победы) — около 20 талантов (ср.: Meyer Ed. Forschungen zur alten Geschichte. Halle, 1899, II, с. 110). [5] Пропилеи акрополя (кремля) — входные ворота на акрополь с северо-западной стороны; построены в 437—432 гг. архитектором Мнесиклом из пентелийского мрамора. Стоимость их была 2012 талантов. [6] Под «другими сооружениями» имеются в виду Парфенон (храм Афины Девы) и телестерий в Элевсине (см. Plut. Per. 13). [7] Осада Потидеи обошлась в 2000 талантов (см. II 70, 2). [8] Торжественные процессии к храмам богов во время празднеств, когда несли статуи богов, жертвенные дары и священные символы. Празднества сопровождались гимническими и театральными состязаниями. [9] Трон царя Ксеркса на серебряных ножках, золотой меч Мардония и пр. [10] Они хранились в сокровищницах при храмах, которые были устроены в 434—433 гг. до н. э. Каллием. [11] Статуя Афины из слоновой кости работы знаменитого скульптора Фидия была закончена в 438 г. [12] Эти слова относятся только к общественным и частным приношениям из золота и серебра, а не к резервному денежному фонду в святилищах. [13] Не только в пограничных крепостях Аттики (как Эноя и Панакт), но и за границей. [14] Точность этой цифры сомнительна. [15] Общая длина охраняемой части стены равнялась 26 км (2 м на человека). [16] Неизвестно, каково было тактическое применение этого нового рода войска.

К главе 15.

[1] Кекроп — древнее догреческое местное териоморфное божество, мифический царь Аттики. Он учредил аттическое двенадцатиградье и создал основы культуры. Фукидид не сомневается в верности мифов, которые являются для него древней историей. [2] Пританеи — места собраний должностных лиц (пританов). [3] Ср.: Paus. I 5, 1. [4] Другие лица, которых Фукидид считает «мудрыми» (ξυνετοί), это: Архидам (I 79, 2), Фемистокл (I 74, 1; 138, 2—3), Брасид (IV 81, 2), Писистратиды (VI 54, 5), Гермократ (VI 72, 2), олигархи 411 г. (VIII 58, 4), Перикл (II 34, 6, 8). Радикальная демократия Клеона для Фукидида не является «мудрым» государственным строем. [5] Традиция о Фесее, как объединителе Аттики в один город, была в то время живой. Фукидид не сомневается в ней. [6] Праздник, справлявшийся 16 гекатомбеона, незадолго до Панафиней (и, по-видимому, связанный с последними). [7] Некоторые рукописи (CG) вместо πρὸ τούτου «до этого», т. е. до реформы Фесея, дают чтение τὸ δὲ πρότου «в прежние времена». [8] Скалистый холм высотой в 50 м и площадью 300 м×150 м. [9] На юго-восток от акрополя. По преданию, основанный еще Девкалионом после потопа. Сохранившееся еще доныне здание начато во II в. до н. э. и окончено при Адриане в 129 г. н. э. [10] К югу от храма Олимпийского Зевса (Paus. I 19, 1) на правом берегу р. Илисса. [11] Святилище Геи (богини Земли) находилось поблизости от храма Зевса Олимпийского (Paus. I 18, 7). [12] Древнейшее святилище Диониса в Афинах у западного склона акрополя (Paus. I 20, 3), примыкавшее к театру. В святилище было два храма Диониса и две статуи бога — одна Диониса Элевтерия, а другая из золота и слоновой кости работы Алкамена. [13] Иначе — Анфестерии. Они справлялись три дня [11—13 числа месяца анфестериона (конец февраля—начало марта)] с торжественными церемониями. 12-е число анфестериона (второй день праздника) было посвящено специально Дионису и называлось «хоес» (кружки). [14] В Малой Азии. [15] Неизвестно, где они находились. [16] Вопрос о местонахождении источника Эннеакрунос до сих пор не решен, несмотря на произведенные в новейшее время

раскопки. Тираны — сыновья Писистрата. [17] Еще Аристофан (в «Лисистрате») называет акрополь полисом.

К главе 17.

[1] Где точно находилась местность (и крепость) Пеларгик, какое отношение она имела к древней «пеласгической стене», окружавшей акрополь (ср.: Paus. I 28, 3), неизвестно. Раскопками никаких следов стены вокруг акрополя не обнаружено. Остатки «пеласгической» стены находятся как раз на акрополе к югу от Пропилей. [2] По словам древнего комментатора (схолиаста), это запрещение относилось к эпохе пеласгов: в месте, где обитали пеласги (враги афинян), афиняне не должны были селиться. В начале Пелопоннесской войны народ стал относить знакомое всем изречение оракула к этой войне. Фукидид, по-видимому, признает, что оракулы в какой-то степени могут предсказывать будущее. [4] Тягостное положение беженцев-крестьян в Афинах живо изображает Аристофан (Aristoph. Equ. 792—93). [5] См. II 23, 2.

К главе 18.

[1] Эноя — пограничное с Беотией укрепление (ср.: Herod. V 74, 2). Точное местоположение его неизвестно. Из Эвои пелопоннесцы должны были идти обычным путем: Фивы—Афины. [2] Вероятно, с помощью штурмовых лестниц (как при осаде Платей, ср. II 75—77). [3] В подлиннике: ἐν τῇ ξυναγωγῇ τοῦ πολέμου («при подготовке войны») напоминает гомеровское выражение συνάγειν Ἄρηα («завязывать бой»).

К главе 19.

[1] По-видимому, священный участок Элевсина пелопоннесцы все же не разорили. Рейты — соленые ключи на священной дороге из Афин в Элевсин (см. Paus. I 38, 1—3) на древней границе Элевсина и Афин (см. выше, I 114, 2). [2] Селение между горами Эгалеем и Парнефом (точное местоположение неизвестно). [3] Ахарны — самый большой дем (округ) Аттики (он имел в IV в. до н. э. 22 совета) на севере равнины у подошвы горы Парнефа. [4] Демы — общины (округа), составлявшие подразделения клисфеновских фил.

К главе 20.

[1] Афинская равнина к северу и западу от города, где находились поместья афинской знати (Herod. I 59, 4). [2] После опустошения своей земли и после эпидемии «чумы» еще 6 лет спустя жители Ахарн оставались ярыми врагами Спарты (ср. комедию Аристофана «Ахарняне»).

К главе 21.

[1] См. I 114, 2. [2] По Аристофану (см. «Ахарняне», «Осы», «Лисистрата»), скорее старшее поколение было воинственно настроено.

К главе 22.

[1] В подлиннике ξύλλογος (лат. contio) «неофициальная сходка граждан». [2] Фригии — местечко в нескольких километрах к северо-востоку от Афин. [3] Указание на неопределенный исход стычки. [4] См. I 102, 4. [5] Ларисейцы — жители Ларисы в Фессалии; фарсальцы — жители города Фарсал; «парагии» — сомнительное чтение рукописей; краннонии — жители Краннона к юго-западу от Ларисы; пирасии — жители Пираса во Фтиотиде фессалийской; гиртонии — жители Гиртоны к северу от Ларисы; ферейцы — жители Фер в фессалийской Пеласгиотиде. [6] В подлиннике στάσις, что, по мнению некоторых издателей, здесь означает якобы «часть» фессалийского государства.

К главе 23.

[1] Парнеф — горный хребет в северо-восточной части Аттики вдоль беотийской границы. [2] Брилесс (иначе Пентеликон) — горный хребет на юго-востоке от Пар-

нефа. [3] Вторжение (первое) продолжалось около 30—35 дней. [4] Эти гоплиты (так называемые «эпибаты» — морская пехота) по 10 человек на каждую триеру — должны были сражаться в морской битве и защищать гребцов. [5] Каркин был трагическим поэтом, которого часто осмеивали Аристофан и другие комики. [6] Протей командовал в 433—434 гг. до н. э. первой эскадрой у Керкиры, о Сократе ничего неизвестно. [7] Из Беотии пелопоннесцы спустились в Мегары, вероятно, по главной дороге Фивы—Афины. [8] Древняя грайская земля оропцев была покорена афинянами, вероятно, в 506 г., ее жители были подданными афинян (подобно жителям Элевфер и Саламина).

К главе 24.

[1] Вероятно, написано после 421 г. и относится только к десятилетней войне. [2] Триерархи — зажиточные граждане в Афинах, обязанные в порядке государственной повинности снаряжать триеру и в течение года командовать ею.

К главе 25.

[1] Керкирян, вероятно, побудило выступить на помощь со своими кораблями афинское посольство (см. II 7, 3). [2] Именно, акарнанов, закинфян и отчасти мессенцев из Навпакта (ср. II 9, 4). [3] По Диодору (XII 43, 1), «они опустошали так называемую Акту» — т. е. части Аргосского полуострова (как Эпидавр и Гермиона), враждебные афинянам. [4] Мефона — укрепленный город на юго-западном побережье Пелопоннеса. Стены города (IV в. до н. э.) частично были реставрированы венецианцами в XVIII в. н. э. и сохранились и поныне. [5] Город на юге Писатиды. [6] «Внутренняя» или «глубокая» Элида находилась в долине р. Пенея в северной части Элиды. [7] Оконечность полуострова в Писатиде.

К главе 26.

[1] Т. е. в воды опунтских и эпикнемидских локров. [2] О Клеопомпе ничего более неизвестно; возможно, он был родственником Клиния, отца Алкивиада. [3] Фроний и Алопа — города в опунтской Локриде.

К главе 27.

[1] Афиняне опасались высадки на остров пелопоннесцев, где враги могли встретить дружественное им население. [2] См. I 101—102.

К главе 28.

[1] Затмение произошло 3 августа 431 г. до н. э.

К главе 29.

[1] О нем упоминает Геродот (VII 137) в связи с захватом пелопоннесских послов во Фракии в следующем году. Проксен — нечто вроде современного консула, представитель интересов иностранных граждан и посредник в сношении с властями. Должность проксена считалась почетной и давалась влиятельному лицу. [2] Согласно мифу, афинский царь Пандион в награду за помощь в войне с фиванцами отдал в жены дочь Прокну фракийскому царю Терею. Прокна родила Итиса. Терей изнасиловал сестру Прокны Филомелу и, чтобы скрыть свое преступление, отрезал у нее язык. Однако Филомела сообщила о злодеянии Прокне, и сестры решили убить Итиса, накормить его мясом Терея и затем бежать. Терей погнался за ними, но Филомела превратилась в соловья, Прокна — в ласточку, а сам Терей — в удода. Характерен интерес Фукидида к мифическим связям Афин с Фракией (где у него была собственность). Приводя миф, Фукидид критикует его детали. [3] Странно, что до нас дошло упоминание об этом превращении не от греческих поэтов, а только от римских. [4] Одрисы — фракийское племя в долине верхнего Гебра. [5] По схолиасту: халкидян и боттиеев (некоторые из них отпали от афинян после восстания в Потидее; ср. I 65, 2). [6] Пелтасты — легковооруженные воины. [7] Ср. I 61, 2 и прим.

К главе 30.
[1] Солий — коринфская колония в северной Акарнании. [2] Палереи — жители города Палера в Акарнании. [3] Астак — прибрежный город Акарнании, к северу от устья р. Ахелоя. Об Евархе см. еще II 33, 1. [4] Жители городов Пала и Крании на западе. [5] Жители городов Сама и Пронны на востоке острова. Остров Кефалления имел важное значение для связей Афин с Керкирой.

К главе 31.
[1] Т. е. в конце сентября по нашему календарю. [2] Это был первый случай участия метэков в зарубежном походе. [3] В 424 г. до н. э. Из комедии Аристофана «Ахарняне» мы узнаем, как жестоко страдали мегарцы от этих вторжений. Ср. IV 66—69.

К главе 34.
[1] Филы — территориальное деление Аттики: со времен Клисфена было 10 фил. Афинская армия имела также 10 пехотных отрядов (τάξεις, φυλαί), а конница — 10 эскадронов. [2] Главным образом в морских сражениях. [3] Причитаниями и погребальными песнями. [4] В Керамике, к северо-западу от акрополя, на пути от Дипилона в Академию (ср.: Paus. I 29, 3). [5] В их честь был учрежден героический культ. [6] Он выбирался советом.

К главе 35.
[1] Неизвестно, кто ввел этот обычай, приписывать его Солону неверно (ср.: Gomme A. W., II, 103). [2] Эти слова, как думают, обращены к афинянам, пережившим катастрофу 404 г.: новое поколение не только сомневалось в мудрости великодержавной политики Перикла, но и в ценности афинской культуры, созданной предшествующим поколением. Отсюда некоторые ученые (Э. Шварц, Э. Мейер и др.) делают вывод, что эпитафий выражает лишь собственные взгляды Фукидида, апологию Перикла (ср.: Gomme A. W., II, 104).

К главе 36.
[1] Обычное начало всех эпитафиев. [2] Поколение эпохи Персидских войн (490—465 гг. до н. э.). [3] Поколению самого Перикла (465—440 гг. до н. э.), которому было уже за 60 лет.

К главе 37.
[1] Под «неписаными законами» Фукидид, вероятно, имеет в виду только греческие обычаи (ср.: Gomme A. W., II, 113).

К главе 38.
[1] В подлиннике: κατασκευαῖς «красивые дома с обстановкой». Удивительно отсутствие упоминания о новых храмах и других общественных зданиях.

К главе 40.
[1] В противоположность спартанской нелюбви к речам.

К главе 41.
[1] Побед — при Евримедонте, поражений — при Мемфисе.

К главе 43.
[1] Эта фраза, быть может, принадлежит самому Периклу (ср.: Gomme A. W., II, 138).

К главе 44.
[1] Ср. слова Солона Крезу (Herod. I 32).

К главе 47.
[1] 10, 1; 19, 1.

К главе 48.
[1] Верхний Египет, Судан. [2] В самих Афинах было несколько колодцев. [3] По Диодору (XII 45, 2; 58, 3—5) (который здесь следует Эфору), вероятной причиной болезни было: огромная скученность народа (на незначительном пространстве), крайне дождливая зима (после которой осталось много огромных луж со стоячей водой, не высыхавших до лета), скудное питание из-за плохого урожая и, наконец, отсутствие летом холодных этесийских ветров. Однако эти «причины» являются скорее позднейшими теоретическими домыслами, чем результатом непосредственных наблюдений во время эпидемии. Фукидид тщательно описывает симптомы болезни, пользуясь медицинскими терминами. Интересно, что в трудах Гиппократа и его школы и других медицинских сочинениях V в. нет описания моровой язвы. Большинство современных медиков полагают, что симптомы «чумы» Фукидида похожи скорее на симптомы тифа, чем кори (ср. комментарий Гомма, II, 153).

К главе 49.
[1] Гомм (II, 155) предлагает понимать καρδία как «сердце». Тогда перевод будет: «когда болезнь достигла области сердца». Так понимает это место и Лукреций (О природе вещей, VI 1208 сл.). [2] По Гомму, ἀὐτὴ κενή здесь означает «рвота».

К главе 53.
[1] Принимаем чтение προταλαιπωρεῖν «страдать», «жертвовать собою».

К главе 54.
[1] См. III 8, 3 и IV 118, 1—2. [2] Быть может, на Хиосе или Лесбосе.

К главе 55.
[1] Имеется в виду все побережье Аттики от Эксона до Суния и от Суния до Рамнунта. Фукидид не сообщает, сколь разорительно было вторжение. По-видимому, добыча серебра на Лаврийских рудниках не прекратилась. [2] По Диодору (XII 45, 1), пелопоннесцы будто бы пощадили так называемое «Четырехградье» (Марафон и другие древние города в этом районе). [3] Ср. 13, 2; 22, 1.

К главе 56.
[1] «Впервые» за эту войну или «впервые» в Афинах или в Элладе. [2] Эпидавр — наиболее важный город в Арголиде после самого Аргоса — был враждебен Аргосу и входил в Пелопоннесский союз. [3] См. I 115. [4] Лакедемонская гавань на юге Аргосского залива.

К главе 57.
[1] Перебежчики были главным образом рабы.

К главе 58.
[1] Стратег в 440—439 гг. до н. э. (I 117, 2) и в 429—428 гг. до н. э. был отцом Ферамена (ср. VIII 68, 4). [2] О Клеопомпе см. II 26, 1.

К главе 59.
[1] Этот инцидент показывает полный контроль афинского народного собрания над исполнительной властью. [2] Т. е. не был отрешен от должности.

К главе 60.
[1] Этим качеством в высшей степени обладал Фемистокл (ср. I 138, 3). [2] Имеется в виду не только патриотизм, но и готовность аристократов (таких, как Кимон, Перикл, Клиний) сотрудничать с демосом.

К главе 62.
[1] Ср. I 140—144 и II 13, 9. [2] Ср. IV 28, 2.

К главе 63.

[1] Ср. речь Клеона (III, 40, 4). [2] Ср. слова Клеона (III 37, 2); ср. также: Arist. Equ., 1111—1114. [3] Неясно, кого имеет в виду Перикл; во всяком случае — не крайних олигархов.

К главе 64.

[1] Обычная сентенция: ср., например: Soph. Phil. 1316—1317. [2] Некоторые полагают, что эти слова написаны Фукидидом уже после катастрофы 404 г. (ср.: Gomme A. W., II, 178). [3] Алкивиад повторяет эту мысль, относя ее к самому себе (ср. VI 5).

К главе 65.

[1] Древние называют различные суммы штрафа, наложенного на Перикла — 15 и 80 талантов (последняя цифра неправдоподобна) (ср.: Diod. XII 45, 4; Plut. Per. 35, 4—5). Перикл был обвинен в растрате государственных средств (Plat. Gorg. 516 A). [2] Перикл был отстранен от должности в 430 г. до н. э. и вновь избран весной 429 г. до н. э. [3] Перикл умер в сентябре 429 г. до н. э. [4] Имеются в виду нападки на Алкивиада и его отстранение от должности стратега. Этим афиняне лишили свою армию в Сицилии самого способного военачальника. [5] Текст неисправен. На самом деле война продолжалась с 413 г. по апрель 404 г. до н. э.

К главе 66.

[1] В Спарте служба начальника морских сил (наварха) продолжалась 1 год (с осени до осени). Кнем был, очевидно, недавно назначен навархом и выступил в поход в конце лета 430 г. до н. э. Обычно спартанский наварх командовал объединенной эскадрой пелопоннесцев и назначался по мере надобности.

К главе 67.

[1] См. I 60—65. [2] Историю этого посольства передает Геродот (VII 137) в связи с рассказом об отцах послов Сперхии и Булисе. После убиения в Спарте глашатаев Дария, Спарту поразил гнев героя Талфибия (глашатая Агамемнона). Сперхий и Булис добровольно отправились к царю Ксерксу, чтобы своей смертью искупить и умилостивить гнев героя Талфибия. Царь Ксеркс, однако, помиловал их; они вернулись в Спарту, умилостивив гнев героя. [3] Аргос держал в войне нейтралитет (ср. II 9, 2), и Поллис отправился в Персию хлопотать о союзе спартанцев с царем. Аргос оставался нейтральным во время похода Ксеркса 50 лет назад, и ввиду этого Поллис мог рассчитывать на хороший прием в Персии. [4] Фарнак — правитель (сатрап) Дискилитиды (ср. I 129, 1) на азиатском берегу Пропонтиды. [5] О нем нет больше нигде упоминаний. [6] Ср.: Arist. Ach. 145—147 (о Садоке и Ситалке):

А сын его (афинянином сделан он)
Поесть колбас в Афинах хочет до смерти
И просит, чтоб Ситалк его отечеству
Помог.

[7] Послов схватили, по словам Геродота (VII 137), в порту Бисанфе на Геллеспонте. [8] Ср. действия коринфян из страха перед возможными разоблачениями Никия (VII 86, 4). [9] Предполагают, что решение казнить пленников было вынесено по совету Клеона. Однако Фукидид, отрицательно относившийся к Клеону, наверно, сообщил бы об этом. Фукидид считает казнь пленников ошибкой: Перикл в это время был уже отрешен от должности и не мог спасти пленников.

К главе 68.

[1] Амфилохский Аргос в юго-восточном углу Ампракийского залива. [2] Брат Амфилоха Алкмеон убил, мстя за отца Амфиарая, свою мать Эрифилу. [3] Малые

города Амфилохии упомянуты в III 105 сл. [4] Ср. II 9, 4. [5] Хаоны жили в горах Пинда к востоку и северо-востоку от Амбракийского залива. [6] Дальнейший рассказ о событиях в этих местах см. III 102, 105 сл.

К главе 69.
[1] См. I 103, 3. [2] Т. е. из Коринфского залива. [3] Задачей этих кораблей было конвоировать афинские корабли, везущие дань. [4] Фаселида — дорийский город в Ликии, привлеченный Кимоном в Афинский морской союз (Plut. Cim. 12), платил в союзную кассу ежегодно 6 талантов. [5] Ничего больше о Мелесандре неизвестно. Гробницу его видел в Керамике Павсаний (I 29, 7).

К главе 70.
[1] Ксенофонт упомянут еще раз (II, 79, 1) как начальник афинского войска, потерпевшего поражение при Спартоле; он был также стратегом в Самосском походе 441—440 гг. до н. э. [2] Ср. II 13, 3. [3] Однако, по-видимому, Ксенофонт и его товарищи не были отозваны. [4] Число поселенцев по Диодору (XII 46, 7) было 1000 человек. Рассказ о походе в Халкидику продолжен в главе 79.

К главе 71.
[1] На платейском рынке был воздвигнут алтарь Зевсу как богу свободы (Plut. Arist. 20, 4—6). [2] Так восхваляет платейцев и Геродот (VIII 1, 1) за их доблесть при Саламине.

К главе 72.
[1] Не упомянуто Фукидидом. Ср. III 68, 1. [2] Платейцы не верят спартанцам, да и сам Фукидид сомневается в честности спартанских предложений (ср. III 68, 1).

К главе 73.
[1] См. III 68, 5.

К главе 74.
[1] Эти герои перечисляются у Плутарха (Arist. 11, 3).

К главе 75.
[1] Насыпь высотой в 20 м до вершины городской стены (ср. Herod. I 162). [2] Эта цифра вызывает сомнения, так как самое долгое вторжение в Аттику продолжалось 40 дней (ср. II 57, 2). Кроме того, при высоте насыпи 20 м и ширине 20 м (на вершине) и 40 м при основании нужно было насыпать около 120 000 м³ земли, 12 000 воинов могли окончить работу за 10 дней. Однако работа могла замедлиться из-за трудности при транспортировке земли.

К главе 76.
[1] Очевидно, тараны.

К главе 77.
[1] Верхний «ярус» к стене (см. II 75, 4) и внутреннюю «серповидную» стену (II 76, 3).

К главе 78.
[1] Восхождение Арктура приходится за несколько дней до осеннего равноденствия. [2] См. II 6, 4. «Инвалиды» несли, по-видимому, сторожевую службу. [3] Быть может, рабыни.

К главе 79.
[1] Т. е. в последнюю декаду мая (см. II 19, 1). [2] Возможно, это были Гестиодор и Фаномах. [3] Это было серьезное поражение, предвещавшее будущие события

на Халкидике и во Фракии. В этой битве впервые легковооруженные силы с успехом сражались против гоплитов.

К главе 80.
[1] В конце июня или в самом начале июля. [2] Ср. III 102. [3] Закинф и Кефалления были весьма важными станциями на морском пути вокруг Пелопоннеса к Навпакту, на Керкиру и в Италию. [4] Как в 432 г. до н. э. [5] Ср. 9, 3. [6] См. II 69, 1. [7] Он дошел до Левкады и, может быть, дальше к Ампракии. [8] По Плутарху (Pyrrh. 1, 2), Фарип воспитывался в Афинах, получил афинское гражданство и был прадедом Олимпиады, матери Александра Македонского. [9] Молоссы, паравеи, антинтаны — эпирские племена. Оресты — македонское племя. [10] Развалины Страта сохранились. Город находился в нескольких километрах от реки Ахелоя.

К главе 81.
[1] Диодор (XII 48, 5) сообщает как раз обратное (по небрежности). [2] Вероятно, пираты из Левкады и Анактория.

К главе 82.
[1] Приток Ахелоя. [2] См. I 111, 3.

К главе 83.
[1] См. II 69, 1. [2] См. II 80, 1. [3] Река в Этолии. [4] Ср. I 29, 2; 46, 2.

К главе 84.
[1] «На волосок от», «чуть не задевая неприятеля» (ср. Soph. Ai. 786). [2] Келевсты — начальники гребцов. [3] Дима — западный ахейский город. Пелопоннесская эскадра рассеялась, бежав частью на восток, а частью на юг. [4] Этолийский город; его положение неизвестно. [5] Иначе: моликрейский Рион или Антиррион. О посвящении захваченного корабля Посейдону см.: Herod. VIII, 121, 1. [6] Ср. I 30, 2.

К главе 85.
[1] Хотя Кнем не участвовал в битве, но ответственность за весь поход лежала на нем. Советники часто посылались спартанцами в помощь наварху (адмиралу), но были подчинены ему (ср. III 69, 1; 79, 3). [2] Странно, что Фукидид не упоминает его имени. [3] Гортина находилась на юге острова в 800 стадиях от Кидонии.

К главе 86.
[1] К востоку от Риона, против Навпакта (Paus. VII 22, 10). [2] Оно состояло не только из ахейцев и элейцев. Вся Ахея теперь вступила в Пелопоннесский союз (см. II 9, 2). [3] По Страбону (VIII 2, 3) — 5 стадий. [4] Неясно, как афиняне могли помешать неприятелю войти в узкий пролив.

К главе 88.
[1] Формион мог отступить в Навпакт, где он находился бы в безопасности, но предпочел дать сражение против превосходящих сил врага, чтобы на долгое время устрашить его.

К главе 89.
[1] Качества, которые дорийцы приписывали себе (ср. II 11, 9; V 70, 1).

К главе 92.
[1] Тело его прибило волнами к берегу, и тогда узнали, что он покончил с собой и, быть может, левкадский корабль затонул около берега и оттуда было видно все, что происходило на корабле. [2] См. II 85, 5—6. [3] Дальнейшая судьба Формиона неизвестна: его могила находилась на дороге в Академию, близ могилы Перикла (Paus. I 29, 3).

К главе 93.
[1] Т. е. в начале ноября. [2] У Будора (см. ниже, II 93, 3) на северо-западной оконечности Саламина.

К главе 94.
[1] Именно Архидамовой войны. Поэтому некоторые исследователи думают, что этот пассаж написан до 415 г. до н. э. (ср. VII 71, 7; VIII 1; 96, 1). [2] У афинян было в резерве 100 самых лучших кораблей (ср. II 24, 2).

К главе 95.
[1] См. II 29; II 67, 1—3. [2] Здесь афиняне недавно потерпели поражение (ср. II 79). [3] Ср. II 29, 6—7. [4] См. I 57, 3. Филипп заключил союз с афинянами против своего брата Пердикки. [5] Вероятно, Филипп умер, хотя Фукидид не говорит этого (ср. II 92, 7). [6] Гагнон был экистом (основателем) Амфиполя и пользовался известностью во Фракии (см. II 58, 1; IV 102, 3). [7] См. II 101.

К главе 96.
[1] Гем — горная цепь на севере Фракии. Родопа — горный хребет между Македонией и Фракией. [2] Геты — фракийское племя на нижнем Истре (Дунае). [3] Племена, жившие к северу от Македонии между Иллирией и Фракией. [4] Скомбра — гора в Македонии. [5] Трибаллы — фракийское племя, обитавшее в теперешней Сербии. [6] Треры и тилатеи — фракийские племена на севере царства одрисов. [7] Оский — приток Истра. [8] Реки во Фракии (теперешние Месена и Марица). Обо всех этих фракийских племенах и о царстве одрисов известно очень мало кроме известий Геродота и Фукидида.

К главе 97.
[1] Царство одрисов занимало территорию современной Болгарии, турецкой Фракии и Греции (между Гебром и Стримоном), т. е. между Истром (Дунаем) на севере и Геллеспонтом на юге. Фукидид мог получить сведения о Фракии от фракийцев, а быть может, и сам путешествовал по Фракии (см.: RE. Thrake). [2] Абдеры — город во Фракии, член афинского морского союза. [3] По Геродоту (IV 86, 1), купеческий корабль мог пройти за день 700 стадий, а за ночь 600 стадий. Таким образом, это расстояние составляет 5200 стадий (около 100 км). [4] По Геродоту (IV 101, 2), путник налегке мог пройти в день 37 км (200 стадий). Таким образом, расстояние от Абдер до Истра около 400 км. [5] Неизвестно, какие это были города. [6] Племянник Ситалка (см. II 101, 5—6). [7] Соправители — полунезависимые царьки. [8] Ср.: Хен. Сугор. VIII 2, 7. [9] Здесь, по-видимому, Фукидид сознательно противоречит Геродоту, который говорит, что фракийцы (после индийцев) — самый многочисленный и могущественный народ на свете (V 3). [10] Могущество скифов ясно показано Геродотом в его рассказе о неудачном походе Дария.

К главе 98.
[1] Керкина — гора между верхним Стримоном и Аксием. Царь держался внутренней части страны и не сговорился с афинянами о переходе Стримона по мосту у Амфиполя (см. IV 108; II 99, 1). [2] Когда именно, неизвестно. [3] Мэды — фракийское племя, жившее к северо-западу от Керкины. [4] Добер — город в Македонии, отличный от упоминаемого Геродотом (VII 113). [5] Диодор (XII 50, 3) также дает цифры 120 000 пехотинцев и 50 000 всадников. [6] Сомнительно: для такого огромного количества конницы трудно было добывать фураж в этой горной стране.

К главе 99.
[1] Собственно Македония или Эмафия. Верхняя Македония находилась к западу и юго-западу от долины Аксия и простиралась до северных границ Фессалии и на запад к Эпиру. [2] Линкесты — племя, обитавшее в верховьях Эригона, притока Аксия; элимиоты — жители области и города в юго-западной Македонии. [3] С начала V в. до н. э. греки понимали под Македонией Пеллу и нижнюю область. [4] Александр по прозванию «Филэллин» (см. I 137, 1). [5] Ср.: Herod. VII 137, 1. Ти-

мениды — потомки Тимена, одного из Гераклидов. [6] Пиерия — область между горой Олимп и Фермейским заливом. [7] Крепость в Пиерии. [8] Гора в Македонии к востоку от устья Стримона. [9] Аксий (совр. Вардар) — река, впадающая в Фермейский залив. [10] Пелла — город в центре Эмафии к востоку от Аксия. [11] Мигдония — область в нижнем течении Аксия. Эдоны — племя, обитавшее к западу от Стримона (см. I 100, 3). [12] Эордия — область к западу от Пиерии и Боттиеи. [13] Фиска — город в центральной Македонии. [14] Алмопия — область к северу от Эордии. [15] Анфемунт — область между Аксием и Стримоном. [16] Ср. IV 109, 4; Herod. VII 115, 124, 127.

К главе 100.

[1] Геродот дает их имена (VIII 139). [2] Идомена, Гортиния и Аталанта — города Македонии по среднему течению Аксия. [3] Европ — город к югу от Аталанты на Аксии. [4] Кирра — город к северу от Пеллы, нигде более не упоминаемый.

К главе 101.

[1] Недоверие афинян основывалось на том, что Ситалк долго тянул с походом и двинулся с наступлением зимы. [2] Магнеты — жители полуострова Магнесии, омываемого Фермейским и Пагасейским заливом. [3] Все эти племена жили между Стримоном и Нестом.

К главе 102.

[1] Ср. III 3—19; III 25—50. См. II 30; I 33, 1—2. [2] Эти гоплиты были эпибатами (морская пехота). [3] Коронты — город в Акарнании. [4] И отец, и сын — лица неизвестные. [5] Город в Акарнании к западу от Ахелоя — самой большой реки в Греции. Развалины города сохранились до нашего времени. [6] Пинд — горный кряж в северной Греции.

КНИГА ТРЕТЬЯ

К главе 2.

[1] На Лесбосе было пять городов-государств: Митилена, Антисса, Пирра, Эрес, Мефимна. В Мефимне было демократическое правление, а в Митилене — олигархическое. [2] Быть может, еще, когда восстал Самос или в 433—432 гг. до н. э. (когда Спарта готовилась к войне) (ср. III 13, 1). [3] Ср. II 94, 4. [4] Остров у побережья Троады, принадлежал к афинскому морскому союзу.

К главе 3.

[1] Из дема Ахарны. О нем и его товарищах ничего больше неизвестно. [2] Эпитет Аполлона по имени местечка Малоент близ Митилены. [3] Герест — мыс на юге о. Евбеи. От Гереста до Митилены около 1500 км.

К главе 4.

[1] Митилена имела две гавани (см. II 6, 1). Неизвестно, какая из них имеется в виду. [2] Малея — мыс на юго-западе Лесбоса.

К главе 5.

[1] Имброс (остров против фракийского Херсонеса) и Лемнос были афинскими военными колониями уже со времен Писистрата. [2] Лагерь находился, вероятно, у Малеи. [3] Об этих лицах ничего не известно.

К главе 6.

[1] С этой позиции афиняне могли наблюдать за кораблями из Пелопоннеса. [2] Силы афинян были незначительны.

К главе 7.
[1] Ср. II 68—69; 81, 1; 102, 1. Формион был популярен в Акарнании после своего первого похода туда. [2] Ср. II 102, 2. [3] Нерик — город на Левкаде (упомянут еще у Гомера, Od. XXIV 377). Ср.: Strab. p. 452.

К главе 8.
[1] Словом олимпиада обозначалось не только самое состязание, но и промежуток времени от одного олимпийского состязания до другого. По олимпиадам велось греческое летоисчисление, начиная с первой олимпиады 776 г. до н. э., когда впервые были записаны имена победителей. [2] Дорией одержал три победы подряд (432, 428, 424 гг. до н. э.) в панкратии (атлетические состязания и кулачный бой); ср.: Paus. VI 7; Thuc. VIII 35, 1.

К главе 10.
[1] Ср. I 95, 1; Herod. IX 106. [2] Букв. διὰ πολυψηφίαν «из-за множества голосов», т. е. разногласий, а не «за многочисленностью отдельных государств».

К главе 11.
[1] Предпочитаем такое чтение вместо: ἄκοντας ~ «против воли».

К главе 13.
[1] Ср. III 2, 1. [2] Букв.: ἀποστήσεσθαι διπλῆν ἀπόστασιν «восстанем двойным восстанием». [3] Ср. слова Архидама (I 81, 2; 83, 2).

К главе 15.
[1] См. II 10, 2. [2] Именно как и предсказывал Перикл (I 141, 3—7).

К главе 16.
[1] III 13, 3. [2] Всадники и пентакосиомедимны — два высших класса в Аттике (по солоновской конституции). Во флоте служили гребцами граждане двух низших классов — феты и (теперь) зевгиты. [3] В подлиннике: «лесбосцы»: см. III 13, 4. [4] Лакедемонский наварх (адмирал).

К главе 17.
Эту главу некоторые ученые считают неподлинной (Штеуп, Бузольт, Гуде, Стюарт Джоунз). Однако язык не вызывает подозрений (ср.: Gomme A. W., II, 276).
[1] Текст не в порядке. [2] Т. е. летом. [3] О подобной мере Фукидид нигде больше не упоминает. [4] См. II 70, 2. [5] См. I 64, 2; II 29, 6; II 31, 2.

К главе 18.
[1] III 6, 2. [2] См. II 31, 1. [3] Вероятно, из-за нехватки людей и недостатка средств на оплату профессиональных гребцов. [4] Постройка стены заняла 4—5 недель (ср. II 75, 3).

К главе 19.
[1] Чрезвычайный налог (εἰσφορά) взимался по постановлению народного собрания со всех граждан первых трех классов в зависимости от состояния. [2] Этот Лисикл, торговец овцами, выдвинулся на политической арене, женившись после смерти Перикла на его жене Аспасии. [3] Ср. I 138, 5. [4] Этот холм нигде больше не упоминается. Меандр — река в Карии. [5] Анеиты — жители г. Анеи на материке против о. Самос.

К главе 20.
[1] II 78.

К главе 21.
[1] 4.7 м.

К главе 22.
[1] III 20, 1.

К главе 24.
[1] На северо-восток и на север от Платей. [2] Андрократ — местный платейский герой. Положение святилища неизвестно. [3] Пелопоннесцы шли на северо-восток и восток от Платей по дороге на Фивы—Элевсин—Афины, на север от прохода Дриоскефалы через гору Киферон на границе Аттики и Беотии (см.: Herod. IX 39). [4] Эрифры и Гисии — беотийские города, но принадлежавшие, как и Платея, к афинскому морскому союзу. Положение их точно неизвестно (по-видимому, к западу от главной дороги).

К главе 25.
[1] В конце февраля 427 г. до н. э. [2] В Спарте верили в способность отдельных спартанцев активно влиять на ход событий [и не всегда без основания, см. миссии Мелея (III 5, 2), Тантала (IV 57, 3) и прежде всего — Гилиппа в Сиракузах]. [3] См. III 18, 1. [4] См. III 16, 3.

К главе 26.
[1] См. III 16, 3 и 25, 1. [2] Плистоанакт и Клеомен были сыновьями регента Павсания. Плистоанакт был в изгнании с 445 г. (II 21, 1); не возвратился до осени этого 427 г. (V 16, 3). [3] Ср. II 10; 47, 2. [4] См. II 57, 2.

К главе 28.
[1] Пахет, следовательно, советовался со своим войском о перемирии. [2] См. III 36, 5. [3] Антиссa проявила наибольшую враждебность к Афинам и к их союзникам (ср. III 18, 2).

К главе 29.
[1] См. III 26, 1. [2] Икар — остров к западу от Самоса. Миконос — островок к северо-востоку от Делоса. [3] Положение Эмбаты точно неизвестно. По Стефану Византийскому — это часть Эрифр, города на материке против о. Хиоса. [4] Лицо неизвестное.

К главе 30.
[1] Т. е. сторонников олигархической партии.

К главе 31.
[1] Кима — древний город в Эолиде; был под властью персов и платил подать в 9 талантов ежегодно. [2] Писсуфн — сатрап Лидии (с 440 г. до н. э.; см. I 115, 4).

К главе 32.
[1] Мионнес — мыс, образующий полуостров между Теосом и Лебедосом. [2] См. III 19, 2.

К главе 33.
[1] Кларос находился между Колофоном и Эфесом. [2] «Саламиния» и «Парал» — две афинских быстроходных триеры. Они служили для связи и всегда стояли наготове в Пирее. [3] Патмос — один из Спорадских островов к югу от Самоса.

К главе 34.
[1] Нотий — гавань Колофона в Ионии; отстояла от верхнего города на 10—12 км. [2] Итаман, по-видимому, персидский военачальник, захватил Колофон в 430 г. до н. э. [3] См. II 47, 2; 55, 57. [4] Эта часть города была отделена стеной. [5] Т. е. «основателей колонии». См. I 24, 2.

К главе 35.
[1] См. III 18, 1. О третьем городе — Антиссе — см. III 28, 2. [2] См. III 28, 2.

К главе 36.
[1] Ср. IV 57, 3—4. [2] III 20—24. [3] III 32. [4] Первое упоминание о знаменитом демагоге, противнике Перикла.

К главе 37.
[1] Ср. II 37, 2; 39, 1 (Перикл) и VII 69, 2 (Никий). Нечто подобное находим в речи коринфян в Спарте (I 168, 1). [2] Букв. «тирания». Клеон еще усиливает слова Перикла (II 63, 2). [3] См. I 84, 3 (речь Архидама). «Самодисциплина» (умеренность) — σωφροσύνη — доблесть, которую особенно выдвигали сторонники олигархии. [4] Это — качества таких людей, как Алкивиад, которых Клеон боялся и ненавидел. Клеон вообще терпеть не мог новой молодежи, получившей блестящее софистическое образование (см.: Aristoph. Nub., 545—549). [5] Ср. I 84, 3 (речь Архидама). [6] Т. е. ведущим политикам, вождям народа.

К главе 38.
[1] Ср. слова Перикла (II 61, 2). [2] См. II 87, 3. [3] Этот пассаж написан в манере Горгия с парисосой (равенством колонов) и гомеотелевтоном (созвучием окончаний). Все это очень трудно передать в русском переводе. [4] Ср.: Aristoph. Nub., 547—548. В этой речи у Фукидида содержится единственное прямое упоминание о софистах.

К главе 39.
[1] Ср. собственные слова митиленцев (III 9, 3; 11, 3). [2] I 98, 4; 99. [3] III 3, 1; 13, 3.

К главе 40.
[1] Опять заимствование из речи Перикла (II 63, 2—3).

К главе 41.
[1] О Диодоте ничего неизвестно. Отец его, быть может, был фабрикантом канатов (или торговцем пенькой). Возможно, Диодот был стратегом 432 г. до н. э. и одним из преемников Перикла (см.: G o m m e A. W., III, 313).

К главе 42.
[1] Ср. похожую мысль в речи Перикла (II 40, 2). [2] Против Клеона; см. III 38, 3. Спор Клеона с Диодотом идет не только о судьбе Митилены, но и о поведении ораторов в народном собрании.

К главе 45.
[1] В этой речи Диодота впервые в истории находим аргументы против высшей меры наказания — смертной казни — и указания на социальные причины преступности. [2] Выпад против Клеона.

К главе 48.
[1] Речи Клеона и Диодота, конечно, сочинены Фукидидом впоследствии («по мотивам» действительно произнесенных этими лицами речей) по правилам модной тогда софистической риторики.

К главе 49.
[1] Ср. III 36, 3. [2] Ср. III 28, 3. [3] Удивительно, что только постановление народного собрания о Митилене вызвало возмущение; Фукидид называет это решение «чудовищным» (ἀλλόκοτον, ср. III 49, 4). В других случаях (Потидея, Скиона, Торона, Мелос) Фукидид не упоминает ни о каких протестах против казней и обращения в рабство жителей восставших городов.

К главе 50.
[1] Клеон внес его, вероятно, в том же народном собрании. [2] Вероятно, число казненных было гораздо меньше. Ученые предполагают ошибку в рукописях: вместо «тысяча» следует читать «тридцать» (ср.: G o m m e A. W., III, 326). [3] Так же, как в случае с Фасосом (I 101, 3) и Самосом (I 117, 3). [4] См. VI 85, 2; VII 57, 5. [5] Площадь о. Лесбоса 1750 км² (или 1614 км²); бо́льшую часть острова занимают горы. Таким образом (исключая область Мефимны), каждый участок равнялся около 45 га (ср.: G o m m e A. W., III, 326—327). [6] Афине и другим богам. [7] Т. е. колонистами. [8] Ср. IV 52, 2—3; 75, 1.

К главе 51.
[1] Никий здесь впервые упомянут Фукидидом, хотя был уже при Перикле известен как храбрый военачальник (Plut. Nic. 2, 2). После смерти Перикла Никий стал одним из вождей «городской партии» и главным противником Клеона. [2] Островок к востоку от Мегарской гавани Нисеи. [3] См. II 93, 4; 94, 3. [4] См. II 93—94. [5] Ср. II 69, 1. [6] Вероятно, штурмовых лестниц.

К главе 52.
[1] Продолжение рассказа гл. 24. [2] Не назван почему-то по имени. [3] Один из судей был Аристомелид (Paus. III 9, 3). [4] О них ничего больше неизвестно.

К главе 53.
[1] Ср. II 59, 2.

К главе 54.
[1] Неверно: феспийцы участвовали в защите Фермопил (Herod. VII 132, 1), а также жители Галиарта (Paus. IX 32, 4) сражались против персов. [2] См.: Herod. VIII 1, 1. [3] Herod. IX 28, 6. [4] I 101, 2.

К главе 55.
[1] Ср. I 22, 2. [2] Ср.: Herod. VI 108. [3] Ср. III 63, 2.

К главе 56.
[1] Ср. II 3; 5, 5. [2] См. II 71, 2.

К главе 57.
[1] I 132, 2. [2] После победы при Фермопилах персы по указанию фиванцев разрушили Платеи (Herod. VIII 44, 1).

К главе 58.
[1] См.: Herod. IX 85; Paus. IX 2, 5. [2] На празднике Элевтерий, который справлялся еще в эпоху Павсания. [3] Ср. II 74, 2.

К главе 59.
[1] Ср. III 67, 2. [2] Ср.: Hom. Od. XII 342.

К главе 61.
[1] См. I 12, 3. [2] См.: Strab. p. 401.

К главе 62.
[1] Т. е. государственный строй, при котором все граждане имеют одинаковые гражданские права, но не одинаковую политическую власть (κατ' ὀλιγαρχίαν ἰσονομίαν). [2] По Геродоту (IX 86, 1), главарями персидской «партии» в Фивах были Аттагин и Тимагенид, Леонтиад командовал фиванским отрядом при Фермопилах (VII 205, 233) и будто бы изменил эллинам. [3] См. I 108, 2—3. [4] См. I 113, 2.

К главе 63.
[1] Ср. III 55, 1—2. [2] Имеется в виду Пелопоннесский союз. [3] Ср. I 122, 4 и II 42, 4.

К главе 64.
[1] Ср. I 105; 108; II 27. [2] Ср. II 72, 1.

К главе 65.
[1] См. II 2, 2. [2] См. III 61, 2. [3] См. VI 87, 3.

К главе 66.
[1] См. II 2, 4. [2] Ср. II, 3, 4. [3] Ср. III 54, 2.

К главе 67.
[1] См. речь платейцев (III 56, 5; 56, 7; 57, 2; 58, 1). [2] I 113, 3. [3] III 58, 3. [4] III 58, 3; 59, 1; 66, 2. [5] См. III 58, 1.

К главе 68.
[1] Об этом ничего неизвестно. [2] Ср. II 71, 2. [3] Из 480 человек гарнизона Платеи (II 78, 3) 212 спаслись (III 24, 2). Около 225 человек попали в плен и были казнены. [4] IV 66. [5] Ср.: Herod. IX 52, 53; Paus. IX 2, 7. [6] В 519 г. до н. э.

К главе 69.
[1] См. III 29, 1. [2] III 33, 1—3. [3] См. I 30, 2; II 84, 5. [4] II 33, 1; II 85.

К главе 70.
[1] 250 человек знатнейших людей на Керкире (I 54, 55). [2] I 47—55. Весной 427 г. до н. э. [3] Невероятно высокая сумма [по Геродоту, нормальная сумма выкупа за пелопоннесского гоплита была 2 мины (VI 79, 1)]. [4] См. I 44, 1. Это был только оборонительный союз. [5] Т. е. проксеном, который исполнял обязанности проксена добровольно, а не по постановлению государства. [6] См. I 25, 4. [7] Коринфский серебряный статер был равен 2 аттическим драхмам. Неизвестно, какой статер имеется в виду.

К главе 73.
[1] Поля на Керкире и на Хиосе обрабатывались рабами. В Афинах и в большинстве пелопоннесских государств — мелкими свободными собственниками крестьянами (как Дикеополь и Тригей у Аристофана).

К главе 75.
[1] О нем из других источников ничего неизвестно. См. III 69, 2. Он прибыл на Керкиру, вероятно, дней через 20 после убийства Пифия (ср.: G o m m e A. W., III, 368). [2] Большинство гребцов на керкирских кораблях были рабы (I 55, 1). Экипажи были укомплектованы свободными морскими пехотинцами (эпибатами), которые принадлежали к олигархической партии. [3] Здесь нашли убежище изгнанники из Эпидамна в 436—435 гг. (I 24, 7).

К главе 76.
[1] Ср. III 69, 1. [2] I 50, 3.

К главе 77.
[1] III 33, 1.

К главе 78.
[1] II 84.

К главе 79.
[1] III 75, 5. [2] I 30, 1.

К главе 80.
[1] Еврипедонт — выдающийся афинский военачальник.

К главе 81.
[1] См. III 75, 1. [2] III 75, 1. [3] III 72, 3. [4] Местонахождение святилища неизвестно.

К главе 82.
[1] Этими же словами характеризуется и убийство Гармодием и Аристогитоном Гиппия (VI 59, 1). [2] Гетерии — политические клубы, первичные организации («ячейки») олигархической «партии». В Афинах гетерии сыграли важную роль в олигархическом перевороте 411 г. [3] Потому что голоса подавались по «узко партийным» соображениям.

К главе 84.
[1] Большинство современных издателей и исследователей Фукидида считают эту главу неподлинной (ср.: G o m m e A. W., III, 382 сл.).

К главе 85.
[1] Местоположение горы неизвестно.

К главе 86.
[1] Лахет — афинский полководец, известен из комедий Аристофана и из Платона. В 427 г. ему было около 50 лет. Погиб при Мантинее в 418 г. [2] Из недавно изданного фрагмента папируса стало известно, что Хареад был смертельно ранен в Сицилии (FHG 577, F[2]). [3] Когда началась эта война — неизвестно. Сиракузяне — жители Сиракуз на восточном побережье Сицилии (основаны в 757 или в 734 г. до н. э.). Леонтинцы — жители халкидской колонии Леонтины к северу от Сиракуз. [4] Камарина — город на восточном берегу Сицилии. Основан в 599 г. сиракузянами. [5] Халкидские города — колонии евбейской Халкиды. [6] Локры — жители Локров Эпизефирийских (основаны в 673 г. до н. э. локрами из Греции). [7] Регийцы — жители Региа (в южной Италии у Мессинского пролива). [8] Союз Леонтин с Регием был заключен около 446 г. и возобновлен в 433 г. до н. э. (см.: G o m m e A. W., III, 387).

К главе 87.
[1] Т. е. метэков, иностранцев, женщин и детей. Число жертв этой группы населения могло доходить до 70—80 тысяч (ср.: G o m m e A. W., III, 389).

К главе 88.
[1] Современные Липарские острова (см.: Strab. p. 275). [2] Книдяне — жители Книда на юге Малой Азии. [3] На северном побережье острова.

К главе 89.
[1] Вероятно, в середине мая или немного раньше. [2] Местечко на Евбее против о. Аталанты на северо-западном берегу. [3] II 32. [4] Пепареф — один из островов к северо-востоку от Евбеи.

К главе 90.
[1] На северном побережье острова. [2] Город на берегу Сицилийского пролива на северо-западе острова.

К главе 91.
[1] Первое упоминание об этом знаменитом афинском военачальнике. [2] Прокл был убит позднее в этом году (см. III 98, 4). О нем больше ничего неизвестно. [3] Никий был стратегом также и в предшествующем году. Рассказ о походе начинается в гл. 98, 4. [4] II 9, 4. [5] Шталь предлагает чтение: «в области Грайи»

(τῆς Γραϊκῆς). [6] Гиппоник был очень богатым человеком. По-видимому, умер до 422 г. до н. э. (упомянут только здесь). [7] Ср. II 26, 32.

К главе 92.
[1] Область Фессалии у Малийского залива. [2] Малийцы — жители долины в низовьях р. Сперхея. [3] Трахиняне — их соседи с востока. [4] Лицо неизвестное. [5] К югу от этейцев. [6] Быть может, по совету Брасида (ср: Gomme A. W., III, 395). [7] Например, акарнанов (кроме эниадов). [8] Спартанский наварх, неудачно действовавший в Ионии и на Керкире. [9] На расстоянии около 1 км от Трахина.

К главе 93.
[1] Только через некоторое время афиняне поняли, что новая колония создает угрозу их фракийским владениям (см. IV 7; 78, 1). [2] Т. е. эниане, долопы и малийцы (см. V 51, 1—2). [3] По Диодору (XII 59, 3—5), число поселенцев составляло 10 000.

К главе 94.
[1] Ср. III 91, 2. [2] Элломен — небольшое селение на о. Мелосе. [3] Левкада — главный город на острове того же имени. [4] Ср. I 111, 3. [5] Все эти племена жили севернее Навпакта.

К главе 95.
[1] Китиний — город на северной стороне Амфисского прохода в долину Пинда. [2] Парнасс — горная цепь, спускающаяся от Эты к Коринфскому заливу. [3] Ср. I 107, 2; III, 1; 112, 5; II 9, 2. [4] См. II 30, 1. [5] Энеон — город на побережье к северу от Навпакта.

К главе 96.
[1] Гесиод — знаменитый эпический поэт конца VIII в. до н. э. [2] Селения аподотов.

К главе 97.
[1] Эгитий — селение аподотов (или в области офионян); ср.: Gomme A. W., III, 405.

К главе 98.
[1] Гомеровский эпитет. [2] Имеется в виду «десятилетняя» (Архидамова) война.

К главе 99.
[1] Локрида Эпизефирская в Италии. [2] Река Галек отделяет области локров и регийцев (Strab. p. 260). Ср. III 94, 5.

К главе 100.
[1] По одному от каждого из трех главных племен этолийцев. Ср. III 94, 5. [2] В конце сентября—начале октября. [3] III 92, 1.

К главе 101.
[1] Амфисса — город на северо-востоке Фокиды. [2] По Павсанию (X 38, 8), область мионенян находится в 30 стадиях от Амфиссы. [3] Все это племена озольских локров. [4] Ольпеи — жители города амфилохов Ольпы или Альпы. [5] Гиеи — племя локров. [6] Полис — по-гречески «город».

К главе 102.
[1] 95, 1. [2] 95, 3; 96, 2; 98, 3. [3] См. II 84, 4. [4] Эолийская область — юго-западная часть Этолии. [5] Калидон и Плеврон — города на юге Этолии. [6] Положение этого города неизвестно. [7] Амфилохский Аргос — самый большой город Амфилохии. [8] II 68; 80—82. [9] Также и локров (как думает Классен).

К главе 103.
[1] Ср. 90; 99. [2] 86, 3. [3] Около 80 стадиев от Катаны (Strab. p. 268). [4] Неизвестно, в каком месте Сицилии находилась эта река. [Павсаний (VI 6, 4) помещает ее на границе между Регием и Локридой].

К главе 104.
[1] См. I 8, 1. Официальная цель его была выразить «благодарность Аполлону за избавление от „чумы“» (см. III 87) или просить бога о помощи против эпидемии (Diod. XII 58). [2] Знаменитый афинский тиран (ум. 528/27 г. до н. э.; ср.: Herod. I 64). [3] В 4 стадиях (Strab. p. 486). [4] См. I 13, 6. [5] Афиняне восстановили (в 426 г. до н. э.) древний ионийский праздник Делии (в честь рождения Аполлона) в противовес остальным общеэллинским празднествам, которые были в руках пелопоннесцев. [6] Об этих общеионийских играх мало что известно. [7] Гимн Аполлону Делосскому, ст. 146 сл. (перевод Г. Ф. Церетели). [8] Там же, ст. 165 сл. [9] Имеется в виду лидийское и персидское завоевания.

К главе 105.
[1] См. II 68, 3—5. [2] Местоположение этого города неизвестно (этот амфилохский город не следует смешивать с Ольпами в Локриде Озольской, 101, 2). [3] И амфилохов. [4] Крены — местечко в Амфилохии к юго-западу от Аргоса. [5] 102, 3. [6] Об этих афинских стратегах больше ничего неизвестно.

К главе 106.
[1] 102, 3. [2] См. II 80, 8. [3] Фития — город в 15 км к западу от Страта. [4] Медеон — город Акарнании на берегу Амбракийского залива. [5] Гора Фиам на северной границе Акарнании с Этолией.

К главе 107.
[1] Место вблизи от Ольп. [2] Эти афинские стрелки принадлежали, вероятно, к гарнизону Навпакта.

К главе 108.
[1] Т. е. смешанные отряды амбракиотов и пелопоннесцев.

К главе 109.
[1] 100, 2. [2] На амбракиотов и наемников, вероятно, не распространялось соглашение о перемирии.

К главе 111.
[1] Большинство акарнанов не знало о перемирии. [2] 106, 2.

К главе 112.
[1] Идомена — гора в Амфилохии. [2] См. IV 3, 3; 41, 2.

К главе 113.
[1] 108. [2] 112. [3] Вероятно, этот пассаж Фукидид писал после 420 г., и эти слова относятся к Архидамовой войне. [4] См. IV 92, 5.

К главе 114.
[1] 98, 5. [2] 105, 3; 107; 112, 7. [3] 111, 4. [4] I 55, 1. [5] См. II 80; IV 49. [6] Амбракия была коринфской колонией (II 80, 3). [7] Ксеноклид был военачальником в войне с Керкирой в 433 г. (см. I 46, 2). [8] II 80, 3.

К главе 115.
[1] 103. [2] Продолжение рассказа гл. 103, 3. [3] Гимера — халкидская колония на северном берегу Сицилии (см. VI 5, 1; 62, 2). [4] 88, 1. [5] Пифодор был изгнан по обвинению во взяточничестве в этом походе (IV 65, 3). [6] См. III 86, 1. Лахет

был привлечен Клеоном к суду за злоупотребления во время похода, но оправдан. [7] 99. [8] Софокл был изгнан вместе с Пифодором в 424 г. (IV 65, 3). Быть может, он впоследствии был одним из «30 тиранов» (Хен. Hell. II 3, 2).

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

К главе 1.
[1] В конце апреля (см. II 19, 1). [2] III 90, 4.

К главе 2.
[1] Приблизительно в начале мая. [2] III 115, 4—5. [3] III 85, 2—3. [4] Некоторые ученые полагают, что Демосфен был отставлен после неудачи в Этолии (III 98, 5), а другие — что после успехов в Акарнании (III 114, 1) он был вновь переизбран в стратеги, но не успел вступить в должность (G o m m e A. W., IV 438).

К главе 3.
[1] Пилос — гавань на западном берегу Мессении у мыса Корифасия, важный стратегический пункт для операций в Пелопоннесе. [2] Уже целое поколение мессенцев было вынуждено покинуть Пелопоннес и поселиться в Навпакте (I 103, 1). Ср. 8, 5.

К главе 4.
[1] Таксиархи — командиры подразделений афинской армии (младшие офицеры). Ученые полагают, что военачальник (стратег) афинской армии обращался к воинам в некоторых случаях через таксиархов.

К главе 5.
[1] Ср. IV 2, 1. [2] По Диодору (XII 61, 1), за двенадцать дней. [3] 2, 2.

К главе 6.
[1] См. II, 1; II 19, 1; III 1, 1. Хлеб для пелопоннесцев, вероятно, доставляли из Беотии.

К главе 7.
[1] Лицо, из других источников неизвестное. [2] Этот город (не следует смешивать с Эйоном на р. Стримоне) находился в Пиерии у Фермейского залива. [3] Мендейцы тогда еще сохраняли верность афинянам. См. II 13, 6; I 98, 1. [4] I 57, 5.

К главе 8.
[1] Ср. I 101, 2. [2] IV 2, 3. [3] См. III 81, 1. [4] Афинская эскадра, держа курс на Керкиру, остановилась у Закинфа, чтобы перехватить неприятельскую эскадру. [5] 5, 2. [6] Сфактерия (теперь Сфагия) — длинный и узкий остров перед Пилосом. Длина острова не 15, а 24 стадии, при ширине от 150 м до 1.5 км (Фукидид дает здесь неправильные цифры). [7] Гавань — теперешняя Наваринская бухта. [8] Теперь на острове нет леса. [9] Лакедемоняне хотели затопить свои корабли у входа в гавань, чтобы запереть вход в нее. [10] Это была роковая ошибка спартанцев. [11] См. V 68, 3. Таких отрядов (лохов) у спартанцев было семь.

К главе 9.
[1] Ср. 5, 3; 8, 3. [2] Их было около 600 (из числа экипажа кораблей). [3] На каждом корабле было по 10 «эпибатов» (морских пехотинцев — гоплитов). [4] Стена была рассчитана только для защиты от нападения с суши.

К главе 11.
[1] По Диодору (XII 61, 2), численность пелопоннесской пехоты доходила до 12 060 (цифра сильно преувеличена). Число кораблей Фукидидом указано неверно (быть может, ошибка в рукописи). [2] Фукидид не называет имени спартанского главнокомандующего (быть может, им был царь Агис).

К главе 13.
[1] Асина — город на западном берегу Мессенского залива. [2] Вероятно, имеются в виду штурмовые лестницы и тараны. [3] 8, 3. [4] Некоторые издатели предпочитают чтение позднейших рукописей: 50. [5] III 102, 4; 114, 2. [6] Прота — островок у мессенского берега.

К главе 15.
[1] Вероятно, эфоров. [2] Перемирие было только местным.

К главе 20.
[1] Ср. IV 38, 3.

К главе 21.
[1] II 59, 2. [2] Ср. III 36, 6. [3] См. I 115, 1. [4] См. III 52, 2.

К главе 23.
[1] 16, 2.

К главе 24.
[1] Сфактерия. [2] См Hom Od XII. 101 сл.: 235 сл.: 426 сл.; ср. Strab. p. 275.

К главе 25.
[1] См. IV 24, 2. [2] Пелорида — крайняя оконечность Сицилии. [3] Лицо неизвестное. [4] Камарина — город на южном берегу Сицилии (см. III 86, 2; VI 5, 3). [5] См. III 86, 2; VI 3, 1 [6] Река Акесин впадает в море южнее Наксоса. [7] См. III 103, 1. [8] Демотел больше не упоминают [9] Афинские военачальники не надеялись на успех без значительных подкреплений.

К главе 26.
[1] 23, 2.

К главе 27.
[1] 21, 3. [2] Феаген — один из подписавших договор о мире в 421 г. (V 19, 2; 24, 1).

К главе 28.
[1] Предполагалось, очевидно, что командовать подкреплениями, которые афиняне собирались послать в Пилос, будет Никий. [2] III 5, 1. Лемносцы и имбросцы как афинские поселенцы (клерухи) сохраняли гражданские права и несли военную службу. [3] См. VII 57, 5. Эи — колония Митилены и Кимы у устья Гебра на Фракийском побережье — принадлежала к афинскому союзу.

К главе 29.
[1] 8, 6.

К главе 30.
[1] См. III 97—98. [2] Из Закинфа Кефаллении, Навпакта.

К главе 31.
[1] Это были «эпибаты» (пехотинцы) с 70 кораблей (IV 23, 2), затем афинские, мессенские и союзные гоплиты. [2] 26, 2. [3] Фукидид описывает остров с юга на север. Афиняне высадились на южной стороне острова. [4] Остатки ее еще и теперь сохранились.

К главе 32.
[1] Всего высадилось более 7770 гребцов, легковооруженных было около 2000 человек. [2] 9, 1.

К главе 36.
[1] По Павсанию (IV 26, 2), его имя было Комон. [2] См.: Herod. VII 215—218.

К главе 38.
[1] Иппагрет — официальный титул начальника отряда из 300 спартанцев, охранявшего царя в походе. Здесь, однако, это собственное имя.

К главе 39.
[1] IV 14. [2] IV 26, 4.

К главе 40.
[1] Фукидид редко рассказывает подобные анекдоты (ср. III 113; V 65, 2).

К главе 41.
[1] IV 3, 3. [2] Ср. IV 55; V 14, 3; 35, 6—7. Несмотря на это свидетельство Фукидида, 15-летняя оккупация Пилоса афинянами меньше, чем можно было ожидать, повлияла на поведение илотов, и массового восстания или бегства их не произошло. При описании событий под Пилосом Фукидид пользовался сообщениями спартанцев и, быть может, самого Демосфена.

К главе 42.
[1] Это были старые и верные союзники афинян. Они послали помощь также и в следующем году (IV 53, 1; 54, 1). [2] Херсонес — мыс, образуемый горой Оний у Саронического залива. Реит — мыс на западе Саронического залива. [3] Описание дано, вероятно, на основании автопсии. [4] Когда дорийцы под предводительством Гераклидов, по преданию, завоевывали Пелопоннес (ср. I 12, 3). [5] См III 114, 4. [6] См. II 94. 1. [7] Кенхрея — торговая гавань Коринфа в глубине Саронического залива. [8] Кромний — крепость к северо-востоку от Кенхреи у Мегарской границы.

К главе 44.
[1] Оний — горная цепь к югу от Кенхреи. [2] См. IV 42, 3. [3] Коринфяне понесли тяжелые потери от действий афинской конницы.

К главе 45.
[1] Мефаны (или Мефана) — полуостров и город в Арголиде к северу от Трезена. [2] См. I 105, 1.

К главе 46.
[1] IV 2, 2; 5, 2. [2] IV 2, 3. [3] Ср. I 85, 4, 1. [4] III 85, 4. [5] Птихия — остров около Керкиры.

К главе 49.
[1] III 114, 2; IV 13, 2. [2] См. I 55, 1.

К главе 50.
[1] Об афинском стратеге Аристиде см. еще IV, 75. [2] Ср. II 69, 1; 19, 1. [3] I 98, 1. [4] В 425—424 гг. до н. э. (Diod. XII, 64, 1).

К главе 52.
[1] Т. е. 21 марта 424 г. до н. э. [2] Фокейский статер равнялся 23 аттическим серебряным драхмам. [3] Антандр — город в Мисии у Адрамитского залива. [4] См. III 50, 3. [5] Такими городами, как Питана, Кима и др.

К главе 53.
[1] См. IV 42, 1. [2] См. III 75. [3] См. IV 119, 2. Автокл был стратегом еще в 418—417 гг.

К главе 54.
[1] Цифра едва ли верна. По VIII 25, 2, у милетян было только 800 гоплитов. [2] Скандия — гавань Кифер. [3] См. III 13, 1. Гелос — город на берегу лаконского залива близ устья Еврота.

К главе 55.
[1] Ср. IV 10, 1; 34, 3.

К главе 56.
[1] Положение этих мест неизвестно. Только об Афродитии упоминает Павсаний (III 22, 11). [2] Эпидавр-Лимера — на восточном берегу Лаконии. [3] См. II 27, 2. [4] I 101, 2.

К главе 57.
[1] Ср. IV 54, 1—2. [2] См. IV 54, 2—3. [3] I 14, 2; 41, 2; 67, 2; 105, 2—3; 108, 4; II 27

К главе 58.
[1] Гела — город на юго-западном берегу Сицилии — была на стороне Сиракуз. Камарина была в союзе с Леонтинами. Ср. III 86, 2; IV 25, 7. [2] Гермократ вместе с Гилиппом сыграл главную роль в поражении афинян в Сицилии. [3] Эта речь составлена Фукидидом, как думают, после 415 г. Материалы для нее Фукидид мог получить от сицилийского историка Антиоха Сиракузского, который закончил свою историю Сицилии (Σικελικὴ συγγραφή) рассказом о заключении мира между эллинскими городами в Сицилии (ср.: Gomme A. W., IV, 521).

К главе 60.
[1] Ср. III 82, 1.

К главе 61.
[1] III 86.

К главе 65.
[1] Моргантина была расположена недалеко от Катаны (Strab. p. 257, 270) на юго-западе от Кентории. [2] Только Локры в Италии не заключили перемирия с Афинами (V, 5, 5).

К главе 66.
[1] Ср. комедию Аристофана «Ахарняне». [2] См. II 31, 3. [3] Подробности об этом восстании Фукидид не сообщает (см. III 68, 3). [4] Эти стены были построены афинянами, когда Мегары были в союзе с Афинами (I 103, 4). [5] См. III 51.

К главе 67.
[1] III 51, 1. [2] Так называемые «периполы» — афинские эфебы (юноши 18—20 лет), несшие военную и гарнизонную службу на границах. [3] Неясно, что означает «ныне» и когда написан этот пассаж.

К главе 69.
[1] Ср. IV 67, 3.

К главе 70.
[1] На перекрестке дорог из Беотии и из Мегар в Коринф.

К главе 72.
[1] В случае захвата афинянами Мегариды Беотия была бы отрезана от Пелопоннеса.

К главе 74.
[1] См. IV 70, 1 и 78. [2] Олигархия в Мегарах просуществовала до 421 г., так что этот пассаж написан много лет спустя после 424 г.

К главе 75.
[1] См. IV 52, 3. [2] Ср. IV 50, 1; III 19. Аристид упомянут еще в IV 50, 1. Демодок — только здесь и у Псевдоплатона в диалоге «Феаг». [3] Аристофан выставляет Ламаха в «Ахарнянах» как тип «хвастливого воина» (miles gloriosus). [4] Ср. III 32, 2. [5] Река на границе Гераклеотиды (на Понте). [6] Калхедон — город на малоазийском берегу против Византия.

К главе 76.
[1] Некоторые города (как, например, Феспии и Орхомен) хотели независимости от центрального союзного правительства в Фивах. [2] Сифы — городок в восточной части Крисейского залива (Paus. IX 32, 4). [3] См.: Hom. Iliad. II 511. Орхомен пользовался большей независимостью, чем другие беотийские города. [4] См. III 87, 4. Федерация беотийских городов называлась «синтелией». [5] О Херонее см. I 113, 1. [6] Фанотейская область — территория г. Фанотея близ Давлиды (II 29, 3) в 20 стадиях от Херонеи. [7] Делий — беотийский город на границе с Аттикой со святилищем Аполлона.

К главе 77.
[1] Прежде эниады были во вражде с афинянами (см. I 111, 3; II 82; 102, 2; III 114, 2). [2] См. III 106, 2; 111, 4.

К главе 78.
[1] См. IV 80, 5; 70, 1. [2] См. III 92, 3. [3] См. I 111, 3 и прим. [4] На полпути между Гераклеей и Фарсалом, на расстоянии дневного марша от Фарсала. [5] Т. е. если бы у фессалийцев была демократия, основанная на равенстве всех перед законом. [6] Энипей — правый приток р. Пенея. [7] Апидан — приток р. Пенея. [8] Перребия — часть Фессалии. [9] Дий — город на границе Македонии и Фессалии.

К главе 79.
[1] В 431 г. Пердикка был союзником Афин (II 29, 6). [2] Халкидяне и боттиеи (см. V 18, 5). [3] См. II 99, 2.

К главе 80.
[1] По Диодору (XII 68), их перебили каждого в своем доме. [2] См. IV 70, 1.

К главе 81.
[1] Платон в «Пире» (221 C) сравнивает Брасида с Ахиллесом. [2] Ср. II 65, 4 (о Перикле). [3] См. V 17, 2. [4] Контраст к II 8, 4—5.

К главе 83.
[1] См. IV 124—132.

К главе 84.
[1] На северо-восточном берегу Халкидики. Город был членом афинского союза.

К главе 85.
[1] См. II 8, 4. [2] 70—73.

К главе 88.
[1] Стагир — город на восточном берегу Халкидики. Состоял членом афинского союза и платил ежегодно 1000 драхм дани (до 429 г.).

К главе 89.
[1] Т. е. в начале ноября. [2] 76—77. [3] См. IV 77, 1; 101, 3. [4] Фукидид находился

в это время во Фракии и не возвратился в Афины после падения Амфиполя. Он собирал сведения о событиях в Беотии от обеих воюющих сторон (ср. IV 90, 3; 96, 1). [5] Фанотей — город на границе Фокиды и Беотии (ср. IV 76, 3). [6] См. IV 76, 3.

К главе 90.
[1] Ср. III 21, 3.

К главе 91.
[1] Ср.: Herod. IX 15, 1; см. II 2, 1. [2] Быть может, этого Пагонда (или его родственников) прославляет Пиндар (Pind. Parth. 2, 30; A. Puech). [3] Или: Арианф.

К главе 92.
[1] Ср. IV 62, 4. [2] См. I 113. [3] Со времени Коронейской битвы прошло 33 г. Пагонду в это время было около 60 лет. [4] Ср. 90.

К главе 93.
[1] Гиппократ в этот момент находился в 10 стадиях от своего войска. [2] Здесь впервые упоминаются легковооруженные пехотинцы (пелтасты) эллины. Фракийские пелтасты служили и раньше наемниками в армиях греческих государств (ср. II 79, 4; IV 28, 4). [3] Галиарт — город в Беотии на берегу Копаидского озера. [4] Копы — город на северном берегу Копаидского озера.

К главе 94.
[1] Обычное греческое построение (включая спартанское). [2] 90, 4.

К главе 95.
[1] Контраст к IV 92, 1. [2] Ср. II 63, 1 и II 41. [3] I 108, 3.

К главе 96.
[1] Ср.: Herod. VII 225, 1. [2] См. II 9, 3.

К главе 97.
[1] По Диодору (XII 70, 5), беотийцы захватили большую добычу. В этой битве в качестве гоплита участвовал знаменитый философ Сократ, проявивший большое мужество при отступлении, а также Алкивиад.

К главе 98.
[1] См. I 12, 3.

К главе 100.
[1] 69, 3; 70. [2] 90, 2. [3] Беотийцы удерживали афинских пленников еще и после мира 421 г. (ср. V 35, 5).

К главе 101.
[1] 89, 1. [2] Ситалк был убит (Deш. XII 9). Новый царь Севф, зять Пердикки, стоял на стороне Брасида. Ср. II 29; I 67; 95; 101.

К главе 102.
[1] I 100, 3. [2] См.: Herod. V 11; 124—6. [3] См. I 100, 3; Herod. IX 75. [4] См. V 11, 1. [5] Стримона.

К главе 103.
[1] Точное местоположение города неизвестно. Вероятно, около Аканфа и Стагира. [2] Оз. Болба изливается в Стримонский залив протоком, который, быть может, и есть Авлон. Бромиск — селение у устья протока. [3] Это было, вероятно, в декабре. [4] Аргил лежал на Стримонском заливе между Амфиполем и Стагиром. Он платил около 1000 драхм подати. [5] См. V 10, 6.

К главе 104.
[1] Евкл по другим источникам неизвестен. [2] См. I 100, 2. [3] Парос — один из Кикладских островов. [4] Со столь незначительными силами Фукидид едва ли мог спасти Амфиполь.

К главе 105.
[1] См. I 100, 2.

К главе 106.
[1] В основном, вероятно, ионяне. [2] По-видимому, Евкл (ср. 104, 4) был человеком неподходящим для вверенного ему поста и не имел авторитета среди горожан. [3] Эти соображения (и высказанные в гл. 104, 5) — единственное, что Фукидид приводит в свое оправдание.

К главе 107.
[1] На купеческих и рыболовных судах. [2] На северо-востоке от Амфиполя между горою Пангеем и озером Керкиной. [3] О сыновьях Гоаксия, Питтаке и его жене Бравро́ больше ничего неизвестно. [4] Галепс — город у подошвы Пангея. [5] Эсима — город на побережье между Стримоном и Нестом.

К главе 108.
[1] В самой Аттике было мало корабельного леса, и она была вынуждена ввозить его из-за границы. [2] Сам Амфиполь, впрочем, не платил подати, но отсюда афиняне собирали форос с соседних городов. [3] Этот пассаж написан после зимы 424—423 г. до н. э. (и даже после сицилийской катастрофы). — Фукидид старается создать впечатление, будто действия Брасида возбудили во всех фракийских городах энтузиазма к делу пелопоннесцев. [4] 73, 4. [5] Однако из этой затеи ничего не вышло. [6] Ср. IV 81, 1; V 16, 1; 17, 1. — После падения Амфиполя Фукидид был отозван в Афины и предстал перед судом по обвинению в государственной измене (подкупе и пр.). Главным обвинителем, по-видимому, был Клеон. Общественное мнение в Афинах, как это явствует из комедии Аристофана «Осы», считало, что Фукидид был одним «из предателей фракийских» (с. 288—90).

К главе 109.
[1] См. IV 69, 4; 73, 4. [2] Акте — восточный полуостров Халкидики; см. IV 108, 1. [3] Царский канал, построенный Ксерксом (Herod. VII 22). [4] Афон — горный пик (около 200 м высоты). [5] См. описание этих городов у Геродота (VII 22). Положение Фисса и Клеон неизвестно. [6] Эти племена еще не были вполне эллинизованы. [7] См.: Herod. I 56—58. [8] Тирсены — этруски. [9] Ср. II 99, 6; 100, 4. Крестоны — то же, что грестоны. Об эдонянах см. II 99, 4; I 100, 3; IV 102, 2.

К главе 110.
[1] Торона — главный город на полуострове Сифония (Herod. VII 122). [2] В Торone находился афинский гарнизон (II 13, 6). [3] Канастрей — восточный мыс Паллены (ср.: Herod. VII 123).

К главе 111.
[1] Как в Платеях (II 4, 4).

К главе 114.
[1] В Лекиф (см. IV 113, 2). [2] Ср. IV 110, 1. [3] Ср. гл. 85—87.

К главе 117.
[1] Афиняне обманулись: Брасиду удалось привлечь еще Скиону и Менду. [2] Текст испорчен. Перевод дан по реконструкции Гомма.

К главе 118.

[1] В Дельфах, т. е. из приношений всех эллинов в святилище Аполлона. [2] Корифасий — пелопоннесское название Пилоса. Ср. 3, 2. [3] Буфрады и Томея — пограничные пункты афинской позиции у Пилоса. [4] Ср. 54. [5] См. III 51; IV 69; 73; 109, 1. [6] Что такое Нис — неизвестно. Быть может, это храм местного героя. [7] Ср. III 51, 3. [8] II 32; III 89, 3. [9] Прежде всего: илотов из Лаконии и свободных гребцов из афинского флота. [10] После реформы Клисфена афинские граждане делились на 10 фил (одна из них — Акамантида). В совет (βουλή) выбиралось по 50 человек от каждой филы, составлявших так называемую «пританию». Срок председательствования каждой «притании» — 35—36 дней (в високосном году — 38—39 дней). Очередные пританы руководили народным собранием; председательство в совете принадлежало выборному от каждой («дежурной») филы эпистату (председателю) (который сменялся каждые сутки). [11] Вторая половина марта — первая половина апреля.

К главе 119.

[1] Месяц герастий соответствовал афинскому элафоболиону. [2] Филохарид — один из подписавших договор 421 г. [3] Евфамид был военачальником в 431 г. (II 33, 1). Периклид — отец Афинея — был в числе послов в Афинах, просивших помощи против восставших илотов. [4] Никострат и Автокл были сторонниками «военной» партии, Никий же был сторонником мира. Автокл — участник похода на Киферы (вместе с Никием и Никостратом; см. IV 53, 1).

К главе 120.

[1] Точное положение Скионы неизвестно: на юго-западе Паллены. [2] II 9, 2. [3] Ср. VI 2, 3. [4] Из Тороны. [5] См. IV 86—87; 114, 3—5.

К главе 121.

[1] Как «знатные», так и простой народ [подобно афинянам в 430 и 415 гг. (ср. II 59 и IV 117, 1)]. [2] Ср. прием, оказанный Фемистоклу в Спарте (Herod. VIII 124, 3; Plut. Them. 17, 2—3). [3] Менда — город на южном берегу полуострова на восток от Скионы. Афиняне в это время недопустимо медлили, оставив фактически Брасиду свободу действий. Клеон был занят судебным процессом против Фукидида и Евкла, а Никий хлопотал о перемирии. [4] Последний раз упомянута II 79, 7. [5] См. IV 120, 3.

К главе 122.

[1] О нем ничего больше неизвестно. [2] Поведение Брасида было явно провокационным, и на словесные обещания спартанцев нельзя было полагаться. [3] Ср. Мелосские дебаты (V 104—110). Брасид должен был идти на помощь морем, и афиняне могли помешать ему (см. IV 129, 1; 135

К главе 123.

[1] Ср. IV 109, 3. [2] Они могли положиться на Брасида, но не на спартанское правительство. [3] Однако не всех (см. V 32, 1).

К главе 124.

[1] См. IV 83; II 99. [2] Таких городов, как Стрепса, Пидна и др. [3] Македонян и их союзников. [4] По-видимому, описание относится к горному проходу у Линка в западной Македонии. [5] Ср. I 24, 1. Иллирийцы должны были, вероятно, подойти с северо-запада. [6] Брасид должен был от времени до времени оставлять Халкидику и греческую Фракию, чтобы помогать Пердикке. Однако афиняне не сумели воспользоваться временным отсутствием Брасида.

К главе 125.
[1] Ср. VII 80, 3.

К главе 126.
[1] Большинство войска Брасида составляли не пелопоннесцы, а халкидяне (ср. IV 124, 1). [2] Как Демарат говорит о спартанцах (Herod. VII 104, 4—5) и Формион об афинянах на море (Thuc. II 88, 2). [3] Ср. IV 124, 3; II 99, 2; IV 83, 1. Линкестов спартанцы считали македонянами. [4] Ср. Plat. Leg. 706 сл. [5] Ср. речь Формиона (II 89, 9) и III 108, 3.

К главе 128.
[1] Хотя воины самочинно занялись грабежом, Брасид вовсе не удерживал их. [2] Фукидид не говорит, как Пердикка без помощи Брасида мог заключить приемлемый мир с Аррабеем.

К главе 129.
[1] 123. [2] На помощь Менде и Скионе. [3] Ср. 83, 2. [4] Лучники состояли из афинских граждан. [5] Это были пелтасты, преимущество которых афиняне уже оценили. [6] Никострат был смелый и предприимчивый военачальник; его назначили в «дополнение» к медлительному и слишком осторожному Никию (как впоследствии Алкивиада). [7] Т. е. сделав Потидею базой для военных операций. [8] Посидоний: либо мыс, либо мыс с храмом Посейдона (совр. мыс Поседи).[9] См. IV 123, 4. [10] Мефонцы — жители Мефоны в Македонии близ Фермейского залива.

К главе 130.
[1] Т. е. с восточной стороны. [2] С севера. [3] Т. е. предоставили мендейцам полную автономию (вероятно, по инициативе Никострата).

К главе 131.
[1] 123, 4.

К главе 132.
[1] Ср. 128. [2] Исхагор — один из тех, кто подписал мирный договор 421 г. (см. V 19, 2; 24, 1). [3] Ср. 78. [4] Аминий и Аристей — лица неизвестные. [5] По закону молодые люди призывного возраста не имели права покидать Спарту без специального разрешения (Plat. Prot. 342 C). [6] О Клеариде см. V 6, 5; о Пасителиде см. V 3.

К главе 133.
[1] См. IV 96, 3. [2] Хрисида была в это время глубокой старухой, исполняя должность жрицы уже 56½ лет (II 2, 1). Ср. II 2.

К главе 134.
[1] Местоположение неизвестно.

К главе 135.
[1] По схолиасту, здесь кончалась седьмая книга. Схолиаст прибавляет, что разделение труда Фукидида на книги было сделано позднейшими учеными.

КНИГА ПЯТАЯ

К главе 1.
[1] Перемирие было заключено весной 423 г. (IV 117, 1); весной 422 г. оно прекратилось. Пифийские игры в честь Аполлона справлялись в Дельфах в каждый третий год олимпиады в дельфийском месяце букатии (по-нашему: в августе). [2] Впоследствии афиняне изменили это мнение (см. V 32, 1). [3] См. III 104. [4] Атрамиттий — город на малоазийском берегу против Лесбоса. [5] Фарнак — сатрап Геллеспонта (II 67, 1).

К главе 2.
[1] В конце августа. [2] Ср. IV 133, 4. [3] Хотя Торона была главной операционной базой Брасида (IV 122, 2; 129, 1).

К главе 3.
[1] Пасителид, по-видимому, был столь же бездарным военачальником, как и товарищ Фукидида Евкл в Амфиполе. [2] См. V 18, 7. [3] См. V 18, 8. [4] На границе Аттики с Беотией (к северо-западу от Фплы).

К главе 4.
[1] Феак — дипломат «нового стиля» из «партии молодых». О нем комик Евполид (frg. 95) говорит: «мастер болтать, но в [серьезных] речах беспомощен» [ср. иронический отзыв о нем Аристофана (Aristoph. Equit. 1375—1380)]. [2] Имена их неизвестны. [3] Т. е. после общего договора сицилийцев в 424 г. до н. э. (IV 65, 1—2). [4] Укрепленное место у Леонтин. [5] См. IV 25, 7; III 86. [6] Акрагант — город в Сицилии на юго-западном берегу острова. [7] См. IV 58, 1. [8] Катана — город на восточном берегу Сицилии у подошвы Этны.

К главе 5.
[1] О важности союза и дружбы с этими городами ср. VI 43—44. [2] Иппонийцы — жители Иппония (Strab. p. 255—256); Медмеи — жители города Медма (Strab. p. 256); оба города — в Бруттии, основаны Локрами.

К главе 6.
[1] См. IV 107. [2] См. IV 132, 1. Пердикка мало помогал своим новым союзникам после ссоры с Брасидом. [3] Упомянут только здесь. Об одомантах см. II 101, 3. [4] На правом берегу р. Стримона, соединялся мостом с Амфиполем. [5] См. IV 103, 3. [6] См. I 100, 3; IV 107, 3; IV 109, 4. [7] См. IV 107, 3. [8] См. IV 132, 3.

К главе 7.
[1] Можно предположить, что воины только лишь перед отправкой во Фракию узнали, что во главе экспедиции будет стоять Клеон. [2] Весь этот пассаж показывает ненависть Фукидида к Клеону, которого он несправедливо обвиняет в некомпетентности и отсутствии энергии (вялости): Клеон доказал свою исключительную энергию и рассудительность под Пилосом. [3] Силами своих македонских и фракийских союзников.

К главе 8.
[1] С островов, заселенных афинскими колонистами (ср. III 5, 1; IV 28, 4). [2] Цифра, по-видимому, неправильна.

К главе 9.
[1] См. IV 126, 2. [2] I 124, 1. [3] Т. е. союзниками из северной Греции — аканфянами и халкидянами. [4] Ср. IV 120, 3 (слова Брасида в Скионе).

К главе 10.
[1] Эти ворота выходили, вероятно, на восток или северо-восток к дороге на Драбеск. [2] Вряд ли Клеон «обратился в бегство»: он был просто убит дротиком пелтаста. [3] Смерть Брасида превратила поражение афинян фактически в победу: в Спарте не было уже равного ему полководца и дипломата. [4] См. выше, § 6.

К главе 11.
[1] См. VI 5, 3. Подобные же действия в Камарине. [2] См. IV 102, 3. [3] На самом деле потери пелопоннесцев, конечно, гораздо выше. Цифра, приведенная Фукидидом, вероятно, взята из официального спартанского отчета. — Битва под Амфиполем произошла сразу же после Пифийских игр 422 г.

К главе 12.
[1] Быть может, одно лицо со спартанским посланником в Афины (см. I 139, 3). [2] Эти два спартанца — лица неизвестные. [3] Брасид также шел этим путем (IV 78, 1). [4] См. III 93.

К главе 13.
[1] Местоположение неизвестно (в южной Фессалии).

К главе 14.
[1] Ср. IV 21; 41, 4. [2] Ср. Arist. Pac. 665—669. Фукидид ничего не говорит об афинских финансовых затруднениях, как мотиве к миру. [3] Ср. IV 41, 3. [4] См. IV 41, 3. [5] В 464 г. до н. э. [6] См. 22, 2; 28, 2. [7] См. IV 56, 2; V 41, 2. [8] Ср. IV 28, 2; 29.

К главе 15.
[1] Ср. IV 38, 5. [2] IV 41, 3—4. [3] Ср. IV 118, 6, 13—14.

К главе 16.
[1] «Простые люди» (крестьяне) в Афинах, как это видно из Аристофановой комедии «Мир» (ст. 261—86), были рады гибели Клеона и Брасида, считая их главными противниками мира. [2] Ср. IV 117. «Слава и почет» не только лично Брасиду, но и его родине. [3] Так Аристофан за три года до этого говорит о Клеоне (Aristoph. Equit. 801—809):

> ...Но чтоб грабить ты мог, города прижимать, вымогать
> приношенья и взятки,
> Чтоб народ в суете и в угаре войны не видал твоих подлых
> проделок
> И глядел тебе в рот, в нищете и беде, и подачек просил,
> голодая.

Примечательно, что мотивы, приписываемые Клеону, для продолжения войны очень похожи на мотивы, которыми якобы руководствовался Перикл, начиная войну:

> ...боялся он невзгоды для себя.
> Ваших прихотей страшился, ваши зубы злые знал.
> Чтобы самому не сгибнуть, в город он метнул пожар...
> И раздул войну такую, что у эллинов глаза
> Выжег дым до слез горючих.
>
> (Arist. Pac. 605—611).

[4] Ср. III 42, 2; IV 27. Фукидид, по всей вероятности, сам был одной из жертв «клеветнических нападок» Клеона. [5] Мотивы действий Плистоанакта также персонального характера. [6] Необязательно подкупом. [7] Города отправляли торжественные посольства в Дельфы (θεωροί) вопрошать оракул, но Спарта пользовалась при этом особыми привилегиями (Herod. VI 57, 2). [8] Оракул грозил лакедемонянам голодом, что̀ заставило бы их дорого платить за привозной хлеб. [9] См. II 21, 1. [10] В Аркадии на границе Лаконии (V 54, 1).

К главе 17.
[1] См. III 52, 2. [2] См. IV 69, 3. [3] За исключением северных эллинских городов, захваченных Брасидом. [4] Ср. IV 118. [5] См. IV 118, 14; 119, 1.

К главе 18.
[1] Именно олимпийского, дельфийского, немейского и истмийского. [2] Так называемые «феории». [3] Этот пункт направлен непосредственно против фокидян. [4] Ср. V 47, 8. [5] Ср. IV 118, 8. [6] Ср. I 96, 2; 99, 3. [7] См. IV 103, 3—4. [8] См. IV 88, 2. [9] См. IV 85—88, 1. [10] Иначе: Стол. Отпал от Афин в 432 г. [11] Оба эти города

отпали в 432 г. [12] Мекиберняне и сингеи ранее не упомянуты Фукидидом. Мекиберна — гавань Олинфа на Торонском заливе. Синг — город на северо-восточном берегу полуострова Сифония. Сана (см. IV 109, 3—5) — город на Акте. [13] См. V 3, 5. [14] См. IV 118, 4. [15] Упомянут только здесь; находился, по-видимому, недалеко от Мефан. [16] См. II 32; III 89, 3; IV 118, 4. [17] См. IV 121, 2; 131, 3. [18] См. IV 123, 4. [19] Например, гарнизон Тороны (V 3, 4). [20] Ср. I 65, 2. Неизвестно, когда афиняне осадили (или вновь захватили этот город). [21] Быть может, имеются в виду Галепс, Менда и Фисс (V 35, 1). [22] Исправление Ульриха вместо рукописного чтения «шесть». [23] Столбы (или «стелы») с вырезанным на них текстом договора (ср. V 23, 5; 47, 11). [24] Древнее название Дельф. [25] В Коринфе. [26] В святилище Аполлона в 20 стадиях к югу от Спарты на правом берегу Еврота. [27] Эта статья совершенно игнорировала интересы союзников и вызвала впоследствии их раздражение (см. V 29, 1).

К главе 19.

[1] Приблизительно в половине апреля 421 г. до н. э. [2] Плистол был эфором-«эпонимом» года (его именем назывался год). Исхагор был отправлен во главе отряда на помощь Брасиду (IV 132, 2—3) и затем вместе с Менасом и Филохаридом отправился во Фракию сообщить о мире (V 21, 1). Филохарид также подписал годичное перемирие 423 г. (IV 119, 2); Теллид, вероятно, — отец Брасида (II 25, 2). [3] Лампон — известный прорицатель. [4] Истмионик, Миртил и Иолкий — лица неизвестные. Евтидем был послан стратегом в Сиракузы (VII 16, 1). Пифодор — один из трех стратегов, совершивших набег на Лаконию в 414 г. (VI 105, 2). Гагнон — отец Ферамена, основатель Амфиполя (V 11, 1). Фрасикл и Леонт — военачальники во время Ионийской войны (VIII 15, 1; 17, 3; 19, 2). Тимократ, быть может (?), отец Аристотеля (III 105, 3). [5] Рядом с представителями «военной партии» Демосфеном, Ламахом и Леонтом стоят подписи «умеренных» — Никия и Лахета. Примечательно, что среди подписавших договор отсутствует имя Алкивиада (неизвестно, почему). — Плутарх (Nic. 9, 7—9) сообщает о всеобщей радости в Афинах по поводу наступления мира. Народ благословлял Никия, заключившего мир, и сравнивал его с Периклом, считая последнего виновником войны. Вскоре, однако, радость афинян прошла: они поняли, что это был «гнилой» мир.

К главе 20.

[1] Городские Дионисии кончались 13 элафоболиона (март—первая половина апреля).

К главе 21.

[1] По Феофрасту (Plut. Nic. 10, 1), Никий добился этого подкупом. [2] См. IV 132, 2, 3; V 19, 2. [3] V 19, 2. [4] IV 119, 2. [5] См. V 18, 5—8. [6] Сколько государств оказалось, Фукидид не говорит [несомненно: халкидяне (V 39, 1), Амфиполь и Скиона; вероятно, также боттиеи и Аргил].

К главе 22.

[1] Т. е. Беотия, Коринф, Элида и Мегары (V 17, 2), а также Амфиполь и другие фракийские города. [2] Это не означает, что делегаты союзников покинули Спарту, но конференция с союзниками была Спартой закрыта. [3] См. V 14, 4. [4] Лих был проксеном Аргоса в Спарте (см. V 50, 4; 76, 3). [5] Ампелид нигде больше не упоминается. [6] Это был скорее оборонительный союз (ср. I 44, 1).

К главе 23.

[1] Ср. V 14, 3; IV 41, 3; 80, 2—5. Спарта, Аргос и Фессалия постоянно опасались восстания рабов. [2] См. V 19, 2. [3] Ср. V 18, 10. [4] Время празднования Гиакинфий в Амиклах неизвестно (быть может, в мае месяце).

К главе 24.
[1] Имена подписавших мирный договор и договор о союзе повторяются с незначительными вариациями (см. V 19, 2). [2] Примечательно, что Фукидид не подводит итогов этой «десятилетней войны», например неудачи Спарты в попытках «освободить Элладу».

К главе 25.
[1] См. V 26, 2. [2] Ср. II 2, 1; V 19, 2. [3] Считая с начала Никиева мира (апрель 421 г.) до высадки афинян на лаконском побережье летом 414 г. (VI 105). Однако афинская высадка произошла в начале весны 413 г. (VII 19, 1) и потому эта цата неверна (см. G o m m e A. W. IV 8). [4] Ср. I 23, 6; II 1.

К главе 26.
[1] Ср. V 53 сл. [2] Фукидид ничего не говорит об этом «десятидневном» перемирии. [3] Именно 27 лет (V 26, 1). [4] Фукидид обычно довольно презрительно относится к предсказаниям оракулов (ср. II 21, 3; 54, 2—3). [5] Ср. Plut. Nic. 9, 8. [6] Или: «Вдали от политических волнений».

К главе 27.
[1] См. V 48, 2.

К главе 28.
[1] См. V 14, 4; 22, 2. [2] Успехи Брасида во Фракии мало способствовали восстановлению престижа Спарты после неудачи под Пилосом (ср. V 75, 3; VI 11, 6). С 425 г. спартанцы уже не делали вторжений в Аттику, боясь ответной меры афинян: казни пленников, взятых под Пилосом. [3] Так называли пелопоннесцы Архидамову войну.

К главе 29.
[1] См. IV 134. [2] См. I 2, 3. [3] См. V 31, 6. [4] Именно статья договора о союзе. [5] Ср. IV 20, 4.

К главе 30.
[1] См. II 30, 1. [2] См. IV 49. [3] См. I 66.

К главе 31.
[1] Лепрей — город в южной части Элиды близ границы с Лаконией. Он был независим от Элиды и в дружественных отношениях со Спартой (см.: G o m m e A. W. V 27). [2] Т. е. в пользу храма Зевса в Олимпии. [3] Странно, что элейцы согласились на третейский суд лакедемонян, а потом отклонили приговор. [4] Ср. V 17, 2; 32, 5.

К главе 32.
[1] См. IV 122; 123, 4; V 2, 2; 18, 8. [2] Отчасти тем, кто нашел до осады убежище в Афинах (II 6, 4; 78, 3), отчасти же спасшимся из Платей (III 24, 2) во время осады. [3] Кроме этого краткого упоминания, Фукидид нигде больше не говорит об этой местной войне. [4] Тегея — город на юго-востоке Аркадии — сохранял свою независимость как против Спарты, так и против коринфян. [5] См. V 26, 2. [6] Т. е. если коринфяне — члены пелопоннесского союза. [7] Т. е. либо перемирие, не скрепленное торжественными клятвами и возлияниями богам, или фактическое перемирие без всякого соглашения.

К главе 33.
[1] Паррасии занимали западную сторону долины Алфея вплоть до горы Ликея, где находился храм Аполлона Паррасия. [2] Местоположение города неизвестно. [3] Скиритида — горная область в верховьях р. Еврота (на левобережье), была весьма важной для спартанских коммуникаций между долиной Еврота и равниной Алфея. Здесь проходил самый удобный путь в Мессению вокруг северных отрогов Тайгета.

К главе 34.
[1] См. V 21, 3. [2] Недамоды — получившие свободу илоты, но без политических прав. [3] Вероятно, собственности.

К главе 35.
[1] См. IV 109, 3. [2] См. IV 109, 3. [3] Контраст с V 25, 2. [4] Наиболее важным пунктом был Панакт, удерживаемый беотийцами. [5] См. V 18, 7: Киферы, Мефаны и др. [6] Вероятно, путем соглашения с жителями Краннев.

К главе 36.
[1] Выборы эфоров происходили ежегодно осенью.

К главе 37.
[1] См. V 47, 9. [2] См. IV 91.

К главе 38.
[1] Обще-беотийский совет состоял из представителей четырех государств беотийского союза, которые правили поочередно и назывались «четырьмя советами».

К главе 39.
[1] Такой статьи нет в союзном договоре; но ее можно подразумевать в тексте V 23, 1. [2] См. V 17, 2. [3] См. V 40, 1; 42, 1.

К главе 40.
[1] См. V 38, 4. [2] У тегейцев была старая вражда с союзной Аргосу Мантинеей, и они оставались союзниками лакедемонян (V 32, 3—4).

К главе 41.
[1] См. II 27, 2; IV 56—57. Об Анфене см.: Paus. II 38. 5. [2] Или: «детски наивный». [3] См. V 23, 4; VIII 10, 1.

К главе 42.
[1] См. V 35, 3; 39, 3.

К главе 43.
[1] Алкивиаду было тогда около 32 лет (родился около 452 г.). Он служил как гоплит вместе с Сократом при Потидее. Весь пассаж об Алкивиаде написан, как думают, непосредственно после 420 г. до н. э. (Gomme A. W. IV 48). [2] Ср. V 16, 1; IV 118, 11. [3] Т. е. «проксении». См. речь Алкивиада в Спарте (VI 89, 2—3).

К главе 44.
[1] См. V 21, 1; IV 119, 2; V 19, 2. [2] Леонт был экистом (основателем) Гареклеи (III 92, 5). Эндий имел старые связи с Алкивиадом (VIII 6, 3).

К главе 45.
[1]Во всей этой истории многое непонятно: как могли спартанские послы послушать скорее своего врага Алкивиада, чем Никия? Как мог Алкивиад убедить послов, что отрицание (своих полномочий) поможет успеху их дела? Как после всего этого Эндий и Алкивиад могли тесно сотрудничать вместе в 413/12 г. (VIII 6, 3, 12)? Скорее всего, спартанские послы не привезли с собой никаких новых уступок, и когда Алкивиад доложил об этом народному собранию, то оно отвергло предложения спартанцев. Анекдот же о хитрости Алкивиада приведен для иллюстрации его талантов и пороков (см.: Gomme A. W. IV 52). [2] Стихийные бедствия и другие небесные знамения обычно служили причиной для отсрочки заседания.

К главе 47.

[1] Фрагмент официальной афинской копии договора сохранился (IG I², 86). Фукидид передает текст договора довольно точно. Договор делится на три части: 1) мирный договор, 2) союзный договор, 3) заключительные формулы. [2] См. V 56, 2. [3] Эгинская монетная система была принята в большинстве греческих государств. Эгинский обол равен 4.3 аттических обола (13.021 г). [4] Т. е. занимающиеся внутренними делами (в противоположность стратегам, ведавшим иностранными и военными делами). [5] Пританы — очередные председатели совета и народного собрания. [6] Кто эти «восемьдесят» и какова была их функция — неизвестно. [7] Артины — советники, нам неизвестные. [8] Демиурги — высшие должностные лица; в Элиде, вероятно, представители (старосты) отдельных округов. [9] Функции этих лиц неизвестны. [10] Совет «шестисот». [11] «Блюстители законов». [12] Олимпийские игры (празднества) проводились раз в четыре года в нечетные юлианские года до новой эры. [13] Великие Панафинеи («всеафинские») праздновались каждый третий год олимпиады в первой половине августа. Цифры «30» и «10» указывают на то, что клятва должна была возобновляться в один и тот же срок. [14] Аполлона Ликейского (Paus. II 19, 3 сл.). [15] Вероятно, в святилище Зевса Спасителя (Сотера) (Paus. 9, 2). [16] См. V 49, 11; 23, 6. [17] Ср. V 18, 11; 25, 6.

К главе 48.

[1] Коринфяне не хотели вредить Спарте: цель Коринфа была изменить мирную политику Спарты и вновь начать войну с афинянами.

К главе 49.

[1] Второй раз он победил, вероятно, в 416 г. до н. э. [2] См. III 8, 1. «Панкратий» — собственно состязание в борьбе и кулачном бою. [3] Т. е. официальная делегация (феория) лакедемонян не была допущена, но отдельные лица могли смотреть состязания. [4] Устав всеэллинского святилища Зевса Олимпийского, которым управляли элейцы. [5] Местоположение крепости Фирк неизвестно. [6] Очевидно, часть пени причиталась святилищу Зевса Олимпийского, а часть — элейской общине.

К главе 50.

[1] Гарпина — город в Писатиде. [2] См. V 22, 2. [3] Ср. Xen. Hell. III 2, 21.

К главе 51.

[1] См. III 92—93. [2] Эниане жили в долине Сперхея. Долопы — в самом дальнем углу Фтии (в юго-восточной Фессалии). О мелийцах см. III 92, 2. [3] Быть может, это тот же Ксенар (эфор 421/20 г.) — противник афинян (см. V 36, 1).

К главе 52.

[1] По Диодору (XII 77, 4), фиванцы пришли на помощь гераклейцам и заняли город своими 1000 гоплитами. [2] Вероятно, тождествен военачальнику, посланному в Эпидавр следующей зимой (V 56, 1). [3] Неизвестно: морем или по суше. [4] См. II 83, 2. [5] Укрепив Рий, афиняне получили бы господство над входом в Коринфский залив (см. II 86, 3).

К главе 53.

[1] Святилище Аполлона Пифаеского, по-видимому, находилось в г. Асине на берегу Аргосского залива. [2] См. II 27, 1; V 56, 4. [3] Юго-восточный мыс полуострова (Strab. p. 368) в области Гермионы.

К главе 54.

[1] Ликей в западной Аркадии (см. V 16, 3). [2] Лаконский месяц карней соответствовал приблизительно нашему августу. В этом месяце справлялся главный дорийский праздник — Карнеи.

К главе 55.
[1] Быть может, по инициативе Никия, совершенно вразрез с планами Алкивиада. [2] Евфамид подписал от имени коринфян договор о перемирии 423 г. (ср. IV 119, 2). [3] По прямой дороге в Аркадию, а оттуда в Арголиду.

К главе 56.
[1] См. V 52, 1. [2] См. V 47, 5. [3] Там был записан договор. [4] См. V 35, 7. [5] См. V 39.

К главе 57.
[1] См. I 27, 2. [2] Из Эпидавра, Пеллены, Сикиона и Мегар (V 58, 4).

К главе 58.
[1] См. I 27, 2. [2] Диодор (XII 78, 4) определяет число мантинейцев «приблизительно в 3000 человек». [3] Мефидрий находился в центре Аркадии, километрах в 30 к северо-востоку от Мегалополя. [4] Эта дорога шла от Флиунта на Аргос с восточного края Флиунтской равнины через горный проход и соединялась с главной дорогой из Коринфа в Клеон на Аргос. [5] См. II 9, 2. [6] Местоположение неизвестно.

К главе 59.
[1] См. III 96, 1.

К главе 60.
[1] Именно беотийской конницей, которая прибыла своевременно. [2] Вероятно, по дороге сначала на юг, а потом на запад до южного края аркадской равнины до Тегеи. [3] Однако без афинян и их конницы. [4] Обширная ложбина (русло реки) (наполнявшаяся водой только во время дождей) вдоль северной и восточной сторон Аргоса.

К главе 61.
[1] По Диодору (XII 79, 1), они прибыли морем. [2] См. V 57, 1. [3] К северо-востоку от Мантинеи.

К главе 62.
[1] Захват Тегеи был стратегически важнее: он очень ослабил бы Спарту и вызвал бы отпадение многих союзников.

К главе 63.
[1] Такое же наказание было наложено спартанцами на Леотихида (Herod. VI 72, 2). [2] Именно эгинских драхм, т. е. около 140 000 аттических драхм. [3] Такие советники были посланы к навархам, действовавшим неудачно (II 85, 1; III 69, 1; VIII 39, 2).

К главе 64.
[1] Оресфий у подножья горного хребта Менала в восточной части Аркадии [2] См. V 67, 1. [3] См. II 13, 6. Спартанцы опасались восстания илотов и нападения их на Спарту.

К главе 65.
[1] Теперешней р. Саранды. [2] Ср. V 60, 5—6.

К главе 66.
[1] Войско лакедемонян делилось на отряды (моры) пешие и конные и мелкие подразделения (эномотии); во главе моры стоял полемарх; его помощниками были младшие офицеры: четыре лохага, восемь пентеконтеров и шестнадцать эномотархов; в каждой эномотии было 25 человек (V 68).

К главе 67.
[1] Скириты (аркадцы) — один из лакедемонских лохов (отрядов), стоявших всегда на левом фланге. [2] См. V 34, 1. [3] Герея находилась на правом берегу р. Алфея, на западе Аркадии близ границы с Элидой. [4] Занимать правое крыло считалось особо почетным. [5] Клеонцы — жители Клеон, города в Арголиде. [6] Орнейцы — жители Орней, города на северо-востоке Арголиды.

К главе 68.
[1] По расчетам Схолиаста, численность лакедемонян с союзниками составляла 4184 человека.

К главе 69.
[1] Владычество аргосцев относится ко времени господства Атридов (ср. I 10). После дорийского переселения аргосцы господствовали над областью Пелопоннеса до Малеи и Кифер. [2] Именно герейцев, меналцев и тегейцев.

К главе 71.
[1] См. V 67, 1.

К главе 72.
[1] См. V 64, 3. [2] Ср.: Herod. VIII 124, 3. [3] Об этих «пяти лохах» больше ничего неизвестно.

К главе 73.
[1] Афинская конница тревожила противника с флангов (ср. I 111, 1).

К главе 74.
[1] См. V 60, 3. [2] Фукидид, быть может, видел там их могилу. [3] Т. е. с афинскими поселенцами на Эгине. [4] В силу обычной секретности у спартанцев.

К главе 75.
[1] По Геродоту (V 75, 2), обоим царям в Спарте запрещалось сразу выступать в поход. [2] См. V 64, 3. [3] См. V 54, 2. [4] Ср. I 71, 4; I 78, 1; 84, 1; V 64, 2; 66, 2. [5] Ср. II 78, 1—2; VII 19, 1. [6] Ср.: Paus. II 29, 1.

К главе 76.
[1] Т. е. в начале ноября. [2] См. V 22, 2; 50, 4.

К главе 77.
[1] Этот и следующий документы (гл. 79) написаны на дорийском диалекте с примесью лаконского и аргосского говоров. Возможно, что списки этих документов Фукидид получил через Алкивиада, бывшего тогда в Аргосе (76, 2). [2] См. V 75, 6. [3] См. V 53. [4] См. V 81.

К главе 80.
[1] См.: Herod. VIII 137; Thuc. II 99, 3. [2] Спарта, вероятно, была в союзе с халкидянами и беотиями (ср. V 30, 2—3). [3] См. V 75, 6. [4] Эту хитрость Демосфен проделал, чтобы по уходе союзников завладеть крепостью.

К главе 81.
[1] На сорокалетний мир, но не на союз. [2] Ср. V 29, 1; 33; 47, 1; 58, 1. [3] Ср. I 19. [4] Т. е. в марте 417 г. до н. э.

К главе 82.
[1] См. IV 109, 3; V 35, 1. [2] См. II 9, 2. Спарта не могла рассчитывать на верность Ахайи, так как там не было пелопоннесских войск. [3] Гимнопедии — летний праздник в Спарте, на котором в честь павших в битве при Фирее (в 550 г. до н. э.) устраивались гимнастические состязания и пляски. [4] По совету Алкивиада (Plut. Alc. 15, 4—5).

К главе 83.
[1] См. V 82, 6. [2] См. V 84, 1. [3] На пути из Аргоса в Тегею.

К главе 84.
[1] По Диодору (XII 81, 2), Алкивиад был выбран в стратеги. [2] Ср. V 83, 1. [3] Ср. III 72, 1. [4] Мелос — остров в юго-восточной части Эгейского моря. [5] См. Herod. VIII 48. [6] Ни один из них не упомянут больше нигде. [7] Т. е. совета.

К главам 85—113.
Диалог с мелосцами отличается софистическим характером и весьма важен для выяснения взглядов самого Фукидида. Отношение Фукидида к мыслям, высказываемым персонажами диалога, неясно. Диалог, конечно, целиком фиктивный. От имени афинян, быть может, выступает Алкивиад, высказывающий популярные в то время взгляды софистов (например Калликла). Возможно, цель Фукидида — показать моральное вырождение афинян как результат бедствий войны и страшной эпидемии, дать контраст между высокими идеалами надгробной речи Перикла и открытым цинизмом его преемников. Обращаясь к согражданам, Перикл подчеркивает альтруистические аспекты политики афинян. В диалоге же афиняне (или Алкивиад) открыто высказывают свое «высокомерие» (ὕβρις) перед беззащитным маленьким островом и вскрывают «ослепление» (ἄτη) своим могуществом (а на следующий год предпринимают свою роковую авантюру в Сицилии, которая приводит к возмездию — катастрофе). Фукидид исследует проблему мощи и господства афинян (которое кажется ему удивительным). Он убежден теперь, что отношение афинян к подвластным союзникам было жестоким и несправедливым. Весь этот пассаж написан, вероятно, уже после катастрофы 404 г. (ср.: G o m m e A. W. IV, 182—187).

К главе 93.
[1] Ср. III 39, 8; 96, 3.

К главе 103.
[1] «Человеческие средства», т. е. «ваши собственные усилия».

К главе 105.
[1] Ср. у Геродота (VIII 143) ответ афинян царю Александру I Македонскому.

К главе 108.
[1] Мелос ближе всего к Сунию, чем к какому-либо другому пункту в Лаконии, и имел для спартанского флота скорее тактическое значение (как ближайший из Кикладских островов).

К главе 111.
[1] В подлиннике софистическая игра одинаково звучащими понятиями.

К главе 112.
[1] Со времени дорийского переселения под предводительством Гераклидов.

К главе 115.
[1] См. V 83, 3. [2] Зимой 419/18 г. афиняне вернули мессенцев из Краниев в Пилос для партизанских набегов на Лаконию. [3] См. V 25, 3. [4] Коринф не заключал ни перемирия, ни мирного договора и фактически был в состоянии войны с Афинами.

К главе 116.
[1] О нем ничего неизвестно. [2] По Гесихию и Суде, мелосцам пришлось сдаться от голода.

КНИГА ШЕСТАЯ

К главе 1.

[1] В 427 г. афинская эскадра под начальством Лахета насчитывала 20 кораблей (III 86, 1). Зимой 426/25 г. Лахет был заменен Пифодором (III 115, 2), а весной 425 г. была отправлена в Сицилию эскадра под командой Евримедонта и Софокла в составе 40 кораблей (IV 2, 2). Уже тогда цель афинян была покорить остров (IV 65, 3). [2] По Плутарху (Plut. Nic. 12, 1), афиняне оживленно обсуждали поход в Сицилию. [3] Расстояние около 930 км. Скорость гребных судов в эпоху Фукидида составляла днем около 7.1 км в час (Gomme A. W. IV 197). [4] В самом узком месте ширина пролива 2.8 км. Ср. III 86, 4; IV 48, 6; 65, 3.

К главе 2.

[1] Очерк истории колонизации Сицилии составлен Фукидидом отчасти по труду Гелланика («Жрицы Геры») и главным образом по сочинению Антиоха Сиракузского, посвященному истории Сицилии и Сиракуз (ср.: Gomme A. W. IV, 200—209). [2] Киклопы и лестригоны — мифические людоеды — великаны, упоминаемые еще Гомером (Od. IX, 106 сл., 231 сл.; X 81 сл.). Сначала миф помещал их на крайнем западе, а затем их местообитание было перенесено в Сицилию (ср.: Hes. frg. 150). [3] Иберийское происхождение сиканов подтверждается до некоторой степени данными археологии. [4] Иберийцы, по воззрениям древних, — коренные обитатели Испании, остатками которых являются современные баски. [5] Лигии (или лигуры) — большое племя, занимавшее в глубокой древности всю Галлию и Испанию, а впоследствии (в историческое время) оттесненное к северному побережью Тирренского моря. [6] По Сервию (ad Aen. VIII 328) — приток реки Эбро (совр. Сегре). [7] См.: Hom. Od. XXIV, 307 и Herod. VII, 170. [8] У Гомера (Hom. Od. XI 107) — Тринакрия. По толкованию древних, Сицилия называлась так потому, что имела три мыса (ἄκραι) или форму треугольника. [9] Илион — другое название Трои. [10] Элимы жили до VII в. до н. э. в северо-западной части Сицилии. [11] На горе того же названия (совр. Монте Сан Джульяно). [12] Город около совр. Калатафимии. [13] Фокидцы — жители Фокиды в средней Греции или, скорее, поселенцы из малоазиатской Фокеи. [14] Ливия — северная Африка. [15] Сикулы — древнеиталийское племя, вытесненное из Италии и переселившееся в Сицилию (около XI в. до н. э.). [16] Опики или оски — жители центральной части Италии. [17] Гелланик (frg. 111) производит название «Италия» от италийского слова vitulus «бычок». [18] Ср. VI 3, 1. [19] Следы финикийских поселений сохранились в сицилийской топонимике (например, Пахин, Лилибей). [20] Мотия — городок на островке у мыса Лилибея. [21] Солоент (совр. Солонто) к востоку от Палермо. [22] Панорм (совр. Палермо) на северо-западе Сицилии. [23] От ближайшего пункта Африки до Сицилии 120 км. [24] Карфаген — финикийская колония в северной Африке.

К главе 3.

[1] Фукл, по Эфору, был афинянином (Strab., p. 267). [2] А также эгейского Наксоса (по Гелланику, фрг. 82). [3] См. IV 25, 7. [4] Архегет — «предводитель» (покровитель колонистов). [5] Феоры — члены торжественного посольства для участия в играх или для принесения жертв какому-нибудь богу. [6] Коринфская аристократия (как и другие дорийские аристократии) претендовала на происхождение от потомков Геракла (Гераклидов). [7] В Сиракузах Ортигия была соединена с материком сначала плотиной, а потом мостом (Strab., p. 59). [8] См. III 81, 2. [9] См. V 4, 6.

К главе 4.

[1] Пантакий — река в Сицилии к северу от Мегар. [2] Тротил — островок на южном берегу Катанского залива. [3] Фапс — полуостров в центре Мегарского залива. [4] Мегары Гиблейские — город к северу от Сиракуз. [5] Гелон — тиран Сиракуз (485—478 гг. до н. э.); см.: Herod. VII 156, 2. [6] Селинунт на юго-западном

берегу Сицилии. [7] См. IV 58, 1. [8] По имени города Линда на о. Родосе. [9] См. V 4, 6. [10] Латинские Кумы близ Неаполя (осн. в 1049 г. до н. э.). [11] Занкла (совр. Мессина) на северной оконечности Сицилии (см. III 90, 3). [12] См.: Herod. VI 23.

К главе 5.

[1] См. III 115, 1. [2] Милетиды, вероятно, родовое имя (этимология неизвестна). [3] Акры и Касмены на юго-востоке Сицилии. [4] См. III 86, 2. [5] Гиппократ был тираном в 498—491 гг. до н. э. [6] Гелон наследовал Гиппократу и в 485 г. до н. э. стал тираном Сиракуз.

К главе 6.

[1] Т. е. «наиболее достоверная причина была в том, что они стремились подчинить остров». [2] Быть может, из-за так называемой «эпигамии», т. е. права брать в жены девушек из другого государства без лишения детей гражданских прав. [3] По Диодору (XII 82, 3 сл.), эгестейцы обращались будто бы за помощью сначала в Акрагант, Сиракузы и в Карфаген. [4] Ср. III 115. [5] V 4, 4. [6] Ср. 3, 2; V 48, 2; 115, 3.

К главе 7.

[1] Орнеи были союзником Аргоса в 418 г. (V 67, 2), но потом спартанцы подчинили их своей власти. [2] Мефона находилась километрах в 10 к северу от Пидны. Ср. IV 129, 4. [3] Ср. V 26, 2.

К главе 8.

[1] Экипаж каждого корабля (триеры) насчитывал 200 человек (Herod. VII 184, 1); каждый матрос получал ежедневно по 1 драхме в день. [2] Ср. I 126, 8. [3] V 4; VI 6, 2.

К главе 10.

[1] Имеется в виду Алкивиад. [2] Именно Клеобул и Ксенар в Спарте. (V 36, 1). [3] Например, упорный отказ Халкидики подчиниться афинскому правлению. [4] Коринф, Элида, Мегары и Беотия были против мира. [5] V 26, 2; VI 7, 4. [6] I 58.

К главе 11.

[1] Именно против Афин. [2] Неясно: имеется ли в виду Спарта с ее олигархическим правлением или олигархическая «партия» в самих Афинах.

К главе 12.

[1] Прошло уже 15 лет со времени вспышки эпидемии «чумы». [2] Эгестейцы вовсе не были изгнанниками, но Никий не считает их эллинами (VI 9, 1; 11, 7). [3] Именно Алкивиад. [4] В это время Алкивиаду было около 36 лет (родился около 452 г. до н. э.).

К главе 14.

[1] Точнее: председатель коллегии пританов. Ср. IV 118, 11.

К главе 15.

[1] Содержание конюшни — признак огромного богатства. [2] Эти слова написаны Фукидидом или после сицилийской катастрофы 414 г. или даже после капитуляции Афин в 404 г. до н. э. [3] Фукидид, по-видимому, думает, что, останься Алкивиад стратегом (вместе с Никием), афиняне не потерпели бы поражения в Сицилии.

К главе 16.
[1] В 416 г. до н. э. [2] Хорегия — одна из общественных повинностей, обязанность на свой счет обучить хор и поставить на сцене драматические представления. [3] Быть может, Алкивиад имеет в виду Одиссея, Паламеда и Эанта. [4] Заслуга создания антиспартанского союза Аргоса, Элиды и Мантинеи действительно принадлежит Алкивиаду. Ср. V 45—46, 52. [5] V 66—75.

К главе 17.
[1] Сицилийские тираны в начале V в. до н. э. много раз производили насильственные переселения в городах (ср. Herod. VII 156, 2 сл). [2] Именно, демократической и аристократической «партии». [3] Фукидид считает Архидамову войну, период Никиева мира, сицилийский поход и Декелейскую войну единой войной. [4] Алкивиад неверно излагает факты: Делосский морской союз был образован, когда Спарта и Афины еще были союзниками, по почину ионийских городов; спартанцы тогда не угрожали афинянам.

К главе 18.
[1] III 86, 3. [2] Искусство (ἐπιστήμη), т. е. понимание, знание, умение в области государственных дел. [3] См. VI 87, 2. [4] Призыв к соблюдению традиции — обычный риторический прием.

К главе 20.
[1] Ср. VI 3, 1; 3, 6. [2] В Селинунте было много древних и классического времени храмов, в которых хранились огромные богатства (из приношений верующих).

К главе 22.
[1] Имеются в виду аргосцы и аркадские наемники (ср. VI 29, 3 и VII 57, 9). [2] Предсказания Никия оправдались (см. VI 46).

К главе 25.
[1] По Плутарху (Plut. Nic. 12, 6), это был некто Демострат. [2] Ср. 31, 3; 43, 2. [3] Фактически гоплитов было 5100 (VI, 43).

К главе 26.
[1] Имеется в виду Архидамова война.

К главе 27.
[1] Гермы — культовые изваяния в виде столба с головой Гермеса и других божеств — ставились на границах, дорогах, перекрестках, улицах, площадях, у входов домов, у городских ворот и служили объектами культа (ср.: Herod. II 51). [2] 1000 и 10 000 драхм (Andoc. I 27). [3] Поскольку в срыве экспедиции в Сицилию были заинтересованы только лаконофильствующие аристократы, то естественно предположить, что кощунство было делом их рук, хотя следствие ничего не выяснило (ср.: Л у р ь е С. Я. Очерки, II, с. 180).

К главе 28.
[1] Метэки — иностранцы в Афинах, не имевшие гражданских прав. [2] По Плутарху (Plut. Alc. 20, 6), имена доносчиков были Диоклид и Тевкр. [3] Мистерии — тайные священнодействия (в честь богинь Деметры и Персефоны). По-видимому, имеются в виду самые знаменитые Элевсинские мистерии.

К главе 29.
[1] Мантинейцы приняли участие в Сицилийском походе как наемники и добровольцы. Ср. 16, 6; 43.

К главе 30.
[1] 19 или 20 июля. [2] Иапигия на юго-западной оконечности Калабрии — отсюда переправлялись корабли из Греции в Сицилию.

К главе 31.
[1] Перикл предпринял этот поход летом 430 г. до н. э. (II 56). Гагнон и Клеономи сменили его позднее (II 58). [2] Ср. II 56; 58. [3] Или: «не оснащенные».

К главе 32.
[1] Собственно: «воины морской пехоты» (ἐπιβάται). [2] См. IV 58 сл.; VI 72, 2.

К главе 34.
[1] Ср. VI 15, 2. [2] Эти слова Гермократа оправдались (VI 44, 2).

К главе 35.
[1] Об Афинагоре из других источников ничего неизвестно.

К главе 38.
[1] Быть может, в олигархической «партии» Сиракуз было много представителей «золотой молодежи», вождем которой Афинагор считает Гермократа.

К главе 43.
[1] Диодор (XIII 2, 5) дает другие цифры: 140 кораблей и 7000 воинов всех родов оружия. [2] Т. е. граждан первых трех классов. [3] IV 74, 2.

К главе 44.
[1] См. VI 30, 1. [2] Ср. VI 34, 4; V 5, 2. [3] Числом три (VI 46, 1).

К главе 46.
[1] Во время войны 427—424 гг. до н. э. регийцы были дружественно расположены к афинянам (III 86, 5; ср. IV 25, 1). [2] Вероятно, об этом совете Фукидид узнал от Алкивиада (ведь Ламах был убит в 414 г., а Никий в 413 г. казнен).

К главе 48.
[1] Ср. III 90, 4; IV 1, 1.

К главе 50.
[1] Фукидид, по-видимому, считал план Ламаха наиболее правильным (Gomme A. W., IV, 315). [2] Совр. Фьюме ди С. Леонардо близ Леонтин.

К главе 53.
[1] Афинский государственный корабль (ср. III 33, 1).

К главе 54.
[1] Экскурс о Гармодии и Аристогитоне носит явные следы редакторской переработки (см.: Gomme A. W. IV, 323—328). [2] См. I 20, 2. [3] По Аристотелю (Arist. Ath. Pol. 16), сам Писистрат взимал подать в размере 10%. [4] Ср. II 15, 5. [5] Это были: Зевс—Гера, Посейдон—Деметра, Арес—Афродита, Аполлон—Артемида, Гермес—Гестия, Афина—Дионис. Алтарь 12 богов существовал в Афинах уже в 519 г. до н. э. (ср.: Gomme A. W., IV, 331). [6] Святилище Аполлона Пифийского в юго-восточной части города. [7] Надпись сохранилась (IG I², 761).

К главе 55.
[1] Что это за источники, Фукидид не сообщает. [2] Фессал, по Аристотелю (Ath. pol. 17, 4), прозвище сына Писистрата Гегесистрата (от аргосской жены Писистрата). [3] Кто такой был этот Каллий — неизвестно.

К главе 56.
[1] Выступать на праздничной панафинейской процессии, неся корзину со священной утварью (как «канефора»), считалось весьма почетным. [2] Праздник Великих Панафиней справлялся 28 гекатомбеона (июнь—июль) 3-го года каждой олимпиады. Событие относится к 514 г. до н. э.

К главе 57.
[1] Керамик (один из афинских демов) находился в северо-западной части города и был разделен на две части стеной. [2] Так называемые Дипилонские ворота. [3] Храм в афинском Керамике в честь дочерей царя-героя Леб, принесшего в жертву богам для спасения города своих трех дочерей.

К главе 59.
[1] Гиппокл Лампсакский — один из греческих тиранов, поддерживаемых персами. Он принимал участие в скифском походе Дария и воспротивился предложению Мильтиада разрушить мост через Дунай (см.: Herod. IV 138, 1). [2] Аристотель (Rhet. 1367b, 19) приписывает эту эпиграмму Симониду Кеосскому. [3] См. I 126. [4] Сигей — город в Троаде у входа в Геллеспонт, захваченный Писистратом (ср. Herod. V 94 сл.). [5] Гиппий был изгнан в 511/10 г. до н. э. (Arist. Ath. Pol. 19, 6), а марафонская битва произошла осенью 490 г.

К главе 60.
[1] Это был оратор Андокид, описавший эти события в своей речи «О мистериях» (I 48 сл.). Товарищем по заключению был его двоюродный брат Хармид или Тимей (Plut. Alc. 21). [2] Т. е. в то время, когда Фукидид писал этот пассаж. Быть может, Фукидид по возвращении из изгнания имел возможность говорить с Андокидом и другими лицами, замешанными в этом деле.

К главе 61.
[1] Храм героя Фесея находился к юго-востоку от афинской агоры (рынка). [2] См. V 84, 1. [3] Ср. VI 29, 3. [4] У Фукидида Θούριοι — название города, а Θουρία — название области. [5] Ср. VI 88, 9.

К главе 62.
[1] После отозвания и бегства Алкивиада Никий и Ламах сначала, по-видимому, приняли план действий Никия, но потом все-таки решили напасть на Селинунт и Сиракузы. [2] Ср. VI 5, 1. [3] Гиккары были расположены километрах в 25 к западу от Панорма (совр. Carini). [4] Город у подножья Этны, приблизительно в 14 км к северо-западу от Катаны.

К главе 63.
[1] Одно из замечаний Фукидида о поведении и психологии народной массы.

К главе 64.
[1] На возвышенности к югу от долины р. Анапа.

К главе 65.
[1] Симефа (совр. Giarretta) на восточном берегу Сицилии.

К главе 66.
[1] Даскон — возвышенность на правом берегу Анапа. [2] Эта дорога шла вдоль берега на юг к городу Элору.

К главе 67.
[1] Ср. IV 94, 1.

К главе 69.
[1] Они метали камни рукой. [2] Ср. VII 57, 3.

К главе 75.
[1] Святилище Аполлона Теменита находилось в предместье Сиракуз того же имени. [2] Эпиполы — возвышенность над Сиракузами. [3] См. VI 52, 1. [4] III 86, 2. [5] Об Евфеме ничего неизвестно.

К главе 76.
[1] В подлиннике риторическая фигура паронομасия — игра близкими по звучанию словами. [2] I 75, 2. [3] I 94. [4] I 115, 2.

К главе 78.
[1] Ср. III 39, 3.

К главе 82.
[1] Аргументы афинян сводятся к следующему: Афинская держава основана исключительно для защиты от исконного врага — пелопоннесцев. Афиняне имели право подчинить себе ионийцев, так как те напали на них вместе с Ксерксом. Афиняне прибыли под Сиракузы, потому что этот город угрожал их безопасности. [2] Ср. 75, 3.

К главе 85.
[1] Ср. VI 76, 2. [2] Ср. VII 57, 4; ср. также I 96, 1.

К главе 86.
[1] В 427 г. до н. э. (см. III 86, 2 сл.).

К главе 87.
[1] Ср. II 40—41. [2] III 86, 3. [3] 51, 2.

К главе 88.
[1] Ср. VI 67, 2. [2] Ср. VI 15, 2. [3] Ср. VII 57, 11. [4] Ср. VI 7, 3. [5] Ср. VI 16, 6 и V 29—81.

К главе 89.
[1] Отказ деда Алкивиада от лакедемонской проксении во времена Клисфена и Клеомена, вероятно, был связан с оппозицией Алкмеонидов лаконофильской политике Кимона. Какие услуги оказывал Алкивиад спартанцам после неудачи под Пилосом, неизвестно. [2] Ср. V 43, 2. [3] 53 сл. [4] I 126; VI 59, 4. [5] Ср. VI 28, 2.

К главе 90.
[1] Ср. VI 15, 2. [2] Ср. III 85, 3. [3] Ср. VI 18, 4.

К главе 91.
[1] Ср. высказывание Ламаха (VI 49, 4). [2] Ср. VII 1, 3. [3] Ср. VI 93, 2. Декелея — важный стратегический пункт в 30 км от Афин. План Алкивиада был приведен в исполнение весной 413 г. (VII 19). [4] Ежегодный доход от этих рудников равнялся 1000 талантов (ср. Ксенофонт. О доходах, 4). [5] Афиняне лишились бы судебных пошлин и штрафных денег, так как в случае возникновения войны в самой Аттике нормальная деятельность судов была бы нарушена.

К главе 93.
[1] Целый год прошел после совета Алкивиада до его проведения в жизнь. Поэтому думают, что Фукидид приписал Алкивиаду в этой речи совет, данный в действительности позднее (G o m m e A. W., IV, 367). [2] Асина лежала в юго-западной части Мессенского залива.

К главе 94.
[1] VI 4, 2. [2] Ср. VI 75, 1. [3] Ср. VI 50, 3. [4] Совр. Ченторби к югу от Этны, в 40 км от Катаны. [5] См. III 103, 1. [6] VI 62, 5.

К главе 95.
[1] Клеоны были в союзе с Аргосом в битве при Мантинее. Они находились в 25 км от Аргоса по дороге в Коринф. [2] Фирейская область находилась на границе Арголиды и Лаконии. [3] Фесняи лишь по принуждению вступили в беотийский союз, находившийся под господством олигархии. Ср. IV 133, 1.

К главе 96.
[1] Ср. VI 75, 1. [2] От греческого слова ἐπιπολή «поверхность» и ἐπιπολῆς «на поверхности, наверху». [3] Анап — река у Сиракуз. [4] См. II 55, 1.

К главе 97.
[1] К югу от Фапса. [2] См. VI 4, 1. [3] Евриел — недалеко от западной оконечности Эпипол. [4] Ср. VI 96, 3. [5] Лабдал — плоскогорье у северо-западного края Эпипол.

К главе 98.
[1] Сика — место около Сиракуз, по середине склона Эпипол. [2] Отряд — фила гоплитов, насчитывала 150 человек.

К главе 99.
[1] Трогил — небольшая гавань у северной стороны Эпипол. [2] Большая гавань образована береговым изгибом между Ортигией на севере и Племмирием на юге. [3] Внешнее море у Трогила. [4] Аполлона Теменита.

К главе 100.
[1] Однако на о. Ортигия оставался еще знаменитый источник Аретуса. [2] Малые ворота вели от Теменита к Эпиполам. [3] Ср. VI 75, 1.

К главе 101.
[1] Ср. VI 100, 1. [2] По Плутарху (Plut. Nic. 18, 3), Ламах погиб в единоборстве с сиракузским всадником [по Схолиасту (Aristoph. Thesm. 841), в июле—августе 414 г.].

К главе 102.
[1] Первое упоминание о болезни Никия. Никий страдал болезнью почек. Ср. VII 15. [2] Ср. 101, 3.

К главе 103.
[1] Ср. VI 88, 4. [2] Гераклид — вероятно, сын Аристогена; Евкл, быть может, сын Гиппона [оба они командовали сиракузским отрядом в 409 г. (ср.: G o m m e A. W. IV, 376)]. Теллий — лицо неизвестное.

К главе 104.
[1] Ср. VI 93, 3. [2] Отец Гилиппа Клеандрид, изгнанный из Спарты, в 444/43 г. переселился в Фурию и получил там права гражданства. [3] Рукописное чтение: «в Теринском заливе» (κατὰ τὸν Τεριναῖον κόλπον) трудно оправдать, так как Теринский залив лежит на западе Бруттия (часть Тирренского моря).

К главе 105.
[1] Ср. VI 95, 1. [2] Именно в Эпидаврийской области (ср. V 55, 4). [3] Пифодор, вероятно, сын Эпизела. [4] Лесподий — один из послов от «четырехсот» в Спарту (ср. VIII 86, 9). [5] Демарат — лицо неизвестное. [6] Ср. IV 56, 2. [7] Ср. II 56, 6. [8] Флиунт был враждебен Аргосу (ср. VI 95, 1).

КНИГА СЕДЬМАЯ

К главе 1.
[1] Локры, как и Тарант, были враждебны афинянам (ср. VI 44, 2). [2] Гимера не приняла афинян (ср. VI 62, 2). [3] Архонид (ум. в 415 г.) — царь города сикулов Гербита (в 70 км к юго-востоку от Гимеры); союзник могущественного вождя сикулов Дукетия (см. Diod. XI 76 сл.; XII 8, 29). [4] По Диодору (XIII 7), у Гиппия было 3000 пехотинцев и 200 всадников.

К главе 2.
[1] Ср. VI 104, 1. [2] Гонгил пал в первой же стычке с афинянами (Plut. Nic. 19, 7). [3] Иеты — на северо-западе острова к востоку от Эгесты. [4] Ср. VI 97, 2. [5] VI 99, 1.

К главе 3.
[1] Ср. VI 75, 1. [2] Ср. VI 97, 5. [3] Афиняне находились на южном склоне Эпиполь, Лабдал же был расположен на северной стороне.

К главе 4.
[1] Там, где афинские укрепления были незакончены. [2] Племмирий — мыс к югу от Сиракуз. [3] См. VI 104, 1.

К главе 6.
[1] На следующий день (ср. VI 11, 2). [2] Взять Сиракузы можно было лишь закончив кольцевую стену вокруг города.

К главе 7.
[1] Ср. VI 104, 1.

К главе 9.
[1] Евтион — лицо неизвестное. [2] В 415 г. (VI 7, 3 сл.) афиняне опустошали владения царя; о примирении же с ним ничего не говорится. [3] Ср. VI 7, 4. [4] Местоположение Гимерея неизвестно.

К главе 10.
[1] Государственный секретарь должен был громко читать в совете и народном собрании поступающие документы.

К главе 11.
[1] Ср. VII 8, 2. [2] Ср. VI 101, 1. [3] Ср. VII 4, 1. [4] Ср. VI 99, 3; VII 7, 1.

К главе 12.
[1] Даже позднее Никий имел сношения с изменниками в Сиракузах (VII 48, 2).

К главе 13.
[1] Ср. VI 31, 5. [2] Ср. VI 62, 4.

К главе 15.
[1] Намек на то, что кораблям Гиппия удалось проникнуть в Сицилию.

К главе 16.
[1] Ср. VI 17, 1. [2] Евтидем — один из принесших клятву при заключении мира 421 г. Менандр был военачальником в 404/5 г. [3] V 80, 3. [4] Евримедонт был уже послан с эскадрой в Сицилию в 424 г. (VI 65, 2).

К главе 18.
[1] Ср. VI 93, 2. [2] Ср. VI 92, 2. [3] I 115, 1. [4] I 78, 4; 140, 2; 145. [5] Ср. VI 105.

К главе 19.
[1] По Диодору (XIII 9, 2), Алкивиад сопровождал Агиса в походе. [2] Декелея находилась в 18 км от Афин и в 9—10 км от беотийской границы; она лежала на возвышенности по дороге в Беотию. [3] Неодамоды — отпущенные на свободу и принятые в число граждан илоты (ср. V 34, 1). [4] Враждебные фиванцам группы в Феспиях были подавлены весной 414 г., и там укрепилась олигархия (ср. VI 95, 2). [5] Ср. VII 58, 3. Спартанцы установили в Сикионе в 418/17 г. угодную им олигархию.

К главе 20.
[1] Харикл был впоследствии влиятельным членом «Тридцати тиранов» (Xen. Mem. 1, 2, 31). [2] Ср. VII 42, 1.

К главе 21.
[1] Ср. VII 7, 2.

К главе 22.
[1] Малая гавань лежала к северу от о. Ортигии.

К главе 25.
[1] Ср. VII 70, 1. [2] Политика италийского города Кавлонии в это время неизвестна. [3] Ср. VII 19, 3 сл. [4] Ср. VII 3, 5.

К главе 26.
[1] Ср. VII 20, 1. [2] Ср. VII 20, 1. [3] Ср. IV 56, 2. [4] Ср. VI 105, 2.

К главе 27.
[1] Ср. II 96, 2. [2] Самое длительное вторжение продолжалось 40 дней (II 57, 2), а самое короткое (IV 6, 2) — 15 дней.

К главе 28.
[1] В 431 г. афиняне переправили скот на Евбею (II 14, 1). Непонятно, почему морская перевозка продовольствия обходилась дороже доставки его по суше. [2] II 19. [3] I 96, 2. [4] Т. е. пошлиной на импорт и экспорт.

К главе 29.
[1] Дитреф, сторонник олигархии, был назначен командиром во Фракию в 411 г. (ср. VIII 64, 2). [2] Сам город лежал километрах в 30 от моря. [3] Еврип — пролив, отделяющий остров Евбею от материка.

К главе 30.
[1] Текст неясен. Перевод дан по толкованию К. Дж. Довера. [2] Ср. IV 91; V 38, 2.

К главе 31.
[1] Ср. VII 26, 2. [2] Фия — мыс и город в Элиде (ср. II 25, 3). [3] Ср. VII 19, 4. [4] Эти два острова у западного берега Пелопоннеса были в союзе с афинянами (II 7, 3; 30, 2). [5] Ализия (совр. Каядила) — город в западной части Акарнании. [6] Анакторий. см. I 55, 1. [7] Конон, сын Тимофея — знаменитый афинский адмирал. [8] Ср. VII 17, 4. [9] Керкира с 427 г. (III 75, 1 сл.) была в союзе с афинянами. [10] VII 16, 2.

К главе 32.
[1] Ср. VII 25, 9. [2] Ср. VI 94, 3. [3] Аликиеи жили в северо-западной части Сицилии.

К главе 33.
[1] Ср. VII 31, 2. [2] Ср. VI 30, 1. [3] Херадские острова — в Тарантском заливе. [4] Иапиги — иллирийское племя. [5] Мессапии — населяли южную Апулию (отождествление иапигов с мессапиями сомнительно; см. С. А. Жебелев. Примечания к переводу Фукидида. стр 309). [6] Италия — здесь в узком смысле — «Бруттий и Лукания». [7] Происхождение этого союза неизвестно. [8] Фурийцы не приняли Гилиппа (VI 104, 2).

К главе 34.
[1] Ср. VII 17, 4; 19, 5; 31, 4. [2] Эрineй — местечко в Коринфском заливе, гавань города Рип, в 60 стадиях к востоку от Эгия. [3] В 395 г. Полианф был одним из тех, кто получил крупную взятку от персов (Хен. Hell. III 5). [4] Ср. VII 31, 4 и I 70, 7.

К главе 35.
[1] Город Кротон (ахейская колония) находился в Италии на берегу Ионийского моря. [2] Река Сибарис впадает у Фурай в Тарантский залив. [3] Местоположение этой реки неизвестно. [4] Петра — мыс к востоку от Регия.

К главе 36.
[1] Зато сиракузские корабли теряли быстроходность, но это сиракузянам было не важно, так как битва происходила в узком пространстве. [2] Ср. II 85, 5.

К главе 37.
[1] Олимпией — святилище Зевса Олимпийского в Сиракузах (руины его сохранились); ср. VI 6, 64. [2] Потери сиракузян в первом сражении были восполнены.

К главе 38.
[1] Эффект от этого мероприятия Никия см. ниже, VII 41, 2.

К главе 39.
[1] Плутарх (Plut. Nic. 25) приписывает Пиррихию введение новой тактики сиракузян, описанной в гл. 36. Он погиб в последней битве в гавани.

К главе 40.
[1] По Ксенофонту (Xen Hell. II 1, 22), Лисандр одержал победу под Эгоспотамой благодаря такой же военной хитрости [2] Согласно Плутарху (Plut. Nic. 20, 4 сл.), Никий не хотел вступать в сражение, но уступил настояниям Менандра и Евтидема. [3] Ср. VII 34, 5.

К главе 41.
[1] Дельфины — свинцовые грузы (гири) в форме дельфина, прикрепленные к мачтам или балкам. При падении на палубу неприятельского корабля они пробивали ее.

К главе 42.
[1] Ср. VII 31, 2; 33, 4 сл. [2] Фукидид, таким образом, осуждает Никия за потерю времени на зимовке в Катане и за допущение Гилиппа в Сиракузы. [3] Ср. VII 37, 3.

К главе 43.
[1] Ср. VI 97, 2. [2] Ср. VII 19. 3; 25, 3.

К главе 44.
[1] Ср. V 26, 5. [2] Здесь пеан в смысле приказа криком к нападению. Ср. I 50, 5.

К главе 45.
[1] VII 43, 3. [2] VII 43, 4. [3] Плутарх (Plut. Nic. 21, 11) дает цифру в 2000 человек, Диодор (XIII 11, 5) — 2500.

К главе 46.
[1] Ср. VII 41, 4. [2] Сикан — военачальник, выбранный в 415 г. (VI 73, 1 и 103, 4).

К главе 47.
[1] Пораженне на Эпиполах произошло, вероятно, в начале августа. [2] Т. е. в Аттике.

К главе 48.
[1] Ср. участь военачальников, вернувшихся из Сицилии в 424 г. (IV 65, 3). [2] Ср. VII 14, 4.

К главе 50.
[1] Ср. VII 46. [2] Ср. VII 19, 3. [3] Кирена — область и город на африканском побережье Средиземного моря (колония Феры). Евесперитяне — жители города Евесперит (совр. Бенгази). [5] Неаполь — карфагенский торговый порт (совр. Набедль). [6] Ср. VII 48, 1. [7] 27 августа 414 г. [8] Выражение оракулов и прорицателей.

К главе 52.
[1] Сравнительно небольшое число боевых афинских кораблей, участвовавших в битве, объясняется их повреждением в предшествовавшей битве, а также и тем, что в новоприбывшей эскадре Демосфена было много транспортных судов (ср.: Gomme A. W., IV, 429). [2] По Диодору (XIII 13, 2), Евримедонт стоял на левом фланге, а Менандр занимал центр; у сиракузян на правом был Агафарх, на левом — Сикан и в центре Пифен. [3] Именно в северном конце гавани.

К главе 53.
[1] Ср. VII 57, 11. [2] Лисимелийское болото, по-видимому, озеро, около которого афиняне высадились «против святилища Зевса Олимпийского» в 415 г. (ср.: Gomme A. W., IV, 484); ср. VI 101.

К главе 55.
[1] Фукидид возвращается к этой теме в кн. VIII 96, 5.

К главе 57.
[1] Лемнос и Имброс стали афинскими клерухиями (колониями) в V в.; Эгина — в 431 г., Гестиея — с 446 г. [2] Стира — город на юго-западе Евбеи. [3] См. I 98, 3. [4] Кеос — остров в Эгейском море. [5] См. II 55, 1. [6] Тенос — остров в Эгейском море между Андросом и Миконосом. [7] См. I 115, 2. [8] Дриопы — народность, жившая до переселения в Мессению в области между Парнасом и горой Этой. [9] На о. Лесбосе. [10] См. III 2, 3. [11] Эолийская колония на Фракийском побережье в устье р. Гебра. [12] См. IV 53, 1. [13] Ср. VI 4, 3. [14] См. VI 85, 2; 31, 2. [15] Ср. I 38. [16] Ср. VI 43. [17] Ср. VI 22; VII 19, 4. [18] Вероятно, Демосфен навербовал этолийцев на Керкире; ср. VII 31, 2, 5; 33, 3. [19] Ср. VI 4, 3. [20] В результате успешной кампании Демосфена в Акарнании в 426/25 г. (ср. III 94, 8; 100, 2; 105, 14). [21] Ср. VII 33, 5. [22] Этестяне доставили конницу (см. VI 98, 1). [23] Ср. VI 88, 4. [24] Ср. VI 88, 6. [25] Ср. VII 33, 4.

К главе 58.
[1] См. VI 67, 2; 75, 3; VII 33, 1. [2] См. VI 67, 2; VII 1, 5; 33, 1. [3] Ср. VI 65, 1; 67, 2. [4] Ср. 32, 1; 33, 2; 46 и 50, 1. [5] См. VII (Гимера была разрушена в 409 г.). [6] См. V 34, 1. [7] Ср. VI 104, 1; VII 7, 1. [8] В 417 г. спартанцы установили в Сикионе олигархию (V 81, 2).

К главе 59.
[1] Сиракузяне заперли Большую гавань в течение трех дней (Diod. XIII 14, 2; ср. VII 69, 4).

К главе 60.
[1] Ср. VII 48, 1. Обычно ежегодно выбирались 10 таксиархов, по одному на каждую филу (но не все они были посланы в Сицилию); ср. также IV 4, 1. [2] VI 43. [3] VII 52—53.

К главе 62.
[1] Ср. VII 34, 5; 36, 2 сл.

К главе 63.
[1] Гребцы набирались обычно из числа метэков, фетов (низшего класса) и союзников (а также и из рабов); ср. I 143, 1; III 16, 1; VI 43. [2] Т. е. без ограничения политической свободы.

К главе 64.
[1] Ср. VI 39, 1.

К главе 65.
[1] Ср. I 72, 2: «афинские послы выступили и сказали следующее». В обоих случаях: либо речь произнесена лицом, которого Фукидид не может назвать, либо она составлена из нескольких речей разных лиц. Такая манера Фукидида воспроизводить речи внушает сомнение в их исторической верности. Данная речь передает точку зрения сиракузян, а не Гилиппа (например, 68, 2) (ср.: Gomme A. W., IV, 444).

К главе 66.
[1] Ср. VI 90, 3.

К главе 67.
[1] А не стоя на борту корабля.

К главе 69.
[1] Ср. VII 16, 1. [2] VII 59, 3.

К главе 70.
[1] Ср. VI 104, 1; VII 25, 1; 52, 2. [2] Т. е. протаранивание неприятельских кораблей носовой частью. [3] Келевсты — начальники команды гребцов.

К главе 71.
[1] Перевод дан по восстановлению Арнольда. [2] Ср. IV 14, 5.

К главе 72.
[1] Ср. VII 14, 2 и 73, 2.

К главе 73.
[1] Ср. VII 48, 2.

К главе 74.
[1] VII 60, 2; ср. 72, 3.

К главе 75.
[1] Считая и день самой битвы. [2] Эта цифра повторяется и у Исократа (VIII 86). Сюда включены также носильщики багажа и обозные.

К главе 77.
[1] Ср. VII 86, 5. [2] Перевод дан с учетом конъектуры Шутца.

К главе 78.
[1] В том месте, где эта река (совр. Флоридия) течет с северо-запада на юго-восток. [2] Акрейский утес — возвышенность к западу от Сиракуз.

К главе 79.
[1] Ср. VI 70, 1.

К главе 80.
[1] Сначала афиняне думали идти на север в Катану. Они переправились через Анап, оставив Эпиполы справа. Затем, не будучи в состоянии пробиться, они повернули на юго-запад. [2] Элорская дорога шла от Сиракуз до устья реки Элор (совр. Телларо). [3] Какипарис (совр. Кассибиле) — на юго-востоке Сицилии. [4] Ср. VI 77, 6. [5] Эринней — (теперь высохшая) р. Каваллата.

К главе 82.
[1] Ср. VII 20, 2.

К главе 84.
[1] Река Ассинар протекала к югу от р. Какипариса.

К главе 85.
[1] Ср. VII 81. [2] Именно около 1000 человек; общее же число пленных составляло 7000 (ср. 87, 4); из них 6000 человек принадлежало к отряду Демосфена (VII 82, 3). [3] По соглашению с отрядом Демосфена государство обещало сохранить им жизнь. Отряду же Никия не было дано гарантии сохранить жизнь, и люди Никия попали в рабство к частным лицам.

К главе 86.
[1] Большие каменоломни находились к востоку от театра в Сиракузах; бежать оттуда было, по свидетельству Цицерона, совершенно невозможно (ср.: Cic. Verr. II, V, 68). [2] По Плутарху (Plut. Nic. 28), Никий и Демосфен были казнены по предложению некоего Еврикла (точнее Диокла). [3] Ср. V 16, 1; 43, 2; VI 89, 2. [4] Ср. VII 48, 2. [5] Некоторые ученые видят в этой оценке Никия иронию Фукидида. Действительно, Фукидид постоянно подчеркивает суеверие Никия, его нерешительность, медлительность и вообще не находит оправдания его действиям под Сиракузами (ср. VII 42, 3) (ср.: Gomme A. W., IV; 462 сл.). Катастрофы можно было бы избежать, последуй Никий совету Демосфена своевременно отступить из Сицилии.

К главе 87.
[1] 1 котила=0,27 л. [2] См. выше, прим. 2 к гл. 85.

КНИГА ВОСЬМАЯ

К главе 1.
[1] VII 85, 4. [2] Совет так называемых «пробулов» — комиссия из 10 лиц, которая обсуждала текущие дела и рассматривала вносимые предложения до представления их в совет и народное собрание.

К главе 3.
[1] Вероятно, имеются в виду небольшие города по пути к Малийскому заливу (III 96, 2). [2] Этейцы — жители Эты в Фессалии (см. III 82 сл.). [3] Фтия — область на юго-востоке Фессалии. [4] Эниане, долопы и др.

К главе 4.
[1] Суний — мыс на юго-востоке Аттики. [2] См. VII 26.

К главе 5.
[1] Об этих лицах ничего неизвестно. [2] См. V 34, 1. [3] Гармост — спартанский наместник в городах, подвластных Спарте. [4] С 418 г. спартанцы отправляли в поход вместе с царем особых советников, существенно ограничивавших его власть. Агис, по-видимому, не считался с советниками. [5] См. III 29, 2. [6] Тиссаферн — сатрап Сард (в его сатрапию входили: Лидия, Кария, Ликия, Памфилия и Мисия). Его помощниками были Стаг и Тамос. [7] Царь — Дарий II Ох, захватил персидский престол в 424 г. [8] Дань была установлена персами в 493 г. после подавления ионийского восстания. [9] Аморг — сын бывшего сатрапа Лидии Писсуфна (I 115, 4; III 31, 1).

К главе 6.
[1] Каллигит и Тимагор примкнули к Фарнабазу, по-видимому, из своекорыстных побуждений. [2] Кизикенец — житель г. Кизика. [3] См. II 67, 1. [4] Т. е. Даскилитидской сатрапии, в которую входили эллинские города на Геллеспонте и в Пропонтиде. [5] Возможно, что рукописный текст здесь не в порядке (Классен считал эти слова (в скобках) позднейшей вставкой). [6] Периэк — свободный житель Спарты, обладавший гражданскими, но не политическими правами. О Фринисе больше ничего неизвестно. [7] О нем больше ничего неизвестно. [8] Ср. V 45, 4. [9] Халкидей был послан голько в звании «начальника» (ἄρχων ῥᾴ), а не наварха. Эти перемены лакедемоняне произвели из суеверия после землетрясения.

К главе 7.
[1] Ср. III 15, 1; 81, 1.

К главе 8.
[1] VIII 6, 5. [2] VIII 5, 3. [3] Впоследствии Клеарх был начальником наемников Кира младшего в походе 10 000 эллинов в Персию.

К главе 9.
[1] Истмийские игры — общеэллинский праздник — справлялись каждые два года на Истме. [2] См. V 1, 1.

К главе 10.
[1] См. IV 42, 4. [2] Спирей — гавань в Саронических заливе.

К главе 11.
[1] Одного из группы островков у побережья. [2] Это лицо больше нигде не встречается. [3] Ионийской войной Фукидид называет военные действия после сицилийской катастрофы.

К главе 12.
[1] Плутарх (Plut. Alc. 23) сообщает, будто Алкивиад совратил жену Агиса Тимею.

К главе 13.
[1] VI 104, 1; VII 7, 1.

К главе 14.
[1] Корик — город в Киликии на южном побережье Малой Азии. [2] Клазомены — город на малоазийском побережье между Смирной и Эритрами. [3] Полихна — место в Клазоменской области. Местоположение его неизвестно. [4] Т. е. Хиос, Эритры и Клазомены.

К главе 15.
[1] См. II 24, 1. [2] См. V 19, 2; 24, 1. [3] См. VIII 10, 3.

К главе 16.
[1] Теос — город в Малой Азии на берегу Каистрского залива. [2] Ср. VIII 20, 2.

К главе 17.
[1] Кораблей было пять (VIII 12, 3). [2] Вероятно, в Милете в это время одержала верх олигархическая партия. [3] Лада — островок к западу от Милета, где в 494 г. произошло морское сражение ионян с персами. [4] Ср. VIII 37; 58.

К главе 18.
[1] Вероятно, получать военные корабли в войско.

К главе 19.
[1] См. III 32, 2; IV 75, 1. [2] См. VIII 5, 3. [3] Святилище Зевса — селение к северу от Эфеса. [4] Диомедонт — афинский начальник эскадры в Ионии [5] Фукидид не упоминает об отпадении Эфеса. [6] 16, 1. [7] Лебедос — город в Малой Азии к востоку от Колофона. [8] Эры — город в Ионии на пути в Эритры.

К главе 20.
[1] VIII 10, 3; 11, 1. [2] См. IV 42, 4. [3] Спартанские навархи (адмиралы) избирались, смотря по надобности; обычно они вступали в должность осенью.

К главе 21.
[1] В 479 г. Самос вступил в афинский союз. В 440 г. Перикл ввел там демократический строй. Неизвестно, когда демократия сменилась там олигархией.

К главе 22.
[1] Ср. VIII 19. [2] VIII 8, 2. [3] VIII 16, 1; 19, 4. [4] См. III 31, 1. [5] Мефимна и Митилена — самые большие города на Лесбосе. Мефимна во время восстания на Лесбосе оставалась верной афинянам (см. III 2, 1; 18, 1; 50, 2).

К главе 23.
[1] VIII 20, 1. [2] Пирра — город на западе Лесбоса в 80 стадиях от Митилены (см. III 18, 1; 25, 1). [3] Эрес — город к северо-западу от Пирры. См. III 2, 1. [4] VIII 22, 2. [5] См. III 2, 1. [6] Дафнунт — город в Малой Азии. Местоположение неизвестно.

К главе 24.
[1] Панорм — гавань в Милетской области. [2] Энусские острова у северо-восточной оконечности Хиоса. [3] Сидусса и Птелей — укрепления в Эритрейской области. [4] Морскими пехотинцами ἐπιβάται служили гоплиты из граждан первых трех классов лишь в исключительных случаях (ср. III 95; VI 43) [5] Кардамилы, Болиск, Фаны и Левконий — местности на Лесбосе. [6] Ср. I 18, 1.

К главе 25.
[1] О Фринихе и его участии в олигархическом перевороте «Четырехсот» см. VIII 25; 27; 68, 3; 90, 1. [2] VIII 17, 1.

К главе 26.
[1] По Диодору (XIII 54) — 35 кораблей. [2] VIII 6, 4—5. [3] Иасский залив находился между Милетским и Галикарнасским полуостровами. [4] Тихиусса — место на северном берегу Иасского залива. [5] Алкивиад после смерти Халкидея командовал в Милете пелопоннесскими отрядами.

К главе 27.
[1] Лерос — один из Спорадских островов (юго-восточнее Патмоса). [2] Вышеупомянутые (VIII 25) Ономакл и Скиронид. [3] Ср. VIII 48; 50—51; 54; 68; 90; 92. [4] См. VIII 25, 3.

К главе 28.
[1] VIII 17, 1. [2] Иас — город на берегу Иасского залива (принадлежал к афинскому союзу). [3] Ср. VIII 5, 5. [4] Ср. III 34, 2. [5] Филипп — лакедемонянин (ср. VIII 87, 6; 99, 1).

К главе 29.
[1] В октябре 412 г. до н. э. [2] VIII 5, 4—5. [3] Т. е. по полдрахмы.

К главе 30.
[1] См. VIII 24, 2. [2] VIII 26, 1; 27, 6. [3] VIII 26, 1. [4] 27, 6.

К главе 31.
[1] Ср. VIII 24, 6. [2] VIII 27, 29. [3] VIII 24, 2. [4] VIII 23, 6. [5] См. VIII 5, прим. 4. [6] Иония входила в состав сатрапии Тиссаферна. [7] См. I 13, 6 (прим.). Фокея и Кима уже отпали от афинян. [8] Марафусса, Пеле и Дримусса — острова у Клазомен (ср. Plin. Nat. Hist. 5, 137).

К главе 32.
[1] Ср. VIII 23, 6. [2] VIII 28, 5. [3] VIII 28, 5. [4] На эти корабли Астиох мог претендовать как наварх.

К главе 33.
[1] Из города Гермионы на юго-западной оконечности Арголиды. [2] См. VIII 14, 1. [3] VIII 30, 2. [4] VIII 14, 2; 16, 1; 25, 3.

К главе 34.
[1] Аргин — мыс в Эритрейской области. [2] Мимант — гора на полуострове к югу от Эритр.

К главе 35.
[1] Книд — город в Карии. [2] После демократического переворота в Фуриях (VII 33, 5) там снова, очевидно, победила олигархическая «партия», которая и заключила союз со Спартой. [3] Феримен и, быть может, Алкивиад. [4] Совр. мыс Крио.

К главе 36.
[1] См. VIII 33, 1. [2] VIII 29, 2. [3] VIII 28, 3. [4] VIII 18.

К главе 37.
[1] Артаксеркс и Кир. [2] Т. е. Персии, Мидии, Вавилонии и др. [3] Подвластная земля — эллинские города в Ионии и Малой Азии.

К главе 38.
[1] Ср. VIII 34. [2] Укрепленная гавань, еще и теперь называемая Порто Дельфино. [3] Подробности этого дела неизвестны. Вероятно, Педарит продолжал расследование над подозреваемыми сторонниками Афин (ср. VIII 31, 1; 24, 6), одним из которых и был Тидей.

К главе 39.
[1] См. II 85, 1. [2] V 22, 2; 76, 3. [3] См. VIII 8, 2. [4] См. IV 53, 2. [5] См. II 9, 4. [6] См. I 116, 4. Кавн — город в южной Карии. Ср. VIII 41.

К главе 40.
[1] См. VIII 33, 1.

К главе 41.
[1] Прежнее название о. Коса (одного из Спорадских островов) было Меропида. [2] VIII 33, 1. [3] VIII 39, 3. [4] Сима — остров между Родосом и Книдом. [5] Халка — остров к западу от Родоса.

К главе 42.
[1] Тевтлусса лежала между Симой и Галикарнассом. [2] Галикарнасс — город Карии в юго-западной части Малой Азии.

К главе 43.
[1] Лоримы — город на полуострове к югу от Карии. Ср. VIII 28, 1. [2] Эскадра в составе 116 кораблей (см. VIII 12, 3; 23, 1; 23, 5; 26, 1; 33, 1; 39, 1; 26, 1; 35, 1). [3] VIII 39, 2. [4] VIII 37.

К главе 44.
[1] Камир — город на западном берегу о. Родоса. [2] Линд — город на восточном берегу Родоса. [3] Иелис — город на западном берегу.

К главе 45.
[1] VIII 24; 25. [2] См. VIII 12 и прим. [3] Часть жалованья афинских гребцов удерживалась триерархами в виде залога против возможного дезертирства. [4] Хиосцы — единственные из всех восставших против афинян государств сохраняли автономию и не платили дани.

К главе 47.
[1] Триерархи, как наиболее зажиточные граждане, сочувствовали олигархии.

К главе 48.
[1] Ср. VIII 25, 1; 27, 1. [2] В подлиннике καλοὶ κἀγαθοί — выражение встречается у Фукидида только в данном месте и означает «аристократы», «олигархи». [3] По отношению к союзникам.

К главе 50.
[1] VIII 47, 2. [2] См. I 138, 5. [3] См. VIII 45, 2.

К главе 52.
[1] См. VIII 43, 2—3. [2] VIII 44, 3; 45, 1. [3] VIII 45; 46.

К главе 53.
[1] См. VIII 49. [2] Следовательно, дело шло пока лишь об изменении демократии, а не об уничтожении ее. [3] Евмолпиды и керики — древние аристократические роды в Аттике, игравшие главную роль в Элевсинских мистериях.

К главе 54.
[1] См. VIII 25, 1. [2] См. VIII 23, 1; 24, 2. [3] См. 28, 2—4. [4] Так называемые «гетерии» — олигархические клубы, стремившиеся к низвержению демократии (ср. III 82, 8).

К главе 55
[1] VIII 44, 4. [2] Упомянут только здесь.

К главе 56.
[1] В Магнесию (см. VIII 50, 2; 54, 2). [2] См. VIII 46, 4.

К главе 57.
[1] См. I 116, 3. [2] Ср. VIII 46, 1. [3] Вероятно, комиссию из 11 человек во главе с Лихасом и Астиохом. [4] VIII 29, 2. [5] Ср. VIII 18; 37.

К главе 58.
[1] Дарий II вступил на престол в 424/23 г. Таким образом, третий договор был заключен в 411 г. до н. э. [2] Меандр — река в Малой Азии, впадающая в Эгейское море в Ионии. [3] Гиерамен — муж сестры царя Дария II, вероятно, сатрап одной из областей Передней Азии. [4] Главным образом имеется в виду сатрап Лидии (см. VIII 6, 1). [5] См. VIII 29, 2. [6] Ср. VIII 46, 1; 59.

К главе 59.
[1] VIII 46, 1.

К главе 60.
[1] Эретрийцы — жители Эретрии на о. Евбея. [2] VIII 44, 2. [3] VIII 35, 2. [4] VIII 41, 4.

К главе 61.
[1] 411 г. до н. э. [2] Из Милета (ср. VIII 62, 1). [3] Абидос — милетская колония в Троаде против Сеста. [4] VIII 40, 1; 55, 2; 56, 2. [5] См. VIII 39, 1. В подлиннике: «эпибатом» — высшего ранга офицером. [6] См III 19, 2.

К главе 62.
[1] См. I 138, 5; VI 59, 3. [2] VIII 30, 2. [3] См. I 89, 2.

К главе 63.
[1] Ср. VIII 56. [2] Т. е. виднейших представителей демократической партии на Самосе. [3] В пользу олигархии (ср. VIII 48, 2; 49, 1).

К главе 64.
[1] См. I 100, 2. [2] По договору с Афинами (I 101), фасосцы должны были срыть свои укрепления.

К главе 65.
[1] Ср. VIII 64, 1. [2] Ср.: Plut. Alc. 19. [3] За участие в народном собрании, в совете и суде присяжных.

К главе 66.
[1] Т. е. граждан, не участвовавших в заговоре.

К главе 67.
[1] Холм и дем (округ) в Аттике с храмом Посейдона, рощей Евменид и могилой Эдипа. [2] Путем предложения изменить его. Обвинение в противозаконном предложении γραφὴ παρανόμων было в Афинах главной опорой демократии, так как посредством его можно было остановить всякое антидемократическое предложение в народном собрании. [3] Собственно «председателей» (πρυτάνεις). [4] Здание совета (так называемый булевтерий) находилось к северо-западу от акрополя около святилища Аполлона. [5] «Четыреста» должны были заменить совет пятисот, а пять тысяч — народное собрание.

К главе 68.
[1] Антифонт, сын Софила, из дема Рамнунта, знаменитый афинский оратор (род. около 480 г. до н. э.); до нас дошло 15 его судебных речей. [2] Антифонт был так называемым логографом, т. е. сочинял по заказу клиентов защитительные и обвинительные речи. [3] От защитительной речи Антифонта «О государственном перевороте» (περὶ τῆς μεταστάσεως) сохранился небольшой папирусный отрывок. Одним из учеников Антифонта был Фукидид. [4] Ср. VIII 50; 51. [5] Ферамен, ученик софиста Продика и знаменитого оратора Исократа, играл видную роль в афинской политической жизни в последнее десятилетие V в. до н. э. После капитуля-

ции Афин в 404 г. до н. э. был членом правящей олигархической кучки (так называемых «Тридцати тиранов»). Зимой 404 г. (как глава умеренных) был приговорен к смертной казни. [5] Со времен падения тирании в 510 г. [7] После 479 г. (со времени основания афинского морского союза).

К главе 69.
[1] VIII 67, 3. [2] Посты находились на стенах или в других местах города. [3] Ср. VII 57, 2—3. [4] Классен исключает слово «эллинских» и считает «молодых воинов» членами олигархических гетерий (так называемая «золотая молодежь»). [5] Ср. VIII 66, 1. [6] Переворот произошел 16 июня 411 г. до н. э. Гражданский год начинался в Афинах в середине июля. За оставшийся месяц своей службы члены совета и получили свое жалованье (из расчета по 5 оболов в день).

К главе 70.
[1] Т. е. председателей (см. IV 111, 1). [2] Т. е. не объявили политической амнистии.

К главе 71.
[1] См. I 107, 1; II 13, 7.

К главе 72.
[1] Хотя по законам в Афинах право участия в народном собрании принадлежало каждому полноправному гражданину, но в действительности, конечно, далеко не все участвовали в заседаниях (для самых важных постановлений требовалось только 6000 голосов). «Четыреста» хотели указать, что установление олигархии не нанесло будто бы ущерба демократии. Они не указали, что в число 5000 граждан входили лишь наиболее состоятельные (ср. VIII 65, 3) и что основная масса менее имущих граждан не попадала в число этих 5000 человек.

К главе 73.
[1] Ср. VIII 24. [2] Знаменитый демагог, один из вождей радикально-демократической «партии» в Афинах (по профессии торговец лампами). Гипербол был изгнан остракизмом, вероятно, в 417 г. до н. э. По словам Плутарха (Plut. Alc. 13), остракизм Гипербола был устроен по соглашению вождей трех «партий» — Никия, Феака и Алкивиада, которые сами опасались быть изгнанными Гиперболом. [3] Что было обычным мотивом для изгнания остракизмом. [4] См. VIII 30, 1; 41—42. [5] Ср. VIII 19; 23; 24. [6] VI 31, 3. [7] Гребцы на обыкновенных триерах были большей частью из метэков и фетов. «Парал» и «Саламиния» — так называемые афинские «государственные» корабли. [8] Сторонников демократической «партии».

К главе 74.
[1] Ср. VIII 5, 1; 60, 2; 95, 7.

К главе 75.
[1] См. VIII 47, 2; 63, 3. [2] VIII 63, 3; 61, 2.

К главе 76.
[1] Ср. I 115—117.

К главе 77.
[1] VIII 72, 1. [2] Продолжение рассказа в гл. 81, 1. Ср. 86, 1.

К главе 78.
[1] Ср. VIII 28, 4. [2] VIII 63, 2. [3] Ср. VIII 38, 5; 62, 3. [4] VIII 46, 5; 59. [5] Именно, Гермократ.

К главе 79.
[1] См. I 82, 2. [2] Вероятно, гавань у Микалы. [3] См. VIII 62, 2; 63, 1.

К главе 80.
[1] Византий был колонией Мегар и поэтому мегарец Геликс считал особенно почетным для себя освободить город от афинского владычества. [2] Продолжение рассказа в гл. 102.

К главе 81.
[1] См. VIII 76, 2. [2] VIII 76. [3] VIII 54, 4. [4] Аспенд — город в Памфилии на р. Евримедонте.

К главе 83.
[1] VIII 79, 5. [2] VIII 78, 1. [3] Именно к Фарнабазу.

К главе 84.
[1] См. VIII 35, 1. [2] После заключения договора с пелопоннесцами (VIII 58, 2) Тиссаферн построил в Милете укрепление. [3] VIII 52.

К главе 85.
[1] Эллинским и персидским. [2] После восстановления демократии Гермократ был изгнан из Сиракуз как аристократ. [3] VIII 82, 3.

К главе 86.
[1] VIII 72. 1. [2] VIII 71, 1—2. [3] VIII 74, 3. [4] VIII 67, 3. [5] VIII 74, 2. [6] VIII 71.

К главе 87.
[1] Тамос — правитель Ионии, подчиненный Тиссаферну (VIII 31, 2). [2] VIII 81, 3; 84, 5. [3] VIII 46. [4] VIII 85. [5] На Самосе. [6] VIII 28, 5.

К главе 88.
[1] См. I 116, 3. [2] II 69, 5.

К главе 89.
[1] VIII 86, 7. [2] Аристократ был впоследствии казнен как один из стратегов в битве при Аргинусах (Xen. Hell. I, 5). [3] Букв. προστάτης τοῦ δήμου («вождь народа»).

К главе 90.
[1] См. VIII 48 сл. [2] Ср. VIII 92, 6; 98. [3] Эетионий — скалистая коса от северной части Пирея до устья Большой гавани (при входе в Пирей с моря). [4] См. VIII 68, 4; 89, 2. [5] Сторожевые башни стояли на обоих выступах входа в Пирей. У одной из башен оканчивалась древняя пирейская стена, от которой начиналось новое укрепление (оно тянулось вдоль дороги и составляло другую сторону треугольника; третью сторону образовывала поперечная стена, заграждавшая портик). [6] Портик, построенный еще Периклом, был складом привозимого в Аттику хлеба.

К главе 91.
[1] См. VI 34, 4. [2] Локры Эпизефирские (см. III 86, 2). [3] Лас — город в Лаконии на юг от Гифия. [4] О нем см. ниже, VIII 94, 1; 95, 3.

К главе 92.
[1] В предполуденное время. [2] Периполы — наемные солдаты пограничных частей в Аттике. [3] См. I 27, 2. [4] См. VIII 90, 1 и IV 4. [5] См. I 93, 3. [6] Ср. VIII 69, 4. [7] Фукидид, тезка историка — лицо неизвестное. О проксенах (гостеприимцах) см. II 29, 1; 85, 5; III 2, 3. Фарсал — город в Фессалии.

К главе 93.
[1] Руины театра Диониса находятся на южном склоне акрополя. [2] В подлиннике: ἐν τῷ Ἀνακείῳ «в храме владык», т. е. Диоскуров — Кастора и Полидевка. [3] Пирейских и городских.

К главе 94.
[1] Ср. VIII 91, 2. [2] С афинскими олигархами. [3] Чтобы помочь олигархам.

К главе 95.
[1] Форик и Прасии — демы на восточном берегу Аттики. [2] Оропом незадолго до этого изменой овладели беотийцы (см. II 23, 3; VIII 60, 1). [3] См. I 15, 3. [4] О нем больше ничего неизвестно. [5] Около 10 км. [6] Ср. I 114, 3. [7] См. I 15, 3. [8] См. I 114, 3.

К главе 96.
[1] Ср. I 70. [2] Ср. VII 55, 2.

К главе 97.
[1] Со времени установления олигархии народное собрание не созывалось. [2] Пникс — холм в Афинах к западу от акрополя. [3] Т. е. устанавливался имущественный ценз, к «Пяти тысячам» принадлежали только граждане первых трех классов. [4] Так называемых «номофетов».

К главе 98.
[1] См. VIII 89, 1. [2] Т. е. скифов, несших в Афинах полицейскую службу. [3] Ср. II 18, 1. [4] Т. е. без остальных союзников, которые вернулись домой. [5] Ср. VIII 71.

К главе 99.
[1] См. VIII 87, 6. [2] Ср. VIII 88. [3] Ср. VIII 35, 1. [4] Ср. III 29, 1.

К главе 100.
[1] VIII 76, 2. [2] Т. е. на малоазийском побережье. [3] Ср. VIII 22, 2; 23, 4. [4] Т. е. принадлежащими к олигархической «партии». [5] Или Анаксархом (лицо неизвестное). [6] Ср. III 2, 3. [7] Между Мефимной и Эресом.

К главе 101.
[1] «Сороковина» (или «сороковка») — хиосская монета, вероятно, в $^1/_2$ драхмы. [2] Картерия — остров южнее Фокеи. [3] Аргинусские острова у западного побережья Малой Азии около Лесбоса. [4] Лект — город на южной оконечности Троады. [5] Лариса и Гамаксит — севернее Лекта. [6] См. IV 52, 2. [7] См. VI 59, 4.

К главе 102.
[1] См. I 89, 2. [2] Элеунт — город на Херсонесе фракийском. [3] Святилище Протесилая (одного из героев Троянского цикла, ср. Hom. Iliad., II 701 сл.) находилось на Херсонесском мысу (ср.: Herod. IX 116).

К главе 103.
[1] VIII 99. [2] См. VIII 100, 2. [3] 102, 2.

К главе 104.
[1] Идак и Аррианы — местности на Херсонесском побережье. [2] Дардан — эолийская колония на берегу Малой Азии между Абидосом и Илионом. [3] Киноссема (Собачья могила) — оконечность фракийского Херсонеса (место погребения супруги Приама Гекабы, превращенной в собаку).

К главе 105.
[1] VIII 104. [2] Под начальством Гермократа (VIII 85, 2).

К главе 106.
[1] Река Мидий (или Пидий) нигде больше не упоминается. [2] Ср. VIII 95; 102.

К главе 107.
[1] См. VIII 6, 1. [2] Гарпагий — город на границе областей Кизика и Приапа. Приап — приморский город и гавань во Фригии. [3] См. VIII 80. [4] См. VIII 35, 1. [5] VIII 95, 6—7.

К главе 108.
[1] VIII 88. [2] VIII 87. [3] Антандр — город Мисии у подошвы Иды и Атрамиттского залива. [4] См. V 1; 32, 1. [5] Атрамиттий — город Мисии.

К главе 109.
[1] Ср. VIII 84, 4. [2] VIII 80; 99.

СЛОВАРЬ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ У ФУКИДИДА

Агон — состязание, борьба.
Акрополь — кремль.
Апелла — народное собрание в Спарте.
Архонт (начальник) — высшее должностное лицо в Афинах.
Архонт-эпоним — первый из архонтов, по имени которого назывался год его правления.
Беотархи — высшие должностные лица в Беотии.
Гармост — наместник в подвластных Спарте городах.
Гетерии — политические организации (клубы) в Афинах.
Гоплиты — тяжеловооруженные воины.
Дем — округ в Аттике.
Демократия — народовластие.
Евмолпиды — один из жреческих родов в Афинах.
Илоты — государственные крепостные в Спарте.
Исономия — равноправие, равенство.
Истм — перешеек.
Канефора — девушка, несущая на голове корзину со священной утварью для жертвоприношения на празднестве.
Келевсты — начальники гребцов на кораблях, отбивавшие такт гребцам.
Керики — один из двух жреческих родов в Афинах.
Ктисты — основатели колонии.
Литургии — общественные повинности, налагаемые на состоятельных граждан в Афинах.
Лох — подразделение спартанского войска.
Лохаг — офицер, начальник лоха.
Метэки — иностранцы, проживавшие в Афинах и платившие за это особый налог.
Мора — отряд спартанской пехоты численностью от 400 до 900 человек.
Наварх — командир эскадры, адмирал.
Неодамоды — в Спарте лица вновь принятые в число граждан.
Номофеты — выборная комиссия в Афинах по пересмотру законов.
Олигархи — сторонники олигархии (правления немногих).
Олимпиада — олимпийские состязания (игры) в честь Зевса Олимпийского в городе Олимпии. Слово Олимпиада означало также четырехлетний промежуток от одних олимпийских игр до следующих.
Пелтасты — легковооруженные пехотинцы.
Пентеконтер — в Спарте командир отряда численностью в 50 человек.
Пентеконтера — пятидесятивесельное судно.

Периполы — наемные солдаты пограничных частей в Аттике.
Периэки — свободные жители лаконских городов (кроме Спарты).
Полемарх — командир подразделения (моры) в Спарте.
Полис — город-государство в античном мире.
Полития — демократическое государство.
Притан — в Афинах член коллегии 50 пританов, которые в течение 1/10 года председательствовали в Совете Пятисот.
Пританей — общественное здание в Афинах, где заседали пританы.
Пробулы — в Афинах комиссия из 10 лиц, предварительно рассматривавшая дела для внесения их в Народное Собрание.
Проксен (гостеприимец) — лицо, оказавшее гостеприимство гражданам другого государства и получившее от последнего ряд привилегий.
Проэмий — введение.
Псефисма — постановление, декрет.
Пэан — первоначально гимн в честь Ареса и Аполлона, потом — боевой клич.
Синкриза — сопоставление.
Стратег (военачальник) — в Афинах член коллегии 10 стратегов (высшая исполнительная власть).
Схолиаст — античный (или византийский) комментатор Фукидида.
Триера — судно с тремя рядами гребцов.
Триерарх — капитан триеры (в Афинах — лицо, обязанное на свой счет снарядить триеру).
Триерархия — в Афинах снаряжение за свой счет триеры для государства.
Феты — низшее сословие граждан в Афинах, обязанное служить гребцами во флоте.
Форос — дань, взимаемая в Афинах с подвластных городов.
Эпибаты — солдаты морской пехоты на кораблях.
Эпитафий — надгробная речь.
Эфор (надзиратель) — член коллегии из 5 эфоров, осуществлявшей контроль над всеми государственными учреждениями в Спарте.
Эпоним — лицо, именем которого что-либо названо.

АФИНСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

Афинский год начинался после летнего солнцестояния (22 июня).
Названия афинских месяцев были следующие:

1. Гекатомбэон (июль—август), в Спарте — карней.
2. Метагитнион (август—сентябрь).
3. Боедромион (сентябрь—октябрь).
4. Пианепсион (октябрь—ноябрь).
5. Маймактерион (ноябрь—декабрь).
6. Посидеон (декабрь—январь).
7. Гамелион (январь—февраль).
8. Анфестерион (февраль—март).
9. Элафеболион (март—апрель), в Спарте — гиакинфий.
10. Мунихион (апрель—май).
11. Фаргелион (май—июнь).
12. Скирофорион (июнь—июль).

АНТИЧНЫЕ МЕРЫ ДЛИНЫ

Дактиль	18.5	мм
Плефр	29.6	м
Стадий аттический	177.6	м
Стадий олимпийский	192.27	м

МЕРЫ ВЕСА

Статер золотой (дарик)	8.4	г
Мина аттическая	341.20	г
Драхма (6 оболов)	4.366	г
Талант аттический (серебряный)	26.196	кг
Талант эгинский	26.156	кг
Драхма эгинская	6.03	г
Котила	0.274	л
Обол	0.728	г

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бузескул В. П. Введение — В. П. Бузескул. Введение в историю Греции. Пгр. 1916.
ВДИ — Вестник древней истории.
Лурье С. Я. История — С. Я. Лурье. История Греции. Ч. I. Лгр., 1940. Ч. II. Л., 1948.
Лурье С. Я. Очерки — С. Я. Лурье. Очерки по истории античной науки. Л.—М., 1947. Изд. АН СССР.
Ст. — стих.
Andoc. Or. — Andocidis Orationes.
Arist. Ath. Pol. — Aristotelis Athenaion Politia.
Arist. Rhet. — Aristotelis Rhetorica.
Aristoph. Equit. — Aristophanis Equites.
Aristoph. Lys. — Aristophanis Lysistrata.
Aristoph. Nub. — Aristophanis Nubes.
Aristoph. Pac. — Aristophanis Pax.
Aristoph. Thesm. — Aristophanis Thesmophoriazusae.
Cic. Verr. — Ciceronis in Verrem.
Dem. — Demosthenis orationes.
Diod. — Diodori Siculi Bibliothece.
Diog. Laert. — Diogenis Laertii Vita Philosophorum.
Dion. Halic. ad Amm. — Dionysii Halicarnassenis epistola ad Ammaeum.
Dion. Halic. ad Pomp. — Dionysii Halicarnassensis epistola ad Pompeium.
Dion. Halic. de Thucyd. — Dionysii Halicarnassensis de Thucydido.
Eur. Alc. — Euripidis Alcestis.
Eur. Ion. — Euripidis Ion.
Eur. Suppl. — Euripidis Supplices.
FHG — Historicorum Graecorum Fragmenta.
FTG — Fragmenta Tragicorum Graecorum. Edidit Nauk.
Gomme A. W. — A Historical Commentary on Thucydides by A. W. Gomme, A. Andrews and K. Y. Dover. Vv. I—IV. Oxford. 1970.
Graves C. E. Thucydides. — Thucydides edited with notes by C. E. Graves. L. MacMillan. 1884.
Hell. Frg. — Hellanici Fragmenta.
Herod. — Herodoti Historiae.
Hes. Frg. — Hesiodi Fragmenta.
Hom. Iliad. — Homeri Ilias.
Hom. Od. — Homeri Odyssea.
IG — Inscriptiones Graecae.
Isocr. Orat. — Isocratis Orationes.

Kl. Pauli — «Kleine Pauli». Realenzyklopädie d. Klassischen Wissenschaft. Stuttgard. 1976.
Krüger K. W. — Θουκυδίδου ξυγγραφή. Mit erklärenden Anmerkungen v. K. W. Krüger. 4 vv. Berlin. 1860—1866.
Lex. d. Antike — Lexikon der Antike. Philosophie. Literatur. Wissenschaft. Bd. 4. Artemis Verlag. Zürich u. Stuttgard. 1970.
Marcell. — Marcellini Vita Thucydidis.
Oxf. — Oxford Classical Dictionary. London. 1970.
Paus. — Pausaniae Descriptio Graeciae.
Pind. Parth. — Pindari Partheneia.
Plat. Gorg. — Platonis Gorgias.
Plat. Leg. — Platonis Leges.
Plat. Men. — Platonis Menexenes.
Plat. Prot. — Platonis Protagoras.
Plat. Resp. — Platonis Respublica.
Plat. Symp. — Platonis Symposion.
Plin. Nat. Hist. — Plinii Naturalis Historia.
Plut. Alc. — Plutarchi Alcibiades.
Plut. Ages. — Plutarchi Agesilaus.
Plut. Arist. — Plutarchi Aristides.
Plut. Cim. — Plutarchi Cimon.
Plut. Nic. — Plutarchi Nicias.
Plut. Per. — Plutarchi Pericles.
Plut. Them. — Plutarchi Themistocles.
Poppo-Stahl — Thucydidis de Bello Peloponnesiaco libri octo, explanavit E. F. Poppo. Editio Tertia, quam auxit et emendavit J. M. Stahl. Lpz., 1887.
Ps.-Xen. — Pseudo-Xenophontis Respublica Lacedaemoniorum.
RE — Pauli-Wissowa-K. Ziegler. Realenzyklopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Suppl.-Band XII. 1970. Stuttgard.
Schmid — Geschichte der griechischen Literatur. Erster Teil. Fünfter Band, von W. Schmid. München. 1958.
Serv. — Servii Commentarii ad Vergilium.
Soph. Ai. — Sophoclis Aiax.
Soph. OT. — Sophoclis Oedipus Tyrannus.
Soph. Phil. — Sophoclis Philoctetus
Steup. Thukydides — Thukydides erklärt von J. Classen J. Steup. Berlin. 1908 Vv. I—VIII.
Strab. — Strabonis Geographia.
Theop. Frg. — Theopompi Fragmenta.
Thuc. — Thucydidis Historia.
Xen. Hell. — Xenophontis Hellenica.
Xen. Mem. — Xenophontis Memorabilia.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ, УПОМИНАЕМЫХ ФУКИДИДОМ [1]

Абдеры, город Фракии II 29, 1; 97, 1.
Абидос, колония милетян в Троаде VIII 61, 1.
Аброних, сын Лисикла, афинянин I 91, 2.
Авлон, город Халкидики IV 103, 1.
Автокл, афинский военачальник IV 53, 1; 119, 2.
Автохарид, лакедемонский военачальник V 12, 1.
Агамемнон, миф., сын Атрея, царь Микен I 9, 1.
Агафарх, сиракузянин VII 25, 1; 70, 1.
Агесандр, сын Агесандра, спартанский посол I 139, 3.
Агесиппид, лакедемонский начальник в Эпидавре V 52, 56.
Агис, сын Архидама, царь лакедемонян III 89, 1; IV 2, 1; V 54, 1; 57—60; 63; 65; 71; 72; 83; VII 19; 27, 4; VIII 3; 5; 7—19; 2; 45, 1; 70, 2; 71, 1.
Агис, посол лакедемонян V 19, 2; 24.
Агреи, этолийское племя II 102, 2; III 106, 2; 111, 2; 114, 2; IV 77, 2; 101, 3.
Агрианы, фракийское племя II 96, 2.
Адмет, царь молоссов I 136, 2—137, 1.
Адимант, коринфянин I 60, 2.
Азия (совр. Малая Азия) I 6, 5; 9, 2; II 67, 1; IV 75, 2; V 1.
Акаманта, одна из десяти аттических фил IV 118, 11.
Аканф, город Халкидики IV 1; 85—89; 124, 1; V 18, 6.
Аканф, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Акарнан, миф., сын Алкмеона, эпоним Акарнании II 102, 6.
Акарнания, область на западе Средней Греции I 5; II 7, 3; 9, 4; 68, 7; 81, 1, 8; 83, 1; 102; III 7; 94, 95; 102, 3, 4; 105—114; IV 89; 101, 3; VII 31, 5; 57, 10; 60, 4; 67, 2.
Акесин, река Сицилии IV 25, 8.
Акрагант, город Сицилии VI 4, 4; VII 32, 1; 33, 2; 46; 50, 1; 58, 1.
Акрагант, река Сицилии VI 4, 4.
Акрейский холм, у Сиракуз VII 78, 5.
Акрофой, город Халкидики IV 109, 3.
Акры, город Сицилии VI 5, 2.
Аксий, река Македонии II 99, 4.
Акта, полуостров Халкидики IV 109, 1, 2; V 35, 1.
Актейские города в Малой Азии III 50, 3; IV 50, 3.
Актий, мыс Акарнании I 29, 3; 30, 3.
Александр, царь македонян I 57, 2; 137, 1; II 99, 3.
Алексарх, коринфянин VII 19, 4.
Алексикл, афинский олигарх VIII 92, 4; 93, 1; 98, 1.
Алексиппид, лакедемонянин, эфор VIII 58, 1.
Ализия, город Акарнании VII 31, 2.
Алкамен, лакедемонянин VIII 5, 1; 8, 2; 10, 2; 11, 3.
Алкей, афинский архонт V 19, 1; 25, 1.
Алкивиад, сын Клиния, афинский государственный деятель V 43, 2; 45, 1,

[1] Римские цифры означают номера книг, арабские цифры — главы; арабские цифры, отделенные запятой, — параграфы публикуемого труда Фукидида.

2, 4; 46, 5; 52, 2; 53; 55, 4; 56, 3; 61, 2; 76, 3; 84, 1; VI 8, 2; 15, 2; 19, 1; 28, 1, 2; 29, 3; 48; 50, 1; 51, 1; 53, 1; 61, 1, 3, 4, 7; 74, 1; 88, 9, 10; 93, 1; VII 18, 1; VIII 6, 3; 11, 3; 12, 1; 14, 1, 2; 17, 2; 26, 3; 45, 1; 46, 5; 47, 1, 2; 48, 1, 2, 4, 7; 49; 50, 1—5; 51, 1, 2; 52; 53, 1—3; 54, 2, 3; 56, 2—5; 63, 4; 65, 2; 68, 3; 70, 1; 76, 7; 81, 1—3; 82, 3; 83, 1, 2; 85, 2; 86, 1, 4, 8; 87, 1; 88; 89; 1, 2, 4; 90, 1; 97, 3; 108, 1.

Алкивиад, лакедемонянин VIII 6, 3.

Алкид, лакедемонянин III 16, 3; 26, 1; 30, 1; 31, 1; 33, 1; 69, 1, 2; 76; 79, 3; 80, 2; 92, 5.

Алкинад, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.

Алкиной, миф., царь феаков III 70, 4.

Алкисфен, афинянин, отец Демосфена III 91, 1; IV 66, 3; VII 16, 2.

Алкифрон, аргосец V 59, 5.

Алкмеон, миф., сын Амфиарая II 102, 5, 6.

Алкмеониды, знатный афинский род VI 59, 5.

Алмопия, часть Македонии II 99, 5.

Алмопы, жители Алмопии II 99, 5.

Алопа, город опунтских локров II 26, 2.

Амиклеон, святилище Аполлона в Амиклах V 18, 10; 23, 5.

Амиклы, город Лаконии V 18, 10; 23, 5.

Аминнад, афинянин, посол у Ситалка II 67, 2.

Аминий, лакедемонянин, советник Брасида VI 132, 3.

Аминокл, коринфянин I 13, 3.

Аминта, сын Филиппа, македонянин II 95, 3; 100, 3.

Амиртей, египетский царь I 100, 2; 112, 3.

Аммей, сын Кореба, платеец III 22, 3.

Аморг, сын Писсуфна, перс. II 5, 5; 19, 2; 28, 2—5; 54, 3.

Ампелид, лакедемонянин V 22, 2.

Амбракийский залив, в Эпире I 29, 3; 55, 1; II 68, 3; III 107, 1; IV 49.

Амбракийцы, жители Амбракии I 27; II 9, 2; 68—69, 1; 80—81; III 102, 6; 105—107, 4; 108, 2—110; 113—114; VI 104, 1; VII 7, 1; 25, 9; 58, 3.

Амбракия, коринфская колония в Эпире II 80, 3; 111; 113, 6; 114, 4; IV 42, 3.

Амфиарай, миф., отец Амфилоха и Алкмеона II 63, 3; 102, 5.

Амфидор, сын Менекрата, мегарец IV 119, 2.

Амфий, эпидавриец IV 119, 2.

Амфилохи, племя Акарнании II 68, 5, 7; 102, 2; III 107, 2, 4; 110, 1; 112, 6, 7; 113, 6; 114, 2, 3.

Амфилохия, область Акарнании II 68, 5; III 102, 2; 105, 2; 110, 1; 112, 2.

Амфиполь, город на Фракийском побережье I 100, 3; 103, 2; 104, 4, 5; 106, 4; 107, 2; 108, 1, 3; 109, 1; 132, 3; V 3, 6; 6, 1, 3—5; 7, 4; 8, 1; II 3; 14, 1; 16, 1; 18, 5; 21, 1; 26, 5; 35, 3, 5; 46, 2; 83, 4; VII 9.

Амфипольцы, жители Амфиполя IV 103, 5; 104, 1; 105, 1, 2; V 9, 7; 11, 1.

Амфиссяне, жители Амфиссы в Озольской Локриде III 101, 2.

Анакий, храм Диоскуров в Афинах VIII 93, 1.

Анаксандр, фиванец VIII 100, 3.

Анаксилай, тиран Регия VI 4, 6.

Анакторий, город Акарнании I 46, 1; 55, 1; II 80, 3; III 114, 3; IV 49; V 30, 2; VII 31.

Анактории, жители Анактория I 46, 1; II 9, 2; 80, 5; 81, 3.

Анакторийская земля I 29, 3.

Анап, река Акарнании II 82.

Анап, река Сицилии VI 66, 2; 96, 3; VII 42, 6; 78, 3.

Андокид, афинянин I 51, 4.

Андрокл, афинянин VIII 65, 2.

Андрократ, миф., герой III 24, 1.

Андрос, один из Кикладских островов II 55, 1; IV 42, 1; 84, 1; 82, 2; 103, 3; 109, 3; VII 57, 4.

Андросцы, жители Андроса IV 42, 1; 84, 1; 88, 2; 103, 3; 109, 3; V 6, 1; VII 57, 4; VIII 69, 3.

Андросфен, аркадец, олимпийский победитель V 49, 1.

Анеи, город Карии III 32, 2; IV 75, 1; VIII 19, 1.

Анеиты, жители Аней III 19, 2; VII 61, 2.

Анерист, лакедемонянин, посол II 67, 1.

Антандр, город Эолиды IV 52, 3; 75; VIII 108, 4; 109, 1.

Антиген, афинянин II 23, 2.

Антикл, афинянин I 117, 2.

Антименид, лакедемонянин V 42, 1.

Антимнест, афинянин III 105, 3.

Антиох, царь орестов II 80, 6.

Антипп, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.

Антисса, город на Лесбосе III 18, 1; 28, 3; VIII 23, 4.

Антисфен, лакедемонянин VIII 39, 1; 61, 2.

Анфемунт, область Македонии II 96, 6; 100, 4.

Анфена, город Кинурии V 41, 2.

Антифонт, афинянин VIII 68, 1—3; 90, 1, 2.
Аппдан, река Фессалии IV 78, 5.
Аподоты, этолийское племя III 94, 5; 100, 1.
Аполлодор, афинянин VII 20, 1.
Аполлон, миф., божество I 13, 6; 29, 3; 118, 3; 123, 1; 134, 4; 135, 1; II 15; 54; 91; 102, 4; III 3, 3; 94, 2; 104, 2, 4, 5; IV 76, 4; 90, 1; 97, 4; 118, 3; V 18, 2; 23, 5; 47, 11; 53, 1; VI 3, 1; 54, 6; VII 26, 2; VIII 35, 3.
Аполлония, колония коринфян в Иллирии I 26, 2.
Аргинусские острова, у берегов Эолии VIII 101, 2.
Аргил, колония Андроса I 132, 5; IV 103, 3, 4; V 6, 3; 18, 5.
Аргос Амфилохский II 68, 1, 3, 7, 9; III 102, 6, 7; 105, 1, 2; 106, 1; 107, 2; 108. 2; 112. 8.
Аргос Пелопоннесский I 9, 4; 135, 3; 137, 3; II 2, 1; 99, 3; IV 42, 3; 133, 2; V 27, 2; 30, 1; 31, 1; 36, 1; 37, 5; 38, 4; 41, 2, 3; 43, 3; 47, 4, 9, 10; 57, 1; 58, 3; 63, 1; 65, 2, 5; 76, 1, 2; 80, 2; 81, 2; 82, 4; 83, 1; 84, 1; VI 61, 3; 95, 1; 105, 1, 3; VII, 18, 3; 20, 1; VIII 86, 9.
Аргосская область (Арголида) II 27, 2; 80, 8; IV 56, 2; V 75, 4; 83, 2; 116, 1; VI 7, 1.
Арианфид, фиванец, беотарх IV 91.
Аристагор, милетянин IV 102, 2.
Аристарх, афинянин, стратег VIII 90, 1; 92, 6, 10; 98, 1, 3.
Аристей, сын Адиманта, коринфянин I 60, 2; 61, 3; 62, 1—3, 6; 65, 1; II 67, 1, 4.
Аристей, сын Пеллика, коринфянин I 29, 2.
Аристей, лакедемонянин IV 132, 3.
Аристид, сын Архиппа, афинянин IV 50, 1; 75, 1.
Аристид, сын Лисимаха, афинянин I 91, 3; V 18, 5.
Аристогитон, афинянин, тираноубийца I 20, 2; VI 54, 1—3; 56, 2; 57, 1, 4; 59, 1.
Аристокл, лакедемонянин V 16, 2.
Аристокл, лакедемонянин, начальник лоха V 71, 3; 72, 3.
Аристоклид, отец Гестиодора, афинянин II 70, 1.
Аристократ, сын Скелия, афинский стратег VIII 9, 2; 89, 2; 92, 2—5.
Аристократ, афинянин V 19, 2; 24, 1.
Аристон, коринфянин, кормчий VII 39, 2.
Аристоним, афинянин IV 122, 1—4.
Аристоним, коринфянин II 33, 1; IV 119, 2.
Аристонус, гелеец, основатель Гелы VI 4, 4.
Аристонус, ларисеец II 22, 3.
Аристотель, афинский адмирал III 105, 3.
Аристофонт, афинянин VIII 86, 9.
Арифрон, афинянин IV 66, 3.
Аркадия, область Пелопоннеса I 2, 3; V 29, 1; 33, 1; 61, 3.
Аркесилай, лакедемонянин V 50, 4.
Арктур, созвездие II 78.
Арна, родина беотийцев I 12, 2.
Арниса, город македонян IV 128, 3.
Арны, город Халкидики IV 103, 1.
Аррабей, царь лянкестов IV 79, 2; 83, 1—4; 124, 1, 4; 125, 1, 2; 127, 2.
Аррианы, город Херсонеса Фракийского VIII 104, 2.
Арсак, перс, правитель, подчиненный Тиссаферну VIII 108, 4.
Арта, царь мессапиев VII 33, 4.
Артабаз, сын Фарнака, перс I 129, 1, 3; 132, 5.
Артаксеркс, сын Ксеркса, царь персов I 104, 1; 137, 3; 139; IV 50, 3; VIII 5, 4.
Артаферн, перс, посол в Лакедемоне IV 50, 1.
Артемида, миф., богиня III 104, 5; VI 44, 3; VIII 109, 1.
Артемисий, мыс Евбеи III 54, 3.
Артемисий, спартанский месяц V 19, 1.
Артины, должностные лица в Аргосе V 47, 9.
Архедика, дочь тирана Гиппия VI 59, 3.
Архелай, сын Пердикки, царь Македонии II 100, 2.
Архестрат, афинянин I 57, 6.
Архестрат, афинянин, отец Херея VIII 74, 1.
Архетим, сын Евритима, коринфянин I 29, 2.
Архидам, царь лакедемонян I 79, 2; 85, 3; II 10, 3; 12, 1, 4; 13, 1; 18, 3; 19, 1; 20, 1, 5; 47, 2; 71, 1; 72, 1, 2; 74, 2; III 1, 1; 89, 1; IV 2, 1; V 54, 1; 57, 1; 83, 1; VII 19, 1.
Архий, камаринец IV 25, 7.
Архий, коринфянин, основатель Сиракуз VI 3, 2.
Архипп, афинянин, отец Аристида IV 50, 1.
Архонид, царь сикулов VII 1, 4.
Асина, город Мессении IV 13, 1; VI 93, 3.
Асина, город Лаконии IV 54, 4.
Асоп, река Беотии II 5, 2.
Асопий, отец Формиона, афинянин I 64, 2.

Асопий, сын Формиона, афинский адмирал III 7, 1.
Асополай, платеец III 52, 4.
Аспенд, город Памфилии VIII 81, 3; 87, 1—3; 88, 1; 99, 1; 108, 3.
Ассинар, река Сицилии VII 84.
Астак, город Акарнании II 30, 1; 33, 1; 102, 1.
Астимах, платеец III 52, 5.
Астиох, лакедемонский наварх VIII 20, 1; 23, 1, 2, 4; 24, 6; 26, 1; 29, 2; 31, 1, 4; 32, 3; 36, 1; 38, 1, 4; 39, 2; 40, 1, 3; 41, 3; 42, 1; 45, 1; 50, 2, 3, 5; 61, 1, 2, 63, 1, 2; 68, 3; 78, 1; 79, 1; 83, 3; 84, 1, 3; 85, 1, 4.
Аталанта, остров у берегов Опунтской Локриды II 32; III 89, 3; V 18, 7.
Атинтаны, племя в Эпире I 86, 6.
Атрамиттий, город Мисии V 1; VIII 108, 4.
Атрей, миф., владыка Микен, отец Агамемнона I 9, 2.
Аттика, область Греции I 2, 5, 6; 9, 2; 58, 1; 71, 4; 101, 1; 109, 2; 114, 2; 125, 2; 126, 6; 138, 6; 143, 4; II 6, 2; 10, 1; 13, 1; 15, 1; 18, 1, 2; 19, 1; 21, 1; 23, 3; 32; 47, 2, 3; 56, 3, 6; 57, 2; 70, 1; 71, 1; III 1; 3, 5; 13, 5; 15, 1; 25, 1; 26, 1, 3; 34, 1; 70, 2, 6; 89, 1; IV 2, 1; 6, 1, 2; 8, 1; V 16, 3; 20, 1; VI 91, 6; 92, 5; VII 18, 1; 19, 3; VIII 95, 2.
Афина, миф., богиня I 128, 2; II 13, 5; 15, 2, 4; IV 116, 2; V 10, 2.
Афинагор, кизикенец VIII 6, 1.
Афинагор, сиракузянин VI 35, 2; 36—41.
Афиней, лакедемонянин IV 119, 2; V 122, 1.
Афины, город в Аттике I 31, 3; 36, 1; 44, 1; 51, 1, 4; 52, 2; 110, 4; 116, 2; 117, 2; 137, 3; II 6, 1; 8, 1; 12, 1; 29, 3, 5; 30, 1; 54, 5; 58, 3; 67, 3; 78, 3; 79, 7; 85, 4; 93, 2; 94, 1; 103, 1; III 3, 5; 4, 4; 5, 1; 15, 1; 21, 1; 24, 1, 2; 28, 1; 33, 1; 35, 1; 69, 2; 71, 2; 75, 3; 86, 3; 87, 4; 98, 5; IV 5, 1; 15, 2; 16, 2, 3; 21, 3; 22, 3; 23, 2; 27, 1; 46, 3; 57, 3; 69, 2; 109, 4; 118, 6; 122, 4; V 3, 4; 5, 3; 18, 7, 10; 19, 1; 23, 5; 25, 1; 32, 5; 43, 1; 47, 3, 9, 10; 82, 6; 116, 3; VI 33, 6; 44, 4; 53, 1; 61, 6; 72, 2; 74, 2; 93, 1; 94, 4; 95, 2; VII 8, 1; 10; 27, 1; 42, 1; 64, 2; VIII 1, 1; 7; 11, 1; 15, 1; 17, 3; 19, 2; 23, 1; 25, 1; 49; 53, 1; 63, 3; 65, 1; 74, 1, 3; 86, 9; 89, 1; 98, 4; 106, 4.
Афитий, город Паллены I 64, 2.
Афон, гора на Халкидике, IV 109, 2; V 3, 6; 35, 1; 82, 1.
Афродита, миф., богиня VI 46, 3.
Афродития, местность в Лаконии IV 56, 1.
Ахайя, область Пелопоннеса I 115, 1; II 83; 84, 3; IV 21, 3; V 82, 1.
Ахайя, область Фтиотиды IV 78, 1.
Ахарны, дем Аттики II 19, 2; 20, 4; 21, 2; 23, 1.
Ахарняне, жители Ахарн II 20, 4; 21, 3.
Ахейцы (ахеяне) греческое племя I 3, 3; 111, 3; II 9, 2; 66, 1; III 92, 5; IV 120, 1; VI 2, 3; VIII 3, 1.
Ахелой, река Акарнании II 102—103; III, 7, 4; 106, 1.
Ахеронт, река в Феспротиде I 46, 4.
Ахеронтское озеро в Феспротиде I 46, 4.
Ахилл, сын Пелея, миф. герой I 3, 3.

Батт, коринфский военачальник IV 43, 1.
Белая стена, укрепление Мемфиса I 104, 2.
Беотия, область в Средней Греции I 2, 3; 12, 3; 108, 1, 3; 113, 1, 3; II 2, 1; 18, 2; III 61, 2; 62, 5; 67, 3; 91, 3; 95, 1; IV 76, 2, 3; 91; 92, 1, 6; 95, 3; 99; VII 19, 2; 29, 2; VIII 98, 2.
Бероя, город Македонии I 61, 4.
Бисалтия, область Македонии, II 99, 6; IV 109, 4.

Болба, озеро Мигдонии I 58, 2; IV 103, 1.
Болиск, место на о. Хиосе VIII 24, 3.
Болияне, этолийское племя III 96, 3.
Бориад, евритан, посол этолян в Лакедемоне III 101, 1.
Бормиск, город Македонии IV 103, 1.
Боттии, жители Боттиеи I 57, 5; 58, 1; II 79, 1, 7; 99, 3; 101, 1; IV 7.
Боттия (Боттиея, Боттика), область Македонии I 65, 2; II 79, 2; 100, 4; 101, 5.
Бравро̀, супруга Питтака, царя эдонов IV 107, 3.
Брасид, спартанский полководец II 25, 2; 85, 1; 86, 6; 93, 1; III 69, 1, 2; 76; 79, 3; IV 11, 4; 70, 1; 71, 2; 72, 1; 73, 1, 4; 78, 1, 4; 79, 1; 80, 5; 81, 1, 2; 82, 1—5; 84, 1, 2; 88, 1; 102, 1; 103, 1, 4, 5; 104, 2; 105, 1; 106, 2, 4; 107, 1; 108, 2, 5; 109, 1, 5; 111, 1; 112, 1, 3; 114, 1; 116, 1, 2; 117, 1, 2; 120, 1, 2; 121, 1; 122, 2—4; 123, 1, 2, 4; 124, 1, 3, 4; 125, 1, 2; 127, 1, 2; 128, 3, 5; 129, 1; 132, 1—3; 135, 1; V 2, 3, 4; 3, 3; 6, 3, 5; 7, 1; 8, 1; 10, 1, 5, 8, 11; 11, 1; 13, 1; 16, 1; 18, 7; 34, 1; 110, 2.
Брикиннии, крепость у Леонтин в Сицилии II 4, 4.
Брилесс, гора Аттики II 23, 1.

Бромер, отец Аррабея, царя линкестов, IV 83, 1.
Будор, крепость на Саламине II 94, 3; III 51, 2.
Буколий, город Аркадии IV 134, 2.
Буфрада, местность у Пилоса IV 134, 2.
Бэй (Бойон), город Дориды I 107, 2.

Византий, город в Геллеспонте I 94, 2; 115, 5; 117, 3; 128, 5, 7; 129, 1; 130, 1; 131, 1; II 97, 2; VIII 80, 2—4; 107, 1.

Гагнон, афинский адмирал I 117, 2; II 58, 1—3; 95, 3; IV 102, 3; V 11, 1; VI 31, 2; VII 1; 19, 2; 24, 1; VIII 68, 4; 89, 2.
Гавлит, кариец, посол Тиссаферна в Лакедемон VIII 85, 2.
Галек, река в Локриде Эпизефирской III 99.
Галепс, город Халкидики IV 107, 3; V 6, 1.
Галиада, область Арголиды I 105, 1; II 56, 5; IV 45, 2.
Галикарнасс, город Карии VIII 42, 4.
Галикарнассцы, жители Галикарнасса, VIII 108, 2.
Галикиен, племя сикулов VII 32, 1.
Галис, река в Малой Азии I 16.
Гамаксит, город Троады VIII 101, 3.
Гарматунт, город на о. Лесбосе VIII 101, 2.
Гармодий, афинянин, тираноубийца I 20, 2; VI 53, 3; 54, 1—4; 56, 1, 2; 57, 1, 4; 59, 1.
Гарпагий, город в Пропонтиде VIII 107, 1.
Гарпина, город Писатиды V 50, 3.
Гебр, река Фракии II 96, 4.
Гегесандр, отец Пасителида, спартанец IV 132, 3.
Гегесандр, отец Гегесандрида, спартанец VIII 91, 2.
Гегесандр, феспиец VII 19, 3.
Гегесандрид, спартанский адмирал VIII 91, 2; 94, 1, 2; 95, 3.
Гегесиппид, лакедемонянин V 52, 1.
Гел, селение Лаконии у Лаконского залива IV 54, 4.
Гела, город Сицилии, IV 58; V 4, 6; VI 4, 3; 5, 3; VII 50, 1; 57, 9; 80, 2.
Гела, река Сицилии VI 4, 3.
Геликс, мегарец, начальник эскадры VIII 80, 3.
Гелланик, историк Аттики I 97, 2.
Геллеспонт, пролив, отделяющий Азию от Европы I 89, 2; 128, 3; II 9, 4; 67, 1, 3; 96, 1; IV 75, 1; VIII 6, 1, 2; 8, 2; 22, 1; 23, 5; 39, 2; 61, 1; 62, 1, 2; 79, 3, 5; 80, 3; 86, 4; 96, 4; 99, 2; 100, 1, 5; 101, 3; 103, 2; 106, 1; 108, 3, 4; 109, 1.
Гелон, тиран Сиракуз VI 4, 2; 5, 3; 94, 1.
Гем, гора Фракии II 96, 1.
Гера, миф., богиня I 24, 7; III 68, 3; 75, 5; 79, 1; 81, 4.
Геракл, миф. герой I 24, 2; V 64, 4, 5; 66, 1; VII 73, 2.
Гераклеоты, жители Гераклеи V 52, 2.
Гераклеотида, город в устье р. Калега VI 75, 2.
Гераклея, город Трахинии III 92, 93; 100, 2; IV 78, 1; V 12, 1; 51, 1; 52, 1.
Гераклид, стратег сиракузян, VI 73, 1; 103, 4.
Гераклиды, миф., потомки Геракла I 9, 2; 12, 3; VI 3, 2.
Герания, горная цепь в Элладе I 105, 3; 107, 3; 108, 2; IV 70, 1.
Герастий, месяц у лакедемонян IV 119, 1.
Гереон, мыс около Коринфа V 75, 6.
Герест, город Евбеи III 3, 5.
Герея, город Аркадии V 67, 1.
Гермеонд, фиванец III 5, 4.
Гермес, миф., божество VI 27, 1; VII 29, 3.
Гермионида, область Гермионы II 56, 5.
Гермократ, сиракузянин IV 58; 65, 1; VII 32, 3; 35, 1; 72, 2; 73; 75, 4; 81; 96, 3; 99, 2; VII 21, 3; 73, 1, 3; VIII 26, 1; 29, 2; 45, 3; 85, 2—4.
Гермон, афинянин, начальник перипопов в Мунихии VIII 92, 5.
Гермон, сиракузянин, отец Гермократа IV 58; VI 32, 3.
Гермы, статуи Гермеса в Афинах VI 27, 1; 28; 53; 60, 4; 61, 1.
Геры, город Ионии VIII 19, 4; 20, 2.
Гесиод, поэт III 96, 1.
Гессиеи, племя локров III 101, 2.
Гестиея, город Евбеи I 114, 3; VII 57, 2.
Гестиодор, афинянин II 70, 1.
Геты, племя, пограничное со скифами II 96, 1; 98, 4.
Гефест, миф., божество III 88, 3.
Гея, миф., богиня II 15, 4.
Гиакинфии, лакедемонский праздник V 23, 4; 41, 3.
Гибла Гелейская, город Сицилии VI 62, 5; 63, 2; 94, 3.
Гиблон, царь сикулов VI 4, 1.

Гигон, город Македонии I 61, 6.
Гиеи, племя локров III 101, 2.
Гиера, один из Эоловых островов III 88, 2, 3.
Гиерамен, перс VIII 58, 1.
Гиереи, малийское племя III 92, 2.
Гиерофонт, сын Антимнеста, афинский адмирал III 105, 3.
Гиккары, город сиканов VI 62, 3; VII 13, 2.
Гилиада, река Италии VII 85, 2.
Гилипп, лакедемонский полководец VI 93, 2; 104, 1, 2; VII 1, 1, 4, 5; 2, 1, 2; 3, 1, 3; 4, 2, 4; 5, 1—3; 6, 2; 7, 2; 11, 2; 12, 1; 21, 5; 22, 1; 23, 1; 37, 2; 42, 3; 43, 6; 46; 50, 1; 53, 1; 57, 6; 65, 1, 3; 69, 1; 74, 2; 79, 4; 81, 1; 82, 1; 83, 2; 85, 1, 2; 86, 2, 4; VIII 13.
Гиллайская гавань на о. Керкире III 72, 3; 81, 2.
Гимера, город Сицилии III 115, 1; VI 5. 1; 62, 2; VII 1.
Гимерей, город Фракии VII 9.
Гимеряне, жители Гимеры VII 1; 58, 2.
Гимнопедии, праздник в Лакедемоне V 82. 1—4.
Гипербол, афинский демагог VIII 73, 3.
Гиперохид, афинянин VI 55, 1.
Гиппагрет, лакедемонянин IV 38, 1.
Гиппарх, афинянин, младший сын Писистрата I 20, 2; VI 54, 2—4; 55, 1, 3, 4; 57, 3.
Гиппий, аркадянин III 34, 2.
Гиппий, афинянин, отец Писистрата и Архедики VI 54, 6; 59, 3.
Гиппий, афинянин, старший сын Писистрата, тиран I 10; 54—60.
Гиппокл, афинский адмирал VIII 13.
Гиппокл, тиран Лампсака VI 59, 3.
Гиппократ, афинский стратег IV 66, 3; 67, 1; 76; 77; 89; 90; 93—96; 101, 2.
Гиппократ, лакедемонский адмирал VIII 35, 1; 99; 107, 2.
Гиппократ, тиран Гелы VI 5, 3.
Гиппонийцы, соседи эпизефирских локров V 5, 3.
Гиппоник, афинский стратег III 91, 4.
Гипponоид, лакедемонянин V 73, 3; 72, 1.
Гиртонии, фессалийское племя II 22, 3.
Гисии, местность Арголиды V 83, 2.
Гиспи, город Беотии III 24, 2.
Главка, гавань Микалы VIII 79, 2.
Главкон, афинянин, начальник эскадры керкирян I 54, 4.
Гоаксис, эдонянин IV 107, 3.
Гомер, знаменитый эпический поэт I 3, 3; 9, 4; 10, 3; II 41, 4; III 109, 4, 6.
Гонгил, эритреец I 128, 6.
Гонгил, коринфянин VII 2, 1.
Гортина, город на о. Крите II 85, 5.
Гортиния, город Македонии II 100, 3.
Грайская земля, область в Аттике II 23, 3; III 91, 3.
Грестония, область Македонии II 96, 6; 100, 4.

Давлия, город Фокиды II 29, 3.
Данмах, платеец III 20, 1.
Даиф, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Дамагет, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Дамагон, лакедемонянин III 92, 5.
Дамотим, сикионец IV 119, 2.
Данаи, одно из названий эллинов у Гомера I 3, 3.
Дардан, город Малой Азии VIII 104, 2.
Дарий, сын Артаксеркса, царь персов VIII 5, 4; 37, 1, 2; 58, 1.
Дарий, сын Гистасна, царь персов I 14. 2; 16; IV 102, 2; VI 59, 3, 4.
Даскилитида, персидская сатрапия I 129, 1.
Даскон, возвышенность у Сиракуз VI 66. 2.
Даскон, сиракузянин VI 5, 3.
Дафнунт, город Малой Азии VIII 23, 6; 31, 2.
Девкалион, миф., отец Эллина I 3, 1.
Девять Путей, местность на реке Стримоне (где был заложен Амфиполь) I 100, 3; IV 102, 3.
Декелея, место в Аттике VI 91, 6; 93, 2; VII 18, 1; 19, 1, 2; 20, 1; 27, 2, 3; 28, 1, 4; 42, 2; VIII 3, 1; 5, 3; 69, 1; 70, 2; 71, 1, 3; 98, 1, 2.
Делии, празднество на о. Делосе III 104, 2.
Делий, город Беотии IV 76, 4, 5; 89, 1; 90, 1, 4; 93, 2; 96, 7, 9; 97, 1, 3; 100, 1; 101, 1; V 14, 1; 15, 2.
Делос, один из Кикладских островов I 8, 1; 96, 2; II 8, 3; III 29, 1; 104, 1—4, 6; V 1; 32, 1; VIII 77; 80, 3; 86, 1; 108, 4.
Делосцы, жители о. Делоса V 1; 32, 1; VIII 108, 4.
Дельфиний, место близ города Хиоса VIII 38, 2; 40, 3.
Дельфы, город Фокиды I 25, 1; 28, 2; 112, 5; 118, 3; 121, 3; 126, 4; 132, 2; 134, 4; 143, 1; III 57, 2; 92, 5; 101, 1; IV 134, 1; V 16, 2; 18, 2; 32, 1.
Демарат, афинянин, начальник эскадры VI 105, 2.
Демарх, сиракузянин VIII 85, 3.

Демей, афинянин, отец Филократа V 116, 3.
Демодок, афинский адмирал IV 75, 1.
Демосфен, сын Алкисфена, афинский военачальник III 91, 1; 94, 2, 3; 97, 1; 98, 5; 102, 3; 105, 3; 107, 1—4; 108, 1; 109, 1, 2; 110, 1; 112, 1, 2, 4; 113, 6; 114, 1; IV 2, 4; 3, 1; 5, 2; 8, 3, 4; 9, 1; 11, 1, 2; 29, 1, 2; 32, 3, 4; 36, 1; 37, 1; 38, 1; 66, 3; 67, 2, 5; 76, 1; 77, 1, 2; 89, 1; 101, 3; V 19, 2; 24, 1; 80, 3; VII 16, 2; 17, 1; 20, 2, 3; 26, 1, 3; 27, 1; 29, 1; 31, 1, 2, 5; 33, 3; 35, 1; 42, 1, 3; 43, 1, 5; 47, 3; 48, 1; 49, 2; 55, 1; 57, 10; 69, 4; 72, 3; 75, 1; 78, 1, 2; 80, 1, 4; 81, 4; 82, 2; 83, 1; 85, 3; 86, 2, 3.
Демотел, мессенец IV 25, 11.
Дерда, македонянин, брат Пердикки I 57, 2; 59, 2.
Деркилид, спартиат VIII 61, 1; 62, 1.
Дерсей, фракийское племя II 101, 3.
Диагор, фуриец VIII 35, 1.
Диакрит, лакедемонянин II 12, 1.
Диасии, празднество в Афинах в честь Зевса Милостивого I 126, 6.
Дидима, один из Эоловых островов III 88, 2.
Диемпер, фиванец II 2, 1.
Дии, фракийское племя II 96, 2; VII 27, 1.
Дий, город на Акте IV 109, 3, 4; V 82, 1.
Дий, город Македонии IV 78, 5.
Диитреф, афинянин III 75, 1; IV 53, 1; 119, 2; 129, 2; VII 29, 1; VIII 64, 2.
Дима, город Ахайи II 84, 3.
Диниад, периэк, пелопоннесский адмирал VIII 22, 1.
Диний, афинянин III 3, 2.
Диодот, афинянин III 41—49.
Диомедонт, афинский адмирал VIII 19, 2; 20, 2; 23, 1; 24, 2; 54, 3; 55, 1; 73, 4, 5.
Диомил, андросец, сиракузский военачальник VI 96, 3; 97, 3, 4.
Дионис, миф., божество II 15, 4; III 81, 5; V 20, 1; VIII 93, 1.
Дионисии, празднество в честь Диониса II 15, 4; V 20, 1; 23, 4.
Диоскуры, миф., божества III 75, 3; IV 110, 1.
Диотим, афинский адмирал I 45, 2; VIII 15, 1.
Дифил, афинский военачальник VII 34, 3.
Добер, город Пеонии II 98, 2; 99, 1; 100, 3.
Долопия, область Фессалии II 102, 2.
Дор, фессалиец из Фарсала IV 78, 1.
Дорида, метрополия лакедемонян I 107, 2.
Дорией, родосец III 8.
Дорией, сын Диагора, сицилийский адмирал VIII 35, 1; 84, 2.
Дорийцы, эллинское племя I 12, 3; 18, 1; 124, 1; II 9, 4; IV 42, 2; 61, 2; 64, 3; V 9, 1; 54, 2; VI 6, 2; 77, 1; 80, 3; 82, 2; VII 5, 4; 57, 2, 4, 6, 7, 9; 58, 3; VIII 25, 5.
Доркис, лакедемонский военачальник I 95, 6.
Драбеск, город эдонов I 100, 3; IV 102, 2.
Дримусса, остров у Клазомен VIII 31, 3.
Дриопы, племя на о. Евбее VII 57, 4.
Дриоскефалай (Дубовые вершины), проход на Киферон III 24, 1.
Дрои, фракийское племя II 101, 3.

Евал, лакедемонянин VIII 22, 1.
Еварх, тиран Астака II 30, 1; 33, 1, 2.
Еварх, наксосец, основатель Катаны, VI 3, 3.
Евбея, остров у берегов Аттики I 23, 4; 114, 1, 3; 115, 1; II 2, 1; 14, 1; 26, 1; 32; 55, 1; III 3, 5; 87, 4; 89, 2; 92, 4; 93, 1; IV 76, 4; 109, 3; VI 3, 1; 4, 5; 76, 2; 84, 2; VII 28, 1; 29, 2; 57, 2, 4; VIII 1, 3; 5, 1, 2; 60, 1, 2; 74, 2; 86, 9; 91, 2; 93, 3; 95, 2, 3, 7; 96, 1, 2; 106, 4; 107, 2.
Евбул, хиосец, начальник эскадры VIII 23, 4.
Евен, река Этолии II 83, 3.
Евесперитяне, жители города Евеспериты VII 50, 2.
Еветион, афинянин VII 9.
Евкрат, афинянин III 41.
Евксинский Понт (Черное море) II 96, 1; 97, 1, 2.
Евктемон, афинский стратег у Самоса VIII 30, 1.
Евмах, коринфский адмирал II 33, 1.
Евмолп, царь Элевсина II 15, 1.
Евмолпиды, жреческий род в Афинах VIII 53, 2.
Евпалид, эпидаврянин IV 119, 2.
Евпалий, город озольских локров III 96, 2; 102, 1.
Евпомпид, военачальник платейцев III 20, 1.
Еврибат, адмирал керкирян I 47, 1.
Евриел, возвышенность у Сиракуз VI 97, 2; VII 2, 4; 43, 3.
Еврилох, лакедемонянин III 100, 2; 101, 1; 102, 5, 7; 105, 1, 2, 4; 106, 1; 107, 4; 108, 1; 109, 1.
Евримах, фиванец II 2, 3; 5, 7.

Евримедонт, афинский военачальник III 80, 1; 81, 4; 85, 1; 91, 4; 115, 5; IV 2, 2; 3, 1; 8, 3; 46, 1; 65, 3; VI 1, 1; VII 16, 2; 31, 3, 5; 33, 3; 35, 1; 42, 1; 43, 2; 49, 3; 52, 2.
Евримедонт, река Памфилии I 100, 1.
Еврип, пролив между Евбеей и материком VII 29, 1; 30, 1.
Еврипид, афинянин II 70, 1; 79, 1.
Еврисфей, владыка Микен I 9, 2.
Евританы, этолийское племя III 94, 5.
Евритим, коринфянин I 29, 2.
Европ, город Македонии II 100, 3.
Европа, часть света I 89, 2; II 97, 5, 6.
Евстроф, аргосец, посол в Лакедемоне V 40, 3.
Евфамид, коринфянин II 33, 1; IV 119, 2; V 55, 1.
Евфем, афинянин VI 75, 4; 81; 88, 1.
Евфидем, афинянин V 19, 2; 24, 1; VII 16, 1; 69, 4.
Евфикл, коринфянин I 46, 2; III 114, 4.
Евфилет, афинянин III 86, 1.
Египет, страна на Ниле I 104, 1; 105, 3; 109, 1, 2; 110, 2—4; 112, 3, 4; II 48, 1; IV 53, 3; VIII 35, 2.
Елена, миф., дочь Зевса и Леды, жена Менелая I 9, 1.

Закинф, остров у побережья Эллады II 7, 3; 66, 1; 80, 1; IV 8, 2, 3, 5; 13, 2; VII 31, 2.
Занкла, город Сицилии IV 4, 4, 5; 5, 1.
Зевксид, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Зевксидам, лакедемонянин II 19, 1; 47, 2; 71, 1.
Зевс, миф., божество I 103, 2; 126, 4—6; II 15, 4; 71, 2; III 14, 1; 70, 4; 96, 1; V 16, 2, 3; 31, 2; 47, 11; 50, 1; VIII 19, 2.
Зевс Ифомский I 103, 2.
Зевс Милостивый в Афинах I 126, 6.
Зевс Немейский III 96, 1.
Зевс Олимпийский II 15, 4; III 14, 1; V 31, 2; 50, 1.
Зевс Освободитель II 71, 2.
Зопир, перс I 109, 3.

Иапигия, мыс Италии VI 30, 1, 34, 4; 44, 2; VII 33, 3, 4.
Иапиги, жители Иапигии VII 33, 4; 57, 11.
Иас, город Ионии VIII 28, 2, 3; 29, 1; 36, 1; 54, 3.
Иасский залив в Ионии VIII 26, 2.
Иберия, страна на Пиренейском полуострове VI 2, 2.
Иберы (иберийцы), жители Иберии VI 2, 2; 90, 3.
Ида, гора в Троаде IV 52, 3; VIII 108, 4.
Идак, город Херсонеса VIII 108, 4.
Идомена, город Македонии II 100, 3.
Идомена, два холма в Амфилохии III 112, 1; 113, 3.
Иелис, город на о. Родосе VIII 44, 2.
Иеты, укрепление сикулов VII 2, 3.
Икар, остров Эгейского моря III 29, 1; VIII 99.
Илион, другое название Трои I 12, 2, 3; VI 2, 3.
Иллирийцы, жители страны к западу от Македонии I 26, 4; IV 124, 4; 125, 1.
Илоты, потомки порабощенных спартанцами мессенян I 101, 2; 128, 1; 132, 4, 5; II 27, 2; III 54, 5; IV 8, 9; 26, 5, 6; 41, 3; 56, 2; 80, 2, 3; V 14, 3; 34, 1; 35, 6, 7; 56, 2, 3; 57, 1; 64, 2; VII 19, 3; 26, 2; 58, 3.
Имброс, остров у Фракийского Херсонеса III 5, 1; IV 28, 4; V 8, 2; VII 57, 2; VIII 102, 3; 103, 3.
Инар, царь ливийцев I 104; 110, 3.
Инесса, город Сицилии III 103, 1; VI 94, 3.
Иолай, правитель Македонии I 62, 2.
Иолкий, афинянин V 19, 2; 24, 1.
Ион, хиосец VIII 38, 3.
Ионийский залив (или море), южная часть Адриатического моря I 24, 1; II 97, 5; VI 13, 1; 30, 1; 34, 4; 44, 1; 104, 1; VII 33, 3; 57, 11.
Иония, западное побережье Малой Азии (между Карией и Эолидой) I 2, 6; 89, 2; 137, 2; II 9, 4; III 31, 1; 32, 3; 33, 2; 36, 2; 76; VII 57, 4; VIII 6, 2; 12, 2; 20, 1; 26, 3; 31, 3; 39, 1; 40, 1; 56, 4; 86, 4; 96, 4; 108, 3.
Ионийцы, жители Ионии I 6, 3; 12, 4; 13, 6; 16; 95, 1; 124, 1; II 15, 4; III 86, 3; 92, 5; 104, 3; V 9, 1; VI 4, 5; 76, 3; 77, 1; 80, 3; 82, 2, 3; VII 5, 4; 57, 2, 4, 9; VIII 25, 3, 5.
Иннеяне, племя озольских локров III 101, 2.
Исарх, коринфянин I 29, 2.
Исархид, коринфянин I 29, 2.
Исократ, коринфянин II 83, 4.
Исолох, афинянин III 115, 2.
Истм, коринфский перешеек I 13, 5; 108, 2; II 9, 2; 10, 2; 13, 1; 18, 3; III 15, 1; 16, 1; 18, 1; 89, 1; IV 42, 2, 3; V 18, 10; 75, 2; VI 61, 2; VIII 7; 8, 3; 11, 3.

Истмийское празднество VIII 9, 1; 10, 1.
Истмионик, афинянин V 19, 2; 24, 1.
Истона, город на Керкире III 85, 4; IV 46, 1.
Истр, река во Фракии II 96, 1; 97, 1.
Исхагор, лакедемонянин IV 132, 2, 3; V 19, 2; 21, 1, 3; 24, 1.
Итал, миф., царь сикулов VI 2, 4.
Италийские эллины VI 44, 3; 88, 7; 90, 2; VII 57, 11; 87, 3.
Италия, страна на Апеннинском полуострове I 12, 4; 36, 2; 44, 3; II 7, 2; III 86, 2, 5; IV 24, 4; V 4, 1; 5, 1; VI 2, 4; 34, 1; 42, 2; 44, 2; 90, 3; 91, 3; 103, 2; 104, 2; VII 14, 3; 25, 1; 33, 4.
Итаман, перс III 34, 1.
Итис, миф., сын Терея и Прокны II 29, 3.
Ифома, город Мессении I 101, 2; 102, 1, 2; 103, 1; III 54, 5.
Ихтис, мыс Элиды II 25, 4.

Кавлониатида, область Сицилии VII 25, 2.
Кави, город Карии I 116, 3; VIII 39, 3; 41, 1, 4; 42, 2, 4; 57, 1; 88; 108, 1.
Кадмеида, древнее название Беотии I 12, 3.
Каикин, река Эпизефирской Локриды III 103, 3.
Какипарис, река Сицилии VII 80, 5.
Калет, река на границе Гераклеотиды IV 75, 2.
Калидон, город Этолии III 102, 5.
Каллиад, афинянин, отец Каллия I 61, 1.
Каллигит, мегарец VIII 6, 1; 8, 1; 39, 1.
Каллии, этолийское племя III 96, 3.
Каллий, афинянин, отец Гиппоника III 91, 4.
Каллий, афинянин, сын Гиперохида VI 55, 1.
Каллий, афинянин, сын Каллиада I 61, 1; 62, 4; 63, 3.
Каллий, коринфянин I 96, 3.
Калликрат, коринфянин I 29, 2.
Каллимах, афинянин, отец Фаномаха II 70, 1.
Каллироя, источник в Афинах II 15, 5.
Калхедон, город мегарцев в устье Понта IV 75, 2.
Камарина, город Сицилии III 86, 2; IV 25, 7; 58; VI 5, 3; 32, 1; 75, 3, 4; VII 80, 2.
Камбиз, царь персов I 13, 6; 14, 2.
Камир, город Родоса VIII 44, 2.
Канастрей, мыс Паллены IV 110, 2.
Капатон, локр III 103, 3.
Кардамила, город Хиоса VIII 24, 3.
Карии, селение в Тегее V 55, 3.
Кария, область Малой Азии I 116, 1, 3; II 9, 4; 69, 1; III 19, 2; VIII 5, 5.
Каркин, афинский адмирал II 23, 2.
Карней, лакедемонский праздник VIII 75, 2; 76, 1.
Карней, лакедемонский месяц V 54, 2, 3.
Картерия, гавань фокейской области VIII 101, 2.
Карфаген, финикийская колония в Африке VI 2, 6; 15, 2; 34, 2; 88, 6; VII 50, 2.
Касмены, город Сицилии VI 5, 2.
Катана, город Сицилии V 4, 6; VI 3, 3; 20, 3; 50, 3, 5; 51, 3; 52, 2; 62, 3; 63, 2; 64, 2; 65, 1, 3; 71, 2; 74, 1; 75, 2; 88, 5; 94, 1, 3, 4; 97, 1; VII 14, 2; 42, 3; 49, 2; 60, 2; 80, 2; 85, 4.
Кеадская пропасть, около Спарты I 134, 4.
Кекал, мегарец IV 119, 2.
Кекрифалия, остров у берегов Арголиды I 105, 1.
Кекроп, миф., царь Аттики II 15, 1.
Кеней, мыс Евбеи III 93, 1.
Кенторипы, город сикулов в Сицилии VI 94, 3; 32, 1.
Кенхрея (Кенхреи), гавань Коринфа IV 42, 4; 44, 4; VIII 10, 1; 20, 1; 23, 1, 5.
Кеосцы, жители о. Кеоса VIII 57, 4.
Керамик, квартал Афин VI 57, 1.
Кердилий, селение у Амфиполя V 6, 3, 5; 8, 1; 10, 2.
Керики, жреческий род в Афинах VIII 53, 2.
Керкина, город Македонии II 98, 1.
Керкира (совр. Корфу), остров в Ионийском море I 24, 6; 25, 1, 4; 26, 3; 36, 1; 44, 1, 2; 45, 3; 46, 1, 3; 53, 2; 55, 1, 2; 57, 1; 68, 4; 118, 1; 136, 1; 146, 1; II 7, 3; III 69, 2; 70, 1, 3; 80, 2; 84, 1; IV 3, 1; 5, 2; 8, 2; 46, 1; VI 30, 1; 33, 2; 34, 6; 43, 1; 44, 1; VII 26, 3; 31, 1, 5; 33, 3.
Кестрина, область Эпира I 46, 4.
Кефалления, остров в Ионийском море II 7, 3; 30, 1; 33, 3; 80, 1; V 35, 7; VII 31, 2.
Кефалленяне, жители Кефаллении I 27, 2; III 94, 1; 95, 2; VII 57, 7.
Кидония, город на Крите II 85, 5, 6.
Кизик, город в Пропонтиде VIII 107, 1.
Кизикенцы, жители Кизика VIII 6, 1; 39, 1.
Киклады, острова Эгейского моря I 4; II 9, 4.
Киклопы, миф., древние обитатели Сицилии VI 2, 1.

Киликияне, жители Киликии I 112, 4.
Киллена, город в Элиде I 30, 2; II 84, 5; 86, 1; III 69, 1; VI 88, 9.
Килон, афинянин I 126, 3, 4, 9, 10.
Кима, город опиков VI 4, 5.
Кима, город в Эолиде III 31, 1; VIII 22, 1; 31, 3, 4; 103, 3; 101, 2, 3.
Кимон, афинянин, сын Мильтиада I 45, 2; 98, 1; 100, 1; 102, 1; 112, 2, 4.
Кинет, акарнанец II 202, 1.
Кипоссема, мыс Фракийского Херсонеса VIII 104, 5; 105, 2; 106, 4.
Кинурия, область между Арголидой и Лаконией IV 56, 2; V 14, 4; 41, 2.
Кипр, остров Эгейского моря I 94, 2; 104, 2; 112, 2, 4; 128, 5.
Кипселы, крепость паррасиев V 33, 1.
Кир, отец Камбиза, царь персов I 13, 6; 16.
Кир Младший, сын персидского царя Дария II 65, 12.
Кирена, город Ливии I 110, 1; VII 50, 2.
Кирр, город Македонии II 100, 4.
Китий, город на Кипре I 112, 3, 4.
Китиний, город Дориды I 107, 2; III 95, 1; 102, 1.
Киферодик, лакедемонский чиновник на о. Киферах IV 53, 2.
Киферон, гора на границе Аттики и Беотии II 75, 2; III 24, 1.
Киферы, остров у берегов Лаконии IV 53, 1, 2; 54, 4; 55, 1; 56, 1; 57, 4; 118, 4; V 14, 3; 18, 7; VII 26, 2.
Клазоменяне, жители Клазомен VIII 14, 3; 16, 1; 23, 6; 31, 4.
Клазомены, город Ионии VIII 14, 3; 22, 1; 23, 6; 31, 2, 3.
Кларос, город Ионии III 33, 1, 2.
Клеандрид, лакедемонянин VI 93, 2; VII 2, 1.
Клеарид, лакедемонянин IV 132, 3; V 6, 5; 8, 4; 9, 7; 10, 1, 7, 9, 12; 11, 3; 21, 1, 2; 34, 1.
Клеарх, лакедемонянин VIII 8, 2; 39, 2; 80, 1, 3.
Клеенет, афинянин III 36, 6; IV 21, 3.
Клеиппид, афинянин III 3, 3.
Клеобул, лакедемонянин, эфор V 36, 1; 37, 1; 38, 3.
Клеомброт, лакедемонянин, отец Павсания I 94; 107, 2; II 72, 2.
Клеомед, афинянин V 84, 3.
Клеомен, царь лакедемонян I 126, 12.
Клеомен, лакедемонянин, дядя Плистоанакта III 26, 2.
Клеон, афинянин, сын Клеенета, демагог III 36, 6; 41; 44, 3; 47, 1, 5; 50, 1; IV 21, 3; 22, 2; 27, 3; 28, 1, 3, 5; 30, 4; 36, 1; 37, 1; 38, 1; 39, 3; 122, 6; V 2, 1; 3, 4, 6; 6, 1, 3; 7, 1; 10, 2, 9; 16, 1.
Клеоним, лакедемонянин IV 132, 3.
Клеоны, город Арголиды V 67, 2; 72, 4; 74, 3; VI 95, 1.
Клеоны, город Акты IV 109, 3.
Клеопомп, афинянин II 26, 1; 58, 1.
Клиний, афинянин, отец Алкивиада V 43, 2; 52, 1; VI 8, 2; 15, 2.
Клиний, афинянин, отец Клеопомпа II 26, 1; 58, 1.
Кнем, лакедемонянин II 6, 6, 2; 80, 2, 4, 8; 81, 3; 82; 83, 1; 84, 5; 85, 1, 3; 86, 6; 93, 1.
Книд, город Карии VIII 35, 1, 3; 41, 3; 42, 1; 43, 1, 2; 44, 2; 109, 1.
Книдис, лакедемонянин V 51, 2.
Колон, селение близ Афин VIII 67, 2.
Колоны, город Троады I 131, 1.
Колофон, ионийский город в Малой Азии III 34, 1, 2, 4.
Конон, афинянин, сын Тимофея VII 31, 4, 5.
Копы, область вокруг Копаидского озера в Беотии IV 93, 4.
Кореб, платеец III 22, 3.
Корик, мыс Ионии VIII 14, 1; 33, 2; 34.
Коринф, город на Коринфском перешейке I 13, 2; 25, 2; 28, 1; 44, 1; 60, 2; II 69, 1; 80, 3, 8; 81, 1; 83, 1; 92, 6; 93, 1, 2; 94, 3; III 15, 1; 85, 3; 100, 1; IV 70, 1; 74, 1; V 30, 1; 50, 5; 53; 64, 4; 75, 2; VI 3, 2; 34, 3; 73; 88, 7, 9; 104, 1; VII 7, 3; 17, 2; 19, 4; VIII 3, 1; 7; 8, 2; 13.
Коринфасий, лакедемонское название Пилоса IV 3, 2; 118, 4; V 18, 7.
Коронея, город Беотии I 113, 2; III 62, 5; 67, 3; IV 92, 6.
Коронеяне, жители Коронеи IV 93, 4.
Коронты, город Акарнании II 102, 1.
Кос Меропида, остров у побережья Карии VIII 41, 2, 3; 44, 3; 55, 1; 108, 2.
Котирта, местность Лаконии IV 56.
Коф, гавань близ Тороны V 2, 2.
Крании, город Кефаллении II 30, 2; 33, 3; V 35, 7; 56, 3.
Краннонцы, фессалийское племя II 22, 3.
Кратемен, халкидянин, основатель Занклы VI 4, 5.
Кратесикл, лакедемонянин IV 11, 2.
Крез, царь лидийцев 1, 16.
Крены, местность в Амфилохии III 105, 2.
Крисейский залив, часть Коринфского залива I 107, 3; II 69, 1; 83, 1; 86, 3; 92, 6; 93, 1; IV 76, 3.

Крестоны, фракийское племя IV 109, 4.
Крит, остров в Эгейском море II 9, 4; 85, 5, 6; 86, 1; 92, 7; III 69, 1; VI 4, 3; 25, 2; VIII 39, 3.
Критское море, около о. Крита V 110, 1; IV 53, 3.
Критяне, жители о. Крита II 85, 5; VI 43; VII 57, 9.
Кромний, город Этолии III 96, 2.
Кромний, селение в Коринфской области IV 45, 1; 42, 4; 44, 4.
Кропия, селение Аттики II 19, 2.
Кротониатида, область города Кротона в Италии VII 35, 1.
Кротонцы, жители Кротона VII 35, 2.
Крусида, область у берегов Халкидики II 79, 4.
Ксантипп, афинянин, отец Перикла I 111, 2; 127, 1; 139, 4; II 13, 1; 31, 1; 34, 8.
Ксенар, лакедемонянин, эфор V 36, 1; 37, 1; 38, 3; 46, 4; 51, 2.
Ксеноклид, коринфянин I 46, 2; III 114, 4.
Ксенон, фиванец VII 19, 3.
Ксенотим, афинянин II 23, 2.
Ксенофан, афинянин VI 8, 2.
Ксенофантид, лакедемонянин VIII 55, 2.
Ксенофонт, афинянин IV 70, 1; 79, 1.
Ксеркс, царь персов I 14, 2; 118, 2; 129, 1, 3; 137, 3; III 50, 5; IV 50, 3.

Лабдал, возвышенность у Сиракуз VI 97, 5; 98, 2; VII 3, 4.
Лаврий, гора в Аттике с серебряными рудниками II 55; VI 91, 7.
Лада, остров у Милета VIII 17, 3; 24, 1.
Лакедемон, другое название Спарты I 18, 1; 43, 1; 57, 4; 58, 1; 67, 1; 72, 1; 90, 5, 5; 94, 1; 95, 5; 109, 2; 139, 3; III 4—6; 25, 1; 52, 3; 85, 3; 92, 2; 100, 1; IV 50, 1; 83, 4; 108, 6; 118, 9; 119, 1; V 16, 3; 18, 10; 21, 3; 22, 1; 23, 4, 5; 25, 1; 27, 1; 28, 2; 37, 3, 4; 38, 3; 40, 3; 41, 2; 44, 1; 46, 5; 49, 2, 4; VI 34, 3; 73; 88, 7—9; 93, 3; VII 1, 4; 7, 3; VIII 5, 1, 4; 6, 1; 20, 1; 29, 1; 45, 1; 58, 1; 71, 3; 85, 1, 4; 86, 9; 87, 3; 89, 2; 90, 1; 91, 1; 92, 2.
Лакедемоний, афинянин I 45, 2.
Лакон, платеец III 52, 5.
Лаконня, область в Пелопоннесе II 25, 1; 27, 2; 56, 6; III 7, 2; IV 3, 1; 12, 3; 16, 1; 42, 2; 52, 2, 3; 54, 3; 56, 2; V 33, 1; 34, 1; 35, 7; VI 105, 2; VII 19, 4; 20, 2; 26, 1, 2; 31, 1; VIII 4; 6, 5; 8, 2; 91, 2.
Ламах, афинский военачальник IV 75, 1; V 19, 2; 24, 1; VI 8, 2; 49, 1; 50, 1; 101, 6; 103, 3.
Ламис, мегарец VI 4, 1.
Лампон, афинянин V 19, 2; 24, 1.
Лампсак, город на Геллеспонте I 138, 5; VI 59, 3, 4; VIII 62, 1, 2.
Лаодикий, место в Оресфиде (в Пелопоннесе) IV 134, 1.
Лаофонт, мегарец VIII 6, 1.
Лариса, город Фессалии, II 22, 3; IV 78, 2; VIII 101, 3.
Лас, местность Лаконии VIII 91, 2; 92, 3.
Лафил, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Лахет, афинский военачальник III 86, 1; 90, 2; 103, 3; 115, 2, 6; IV 118, 11; V 19, 2; 24, 1; 43, 2; 61, 1; VI 1, 1; 6, 2; 75, 3.
Леагр, афинянин I 51, 4.
Леарх, афинянин II 67, 2, 3.
Лебедос, город Ионии VIII 19, 4.
Левкада, остров у берегов Акарнании I 30, 2, 3; 46, 3; II 30, 2; 80, 2, 3; 84, 5; III 7, 4; 80, 2; 94, 2; 95, 1, 2; 102, 3; IV 42, 3; VI 104, 1; VII 2, 1; VIII 13.
Левкимна, мыс Керкиры I 30, 1, 4; 47, 2; 51, 4; III 79, 3.
Левконий, место на о. Хиосе VIII 24, 3.
Левктры, город на границе Лаконии V 54, 1.
Леей, племя пеонов II 96, 3; 97, 2.
Лекиф, укрепление гоплитов IV 113, 2; 114, 1; 115, 1; 116, 2.
Лект, город Элиды VIII 101, 4.
Лемнос, остров у берегов Эолиды I 115, 3, 5; II 47, 3; IV, 109, 4; VIII 102, 2.
Леогор, афинянин I 51, 4.
Леокорий, храм в Керамике в честь дочерей Леоя I 20, 2; VI 57, 3.
Леократ, афинский военачальник I 105, 2.
Леонид, лакедемонянин, отец царя Плистарха I 132, 1.
Леонт, афинянин V 19, 2; 24, 1; VIII 23, 1; 24, 2; 54, 3; 55, 1; 73, 4, 5.
Леонт, лакедемонянин III 92, 5; V 44, 3; VIII 28, 5.
Леонт, спартиат VIII 61, 2.
Леонтиад, фиванец II 2, 3.
Леонтинская область в Сицилии V 4, 4; VI 65, 1.
Леонтины, город Сицилии III 86, 2, 3; IV 25, 9—11; V 2, 4, 5; VI 3, 3; 4, 1; 6, 2; 8, 2; 19, 1; 20, 3; 33, 2; 44, 3; 46, 2; 47; 48; 50, 4; 63, 3; 76, 2; 77, 1; 79, 2; 84, 2; 86, 4.

Леотихид, царь лакедемонян I 89, 2.
Лепреаты, жители Лепрея V 31, 2, 3, 4; 50, 2.
Лепрей, город Элиды V 31, 1, 4; 34, 1; 49, 1, 5; 50, 1; 62, 1, 2.
Лерос, остров у Милета VIII 26, 1; 27, 1.
Лесбос, остров Эгейского моря I 116, 1; 117, 2; III 2, 1, 3; 3, 1; 4, 3; 5, 1; 13, 5; 16, 1, 3; 26, 4; 35, 2; 50, 3; 51, 1; 69, 2; IV 52, 3; VIII 7; 8, 2; 22, 1; 23, 1, 2, 5, 6; 24, 2; 32, 3; 34; 38, 2; 100, 2, 3; 101, 1.
Лесподий, афинский военачальник VI 105, 2; VIII 86, 9.
Лестригоны, древние обитатели Сицилии VI 2, 1.
Ливийцы, обитатели Ливии I 104, 1; 110, 3; VIII 50, 2.
Ливия, часть света I 110, 1; II 48, 1; IV 53, 3; VI 2, 3; VII 50, 2; 58, 2.
Лигии, жители Иберии VI 2, 2.
Лик, афинянин VIII 75, 2.
Ликей, город Аркадии V 16, 3; 54, 1.
Ликия, область Малой Азии II 69, 3; VIII 41, 4.
Ликомед, афинянин I 57, 6; V 84, 3.
Ликофрон, коринфянин IV 43; 44, 2.
Ликофрон, лакедемонянин II 85, 1.
Лимера, см. Эпидавр.
Лимнея, селение Амфилохии II 80, 8; III 106, 2.
Лимны (Болота), район Афин II 15, 4.
Линд, город Родоса VIII 44, 2.
Линдии, акрополь Гелы VI 4, 3.
Линк, область Македонии IV 83, 2; 124, 1; 129, 2; 131, 1.
Линкесты, жители Линка II 99, 2; IV 79, 2; 83, 1; 124, 2, 3.
Липара, один из Эоловых островов III 88, 1.
Лисикл, отец Аброниха, афинянин I 91, 3; 111, 19, 1.
Лисимах, отец Аристида I 91, 3.
Лисимах, отец Гераклида, сиракузянин VI 73, 1.
Лисимахид, фиванец IV 91.
Лисимелея, болото у Сиракуз VII 53, 2.
Лисистрат, олинфянин IV 110, 2.
Лихас, лакедемонянин V 22; 50, 4; 76, 3; VIII 39, 2; 43, 3; 52; 84, 5; 87, 1.
Локрида Озольская, область на северном побережье Коринфского залива III 91, 6; 95, 3; 96, 2; 98, 3; 101, 2.
Локрида Опунтская, область на южном побережье Евбейского залива II 26, 1; 32.
Локрида Эпизефирская, область в Италии III 99; 103, 3.
Локры Озольские I 5, 3; 103, 3; III 95, 1, 3; 101, 1; 102, 1; V 32, 2.
Локры Опунтские I 108, 3; 113, 2; II 9, 2, 3; 26, 2; 32; III 89, 3; 96, 8; V 64, 4; VIII 3, 2; 43, 3.
Локры Эпизефирские III 86, 2; 98; 103, 3; 115, 6; IV 1—4; 24, 2; 25, 3; V 5, 1, 2; VI 44, 2; VII 1, 2; 4, 7; 25, 3; 35, 2; VIII 91, 2.
Лоримы, город Карии VIII 43, 1.

Магнесия, город в Азии I 138, 5; VIII 50, 3.
Магнеты, жители области Фессалии II 101, 2.
Макарий, лакедемонянин III 100, 2; 109, 1.
Македония, область в северной Греции I 58, 1; 59, 2; 60, 1; 61, 2, 3; II 95, 1; 99, 1, 3, 6; 100, 4; 101, 5; IV 78, 6; 129, 1; VI 7, 3.
Македоняне, жители Македонии I, 57, 2; 61, 4; 62, 4; 63, 2; 128, 4; VI 7, 3.
Малийцы, племя Италии III 92, 2; V 51, 1.
Малея, мыс Лаконии IV 53, 2; 54; VIII 39, 3.
Малея, мыс на Лесбосе III 4, 5; 6, 2.
Мантинейская область в Пелопоннесе VI 88, 9.
Мантинея, город Аркадии V 47, 4, 9, 10; 55, 1; 62, 2; 64, 4; 77, 1; VI 16, 6.
Марафон, дем Аттики I 18, 1; 73, 4; II 34, 5; VI 59, 4.
Марафусса, остров у Клазомен VIII 31, 3.
Марея, город Египта I 104, 1.
Массилия, колония фокеян I, 13, 6.
Махаон, коринфянин II 83, 4.
Меандр, река в Карии III 19, 2; VIII 58, 1.
Мегабаз, перс I 109, 2, 3.
Мегабат, перс I 129, 1.
Мегабиз, перс I 109, 3.
Мегакл, сикионец IV 119, 2.
Мегарида, область Мегар I 105, 3; 108, 2; II 31, 1, 3; IV 70, 1; 76, 1; VIII 33.
Мегары, город Пелопоннеса I 103, 4; 105, 4, 6; 107, 3; 114, 1; 126, 3; II 31, 1; 93, 2, 4; 94, 3; III 51, 1; IV 66, 3; 69, 1; 70, 1; 72, 1; 73, 4; VI, 4, 1, 2; VIII 94, 1.
Мегары (гиблейские), город Сицилии VI 49, 4; 75, 1; 94, 1; 97, 5; VII 25, 4.
Медеон, город Акарнании III 106, 2.
Медмеи, племя Италии V 5, 3.

Меды, фракийское племя II 98, 2.
Мекиберна, город Фракии V 16, 6; 39, 1.
Меланоп, афинянин III 86, 1.
Меланхрид, наварх лакедемонян VIII 6, 5.
Меланф, лакедемонянин VIII 5, 1.
Мелей, лакедемонянин III 5, 4.
Мелесандр, афинянин II 69, 2.
Мелесий, афинянин VIII 86, 9.
Мелесипп, лакедемонянин I 139, 3; II 12, 1, 2.
Мелийский (или Малийский) залив в Фессалии III 96, 3; IV 100, 1; VIII 3, 1.
Мелитея, город Ахеи фессалийской IV 78, 1.
Мелос, остров Эгейского моря II 9, 4; III 91, 1, 3; 94, 1; V 84, 1; VIII 39, 3; 41, 4.
Мемфис, город Египта I 104, 2; 109, 4.
Меналия, область Аркадии V 64, 2.
Меналяне, жители Меналии V 67, 1; 77, 1.
Менандр, афинянин VII 16, 1; 43, 2; 69, 4.
Менас, лакедемонянин V 19, 2; 21, 1; 24, 1.
Менда, город Паллены IV 121, 2; 123, 1; 124, 4; 129, 1, 2; 130, 6, 7; 131, 3.
Мендейцы, жители Менды IV 7; 123, 2, 4; 129, 3, 5; 130, 3, 7.
Мендесийский рог (устье) Нила I 110, 4.
Менедай, лакедемонянин III 100, 2; 109, 1.
Менекол, сиракузянин VI 5, 3.
Менипп, афинянин VIII, 13.
Менон, фарсалец II 23, 3.
Мессапии, племя локров в Италии III 101, 2; VII 33, 4.
Мессена, город Сицилии III 90, 3; IV 1, 1, 4; 24, 1, 4, 5; 25, 2, 3, 5, 6, 10; V 5, 1; VI 4, 6; 50, 1; 74, 1; VII 1, 2.
Мессения, область в Пелопоннесе IV 3, 2.
Мессенская земля в Пелопоннесе IV 41, 2.
Метаген, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Метапонтий, город в Италии VII 33, 4, 5; 57, 11.
Метрополь, город в Эпире III 107, 1.
Мефана, город Арголиды IV 45, 1; V 18, 7.
Мефидрий, город Аркадии V 58, 2.
Мефимна, город Лесбоса III 2, 1, 3; 5, 1; 18, 1; 50, 2; VII 101, 2; VIII 22, 2; 23, 4; 100, 2.
Мефимнейцы, жители Мефимны III 2, 3; 18, 2; 50, 2; VI 85, 2; VII 57, 5; VIII 23, 4; 100, 3.
Мефона, город Лаконии II 25, 1, 2.
Мефона, город Македонии VI 7, 3.
Мигдония, область Македонии I 58, 2; II 99, 4; 100, 4.
Мидий, река в Геллеспонте VIII, 106, 1.
Мидяне, народ Малой Азии I 18, 1, 2; 69, 5; 74, 4; 77, 5, 6; 86, 1; 89, 2; 92; 93, 8; 94, 2; 98, 1; 100, 1; 102, 4; 104, 2; 128, 5; 130, 1; 132, 2; 144, 4; II 71, 2; 74, 2; III 10, 3, 4; 54, 3; 57, 3; 58, 4, 5; 62, 4, 5; 63, 2; 68, 1; V 89; VI 4, 4; 17, 7; 33, 6; 59, 4; 76, 3, 4; 77, 1; 82, 4; 83, 1; VII 21, 3.
Микала, мыс Ионии I 89, 2; VIII 79, 1, 2.
Микалесс, город Беотии VII 29, 2—4; 30, 3.
Микены, знаменитый город древности I 9, 2; 10, 1.
Микиад, коринфянин I, 47, 1.
Миконос, остров около Делоса III 29, 1.
Милет, город Ионии I 115, 5; 116, 1; VIII 17, 1, 3; 19, 1; 24, 1; 26, 1, 5; 26, 1, 2, 3; 27, 6; 28, 4, 5; 29, 1; 30, 1, 2; 32, 2; 33, 1, 4; 35, 2; 36, 1; 38, 4, 5; 39; 44; 45, 1; 50, 2; 57, 1; 60, 3; 61, 2; 62, 1; 63, 1, 2; 75, 3; 79, 3, 5, 6; 80, 3; 83, 1, 2; 84, 4; 85, 3; 99; 100, 1; 107, 3; 109, 1.
Милетиды, сиракузские изгнанники VI 5, 1.
Милы, город мессенян в Сицилии III 90, 2.
Мильтиад, отец Кимона, афинянин I 98, 1; 100, 1.
Мимант, город Ионии VIII 34.
Миндар, лакедемонский наварх, преемник Астиоха VIII 85, 1; 99, 1, 2; 101, 1; 102, 2; 104, 3.
Минос, миф., древнейший царь Крита I 4, 1; 8, 2.
Миноя, остров против Мегар III 51, 1; IV 67, 1; 118, 4.
Мионнесс, полуостров у Эфеса в Малой Азии III 32, 1.
Мионяне, племя локров III 101, 2.
Миркин, город эдонов IV 107, 3.
Миронид, афинский военачальник I 105, 4; 108, 2; IV 95, 3.
Мирсина, афинянка, супруга Гиппия VI 55, 1.
Миртил, афинянин V 19, 2; 24, 1.
Мискон, сиракузский военачальник VIII 85, 3.

Митилена, город Лесбоса III 2, 3; 3, 5; 6, 2; 18, 4, 5; 25, 1; 26, 1; 29, 1, 2; 30, 1; 31, 2; 35, 1, 2; 49, 4; VIII 22, 2; 23, 2, 4; 100, 3; 101, 2.
Миунт, город Карии I 138, 5; III 19, 2.
Моликрей, город Этолии II 84, 4; III 102, 2.
Моликрейский Рион, город Этолии II 86, 2.
Молобр, лакедемонянин IV 8, 9.
Молоссы, племя в Эпире I 136, 2; II 80, 6.
Моргантина, город Сицилии IV 65, 1.
Мотия, город Сицилии VI 2, 6.
Мунихия, гавань Афин II 13, 7; VIII 92, 5; 93, 1.

Навкрат, сикионец, отец Дамотима IV 119, 2.
Навпакт, город в Коринфском заливе I 103, 3; II 9, 4; 69, 1; 80, 1, 4; 81, 1; 83, 1; 84, 4; 90, 2; 91, 1; 92, 7; 102, 1; 103, 1; III 7, 3; 69, 2; 75, 1; 78, 2; 94, 3; 96, 2; 98, 5; 100, 1; 101, 1; 102, 1, 3; 114, 2; IV 13, 2; 41, 2; 49; 76, 1; 77, 1; VII 17, 4; 19, 5; 31, 2, 4, 5; 34, 1, 3, 7; 36, 2; 57, 8.
Навпактии, жители Навпакта II 92, 3.
Наксос, один из Кикладских островов I 137, 2.
Наксос, город Сицилии IV 25, 7; VI 3, 1, 3; 20, 3; 50, 2; 72, 1; 74, 2; 75, 2; 88, 3, 5; VII 14, 2.
Неаполь, карфагенский торговый порт в Сицилии VII 50, 2.
Немея, город Пелопоннеса V 59, 3; 59, 1—3; 60, 3.
Немея, город Этолии III 96, 1.
Нерик, город Левкады III 7, 4.
Нест, река Фракии II 96, 4.
Никанор, вождь хаонов II 80, 5.
Никас, мегарец IV 119, 2.
Никерат, афинянин, отец Никия III 51, 1; 91, 1; IV 27, 5; 42, 1; 53, 1; 119, 2; 129, 2; V 16, 1; 83, 4; VI 8, 2.
Никпад, афинянин IV 118, 11.
Никий, афинянин, отец Гагнона II 58, 1; IV 102, 3.
Никий, афинянин, государственный деятель и военачальник III 51, 1, 2; 91, 1, 6; IV 27, 5; 28, 1, 3; 42, 1; 53, 1; 54, 2, 3; 119, 2; 129, 2, 4; 130, 2, 6; 132, 2; V 16, 1; 19, 2; 24, 1; 43, 2; 45, 3; 46, 1, 3, 4; 83, 4; VI 8, 2, 4; 15, 1, 2; 16, 1; 17, 1; 18, 6; 19, 2; 24, 1; 25, 1; 46, 2; 47; 62, 4; 67, 3; 69, 1; 102, 2; 103, 3; 104, 3; VII 1, 2; 3, 3; 4, 4; 6, 1; 8, 1; 10; 16, 1; 32, 1; 38, 2; 42, 3; 43, 1, 3; 48, 1; 49, 1, 4; 50, 3, 4; 60, 5; 65, 1; 69, 2; 72, 3, 4; 73, 3; 75, 1; 76; 78, 1, 2; 80, 1, 4; 81, 3; 82, 3; 84, 1; 85, 1; 86, 2, 3.
Николай, лакедемонянин II 67.
Никомах, фокидянин IV 89, 1.
Никомед, лакедемонянин I 107, 2.
Никон, фиванец VII 19, 3.
Никонид, фессалиец IV 78, 2.
Никострат, афинянин III 75, 1, 4; IV 53, 1; 119, 2; 129, 2, 4; 130, 2; V 61, 1.
Нил, река Египта I 104, 2.
Нимфодор, абдерит II 29, 1, 5.
Нис, место около Пилоса IV 118, 3.
Нисея, гавань Мегар I 103, 4; 114, 1; 115, 1; II 31, 3; 92, 2, 4; 94, 3; III 51, 3; IV 24, 3; 66, 3; 68, 3; 69, 1, 2; 70, 1, 2; 72, 2, 4; 73, 4; 85, 7; 100, 1; 108, 5; 118, 4; V 17, 2.
Нотий, город Ионии III 34, 1, 2, 4.

Одиссей, миф. герой Илиады и Одиссеи IV 24, 5.
Одоманты, фракийское племя II 101, 3; V 6, 2.
Одрисы, фракийское племя II 20, 2, 3; 95, 1; 96, 1; 97, 1, 3; 98, 2, 4; IV 101, 5.
Окит, коринфянин IV 119, 2.
Олимп, гора Македонии IV 78, 3.
Олимпия, город в Элиде I 6, 5; 126, 3, 5; III 8, 1; V 47, 10, 11; 49, 1; 50, 5.
Олинф, город Халкидики I 58, 2; 62, 1, 3, 4; 63, 1, 2; II 79, 2, 4; IV 123, 4.
Олор, афинянин, отец историка Фукидида IV 104, 4.
Олофикс, город на Акте IV 109, 3.
Олпа (Олпы), город амфилохов III 105, 1, 4; 106, 1, 3; 107, 2, 3; 108, 3; 110, 1; 111, 1; 113, 1.
Онасим, сикионец IV 119, 2.
Оней, гора около Коринфа IV 44, 4.
Онеторид, фиванец II 2, 1.
Ономакл, афинский военачальник VIII 25, 1; 30, 2.
Опики, италийское племя VI 2, 4.
Опикия, область в Италии VI 4, 5.
Опунт, город Локриды II 32.
Орей, город Евбеи VIII 95, 7.
Орест, фессалиец I 111, 1.
Оресты, племя македонян II 80, 6.

Оресфида, местность в Пелопоннесе IV 134, 1.
Оресфий, место в Менальской области в Пелопоннесе V 64, 3.
Орнеаты, жители Орней V 67, 2; 72, 4; 74, 3; VI 17, 1.
Орнеи, город в Арголиде VI 7, 1, 2.
Оробии, город Евбеи III 89, 2.
Оройд, царь парараев II 80, 6.
Ороп, город Аттики II 23, 3; III 91, 3; IV 96, 7, 9; VII 28, 1; VIII 60, 2, 2; 95, 1, 3, 4.
Оропии, жители Оропа II 23, 3; VIII 60, 1.
Оропия, область Оропа IV 91; 99.
Орхомен, город Аркадии V 61, 3, 4; 62, 1; 63, 2.
Орхомен, город Беотии I 113, 1, 2; III 87, 4; IV 76, 3.
Орхоменяне, жители аркадского Орхомена V 61, 5; 77, 1.
Орхоменяне, жители беотийского Орхомена IV 76, 3; 93, 4.
Оский, река Фракии II 96, 4.
Офионяне, этолийское племя III 94, 5; 96, 2, 3; 100, 1.

Павсаний, сын Клеомброта, спартанец I, 94, 1; 95, 1, 3. 7; 96, 1; 107, 2; 114, 2; 128, 3, 7; 129, 1, 3; 130, 1; 132, 2, 3; 133; 134, 4; 135, 2; 138, 6; II 21, 1; 71, 2, 4; 72, 1; III 54, 4; 58, 5; 68, 1; V 16, 1; 33, 1.
Павсаний, македонянин I 61, 4.
Павсаний, царь лакедемонян III 26, 2.
Пагонд, фиванский беотарх IV 91, 1; 93, 1; 96, 1, 5.
Палеряне, племя акарнанов II 30, 1.
Палеяне, жители Кефаллении I 27, 2; 30, 2.
Паллена, западный полуостров Халкидики I 56, 2; 64, 1, 2; IV 116, 2; 120, 3; 123, 1; 129, 1.
Памилл, мегарец, основатель Сиракуз VI 4, 2.
Памфилия, область Малой Азии I 100, 1.
Панакт, пограничная крепость в Аттике V 3, 5; 18, 7; 35, 5; 36, 2; 39, 2, 3; 40, 1; 42, 1, 2; 44, 2; 46, 2.
Панафинеи великие, празднество в Афинах I 20, 2; V 47, 10; VI 56, 2.
Пангей, город Македонии II 99, 3.
Пандион, миф., царь афинян II 29, 3.
Панеи, фракийское племя II 101, 3.
Панер, фессалиец IV 78.
Панорм, город Ахеи II 86, 1; 92, 1.
Панорм, город в Милетской области VIII 24, 1.
Панорм, город в Сицилии VI 2, 6.
Пантакий, река в Сицилии VI 4, 1.
Паравеи, эпирское племя II 80, 4.
Парал, афинский корабль III 33. 1, 2; 77, 3; VIII 74, 1.
Парал, приморская область Аттики II 55, 1; 56, 1, 3.
Паралии, племя малиян III 92, 2.
Парнасс, гора на границе Локриды и Фокиды III 95, 1.
Парос, один из Кикладских островов IV 104. 4.
Паррасии, жители области Паррасии в Аркадии V 33.
Патмос, остров в Эгейском море (один из Спорадских островов) III 33, 3.
Патрокл, лакедемонянин IV 37, 3.
Патры, город Ахеи II 83, 3; 84, 3, 5; V 52, 2.
Пахет, афинский стратег III 18, 3; 28, 1, 2; 33, 2; 34, 2; 35, 1; 36, 3; 48, 1; 49, 4; 50, 1.
Пеги, мегарская гавань I 103, 4; 107, 3; 111, 2; 115, 1; IV 21, 3; 66, 1; 74, 2.
Педарит, лакедемонянин VIII, 28, 5; 32, 2, 3; 33, 3, 4; 38, 3, 4; 39, 2; 40, 1; 55, 2, 3; 61, 2.
Пела, остров у Клазомен VIII 31, 3.
Пеларгик, квартал в Афинах II 17.
Пеласги, доэллинское племя в Элладе I 3, 2; IV 109, 4.
Пелла, город Македонии II 99, 4; 100, 4.
Пеллих, коринфянин I 29, 2.
Пелоп, миф. герой-эпоним Пелопоннеса I 9, 2.
Пелопиды, потомки Пелопа I 9, 3.
Пелопоннес, область Греции I 2, 3; 10, 2; 12, 3; 13, 5; 28, 2; 31, 1; 32, 5; 65, 1, 2; 67, 1; 69, 5; 71, 7; 73, 4; 76, 1; 82, 5; 86, 1; 89. 2; 90; 94, 1; 95, 4; 103, 1; 108, 5; 122, 3; 126, 5; 135, 3; 136, 1; 143. 4; II 7, 3; 8, 1; 9, 2, 4; 10, 1; 11, 1; 17, 4; 23, 3; 25, 1; 27, 1; 30, 1; 31, 1; 54, 5; 55, 1; 56, 1, 4, 5; 66, 1; 67, 4; 69, 1; 80, 1; 86, 3; III 3, 2; 5, 2; 7, 1; 16, 1, 2; 17, 2; 27, 1; 29, 1; 31, 2; 33, 1; 69, 1; 86, 4; 91, 1; 94, 1; 102, 5; 105, 3; IV 2, 4; 3, 3; 8, 2; 26, 6; 27, 1; 52, 2; 76, 3; 79, 2, 3; 80, 1, 5; 81, 2; 118, 6; 120, 1; V 14, 4; 22, 2; 25, 1; 27, 1, 2; 28, 2; 29, 2; 30, 1; 32, 2; 36, 1; 40, 3; 52, 2; 57, 1, 2; 69, 1; 77, 5—7; 79, 1, 2, 4; 80, 1; 82, 6; 108; VI 16, 6; 22; 37, 1; 61, 7; 77, 1; 80, 1; 85, 2; 90, 3; 91, 4; 103, 3; 105, 2; VII 14, 2; 12, 1; 15, 1, 2; 17, 2, 3; 19, 3, 5; 20, 1; 25, 1, 3; 26, 1; 28, 3; 42, 3; 50, 1; 57, 7; 58, 3; 66, 2;

VIII 17, 1, 2; 26, 1; 28, 4; 35, 1; 39, 1; 41, 3; 71, 1; 80, 1; 91, 2.
Пелорида, мыс в области Мессены IV 25, 3.
Пеония, область Македонии II 99, 4.
Пеоны, жители Пеонии II 96, 3; 98, 2.
Пепареф, остров в Эгейском море III 89, 4.
Пердикка, царь македонян I 56, 2; 57, 2; 59, 2; 61, 3; 62, 2, 3; II 29, 4, 6, 7; 80, 7; 95, 1, 2; 99, 1, 3, 6; 100, 2; 101, 1, 5, 6; IV 78, 6; 79, 1, 2; 82; 83, 1, 3—6; 103, 3; 107, 3; 124, 1, 3, 4; 125, 1; 128, 3, 5; 132, 1, 2; V 6, 2; 80, 2; 83, 4; VI 7, 3, 4; VII 9.
Перинф из Кимы, основатель Занклы VI 4, 5.
Перикл, сын Ксантиппа, афинский государственный деятель I 111, 2; 114, 1, 3; 116, 1, 3; 117, 2; 127, 1; 139, 4; 145; II 12, 2; 13, 1, 9; 21, 3; 22, 1; 31, 1; 34, 8; 55, 2; 58, 1; 59, 2; 65, 1; VI 31, 2.
Периклид, лакедемонянин IV 119, 2.
Перребия, область Фессалии IV 78, 5.
Перребы, жители Перребии IV 78, 6.
Персеиды, потомки Персея I 9, 2.
Персы, народ в Малой Азии I 13, 6; 14, 2; 16; 89, 3; 104, 2; 109, 2, 3; 137, 3; II 97, 4; IV 36, 3; 50, 1, 2; VIII, 4.
Петра, город Италии, около Регия VII 35, 2.
Пидна, город Македонии I 61, 2, 3; 137, 1.
Пиерий, город Фессалии V, 13, 1.
Пиерия, область Фессалии II 99, 3; 100, 4.
Пиеры, жители Пиерии II 99, 3.
Пилос, город Лаконии IV 3, 1, 2; 6, 1; 8, 1, 2, 6, 8; 14, 5; 15, 2; 16, 1; 23, 1, 2; 26, 1, 2; 28, 3, 4; 29, 1; 30, 4; 31, 2; 32, 2; 39, 3; 41, 2—4; 46, 1; 55, 1; 80, 2; V 7, 3; 14, 2, 3; 35, 4, 6, 7; 36, 2; 39, 2, 3; 44, 3; 45, 2; 56, 2, 3; 115, 2; VI 89, 2; 105, 2; VII 18, 2, 3; 26, 2; 57, 8; 71, 7; 86, 3.
Пинд, гора Фессалии II 102, 2.
Пирасии, фессалийское племя II 22, 3.
Пирей, гавань Афин I 93, 3, 5, 7; 107, 1; II 13, 7; 17, 3; 48, 2; 93, 1, 2, 4; 94, 1, 2, 4; V 26, 1; VI 30, 1; VIII 1, 2; 76, 5; 82, 1, 2; 86, 4; 90, 3—5; 92, 4, 6, 7, 9, 10; 93, 1; 94, 3; 96, 3.
Пирра, город Лесбоса III 18, 1; 25, 1; 35, 1; VIII 23, 2.
Пиррих, коринфянин VII 39, 2.
Писандр, афинянин VIII 49; 53, 1; 54, 2—4; 56, 1; 63, 3; 64, 1; 65, 1; 67, 1; 68, 1; 73, 2; 90, 1; 98, 1.
Писистрат, тиран афинский I 20, 2; IV 104, 1; VI 53, 3; 54, 2, 3.
Писистрат, сын Гиппия, афинянин II 54, 6, 7.
Писсуфн, сын Гистаспа, перс I 115, 5; III 31, 1; 34, 2; VIII 5, 5; 28, 3.
Пистил, гелеянин, основатель Акраганта VI 4, 4.
Питанатов отряд в Спарте I 20, 3.
Питтак, царь эдонов IV 107, 3.
Пифангел, фиванец II 2, 1.
Пифей, абдерит II 29, 1.
Пифен, коринфянин VI 104, 1; VII 1, 1; 70, 1.
Пифий, керкирянин III 70, 5.
Пифийский оракул I 103, 2; II 17, 1.
Пифо, см. Дельфы.
Пифодор, афинянин II 2, 1; III 115, 2, 5, 6; IV 2, 2; 65, 3; V 19, 2; 24, 1; VI 105, 2.
Платея (Платеи), город Беотии I 130, 1; II 2, 1, 3; 4, 8; 5, 2; 6, 2; 7, 1; 10, 1; 12, 5; 19, 1; 71, 1; 78, 4; 79, 1; III 21, 1; 36, 1; 52, 2; 57, 2; 61, 2; 68, 4, 5; IV 12, 1; V 17, 2; VII 18, 2.
Плеврон, стоянка пелопоннесцев III 102, 5.
Племммирий, мыс Сицилии против Сиракуз VII 4, 4, 6; 22, 1; 23, 1, 4; 24, 1, 3; 25, 9; 31, 3; 32, 1; 36, 6.
Плистарх, сын Леонида, царь лакедемонян I 132, 1.
Плистоанакт, отец Павсания, царь лакедемонян I 107, 2; 114, 2; II 21, 1; III 26, 2; V 16, 1; 19, 2; 24, 1; 33, 1; 75, 1.
Плистол, лакедемонянин, эфор V 19, 1, 2; 24, 1; 25, 1.
Пникс, место народных собраний в Афинах VIII 97, 1.
Полианф, коринфянин VII 34, 2.
Полидамид, лакедемонянин IV 123, 4; 129, 3; 130, 3.
Поликрат, тиран Самоса I 13, 6; III 104, 2.
Полимед, ларисеец II 22, 3.
Полис, селение гиеев III, 101, 2.
Полл, царь одомантов V 6, 2.
Поллис, аргосец II 67, 1.
Полихна, город в Мисии VIII 14, 3; 23, 5.
Полихняне, соседи кидонян на о. Крите II 85, 5.
Понт Евксинский III 2, 2; IV 75, 1, 2.
Посейдон, миф., божество I 128, 1; II 84, 4; IV 118, 4; 129, 3; VIII 67, 2.
Потамид, сиракузянин VIII 85, 3.

Потидания, город Этолии III 96, 2.
Потидея, город на перешейке Паллены I 57, 4; 58, 1; 59, 1; 60, 1, 3; 61, 3, 4; 62, 4; 63, 1; 64, 2, 3; 65, 2; 66; 67, 1; 68, 4; 85, 2; 118, 1; 119; 139, 1; 140, 3; II 2, 1; 13, 3; 31, 2; 58, 1, 3; 67, 1, 4; 70, 4; 79, 7; III 17, 2—4; IV 120, 3; 121, 2; 129, 3; 130, 2; 135, 1; VI 31, 2.
Прасии, город Аттики VIII 95, 1.
Прасии, приморский город Лаконии II 56, 6; VI 105, 2; VII 18, 3; VIII 95.
Протодам, лакедемонянин II 67, 1.
Приап, город в Проопитиде VIII 107, 1.
Приена, город Ионии I 115, 2.
Прокл, афинский военачальник III 91, 1; 98, 4.
Прокл, афинянин V 19, 2; 24, 1.
Прокна, миф., дочь Пандиона II 29, 3.
Проксен, вождь локров III 103, 3.
Пронны, город Кефаллении II 30, 2.
Просопитида, остров в дельте Нила I 109, 4.
Просхий, город Этолии III 102, 5; 106, 1.
Прота, остров у берегов Мессении IV 13, 3.
Протей, афинянин I 45, 2; II 23, 2.
Протесилай, миф. герой VIII 102, 3.
Псамметих, отец Инара, ливиец I 104, 1.
Птелей, город Беотии V 18, 7.
Птелей, крепость в эрифрейской земле VIII 24, 2; 31, 2.
Птихия, остров у Керкиры IV 46, 3.
Птойодор, фиванец IV 76, 2.

Рамфий, лакедемонянин, посол в Афинах I 139, 3; V 12, 1; 13, 1; 14, 1.
Рамфий, лакедемонянин, отец Клеарха VIII 8, 2; 39, 2; 80, 1.
Регий, мыс и город Италии III 86, 5; 88, 4; 115, 2; IV 1, 3; 24, 4; 25, 2, 11; VI 44, 2; 45; 46, 1; 50, 1, 2; 51, 2, 3; VII 1, 2; 4, 7; 35, 2.
Рейт, место в Коринфской области IV 42, 2.
Рейты, место в Аттике II 19, 2.
Ренея, остров около Делоса I 13, 6; III 104, 2.
Ретий, город на Геллеспонте IV 52, 2; VIII 101, 3.
Рион ахейский, стоянка афинской эскадры II 86, 3—5; 92, 5; V 52, 2.
Рион моликрийский, в Этолии, стоянка афинской эскадры II 84, 4; 86, 2, 3, 5.
Рип, город в Ахее VII 34, 1.
Родопа, город во Фракии II 96, 1, 2; 98, 4.
Родос, остров в Эгейском море VI 4, 3; VIII 41, 1; 44, 1—3; 45, 1; 52; 55, 1, 2; 60, 2; 61, 2.
Родосцы, жители Родоса III 8, 1; VI 43; VII 57, 6, 9; VIII 44, 2, 4; 55, 1.

Сабилинф, опекун царя молоссов II 80, 6.
Садок, фракиец II 29, 5; 67, 2.
Сакон из Занклы, основатель Гимеры VI 5, 1.
Саламин, остров против Афин I 73, 4; 137, 4; II 93, 4; 94, 1—4; III 17, 2; 51, 2; VIII 94, 1.
Саламин, город на Кипре I 112, 4.
Саламиния, афинский государственный корабль III 33, 1, 2; 77, 3; VI 53, 1; 61, 4, 6, 7.
Салеф, лакедемонянин III 25, 1; 27, 2; 35, 1; 36, 1.
Салинфий, царь агреев III 111, 4; 114, 2; IV 72, 2.
Самеи, жители города Сама на о. Кефаллении II 30, 2.
Салинф, город Арголиды V 58, 5.
Самос, остров Эгейского моря I 13, 6; 115, 2, 3; 116, 1, 3; IV 75, 1; VIII 16, 1, 2; 17, 1; 19, 4; 21; 25, 1; 27, 4, 6; 30, 1, 2; 33, 2—4; 35, 3, 4; 38, 5; 39, 3; 41, 3, 4; 43, 1; 44, 3; 47, 2; 48, 1, 2; 50, 3—5; 51, 1, 2; 53, 1; 56, 4; 60, 3; 63, 2—4; 68, 3; 72, 1; 73, 1, 2, 4; 74, 3; 75, 2; 76, 4, 5; 77; 79, 1, 2, 4—6; 80, 4; 81, 1, 2; 85, 4; 86, 1, 4, 7—9; 88; 89, 1, 2, 4; 90, 1—3; 96, 2; 97, 3; 99; 100, 1, 4; 108, 1, 2.
Сана, город на Акте IV 109, 3, 5.
Сандий, холм в Карии III 19, 2.
Саргей, синопец VII 19, 4.
Сарды, город Лидии I 115.
Севф, царь одрисов II 97, 3; 101, 5, 6; IV 101, 5.
Селинунт, город Сицилии VI 4, 2; 20, 3; 47, 48; 62, 1; VII 50, 1, 2.
Сермилии, халкидяне I 65, 2; V 18, 8.
Сест, город на Херсонесе I 89, 2; VIII 62, 3; 102, 1; 104, 1; 107, 1.
Сибарис, река Сицилии VII 35, 1.
Сиботы, гавань Феспротиды I 50, 3; 52, 1; III 76.
Сиботы, острова около Керкиры I 47, 1; 54, 1.
Сигей, город Троады VI 59, 4; VIII 101, 3.

Сидусса, крепость в эрифрейской области VIII 24, 2.
Сика, место около Сиракуз VI 98, 2.
Сикан, река Иберии VI 2, 2.
Сикан, сын Эксекеста, сиракузянин VI 73; VII 46; 50, 1; 70, 1.
Сикания, прежнее название Сицилии VI 2, 2, 5.
Сиканы, жители Сикании V 2, 2, 3; 62, 3.
Сикион, город Пелопоннеса I 111, 2; II 80, 3; IV 70, 1; V 81, 2.
Сикиония, область Сикиона IV 101, 3.
Сим, основатель Занклы VI 5, 1.
Сима, остров между Родосом и Книдом VIII 41, 4; 42, 1, 4; 43, 1.
Симеф, река Сицилии VI 65, 1.
Симонид, афинский стратег IV 7.
Сингии, халкидяне V 18, 6.
Синойкии, афинский праздник II 15, 1; III 2, 3.
Синты, фракийское племя II 98, 1, 2.
Сиракузы, город Сицилии V 4, 3, 4; VI 3, 2, 3; 4, 3; 5, 1—3; 20, 3; 32, 3; 37, 2; 48; 49, 1; 50, 4; 52, 1; 63, 1; 65, 2; 71, 2; 75, 4; 78, 2; 88, 10; 104, 1; VII 1, 1, 5; 2, 1, 4; 21, 1; 25, 4; 28, 3; 32, 1; 42, 3, 5; 48, 2; 49, 1; 50, 1; 57, 1; VIII 83, 3.
Ситалк, царь фракийцев II 29, 1, 2, 4, 5, 7; 67, 1, 2; 95, 1; 97, 3; 98, 1; 99, 4; 101, 1, 6; IV 101, 5.
Сифы, город Беотии IV 76, 3; 77, 1, 2; 89, 1, 2; 90, 1; 103, 3.
Сицилийский залив, между Сицилией и Элладой VI 13, 1.
Сицилийское море IV 24, 5; 53, 3; VI 13, 1.
Сицилия, остров у южной оконечности Италии I 12, 4; 14, 2; 17; 18, 1; 36, 2; 44, 3; II 7, 2; 65, 11, 12; III 86, 1, 4; 88, 1; 90, 1; 99; 103, 1; 115, 1, 3; 116, 1, 2; IV 1, 1, 2; 2, 2; 5, 2; 24, 1, 4, 5; 25, 12; 46, 1; 47, 2; 48, 6; 58; 59, 1; 60, 1; 61, 1, 3; 64, 5; 65, 2; 3; 81, 2; V 4, 1, 2; 5, 1; VI 1, 1, 2; 2, 2—6; 3, 1; 4, 1, 6; 6, 1; 7, 1; 8, 1, 2, 4; 9, 1; 11, 5, 7; 15, 2; 17, 2; 18, 4; 30, 1; 33, 2; 34, 1, 4; 37, 1, 2; 42, 2; 43; 44, 4; 48; 61, 4—6; 62, 2; 63, 2; 73; 76, 2; 77, 1; 80, 2; 85, 3; 86, 4; 88, 1, 8; 90, 2; 91, 3, 4; 92, 5; 93, 2, 4; 94, 1; 104, 1; VII 1, 1; 3, 1; 4, 7; 7, 2; 11, 2; 12, 1; 13, 2; 15, 1, 2; 16, 2; 17, 2, 3; 18, 1, 4; 19, 3; 20, 2; 21, 1; 25, 1; 26, 1, 3; 27, 1; 28, 3; 31, 1, 3; 33, 2; 34, 1; 46; 50, 1, 2; 51, 1; 57, 1, 11; 58, 2, 3; 66, 2; 68, 3; 73, 1; 77, 4; 80, 2; 85, 3; 87, 6; VIII 1, 1, 2; 2, 1, 3; 4; 13; 26, 1; 96, 1; 106, 2.
Скандея, приморский город о. Кифер IV 54, 4.
Скелий, афинянин VIII 89, 2.
Скиллей, мыс Арголиды V 53.
Скиона, город на Паллене IV 120, 1, 2; 122, 4; 123, 2; 129, 2; 130, 7; 131, 3; 132, 1; 133, 4; V 2, 2; 18, 7.
Скиритида, область Лаконии V 33, 1.
Скириты, отряд войска лакедемонян V 67, 1; 68, 3; 71, 2, 3; 72, 1, 2.
Скиронид, фиванец VIII 25, 1; 54, 3.
Скирос, остров Эгейского моря I 98, 2.
Скирфонд, фиванец VII 30, 3.
Скол, город близ Олинфа на Халкидике V 18, 5.
Скифы, племя, соседнее с гетами II 96, 1; 97, 5, 6.
Скомбр, город Фракии II 96, 3, 4.
Сократ, афинский военачальник II 23, 2.
Солигей, холм подле Коринфа IV 42, 2.
Солигея, селение в Коринфской области IV 42, 2; 43, 1, 5.
Соллий, город Акарнании II 30, 1; III 95, 1; V 30, 2.
Солоент, город Сицилии VI 2, 6.
Состратид, отец Софокла, афинянин III 115, 5.
Софокл, сын Состратида, афинянин III 115, 5; IV 2, 2; 3, 1; 46, 1; 65, 3.
Спарадок, царь одрисов II 101, 5; IV 101, 5.
Спарта, город лакедемонян I 86, 5; 128, 1, 7; 131, 1, 2; II 2, 1; 21, 1; 25, 2; III 54, 5; IV 3, 2; 15, 1; 53, 2; 81, 1; 132, 3; V 14, 3; 72, 1.
Спартиаты, господствующий класс в Спарте I 128, 3; 131, 1; 132, 1, 5; II 12, 1; 25, 2; 66, 2; III 100, 2; IV 8, 1; 11, 2; 38, 5; V 9, 9; 15, 1; 63, 4; VI 91, 4; VII 19, 3; 58, 3; VIII 7, 11, 2; 22, 1; 39, 1, 2; 61, 1; 91, 2; 99, 1.
Спартол, город Боттиеи II 79, 2, 3, 5; V 18, 5.
Спирей (Пирей), коринфская гавань VIII 10, 3; 11, 3; 14, 2; 15, 1, 2; 20, 1.
Стаг, перс, подчиненный Тиссаферну правитель VIII 16, 3.
Стагир, город Халкидики IV 88, 2; V 6, 1; 18, 5.
Стесагор, афинский военачальник I 116, 3.
Стиры, город на Евбее VII 57, 4.
Стифон, лакедемонский военачальник IV 38, 1, 2.
Стратии, жители Стратоса II 81, 2. 8; III 106; 1, 2.
Стратоника, сестра Пердикки II 101, 6.
Стратос, город Акарнании II 80, 8; 82; 83, 1; 84, 5; 102, 1, 2.

Стреб, отец Леократа, афинянин I 105, 2.
Стрепса, город Мигдонии I 61, 4.
Стримон, река Фракии I 98, 1; 100, 3; II 96, 3; 97, 2; 99, 3, 4; 101, 3; IV 50, 1; 102, 1, 3; 108, 1, 6; V 7, 4.
Стромбих, афинянин I 45, 2.
Стромбихид, афинский военачальник VIII 15, 1; 16, 1, 2; 17, 1, 3; 30, 2; 62, 2; 63, 1; 79, 3, 5.
Стронгила, один из Эоловых островов III 88, 2.
Строфак, фарсалец IV 78, 1.
Суний, мыс Аттики VII 28, 1; VIII 4; 95, 1.
Сфактерия, остров перед Пилосом IV 6—8; 13, 2; 24, 3; 30, 1, 2; 31, 1; 33, 1; 36, 2; 55, 3; 108, 7; V 14, 3; 15, 1; 24, 2; 75, 3; VII 86, 3.
Сфенелаид, лакедемонский эфор I 85, 3; 86.
Сфенелаид, отец Алкимена, лакедемонянин VIII 5, 1.

Тавлантии, иллирийское племя I 24, 1.
Тавр, лакедемонянин IV 119, 2.
Тамос, перс, подчиненный Тиссаферну правитель Ионии VIII 31, 2; 87, 1, 3.
Танагра, город Беотии I 108, 1; III 91, 3, 5; IV 91; 97, 1; VII 29, 2.
Танагрейцы, жители Танагры I 108, 3; III 91, 5; IV 93, 4.
Танагрейская область IV 76, 4.
Тантал, лакедемонянин IV 57, 4.
Тарант, город Италии VI 34, 4, 5; 44, 2; 104, 1, 2; VIII 1, 1; VIII 92, 2.
Тевтиапл, элеец III 29, 2; 30.
Тевтусса, остров у Галикарнасса VIII 42, 4.
Тегея, город Аркадии V 32, 3; 62, 1, 2; 64, 1, 3; 65, 4; 74, 2; 75, 1; 76, 1; 78; 82, 3.
Теллид, отец Брасида, лакедемонянин II 52, 2; III 69, 1; IV 70, 1; V 19, 2; 24, 1.
Теллий, сиракузянин VI 103, 4.
Темениды, цари македонян из Аргоса II 99, 3.
Теменит, участок в южной части Сиракуз VI 75, 1; 100, 2.
Теменитский холм, около Сиракуз VII 3, 3.
Тенар, мыс Лаконии I 128, 1; 133; VII 19, 4.
Тенедос, остров у берегов Троады III 28, 2; 35, 1.
Тенедосцы, жители Тенедоса III 2, 3; VII 57, 5.
Теос, город Ионии VIII 16, 1; 19, 3; 20, 2.
Теосцы, жители Теоса III 32, 1; VIII 16, 3; 19, 3; 20, 2.
Терей, миф., муж Прокны II 29, 3.
Терес, царь одрисов II 29, 1—3.
Терий, река Сицилии VI 50, 4; 94, 2.
Теринский залив, в Италии VI 104, 2.
Тидей, сын Иона, хиосец VIII 38, 3.
Тилатей, фракийское племя II 96, 4.
Тимагор, кизикенец VIII 6, 1; 8, 1; 39, 1.
Тимагор, тегеец II 67, 1.
Тиманор, коринфянин I 29, 2.
Тиманф, отец Тиманора, коринфянин I 29, 2.
Тимократ, коринфянин II 33, 1.
Тимократ, афинянин III 105; V 19, 2; 24, 1.
Тимократ, лакедемонянин II 85, 1; 92, 3.
Тимоксен, коринфянин II 38, 1.
Тиндарей, миф., отец Елены I 9, 1.
Тирсения, область Италии VI 86, 6; 103, 2.
Тирсенское море и залив IV 24, 5; 62, 2; VII 58, 2.
Тисамен, трахинец III 92, 2.
Тисандр, этолиец III 100, 1.
Тисий, сын Тисимаха, афинянин V 84, 3.
Тисимах, отец Тисия, афинянин V 84, 3.
Тиссаферн, персидский сатрап VIII 5, 4, 5; 6, 1—3; 16, 3; 17, 4; 18, 1; 20, 2; 25, 2; 26, 3; 28, 2—4; 29, 1; 35, 1; 36, 2; 37, 1; 43, 2, 4; 44, 1; 45, 1, 2, 4, 6; 46, 1, 5; 47, 1, 2; 48, 1; 49; 50, 2, 3; 52; 53, 2; 54, 2, 4; 56, 1—4; 57, 1; 58, 1, 5—7; 59; 63, 3; 65, 2; 78; 80, 1—3; 82, 2, 3; 83, 1—3; 84, 4, 5; 85, 1—4; 87, 1—6; 88; 99; 108, 1, 3, 4; 109, 1.
Тихий, город Этолии III 96, 2.
Тихиусса, стоянка пелопоннесцев около Милета VIII 26, 3; 28, 1.
Тлеполем, афинянин I 117, 2.
Толмей, афинянин I 108, 5; 113, 1.
Толмей, афинянин, отец Автокла IV 53, 1; 119, 2.
Толмид, афинянин I 108, 5; 113, 1.
Толмид, платеец, отец Феенета III 20, 1.
Толоф, офионянин III 100, 1.
Толофонии, племя локров III 101, 2.
Томей, местность у Пилоса IV 118, 4.
Торилай, фессалиец IV 78, 1.
Торона, город Халкидики IV 110, 1; 120, 3; 122, 2; 129, 1; 132, 3; V 2, 3; 3, 2, 3, 6; 6, 1.
Трагия, остров у Самоса I 116, 1.
Трахиния, область средней Греции III 92, 1; 100, 2; IV 78, 1.

Трезен, город Арголиды I 115, 1; IV 21, 3; 45, 2; 118, 4.
Трезения, область Трезена I 27, 2; II 56, 5; IV 45, 2; VIII 3, 2.
Треры, фракийское племя II 94, 4.
Трибаллы, иллирийское племя II 96, 4; IV 101, 5.
Тринакрия, прежнее название Сицилии VI 2, 2.
Триопий, мыс в Книдской области VIII 35, 2—4; 60, 2.
Триподиск, селение в Мегариде IV 70, 1, 2.
Тритеяне, племя локров III 101, 2.
Троада, область Трои в Малой Азии I 131, 1.
Тротил, местность в Сицилии VI 4, 1.
Троя, город в Малой Азии I 8, 4; 11, 2; 120, 1; VI 2, 3.

Фагрет, город Фракии II 99, 3.
Фаинида, жрица аргосцев IV 133, 3.
Факий, город Фессалии IV 78, 5.
Фалер, гавань Афин I 107, 1; II 13, 7.
Фалий, коринфянин, основатель Эпидамна I 24, 2.
Фанотей, город фокидян IV 89, 1.
Фанотида, область Фокиды IV 76, 3.
Фаны, мыс на о. Хиосе VIII 24, 3.
Фапс, полуостров Сицилии VI 4, 1; 97, 1, 2; 99, 4; 101, 3; 102, 3; VII 49, 2.
Фарак, лакедемонянин IV 38, 1.
Фарин, царь молоссов II 80, 6.
Фарнабаз, сын Фарнака, персидский сатрап II 67, 1; VIII 6, 1, 2; 8, 1; 39, 1, 2; 62, 1; 80, 1, 2; 99; 109, 1.
Фарнак, перс, отец Артабаза I 129, 1.
Фарнак, перс, сын Фарнабаза II 67, 1; V, 1; VIII 6; 58, 1.
Фарос, остров на Ниле в Египте I 104, 1.
Фарсал, город Фессалии I 111, 1; II 22, 3; IV 78, 1, 5.
Фарсальцы, жители Фарсала II 22, 3; VIII 92, 8.
Фаселида, город Ликии II 69, 1; VIII 88; 99; 108, 1.
Фасос, остров у берегов Фракии I 100, 2; IV 104, 4; 105, 1; VIII 64, 3—5.
Феаген, афинянин IV 27, 3; 19, 2; 24, 1.
Феаген, тиран Мегар I 126, 3, 5.
Феак, афинянин V 4, 5; 5.
Феаки, миф., племя на Керкире I 25, 4.
Федим, лакедемонянин V 42, 1.
Феенет, платеец III 20, 1.
Фемистокл, знаменитый афинский государственный деятель I 14, 3; 74, 1; 90, 3; 91, 1, 3, 4; 93, 3; 135, 2; 136, 1; 137, 3, 4; 138, 3, 6.
Фенипп, афинянин IV 118, 10.
Феодор, афинянин III 91, 1.
Феолит, акарнан II 102, 1.
Фера, остров Эгейского моря II 9, 4.
Ферейцы, фессалийское племя II 22, 3.
Ферамен, афинянин, сын Гагнона VIII 68, 4; 89, 2; 90, 3; 21, 1, 2; 91, 1, 2; 92, 2, 3, 6, 9, 10; 94, 1.
Феримен, лакедемонянин VIII 26, 1; 29, 2; 31, 1; 36, 2; 38, 1; 43, 3; 52.
Ферма, город Македонии I 61, 2; II 29, 6.
Фермон, лакедемонянин VIII 11, 2.
Фермопилы, горный проход в Локриде II 101, 2; III 92, 6; IV 36, 3.
Фесей, миф., царь Афин II 15, 1, 2.
Фесейон, храм Фесея на Акрополе в Афинах VI 61, 2.
Феспии, город Беотии IV 76, 3.
Феспротида, область Эпира I 30, 3.
Феспроты, жители Феспротиды III 80, 5.
Фессал, афинянин, сын Писистрата I 20, 2; VI 55, 1.
Фессалия I 2, 3; 111, 1; IV 78, 2; 79, 1; 132, 2; V 13, 1; 14, 1; VIII 43, 3.
Фиам, гора в области агреев III 106, 3.
Фиамис, река Эпира I 46, 4.
Фивы, город Беотии I 90, 2; II 5, 2; III, 22, 7; 24, 2; IV 76, 2; 91.
Филемон, афинянин II 67, 2.
Филид, фиванец II 2, 1.
Филипп, лакедемонянин VIII 28, 5; 87, 6; 90.
Филипп, македонянин, брат Пердикки I 57, 3; 59, 2; 61, 4; II 95, 3; 100, 3.
Филократ, афинянин V 116, 3.
Филоктет, миф. герой I, 10, 4.
Филохарид, лакедемонянин IV 119, 2; V 19, 2; 21, 1; 24, 1; 44, 3.
Фимохар, афинянин VIII 95, 2.
Финикия, страна Малой Азии II 69, 1; VI 46, 3.
Финикунт, гавань у Миманта VIII 34.
Фирея, город Кинурии II 27, 2; IV 56, 2; 57, 3; V 41, 2; VI 95, 1.
Фирейская область II 27, 2; VI 95, 1.
Фирк, крепость в Элиде V 49, 1.
Фиска, город Македонии II 99, 5.
Фисс, город на Акте IV 109, 3; V 35, 1.
Фития, город Акарнании III 106, 2.
Фия, город Элиды II 25, 3—5; VII 31, 1.
Флиунт, город Пелопоннеса IV 133, 3; V 57, 2; 58, 1, 2.
Флиунтская область V 83, 3; 115, 1; VI 105, 3.

Фокеи, селение возле Леонтин в Сицилии V 4, 4.
Фокея, город Ионии VIII 31, 3.
Фокейская область VIII 102, 2.
Фокида, область в Средней Греции I 108, 3; II 29, 3; IV 76, 3.
Форик, дем Аттики VIII 95, 1.
Формион, афинянин I 64, 2; 65, 2; 117, 2; II 29, 6; 58, 2; 68, 7; 69, 1; 80, 4; 81, 1; 83, 1, 2; 84, 1; 85, 4; 86, 2; 88, 1; 90, 1, 2; 92, 7; 102, 1; 103, 1; III 7, 1; 17, 4.
Фотий, вождь хаонов II 80, 5.
Фракийское побережье I 59, 1; 60, 3; 68, 4; II 9, 4; 29, 4; 67, 4; III 92, 4; IV 7; 78, 1; 82; 104, 4; V 2, 1; 12, 1; 21, 1; 80, 2; VIII 64, 2.
Фракия, область Северной Греции I 100, 2, 3; 130, 1; II 29, 2, 3; 67, 1, 3; IV 101, 5; 105, 1; V 6, 2; 7, 4; 34, 1; 67, 1; VII 27, 2.
Фрасибул, афинянин VIII 73, 4; 75, 2; 76, 2; 81, 1; 100, 4; 104, 3; 105, 2, 3.
Фрасикл, афинянин V 19, 2; 24, 1; VIII 15, 1; 17, 3; 19, 2.
Фрасил, аргосец V 59, 5; 60, 6; VIII 73, 4; 75, 2; 76, 2; 100; 104, 2; 105, 2, 3.
Фрасимелид, спартиат IV 11, 2.
Фриасийская равнина, в Аттике II 19, 2; 20, 3; 21, 1.
Фригия, селение Аттики II 22.
Фринис, лакедемонский периэк VIII 6, 4.
Фриних, афинянин VIII 25, 1; 27, 1, 5; 48, 4; 50, 1, 4; 51, 1, 2; 54, 3; 68, 3; 90, 1, 2; 92, 2.
Фрия, селение в Аттике I 114, 2; II 21, 1.
Фроний, город эпикнемидских локров II 26, 2.
Фтиотида, область Греции I 3, 2, 3; VIII 3, 2.
Фукидид, афинянин I 117, 2.
Фукидид, афинянин, сын Олора, историк I 1, 1; II 70, 4; 103, 2; III 25, 2; 88, 4; 116, 3; IV 51; 104, 4; 105, 1; 106, 3; 135, 2; V 26, 1; VI 7, 4; 93, 4; VII 18, 4; VIII 6, 5; 60, 3.
Фукидид, фарсалец VIII 92, 8.
Фукл, афинянин III 80, 2; 91, 4; 115, 5, VII 16, 2.
Фукл, халкидянин VI 3, 1, 3.
Фурии (Фурия), город в Италии VI 61, 7; 88, 9; VII 35, 5, 6.
Фурия, поселок периэков в Мессении I 101, 2.
Фурийская область VII 35, 1.
Халеи, племя локров III 101, 2.
Халка, остров у Родоса VIII 41, 4; 44, 3; 55, 1; 60, 3.
Халкида, город Евбеи VI 4, 5; VII 29, 2; VIII 95, 6.
Халкида, город в Этолии II 83, 3.
Халкидей, лакедемонянин VIII 6, 5; 8, 2; 11, 3; 12, 3; 14, 1, 2; 15, 1; 16, 1, 3; 17, 1—4; 19, 2; 24, 1; 25, 2; 28, 1; 32, 2; 36, 2; 43, 3; 45, 1.
Халкидика, полуостров на севере Греции I 65, 2; II 70, 4; 101, 5; VI 79, 1; 103, 1.
Халкидяне, жители Халкиды на Евбее I 15, 3; VI 3, 1; VII 57, 4.
Халкидяне в Сицилии III 86; IV 64, 3; VI 3, 3; 4, 1; 5, 1; 10, 5; 44, 3; 76, 2; 79, 2.
Хаоны, племя в Эпире II 68, 9; 80, 1, 5; 81, 3, 4, 6.
Харадр, место подле Аргоса V 60, 6.
Хареад, афинянин III 86; 90, 2.
Харибда, название пролива между Регием и Мессеной IV 24, 5.
Харикл, афинянин VII 20, 1—3; 26, 1, 3.
Хармин, афинянин VIII 30, 1; 41, 3, 4; 42, 2; 73, 3.
Херей, афинянин VIII 74, 1, 3; 86, 3.
Херонея, город Беотии I 113, 1; IV 76, 3.
Херсонес Коринфский, город IV 42, 2; 43, 2.
Херсонес Фракийский, город I 11, 1; VIII 62, 3; 99, 2; 102, 1; 104, 2.
Химерий, гавань в Феспротиде I 30, 3; 46, 3, 5; 48, 1.
Хионид, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Хиос, остров Эгейского моря I 116, 1; 117, 2; III 104, 5; VIII 6, 2, 4; 7; 8, 1, 2; 10, 2; 15, 1; 16, 1, 2; 17, 1; 20, 1; 23, 1, 5; 24, 2; 28, 5; 30, 1, 2; 31, 1; 32, 1, 2; 33, 2, 4; 38, 2, 5; 41, 1; 55, 2; 60, 2, 3; 62, 2; 63, 2; 64, 2; 99, 2; 100, 2; 101, 1.
Хойрады, острова напигов VII 33, 4.
Хрисида, жрица аргосцев II 2, 1; IV 133, 2, 3.
Хрисис, коринфянин II 33, 1.
Хриспп, миф., сын Пелопса I 9, 2.
Хромон, мессенец III 98, 1.

Эантид, тиран Лампсака VI 59, 3, 4.
Эанфяне, жители Локриды Озольской III 101, 2.
Эгалеи, город Аттики II 19, 2.
Эгейское море I 98, 2; IV 109, 2.

Эгеста, город в Сицилии VI 2, 3; 6, 3; 44, 4; 46, 1, 3, 5; 62, 1, 4; 88, 6; 98, 1.
Эгина, остров у берегов Аттики I 105, 2—4; 139, 1; 140, 3; II 27, 1; 31, 1; III 72, 1; V 53; VI 32, 2; VII 20, 3; 26, 1; 57, 2; VIII 92, 3.
Эгитий, город Этолии III 97, 2, 3.
Эдоны, фракийское племя I 100, 3; III 99, 4; IV 102, 3; 107, 3; 109, 4; V 6, 4.
Эетиония, плотина в Пирее VIII 90, 1, 3, 4; 91, 2; 92, 4.
Эйон, город Фракии I 98, 1; IV 50, 1; 102, 3; 104, 5; 106, 3, 4; 107, 1, 2; 108, 1; V 6, 1, 2; 103, 8, 10.
Эйон, город на Халкидике IV 7.
Эккрит, спартиат VII 19, 3.
Эксенест, сиракузянин VI 73.
Элафеболион, аттический месяц IV 118, 12; V 19, 1.
Элеатская область в Феспротиде I 46, 4.
Элевсин, город в Аттике I 114, 2; II 19, 2; 20, 3; 21, 1; IV 68, 5.
Элевсиний, святилище в Афинах II 17, 1.
Элеунт, город на Фракийском Херсонесе VIII 102, 1, 2; 103, 1, 2; 107, 2.
Элида, Элея, область Пелопоннеса II 25, 3; 66, 1; V 34, 1, 1; 47, 4, 9, 10; VI 88, 9.
Элимиоты, македонское племя II 99, 2.
Элимы, троянцы, переселившиеся в Сицилию VI 2, 3.
Эллада, страна на Балканском полуострове I 2, 1, 6; 3, 1; 5, 3; 6, 1, 2; 10, 2, 5; 12, 1, 4; 13, 1, 2; 14, 2; 17; 18, 1, 2; 23, 1; 31, 1; 32, 5; 35, 3; 68, 3; 69, 2; 77, 6; 88; 122, 3; 123, 1; 124, 3; 128, 7; 143, 1; II 8, 1, 4; 11, 2; 27, 2; 41, 1; 71, 2; III 32, 2; 54, 3; 57, 1; 62, 1, 5; 63, 3; IV 85, 1; 92, 4; 108, 2; 121, 1; VI 17, 5; 18, 4; 59, 3; 92, 5; VII 63, 3; 66, 2; VIII 2, 4.
Эллин, миф., сын Девкалиона I 3, 2.
Эллинское море, омывающее Грецию I 4.
Элломен, селение на о. Левкаде III 94, 1.
Элорская дорога в Сицилии VI 66, 3; 70, 4; VII 80, 5.
Эмбат, место подле Эрифр III 29, 2; 32, 1.
Эмпедий, лакедемонянин V 19, 2; 24, 1.
Эн, город Фракии IV 28, 4; VII 57, 5.
Эндий, лакедемонянин V 44, 3; VIII 6, 3; 12, 1—3; 17, 2.
Эней, коринфянин IV 119, 2.
Энеон, город Локриды III 95, 3; 98, 3; 102, 1.
Энесий, лакедемонский эфор II 2, 1.
Эниады, город Акарнании I 111, 3; II 82; 102, 2, 3, 6; III 7, 3; 94, 1; 114, 2; IV 77, 2.
Энналий, святилище Ареса у Мегар IV 67, 2.
Энианы, соседи гераклеотов в Фессалии V 51, 1.
Энипей, река Фессалии IV 78, 3.
Эннеакрунос, позднейшее название источника Каллирои в Афинах II 15, 3.
Энофиты, город Беотии I 108, 3; IV 95, 3.
Эноя, селение Аттики II 18, 19; VIII 98, 1.
Энтим, критянин, основатель Гелы VI 4, 3.
Энусские острова, перед Хиосом VIII 24, 2.
Эолад, фиванец IV 91.
Эолида, область в Азии III 31, 1; 102. IV 52, 3.
Эолийцы, жители Эолиды IV 42, 2; VII 57, 5; VIII 108, 4.
Эордия, область Македонии II 99, 5.
Эорды, жители Эордии II 99, 5.
Эпидавр, город Арголиды II 56, 4, 5; IV 45, 2; V 53; 55, 1; 56, 1, 5; 75, 5; 77, 1, 2; 80, 3; VI 31, 2; VIII 92, 3; 94, 2.
Эпидавр Лимера, город Македонии IV 56, 2; VI 105, 2; VII 18, 3; 26, 2.
Эпидаврия, область Эпидавра IV 45, 2; V 54, 3, 5; 55, 2, 4; VIII 10, 3.
Эпидамн, город в Ионийском заливе I 24, 1; 26, 1, 3; 27, 1; 28, 1, 4, 5; 29, 1; 4, 5; 34, 2; 38, 5; 146.
Эпикидид, лакедемонянин V 12, 1.
Эпикл, афинянин I 45, 2; II 23, 2.
Эпикл, лакедемонянин VIII 107, 2.
Эпикур, афинянин III 18, 3.
Эпиполы, возвышенность у Сиракуз VI 75, 1; 96, 1—3; 97, 1, 4, 5; 101, 1, 3; 102, 1; 103, 1; VII 1, 1; 2, 3; 4, 1; 5, 1; 42, 4; 43, 1, 2, 4; 44, 8; 45; 46; 47, 3.
Эпитад, лакедемонянин IV 8, 9; 31, 2; 33, 1; 38, 1; 39, 2.
Эрасинид, коринфянин VII 7, 1.
Эрасистрат, афинянин V 4, 1.
Эратоклид, коринфянин I 24, 2.
Эрес, город Лесбоса III 18, 1; 35, 1; VIII 23, 2; 100, 3—5; 101, 1; 103, 2.
Эретрия, город на Евбее VIII 60, 1; 95, 2, 4, 6.
Эрехфей, миф., царь Афин II 15, 1.
Эрикс, город сиканов в Сицилии VI 2, 3; 46, 3.

Эриксилаид, лакедемонянин IV 119, 2.
Эрипей, гавань Ахеи I 34, 1, 8.
Эриней, город Дориды I 107, 2.
Эриней, река Сицилии VII 80, 6; 82, 3.
Эрифрейская область в Ионии III 29, 2; 33, 2; VIII 24, 2; 33, 2.
Эрифры, город Беотии III 24, 2.
Эрифры, город Ионии VIII 24, 6; 28, 5; 32, 2; 33, 3.
Эсима, город Македонии IV 107, 3.
Эсимид, керкирянин I 47, 1.
Эсон, аргосец V 40, 3.
Этеоник, лакедемонянин VIII 23, 4.
Этна, гора Сицилии III 116.
Этолия, область Греции III 96, 1; 102, 5; 105, 3; 114, 1.
Эфес, город Ионии I 137, 2; III 32, 2; 33, 1; IV 50, 3; VIII 19, 3; 109, 1.
Эфесии, празднество III 104, 3.
Эфира, город Фесспротиды I 46, 4.
Эхекратид, царь фессалийцев I 111, 4.
Эхетимид, лакедемонянин IV 119, 2.
Эхинадские острова в устье Ахелоя II 102, 3.
Эфейцы, периэки в Лакедемоне I 101, 2.
Эфиопия, страна в Африке II 48, 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Книга первая 5
Книга вторая 65
Книга третья 113
Книга четвертая 163
Книга пятая 220
Книга шестая 262
Книга седьмая 311
Книга восьмая 353

ПРИЛОЖЕНИЯ

От переводчика 403
Г. А. Стратановский. Фукидид и его «История» 405
Примечания (составил *Г. А. Стратановский*) 439
Словарь древнегреческих терминов, встречающихся у Фукидида 515
Афинский календарь, античные меры длины и веса . . . 517
Список сокращений 518
Указатель имен и географических названий, упоминаемых Фукидидом 520

ФУКИДИД

ИСТОРИЯ

Утверждено к печати Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *В. А. Брацловский*
Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Н. И. Журавлева, Т. А. Румянцева и Г. В. Семеркова*

ИБ № 9027

Сдано в набор 25.01.80. Подписано к печати 16.06.80. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. 34+1 вкл. (³/₄ печ. л.)=40.65 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 43.85. Тираж 100 000 (1—25 000). Изд. № 7382. Тип. зак. 1099. Цена 5 р. 70 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12